

АРХИТЕКТУРА
ГОРОДОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
И
СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО
(XVII – начало XX в.)

1/13462

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный архитектурно-строительный университет»

В.П. Бойко

**Купечество Западной Сибири
в конце XVIII–XIX в.**
*Очерки социальной, отраслевой
и ментальной истории*

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Томск
Издательство ТГАСУ
2009

УДК 947.07/081(571.1)
ББК 63.3(2)47
Б 72

Бойко, В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории [Текст] : монография / В.П. Бойко / под ред. В.П. Зиновьева. – Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2009. – 308 с. – ISBN 978-5-93057-297-1.

Научный редактор доктор исторических наук **В.П. Зиновьев**

Монография посвящена проблемам формирования и функционирования купечества на территории Западной Сибири в условиях традиционного феодального и нового буржуазного общества. Анализируется динамика численности, эволюция социального, отраслевого, возрастного состава и образовательного уровня купечества, его социально-психологический облик и менталитет, показаны сильные стороны и историческая ограниченность сибирского купечества на протяжении более чем века.

Книга предназначена для профессиональных историков, архитекторов и реставраторов и всех интересующихся историей Сибири.

Рецензенты: доктор исторических наук **Ю.М. Гончаров**
доктор исторических наук **В.Н. Разгон**

ISBN 978-5-93057-297-1

© Томский государственный
архитектурно-строительный
университет, 2009
© В.П. Бойко, 2009

Светлой памяти моих родителей,
Бойко Петра Павловича
и Сваровской Александры Ивановны,
эту книгу посвящаю.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к истории западносибирского купечества вызван тем, что современная историческая наука активно включает в свой оборот малоисследованные проблемы прошлого страны, в число которых входит история купеческого сословия дореволюционной России. Это связано с тем, что в современной России активно возрождаются различные формы предпринимательства и довольно много людей вынуждено заниматься различными видами торговли, другими видами бизнеса, что неизбежно ставит вопрос о преемственности отечественного предпринимательства. Каким образом реализовывались планы в реальности, какие проблемы стояли перед нашими предками в осуществлении их деловой активности – все это требует немедленного ответа. Гармоничное здание современного предпринимательства возникает при пропорциональном соотношении различных его составляющих: политики, экономики, культуры и т. д. Историческое осмысление прошлого является одним из фундаментальных блоков этого сооружения, так как без преемственности в региональных, национальных и общемировых масштабах возможны просчеты и ошибки, ведущие к браку и перекосам возводимой конструкции. Необходимость изучения этой темы продиктована, кроме того, внутренней логикой развития науки, уделявшей купечеству до недавнего времени явно недостаточное внимание.

В этой связи необходимо пристально изучить составные элементы истории отечественного предпринимательства, определить политическую и ценностную ориентацию самих предпринимателей, дать объективную оценку их деятельности и подвергнуть анализу их вклад в экономическое и культурное развитие страны.

Всестороннее изучение купечества Западной Сибири, которое в рассматриваемый период представляло собой корпоративную, узкосословную организацию состоятельных граждан, тесно связанных с предпринимательской деятельностью, является важным обстоятельством, определяющим необходимость разработки поставленной в данном исследовании проблемы. Значимость представленной вниманию читателей книги дополняется еще и тем, что в исторической литературе до настоящего времени нет обобщающего труда по избранной теме, а также существуют значительные пробелы в описании истории российского и регионального купечества.

Изучение купечества Западной Сибири было начато в 70–80-е гг. XVIII в. участниками академических экспедиций П.С. Палласом, И.И. Лепехиным, И. Фальком¹. Приводимые ими сведения дают представление об облике городов Западной Сибири, численности и составе их населения, в том числе и местного купечества. Сочинения этих авторов носят описательный характер, и в отношении купечества и его торгово-промышленной деятельности в них нет четкой позиции. Тем не менее по их трудам можно проследить истоки официальной точки зрения на Сибирь, которую

---

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809. Ч. 1; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук по предложению ее президента. СПб., 1822. Т. 5. Окончание записок путешествия академика Лепехина; Там же. Т. 6. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824.

правительство рассматривало, прежде всего, как источник пополнения своей казны и с помощью которой предполагало решать другие меркантильные задачи.

Более четко эта позиция проявилась в трудах Ю.А. Гагемейстера, В.П. Безобразова, С.И. Гулишамбарова, А.А. Дунина-Горкавича, Н.Д. Путинцева и некоторых других авторов. Все они были чиновниками разных ведомств и свои труды писали в виде отчетов. Однако сделанные в этих работах выводы о социально-экономической жизни Сибирского региона позволяют отнести их к научным исследованиям. Сибирь в их трудах предстает как один из источников приумножения могущества Российской империи, и местное купечество должно было выступать своеобразным инструментом по извлечению сибирских богатств в пользу государства. Для более эффективного использования местных ресурсов в Сибири необходимо было строить и улучшать местные пути сообщения, привлекать сюда торговцев и ремесленников из Европейской России, организовывать вывоз сибирских продуктов на российские ярмарки. Труды названных авторов содержат сведения о численности западносибирского купечества, дают характеристику торговли и промыслов Западной Сибири, обрисовывают условия купеческого предпринимательства во второй половине XIX в.²

Видное место в историографии западносибирского купечества занимали областники: Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, А.В. Адрианов, П.М. Головачев и другие. Они рассматривали Сибирь как колонию России и полагали, что Сибирь пойдет по пути особого экономического развития, который должен будет иметь сходство с аналогичными процессами в Северной Америке. С одной стороны, у них сложилось сочувственное отношение к купечеству и буржуазии Сибири. Это проявлялось в том, что подчеркивались заслуги купечества в распространении в крае просвещения, отмечались его региональные особенности, ставилась в заслугу западносибирскому купечеству его благотворительная деятельность. По мнению областников, сибирское купечество должно было превратиться в буржуазию американского типа и выступить главным организатором жизни сибирского общества на новых, независимых от России началах.

С другой стороны, областники видели ограниченность, корыстолюбие, зависимость западносибирского купечества от местной администрации и клеймили его в духе М.Е. Салтыкова-Щедрина, давали ему такие характеристики, которые не оставляли надежд на то, что купцы станут достойными лидерами в переустройстве сибирского общества³. Самыми мягкими из них были намеки на низкий культурный уровень и простонародное происхождение купцов: «чумазы», «сибирские Кондраты», «колупаевы». Другие прозвища указывали на грубые формы обогащения купцов, игнорирование ими общественных интересов: «хищники», «разуваевы», «лисицы и волки» и т.д. В трудах А.В. Адрианова, напротив, несколько идеализировалось прошлое Сибири, и в этом свете деятельность томских купцов приобретала характер «доброй патриархальщины», а «кондовые устои» их образа жизни благотворно влияли на формирование облика⁴.

Придерживались положительной оценки роли купечества в экономике Сибири и либеральные историки и экономисты: М.Н. Соболев, М.И. Боголепов, П.И. Лященко, А.А. Кауфман и некоторые другие. Они, как и областники, расценивали степень экономического развития края как зачаточную и отсталую. Методологической основой трудов ученых этого направления было обоснование теории о культурной и облагораживающей роли капитализма на окраинах России. В трудах содержится богатый материал по истории отдельных отраслей сибирского хозяйства, который был необходим для доказательства самобытного пути развития Сибири. Например, М.Н. Соболев и М.И. Боголепов дали краткую характеристику русско-монгольской торговле через южные границы Западной Сибири и решающей роли в ней бийских купцов. В трудах А.А. Кауфмана можно

² Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854 Ч. 1–3; Безобразов В.П. Города Западной Сибири: Омск, Тюмень, Петропавловск, Семипалатинск. СПб., 1854; Путинцев Н.Д. Статистический очерк Томской губернии. Самара, 1892; Гулишамбаров С.И. Торговля, промышленность и пути сообщения в Сибири. СПб., 1893; Дунина-Горкавич А.А. Тобольский север. СПб., 1904. Т. 1–3.

³ См., например: Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908; Головачев П. Экономическая география Сибири. М., 1914; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892; Его же. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.

⁴ Адрианов А.В. Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 101.

проследить влияние переселенческого движения на развитие хозяйства Западной Сибири и, соответственно, на изменение форм предпринимательской деятельности у местного купечества. Хорошее знание экономики края позволило историкам либерального направления дать довольно объективную характеристику деятельности западносибирского купечества и раскрыть некоторые принципы организации его предпринимательства в Сибири⁵.

Представители демократического направления исторической мысли также уделяли большое внимание проблемам социально-экономического развития края, формированию здесь новых отношений в период зарождения и развития капитализма. С этих позиций В.В. Берви-Флеровский давал свои характеристики наиболее видным представителям западносибирского купечества в середине XIX в., говорил о грубой эксплуатации ими рабочих на золотых промыслах и в обрабатывающей промышленности, показывал методы первоначального накопления капиталов в торговле и на транспорте. Такая характеристика западносибирского купечества, которое являлось ядром формирующейся буржуазии, была близка к марксистской точке зрения и во многом разделялась классиками марксизма. Автор подводил читателя к мысли о хищнической природе сибирского купечества, о невозможности революционерам сотрудничать с ним в деле социального переустройства общества⁶.

Многие сведения о сибирской золотопромышленности и крупнейших купцах-золотопромышленниках содержатся в известной книге представителя либерального народничества В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах». Автор стремился примирить интересы хозяев приисков и приисковых рабочих, придать их отношениям взаимовыгодный характер, что, по его мнению, дало бы возможность более эффективно разрабатывать сибирские недра. Он справедливо призывал сибирских золотопромышленников, среди которых были и западносибирские купцы, принять участие в улучшении материального положения и быта рабочих: «Более нормальная постановка промышленного труда, без сомнения, одна из главных задач нашего времени... и частные лица, которых судьба сделала участниками в ведении промышленных предприятий, обязаны позаботиться об облегчении тяжелой доли рабочего»⁷.

Сибирский публицист демократического направления И.С. Левитов хорошо знал методы обогащения сибирских купцов и, с одной стороны, обличал примитивное хищничество западносибирских предпринимателей (винокурных заводчиков, торговцев, судовладельцев), а с другой – идеализировал деятельность некоторых сибирских капиталистов. Особое внимание он уделял характеристике тюменских купцов, их крепнувшим связям с уральскими и московскими деловыми людьми и известными торгово-промышленными фирмами⁸. С демократических позиций рассматривали социально-экономическую историю Сибири и место в ней купечества С. Чудновский, Д. Клеменц, Ф. Волховский, С. Швецов и другие. Названные авторы при аргументации своих положений редко прибегали к использованию широкого фактического материала, но были очевидцами многих событий второй половины XIX в. и в своих, большей частью публицистических, произведениях давали негативную оценку деятельности купечества Западной Сибири в целом и отдельным его представителям. Исключением среди них являются работы С.П. Швецова о состоянии обрабатывающей промышленности на Алтае, но они скорее были сводками статистических данных об этой отрасли, чем научными трудами.

Таким образом, работы дореволюционных авторов оставили свой след в изучении истории западносибирского купечества в изучаемый период. Характеристика купечества и основных условий его коммерческой, общественной и частной жизни была только намечена. Социально-

⁵ Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 169–200; *Соболев М.* Добывающая и обрабатывающая промышленность // Там же. С. 169–200; *Боголепов М.И.*, *Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. Томск, 1911; *Лященко П.И.* Экономическое развитие Сибири // Энциклопедический словарь Гранат. Пг., 1916. Т. 38. С. 468–490; *Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.

⁶ *Берви-Флеровский В.В.* Положение рабочего класса в России // Избранные экономические произведения. М., 1958. Т. 1.

⁷ *Семевский В.И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. II. С. 817.

⁸ *Левитов И.С.* Сельскохозяйственные нужды Западной Сибири. М., 1892; *Его же.* Сибирские монополии. СПб., 1892; *Его же.* Сибирские коршуны. СПб., 1894; *Его же.* Сибирское пароходство. Екатеринбург, 1901.

политические позиции, с которых рассматривалась эта проблема, мало влияли на информативную и научную значимость рассматриваемых здесь работ. Авторы оперировали в основном одними и теми же фактами из социально-экономической истории региона и старались использовать их в своих политических интересах. Недостаточная разработка темы объяснялась малочисленностью профессиональных историков и научных центров в Сибири, недостаточным интересом общества к социальным и экономическим проблемам истории края.

В советское время история западносибирского купечества изучалась довольно слабо и вяло. Согласно господствующей идеологии, капитализм должен был повсеместно уступить место социализму, и серьезно изучать историю сословий и классов, выступавших в роли строителей капиталистического общества, до недавнего времени было бесперспективно. Поэтому малоизученность проблем социально-экономического развития Сибири во многом определяла тезисный характер первых советских исследований. В 20–30-е гг. практически не появилось отдельных работ по истории купечества Западной Сибири. Упоминание о нем в публицистике и периодической печати того времени сопровождалось негативной оценкой, характеристикой его как сословия, паразитирующего на теле трудового народа и справедливо подвергнувшегося уничтожению.

Близкими по духу к работам дореволюционного демократического направления были изданные в 1921 г. в Омске лекции профессора Н. Огановского. Автор развивал здесь не новые уже в сибирской литературе взгляды о неразвитости в Сибири капитализма и отсталости форм ее народнохозяйственной жизни. В связи с этим сибирскому купечеству, а затем и буржуазии отводилась важная роль в деле постепенного прогрессивного развития края. Однако автор мало внимания уделял характеристике отдельных представителей западносибирского купечества, так как не был профессиональным историком и имел под рукой работы преимущественно статистического и экономического характера из периодической печати того времени⁹.

В связи со слабой изученностью темы авторы «Сибирской Советской энциклопедии» в конце 20 – начале 30-х гг. не смогли дать обобщающий очерк по истории сибирского купечества и буржуазии, определить их вклад в экономическое и общественное развитие сибирского региона. По их мнению, «обрабатывающая промышленность в дореволюционный период почти не развивалась и носила кустарный характер, а в добывающей промышленности преобладали формы примитивного накопления»¹⁰. Столь же пренебрежительно авторы энциклопедии отзывались об отдельных представителях сибирского купечества. Подобная постановка проблемы социально-экономического развития Сибири была характерна для большинства работ 20–30-х гг., она сводила роль регионального купечества и буржуазии к роли эксплуататора народных масс, хищника и паразита, не имевших и малейшей исторической перспективы.

Кроме идеологической заданности, специальное изучение истории купечества и буржуазии в то время сдерживалось малочисленностью профессиональных историков, отсутствием академических исследовательских центров по изучению прошлого Сибири, сосредоточением усилий историков на изучении революционного движения.

Едва ли не единственным исключением в период 30–40-х гг. являются книги известного экономиста, профессора Императорского Томского университета П.И. Лященко. Он разработал методику изучения крупной буржуазии с марксистских позиций, осветил историю формирования московской буржуазии, где видную роль играл приток купеческих капиталов с окраин Российской империи, в том числе из Западной Сибири. Однако П.И. Лященко по-прежнему характеризовал экономику Сибири как экономику земледельческой колонии, недооценивал масштабы и глубину процесса капиталистического накопления в этом регионе¹¹. Поэтому купечество окраин Российской империи, по мнению автора, было лишено самостоятельности и экономической силы и могло существовать там только при поддержке центра, главным образом Москвы. Для историков, изучающих региональное купечество, капитальный труд П.И. Лященко полезен, прежде всего, масштабным охватом огромного фактического материала с це-

⁹ Огановский Н. Народное хозяйство Сибири. Курс лекций. Омск, 1921.

¹⁰ Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1930. Т. 2. С. 398.

¹¹ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. 2. С. 519–539.

люю показать процесс капиталистического накопления в целом по стране и выявить роль отдельных территорий в этом процессе.

До настоящего времени сохранила научную ценность работа И.Ф. Гиндина «Русские коммерческие банки», дающая общий очерк истории возникновения капиталистического кредита в Сибири и в России в целом. В ней рассматривается деятельность западносибирских коммерческих банков, что позволяет проследить их влияние на развитие здесь капиталистических отношений, на процесс экономической модернизации и формирование новых социальных групп, в первую очередь, буржуазии. Автор приводит сведения о времени создания коммерческих банков в ряде городов Западной Сибири, объемах их операций, зависимости банков от политической и социально-экономической ситуации в стране. В связи с этим можно сделать выводы об уровне развития коммерческого кредита в западносибирском регионе и тесной связи его с процессом формирования здесь местного купечества¹².

Своеобразный «прорыв» в изучении купечества и буржуазии в Сибири был сделан только в середине 60-х гг. после выхода коллективных статей, где была намечена основная линия, которой необходимо было придерживаться, по мнению авторов, при изучении социально-экономической истории региона. Основная идея этих статей заключалась в том, что Сибирь во второй половине XIX в. находилась на капиталистическом пути развития с типичными для всей России чертами. Однако авторы отмечали некоторые особенности развития Сибири: запаздывание и замедленный характер экономических процессов и неравномерное развитие различных отраслей сибирского хозяйства, что делало очевидными переливание капиталов из одной отрасли в другую и, соответственно, различную степень зрелости западносибирского купечества и буржуазии. Конечно, в ограниченных рамках статьи авторы не могли привести конкретные данные по социально-экономической истории региона, рассказать о наиболее крупных купцах-предпринимателях того времени, но главной заслугой их являлось обращение к ранее непопулярной среди историков теме¹³.

Прямым результатом развития исторической науки в Сибири в этот период был выход в свет многотомной истории Сибири, где в первом разделе третьего тома была помещена написанная А.П. Бородавкиным глава «Торговля и пути сообщения. Торгово-промышленная буржуазия». Сибирское купечество и буржуазия рассматривались здесь как один из отрядов общероссийского купечества и буржуазии, отмечалось преобладание в их составе торговоростовщического элемента, практиковавшего в своей деятельности самые грубые методы первоначального накопления.

После выхода пятитомной «Истории Сибири» работа по изучению купечества и буржуазии активизировалась. В основном это касалось характеристики исторической ситуации в конце XIX – начале XX в. В 60–80-е гг. на эту тему были опубликованы многочисленные статьи и монография Г.Х. Рабиновича, диссертации и статьи И.Г. Мосиной, Л.А. Солопий, О.Н. Разумова. В работах В.Ф. Борзунова, В.А. Скубневского, Г.А. Бочановой, В.П. Зиновьева и других авторов эта тема рассматривается попутно при решении других задач. Знакомство с литературой другого, более раннего периода истории Сибири, помогает понять связь различных явлений эпохи, возможность проследить поведение сибирского купечества и буржуазии в эпоху социальных конфликтов начала XX в.

Наибольший вклад в дело изучения процесса формирования в Сибири крупной буржуазии и роли в нем местного купечества сделал Г.Х. Рабинович. В его монографии и многочисленных статьях (некоторые из них написаны в соавторстве) обобщен опыт исследователей по изучению данной темы, определены численность, состав и источники пополнения сибирской буржуазии в конце XIX – начале XX в., раскрыты основные черты ее деятельности, показан отраслевой состав сибирской буржуазии и роль в ее формировании местного купечества, сделаны характери-

¹² Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948

¹³ Бородавкин А.П., Рабинович Г.Х., Сухотина Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири (1861 – середина 90-х гг. XIX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1965. Вып. 2. С. 3–19; Бородавкин А.П., Говорков А.А. К истории торговли и торговоростовщического капитала в Сибири // Там же. С. 37–60.

ки наиболее выдающихся ее представителей¹⁴. Некоторые характеристики из этих работ использованы в данной монографии, хотя попутно и вносились некоторые изменения и коррективы, связанные с получением новых данных из разного рода источников и изменившейся в стране политической и социальной ситуации. Г.Х. Рабиновичем написан раздел «Буржуазия» в первом томе коллективного труда «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982), где освещается история сибирской буржуазии, прежде всего, с позиций ее классово-борьбы с пролетариатом. Широкий тематический охват проблем, связанных с формированием сибирской буржуазии, позволяет считать научное наследие Г.Х. Рабиновича основополагающим в деле изучения сибирского купечества и буржуазии.

Сибирскими историками освещены отдельные сферы социально-экономической жизни Западной Сибири в изучаемый период и процессы формирования в них купечества и буржуазии. В обрабатывающей промышленности эти процессы были рассмотрены в статьях Б.К. Андрищенко и монографиях Г.А. Бочановой и В.А. Скубневского¹⁵, в торговле – в уже названной статье А.П. Бородавкина и А.А. Говоркова, в работах барнаульского исследователя А.В. Старцева¹⁶, в транспорте – в работах В.Н. Большакова и Г.Х. Рабиновича¹⁷.

Истории г. Томска в феодальную эпоху посвящена книга Н.Ф. Емельянова. В рассматриваемое автором время здесь происходило зарождение и становление местного купечества, которое играло тогда ведущую роль в формировании всего западносибирского купечества. Однако в монографии удалось только наметить основные черты этого процесса. Данные об изменении численности и состава томского купечества и характеристика его деятельности лишены системности и полноты и носят спорадический характер, автору порой не хватает глубины и четкости анализа рассматриваемых явлений. Некоторые из подобного рода недостатков прослеживаются и в более поздней работе этого автора, которая посвящена истории г. Кургана¹⁸. Тем не менее Н.Ф. Емельянов одним из первых обратился к истории западносибирского купечества и назвал ранее неизвестные имена некоторых томских и курганских купцов, впервые использовал в своей работе источники по социально-экономической истории региона.

Работы ряда сибирских историков способствовали накоплению и обобщению сведений по истории западносибирского купечества. Так, в работах Н.М. Дмитриенко были изучены проблемы социально-экономического развития г. Томска, других городов Западной Сибири, выделена и проанализирована роль местного купечества в их истории. Многочисленные ста-

¹⁴ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975; *Его же*. Из истории буржуазии города Томска (конец XIX – 1914 г.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 6. С. 133–166; *Его же*. Обрабатывающая промышленность Сибири и Дальнего Востока накануне проведения Транссибирской железнодорожной магистрали // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 96–114; Рабинович Г.Х., Скубневский В.А. Буржуазия г. Барнаула (1861 – середина 90-х гг. XIX в.) // Из истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 1. С. 70–107; *Их же*. Буржуазия г. Барнаула (середина 90-х гг. XIX в. – 1914 г.) // Там же. С. 107–126.

¹⁵ Андрищенко Б.К. Обрабатывающая промышленность Сибири в период капитализма // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980. С. 32–56; *Его же*. Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири второй половины XIX в. // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1980. С. 23–43; *Его же*. Фабричное производство в обрабатывающей промышленности Сибири (1961–1895 гг.) // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX вв. Томск, 1980. С. 23–43; Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX вв. Новосибирск, 1978; Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991; *Его же*. Становление фабрики в обрабатывающей промышленности Сибири // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 40–50.

¹⁶ Старцев А.В. Пушная торговля бийских купцов в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 117–127; *Его же*. Пушная торговля в Сибири как источник первоначального накопления капиталов во второй половине XIX – начале XX вв. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 73–87; *Его же*. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2003.

¹⁷ Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX в. Новосибирск, 1991; Рабинович Г.Х. Монополизация речного судоходства в Сибири и на Дальнем Востоке (конец XIX в. – 1917 г.) // Исторические записки. М., 1983. Т. 91. С. 113–143.

¹⁸ Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984; *Его же*. Город Курган. 1782–1917. Социально-экономическая история. К 50-летию Курганской области. Курган, 1992.

ты этого автора выполнены на основе широкого охвата архивных и опубликованных источников, досконального знакомства с имеющейся на эту тему литературой. В ходе нашей работы над историей западносибирского купечества были полезны сделанные Н.М. Дмитриенко характеристики отдельных отраслей регионального хозяйства в период капитализма, системы городского самоуправления и роли в ней местного купечества, состояние различных видов торговли в Западной Сибири, а также историографический анализ трудов по социально-экономической тематике¹⁹.

Значительный вклад в разработку истории западносибирского купечества внес О.Н. Разумов. Он дал анализ процессов проникновения и функционирования иностранного капитала в экономике Сибири и Дальнего Востока. Кроме этого, им написан ряд очерков, содержащих биографические и деловые характеристики большинства глав (голов) Томской городской думы второй половины XIX в. Очерки опубликованы в томской периодической печати, в краеведческих сборниках, в издаваемой с 1994 г. в Новосибирске четырехтомной «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири». Объективный подход к характеристике наиболее видных представителей западносибирского купечества, подробное изложение фактов их жизни и деятельности делает работы О.Н. Разумова ценным материалом при написании обобщающих трудов по истории регионального купечества. В сборнике, посвященном деловой элите дореволюционной Сибири, им написаны биографии купцов Королевых, Тешкова и Цибульского, которые выделяются достаточно полным и квалифицированным подбором фактов, продуманным изложением материала и объективной оценкой их деятельности²⁰.

Существенный вклад в изучение западносибирского купечества внесли работы М.М. Громыко. Она описала генеалогию нескольких купеческих семей и пришла к выводу о том, что семьи крупнейших купцов Западной Сибири стремились породниться между собой для упрочения своего семейного коммерческого дела. Семья здесь, как и во многих других регионах России и за рубежом, была не только средством воспроизводства, но и давала возможность строить через систему родства дополнительные деловые отношения компаньонов. М.М. Громыко обрисовала основные черты социальной психологии сибирского купечества XVIII в., что было одним из первых примеров такого рода работ в нашей историографии, дала очерки жизни и деятельности крупнейших западносибирских купцов-предпринимателей Корнильевых и Походяшиных, имена которых оставили заметный след в истории русской культуры²¹. Работы М.М. Громыко были для своего времени новаторскими как в плане подхода к изучаемым явлениям (социальная психология, генеалогия, биографический жанр), так и в подборе источников и методах их интерпретации, отходе от жестко регламентированных рамок советской исторической науки того времени.

Основным объектом исследования Д.Я. Резуна является сибирский город, где происходила основная торгово-промышленная деятельность местного населения и формировались местные купеческие капиталы. С привлечением огромного фактического материала автору удалось показать решающую роль города в становлении и формировании западносибирского купечества. Д.Я. Резуну принадлежит ценный труд по истории многих фамилий Сибири, в числе которых были и западносибирские купцы. Автором совместно с О.Н. Бесединой дана характе-

¹⁹ Дмитриенко Н.М. Промышленность Томска в эпоху капитализма // Вопросы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1983. С. 62–84; *Ее же*. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири эпохи капитализма. Томск, 1985. С. 98–109; *Ее же*. Управление Томском в период капитализма // Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 62–73; *Ее же*. Социальная структура населения Бийска в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 50–58; *Ее же*. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.

²⁰ Деловая элита старой Сибири / под ред. А.В. Старцева. Новосибирск, 2005. С. 100–110; 228–233; 241–249.

²¹ Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII в. // История СССР. 1971. № 3. С. 58–71; *Ее же*. Сибирские купцы Корнильевы // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. Общественные науки. 1872. Вып. 2. № 6. С. 23–28; *Ее же*. Г.М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н.И. Новикова // Города Сибири. Новосибирск, 1974. С. 259–298; *Ее же*. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия. М., 1977. С. 197–236.

ристика сибирских ярмарок в XVIII – начале XIX в., где в те времена торговали широкие слои сибирского населения с преобладанием среди них гильдейского купечества²².

Трудно переоценить роль Д.Я. Резуна в организации работы над многотомной энциклопедией истории купечества и предпринимательства Сибири. Ценность этой энциклопедии заключается, прежде всего, в том, что стали довольно широко известны имена многих сотен сибирских купцов и предпринимателей. Становление и развитие сибирской торговли и промышленности было персонифицировано, утратило присущий им прежде схематизм, обрело свое человеческое лицо. В этом издании помещены краткие, но информативно емкие статьи о многих купцах и купеческих династиях Западной Сибири. Статьи различаются по объему, содержанию, ценности представленной в них информации, что объясняется не только тем, что их написали разные авторы, но и ролью отдельных купцов в хозяйственной и общественной жизни региона и, как следствие, различной степенью отражения их деятельности в документальных источниках изучаемого периода²³.

Можно с уверенностью сказать, что издание энциклопедий по истории западносибирского купечества и его коммерции не завершится данной «Краткой энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири». Слишком велик и многообразен материал по истории сибирского предпринимательства, слишком много людей было включено в социально-экономическую жизнь региона не только в качестве рабочей силы, но и как организаторов и распорядителей торговли и производства. Образцом более глубокого и детального исследования таких проблем на Алтае является написанная В.А. Скубневским, А.В. Старцевым, Ю.М. Гончаровым книга «Предприниматели Алтая. 1861–1917: Энциклопедия предпринимательства» (Барнаул, 1996). Она отличается от изданной в Новосибирске энциклопедии не только большим разнообразием в методах исследования деятельности алтайских купцов, но и передачей многих деталей их образа жизни. В ряде статей показано влияние на психологию и менталитет купцов окружающей их социальной среды, по достоинству оценен их вклад в общественную и культурную жизнь региона, подробно говорится о купеческом меценатстве и благотворительности.

Большое значение для понимания процессов первоначального накопления капиталов в Сибири и дальнейшего изучения истории западносибирского купечества в XVIII–XIX вв. имеют работы В.Н. Разгона. Они написаны не только на основе глубокого изучения разного рода источников, но и в результате анализа отечественной и зарубежной литературы по истории российской буржуазии. Широкая эрудиция позволяет автору создавать оригинальную концепцию формирования сибирской буржуазии, применять для ее обоснования разнообразный фактический материал, давать объективную характеристику отдельным отраслям сибирского предпринимательства, детально обрисовать деятельность наиболее выдающихся сибирских купцов-предпринимателей²⁴. Знакомство с трудами В.Н. Разгона дало нам возможность более полно и отчетливо проследить процесс первоначального накопления капиталов в Западной Сибири в торговле, транспорте, вино-

²² Резун Д.Я. Торговля и ремесло в топографических описаниях сибирских городов XVIII в. // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1987; *Его же*. Очерки изучения истории сибирского города XVIII в. Новосибирск, 1991; *Его же*. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993; Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой четверти XIX вв. Новосибирск, 1987; Резун Д.Я. Исторические корни менталитета российского предпринимательства // Проблемы менталитета в истории и культуре России. Новосибирск, 1999. С. 31–36.

²³ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск, 1994–1999. Т. 1–4.

²⁴ Разгон В.Н. Современная американская и английская историография о формировании буржуазии в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983; *Его же*. Современная американская буржуазная историография о социально-экономическом развитии Сибири эпохи капитализма // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 194–205; *Его же*. Современная американская и английская историография российской буржуазии: учеб. пособие. Барнаул, 1988; *Его же*. Источниковедческие проблемы изучения преемственности капиталов сибирского купечества в XVII – первой половине XIX вв. // Проблемы источниковедения истории Сибири. Барнаул, 1992. С. 3–11; *Его же*. Винные откупа как форма накопления капиталов в Сибири // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII–XIX вв.). Барнаул, 1995. С. 22–36; *Его же*. Государственное регулирование хлебной торговли в Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. – 1920-е гг.). Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 5–19.

курении и в других отраслях экономики края. Большую роль в этом процессе сыграла тесная связь купечества с местной администрацией при получении выгодных заказов и поставок, при формировании взаимоотношений купцов с наемными рабочими и т. д.

В ряде своих трудов проблемами социально-экономического развития Сибири занимался В.П. Шпалтаков. Он начинал с исследования сибирских предпринимательских родов и перешел к изучению генезиса капиталистических отношений в Западной Сибири. При характеристике западносибирского купечества важно было учитывать условия, в которых формировались основные его черты. Работы этого автора дают необходимую информацию о процессах складывания в Западной Сибири товарно-денежных отношений, формирования здесь регионального рынка, который являлся составной частью общероссийского рынка. Отметим только несколько упрощенный, на наш взгляд, подход автора к вопросам формирования рыночного механизма, прежде всего к проблемам ценообразования, где, по нашему мнению, возможно и желательное применение современных методов исследования, прежде всего математических²⁵.

Большое значение в изучении истории купечества Западной Сибири имели работы В.П. Зиновьева. В его докторской диссертации и статьях сделаны обоснованные выводы о периодизации хозяйственной эволюции Сибири, ее закономерностях и особенностях, даны обстоятельные характеристики некоторым представителям западносибирского купечества на протяжении нескольких поколений, проанализированы процессы капитализации и монополизации отдельных отраслей, а также детально очерчена история рабочего движения в XVIII–XIX вв. В работе над историей западносибирского купечества важным моментом являлись выводы В.П. Зиновьева о смене традиционной (феодальной) индустрии на «нормальную» частнокапиталистическую и переход в конце XIX в. к фабричной индустрии. Такая периодизация дает возможность более четко определять основные черты накопления капиталов в руках у западносибирского купечества и переоформление их в капиталы местной буржуазии²⁶.

В определенной степени продолжением начатой М.М. Громыко темы социально-психологического облика и семейно-брачных отношений западносибирских купцов являются работы Е.А. Зуевой, О.А. Задорожной и Ю.М. Гончарова. Е.А. Зуева в своей диссертации и статьях рассмотрела целый комплекс новых, ранее не затрагиваемых проблем: численность купечества в Сибири в конце XVIII–XIX в., его социальная мобильность, размеры и структурно-поколенный состав купеческих семей. Были также освещены внутрисемейные отношения между супругами, родителями и детьми, рассмотрены вопросы наследования, опеки и попечительства. Выводы, сделанные в диссертации Е.А. Зуевой, в определенной степени идеализируют, на наш взгляд, внутрисемейные взаимоотношения в купеческих семьях Сибири, хотя основные положения ее работы в целом справедливы. Особого внимания заслуживают выводы о причинах регулярного обновления состава купечества, характеристика межсословных отношений и браков в рассматриваемое время, а также конкретная характеристика отдельных купеческих кланов²⁷.

²⁵ Шпалтаков В.П. Сибирская купеческая фирма Поповых в первой половине XIX в. // Из истории буржуазии России. Томск, 1982. С. 17–32; *Его же*. Рост торговой буржуазии в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Из истории Томской области. Томск, 1988. С. 53–61; *Его же*. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997.

²⁶ Зиновьев В.П. Рабочее движение в мануфактурный период: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. Т. 1–2; *Его же*. Государственное и частное предпринимательство в Сибири. Этапы взаимодействия // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 3–6; *Его же*. Винные откупа в Западной Сибири (XVIII в. – 1863 г.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. XVIII–XX вв. Томск, 1994. С. 36–52; *Его же*. Родюковы // Сибирь в XVI–XX вв. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 86–94; *Его же*. Становление индустриального общества в России. Томск, 2003; *Его же*. Формирование сибирского отряда рабочих России в XVIII – первой половине XIX вв. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. К 60-летию профессора В.А. Скубневского. Барнаул, 2005. С. 226–242.

²⁷ Зуева Е.А. Вопросы общественно-семейного быта сибирского купечества XVIII – середины XIX вв. в работах советских исследователей // Изучение Сибири в советскую эпоху. Бахрушинские чтения 1987 г. Новосибирск, 1988. С. 142–148; *Ее же*. Размеры и структурно-поколенный состав семьи тобольского купечества по данным 3-й ревизии // Материалы XXVI Всесоюзной научной студенческой конференции: История. Новосибирск, 1988. С. 24–28; *Ее же*. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992.

В диссертационной работе О.А. Задорожной говорится в основном о тобольских и тюменских купцах, хотя диссертация и озаглавлена «Купечество Западной Сибири (конец XVIII – первая четверть XIX века)». Характеристика купечества Западной Сибири проводится на основе анализа ограниченного числа представителей купечества, что отрицательно повлияло на выводы исследователя. Многие из них расходятся с объективной картиной западносибирского предпринимательства, данной во многих исследованиях, и противоречат материалам самого автора. Например, ничем не подтвержден вывод О.А. Задорожной о том, что западносибирский купец не отличался мягким и добрым нравом, что из-за кочевого образа жизни это был тип «караванщика», что ничем не ограниченная свобода для него «стала нормальным условием жизни и деятельности»²⁸.

Серьезный вклад в изучение сибирской купеческой семьи внес Ю.М. Гончаров. С помощью современных методов историко-социологического исследования ему удалось выявить структуру сибирской купеческой семьи, изменение ее численности на протяжении более полувека, брачно-возрастные особенности купеческих семей и другие важные стороны демографического состояния купеческого сословия во второй половине XIX – начале XX в. На основе обобщения и с помощью математических методов обработки многообразного материала автор сделал ценные выводы о составе и эволюции купечества Западной Сибири, дал объективную и полную картину семейно-бытовой жизни и хозяйственной деятельности западносибирского купечества в изучаемое время²⁹.

Полезным и перспективным направлением в изучении социально-экономической истории Западной Сибири и роли в этом процессе купечества являются отраслевые характеристики регионального хозяйства и обобщающие труды по истории отдельных территорий. К их числу следует, прежде всего, отнести работы О.Н. Катюнова, В.А. Никитина, М.А. Барсуковой, А.М. Мариупольского, Е.В. Гальских, Е.А. Носовой, Л.А. Сапоговской и некоторых других. Написанные в последнее десятилетие, они отличаются современным подходом к рассматриваемым фактам и событиям; их авторы используют новейшие разработки отечественных и зарубежных историков в отборе и интерпретации изучаемого материала. Это дает возможность при написании обобщающего труда по истории западносибирского купечества более полно обрисовать условия, в которых происходила его профессиональная деятельность. Недостатком большинства названных работ является, по нашей оценке, недостаточное внимание к «человеческому фактору», то есть к людям, которые смогли в непростых условиях пореформенной России создать свое собственное дело и так его организовать, что через незначительный отрезок времени у них скапливались значительные в масштабах региона капиталы в различных отраслях хозяйства³⁰.

С новых для отечественной историографии позиций рассмотрена история западносибирского предпринимательства Ю.М. Беспаловой. Автору удалось высветить одну из важных сторон со-

²⁸ Задорожная О.А. Купечество Западной Сибири (конец XVIII – первая четверть XIX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. С. 22–23.

²⁹ Гончаров Ю.М. Сибирская купеческая семья второй половины XIX – начала XX в.: (По материалам компьютерной базы данных купеческих семей Томской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997; Гончаров Ю.М., Колдаков Д.В. База данных купеческих семей Томской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. – 1920-е гг.). Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 20–44; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (По материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999; Его же. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004.

³⁰ Катюнов О.Н. Московско-Сибирский тракт во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987; Его же. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004; Никитин В.А. Южное Зауралье во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1995; Барсукова М.А. Мукомольная промышленность Урала и Западной Сибири во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996; Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля в Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998; Его же. Винокурение и виноторговля на Алтае во второй половине XIX в. // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 50–64; Его же. Винокурение и виноторговля в Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.). Барнаул, 2000; Гальских Е.В. Предпринимательство в текстильной торговле на Алтае (вторая половина XIX в.) // Его же. С. 65–76; Носова Е.А. Хлеботорговля и хлеботорговцы на Алтае (вторая половина XIX в.) // Там же. С. 31–43; Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. (Урал и Сибирь – модели развития): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998.

циально-психологического облика западносибирского купечества и буржуазии, объединив их в одну группу предпринимателей, так как они имели, по мнению автора, сходные социальные ориентации. Ю.М. Беспалова детально изучила и широко применила в своей работе труды теоретиков предпринимательства (М. Вебер, В. Зомбарт, Ф. Бродель, Р. Пайпс и др.), на основе чего создается основательная теоретическая база исследования. Однако в ее работе недостаточно использованы документальные материалы по истории западносибирского предпринимательства, прежде всего архивные источники. Объект исследования (купцы-предприниматели) ограничен в основном Тюменью, что приводит к сильной идеализации предпринимателей, схематизму в изложении основных черт их социально-психологического облика. Например, автор преувеличивает, как нам представляется, влияние на процесс формирования западносибирского купечества новгородских и бухарских традиций торговли, сосланных в Сибирь иностранцев (шведов), сектантов и старообрядцев, представителей крестьянской общины. Автор понимает, что возможны будут упреки в идеализации западносибирских предпринимателей и бегло говорит о их недостатках, которые сводятся к фактам спаивания населения и пьянства их самих, к плохой заботе об условиях труда на своих предприятиях, к излишней роскоши их образа жизни. Такой подход к истории западносибирского предпринимательства объясняется еще и тем, что Ю.М. Беспалова надеется на то, что современные предприниматели будут овладевать духовным наследием прошлого и станут по примеру купцов XIX в. более активно жертвовать средства на благотворительные цели³¹.

Одним из свидетельств возрастающего интереса общественности к проблемам предпринимательства и истории западносибирского купечества является информация об этих проблемах в историко-краеведческих работах последних лет. Например, в «Очерках истории г. Омска» говорится о многократном увеличении численности купечества в этом городе в течение XIX в., о системе торговли в Омске и в Сибири в целом. В книге «Колывань историческая» рассказывается о богатых колыванских купцах, их благотворительности, образе жизни, архитектуре их жилищ и торгово-промышленных заведений. Большой интерес вызывает книга о г. Кургане, где в небольших статьях популярно излагаются отдельные факты местного предпринимательства, сведения о жизни наиболее видных курганских купцов и наиболее крупных их пожертвованиях на городские нужды. Более подробно о местных купцах говорится в книге «Томская область. Исторический очерк» и в издании, выпущенном к юбилею г. Томска, где целые главы посвящены проблемам становления здесь предпринимательства. В этих книгах не только были охвачены вниманием вопросы социально-экономической жизни региона, но авторам удалось высветить некоторые стороны социальной психологии и менталитета местного купечества, совместить научный подход к избранной теме с использованием новых, ранее не известных исследователям материалов с простотой и доступностью изложения, способных вызвать интерес у широких слоев читателей. В таком подходе к написанию историко-краеведческих работ видится основной метод работы в этой области³².

Оценивая итоги изучения истории западносибирского купечества в конце XVIII–XIX в. в советской и современной исторической литературе, необходимо отметить, что историками накоплен значительный и разнообразный фактический материал, заметно расширилась, по сравнению с досоветским периодом, проблематика исследований, но изученность этой темы в целом остается недостаточной. Обращает на себя внимание неполнота и несовершенство знаний по истории отдельных отраслей хозяйства Западной Сибири, что затрудняет освещение отраслевых характеристик западносибирского купечества. К их числу относятся торговля, транспорт, обрабатывающая промышленность. Особенно слабо изучены эти отрасли в дореформенный период. Во многих работах по истории сибирского купечества преобладают материалы событийно-очеркового характера, не-

³¹ Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации в культуре западносибирского предпринимательства во второй половине XIX – начале XX вв. Тюмень, 1998.

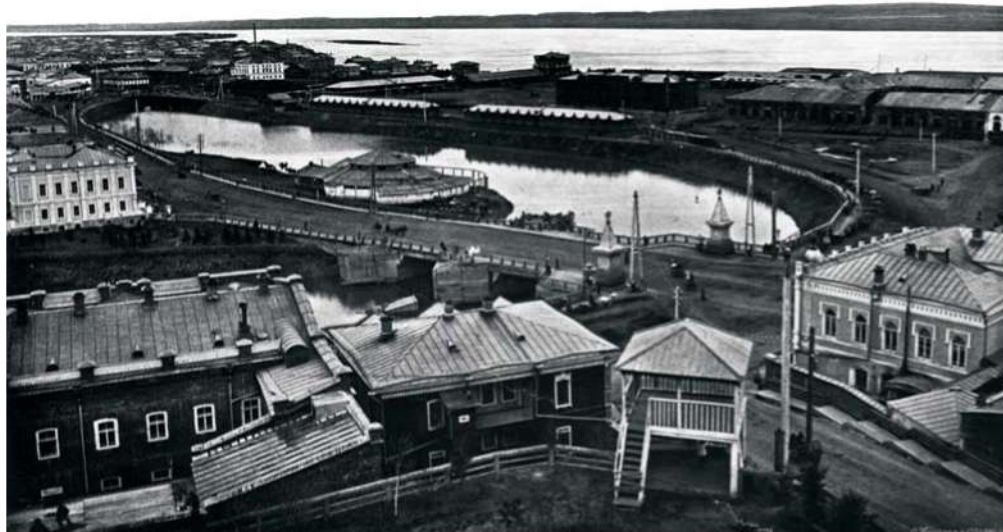
³² Очерки истории г. Омска. Омск, 1997. Т. 1. Дореволюционный период; Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Колывань историческая. Новосибирск, 1996; Васильева А.М. Забытый Курган. Курган, 1997; Томская область: Исторический очерк / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 1994; Томск. История города от основания до наших дней / под ред. И.М. Дмитриенко. Томск, 2004.

достаточна аргументированность сделанных в исследованиях выводов. Это отчасти обусловлено господствовавшей долгое время в исторической науке марксистско-ленинской теории, которая являлась для подавляющего большинства исследователей основным руководством к действию, в результате чего изучение купечества и буржуазии имело слишком схематичный и односторонний характер. Кроме этого, главное внимание уделялось изучению классов дореволюционной России, в то время как Российская империя до начала XX в. оставалась преимущественно сословной монархией. При изучении буржуазии, в формировании которой активное участие принимало купечество, главное внимание было направлено, прежде всего, на представителей крупного капитала. В результате значительная часть мелких и средних предпринимателей, среди которых было много купцов, оставалась вне поля зрения исследователей.

В целом историографический анализ проблемы позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, сделаны первые успешные шаги в изучении истории купечества Западной Сибири, хотя и отсутствуют обобщающие труды по этому вопросу. Можно сказать, что всестороннее изучение купечества России в целом и в отдельных ее регионах еще только начинается. Во-вторых, значительная часть исследований по данной проблематике выполнены под давлением жесткой идеологической схемы, где роль купечества и буржуазии освещалась преимущественно с отрицательной стороны. Реальные факты и противоречия в такого рода работах умалчивались, игнорировались или преподносились как исключения. Современным исследователям необходимо пересмотреть такой подход к изучению западносибирского купечества и других сословий и классов дореволюционной России. В-третьих, самодовлеющее значение имели количественные характеристики описываемых процессов и явлений без глубокого проникновения в их суть. В связи с этим были лучше исследованы проблемы численности сибирского купечества, его территориальное размещение и отраслевой состав, благотворительность и общественная деятельность купцов. В то же время широкий спектр социальных, психологических, генеалогических характеристик купеческого сословия и его предпринимательской деятельности в XVIII–XIX в. остается слабо изученным.

Таким образом, предшествующими поколениями историков и современными исследователями заложена основательная база в виде собранного ими обширного фактического материала и сделанных ценных выводов, но в целом проблема истории западносибирского купечества требует дальнейшего изучения. Работа должна вестись по нескольким направлениям: дальнейшее расширение источниковой базы исследования, углубленный анализ различных сфер жизни и деятельности западносибирского купечества и сравнительная характеристика купечества Западной Сибири с купечеством других областей страны.

Благодарю за помощь в сборе архивных материалов коллективы Российского Государственного исторического архива, государственных архивов Алтайского и Красноярского краев, архивы областей: Курганской, Свердловской, Тюменской (Тобольский филиал), Томской, Иркутской областей, а также коллективы библиотек и краеведческих музеев ряда городов, в особенности Научной библиотеки ТГУ и владельцев частных коллекций документов, в первую очередь, заслуженного работника культуры Российской Федерации А.Б. Казачкова. Благодарю за помощь в издании и переиздании книги ее редактора д. и. н., декана ИФ ТГУ В.П. Зиновьева, ректора ТГАСУ, д. ф.-м. наук, профессора М.И. Слободского, д-ра техн. наук, академика РААСН Л.С. Ляховича, сотрудников издательства ТГАСУ и всех, кто помог советами и добрыми пожеланиями в написании и переиздании этой книги.

**1. Численность,
происхождение и состав
западносибирского купечества
в конце XVIII – XIX в.**

1.1. Численность купечества Западной Сибири

Проблема количественных показателей купечества Западной Сибири в изучаемый период довольно хорошо изучена и не вызывает особой дискуссии. Все расчеты сделаны авторами достаточно известных публикаций на основе вполне достоверных источников, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном историческом архиве, в местных архивах и в опубликованных статистических трудах, материалах ревизий и переписей населения. Тем не менее на основе самостоятельно составленной источниковой базы, где часть источников малоизвестна или впервые введена в научный оборот, за счет критического отношения к некоторым уже устоявшимся положениям попытаемся дать очерк о динамике числа западносибирских купцов в городах и селах региона на протяжении почти полутора веков.

Вопрос о численности купечества в России в целом и по отдельным ее регионам тесно связан с законодательным обеспечением его положения. До губернской реформы 1775 г. и повышения имущественного ценза при вступлении в купечество практически отсутствовало налоговое обложение купцов, и в гильдии, особенно низшие, записывалось большинство городского населения. Западная Сибирь не была здесь исключением. Например, в 1760-е гг. в Томске из 3053 жителей города мужского пола 2804 состояло в купечестве. По другим городам Сибири, приблизительно равным Томску по численности, в это же время насчитывалось также очень много купцов: в Тобольске – 2827 душ мужского пола (д. м. п.), в Иркутске – 1546, в Енисейске – 3213 и т. д.³³

На наш взгляд, эти сведения требуют уточнения, так как доля занимающихся здесь торговлей и промыслами в этот период была несколько иной. Удалось проследить не только принадлежность части населения к купечеству юридически, но и долю тех, кто реально занимался торговлей и промыслами. Например, в Тобольске в 60-е гг. к купечеству принадлежал 1631 мужчина разного возраста (д. м. п.), и только около 40 % из них были предпринимателями в полном или частичном понимании этого слова. В Томске купцов было больше – 2300 чел., но только 20 % (каждый пятый) занимались преимущественно торговлей и другими коммерческими делами. По другим городам края картина была сходной: в Тюмени 933 чел. числилось в купечестве и 32 % из них – реальные купцы, в Таре из 272 номинальных купцов только около половины занималось торговлей (47 %), в Кузнецке из 93 купцов только 11 (9,3 %) могли считаться торговцами. Для сравнения можно указать на полное совпадение заявленных капиталов с реальными занятиями торговлей в Кяхте (258 из 258), 70 %-е совпадение в Иркутске (809 из 1126) и 65 %-е – в Енисейске (1358 из 2103)³⁴.

Всего по 5 городам Западной Сибири числилось в 60-е гг. XVIII в. 5340 душ мужского пола, включая сюда детей, стариков и даже умерших между второй и третьей ревизиями людей, из которых около трети (1665 чел.) реально занимались предпринимательством. Это было даже несколько ниже, чем по всему Урало-Сибирскому региону (42 %) и по стране в целом (около 50 %). Тем не менее, по нашим подсчетам, доля заявленного или номинального купечества в Сибири в этот период была около 5 % от всего населения края, в то время как по России в целом не превышала 3 %³⁵.

Росту купечества в России, на наш взгляд, препятствовали крепостное право, традиционные занятия подавляющего большинства населения сельским хозяйством, более строгий контроль государственных органов за населением, который затруднял нарушение сословных границ. В то же время в Европейской России наблюдался купеческий капитал более крупных объемов, купцы своими занятиями и богатством в большей степени соответствовали своему званию, тогда как в Сибири до двух третей из них принадлежали к «малокапитальным посадским людям». Сибирь

³³ Рафиненко Л.С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 г. Новосибирск, 1968. С. 43.

³⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 441. Л. 68–73. (Подсчет наш. – В.Б.).

³⁵ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963. С. 164–165.

ские купцы часто не могли выплачивать даже подушную подать и жили за счет занятий ремеслом, мелочным торгом, работами по найму и хлебопашеством.

Весьма приблизительно в то время производилось деление купечества на гильдии. Например, в Томске было учтено невероятно большое и, вероятно, приблизительное и сильно округленное число купцов-первогильдейцев – 400 д. м. п., второй гильдии – 511 и 1893 – третьей. Для сравнения, в Тобольске эти показатели выглядели так: 213 – первая гильдия, 1028 – вторая, 1526 – третья³⁶. Эти цифры дают весьма приблизительные, во много раз завышенные сведения о численности купеческого сословия по городам Западной Сибири. Трудно даже определить число людей, занимавшихся торговлей, т. е. хотя бы по внешнему признаку относившихся к купечеству. По мнению В.Н. Яковцевского, «общая прослойка торгующих по России была небольшой – 2–3 человека на 100 душ населения»³⁷. Доля торговцев среди горожан была, естественно, выше, чем среди всего населения края, но все же гораздо меньшей, чем это показано в официальной статистике. Тем не менее структура купеческого капитала может быть полезна при дальнейшей характеристике западносибирского купечества. По подсчетам В.Н. Разгона, на 1766 г. в Тобольске доля купцов первой гильдии составляла 7,5 %, второй гильдии – 36,4 %, третьей – 56,1 %. В Томске доля первой гильдии была 14,3 %, второй – 18,2 % и третьей – 67,5 %. Только в Тюмени соотношение крупных, средних и мелких купеческих капиталов было близко к реальному соотношению: первая гильдия – 1,1 %, вторая гильдия – 10,9 % и третья – 88 %³⁸.

Накануне губернской реформы 1775 г. требования к вступлению в купечество стали строже, и, соответственно, в городах резко уменьшилось число купцов. Например, посетивший Томск в 1772 г. академик И.П. Фальк отмечал, что в городе с населением около 8 тыс. чел. было 542 купца³⁹. Последняя цифра, на наш взгляд, ближе к действительности, чем предыдущие, хотя и здесь есть сильное преувеличение численности городского населения и томского купечества. Аналогичная картина наблюдалась в других городах Сибири. Можно сказать, что резкая убыль численности купечества в результате проведенных в 1775–1785 гг. реформ была подготовлена предыдущим десятилетием, когда происходил отсев случайных и малоспособных к предпринимательству элементов, которые не были готовы включиться в этот процесс, не имели для этого ни средств, ни опыта и знаний, ни возможности даже выплачивать годовую подушную подать в размере 40 алтын (1 руб. 20 коп.) с каждой души мужского пола. Реформы в этой области назревали, и крестьянская война Е.И. Пугачева была внешним поводом для ее проведения.

Городские реформы 1775–1785 гг. во многом изменили положение российского купечества, сделали его сословием в более строгом значении этого слова и позволили в дальнейшем более четко и точно контролировать его численность и состав. Манифестом 17 марта 1775 г. население городов было разделено на две части – мещанство и купечество⁴⁰. Дальнейшее развитие эта мера получила в Указе от 25 мая того же года, по которому купцы всех гильдий освобождались от подушной подати. Вместо нее вводился однопроцентный налог с объявленного «по совести» капитала. По размеру этого капитала определялась принадлежность купца к гильдии, а также предоставление прав и льгот при торгово-промышленной деятельности. Первая гильдия давала право на всякую, в том числе и внешнюю, торговлю, если объявлялся капитал в 10 тыс. руб. и выше. Вторая гильдия давала право на всякую внутреннюю торговлю с объявлением капитала от 1 до 10 тыс. руб., и по третьей гильдии можно было вести торговлю в пределах своего города и уезда с капиталом от 500 до 1 тыс. руб.⁴¹ После начала действия принятых законов, ко-

³⁶ Рубинштейн Н.Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 353.

³⁷ Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 51.

³⁸ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. С. 34.

³⁹ Полное собрание ученых путешествий по Сибири. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. Т. 6. С. 540–541.

⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. I Собрание. 1649–1825 гг. СПб., 1830. (ПСЗ-1). Т. 20. № 14275.

⁴¹ Там же. № 14327. 14509.

торые сильно увеличили имущественный ценз купцов и, соответственно, налоги с них, численность купечества резко уменьшилась.

В городах Западной Сибири счет купцам шел уже не на сотни, а на десятки. Например, в Томске в конце 1770-х гг. купцов второй гильдии насчитывалось 8 капиталов и 22 д. м. п., третьей – 73 капитала и 139 д. м. п.⁴² Томск в этом плане не был лидером по числу отсеявшихся купеческих капиталов, так как в списках осталось 5,4 % ранее числившихся в гильдиях купцов (151 из 2804 д. м. п.). Резкое сокращение наблюдалось в Тюмени и Кузнецке – 2,7 и 3,8 % соответственно. А вот в Тобольске и Таре, где купечество тогда было в большей степени укоренено в хозяйственной жизни региона и имело более значительные, чем в других городах, капиталы, осталось в гильдиях 13 % купцов, и эта доля являлась высшей для всех городов Сибири⁴³.

По подсчетам В.М. Кабузана и С.М. Троицкого, сделанным на основе данных четвертой ревизии (1782 г.), в городах Тобольской губернии проживало 547 купцов мужского пола при общей численности городского населения в 25781 д. м. п., что составляло 2,04 % городского населения. В городах Томской губернии, по подсчетам названных авторов, купцов было 861 при посадском населении 18966 д. м. п., что составляло 4,54 % городского населения. Существенно снижает ценность этих подсчетов отсутствие информации о купечестве таких крупных городов Западной Сибири, как Тюмень и Курган⁴⁴.

По подсчетам Е.А. Зуевой, основанным на данных четвертой ревизии, в купеческом окладе в Сибири состояло 2174 д. м. п., в том числе в Тобольском наместничестве было 1082 купца, в Колыванском – 862 д. м. п.⁴⁵. К крупным городам, где была сосредоточена основная масса западносибирского купечества, относились Тобольск (347 д. м. п.), Томск (214 купцов), Бийск (107), Тюмень (104) и другие города. В конце XVIII в. большая часть сибирского купечества проживала в Западной Сибири. Например, в 1782 г. к западносибирскому купечеству принадлежало 1944 купца, что составляло 89,42 % всех сибирских купцов. Следует уточнить, что в то время в состав Тобольской губернии входила территория будущей Енисейской губернии, и это обстоятельство сильно увеличивало численность западносибирского купечества. Кроме этого, если другие категории населения Западной Сибири были по своей численности и составу относительно стабильны, то купеческое сословие не могло оставаться таковым, так как каждый год купцы должны были доказывать свою экономическую состоятельность и платить в казну оклад, значительно превышающий крестьянский и мещанский. Поэтому между ревизиями численность купечества испытывала сильные колебания, причем в конце XVIII в. они были в сторону уменьшения числа купцов. Например, в 1786 г. в купечестве г. Тобольска оставалось 337 купцов (д. м. п.), в Томске – 186, в Тюмени – 53 и т. д.⁴⁶ К следующей переписи 1795 г. в Тобольске осталось всего 211 купцов – большинство из них перешло в тобольские мещане «по умалению капитала», некоторые из них стали мещанами или купцами других сибирских городов⁴⁷.

По указу 1776 г., купцы всех гильдий получали освобождение от рекрутской повинности, замененной денежным взносом в 360 руб. за каждого рекрута, а с 1783 г. этот взнос увеличили до 500 руб.⁴⁸ Такое дополнение послужило одной из причин притока в купеческие гильдии лиц других сословий без достаточного для этого основания. Дореволюционный исследователь истории городов России И. Дитятин отмечал, что до 70-х гг. XIX в. существовали купцы «фиктивные», не помышлявшие даже о торговле и промышленности, но отдававшие последние гроши, чтобы выбраться в купцы третьей гильдии и тем самым спасти своих сыновей от рекрутской повинности⁴⁹.

⁴² ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–13.

⁴³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 319. Л. 30–32; Ф. 276. Оп. 1. Д. 1712. Л. 7–14; Ф. 1069. Оп. 1. Д. 126. Л. 10–16.

⁴⁴ Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40–80-х гг. XVIII в. // В.М. Кабузан // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII–XIX вв.). Новосибирск, 1968. С. 172–173.

⁴⁵ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. Кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 139.

⁴⁶ РГИА. Ф. 554. Оп. 2. Д. 274. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Д. 273. Л. 160.

⁴⁸ ПСЗ-1. Т. 21. № 15721.

⁴⁹ Дитятин И. Устройство и управление городов России. Ярославль, 1877. Т. 2. С. 329.

Вероятно, такая заинтересованность в получении гильдейских свидетельств являлась одной из причин высокой «текучести кадров» купеческого сословия в дореформенное время.

В апреле 1785 г. правительство Екатерины II издает «Жалованную грамоту городам», по которой были внесены дополнения и уточнения в сословное положение купечества, четко регламентировались права и обязанности разных гильдий. Минимальный размер объявленных капиталов с этого времени был следующий: по первой гильдии оставался в прежних размерах – 10 тыс. руб., по второй гильдии увеличивался в 5 раз и достигал 5 тыс. руб., по третьей гильдии увеличивался вдвое и равнялся 1 тыс. руб.⁵⁰ Купцы двух первых гильдий имели важные преимущества: право на внутренний оптовый и розничный торг, на заведение фабрик и заводов, были освобождены от казенных служб. Первогильдейцы к тому же могли производить торг вне империи и иметь морские суда, тогда как члены второй гильдии – только речные. Наконец, купцы первой гильдии пользовались преимуществом при получении подрядов и откупов. Две высшие гильдии освобождались от телесных наказаний, но во многом их образ жизни регламентировался до мелочей. Например, купцам первой гильдии дозволялось ездить по городу в карете парюю, второй – в коляске парюю, третьей же гильдии запрещалось ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади⁵¹.

В то же время купцы вынуждены были расстаться с мечтой о приобретении подобно дворянам чинов, права ношения шпаги и других отличий благородного сословия. Российское купечество было лишено такого мощного фактора преемственности, как земельная собственность, поэтому оно, в отличие от дворянства, было гораздо менее устойчиво в генеалогическом плане. Купцам было очень трудно основывать династии, так как ежегодно нужно было доказывать местной администрации свою состоятельность через объявление гильдейского капитала. В этом кроется главная причина частой смены состава купечества и отнесение его к числу полупривилегированных сословий.

Можно согласиться с мнением известного исследователя социально-экономической истории России М.Я. Волкова, что в результате реформ 70–80-х гг. XVIII в. представители нарождавшейся буржуазии выделились и оформились в новое полупривилегированное сословие – в гильдейское купечество, свободное от мелких торговцев и мелких товаропроизводителей⁵². В Сибири, по мнению другого историка В.В. Рабцевич, запись в купцы на основе буржуазного принципа состоятельности позволила сразу очистить купечество от несостоятельных элементов и пополнить его выходцами из других сословий⁵³. Отметим, что «очищение» купечества в этот период только начиналось. Купечество Западной Сибири еще долго пополнялось разбогатевшими крестьянами, мещанами и представителями других сословий, и, в свою очередь, купцы временно или навсегда уходили в другие сословия, не бросая своих прежних занятий торговлей и промыслами и не теряя всего своего капитала.

Остается добавить, что реформы последней четверти XVIII в. только отчасти удовлетворяли интересы и потребности купечества. По реформе 1785 г. ни магистрат, ни всесословные органы городского самоуправления – общая и шестигласная думы – не превращались в главу и хозяина города, их деятельность была парализована засильем административно-полицейского аппарата, который не желал делиться своими властными полномочиями. Более того, купцы страдали от казенных служб и требовали своего освобождения от них. Многие из них откупались от выполнения почетных, с точки зрения администрации, должностей или симулировали различные болезни. В то же время многие обременительные для себя повинности, прежде всего постои, они пытались перенести на тех, кто торгами не занимался.

В конце XVIII в. была проведена еще одна, пятая по счету, ревизия, которая показала, что численность купечества в городах и уездах Западной Сибири на 1 января 1798 г. составляла

⁵⁰ ПСЗ-1. Т. 22. № 16188.

⁵¹ *Плюшинский А.О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейшего времени. СПб., 1852. С. 262.

⁵² *Волков М.Я.* Формирование городской буржуазии в России XVII–XVIII вв. // *Города феодальной России.* М., 1966. С. 205.

⁵³ *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск. 1984. С. 110–111.

1226 купцов (д. м. п.). Интересно проследить распределение купцов по городам (с уездами) изучаемого региона: Тобольск – 242, Тюмень – 236, Туринск – 39, Ялуторовск – 51, Курган – 50, Ишим – 16, Тара – 96, Березов – 39, Сургут – 6, Нарым – 60, Томск – 145, Семипалатинск – 31, Омск – 6, Каинск – 11, Колывань – 35, Бийск – 114 купцов⁵⁴.

Трудно говорить о стабильности числа купцов не только на большой территории, но и на протяжении довольно длительного времени. Даже за короткий период в отдельных небольших городах число купцов сильно менялось, что связано с изменением внутренней и внешней политики, условий налогообложения купечества и другими объективными обстоятельствами. На 1 января 1801 г. в городах и уездах Западной Сибири насчитывалось 1113 купцов. Несовпадение со списком купцов за 1797 г. по составу городов региона было минимальным – вместо Семипалатинска (31 купец) и Каинска (11 купцов) появился Кузнецк, где в это время был зарегистрирован 41 купец. В 1800 г. в Тобольске с уездом насчитывалось уже 180 купцов, что было явно меньше, чем 3 года тому назад, а в Тюмени в этот момент было уже 256 купцов, что было редким для того времени увеличением. В остальных городах число купцов было следующим: Туринск – 23, Ялуторовск – 48, Курган – 45, Ишим – 6, Тара – 104, Березов – 30, Сургут – 1, Нарым – 54, Томск – 146, Омск – 9, Колывань – 45, Бийск – 125 купцов⁵⁵.

Приведенные здесь данные показывают высокую «текучесть кадров» в купеческом сословии конца XVIII в. и трудности в точном определении численности купечества по данным ревизий. Для более детального и конкретного исследования этой проблемы необходимо составление поименных списков купечества с учетом выбывавших и вновь поступавших в это сословие граждан. Вполне определенно можно говорить о принадлежности к купечеству только небольшой группы лиц, размеры капиталов которых были выше среднесословного уровня и гарантировали их владельцам звание купца в течение десятков лет. Среди томских купцов в конце XVIII в. к таковым можно было отнести купца первой гильдии П.Ф. Шумилова и его брата Стефана, 5 владельцев капиталов второй гильдии (И.В. Губинский, А.И. Даниловский, С.И. Карпов, М.А. Мыльников и М.Ф. Шумилов) и некоторых из 53 купцов третьей гильдии. Всего в качестве заявителей в Томске в 1786 г. было отмечено 69 мужчин. Несоответствие между количеством капиталов (60) и их владельцев (69) объясняется тем, что в некоторых семьях на один капитал были записаны братья или взрослые сыновья. Купеческих жен в этой сословной группе числилось 65, и в семьях томских купцов было довольно много детей – 107 мальчиков и 113 девочек⁵⁶.

Примерно в это же время была проведена перепись купечества в других городах Западной Сибири. Например, в Тобольске было отмечено 12 капиталов второй гильдии и 72 купца третьей гильдии. К числу первых относились В.Я. Корнильев, известный в Сибири фабрикант, П.Д. Володимиров (его единственная внучка Василиса вышла замуж за томского купца С.Ф. Шумилова и практически весь капитал после смерти деда в 1790 г. перешел к нему), Г.И. Дьяконов (сын Алексей был женат на дочери тобольского купца Сыромятникова), Я.Ф. и И.Ф. Сыромятниковы, И.Д. Ширков, основатель известного рода сибирских торговцев и пароходчиков, А.Я. Корнильев, Ф.А. Кремлев, П.Е. Шевырин, Д.И. Худяков, А.Ф. Кузнецов и С.П. Ершов.

В составе купечества других западносибирских городов не было столь значительных капиталов и известных в Сибири предпринимателей. Например, в Тюмени был только один купец второй гильдии, П.М. Башарин, который был женат на дочери тюменского купца Прасолова, и 45 купцов третьей гильдии, среди которых выделялись купеческие рода Колмогоровых, Решетниковых, Барашковых и некоторых других. Подсчеты показали, что в их семьях в 1782 г. числилось 119 мужчин и 127 женщин. Большая численность купеческих семей в Тюмени объясняется отчасти тем, что в этом городе было больше старообрядцев, семьи которых, как правило, имели больше детей, и сыновья дольше оставались в семейном деле. Аналогичные подсчеты были проведены по другим городам Западной Сибири, что существенно уточнило данные о численности за-

⁵⁴ РГИА. Ф. 558. Оп. 2. Д. 275. Л. 21–22.

⁵⁵ Там же. Д. 276. Л. 119.

⁵⁶ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1125. Л. 319–343 (Подсчет наш. – В.Б.).

падносибирского купечества в конце XVIII в.⁵⁷. Отметим также, что Ю.М. Гончаровым была проведена огромная работа по определению людности купеческих семей Западной Сибири, решены другие задачи по изучению историко-демографических проблем края. К сожалению, хронологические рамки его исследований ограничиваются второй половиной XIX – началом XX в., тем не менее некоторые сопоставления разных периодов истории регионального купечества необходимы и полезны для данного исследования⁵⁸.

Со своей стороны отметим, что посемейные списки купцов на протяжении более чем века составлены и даются в приложении к данной монографии. Выявлены фамилии, имена, отчества купцов, составы их семей, возраст, происхождение, сферы предпринимательства и другие конкретные сведения по истории западносибирского купечества (см. Приложение).

Доля купечества в составе городского населения Западной Сибири была примерно равна 4 %, и это было уже на уровне общероссийских показателей. В дальнейшем шло уменьшение численности купечества Западной Сибири, что было связано с увеличением минимальных размеров гильдейского капитала, изменениями во внутренней и внешней политике России. Для наглядности и обобщения приводим таблицу минимумов купеческих капиталов, необходимых для поступления в купеческие гильдии, табл. 1.

Таблица 1

Динамика минимальных купеческих капиталов, необходимых для поступления в купеческие гильдии⁵⁹

Годы	Гильдии (в тыс. руб.)		
	1-я	2-я	3-я
1775	10	1	0,5
1785	10	5	1
1794	16	8	2
1807	50	20	8

Сокращение числа купцов было связано и с увеличением доли выплаты с объявленного капитала в казну. С 1 % от объявленного капитала в 70–80-е гг. этот сбор увеличился до 4,75 % в 1812 г.⁶⁰. Если к этому добавить, что купечество испытывало конкуренцию со стороны крестьян, мещан и представителей других сословий, которые могли заниматься торговлей и промыслами, не тратясь на выплату разного рода сборов, то вполне понятны причины упадка гильдейского купечества в этот период. Только в середине XIX в. начинается рост численности западносибирского купечества и увеличение его доли в составе городского населения региона.

Рассмотрим динамику численности купечества Западной Сибири в первой половине XIX в. В 1805 г., по официальным данным, в городах Западной Сибири было зарегистрировано в купеческом сословии 1653 чел., что составляло около 4 % всего городского населения региона. В первой трети XIX в. здесь наблюдается резкий спад числа выкупленных купеческих свидетельств, и в связи с этим численность купечества уменьшается до 926 чел. (1,3 % городского населения) в 1823 г. и 853 чел. (1,0 %) в 1831 г. После такого упадка коммерции и уменьшения численности западносибирского купечества до минимальных размеров начинается постепенный

⁵⁷ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 343. Л. 241 (Подсчет наш. – В.Б.); ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 29. Л. 1–30; Д. 49. Л. 1–8; Д. 84. Л. 1–141; Д. 213. Л. 1–16.

⁵⁸ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX–XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999; *Его же*. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: монография. Барнаул. 2002.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 20. № 14327; Т. 22. № 16188; Т. 23. № 17233; Т. 29. № 22418.

⁶⁰ Яковлевский В.Н. Указ. соч. С. 133.

экономический подъем Западной Сибири, что было в значительной степени связано с расцветом сибирской золотопромышленности, и увеличение здесь числа купцов. В 1841 г. их насчитывалось в Западной Сибири 1462 чел. (1,6 % городского населения) и 2800 чел. (2,9 % городского населения) в 1849 г. В 1860 г. удельный вес западносибирского купечества во всем городском населении региона превосходит аналогичные показатели рубежа XVIII и XIX вв. и достигает 4,3 % городского населения при общей численности 4738 чел. Исследователь демографических процессов в Западной Сибири в первой половине XIX в. М.Г. Рутц отмечала, что по удельному весу купечества в населении городов Западной Сибири наблюдалось отставание в 20-е, 30-е, 40-е гг. от подобного соотношения купцов и городских сословий в городах Европейской России. В 50–60-е гг. положение меняется, и западносибирские города на 0,3–0,5 % превосходят российские по доли купечества среди горожан⁶¹.

Рассмотрим эти процессы на примере наиболее крупных городов Западной Сибири. В 1800 г. в Томске было объявлено 5 капиталов второй гильдии и 37 капиталов третьей гильдии, а всего в купечестве тогда числилось 122 д. м. п.⁶² Богатейшие купцы города П.Ф. Шумилов и М.А. Мыльников не смогли или не захотели стать купцами первой гильдии, а кроме них во второй гильдии состояли М.И. Губинский, «бухарец» К. Касимов и М.И. Быков. В Тобольске примерно в это же время не было купцов первой гильдии, а во второй состояло 13 семейств, и в них насчитывалось 44 чел., в третьей гильдии было 48 капиталов и 140 чел. Богатейшие купцы Тобольска довольствовались в тот период второй, а то и третьей гильдией. Это относится к купеческим семействам Ершовых, братьев Корнильевых, Сыромятниковых, Шевыриных и некоторых других.

По сравнению с предыдущим периодом наблюдается резкое сокращение числа купеческих капиталов и численности купеческого сословия в этих наиболее крупных по числу купцов городах Западной Сибири. В то же время наблюдается рост купеческих капиталов в некоторых других городах Западной Сибири. Например, в Тюмени в это время было объявлено 5 капиталов второй гильдии и 51 капитал третьей. Среди них выделяются размерами своего капитала семейства купцов Башариных, Гребешковых, Колмогоровых, Прасоловых. На рубеже веков записываются в купечество из мещан несколько семей рода Решетниковых, которые станут впоследствии самыми крупными кожевенными заводчиками Западной Сибири. В Кургане в этот период было объявлено 1 капитал второй и 19 капиталов третьей гильдии, что также можно считать ростом по сравнению с предыдущим периодом. Среди курганского купечества рубежа веков выделяются размерами своего капитала купеческая вдова И.З. Михалева с двумя взрослыми сыновьями Николаем и Севостьяном, Е.И. Кубасов, Я.А. Чебыкин, П.П. Меньшиков, И.И. Кропанин и некоторые другие. Примерно столько же купеческих капиталов было в Ялуторовске – 1 капитал второй гильдии и 21 – третьей, а также 10 капиталов третьей гильдии в Омске⁶³.

Сильное сокращение российского, в том числе и западносибирского купечества, вызвал Манифест 1807 г., поднявший планку для первой гильдии до 50 тыс. руб. объявленного капитала (позднее – 15 тыс. руб. серебром), у второй гильдии размер объявленного капитала достиг 20 тыс. руб. (6 тыс. руб. серебром) и для третьей гильдии минимальный уровень капитала был доведен до 8 тыс. руб. (2,4 тыс. руб. серебром). В Манифесте Александра I указывалось на необходимость добиться преобладания русского купечества во внешней торговле, разрешая создавать для этой цели «товарищества». Купцам первой гильдии позволялось носить шпаги, для них вводилась «бархатная книга знатных купеческих родов», они получали право приезжать к царскому двору, ездить в карете парой и четвернею⁶⁴.

Таким образом, правительство, с одной стороны, давило на купечество непомерно большим налогообложением, а с другой – привлекало на свою сторону верхушку купечества

⁶¹ Рутц М.Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск. 1991. С. 96, 98.

⁶² ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3183. Л. 27–31.

⁶³ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 49. Л. 1–8; Д. 84. Л. 1–14; Д. 94. Л. 1–6.

⁶⁴ ПСЗ-1. Т. 29. № 22418.

чисто внешними атрибутами благородства, которыми подавляющее большинство купцов и не думало пользоваться. Борода лопатой, традиционное русское платье, которое носило даже столичное купечество, включавшее обязательные высокие сапоги и картуз, как-то не гармонировали со шпагами, каретами и царским двором. К такого рода льготам относится и введение в 1800 г. почетного звания «коммерции советник», приравненного к VIII классу гражданской службы. Этот класс давал чиновникам, выслужившимся из «неблагородных» сословий, потомственное дворянство, но коммерции советники оставались в прежнем состоянии, хотя обращаться к ним нужно было «ваше высокоблагородие»⁶⁵. В Сибири в первой половине XIX в. это звание изредка получали крупнейшие откупщики и золотопромышленники. Число их было невелико, и почти все они были приезжими из Европейской России. В Западной Сибири в этот период наибольшую известность получили коммерции советники Поповы, занимавшиеся в основном откупам и золотыми промыслами. Кроме увеличения имущественного ценза, в Манифесте предусматривалась передача в руки первогильдейского капитала всей внешней торговли. Поэтому наряду с сокращением численности купечества в целом отмечается рост числа купцов первой гильдии. В последующие годы падение численности купечества в городах России, а следовательно, уменьшение числа капиталов и дохода с них в казну, умерило пыл российских администраторов в деле увеличения гильдейского ценза. Нормы 1807 г. оставались неизменными до 1863 г., когда реформа определила купеческий статус уже на иных основаниях.

Для купечества Западной Сибири начало XIX в. явилось временем тяжелого кризиса. Его главными причинами были условия, порожденные общероссийской экономической и политической ситуацией. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии требовали от страны напряжения всех сил и необходимые для войны средства получали в том числе и от купечества, которое вынуждено было платить до 5 % с объявленного капитала и еще нести бремя дополнительных местных налогов. После войны углубился общий кризис феодально-крепостнической организации хозяйства, и нужна была смена условий социально-экономического развития России. К числу местных проблем следует отнести переориентацию деятельности купцов с казенных и кабинетских подрядов, поставок и откупов на внутреннюю и внешнюю торговлю, на промыслы и промышленность. Этот процесс был очень болезненным и привел к разорению многие старинные купеческие династии Западной Сибири, так как база их предпринимательства была узка и ненадежна. Тем не менее право на внешнюю торговлю и другие сословные льготы толкали купцов в первой половине XIX в. идти на большие расходы, чтобы быть причисленными к первой гильдии. Купцы-первогильдейцы появлялись не только в крупных городах Западной Сибири, но и в небольших по численности населения городах. Например, в 1821 г. в томских купцах первой гильдии состояли люди преклонного возраста – 80-летний К.Я. Касимов и 67-летний М.А. Мыльников. Близки к ним по возрасту были и два купца второй гильдии – М.П. Карпов (52 года) и П.Ф. Чулошников (56 лет). Всего же в то время в томском купечестве состояло 2 купца первой гильдии, 2 купца второй гильдии и 18 купцов третьей гильдии, а всего в купеческих семьях проживало 41 д. м. п. и 37 д. ж. п.⁶⁶

Значительно больше купеческих капиталов в это время было в г. Тобольске. Так, в 1824 г. В первой гильдии там состояли два брата Ширкова – Алексей Иванович, 62 лет и Иван Иванович – 57 лет, Н.В. Пиленков, 36 лет и М.А. Селиванов, 69 лет. Ко второй гильдии принадлежали Я.П. Ершов – кожевенный заводчик и два брата Большакова – Иван Федорович, 37 лет, и Яков Федорович, 34 лет. Таким образом, в первой гильдии в Тобольске состояло 4 купца, во второй – 3, в третьей гильдии числился 51 владелец купеческого семейного капитала⁶⁷. В небольшом городке Тара Тобольской губернии в 1821 г. в первой гильдии состояла 70-летняя коммерции советница К.Ф. Нерпина, а по второй гильдии – 50-летний Е.В. Филимонов, который был женат на дочери верхотурского купца И. Попова, известного откупщика и золотопромышленника. С 1821

⁶⁵ ПСЗ-1. Т. 26. № 19347.

⁶⁶ ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5994. Л. 161–165.

⁶⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 197. Л. 315–316.

по 1833 г. число капиталов в Таре увеличилось с 3 до 11, Е.В. Филимонов вступил в первую гильдию, а Нерпины в списках купцов уже не значились.

Отметим, что к 1840 г. большинство купцов из списка 1820-х гг. и их наследники не остались в купечестве. Купеческое предпринимательство первой половины XIX в. было слишком рискованно, так как не имело ни организованного кредита, ни государственной поддержки, ни страхования от несчастных случаев и стихийных бедствий. Внутренняя и внешняя политика правительства Николая I, отсутствие серьезных гарантий и поддержки со стороны государства, увеличение налогов и сборов с купечества, тяжелый произвол местной администрации – все это сковывало деловую активность предпринимателей и не располагало к экономическому подъему страны. Кроме этого, обращает на себя внимание пожилой возраст большинства купцов высших гильдий. Они, вероятно, слишком долго держали в своих руках все нити семейного дела и в силу этого не могли подготовить себе смену.

К 1840 г. «золотая лихорадка» в Енисейской тайге дала новый импульс развитию сибирской коммерции. Прежде всего, это коснулось городов Томской губернии. Резко возросла численность купечества в Мариинске, Томске, в других городах губернии. Например, в Томске было объявлено 4 капитала первой гильдии, в которой было записано 10 д. м. п., 7 капиталов второй гильдии с 14 д. м. п. Большинство купцов двух первых гильдий занимались золотопромышленностью и приехали из Европейской России на время, без семей. Этим объясняется малочисленность купеческих семей и диспропорция в этих гильдиях в соотношении числа мужчин и женщин в пользу мужчин. В третьей гильдии было зарегистрировано 29 капиталов и при них 63 д. м. п. Кроме этого, в качестве заявителей капиталов выступила 1 женщина во второй гильдии и 4 женщины в третьей гильдии. Все они были купеческими вдовами и продолжали семейное дело. Всего в томском купечестве в 1840 г. состояло 87 мужчин и 56 женщин (включая членов семей)⁶⁸. В первой гильдии выделялись в этот период приехавшие из Европейской России братья Толкачевы, Архип и Федот, потомственный почетный гражданин Е.В. Филимонов, перебравшийся в Томск из Тары, и М.И. Шумилов. Во второй гильдии из 7 капиталов 4 принадлежали двум ветвям фамилии Серебренниковых, а также Е.Д. Бобкову (на его дочери Федосье женился З.М. Цибульский), В.А. Мыльникову и М.П. Неупокоеву. Следует отметить, что прямые родственные связи между М.А. и В.А. Мыльниковыми и П.Ф. и М.И. Шумиловыми не прослеживаются. Всего в Томской губернии в этот период насчитывалось 7 капиталов второй гильдии (4 капитала в Томске, по одному в Нарыме, Колывани и Барнауле) и 78 капиталов третьей гильдии.

В Барнауле в это время выделялся купец второй гильдии П.А. Баранов с пятью своими сыновьями. К третьей гильдии принадлежали В.Р. и Х.И. Пуртовы, И.И. и Н.В. Пятковы, М.И. Стреляев с тремя сыновьями, братья Петр и Егор Кулаковы, Г.П. Пузырев и другие. В Колывани ко второй гильдии принадлежал В.А. Мыльников, к третьей – И.П. Киселев, Н.А. Третьяков, Н.С. Шебалин и другие. В Кузнецке выделялись купцы третьей гильдии И.С. и В.М. Конюховы, И.И. Ломшаков, Я.В. Копылов, Е.Ф. Рудаков, иногородние купцы из городка Вязники Владимирской губернии Е.О. Щеголев и И.В. Толкачев⁶⁹. О некоторых из них пойдет речь в других главах этой книги, так как они оставили заметный след в золотопромышленности и торговле, в общественной и культурной жизни Сибири.

В г. Омске в 1834 г. было объявлено 8 капиталов третьей гильдии, и к ним было приписано 19 купцов и их сыновей и 18 женщин. Из Вязниковского уезда прибыл Терентий Суриков с тремя сыновьями и братья Назар и Алексей Бурмакины, из мещан записались в омское купечество Павел Абанин, Петр Баушкин и Иван Чечуров, по разным причинам выбыли из купечества к этому времени Н.И. Несговоров, Г.Ф. Коробейников и А.И. Трапезников⁷⁰.

В г. Кургане Тобольской губернии в 1833 г. было объявлено 23 капитала, хотя при более точном подсчете оказалось, что 4 капитала по разным причинам выбыло из гильдии. В курганском купечестве в это время числилось 61 д. м. п. и 54 д. ж. п. Многие из купцов были причислены

⁶⁸ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1942. л. 164–169 (Подсчет наш. – В.Б.).

⁶⁹ Там же. Ф. 196. Оп. 28. Д. 8. Л. 78, 141, 167, 226.

⁷⁰ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 413. Л. 1–7.

к гильдии из вязниковских крестьян. Среди них выделяются отдельно выбравшие купеческие свидетельства братья Чарышевы – Иван, Василий и Абросим Феофановичи, Григорий Козлов, Алексей Богашев и другие. Из тобольских мещан происходила купчиха Марфа Пиленкова, у которой было два взрослых сына – Лев и Акинфий Ильичи. К 1850 г. численность курганского купечества сильно увеличилась. Здесь было объявлено 35 капиталов, в том числе 5 из них – по второй гильдии и 30 – по третьей. Остались в купечестве только немногие купцы из списка 1833 г. Среди них был А.И. Палаумов, происходивший из тобольских мещан, А.И. Богашев, которому к этому времени исполнилось 89 лет (судя по всему, хозяйство вел его внук – 28-летний Василий), и семья Карповых. Из вновь причисленных в купечество выделялись вольноотпущенные крестьяне графини Борхес С.И. Березин и семейство Шведовых. В купцах второй гильдии кроме А.И. Палаумова числились отец и сын Меньшиковы, Ф.И. Шишкин и С.А. Осинцев⁷¹.

Больше всего на 1 января 1834 г. было зарегистрировано купцов в Тобольской губернии: в Тобольске – 125 душ мужского пола и 120 женского и в Тюмени – 102 члена купеческих семей мужского пола и 109 – женского, довольно много купцов проживало в Ялуторовске и Таре⁷². Заметно различие в составе купечества этих городов. Если в Тюмени почти все купцы принадлежали к третьей гильдии, то среди тобольских и тарских купцов выделялись капиталы первой гильдии, владельцы которых впоследствии станут известными на всю Сибирь предпринимателями. В Таре это были Нерпины и Филимоновы, в Тобольске – Пиленковы, Бронниковы, Плотниковы и некоторые другие.

Сильно изменились численность и состав западносибирского купечества к 1860 г. Это была не смена поколений, это было выбывание из купечества целых семей, которые не смогли доказать свою состоятельность. Большую подвижность состава зауральского купечества отмечает Т.В. Копцева – на протяжении 100 лет только 41 семья из 278 сохранила свои коммерческие позиции в регионе⁷³. На наш взгляд, это несколько завышенная доля преемственности купеческих капиталов в изучаемом крае. О.А. Задорожная в своей работе выявила около 600 купеческих фамилий, в том числе только 50 семей были потомственными купцами, а 23 рода были связаны между собой семейно-брачными отношениями⁷⁴. На наш взгляд, вторая точка зрения ближе к истине, и мы попытаемся это показать в последующем на материалах по истории отдельных сибирских городов.

Одним из стимулов, который должен был способствовать удержанию купечества в гильдиях, являлся Манифест 1832 г., введший звание почетного гражданина (личное и потомственное). Это звание присваивалось за выдающиеся заслуги перед городом, за долгую и беспорочную службу чиновникам, учителям и врачам, за крупные пожертвования и т. д. В почетные граждане попадали и купцы первой гильдии, которые смогли продержаться в ней не менее 10 лет⁷⁵, а с 1863 г. – не менее 20 лет. Звание почетного гражданина освобождало от рекрутской повинности, подушного оклада и телесных наказаний, то есть давало те же права, что и купцам двух первых гильдий, но пожизненно и без уплаты гильдейских сборов. Но эта мера не давала желаемого результата, так как предпринимательству, как известно, необходима свобода в различных ее формах. Свобода слова, печати, собраний для организации буржуазных сообществ, свобода передвижения населения и капиталов для формирования соответствующих рынков, либерализм законов в отношении предпринимательства, основанных на принципах невмешательства, и многое другое. На наш взгляд, таких свобод во второй четверти XIX в. в Сибири было недостаточно. В новейших исследованиях по столичному купечеству высказывается иное мнение. А.И. Османов утверждает, что применительно к первой половине XIX в., особенно к эпохе Николая I, для реализации экономического и социального потенциала купечества существовала «благоприятная внешняя среда». «Институциональная среда, – по мнению автора, – в значительной мере способствовала тому, что

⁷¹ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 530. Л. 1–12; Д. 749. Л. 4–91.

⁷² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1449. Л. 472.

⁷³ Копцева Т.В. Духовная культура купечества Зауралья (во второй половине XVIII – первой половине XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 11.

⁷⁴ Задорожная О.А. Купечество Западной Сибири (конец XVIII – первая четверть XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. С. 15.

⁷⁵ Полное собрание законов Российской империи. II Собрание. 1825–1880 гг. (ПСЗ-2). Т. 7. № 284.

во второй четверти XIX в. передовой западный производственный и технологический опыт стал быстро осваиваться отечественной промышленностью»⁷⁶. Конечно, появление первых пароходов и строительство Царскосельской железной дороги, появление фабрик и заводов в окрестностях Петербурга, формирование здесь внесословных групп населения (инженерно-технические и рабочие кадры) – все это была поступь прогресса. Но, во-первых, эти процессы наблюдались преимущественно в столице, а во-вторых, темпы роста могли быть во много раз быстрее, если бы не было николаевского периода реакции и общество приступило бы в 1825 г. к реализации реформаторских планов декабристов. Такова наша позиция в отношении этого периода, которая подтверждается застоем в делах, нестабильностью положения купечества, его слабостью и малочисленностью, вмешательством местной власти во все хозяйственные дела, обременением купцов высокими налогами, постоями и общественными должностями.

Только к 1860 г. коммерческая активность деловых кругов Западной Сибири в связи с расширением добычи золота и общим хозяйственным подъемом несколько оживилась, и, соответственно, выросла численность купечества. Например, в Томске в первой гильдии было зарегистрировано 4 капитала, во второй – 16, в третьей – 69. Всего к томскому купечеству было причислено 233 душ мужского пола. Кроме этого, в городе и округе торговало много иногородних купцов, которым принадлежал 41 капитал⁷⁷. Интересно сопоставить эти данные с численностью купечества по всей Томской губернии: по первой гильдии – 5 капиталов, по второй гильдии – 47, по третьей – 425 капиталов⁷⁸. Получается, что в Томске находилось 80 % купцов первой гильдии, 34 % купцов второй гильдии и 16 % купцов третьей гильдии. Это свидетельствует о высокой концентрации капиталов в губернском центре, несмотря на то, что жители Томска составляли всего 2,6 % населения губернии. Доля купечества Томска среди всего населения города была невелика – чуть более 2 %.

К томскому купечеству первой гильдии принадлежали Г.И. Елисеев, И.Г. Хаймович, Б.Л. Хотимский, А.М. Каминер. Широко известны были в Сибири имена томских купцов второй гильдии: супруги Цибульские, Н.И. Колчин, братья Некрасовы, С.Ф. Хромов, Д.И. Тецков, многочисленный род купцов Серебренниковых и другие. В городе Каинске было объявлено 20 капиталов третьей гильдии, к которым принадлежало 62 мужчины и 63 женщины. Наиболее известные из них: С.М. Митрохин с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми, А.И. Иванов, Е.А. и А.Т. Суриковы, И.П. Ерофеев и другие. В Барнауле к купцам первой гильдии принадлежал Д.И. Флягин с братом Иваном, ко второй гильдии – В.В. Гатиев, В.И. Толкачев и потомственная почетная гражданка П.И. Щеголева. К третьей гильдии принадлежало 30 капиталов барнаульских купцов и 5 иногородних. По Бийску было объявлено 49 капиталов третьей гильдии, и купеческие семьи отличались здесь своей многочисленностью. Ко второй гильдии в этом городе относились П.И. Смирнов, В.С. Поляков, А.И. Носков и А.П. Серков. В городе Семипалатинске было объявлено 10 капиталов второй гильдии, 72 капитала третьей и 13 капиталов иногородних купцов. В Кузнецке в это время было объявлено 20 капиталов третьей гильдии. Длительное время здесь находились в купечестве П.А. Баранов, В.М. Конюхов, Я.В. Копылов, Л.И. Ломшаков и другие. В Мариинске в 1859 г. числился купец первой гильдии, что для небольшого городка было редкостью. Им был известный в Сибири золотопромышленник, потомственный почетный гражданин С.Г. Щеголев. Ко второй гильдии принадлежали М.Ф. Старцев и М.Н. Окулов. Из 32 капиталов третьей гильдии мариинских купцов 12 принадлежало евреям и 3 представителям субботнической секты, что составляло около половины всех капиталов (47 %)⁷⁹. Надо сказать, что доля еврейских купеческих капиталов сначала была весьма значительной в Мариинске и Каинске, а затем стала заметной в других городах Западной Сибири, особенно в Томске.

Особая ситуация складывалась на Алтае, который по своему правовому положению считался горным округом, и там наблюдался довольно низкий процент городских сословий. Исключени-

⁷⁶ Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века. СПб., 2005. С. 139.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 97. Л. 23–50.

⁷⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 106. Л. 77.

⁷⁹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 95. Л. 29–246.

ем был, пожалуй, только Бийск, в котором в 1858 г. (X ревизия) отмечено 588 чел., принадлежавших к купеческому сословию, – 15,6 % городского населения и Кольвань, соответственно, 282 чел. и 12,5 % населения. В Барнауле доля купечества в тот период была ничтожна – 1,1 %, в Кузнецке – 8,6 %. Подавляющее большинство купеческих капиталов объявлялось по низшей третьей гильдии⁸⁰.

В городах Тобольской губернии в середине XIX в. также происходил рост численности местного купечества, шло увеличение числа купцов высших гильдий. Например, в небольшом городке Ишиме было объявлено 3 капитала второй гильдии и 18 – третьей. Среди наиболее крупных по размерам и стабильности капитала выделялись семьи Еманаковых, Берендеевых, Постниковых, Сарычевых и других. Всего в купеческих семьях этого города было 46 мужчин и 51 женщина. В небольшом Туринске был 1 капитал первой гильдии – Я.П. Туликов, перечисленный в местное купечество из коломенских купцов в 1843 г., 1 капитал второй гильдии – записавшийся из туринских мещан В.К. Тетюцкий и 10 капиталов третьей гильдии. Всего в купечестве Туринска числилось 36 мужчин и 40 женщин. В Тюмени в это время было зафиксировано 65 капиталов купеческих семейств, в которых проживало 240 мужчин и 246 женщин. К этому времени лидерство в экономике Тобольской губернии перешло от Тобольска к Тюмени. Город стал крупным торгово-промышленным центром Сибири, здесь концентрировались самые крупные в губернии капиталы, купеческие семьи были самыми большими в крае – 7,3 чел. на семью, что объясняется сильным влиянием на купцов старообрядчества.

В середине века значительно усилилось тарское купечество, хотя в 1834 г. перечислился в томские купцы первой гильдии Е.В. Филимонов, а в 1839 г. – его сыновья, Николай и Аполлон. В первой гильдии здесь числились И.Е. Щербаков и Я.А. Немчинов. Ко второй гильдии принадлежали Л.И. Филатов, Е.И. Кошорников, Т.И. Мелешкин. Всего у тарских купцов при 31 капитале насчитывалось 78 мужчин и 78 женщин. В Березове в этот период было зафиксировано 16 купеческих капиталов, и в них было 42 мужчины и 46 женщин⁸¹.

Очевидно, что реформы 1860-х гг. не могли не коснуться положения российского купечества. Новое законодательство уже на иных основаниях определяло его социальный и экономический статус. Указы правительства Александра II от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г. так очерчивали права и обязанности купцов, их льготы и размеры налогообложения: вся территория Российской империи была разделена на 5 классов, и каждому из них соответствовали свои нормы налогового обложения. Все виды торговых и промышленных действий делились на три основные группы, соответствующие оптовой, розничной и мелочной торговле. Купеческие свидетельства выдавались по первой гильдии для оптового торгова, по второй – для розничного торгова и промысловые свидетельства для мелочной торговли. Крупные города Западной Сибири были отнесены к территории III класса, и плата за свидетельство первой гильдии здесь была 265 руб. в год (как и по всей России), а для второй гильдии – 45 руб., что было на 20 руб. больше, чем для местности V класса, к которой относилась вся остальная территория региона. Кроме гильдейских свидетельств купцам нужно было еще выкупать билеты на каждое торговое или промышленное заведение. В крупных городах для купцов первой гильдии билет стоил 20 руб., для второй гильдии – 15 руб., а для остальной территории Западной Сибири плата была соответственно 10 и 5 руб. за билет⁸².

Стоимость гильдейских свидетельств с годами возрастала. Например, в 1889 г. в Томске было выбрано 8 свидетельств первой гильдии по 776 руб. каждое и 57 билетов той же гильдии по 45 руб. 50 коп. каждый. Для второй гильдии свидетельство стоило 108 руб., а каждый билет стоил 26 руб.⁸³ Купцы, как и прежде, наделялись широкими правами на различные торговые операции, содержание фабрик и заводов, на разного рода поставки, подряды и откупа. Нововведения

⁸⁰ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001. С. 56–57.

⁸¹ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 606. Л. 1–30; Д. 633. Л. 1–7; Д. 650. Л. 19–35; Д. 688. Л. 1–11; Д. 753. Л. 127–135.

⁸² ПСЗ-2. Т. 40. № 41779.

⁸³ Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1990. С. 147.

упорядочили систему отношений между купцами и государством. Законодательство о торговле и промыслах 1863–1865 гг. явилось довольно эффективным и потому долгосрочным средством для развития отечественной экономики. В целом можно согласиться с выводами барнаульского историка А.В. Старцева в том, что российские законы эволюционировали в соответствии с изменяющимися политическими и экономическими условиями жизни страны, и эти изменения в либеральном духе были вынужденной мерой со стороны самодержавия⁸⁴.

Государственная регистрация купечества на новых условиях дала следующие результаты. В 1865 г. в Тобольской губернии было зарегистрировано 514 купеческих капиталов, что составляло 0,05 % от всего населения губернии или 0,56 % от всего городского населения края. В Томской губернии в это время было выбрано примерно столько же купеческих капиталов – 490, хотя население губернии было меньше, чем в Тобольской губернии. Поэтому процент гильдейских свидетельств по отношению ко всему населению губернии был несколько выше – 0,07 %, а доля купеческих капиталов в городском населении края была значительно выше, чем в Тобольской губернии, – 0,9 %. К первой гильдии в Томской губернии относился 31 капитал, в которых числилось 148 д. м. п. и 198 д. ж. п., и 459 капиталов второй гильдии, в которых было 1315 представителей купеческого сословия мужского пола и 1205 – женского. Примерно столько же представителей купечества разного пола и возраста числилось в Тобольской губернии. Таким образом, в 1865 г. В Западной Сибири было заявлено около 1 тыс. купеческих капиталов, в которых насчитывалось около 6 тыс. чел. разного пола и возраста⁸⁵.

В 1875 г. в Тобольской губернии было выбрано 337 гильдейских свидетельств, что дало 0,03 % от всего населения края и 0,5 % от местного городского населения. В Томской губернии в тот год гильдейские свидетельства выкупили 399 чел., что составляло около 0,04 % всего населения губернии и 0,6 % ее городского населения. Кроме этого, в г. Омске и Омском уезде, входившим в состав Западной Сибири, было зарегистрировано еще 89 купеческих капиталов, что давало в сумме на весь регион 815 купеческих капиталов. Позже, в 1883 г., в купечестве Тобольской губернии насчитывалось 869 членов семьи мужского пола и 887 – женского. В Томской губернии к этому времени проживало 1439 д. м. п. и 1358 д. ж. п., что в сумме давало число членов купеческих семей более чем на 1 тыс. чел. больше, чем в Тобольской губернии (2797 чел. против 1756 чел)⁸⁶. Таким образом, в 1883 г. по всей Западной Сибири было около 5 тыс. чел. купеческого сословия, которые составляли около 0,2 % всего населения края и около 2 % городского населения. По сравнению с 1865 г. численность купечества Западной Сибири уменьшилась примерно на 1 тыс. чел., что указывает на слабое хозяйственное развитие края в этот период, малую деловую активность его населения.

В Томской губернии купечество распределялось по городам и округам следующим образом: в губернском городе Томске проживало 649 мужчин и 606 женщин разного возраста, а в Томском округе – всего 12 мужчин и 23 женщины; в Мариинске было 190 мужчин и 175 женщин, а в округе, соответственно, 53 и 31; в Барнауле было зарегистрировано 135 мужчин и 120 женщин, а в округе, соответственно, – 37 и 31. Далее по численности купечества стоят Бийск (80 мужчин и 76 женщин) и Каинск (65 мужчин и 70 женщин)⁸⁷. Анализ списков купечества в небольших городах Томской губернии и сельских округах можно продолжить, хотя и из приведенных примеров очевидно – подавляющее большинство купечества проживало в наиболее крупных городах губернии. По нашим расчетам, в 80-е гг. XIX в. около 75–80 % западносибирского купечества проживало в городах. Купцы, которые проживали в сельской местности, свою деятельность ориентировали на город и значительную часть времени проводили в городах, где часто имели недвижимость в виде жилых домов, лавок

⁸⁴ Старцев А.В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII – начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул. 1995. С. 19.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1281. Он. 7. Д. 77. Л. 26; Он. 6. Д. 118. Л. 26; ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 577. Л. 1–13.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1290. Он. 4. Д. 33. Л. 1–16; ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 546. Л. 5; ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 177. Л. 11–31.

⁸⁷ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 162; Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. Тобольск. 1884. С. 4; Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск, 1885. С. 7.

и промышленных заведений. В свою очередь, купцы, проживавшие в городах, имели в округах торговые и промышленные заведения, дачи, заимки, фермы и другую недвижимость. Деление на городское купечество и купечество в округах в Западной Сибири пореформенного времени было чисто условным и отражалось только в отчетных и статистических документах.

Уменьшение численности западносибирского купечества наблюдалось в 1890 г. Отчасти это объясняется вялым течением хозяйственной жизни региона, когда появились более широкие возможности заниматься предпринимательством, не вступая в купечество. Например, в 1890 г. в Тобольской губернии проживало 1174 купцов с членами их семей, что составляло 0,08 % от всего населения губернии. В том же году в Томской губернии числилось в гильдейском купечестве 1822 чел., которые составляли 0,13 % от всего населения края. В целом по Западной Сибири, включая г. Омск и Омский уезд, в 1890 г. был зафиксирован 3261 купец, что составляло 0,11 % всего населения края и 1,24 % всего городского населения региона⁸⁸. Примененный в данной монографии принцип анализа пропорций сельского, городского и торгового населения Западной Сибири довольно широко использовался в дореволюционной статистике и характеризует уровень развития в крае торгово-денежных отношений, роль купеческого сословия в этих процессах.

Остается добавить, что дореволюционная официальная статистика, делая обобщающие подсчеты, большей частью основывалась на полученных с мест сведениях без критического отношения к ним. Поэтому в документы, а затем и в научно-популярную и научную литературу попадали завышенные данные о численности населения и различных сословных групп. В дореформенное и пореформенное время довольно часто проявлялся феномен «мертвых душ», когда умершие между ревизиями и переписями люди оставались в ведомостях на выплату подушного оклада и оттуда попадали во все статистические отчеты. При подсчетах численности купцов этот феномен проявлялся в меньшей степени, чем при регистрации крестьянства и мещанства, но зачастую не учитывалось то обстоятельство, что некоторые купцы выбывали из купечества по несостоятельности или в связи с переездом. Поэтому преувеличение численности западносибирского купечества проявлялось на всем протяжении изучаемого периода. Например, в Томске в 1877 г. капитала первой гильдии в официальной статистике было показано 24 вместо 20 реально действующих, по второй гильдии – 143 капитала вместо фактически существующего 121 капитала⁸⁹.

В 1890-е гг. в Западной Сибири деловая жизнь заметно активизировалась и стала принимать новые формы. Довольно частым явлением становится объединение купцов в товарищества или торговые дома. В западносибирскую жизнь активно внедряются крупные иногородние и даже иностранные капиталы, которые завоевывают свое право на торговлю в жесткой конкуренции с местными капиталами. Сильное сокращение числа крупных капиталов местного происхождения объясняется сильной конкуренцией, процессом активной концентрации капиталов, внедрением в экономику региона иногородних капиталов, а также значительным увеличением размеров гильдейских сборов. Например, в 1890 г. в первой гильдии томского купечества числилось 10 выкупленных гильдейских свидетельств. В то же время крупных иногородних капиталов первой гильдии здесь было 14. В 1896 г. в Томске было 12 купцов первой гильдии, которые были причислены к местному купечеству и 19 купцов иногородних, 10 торговых домов и товариществ составили томские купцы, а 20 фирм было иногородних, в том числе 3 иностранных. Аналогичные процессы происходили в купечестве второй гильдии⁹⁰.

В середине 1890-х гг. в Западной Сибири в связи со строительством Сибирской железной дороги и общим промышленным подъемом наблюдалось оживление деловой жизни, и численность местного купечества вновь увеличилась. Наиболее полно и объективно данные очи-

⁸⁸ РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 511. Л. 28–39; Д. 513. Л. 73–87; ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15132. Л. 1–2; ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–16; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1290. Л. 13–24.

⁸⁹ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 177. Л. 31.

⁹⁰ Там же. Д. 403. Л. 7–23, 36; *Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 г.* Томск, 1898. С. 152–155. (Подсчет наш. – В.Б.).

сленности западносибирского купечества отражены в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Численность гильдейского купечества в Томской губернии по этой переписи составляла 2232 чел. В Тобольской губернии в это время проживало 1352 чел. купеческого сословия, в г. Омске с уездом числилось 472 купца⁹¹. Доля купечества в составе всего населения края была следующей: в Тобольской губернии – 0,09 %, в Томской – 0,11 %, а в целом по Западной Сибири – 0,1 %. В Западной Сибири проживало более половины всего купечества Сибири (56,7 %). В свою очередь, сибирское купечество составляло около 3 % от купечества Европейской России. Доля купечества в населении Западной Сибири в конце XIX в. в сравнении с подобными показателями по Европейской России была почти в два раза ниже, что указывает на меньшее внедрение в экономику Сибири товарно-денежных отношений, меньшее количество прежде всего торговых людей.

В.А. Скубневский справедливо указывает на высокую концентрацию купеческого капитала в трех крупнейших городах России – Петербурге, Москве и Одессе (около 20 % российского купечества), что дает превышение доли сибирских купеческих капиталов над аналогичными показателями в провинциальных российских городах⁹². В самом конце XIX в. в городах Западной Сибири проживало, как и прежде, подавляющее большинство купцов: в Тобольской губ. – 80,8 %, в Томской – 73,4 %. Доля купечества в составе всего городского населения Западной Сибири была равна 1,4 % и несколько превышала общероссийские показатели (1,3 %). На наш взгляд, соотношение численности купечества с численностью городского населения является одной из важных характеристик экономической политики правительства, степени концентрации купеческого капитала, его роли в хозяйственном развитии края. В составленной нами табл. 2 сделана попытка на примере томского купечества обобщить и сопоставить данные о доле купцов в составе городского населения.

Таблица 2

**Численность томского купечества
и соотношение его с городским населением
в конце XVIII–XIX в.**

Показатель	Годы									
	1770	1785	1800	1809	1821	1840	1860	1877	1887	1897
Население г. Томска	7772	–	–	–	–	12707	18742	27542	39790	52210
В том числе: д. м. п.	3753	3267	4086	4865	6123	7026	11409	–	21009	27006
д. ж. п.	4019	–	–	–	–	5681	7334	–	18781	25204
Купечество г. Томска	–	331	–	–	78	133	–	648	428	683
В том числе: д. м. п.	542	173	122	92	41	87	233	331	225	355
д. ж. п.	–	158	–	–	37	56	–	317	193	328
Доля купечества среди городского населения, %	14,44	5,30	2,99	1,89	0,67	1,24	2,04	2,35	1,08	1,31

⁹¹Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1904. С. 46–47; Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904. С. 40–41; Населенные места Российской империи в 500 и более жителей. СПб., 1905. С. 82.

⁹²Скубневский В.А. Купечество Сибири по материалам переписи 1897 г. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. – 1920-е гг.). Барнаул. 1997. Вып. 2. С. 47.

На основе этой таблицы можно сделать вывод о том, что динамика численности купечества имеет свои пики и спады, которые отражают общую социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, отношение к купечеству со стороны государства, экономическую конъюнктуру местных рынков и т. д. Рост численности западносибирского купечества в абсолютном и процентном выражениях приходится на период «золотой лихорадки» в 60-е гг. XIX в. и на время строительства Сибирской железной дороги в конце XIX в. Спад численности наблюдался в первые два десятилетия XIX в. и в 1880-е гг.

Данные по г. Томску в основном подтверждаются статистическими выкладками по губерниям и уездам Западной Сибири второй половины XIX в., которые мы свели в три таблицы (табл. 3–5).

Таблица 3

Доля горожан, мелких торговцев и гильдейских купцов среди всего населения Западной Сибири в 1865 г.⁹³

Место	Население	Городское население		Мелкие торговцы		Гильдейские купцы	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Тобольская губерния	1096225	92000	7,5	1751	0,16	514	0,04
Томская губерния	754890	54427	7,2	1244	0,15	490	0,08
Омск и Омский уезд	–	–	–	–	–	–	–
Западная Сибирь	1842715	146427	7,4	2995	0,16	1004	0,06

Таблица 4

Доля горожан, мелких торговцев и гильдейских купцов среди всего населения Западной Сибири в 1875 г.

Место	Население	Городское население		Мелкие торговцы		Гильдейские купцы	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Тобольская губерния	1151246	62972	5,5	7072	0,61	337	0,03
Томская губерния	933540	68410	7,3	6608	0,60	399	0,04
Омск и Омский уезд	53141	28584	53,8	462	0,90	89	0,17
Западная Сибирь	2137927	159966	7,4	14162	0,66	815	0,04

⁹³ Таблицы составлены на основе следующих источников. По Томской губернии: РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 205. Л. 142; Оп. 7. Д. 77. Л. 222; Ф. 1284. Оп. 67. Д. 396. Л. 28; Оп. 70. Д. 361. Л. 63; Оп. 223. Д. 188. Л. 47; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 77. Л. 1–89. По Тобольской губернии: РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 90. Л. 135–137; Оп. 7. Д. 75. Л. 164; Ф. 1284. Оп. 67. Д. 295. Л. 76; Оп. 69. Д. 294. Л. 64; Оп. 70. Д. 271. Л. 35; Оп. 223. Д. 144. Л. 39; Д. 155. Л. 65; ТФ ГАТюмО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 355. Л. 2–43. По г. Омску и Омскому уезду: РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 515. Л. 30–31; Оп. 223. Д. 156. Л. 61; Д. 123. Л. 41; ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 13958. Л. 2–5; Ф. 14. Оп. 1. Д. 494. Л. 11–12; Д. 546. Л. 8; Д. 732. Л. 9.

Таблица 5

Доля горожан, мелких торговцев и гильдейских купцов среди всего населения Западной Сибири в 1890 г.

Место	Население	Городское население		Мелкие торговцы		Гильдейские купцы	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Тобольская губерния	1411696	99904	7,1	12328	0,85	1174	0,08
Томская губерния	1396072	123000	8,5	10633	0,77	1822	0,13
Омск и Омский уезд	67895	39541	58,0	852	1,25	292	0,42
Западная Сибирь	2875663	262445	9,2	23813	0,82	3261	0,11

Таким образом, приведенный в данной работе материал позволяет сделать некоторые выводы. Численность купечества в отличие от крестьянства, мещанства и некоторых других сословий может быть определена довольно точно, вплоть до отдельных персоналий. Для этого необходимо было составить списки западносибирского купечества, так как официальная статистика, как правило, преувеличивала число купцов в гильдиях. К причинам такого явления следует отнести фиксацию в качестве членов купеческих семей лиц, по разным причинам из них выбывших (смерть, замужество, смена места жительства, переход в другое сословие и т. д.), приписку к местному городскому купечеству иногородних купцов.

В течение продолжительного времени из купечества Западной Сибири шло постоянное «вымывание» несостоятельных и малосостоятельных элементов, и только после реформы 1861 г. об этом сословии здесь можно говорить как о торгово-промышленном, где концентрировались крупные капиталы и складывались предпосылки для формирования вокруг купеческого ядра крупной местной буржуазии. Являясь ничтожной частью городского населения, купцы тем не менее оказывали сильное влияние на все стороны общественной жизни города, во многом определяли особенности его развития в изучаемый период. В то же время западносибирское купечество не являлось сословием в строгом смысле этого слова, так как принадлежность к купечеству нужно было регулярно доказывать своей состоятельностью и платежеспособностью. Последнее заключалось в возможности исправно рассчитываться со своими кредиторами и выплачивать довольно высокие налоги. Не каждому купцу это было по силам, и в купеческом сословии наблюдалась довольно активная «ротация кадров». Поэтому освещение динамики численности купечества должно быть дополнено более детальным изучением процессов, протекавших внутри изучаемого сословия, характеристикой происхождения и состава западносибирского купечества.

1.2. Происхождение и состав западносибирского купечества

Проблемы происхождения и состава западносибирского купечества находятся в тесной связи с данными об общей его численности, причем существенно их дополняют и детализируют. Происхождение той или иной социальной группы, в том числе регионального купечества, является одной из важных и сложных проблем отечественной историографии. Сложность решения этой проблемы заключается в том, что необходимо рассмотреть социальный, национальный, возрастной и отраслевой состав купечества в динамике, на разных этапах его развития.

В источниках по истории купечества эти стороны его жизни отражены слабо, имеют отрывочный и зачастую противоречивый характер. Для полноты такого рода сведений составлены

списки западносибирских купцов с интервалом через 15–20 лет. Такой комплексный список позволяет избежать фрагментарности в изображении ряда рассматриваемых сюжетов и дать достаточно целостное представление о составе купечества Западной Сибири в изучаемый период. Тем не менее такие списки имеют некоторые пробелы, так как полностью охватить своим вниманием все многотысячное западносибирское купечество не удалось. Поэтому в нашей работе использованы данные прежде всего по истории формирования томского купечества, которые, имея некоторые особенности, были во многом типичны для Западно-Сибирского региона, особенно для его крупных городов.

В конце XVIII в. состав западносибирского купечества был довольно пестрым. В разных городах края доля потомственных купцов, то есть родившихся и проживших в купеческих семьях до своего вступления в гильдию, различалась. Это было связано с тем, что до 1775 г. законодательные и имущественные препятствия для вступления в купечество практически отсутствовали, и многие горожане вступали в купечество не для занятий торговлей и промыслами, а для получения сословных гильдейских льгот. Особенно это обстоятельство касалось старинного тобольского купечества. По ревизии 1795 г., в Тобольске числилось 12 капиталов второй гильдии и 72 купеческих капитала в третьей гильдии. Сравнивая этот список со списком тобольских купцов в 1782 г., приходим к выводу, что около половины (47 %) купцов в 1795 г. вновь оказались в списке. Во главе этой группы стояли крупнейшие предприниматели края, купцы второй гильдии В.Я. и А.Я. Корнильевы, Я.Ф. и И.Ф. Сыромятниковы, П.Д. Володимеров, Г.И. Дьяконов, Ф.А. Кремлев, П.Е. Шевырин, С.П. Ершов и другие⁹⁴, однако отрезок времени в 10–15 лет еще недостаточен для того, чтобы относить их к потомственным купцам.

Как известно, генеалогический счет предполагает, что на протяжении века (100 лет) сменяется 4 поколения женщин и 3 поколения мужчин. Отсчет ведется по усредненным показателям от момента рождения до появления в собственной семье детей. Для мужчин это возраст 30–35 лет, отклонения в ту или иную сторону возможны, но они только подтверждают правило. Именно в этом возрасте происходила запись выделившихся из отеческого дома молодых людей в самостоятельные купцы. В связи с этим доля потомственных тобольских купцов была намного меньше. По расчетам В.Н. Разгона, к концу XVIII в. в Тобольске было около 7 % купцов, которые вели свое происхождение от купцов-оптовиков начала века (9 из 127), и такой же процент был при сопоставлении списков 1795 г. с данными середины века (4 из 57). Намного выше была доля потомственных купцов в Тюмени (30,9 %), что было связано в большей степени с совмещением торговых и промышленных занятий. Более высокий процент был только в Туринске, где около половины купцов можно было смело отнести к потомственным. Правда, их было немного (7 из 16), но фамилии крупнейших из них – Панаевых и Колмогоровых принадлежали к самым известным и богатым предпринимательским фамилиям Сибири⁹⁵.

По ревизии 1782 г., в Тюмени числились 1 капитал второй гильдии и 46 капиталов третьей. В купеческих семьях тогда проживало 119 д. м. п. и 127 д. ж. п. В 1791 г. вторая гильдия насчитывала уже 5 капиталов, а третья – 53. В обоих списках фигурировали П.М. Башарин, И.Д. Лобанов, И.В. Колмогоров, М.В. Гребешков, С.И. и М.Г. Прасоловы, Ф.Г. Быков, И.А. Стукалов, А.М. Титов и другие, что составляло около трети всех купцов. Довольно много тюменских купцов вели свое происхождение из мещан и цеховых ремесленников. Например, В.О. Барашков указал, что происходит из мещан, а его родственник Т.С. Барашков – из цеховых ремесленников. В 1791 г. пять купцов Решетниковых указывали на свое мещанское происхождение, из цеховых ремесленников происходили И.В. Тонких и В.К. Щетинин, из тюменских ямщиков происходил С.А. Шушкин. Всего около половины тюменских купцов происходили из городских сословий – мещан и цеховых ремесленников. Остальные купцы были из крестьянства и ямщиков⁹⁶. Более пестрым по

⁹⁴ ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 84. Л. 1–141.

⁹⁵ Разгон В.Н. Преемственность капиталов сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // Современное историческое краеведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 144–145.

⁹⁶ Там же. Д. 29. Л. 2–30; *Обывательская книга города Тюмени на 1789–1791 гг.* // Библиотека Тобольского губернского музея. ТМ КП № 12545. Л. 81–99.

своему социальному происхождению было купечество Ялуторовска и Омска. В первом городе числился 21 купеческий капитал, во втором – 14. Если в Ялуторовске большинство купцов было крестьянского и мещанского происхождения, то молодое омское купечество было составлено из мещан, отставных драгун и канцеляристов, казаков и «бухарцев». Преимущественно крестьянского происхождения были курганские купцы. По «ревизской сказке» 1794 г., в Кургане зафиксировано 2 капитала второй гильдии (купеческая вдова И.З. Михалева и Е.И. Кубасов) и 18 капиталов третьей гильдии. Большинство из них были среднего возраста (30–40 лет) и находились в купеческой гильдии в первом поколении⁹⁷.

Рассмотрим состав купечества Томска в 80-е гг. XVIII в. По всем трем гильдиям здесь числилось 69 купцов. Среди них 26 происходили из местной купеческой среды (38 %), 3 были из приезжих купцов (4,5 %), 32 человека имели свое происхождение из крестьян, подавляющее большинство которых составляли горнозаводские крестьяне (45 %), 3 купца происходили из отставных казаков (4,5 %), 2 были из приезжих «бухарцев», по одному купцу в Томске представили городские обыватели (мещане), дворяне и низшее духовенство (один отставной дьяк).

Национальный и в соответствии с этим вероисповедальный состав томских купцов был в то время практически однородным: 97 % русских купцов исповедовало православие, и только два купца были уроженцами Средней Азии и считали себя мусульманами.

Интересно рассмотреть возрастной состав томских купцов. Больше половины из них (51 %) были в возрасте от 30 до 50 лет, то есть в годы зрелости и расцвета, когда человек мог сполна отвечать за свои поступки и по праву находиться у руля семейного коммерческого дела. На полюсах этой «золотой середины» равновесия не было, так как купцов до 30 лет было 13 %, а старше 50 – 36 %. Обращает на себя внимание значительное число купцов преклонного возраста (старше 60 лет), что говорит о высокой продолжительности жизни томских купцов XVIII в., их крепком здоровье и хорошо сохранившейся ясности ума.

Любопытно сопоставить в этой связи возраст купцов и их жен. Бросается в глаза то, что женщин преклонного (свыше 60 лет) возраста более чем в три раза меньше, чем мужчин этой возрастной группы, что говорит о меньшей продолжительности жизни женщин и о традиции брать жен значительно младше себя. Превышение числа женщин в группе до 30 лет над числом мужчин этой же возрастной группы указывает на то, что девушек в то время в городской и отчасти в сельской среде (значительная часть купчих была из крестьянок) отдавали замуж очень рано. В документах того времени отмечены браки, где купеческие жены в 16–18 лет уже имели детей. В то же время среди мужчин нет ни одного, кто вел бы самостоятельно дело в возрасте до 25 лет. В исследуемых 65 полных и 4 неполных (глава семьи был вдовцом) купеческих семьях в 1785 г. было 220 детей, в том числе 107 мальчиков и 113 девочек, что дает более чем 3 ребенка на каждую семью⁹⁸. Этот показатель в исторической демографии называется детской плотностью, и в купеческих семьях он был довольно высок. Он был выше в тех городах, где был выше процент выходцев из крестьянства и меньше в старых торговых центрах⁹⁹.

При освещении дальнейшей истории западносибирского купечества в архивах не удалось обнаружить такого полного источника, как «Обывательские книги» городов Западной Сибири за 1785–1791 гг. В соответствии с этим возможности для всестороннего анализа поставленной проблемы не так широки, как этого бы хотелось. Протекционистская политика правительства Екатерины II в отношении купечества сказывалась не только в льготах и привилегиях, которые способствовали росту численности и богатству купцов, но и вниманию к ним в официальном делопроизводстве.

Правительство Александра I проводило жесткую политику в отношении купечества, так как дефицит государственного бюджета в условиях тяжелых войн начала XIX в. был постоянным. Размеры объявленного капитала и налогов с них были увеличены в несколько раз, что привело к резкому уменьшению численности купечества и кардинальному изменению

⁹⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 49; Д. 213.

⁹⁸ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1125. Л. 319–344.

⁹⁹ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. М., 1999. С. 119.

его состава. Практически полностью прекратилось пополнение купечества из мещан и крестьян, так как находиться в гильдиях стало невыгодным делом. Например, в 1815 г. в Томске отмечено купцов первой гильдии 4 человека. Все они были людьми пожилыми и свои капиталы составляли в основном в XVIII в.: 73-летний К.Я. Касимов, 62-летний М.А. Мыльников, 69-летняя вдова купца П.Ф. Шумилова Парасковья и 54-летний М.Б. Серебренников. Капиталов второй гильдии в Томске в это время не было (по крайней мере в рассматриваемом источнике таковых не отмечено), а капиталы третьей гильдии объявили 6 семейств. Во главе них стояли М.И. Быков 68 лет, Ф.Ф. Барковский 54 лет, Ф.Д. Базанов 71 года, П.Ф. Чулошников 47 лет и две купеческие вдовы – Дарья Затинщикова 55 лет и Авдотья Непокоева 64 лет¹⁰⁰.

Городовая обывательская книга по Таре в 1819 г. во многом подтверждает сведения об упадке сибирского купечества в начале XIX в. В этом известном сибирском торговом городе осталось всего 5 купеческих семей. В первой гильдии числилась коммерции советница 69-летняя вдова К.Ф. Нерпина, во второй гильдии было три брата Филимоновых во главе с 50-летним Евтихием, в третьей гильдии находились Н.В. Зырянов (38 лет), М.Г. Пушкарев (66 лет) и Ф.А. Чернов (57 лет). К 1833 г. все эти купеческие фамилии остались в списках купцов (кроме К.Ф. Нерпиной), но против фамилии Пушкаревых, в составе которой было 4 сына, 3 внука, 2 дочери и 2 внучки, стоит пометка: выбыли с 1828 г. в мещане. Ф.А. Чернов умер в 1826 г. без наследников, а Я.И. Чернов, где было 3 сына и 3 дочери, выбыл в 1827 г. в мещане и т. д. Всего в Таре в 1833 г. было зарегистрировано 6 реально действовавших капиталов, хотя в списке фигурирует 11 купеческих семей¹⁰¹.

Данные о томском купечестве 1821 г. также говорят о том, что экономического подъема и, как следствие, резкого увеличения числа зарегистрированных купцов здесь еще не произошло. Всего тогда в Томске насчитывалось 22 капитала, в том числе по двум высшим гильдиям отмечено по два капитала, по третьей гильдии – 18. К сожалению, в источниках за 1821 г. социальное происхождение купцов не отмечено, но можно сравнивать возраст глав купеческих семей. Доля купцов в возрасте свыше 50 лет за 36 лет, прошедших с момента регистрации купечества в 1785 г., увеличилась с 36 до 54 %, «золотая середина» в возрасте от 30 до 50 лет уменьшилась с 51 до 46 %, а глав купеческих капиталов младше 30 лет в документе не зафиксировано. С 1785 по 1821 гг. сильно изменился и социальный состав женщин в купеческих семьях. За это время более чем в три раза увеличилась доля потомственных купчих, почти в три раза уменьшилась доля крестьянок и почти не уменьшилась доля мещанок. Существенных изменений в возрастном составе в этот период не произошло: больше половины всех купчих – не старше 40 лет, как и прежде, мужья значительно старше своих жен¹⁰².

По национальному составу купечество Западной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. оставалось практически однородным. Русские православного вероисповедания составляли подавляющее большинство западносибирских купцов. Одним из исключений в этот период являлся крупный томский торговец разного рода товарами, прежде всего китайскими, Калина Касимов. В одних случаях он упоминался как «бухарец», в других о нем говорилось, что он из «ясашных татар». Но с 1785 г., когда ему уже было 43 года, и по 1821 г., т. е. почти до 80 лет, он числился в списках томского купечества, причем несколько лет по первой гильдии. Его сын рано умер, а внук Гурбан не смог продолжить дело своего деда.

Сравнивая данные Обывательских книг за 1815–1821 гг. с предыдущими материалами, можно отметить, что за три десятилетия среди западносибирского купечества значительно увеличилась доля потомственного купечества, что большинство купцов было преклонного возраста и само существование купеческого сословия в это время было поставлено под угрозу. Такие обстоятельства свидетельствуют о вырождении старинного купечества, которое вместе со всей системой социально-экономических отношений переживало глубокий кризис

¹⁰⁰ ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5508. Л. 172–175.

¹⁰¹ ТФГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 468. Л. 3–56.

¹⁰² ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5994. Л. 161–168.

и не смогло приспособиться к новым условиям предпринимательства и обеспечить себя достойной сменой.

Что касается отраслевого состава западносибирского купечества в конце XVIII – начале XIX в., то трудно определить достаточно четко и точно род занятий каждой купеческой семьи. В общих чертах можно сказать, что верхушка купечества, кроме традиционной оптовой и розничной торговли (о последнем свидетельствует большое количество у них деревянных и каменных лавок), занималась подрядами, откупам и поставками. Особенно это касается тобольского купечества, традиционно близкого к местной администрации и умевшего извлекать из этого свою пользу. Тюменское купечество вкладывало большие капиталы в обрабатывающую, прежде всего в кожевенную, промышленность. Меньшая часть западносибирских купцов совмещала торговлю с доставкой грузов сухопутным путем и по воде. Предпринимательство в этот период в Сибири в целом было без особой специализации. Однако ее отсутствие еще не свидетельствовало о комплексном способе ведения коммерческих дел. Диверсификация, т. е. одновременное вкладывание капиталов в различные отрасли местного хозяйства, была еще впереди. Только во второй половине XIX в. в городах Западной Сибири начнут складываться семейные, и не только семейные, фирмы и товарищества с широким спектром разного рода коммерческих занятий, где торговля дополнялась промышленностью, а транспортировка кладей – ростовщицеством. На рубеже XVIII и XIX вв. выбор предпринимательской деятельности определялся местной экономической конъюнктурой и прямой выгодой.

Сильное влияние на состав западносибирского купечества оказала отраслевая перестройка 30–40-х гг. XIX в. В это время начинается активный промысел золота в Енисейской тайге, что влечет за собой оформление регионального рынка и появление новой для Сибири социальной группы золотопромышленников, которые для ведения своих дел должны были вступать в гильдии. Поэтому в высших гильдиях купечества в этот период находятся преимущественно золотопромышленники или купцы, совмещающие добычу золота с торговлей. Большинство из них приехало в Западную Сибирь, преимущественно в города Томской губернии, из Европейской России, где они также состояли в купеческих гильдиях. Наиболее видные из них – Н.Ф. Мясников, Ф.И. и А.Я. Поповы, Е.В. Филимонов, Е.Д. Бобков, братья Толкачевы, Федот и Архип. В 1849 г. А.С. Толкачев стал потомственным почетным гражданином вместе со своим многочисленным семейством¹⁰³. Ф.С. Толкачев прожил здесь долгую жизнь и умер 1 июля 1886 г. в возрасте 92 лет, оставив наследникам более 800 тыс. руб. капитала и пожертвовав по завещанию 50 тыс. руб. на постройку в городе кафедрального собора. Съехавшиеся в Томск наследники вскоре покинули Сибирь с разделенными между ними деньгами¹⁰⁴. В купечество в этот период вынуждены были вступить наиболее предприимчивые местные чиновники, которые иногда через брачные союзы становились наследниками купеческих капиталов и владельцами золотых приисков. К их числу принадлежал Ф.А. Горохов, который женился на дочери А.Е. Филимонова, и З.М. Цибульский, женатый на дочери умершего в 1843 г. Е.Д. Бобкова¹⁰⁵.

Сильнее в этот период проявляется заинтересованность купцов в развитии собственной промышленности и транспорта. Все чаще торговля совмещается с выделкой кож, производством мыла и свечей, судовладением и извозом. Это, в свою очередь, приводило не только к увеличению численности купечества, но и к размыванию узкосословных купеческих рамок, вливанию в гильдии людей разного звания, состояния и национальности, что было предпосылкой для образования на базе купечества местной буржуазии. Однако процесс этот был долгий и сложный и к середине XIX в. не завершился.

Как и прежде, доля купцов пожилого и зрелого возраста оставалась значительной. Например, в Томске больше всего было купцов в возрасте от 50 до 60 лет (44 %), далее шла группа

¹⁰³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4838.

¹⁰⁴ Сибирская газета. 1886. 3 августа.

¹⁰⁵ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1772. Л. 177; Д. 1942. Л. 167.

в возрасте от 40 до 50 лет – 28 % и люди старше 60 лет – 17 %. Доля купцов моложе 40 лет была самой небольшой – 11 %¹⁰⁶.

В 50-х гг. XIX в. численность купечества Западной Сибири заметно увеличилась. Например, в Тобольской губернии с 1824 по 1851 гг., по расчетам Ю.А. Гагемейстера, число купцов (мужчин и женщин) первой гильдии увеличилось с 21 до 49 чел., купцов второй гильдии – со 105 до 188 чел., в третьей гильдии увеличение было самым значительным – с 447 до 1765 чел., за это же время здесь во много раз выросла численность иногородних купцов: с 15 д. о. п. до 177 д. о. п. Еще более активный рост купечества наблюдался в Томской губернии. Первая гильдия увеличилась более чем в два раза, вторая – более чем в три раза, третья – со 187 до 1840 д. о. п., т. е. в 10 раз. Иногородние купцы в Томской губернии были представлены в тот период слабее, чем в соседней Тобольской губернии: в 1824 г. там было только 5 д. м. п., в 1851 г. – 27 д. м. п. и 15 д. ж. п.¹⁰⁷

В середине XIX в. происходит структурная и территориальная перестройка купеческогословия. Прежде всего, уменьшается хозяйственное значение Тобольска и тобольского купечества. По девятой «ревизской сказке» 1850 г., здесь уже не числились могущественные прежде купеческие фамилии (состояли из нескольких семей) Ширковых, Пиленковых, Большаковых, Селивановых и некоторых других. Например, А.П. Селиванов, происходивший из иркутских купцов, в 1846 г. умер. В Тобольске осталось два купца третьей гильдии Петр и Василий Плехановы. Их братья Евгений и Степан перечислились в березовские купцы, а Михаил умер в 1837 г. Некоторые купцы перечислились в купечество других городов, некоторые разорились или умерли, а их наследники не смогли продолжить фамильное дело. Пополнение купечества из крестьян Тобольского округа и тобольских мещан не могло компенсировать потери, и местные купцы утратили ведущее место среди западносибирского купечества¹⁰⁸.

В силу географических, экономических и социальных причин на ведущее место в экономике Западной Сибири выдвигается Тюмень. Этот город находился на большом торговом пути, связывавшем Сибирь с Россией. Здесь заканчивался водный путь с востока, и Тюмень являлась крупным перевалочным пунктом Сибири. Она ближе других городов была расположена к Уралу и его заводам, беспошлинная торговля со Средней Азией давала для тюменских купцов массу сырья для своих промышленных заведений. Поэтому в 1851 г. в Тюмени было сосредоточено больше трети западносибирских купцов первой гильдии, 12,5 % купцов второй гильдии и 11,8 % купцов третьей гильдии. Среди них выделялись купеческие рода, которые, как правило, принадлежали старообрядчеству и занимались кожевенным промыслом, например, Г.М. Решетников, который умер в возрасте 72 лет в 1846 г., оставил дело 6 своим сыновьям. Кроме них в Тюмени было еще несколько купеческих семей Решетниковых. Таким же многочисленным родом отличались старообрядцы Барашковы, Котовщиковы и другие¹⁰⁹.

В несколько раз по сравнению с предыдущим периодом увеличилось число купцов в Таре. В 1850 г. там числилось в купеческих семьях 78 д. м. п. и 78 д. ж. п. при 31 капитале. Некоторые из них стали предпринимателями общесибирского масштаба и уехали из Тары. Так, купцы первой гильдии Кузьма и Евтихий Филимоновы были в 1834 г. перечислены в томские купцы, а Я.А. Немчинов, происходивший из тарских мещан, большей частью проживал в Кяхте. Из тарских крестьян происходил купец первой гильдии И.Е. Щербаков, второй гильдии Е.И. Кашорников, третьей гильдии П.М. Зубов, у которого было 7 сыновей от 20 до 38 лет и дочь Павла 19 лет, из вольноотпущенных крестьян был А.П. Петров. Большинство тарских купцов происходило из местного мещанства. К ним принадлежали П.И. Катов, Н.И. Скуратов, Е.С. Пятков, П.И. Потанин, И.Е. Панков и другие. Некоторые купцы были перечислены в Тару из других городов России. Из пермских купцов был перечислен в тарские Л.И. Филатов, из егорьевских – Т.И. Мелешкин, из вятских – И.А. Сели-

¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1942. Л. 165–169.

¹⁰⁷ Гагемейстер Ю.А. Указ. соч. С. 566. (подсчет наш. – В.Б.)

¹⁰⁸ ТФ ГАТюмО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 197. Л. 309–324; Ф. 154. Оп. 8. Д. 554. Л. 6–103.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 154. Оп. 8. Д. 606. Л. 8–31.

хов¹¹⁰. Такая же картина численного роста и структурной перестройки купечества складывалась в других городах Западной Сибири.

Отмеченные выше тенденции развития западносибирского купечества сохранялись на протяжении всего дореформенного времени. Происходили значительные количественные изменения: увеличивалось число купцов как по региону в целом, так и в отдельных гильдиях, рос удельный вес купечества среди других слоев населения. Это сословие становилось все более открытым, доступным для разбогатевших мещан и крестьян, так как плата за вступление в гильдию не менялась на протяжении всей первой половины XIX в. и в условиях постоянного обесценивания русского рубля выгоды от нахождения в гильдии перекрывали расходы, связанные с нахождением в ней.

В связи с этим в 1860 г. в Западной Сибири продолжался рост численности западносибирского купечества. В конце пореформенного периода в регионе начинают складываться купеческие династии, которые в конце XIX в. насчитывали уже два и более поколений. Именно в купеческой среде, прежде всего, воспитывались необходимые для предпринимательства качества: подчиненность жизненного уклада интересам дела, трудолюбие, сноровка, коммерческий склад ума и умение ладить с людьми разных социальных уровней. Достаточно строгий отбор предпринимался купцами при вступлении новичков в гильдию. Кандидат в купцы должен был не только представить от своих поручителей свидетельства о его состоятельности, но и ежегодно доказывать свои деловые качества. Записавшемуся в купцы должны были доверять в купеческой среде, и он должен был стараться добиться всеобщего признания. Поэтому региональное купечество стало в пореформенное время тем ядром, вокруг которого начала складываться западносибирская буржуазия.

В 1859 г. в Томске было зарегистрировано 90 купеческих капиталов, в том числе 4 капитала по первой гильдии (4,4 % всех капиталов), 17 – второй гильдии (18,8 %) и 69 – третьей гильдии (76,8 %)¹¹¹. Не только в Томске, но и в других сибирских городах после отказа правительства от винных откупов стали заметны капиталы винокуренных заводчиков и виноторговцев. Сюда стали переселяться предприниматели из Европейской России, прежде всего из западных губерний, из черты еврейской оседлости. Среди них были опытные специалисты по части винокурения, которых не хватало в Сибири. Приезжие евреи охотно шли на службу по виноторговой части, которая не пользовалась у сибиряков популярностью, и быстро там составляли значительные капиталы. Массовый характер такое переселение приобрело после принятия закона 1865 г. «О дозволении евреям жить во всех местах Империи и заниматься безо всяких ограничений, на одинаковых со всеми русскими правах, ремеслами и промыслами, соответственно их правам и способностям»¹¹².

Но и до этого указа наблюдалось внедрение евреев в сибирскую экономику и вступление их в гильдейское купечество. Например, в 1860 г. в Томске из 4 капиталов первой гильдии 3 принадлежало евреям: А.И. Хаймовичу, Б.Л. Хотимскому, А.М. Каминеру. Во второй гильдии из 17 капиталов 2 принадлежало евреям, в третьей гильдии из 69 – 5 капиталов¹¹³. Следует отметить, что евреи в Томск с середины XIX в. попадали не только из черты оседлости. Некоторые из них остались здесь после отставки со службы в местном гарнизоне кантонистами, и большинство из них занялось разного рода коммерцией. Часть евреев, перешедших затем в томское купечество, переселились из мест их концентрации в Томской губернии: Каннска (Хотимские), Мариинска (Лейбовичи и Хаймовичи) и других городов. Люди других национальностей в меньшей степени стремились в купцы: 3 капитала третьей гильдии в Томске принадлежало полякам, 2 – татарам.

В 1859 г. в Барнауле были зарегистрированы: один купец первой гильдии – Д.И. Флягин, три купца второй гильдии – В.И. Толкачев, отец которого, как и Е.О. Щеголев, происходил из вязников-

¹¹⁰ ТФГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 650. Л. 19–119.

¹¹¹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 97. Л. 23–50. (Подсчет наш. – В.Б.).

¹¹² ПСЗ-2. Т. 23. № 42 264.

¹¹³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 97. Л. 23–50.

ских мещан Владимирской губернии, В.В. Гатиев и потомственная почетная гражданка П.И. Щеголева. В третьей гильдии числилось 30 купеческих капиталов, среди которых выделялись капиталы Н.Т. Сухова, П.Г. Пузырева, И.А. Пермитина и других. Некоторые купеческие семьи отличались от других своей многочисленностью. Например, в семье Евлампия Рассохина было 5 сыновей и 4 дочери, у П.В. Басина – 3 сына и 4 дочери, Е.В. Шеина – 4 сына, в семье С.И. Зуева было 16 человек, а у К.Л. Крюкова – 22 д. о. п. В Бийске в 1859 г. было зарегистрировано 4 купца второй гильдии – П.И. Смирнов, В.С. Поляков, А.И. Носков и А.П. Серков. В третьей гильдии зафиксировано 45 капиталов. В других городах Западной Сибири также наблюдается бурный рост численности купеческого сословия. В некоторых из них, как и в Томске, была нарушена национальная однородность местного купечества. Например, в Мариинске из 32 объявленных капиталов 12 принадлежали евреям, в Барнауле из 34 капиталов 4 принадлежали «бухарцам»¹¹⁴.

В различных списках западносибирских купцов только изредка упоминается их происхождение. Сравнивая списки купцов отдельных городов и округов дореформенного времени можно довольно точно определить долю потомственного купечества в тот или иной период. Колебание численности западносибирского купечества в первой половине XIX в. не позволяло создать в этот период достаточно долговременные, многопоколенные династии. Каждые два-три десятилетия происходила почти полная смена состава купечества, и вновь начинался процесс его формирования из представителей крестьянства, городских сословий и приезжих купцов. Вследствие этого в большей степени, чем раньше, разрушается национальная и религиозная однородность гильдейского купечества, начинается сложный процесс классового образования. Сходные процессы происходили и в других городах Сибири¹¹⁵.

Следующий этап истории западносибирского купечества наступает после реформы 1861 г. Реформа открывает новые возможности в разных сферах жизни, в том числе в торговле и промышленности. Этому способствовало принятие в 1863 г. и усовершенствование в 1865 г. прогрессивного законодательства о торговле и промыслах в Российской империи. Тем не менее значительная часть дореформенного купечества органично вошла в состав пореформенного купечества. В особенности это было заметно в старых торговых центрах: Томске, Тюмени, Кургане и некоторых других, где были купеческие роды, насчитывающие в конце XIX в. два и более поколений. Например, в Томске уже в 1847 г. в купечестве числились фамилии крупнейших в крае предпринимателей: Тецковых, Ереневых, Валгусовых, Вытных и некоторых других. В Тюмени с дореформенного времени вели свое происхождение чаоторговцы П.И. Молодых и П.П. Воинов, купцы первой гильдии А.И. Иевлев и П.И. Подаруев, И.Е. Проскураков, И.В. Сорокин и другие. В Кургане в 1880-е гг. купцами во втором поколении были Ф.В. Шишкин, Ф.С. Березин, братья Папуловы¹¹⁶.

Сведения о некоторых других старых и богатых купеческих родах края содержатся в формулярных списках лиц купеческого сословия и их семейств, представленных в потомственное почетное гражданство. Для того чтобы попасть в почетные граждане, необходимо было состоять в купечестве первых двух гильдий не менее 20 лет и сделать значительные пожертвования в пользу города. По известным нам формулярам, к ним относились тюменские купцы Тюфины, Решетниковы, Шешуковы, Колмогоровы, томские купцы Хотимские и Толкачевы, тарский первой гильдии купец М.Ф. Пятков, колыванский второй гильдии купец Е.А. Жернаков и тобольский первой гильдии купец М.Д. Плотников¹¹⁷.

По нашим подсчетам, доля потомственного гильдейского купечества была весьма значительной, и в первое пореформенное десятилетие составляла около половины всего купечества региона. Однако постепенно эта доля снижалась за счет новых вступивших членов в его ряды

¹¹⁴ Там же. Д. 95. Л. 29–292; ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3489. Л. 3–11.

¹¹⁵ Шахров В.П. Экономико-правовые аспекты классово-правовой структуры сибирского города в период позднего феодализма // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1984. С. 3–14; Разгон В.Н. Об особенностях первоначального накопления капитала в феодальной Сибири // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Вып. 1. Томск, 1991. С. 216–228.

¹¹⁶ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2178. Л. 1–8; ГАКО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.

¹¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 2221, 4077, 4254, 4838, 4903, 5219, 5517.

и к середине 1890-х гг. составляла около 36 %. За пореформенный период многие представители старинного купечества сходят со сцены торгово-промышленной жизни края: некоторые из них разорились, не сумев приспособиться к новым экономическим условиям, другие прожили свои капиталы, ведя разгульный образ жизни, или перешли в категорию рантье. Часть западносибирских купцов переехала в Европейскую Россию, преимущественно в Москву, куда стягивались крупные капиталы провинциального купечества. Однако в целом потомственные купцы до конца XIX в. сохранили ключевые позиции в экономической жизни края. Зачастую главную роль играл не финансовый ресурс предпринимателя, а различного рода связи с торгово-промышленными и административными кругами края, дававшими возможность получать выгодные заказы и кредитоваться. Подобную характеристику можно перенести на макро- и микроуровни. В первом случае можно говорить о российском купечестве в целом, которое было хорошо подготовлено к участию в капиталистическом производстве, и в конце XIX в. купцам Центральной России принадлежало около трети всех предприятий. По расчетам М.К. Шацилло, купечество являлось не только самым многочисленным, но и самым мощным отрядом буржуазии: в Европейской России купцы владели почти половиной всех крупных и крупнейших фабрик¹¹⁸.

На микроуровне можно рассмотреть состав томского купечества. По первой гильдии с правом оптового торга и приравненных к нему занятий в Томске в 1877 г. было зарегистрировано 19 личных капиталов, и один капитал приходился на Сибирский общественный банк Поповых. По второй гильдии, дающей право на розничный торг, было объявлено 125 капиталов. Исчерпывающая информация по социальному составу купцов может быть дана только по первой гильдии. Больше половины первогильдейцев были потомственными купцами (52,6 %), треть происходила из крестьян (31,6 %), а остальные были из мещан и других сословий. В то время большинство купцов первой гильдии были русскими и православными, а количество евреев здесь уменьшилось по сравнению с 1860 г. (75 %) до 21 %. Из четырех капиталов этой гильдии, принадлежавших евреям, три находились в руках Хотимских, которые занимались по всей Сибири винокурением и виноторговлей и представляли собой целый клан, в котором только сыновей было 12 человек.

По сравнению с предыдущими периодами истории томского купечества наметилась тенденция омоложения его состава. В первой гильдии на возраст от 30 до 50 лет приходилось 52,7 % всех купцов, оставалось их довольно много в возрасте старше 60 лет – 26,3 %, но появились и молодые купцы – 5,2 % из них были младше 30 лет¹¹⁹. Новые условия создавали более широкие возможности для внедрения в предпринимательство молодых людей и осуществления смелых коммерческих проектов. Купцы в этот период стремятся освободиться не только от жесткого контроля за собой со стороны общества и администрации, но и от семейной патриархальщины, которая лишала их инициативы и самостоятельности. Наблюдается приток в купечество относительно молодых предпринимателей, которые закладывали тогда прочный фундамент для будущих семейных фирм. Большинство из них до конца XIX в. имели тенденции роста и обещали затем превратиться в крепкие многоотраслевые предпринимательские структуры. К их числу можно отнести представителей известных в Сибири фамилий – В.Д. Сухов, В.Г. Бодунов, В.И. и П.В. Голевы, И.И. Поляков – в Барнауле, В.Н. Вытнов, А.С. Толкачев, А.Н. Пастухов, братья Богомолы и Некрасовы, Е.Н. Кухтерин, И.А. Еренев, Ф.Х. Пушников – в Томске, А.Ф. Морозов и Е.Г. Морозова, Г.Г. Бодунов, М.С. Сычев – в Бийске, братья Волковы и Ерофеевы, И.В. и А.Н. Шкряевы в Каинске и многие другие.

Значительной социальной группой, служившей базой для формирования купечества, были городские слои населения – мещане и относившиеся к сословию мещан городские ремесленники и мелкие торговцы. В пореформенный период эти слои населения являлись одним из главных источников пополнения западносибирского купечества. Удельный вес предпринимателей, про-

¹¹⁸ Шацилло М.К. К вопросу о социальной структуре российской буржуазии конца XIX в. // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые дружининские чтения: сборник докладов и сообщений. Вып. 1. М., 1992. С. 147.

¹¹⁹ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 177. Л. 11–13.

исходивших из городских слоев, в его составе в разные годы был от 14 до 36 %. Из мещан вели свое происхождение крупный хлеботорговец Е.А. Жернаков, виноторговцы братья Злоказовы, томенские купцы Ф.С. Колмогоров, И.И. Ядрышников, В.Н. Гундобин, тобольский купец М.Д. Плотников и другие¹²⁰.

Удельный вес выходцев из мещан был особенно высок в тех городах Западной Сибири, где слой гильдейского купечества был сравнительно невелик, и возможность выхода в гильдию из мещан не сдерживалась. Такими городами в Томской губернии были Колывань, Мариинск, Канинск, Барнаул, в Тобольской губернии – Ишим, Тара, Омск. Следует отметить, что горожане обыкновенно были лучше, чем крестьяне, подготовлены к торгово-промышленной деятельности в силу более высокого образовательного уровня и более богатого жизненного опыта. Это позволяло многим из них служить у капиталистов в приказчиках и управляющих, быть их доверенными людьми. «Здесь так нуждаются в рабочих руках, что всякий грамотный и трезвый человек легко находит себе хороший заработок у торговых людей», – писал в 1873 г. в своем отчете томский губернатор, когда жаловался в Петербург на нехватку людей с образованием для чиновничьей службы на нижних должностях в Томске¹²¹. Входя в доверие к капиталисту, приказчики зачастую брали его дело в свои руки. В.В. Берви-Флеровский, хорошо знавший хозяйственную жизнь края (во время своей ссылки он служил у Л.Б. Хотимского), писал: «В коммерческом быту весьма известная истина, что тот, кто хозяин дела, тот пользуется от него и всеми барышами. Когда капиталист выпускает из рук дело и представляет его своим приказчикам и управляющим, то он уже не богатеет более, а богатеют его приказчики и управляющие»¹²².

Этот же автор отмечал, что «купцы из приказчиков делали торговлю неправильной и ненадежной, порождаящей чрезвычайную дороговизну всех товаров»¹²³. Сходный с В.В. Берви-Флеровским вывод сделали представители западносибирской администрации в отчете по Западной Сибири за 1875 г.: «Волостные писаря, преимущественно мещане, не связанные с сельским обществом никакими нравственными узами, пользуясь безграмотностью волостных и сельских начальств, дозволяют себе растраты податных сборов и других общественных сумм. Многие из них, пользуясь незаконными источниками доходов, по истечении нескольких лет являются с порядочными капиталами и ведут потом, оставив службу, значительную торговлю, преимущественно вином»¹²⁴. Многие документы подтверждают тот факт, что многие приказчики из мещан вкладывали свои капиталы в винокурение и виноторговлю. К ним можно отнести братьев Ерофеевых, братьев Злоказовых, торговал вином на Тобольском севере М.Д. Плотников. Братья Евграф и Всеволод Королевы прибыли в Томск из Владимирской губернии и начинали службу в качестве приказчиков. Быстро разбогатев, они создали крупное многоотраслевое хозяйство, основу которого составляли винокурение и виноторговля.

Самым многочисленным сословием в Западной Сибири, как и по всей России, было крестьянство. В конечном счете подавляющая часть российского и регионального купечества происходила из крестьян, но для того чтобы выявить крестьянские корни в каждой предпринимательской семье, нужно проследить ее историю из поколения в поколение. Через 2–3 поколения купцов, мещан, почетных граждан и мелких чиновников различных ведомств обнаружится их крестьянское происхождение. Однако последующие наслоения большей частью скрывали крестьянскую суть таких семей, и генеалогические поиски могут быть плодотворны при написании истории родов наиболее заметных в Сибири предпринимателей.

Тем не менее зажиточная верхушка крестьянства служила одним из основных источников формирования западносибирского купечества. «Многие из зажиточных купцов, – писал в газету “Сибирь” корреспондент из Омска, – вышли из простых крестьян. Способы обогаще-

¹²⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 1763. Л. 6; Д. 1915. Л. 3; ГАТюмО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 12–24.

¹²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3934. Л. 7.

¹²² *Берви-Флеровский В.В.* Положение рабочего класса в России // Избранные экономические произведения в двух томах. Т. 1. М., 1958. С. 386.

¹²³ Там же. С. 185.

¹²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 67. Д. 455. Л. 27.

ния: скопив немного денег извозом, крестьянин оставляет это занятие и захватывает небольшой подряд по поставке хлеба или дров, а затем скупает их у своих же земляков-крестьян по самой ничтожной цене и поставляет заказчику»¹²⁵. Типична история предпринимателя И.П. Чусова, выходца из крестьян с Тереховского Тобольского округа, отраженная в дневнике Н.Л. Скалозубова – агронома Тобольской губернии и известного общественного деятеля. По его словам, Чусов начал торговлю «с пустяков», а когда заслужил доверие, ему стали давать деньги в долг. В результате такого кредита торговые обороты крестьянина стали расти, и скоро он сам стал давать деньги в долг, то есть стал местным ростовщиком. В 1892 г. у него уже было в долгах не менее 10 тыс. руб.¹²⁶

Из крестьян Троицкой волости Тюменского округа происходил крупнейший в Сибири извозопромышленник Е.Н. Кухтерин; из с. Корнаковского того же округа вышел другой томский купец-извозопромышленник – Ф.Х. Пушкинов. Выходцем из крестьян Минусинского округа был З.М. Цибульский, который, прежде чем стать золотопромышленником, сделал вполне успешную для Сибири карьеру чиновника. Непосредственно из крестьян вышли такие крупные западносибирские предприниматели в первом поколении, как Д.И. Смолин, А.П. Корнаков, Н.М. Чукмалдин, братья Колмаковы, А.И. Текутьев и другие. В некоторых западносибирских городах число купцов – выходцев из крестьянства было сведено к минимуму. Одним из таких городов был Барнаул, где в списках владельцев крупных и средних предприятий совсем не встречаются предприниматели из крестьян. Очевидно, что выход в предприниматели на Алтае, отягощенном сильными пережитками феодализма, был затруднен, так как крестьян часто привлекали на принудительные работы, и они предпочитали записываться купцами в другие города, прежде всего в Томск¹²⁷. В целом доля западносибирских купцов крестьянского происхождения в пореформенный период колебалась в пределах 20–25 % и имела тенденцию к увеличению к концу XIX в.

Доля в купечестве выходцев из дворян и чиновников была незначительной: 4–6 % всего гильдейского купечества. Представители благородного сословия были вынуждены выкупать гильдейские свидетельства для законного предпринимательства, прежде всего в области золотопромышленности и винокурения. Крупную виноторговлю на Урале и в Западной Сибири вел действительный статский советник А.Ф. Поклевский-Козелл, с 1863 г. владевший Падунским винокуренным заводом, вторым по производительности в Сибири. Кроме него в Тобольской губернии широкую сеть виноторговых заведений, винокуренный завод и несколько пивоварен имела жена статского советника Н.М. Давыдовская, там же вела широкую виноторговлю вдова генерал-майора Шмурло. В ограниченный и замкнутый круг винокуренных заводчиков края, распределявших между собой сферы влияния и пресекавших попытки проникнуть в их круг новых лиц, удалось попасть коллежскому секретарю А.И. Щербакову, выстроившему в Таре винокуренный завод. Устоять в конкурентной борьбе с винозаводчиками ему позволили значительные доходы, получаемые им от работы его писчебумажной фабрики и от торговли¹²⁸.

В Томской губернии крупнейшим винозаводчиком был надворный советник И.К. Платонов, который получил дело от своего отца К.П. Платонова, прибывшего на Алтай в 1864 г. советником горного правления. К 1890-м гг. И.К. Платонов владел совместно с чиновницей Е.И. Судовской крупными винокуренными и водочными заводами, вместе с чиновницей Айдаровой – заводом по производству стеклянной водочной посуды и широкой сетью виноторговых точек. Без сомнения, общее состояние И.К. Платонова к этому времени превышало 1 млн руб. Семейное дело алтайских предпринимателей Платоновых могло служить образцом грамотного и рационального хозяйства, когда предприниматели не только заботились о прибыльности своей

¹²⁵ *Сибирь*. 1876. 26 янв.

¹²⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 147. Оп. 2. Д. 17. Л. 96.

¹²⁷ Рабинович Г.Х., Скубневский В.А. Буржуазия города Барнаула (1861 – середина 90-х гг. XIX в.) // Из истории Сибири. Вып. 1. Томск. 1970. С. 98–102; ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 727. Л. 89–90.

¹²⁸ ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 3. Д. 511. Л. 13.

фирмы, но и внедряли в торговлю и производство многие технические и культурные достижения цивилизации¹²⁹.

Процессы формирования купечества отдельных городов Западной Сибири были типичными для всего региона. Рассмотрим состав западносибирского купечества в конце XIX в. На примере г. Томска. Достаточно полную характеристику по изменению состава томского купечества с 1877 по 1887 гг. можно сделать, сравнивая списки купцов за эти годы. За десятилетие почти вдвое уменьшилась численность купцов первой гильдии (10 вместо 19). Все первогильдейцы были в возрасте далеко за сорок, большинство из них были потомственными купцами и русскими. Сохранилась и развивалась здесь практика концентрации капиталов в одних руках и ориентация их владельцев на вложение денег сразу в несколько отраслей регионального хозяйства. Главными причинами уменьшения численности купцов в первой гильдии следует считать увеличение в несколько раз платы за право находиться в этой гильдии, а также то, что отпала необходимость в широкой оптовой торговле, так как в это время налаживаются прямые связи между торговцами в розницу и производителями необходимых им товаров, минуя посредников-оптовиков.

Почти на треть уменьшилась численность купцов второй гильдии: из 125 капиталов к 1887 г. осталось только 92. Очевидно, ухудшение местной экономической конъюнктуры, упадок золотопромышленности, усиление конкуренции со стороны купцов Европейской России привели к сокращению томских капиталов. Однако сокращение их имело иной, чем прежде, характер. Если раньше по названным причинам терпели крушение самые крупные местные капиталы, увлекая за собой другие, менее крупные, то к концу века разоряются мелкие, мало-заметные в коммерческом мире купцы. Вырисовывается основной костяк купечества, который включает в себя около трети всех купцов. Расширяется сфера их предпринимательской деятельности, идет омоложение, хотя и медленное, состава томского купечества. Достаточно полное освещение в источниках возраста купцов второй гильдии в 1887 г. дало возможность составить табл. 6.

Таблица 6

Возрастной состав томского купечества в 1887 г.

Возраст	До 30 лет	30–40 лет	40–50 лет	50–60 лет	Свыше 60 лет	Всего
Абс.	4	20	27	18	13	82
%	4,88	24,39	32,93	21,95	15,85	100

Исходя из данных таблицы, можно сделать вывод, что, как и прежде, в купечестве было мало молодых предпринимателей в возрасте до 30 лет. Однако по сравнению с предыдущим периодом уменьшилось число купцов в возрастной группе свыше 50 лет. Больше половины купцов были в возрасте от 30 до 50 лет, что говорит о большей деловой активности в конце XIX в. этой возрастной группы и о постепенном вытеснении из купеческого обихода патриархальных отношений.

В конце XIX в. особых изменений в национальном составе во второй гильдии томского купечества не произошло. По-прежнему большинство купцов были русскими, доля евреев за 10 лет с 1877 по 1887 гг. увеличилась с 10 до 14 %, незначительной была доля купцов из татар, поляков, немцев. Тенденция роста числа купцов из евреев сохранилась до самого конца XIX в. По спискам 1897 г., из 125 юридических лиц, объявивших купеческие капиталы, было 27 евреев, то есть 21,6 % всех капиталов. Всего в это время в 52-тысячном Томске проживало

¹²⁹Схубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917. Энциклопедия предпринимательства. Барнаул. 1996. С. 78–79.

3202 евреев, что составляло около 6 % городского населения¹³⁰. Только малочисленность еврейского населения в Томске и других городах Сибири, запрещение евреям вести торгово-промышленную деятельность на Алтае сдерживали в определенной степени рост доли евреев в составе купечества.

В числе крупных предпринимателей-евреев Томска в этот период можно выделить И.Л. Фуксмана и его многочисленных родственников, занимавшихся вино- и хлеботорговлей и имевших в крае паровые мельницы, винокуренные, кожевенные и пивоваренные заводы; А.Е. Ельдештейнов, имевших пароходство и занимавшихся вместе со своим сородичем Я.А. Яппо в Томске ростовщичеством. Несмотря на запрет, внедрение еврейского купечества в деловые круги происходило на Алтае. Так, П.Н. Кайманович открыл там много питейных заведений на имя своей жены, а торговлю хлебом и вином вели его компаньоны по «Ростовскому товариществу» братья Королевы. Томский купец Р.А. Бейлин закупил для своего заведения у Гурьевского завода через подставных лиц паровую машину мощностью в 20 л. с. и паровой котел за 7,5 тыс. руб., что законом было запрещено. Управление Алтайских горных заводов провело по этому делу расследование, и дело слушалось в суде¹³¹.

Закаленная тяжелыми условиями предпринимательства в черте еврейской оседлости, более образованная и дальновидная, вобравшая в себя опыт более развитого капитализма Европейской России и отчасти Европы, спаянная традиционно крепкими национальными и родственными узами, еврейская буржуазия составляла серьезную конкуренцию складывающейся местной буржуазии, ядром которой являлось купечество. В связи с этим доля купцов из евреев в Томске в конце XIX в. была значительна: более пятой части всех купцов, но меньше, чем в некоторых других регионах Сибири. Например, в Иркутске, Забайкалье и Мариинске более половины купцов были евреями¹³².

Интересные наблюдения о внедрении евреев в торгово-промышленную жизнь Сибири оставил известный бытописатель С.В. Максимов: «Где зашевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться... Евреи сплачиваются в ассоциации, чтобы ссылка не могла нарушить единство, и через живую непрерывную цепь из ловких евреев не обрывалась связь Нерчинска с Вержболовом, Радзивилловым и Лейпцигом». Нетрудно представить, что Томск был обязательным звеном в цепочке, связывающей Восток (Нерчинск) с Западом (Лейпциг), и здесь проживало немало посредников и доверенных лиц крупных отечественных и зарубежных фирм.

Вместе с тем наблюдательный С.В. Максимов обнаружил и обратное влияние местного населения на евреев: «Торговая изворотливость, давая возможность приобретения небольших капиталов и обеспечения доброго быта, способствовала евреям «обезличить» собственную национальность. Евреи в Сибири одеваются по-русски, женщины ничем не отличаются от сибирских мещанок. Третье поколение сосланных в Сибирь забывают еврейский язык, все следы еврейства совершенно сглаживаются»¹³³.

В списках купцов на 1897 г. числится 14 купцов первой гильдии. По возрасту они делились так: 3 чел. – до 40 лет, 3 чел. – до 50 лет, 2 чел. – до 60 лет, 6 чел. были старше 60 лет. Имея значительные капиталы, они вместе с 13 томскими фирмами стремились подчинить себе более мелкие капиталы в своей отрасли, вытеснить из нее конкурентов. Для большей устойчивости купцы первой гильдии, торговые дома и товарищества помимо традиционной торговли вкладывали деньги в промышленность и другие отрасли хозяйства. Из 27 томских крупных торговцев и фирм 12 торговало товарами собственного производства, 5 совмещали торговлю с транспортировкой грузов.

¹³⁰ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 827. Л. 1–116; *Первая всеобщая перепись населения Российской империи*. Т. 79. Томская губерния. СПб., 1905. С. 69.

¹³¹ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575. Л. 130; Д. 826. Л. 3–120.

¹³² *Рабиневич Г.Х.* Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 70–71.

¹³³ *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. Ч. 1. Несчастные. СПб., 1871. С. 340–341.

Это являлось своеобразной гарантией «непоколебимости» семейных коммерческих фирм, создавало условия для их долговременного существования.

Купцы второй гильдии создавали в Томске тот фон и ту почву, без которых было невозможно существование крупных томских и иногородних капиталов. В нашей исторической литературе часто повторяется тезис о жестокой конкуренции среди предпринимателей, но это раскрывает только одну сторону предпринимательства. Правильно и другое: капиталист не может существовать без массы посредников между ним и потребителями его товаров, без поставщиков сырья и всего остального, необходимого для его производства и торговли. Предприниматели того времени прекрасно понимали, что коммерческий мир един и неделим.

В 1897 г. в Томске проживало 98 купцов второй гильдии. Для полноты характеристики условий, в которых они занимались торговлей и промыслами, нужно сказать, что иногородних купцов в это время было зарегистрировано больше – 114 чел. Вместе с представителями нескольких десятков иногородних и иностранных фирм, множеством продавцов и приказчиков они составляли многотысячную армию торговцев, которые боролись между собой за право обслужить томского обывателя.

Достаточно точно можно воспроизвести возрастной состав томских купцов второй гильдии (табл. 7).

Таблица 7

Возрастной состав томского купечества в 1897 г.¹³⁴

Возраст	До 30 лет	30–40 лет	40–50 лет	50–60 лет	Свыше 60 лет	Всего
Абс.	6	21	27	24	20	98
%	6,12	21,43	27,55	24,49	20,41	100

Очевидно, что особых изменений в соотношении различных возрастных групп томского купечества во второй гильдии не произошло. Хозяевами семейных дел на всем протяжении изучаемого периода оставались люди преимущественно среднего и пожилого возраста. Это предполагало налет патриархальности в семейных делах и сношениях с внешним миром, консерватизм в коммерции, традиционный выбор сфер предпринимательства и т. д. Социальный, отраслевой, национальный и возрастной состав томского купечества оказывал сильное влияние на формирование его образа жизни, социально-психологического облика и других важных характеристик купечества в изучаемый период.

Возвращаясь к купечеству Западной Сибири в целом, отметим, что в пореформенный период было два основных пути формирования купечества, а потом и буржуазии. Нами установлено, что большая часть купцов (75–80 %) в этот период были местными уроженцами или приехали сюда в первой половине XIX в. Другая часть (около 20–25 %) переселилась сюда из Европейской России, что было связано с возможностью получать в Западной Сибири более высокую прибыль. Эта возможность была обусловлена низким органическим строением капитализма в Сибири, сохранением натурального и мелкотоварного укладов, продолжением процессов первоначального накопления капиталов. Миграция капиталов была результатом вытеснения пережиточных форм торгово-ростовщического капитала промышленным капиталом из центральных районов страны на окраины. Применительно к Сибири этот процесс достаточно хорошо освещен в трудах Г. Х. Рабиновича¹³⁵.

¹³⁴ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 827. Л. 16–116 (Подсчет наш. – В.Б.).

¹³⁵ Рабинович Г.Х. Из истории буржуазии города Томска (конец XIX в. – 1914 г.) // Из истории Сибири. Вып. 6. Томск, 1973; *Его же*. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 65–68.

Незначительную часть в составе западносибирского купечества занимали выходцы из губерний Восточной Сибири и из Степного края (нынешнего Казахстана). Ведомости о причислении в купцы по некоторым городам региона показывают, что их доля не превышала 2–3 % всего гильдейского купечества. В Тобольской губернии было несколько семей из богатых «бухарцев» – выходцев из Средней Азии, которые вели в губернии широкую торговлю, а один из них, купец-первогильдеец Р. Айтыкин, имел даже пароходство¹³⁶. Представление о территориальном размещении купеческих капиталов по западносибирским городам может дать табл. 8.

Таблица 8

Размещение купеческих капиталов по городам Западной Сибири в 1890 г.¹³⁷

Название города	Первая гильдия	Вторая гильдия	Всего
Томск	14	99	113
Барнаул	4	45	49
Бийск	3	72	75
Каинск	2	28	30
Кузнецк	–	27	27
Маринск	–	32	32
Колывань	–	35	35
Нарым	–	13	13
Омск	3	77	80
Тобольск	3	27	30
Тюмень	18	58	76
Туринаск	–	19	19
Ялуторовск	3	22	25
Курган	4	52	56
Ишим	–	20	20
Тара	3	24	27
Тюкала	1	19	20
Березов	–	16	16
Всего по Западной Сибири	58	686	744

Одним из важных аспектов изучения процессов формирования западносибирского купечества является его отраслевой состав. Главными его особенностями являются подчинение промышленного капитала торговому и широкая диверсификация капиталов. Учитывая факт совмещения

¹³⁶ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 97. Л. 1–9; ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 4. Д. 118. Л. 1–25; ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 546. Л. 1–5.

¹³⁷ *Сибирский* торгово-промышленный календарь на 1894 г. Томск, 1894. С. 121–128; РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 511. Л. 28–39; Д. 513. Л. 73–87; ГАКО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 46. Л. 30–34; ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15132. Л. 1–2.

разных сфер предпринимательства в рамках одного предпринимательского дела в Западной Сибири и приблизительности сведений того времени, можно предположить, что по размеру капиталовложений, величине оборота и прибыли здесь преобладала торговля, которая зачастую совмещалась с ростовщичеством. На ее долю приходилось около 88 % купечества Западной Сибири. Далее следуют владельцы парокондуктов и отдельных парокондуктов, а также владельцы транспортных контор (до 5 %). На предпринимательство в сфере обрабатывающей промышленности приходилось около 5 % и в золотопромышленности – до 2 %. По мнению П.Г. Рындзюнского, структура предпринимательства оставалась единой для всей страны, в том числе и для азиатской ее части, хотя здесь наблюдалось меньше, чем в Европейской России, распространение промышленности (4,5 против 9,5 %) и нетоварного обращения (2,3 против 3,9 %) ¹³⁸.

Таким образом, на основе анализа численности, происхождения и состава западносибирского купечества можно сделать вывод, что в рассматриваемый период шел процесс увеличения численности купечества, включавшего в свой состав различные социальные и национальные группы, возрастало его экономическое влияние. В дореформенный период купечество Западной Сибири сформировалось как единое сословие, состав которого постоянно обновлялся. Но при этом были выработаны основные сословные принципы общественной, частной жизни и профессиональной деятельности. Основные изменения западносибирского купечества в пореформенный период заключались в постепенном стирании узких сословных рамок, в формировании внутри себя торгово-промышленной и чисто промышленной буржуазии. Купечество Западной Сибири постепенно из сословия превращалось в класс, консолидируя в себе разнородные социальные элементы. Процессу консолидации не препятствовали национальные и религиозные факторы, но в то же время неоднородность структуры, отсталые формы предпринимательства сыграли сдерживающую роль в этом процессе. В этот период купечеством, обществом и государством были выработаны совокупные организационно-правовые нормы, увязывающие внутренние и внешние взаимоотношения купцов в единое целое.

---

¹³⁸ Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России. 1850–1880. М., 1978. С. 243.

2. Торговля и кредитование купечества Западной Сибири в конце XVIII—XIX в.

2.1. Торговля западносибирского купечества

В конце XVIII – начале XIX в. в Западной Сибири происходило усиление позиций местного купечества. Это было напрямую связано с экономическим развитием края, ростом городов и законодательным оформлением купеческих прав и обязанностей в торговле и промышленности. В то же время становление купечества здесь шло в условиях строгой регламентации торгово-промышленной деятельности со стороны правительства и местной администрации, разного рода притеснений со стороны коррумпированных чиновников, недостатка кредита и других форм поддержки купеческой коммерции. Сибирские купцы постоянно испытывали сильную конкуренцию со стороны купцов из Европейской России, представителей других сословий, которые могли вести торг беспощинно (крестьянство и посадское население). Иногда эти характеристики совпадали, например, в отношении крестьян и мещан из Вязниковского уезда Владимирской губернии, что вызывало поток жалоб со стороны купцов на засилье ловких и активных вязниковцев в розничной, развозной и стационарной торговле.

В таких жестких условиях шло формирование деловых качеств сибирского купечества, главными из которых были энергия, сноровка, деловая хватка, ум, трудолюбие, умение подчинять эти качества и жизненный уклад интересам своей коммерции. Записавшемуся в купечество человеку должны были доверять в купеческой среде, он должен был постоянно демонстрировать такие качества своей личности и профессиональной деятельности, которые могли бы дать ему общественное признание. Купец должен был следовать неписанным правилам и законам торговли – основному источнику своего богатства. С детства будущий купец впитывал в себя непростую «науку обогащения». Например, в пословицах русского народа говорилось: «лучше торговать, чем воровать», что противопоставляется другому народному качеству – простоте («простота хуже воровства») и сходно с поощрением бережливости («скудость – не глупость»), которая была так необходима для получения первоначального капитала и его увеличения. Другие правила торговли внушали купцу, что «торговать, так по сторонам не зевать», «купец – ловец, а на ловца и зверь бежит», «без ума торговать, только деньги терять», «за морем телушка полушка, да перевоз рубль» и т. д. Кроме этих достаточно известных пословиц, В.И. Даль собрал и опубликовал многие краткие, но емкие и меткие народные характеристики торговли, которые здесь уместно привести: «Воровать – не торговать, больше накладу, чем барыша»; «Торговать, так барыши наживать»; «Торгуйся скупко, а расплачивайся щедро» (сполна); «Торг знает меру, вес да счет»; «Торг любит волю, а ум простор»; «Торг дружбы не знает»; «Хороши торги, что-то скажет переторжка?»; «Гусь да баба – торг, два гуся, две бабы – ярмарка» и др.

Основной сферой предпринимательства, в которой происходили названные процессы, для подавляющего большинства западносибирского купечества являлась торговля, где в разное время обращалось 80–90 % региональных капиталов. Основу получения прибыли здесь составляла разница цен закупаемого и продаваемого товара. Подешевле купить, подороже продать – вот основной принцип простого товарообмена, господствовавшего в конце XVIII – первой половине XIX в. Только позднее в Сибири начинают применяться новые методы торговли: низкие цены как средство борьбы против конкурентов и достижения монополии в отдельных отраслях и на отдельных территориях, реклама как необходимое средство торговли, широкое применение кредита, верность данному слову как обязательное условие работы в коммерции и др.

Прибыль в торговле сибирского купечества складывалась из следующих составляющих. В основном это был выигрыш от разницы оптовых и розничных цен: оптовая цена привозимых как летом (водным путем), так и зимой (гужевым транспортом) товаров была ниже, чем их розничная цена в лавках, магазинах, лабазах и в торговых рядах на базаре. Купечество выигрывало также на разнице цен на сельские товары в деревнях и селах и на городских рынках и высоких ценах на промышленные товары в Сибири, произведенных в Европейской России.

Важной особенностью обогащения сибирских купцов было то, что крупные капиталы их владельцы предпочитали вкладывать во внешнюю торговлю и казенные подряды (откупа, торговля солью, транспортировка грузов и т. д.). Именно здесь значительная часть купцов могла совме-

щать интересы службы по выборным должностям с извлечением собственной выгоды. По нашим подсчетам, в 1770-е гг. из 473 западносибирских купцов на службе по содержанию казенных кабаков, торговле солью, сбору налогов и другим повинностям служило 326 местных купцов (68 %). Места их службы были не только в родном городе или селении, но раскиданы на огромной территории от Урала до Аляски включительно. Конечно, с одной стороны, служба была мерой принудительной со стороны местной администрации в отношении купцов, которые обычно неохотно шли на должности городских голов, бургомистров, ратманов, алдерманов и разного рода смотрителей. Тем не менее, когда нельзя было уже отказаться от этих хлопотных должностей, нужно было думать, как из них извлекать выгоду. Поэтому мы можем только отчасти согласиться с принятой в советской литературе позицией о сдерживающей роли общественной службы на купеческое предпринимательство. В послужных списках многих сибирских купцов в разделе «Общественные должности» фигурируют, например, такие: был старостой при продаже соли в Семипалатинской крепости или был целовальником казенного кабака в Петропавловской крепости, хотя приписаны были к купечеству северных западносибирских городов.

На эти обстоятельства торговли в Западной Сибири и пограничных с ней территорий обратил внимание В.Н. Разгон, описывая процессы, когда на рубеже XVIII и XIX веков торги на Сибирской линии становятся одним из важнейших направлений предпринимательства местных купцов, получавших значительные доходы за счет вымена по заниженной стоимости среднеазиатских тканей и казахских товаров (скот, мерлушка, меха, кожи, овчина, войлок и пр.). В первой трети XIX в. торговля со Средней Азией усилилась и распространилась на Северо-Западный Китай. Выделялись капиталы семипалатинских купцов С. Попова, И. Самсонова, О. Пиленкова, И. Салихова, тобольских купцов И.Ф. и Я.Ф. Большаковых, Н. Пиленкова, А. Полуянова, тарского купца И. Нерпина, некоторых усть-каменогорских, петропавловских и казанских купцов¹³⁹. Подробно описывает автор капитальной монографии и борьбу сибирских купцов за свои привилегии в торговле с востоком, когда беспощадная торговля «бухарцев» делала конкуренцию со стороны сибирских купцов затруднительной. В середине XIX в. удалось добиться того, что за привозимый через Сибирскую и Оренбургскую линии чай среднеазиатских торговцев взималась двойная пошлина, а в Китай купцам можно было вывозить серебряную и золотую монету.

Дальнейшее изучение восточной торговли было продолжено известным алтайским историком А.В. Старцевым, который в монографии и статьях дает анализ русско-монгольского товарообмена, организации торговли и ее особенностей, характеризует деятельность всех сколь угодно известных торговцев в этой отрасли. Автор приходит к выводу о том, что во второй половине XIX в. русская торговля в Монголии развивалась весьма динамично. Объясняется это слабой конкуренцией со стороны китайских торговцев и тем, что русские купцы, в отличие от китайских, создали здесь систему взаимовыгодного товарообмена и вносили в торговлю инновации, основанные не на силовом давлении и обмане, а на торге с учетом «хозяйственных, социально-культурных и мировоззренческих основ монгольского общества, что позволило ему органично и менее болезненно воспринимать достижения рыночной цивилизации»¹⁴⁰.

Важнейшей чертой сибирской торговли была ее периодичность, когда в определенные вековой традицией сроки (удобные для поставщиков товаров и их покупателей), в определенные места съезжались с далеких и близких краев купцы. Такая форма торговли называлась ярмарочной и имела как в России, так в отдельных ее регионах широкое распространение. Ярмарочная торговля характерна для традиционного феодального общества с его сравнительно узким и ограниченным внутренним рынком, обособленностью отдельных областей и протяженными плохо развитыми путями сообщения. Наиболее крупной и значимой для Сибири была Ирбитская ярмарка, обороты которой в первой половине XIX в. выросли в 10 раз и в 1863 г. достигли 125 млн руб. По своим объемам и значимости она стала второй после Нижегородской ярмарки. На всем протяжении изучаемого периода значение ярмарочной торговли в Сибири возрастало, и только строительство Сибирской железной дороги остановило этот процесс. Связано это, прежде всего, с втягиванием ок-

¹³⁹ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. С. 200–201.

¹⁴⁰ Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003. С. 303.

раин Российской империи в общероссийский рынок, расширением и укреплением внутренних торгово-промышленных связей. По подсчетам В.Н. Разгона, в конце XVIII в. на долю сибирских ярмарок приходилось около 1 % общероссийского ярмарочного оборота, в начале 1830-х гг. – 2 % по привозу и 1,4 % по продаже, а к середине 1860-х эта доля выросла до 3,7 % по привозу и 4,7 % по продаже. Главными причинами такого динамичного и эффективного роста объемов торговли сибирских ярмарок автор справедливо считает, с одной стороны, ускорение развития товарно-денежных отношений в Сибири, а с другой – отсталость сибирской торговли, проявившаяся в слабом развитии стационарной торговой сети¹⁴¹.

Положительная динамика количественного и качественного роста ярмарочной торговли была продолжена в пореформенный период. Алтайский исследователь Т.К. Щеглова исчерпывающе осветила рассматриваемую проблему в своих монографиях и статьях и пришла к выводу, что к концу XIX в. «внутрирегиональное и межрегиональное товарное движение Западной Сибири получило организационную оформленность. Опорными пунктами всей схемы товарного рынка служили оптовые ярмарочные торги, от которых зависело функционирование других периодических и стационарных, постоянных оптовых и розничных пунктов торговли»¹⁴². В другой монографии Т.К. Щеглова подчеркивает, что ярмарки Томской губернии «играли большую роль в товарообмене между товаропроизводителями и потребителями не только на территории губернии, но и в масштабе всей Сибири и России... Большинство сибирских купцов, участвовавших в этом торговом движении, бывали на всех или на нескольких главных ярмарках»¹⁴³.

Тем не менее на основе архивных материалов нами были составлены оригинальные сводные таблицы по Томской и Тобольской губерниям, которые показывают, с одной стороны, положительную динамику роста товарооборота на ярмарках, увеличение их числа, но, с другой стороны, не столь значительные темпы роста, которые могли смениться периодом упадка ярмарочной торговли (табл. 9, 10).

Таблица 9

Ярмарочная торговля в Тобольской губернии¹⁴⁴

Годы	Число ярмарок	Привезено товаров (млн руб.)	Продано товаров (млн руб.)	Процент реализации
1868	89	До 8	До 3,5	43,8
1880	395	До 19	До 10,3	54,2
1885	412	17,5	13,25	77,6
1890	435	12,3	6,6	53,7
1896	507	18,1	10,3	56,8

Огромное число ярмарок на территории Тобольской губернии объясняется преимущественно аграрным хозяйством на юге губернии и огромными пространствами на севере, где проживало коренное население края, занимавшееся охотой и рыболовством. Подъем ярмарочной торговли в конце века связан с активным переселенческим движением в Сибирь, строительством Уральской (Екатеринбург – Тюмень) и Сибирской железной дороги, активизацией хлебной торговли и другими факторами. Томская губерния по численности населения не намного отставала от Тоболь-

¹⁴¹ Разгон В.Н. Указ. Соч. С. 144.

¹⁴² Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и Степных областей во второй половине XIX в. Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002. С. 94.

¹⁴³ Щеглова Т.К. Ярмарки юга Западной Сибири и Степных областей в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. Барнаул, 2001. С. 372.

¹⁴⁴ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 г. Томск, 1899. С. 77; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 10. Л. 179; Ф. 1284. Оп. 70. Д. 474. Л. 45; Оп. 223. Д. 144. Л. 4; Д. 153. Л. 6.

ской, но сильное отставание ее по числу ярмарок и в объемах продаж объясняется хозяйственными особенностями региона и историческими традициями, большей близостью этой губернии к Уралу и Европейской России, к Степному краю, чем остальные территории Западной Сибири. В Сибири наблюдалась закономерность – чем дальше на восток, тем меньше число ярмарок и объем продаж на них различных товаров.

Таблица 10

Ярмарочная торговля в Томской губернии¹⁴⁵

Годы	Число ярмарок	Привезено товаров (млн руб.)	Продано товаров (млн руб.)	Процент реализации
1857	11	0,85	0,28	32,9
1866	19	1,30	0,55	42,2
1880	21	1,43	0,59	42,1
1891	40	2,97	1,01	34,5
1895	68	4,32	2,56	52,1

В дореформенное время систему сибирской торговли описал Ю.А. Гагемейстер в своем известном труде «Статистическое обозрение Сибири». По его мнению, основу местной торговли представлял крупный капитал, так как «во всех значительных городах Сибири наиболее крупные купцы получают товары из России, куда обыкновенно ездят сами или посылают своих доверенных. От них снабжаются товарами, большей частью в долг, розничные торговцы, сбывающие их в городах по лавкам и развозящие их по ярмаркам, по селам и по кочевьям инородцев, выменивая их на местные произведения, которыми обыкновенно уплачивают свой долг оптовым купцам»¹⁴⁶.

Основные черты такой торговли наблюдались на протяжении всего изучаемого периода. Например, характеристика сибирской торговли, сделанная известным экономистом М.И. Боголеповым в начале XX в., сходна с характеристикой Ю.А. Гагемейстера¹⁴⁷. Их сходство определено, на наш взгляд, малоизменяющимися условиями предпринимательства в Сибири, консерватизмом социальных и хозяйственных процессов в регионе. Характер торговли влиял на складывание организационной структуры торговых отношений в крае. Отношения купца-оптовика и мелких розничных торговцев вели к тому, что возникла пережиточная форма зависимости последних от первого. Такие отношения получили в Сибири широкое распространение и назывались «монополией». «Монопольные формы, опирающиеся на монопольные цены, взвинченные ростовщическим кредитом, кольцами охватывали всю Сибирь», – писал М.И. Боголепов, характеризуя состояние торговли в Сибири до проведения Сибирской железной дороги¹⁴⁸. Точка зрения М.И. Боголепова, на наш взгляд, не совсем справедлива, так как кредит в то время был необходимым условием торговли и, как правило, не переходил в ростовщичество с его высокими процентами и зависимостью кредитующих от кредиторов. Дискутирует с ним и В.Н. Разгон, считая такую степень монополизации преувеличением.

Другой особенностью торговли в отдельных регионах Западной Сибири являлось отсутствие специализации отдельных торговцев на том или ином ее виде и наличие ярмарочной торговли. В.М. Флоринский, характеризуя торговлю Томска, отмечал, что «большая часть магазинов не имеет специальной торговли, а держит всего понемногу, так, например, в одной и той же лавке вы найдете и фарфоровую посуду, и железные изделия, и закуски, и мануфактуру, и свечи. Этим, го-

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 763. Л. 2–14; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 205. Л. 22; Ф. 1284. Оп. 70. Д. 361. Л. 47.

¹⁴⁶ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 571.

¹⁴⁷ Боголепов М. Торговля в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 169–200.

¹⁴⁸ Там же. С. 175.

ворят, они сильно привлекают покупателей и конкурируют друг с другом»¹⁴⁹. Председатель Ирбитского ярмарочного комитета И.Я. Лопаткин в 1895 г. докладывал в Министерство финансов: «Главная особенность сибирской торговли заключается в отсутствии специализации: от миллионера, торгующего в нескольких губерниях, до коммерсанта, имеющего оборот в 2–3 десятка тысяч рублей – каждый покупает и продает в Сибири всевозможные предметы»¹⁵⁰.

Свою точку зрения на торговлю в России в дореформенное время, которая полностью применима и к Западной Сибири, высказывал П.Н. Милюков: «Периодичность и медленность товарного оборота создала в России те же формы торговли, которые вообще свойственны примитивному экономическому быту...». Далее П.Н. Милюков называл главные причины этого: «караванное передвижение товаров по стране, обеспечение их безопасности, периодические съезды купцов и покупателей, ярмарочный характер торговли и, наконец, неустойчивость и непостоянство торговых связей»¹⁵¹. В таких условиях торговля не только обогащала, но и нередко разоряла ее участников. Причина заключалась в том, что большие пространства отделяли в Сибири один торговый центр от другого, и транспортировка товаров между ними занимала слишком много времени. Поэтому оборот капитала, вложенного в торговлю, занимал от нескольких месяцев (внутри губернии) до нескольких лет (внешняя торговля). Тем не менее П.Н. Милюков, на наш взгляд, сильно преувеличивал трудности сибирского товарообмена в XVIII–XIX вв., делая купцов героями и первопроходцами. Эта точка зрения получила развитие и в современной литературе. Например, О.А. Задорожная приписывает купцу начала XIX в. такие качества: «западносибирский купец не отличался мягким и добрым нравом из-за кочевого образа жизни – это был тип «караванщика»... «по сути своей купец Западной Сибири был воин, первооткрыватель, он не был пассивным или простым наблюдателем, а расчетливым и порой жестоким предпринимателем». Не приводя достаточных доказательств, автор утверждает, что «суровые климатические условия жизни “сделали купца” сдержанным и довольно замкнутым человеком даже по отношению к своим домашним, так как он был знаком с опасностями и риском»¹⁵². Набор довольно сомнительных характеристик сибирского купечества можно продолжить, но и из приведенных цитат очевидна героизация, идеализация и романтизация купцов, которые стояли, конечно, на твердой почве делового расчета и имели с описываемым портретом мало общих черт.

Западная Сибирь вывозила на рынок, прежде всего, сырье, производство которого было сосредоточено в руках мелкого производителя, не имевшего ни силы, ни возможности организовать постоянный обмен своих продуктов на другие, установить связь с отдаленными торговыми центрами. Сырье собиралось по мелочам при помощи широкой сети мелких торжков, базаров и местных ярмарок. Их значение в сфере товарообмена в конце XVIII–XIX в. трудно переоценить. Купцы и мещане небольших западносибирских городков, крестьяне крупных притрактных сел занимались в основном, кроме извоза и содержания постоялых дворов, скупкой сала, масла, кож и другого сельскохозяйственного сырья и перепродажей его купцам других городов. Наиболее активными и удачливыми скупщиками в южных округах Западной Сибири выступали вязниковцы, то есть уроженцы Вязниковского уезда Владимирской губернии. Главной причиной проникновения их в Сибирь являлось достаточно высокое развитие в этом уездном городке торгово-промышленных отношений. Продукция местных ткачей продавалась в Петербурге, вишни, яблоки и знаменитые вязниковские огурцы вывозили на Нижегородскую ярмарку и в низовые поволжские города. Дореволюционная статистика относила Вязники к числу важнейших центров фабрично-заводской промышленности Европейской России¹⁵³. Конкуренция между торговавшими вязниковцами была высокой, и в поисках применения своих навыков и талантов они

¹⁴⁹ *Флоринский В.М.* Заметки и воспоминания (1875–1880) // Русская старина. 1906. Кн. 4. С. 154.

¹⁵⁰ ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 26. Л. 109.

¹⁵¹ *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1911. Ч. 1. С. 31.

¹⁵² *Задорожная О.А.* Купечество Западной Сибири (конец XVIII – первая четверть XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995. С. 22–23.

¹⁵³ *Тельчаров А.Д.* Вязники. Ярославль, 1986. С. 14.

отправлялись искать удачи в других краях. Поэтому многие из них оказались в Сибири и, занимаясь преимущественно развозным торгом, скапливали капиталы, а через некоторое время часть из них вступала в местное купечество.

При таком характере торговли возникали трудности в снабжении предпринимателей необходимыми товарами широкого ассортимента в небольших партиях. В сибирских регионах эта проблема решалась через ярмарочные формы торговли. Только на ярмарке предприниматель имел возможность встретить продавцов из разных мест, чтобы купить все необходимое для своей разнообразной торговли, и покупателей, которым он сбывал свои товары. Кроме того, развитие ярмарочной торговли обуславливалось малонаселенностью края, большой удаленностью населенных пунктов друг от друга, плохими путями сообщения, наличием кочевого скотоводства и некоторыми другими. В целом кратковременные и периодические формы экономических связей между районами при помощи ярмарок свидетельствовали о слабости хозяйственных связей между отдельными регионами Сибири, между Сибирью и Европейской Россией.

В качестве примера можно привести организацию торговли в г. Таре. Все купеческие дома города занимались в дореформенный период скупкой сала, масла и кож, которые после первичной выделки отправляли большими партиями в Екатеринбург и Шадринск, но больше всего – на Ирбитскую ярмарку. Сала в середине XIX в. здесь закупали до 20 тыс. пуд, на сумму 600 тыс. руб., кож выделяли до 100 тыс. штук на сумму от 500 до 600 тыс. руб. Оборот заграничной торговли 5 крупнейших торговых домов Тары в то время достигал 1 млн руб. сер. в год¹⁵⁴. Интересно проследить взаимоотношения торговцев разных уровней при закупке сырья и продаже промышленных изделий. Как правило, товары, полученные с Ирбитской и Нижегородской ярмарок, местные купцы сдавали небольшими партиями своим приказчикам с обозначением продажной цены. Приказчики эти, большей частью вязниковцы и «господские люди» (крепостные крестьяне, отпущенные на оброк), имея одного или двух мальчиков и работника для ухода за лошадьми, круглый год разъезжали по округу и по ярмаркам соседних округов и торговали летом в балаганах и палатках, а зимой в крестьянских избах. Купцы таких приказчиков называли «счетами» и имели их от 2 до 10. Они давали для своего хозяина до 5 тыс. руб. сер. выручки в год, а сами кроме годового оклада в 200–300 руб. имели в свою пользу от 10 до 20 % от суммы, вырученной в течение года. Сроки местных ярмарок были выбраны так, чтобы торговцы могли посетить ряд местных ярмарок и успеть к главной ярмарке животноводческого сырья края – к Ишимской зимней Никольской ярмарке.

Благоприятные для предпринимательства географические и экономические условия в Тарском округе дополнялись социальными факторами – округ славился в XVIII в. как один из центров старообрядчества, которое является, по нашему мнению, одним из стимулов хозяйственного развития того или иного района. Для тарских купцов было характерно сочетание различных занятий, которые приносили им прибыль. Они выполняли казенные подряды, торговали пушниной, хлебом, вином, лесом, были в числе первых золотопромышленников юга Западной Сибири. Одним из крупнейших дельцов края был И.Ф. Нерпин, который заложил основу семейного богатства Нерпиных. Они вели торговлю российскими и китайскими товарами на российских и сибирских ярмарках, в крепостях Сибирской пограничной линии, проникли в Кяхту, стали крупнейшими кожевенными заводчиками края, так как чайная торговля требовала большого количества специально выделанных кож для герметичной упаковки китайских чаев. Из Тары вышел крупнейший предприниматель Сибири – Я.А. Немчинов, который стал сначала кяхтинским первой гильдии купцом и занялся чаеоторговлей, а затем стал успешно вкладывать свои капиталы в золотопромышленность, организовал несколько компаний по добыче золота. Крупнейшая из них – «Прибрежно-Витимская» – добывала золото на р. Бодайбо, и объем добычи в 1894 г. достиг фантастической цифры – 980 пуд., а за все время существования компания добыла 10756 пуд. золота. Размах добычи золота в Западной Сибири был во много раз скромнее, об этом будет рассказано в соответствующей главе, но пример Я.А. Немчинова характеризует размах предпринимательской активности тарских жителей. Из Тары вели свое происхождение томские золотопромышленники Филимоновы, один

¹⁵⁴ Колмогоров Г. Город Тара и его округ Тобольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1856. Ч. 20. С. 33–34.

из которых, Николай Евтихievич, был томским городским головою с 1840 по 1851 гг., несколько других талантливых предпринимателей. Историю г. Тары, особенно историю ее купечества, талантливо описал в своих статьях А.А. Жиров, который скрупулезно проследил деловой и жизненный путь купцов не только на родине, но и в других местах, например в Кяхте и Ирбите¹⁵⁵.

В рассматриваемый нами период обороты ярмарочной торговли имели тенденцию к росту, отражая, прежде всего, количественные изменения в сибирской региональной торговле. Качественные изменения произойдут здесь только после строительства Сибирской железной дороги, когда значение ярмарок будет падать в связи с удешевлением транспортировки грузов на большие расстояния и приближением торговцев к фабрикантам в обход многочисленных посредников. В дореформенные времена эти процессы только намечались, и сибирское купечество в целом уступало российским купцам по объемам своих операций. По подсчетам Н.Н. Репина, во второй половине XVIII в. средний размер капитала сибирских купцов почти вчетверо уступал российскому, но намного превосходил его своей активностью. По его расчетам, например, 58,7 % купцов Томска вели отъездные торги во внутренних городах Сибири, Европейской России на ярмарках и торжках¹⁵⁶. По нашим наблюдениям, в конце XVIII – начале XIX в. большинство томских купцов торговало в Кяхте и Семипалатинске, в Петропавловске на Камчатке и в Петропавловске в Степном крае, в Москве и Охотске, в Нижнем Новгороде и в Русской Америке. Но основную массу товаров для томских купцов давала Ирбитская ярмарка, которая находилась на территории Пермской губернии (Южный Урал), но обслуживала преимущественно сибирские интересы.

Из товаров, ввозимых в Сибирь, первое место всегда занимали различные ткани (50–60 % всего ввоза), затем шли кожевенные изделия, галантерейные и бакалейные товары, сахар и прочие продукты. В числе вывозимых товаров на первом месте были кожи, сало, масло, волосы, щетина – 40–50 %, затем шла пушнина – 25–30 %¹⁵⁷. Анализ заявлений предпринимателей о разрешении им торговать на Ирбитской ярмарке позволяет довольно точно определить долю торговцев из Томской губернии. В 1871 г. среди заявленных на ярмарке 1230 российских фирм и торговцев было 494 сибирских, в том числе 172 – из Тобольской губернии и 80 – из Томской¹⁵⁸. Таким образом, доля торговцев из Западной Сибири составляла 20,5 % всех российских и 51 % всех сибирских торговцев.

По содержанию торговли западносибирские купцы особо не выделялись среди своих сибирских коллег, и определить, чем они торговали, можно по характеристике всей сибирской торговли на Ирбитской ярмарке. Как и в более ранние времена, первое место среди ввозимых товаров в 1880-е гг. занимали ткани: в 1882 г. их продано на ярмарке на 29,5 млн руб. (64 % оборота), в 1887 г. – на 21,4 млн руб. (62 %). Больше всего продавалось хлопчатобумажных тканей: на 22 млн руб. в 1882 г. и на 17 млн в 1887 г. Галантерейных, модных и прочих мелочных товаров продано в 1882 г. на 4 млн руб., в 1887 г. на 4,8 млн руб. (соответственно 8,6 и 11,5 % оборота). Разных металлов и изделий из них продавалось тоже довольно много, и их оборот составлял 8,4 % в 1882 г. и 9,2 % в 1887 г. Стабильно держалась на одном уровне продажа сахара, фруктов, свеч, вина и некоторых других товаров¹⁵⁹.

Сибирские газеты внимательно следили за торговлей на Ирбитской ярмарке и оповещали своих читателей о ее ходе и результатах. Например, «Томские губернские ведомости» в 1858 г. перечисляли привозимый из Ирбита товар, давали ему характеристику и называли места распродажи¹⁶⁰. В «Сибирской газете» сообщалось, что в 1882 г. продажа на ярмарке за наличные деньги

¹⁵⁵ Жиров А.А. Тарские купцы XIX – начала XX веков // Тарская мозаика (история края в очерках и документах. 1594–1917 гг.). Омск, 1994. С. 124–142; *Его же*. Сибирские чаеоторговцы на Ирбитской ярмарке // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. К 60-летию профессора В.А. Скубневского. Барнаул, 2005. С. 192–206.

¹⁵⁶ Репин Н.Н. Купечество и торговля городов Западной Сибири в начале 60-х гг. XVIII в. (По материалам фонда комиссии о коммерции ЦГАДА) // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 16.

¹⁵⁷ Гаге К., Тегнер Г. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью // Записки Западно-Сибирского Императорского Отдела Русского географического общества. Омск, 1882. Кн. 4. С. 5.

¹⁵⁸ ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 1-5 (Подсчет наш. – В.Б.).

¹⁵⁹ Сибирская газета. 1888. 5 июня.

¹⁶⁰ Томские губернские ведомости. 1858. 14 марта.

была ничтожна, все распродано в кредит, и платежи по ним растянулись на 18 месяцев и более¹⁶¹. Через год та же газета констатировала, что такой плохой торговли на ярмарке еще не бывало, «спроса на товары не было, так что много фирм совсем прекратило торговлю»¹⁶². Одной из главных статей торговли сибиряков на этой ярмарке был хлеб. Например, в 1891 г. продавцами из Томской губернии было предложено 3 млн пуд. хлеба, из Семипалатинской области – до 2 млн пуд., из Тарского округа – до 700 тыс. пуд. В остальных уездах Тобольской губернии был неурожай. На российские рынки продали около 2 млн пуд. хлеба, столько же купили владельцы крупных мельниц и торговцы для последующих коммерческих операций. Почти 1 млн пуд. хлеба остался на местах до следующих торгов на Ирбитской ярмарке в 1893 г.¹⁶³

В 1893 г. «Сибирский вестник» сообщал о ходе дел на очередной Ирбитской ярмарке: «Торговля пошла очень бойко, особенно хорошо торговали московскими товарами; пушниной расторгались хорошо. Очень плохо шла белка»¹⁶⁴. Газета «Восточное обозрение», издававшаяся в Иркутске, была более информирована о меховой торговле и толково объяснила: «Наплыв белки в Ирбит связан с тем, что на ярмарку в Нижний Новгород “по случаю холеры” ее не повезли, и там она шла довольно горячо, в Ирбите же с ней застой, непроданной остается более трех миллионов»¹⁶⁵. Динамику роста и падения объемов торговли на Ирбитской ярмарке можно проследить по данным составленной нами табл. 11.

Таблица 11

**Торговые обороты Ирбитской ярмарки
во второй половине XIX в.¹⁶⁶**

Годы	Привезено товаров (тыс. руб.)	Продано товаров (тыс. руб.)	Процент реализации
1850	35800	–	–
1868	37311	34359	91,9
1876	49029	45987	93,9
1881	69490	65864	94,1
1891	45896	39302	91,1
1896	47497	41095	87,0

Сходную картину торговли западносибирских купцов можно нарисовать по материалам Нижегородской ярмарки. Правда, участие в ней сибирских купцов было меньшим, чем на Ирбитской ярмарке, так как их товар в основном был недорогой и громоздкий, и перевозить его на большие расстояния было невыгодно. Значительную часть западносибирских товаров составляли продукция животноводства, изделия из кожи и сала (свечи и мыло), рыба, хлеб, кедровый орех и т. д. Поэтому многие купцы были частыми гостями в Ишиме – окружном городке Тобольской губернии, где проходила самая крупная на территории Западной Сибири ярмарка. Она действовала с 1 по 25 декабря, и главными товарами на ней были кожи, сало, масло. Кроме этого, на Ишимскую ярмарку привозили бакалейные, москательные и колониальные товары, а также хлеб, фабричные и мануфактурные изделия. Привозились они в незначительных количествах и для продажи непосредственно на ярмарке, в то время как кожи, сало и масло поступали сюда в небольших количествах в качестве образцов. Сырье поступало к покупателям с места своего нахождения после

¹⁶¹ Сибирская газета. 1882. 16 мая.

¹⁶² Там же. 1884. 4 марта.

¹⁶³ Сибирский листок. 1891. 14 марта.

¹⁶⁴ Сибирский вестник. 1893. 25, 28 февр.

¹⁶⁵ Восточное обозрение. 1893. 21 марта.

¹⁶⁶ Сибирь и великая Сибирская железная дорога. СПб., 1896. С. 238; ГАСО. Ф. 649. Оп. 1. Д. 10. Л. 8; Д. 26. Л. 173.

сделок. В пореформенный период ее обороты были следующие: в 1868 г. было привезено товаров на 2463 тыс. руб., а продано на 2156 тыс. руб., в 1878 г. соответственно 4391 и 3553 тыс. руб., в 1895 г. привезли товаров на 5,4 млн руб. и на 4,5 млн руб. продали¹⁶⁷.

Гораздо меньший оборот имели другие ярмарки Западной Сибири. Их число и обороты можно определить лишь примерно, так как некоторые из учрежденных администрацией ярмарок не функционировали, а другие, стихийно возникавшие из базаров, не были зарегистрированы. Колебания в оборотах западносибирских ярмарок объясняются неурожаем и падежами скота, когда резко падала покупательная способность населения, и проведением в 1885 г. железнодорожной ветки Екатеринбург – Тюмень. Надо сказать, что Тобольская губерния на своей территории имела ярмарок во много раз больше, чем Томская губерния. Например, в 1868 г. это соотношение было 89 к 19; в 1880 г. – 395 к 21; в 1896 г. – 507 к 68. Несколько меньше была разница в объемах привезенных и проданных на ярмарках товаров. Например, в 1868 г. на ярмарки в Тобольской губернии было привезено товаров на сумму до 8 млн руб. и продано на 3,5 млн руб., в то время как в Томской губернии на ярмарки было привезено товаров на 1,3 млн руб. и продано на 550 тыс. руб. Еще больше сократилась разница в объемах торговли на ярмарках в 1896 г. В Тобольской губернии было привезено товаров на 18,1 млн руб. и реализовано на 10,3 млн руб., в Томской губернии было привезено на 4,82 млн руб. и реализовано на 2,56 млн руб. Приблизительно равным был в обеих губерниях только процент реализации привезенных на ярмарки товаров – около 50 %¹⁶⁸.

На наш взгляд, динамику всего торгового оборота Западной Сибири на всем протяжении изучаемого периода с достаточной полнотой выявить трудно, так как этот процесс отражался в источниках неточно: в интересах торгующих было уклониться от государственного налогообложения и преуменьшить свой торговый оборот и доходы от него. В связи с этим можно только приблизительно определить общий торговый оборот региона. В 1860 г. он был не менее 15 млн руб., в 1870 г. – около 23 млн руб., в 1886 г. – около 46 млн руб., а в 1896 г. – не менее 70 млн руб. из 106 млн руб. по всей Сибири, что составляло 66 % от общесибирского оборота.

Более точно можно определить торговый оборот в отдельных городах изучаемого региона. Например, в начале XIX в. внутриторговый оборот Томска был не менее 0,8–1 млн руб., и к концу века он возрос, по данным официальной статистики, не менее чем в 20 раз и достиг 20 млн руб. Например, в 1890 г. он составлял 13143 тыс. руб., а если включить сюда обороты мелкой и базарной торговли, то он достигал 17,5 млн руб. Авторы отчета о томской торговле, откуда взяты эти цифры, не без основания замечали: «Но кто же не знает, что торгово-промышленные сведения добываются при условии личного показания плательщика и при невозможности их действительной проверки. Поэтому можно быть вполне близким к действительности, если определить сумму торговых оборотов по Томску вдвое больше, и тогда эти обороты здесь будут более 35 млн руб. Сумма эта так велика, что, проходя через руки 45 тыс. чел. жителей города пропитывает 0,9 этой массы»¹⁶⁹.

Ведущее место в торговых оборотах Западной Сибири занимала торговля мануфактурой, то есть разного рода тканями фабричного производства. Эта торговля давала довольно высокий процент прибыльности (6–7 % в год, по данным официальной статистики), и только виноторговля являлась более выгодным делом¹⁷⁰. В дореформенный период процент прибыльности от торговли мануфактурой был, без сомнения, в несколько раз выше. Торговля мануфактурой заметно отличалась от других отраслей торговли значительной концентрацией капиталов. Наиболее крупными фирмами в оптово-розничной торговле мануфактурными товарами были фирмы Стасеевых, Гадаловых, Второвых и некоторых других. Эти фирмы сложились и начали свою деятельность в Восточной Сибири, где они в короткие сроки монополизировали торговлю мануфактурой и распространили свое влияние на Западную Сибирь. Здесь они открывали специализированные магазины не только в городах, но и в торговых селах. В конкурентной борьбе с такими

¹⁶⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 642. Л. 8.

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 20. Оп. 6. Д. 763. Л. 2–14; Ф. 1281. Оп. 6. Д. 205. Л. 22; Оп. 7. Д. 10. Л. 179; Ф. 1284. Оп. 70. Д. 361. Л. 47; Д. 474. Л. 45; Оп. 223. Д. 144. Л. 4; Д. 153. Л. 6.

¹⁶⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2515. Л. 15.17.

¹⁷⁰ Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 г. СПб., 1892. С. 261–263.

мощными фирмами было затруднено складывание крупных капиталов у купцов ряда западно-сибирских городов.

Родоначальником одной из известных в Сибири купеческих династий был И.Г. Гадалов, который родился в 1840 г. в Ковровском уезде Владимирской губернии, в имении князя Шаховского. Его отцу, крепостному крестьянину, занимавшемуся торговлей, удалось выкупиться на волю, и он послал 13-летнего сына с небольшим количеством товаров в Сибирь. Смышленный мальчик, получивший начальное образование у дьячка, благодаря настойчивости и природному уму достиг успеха. Он был в курсе всех дел своей фирмы и лично контролировал работу приказчиков. Один из них, крестьянин Енисейской губернии М. Пospelов, был уличен хозяином в регулярном хищении выручки, а затем в краже товаров¹⁷¹. Многих своих конкурентов И.Г. Гадалов сначала опутывал долгами, а затем получал их имущество по суду. Например, томский купец Н.Г. Шипов признал себя несостоятельным должником Гадалова (долги на 60 тыс. руб., а наличных денег и товара у него было на 23296 руб.) и был заключен под стражу в местный поремный замок¹⁷². В конце XIX в. И.Г. Гадалов имел в Сибири 14 больших и роскошно обставленных магазинов и занимал одно из ведущих мест в Западной Сибири в торговле тканями. Однако основные его капиталы, вложенные в торговлю разными товарами и парходство, располагались в Енисейской губернии¹⁷³.

В Иркутской губернии начиналась деловая карьера другого крупнейшего в Западной Сибири торговца тканями А.Ф. Второва. Только в Томске у него в 1889 г. годовой оборот в торговле мануфактурой доходил до 500 тыс. руб. Иногородним купцом был и другой торговец мануфактурой, Н.Д. Стахеев, в трех томских лавках у него был оборот 680 тыс. руб. и прибыль – 34 тыс. руб.¹⁷⁴

По подсчетам Е.В. Гальских, в 1896 г. обороты иногородних купцов Второва, Гадалова, Стахеева, Заславского определялись суммой 1430 тыс. руб., в то время как обороты местных западно-сибирских купцов – Петрова и Михайлова, Д.Н. Сухова, братьев Волковых, Е.И. Жернакова – в 4250 тыс. руб.¹⁷⁵ Эти цифры, скорее всего, даются автором диссертации по данным официальных источников, которые по разным причинам сильно преуменьшали торговые обороты. Однако соотношение торговли мануфактурой иногородних и местных купцов в целом соответствует действительности, хотя нужно было учитывать обороты и более мелких торговцев. По мнению того же автора, мануфактурной торговлей в Западной Сибири занималось 90–100 купцов, из них половина проживала на Алтае. В конце XIX в. наиболее крупные обороты в торговле тканями имели колыванский купец Е.И. Жернаков – 1500 тыс. руб., бийская купчиха Е.Г. Морозова и барнаульский купец Д.Н. Сухов – примерно по 600 тыс. руб., бийские купцы Сычевы – 200 тыс. руб.¹⁷⁶

Крупные капиталы в мануфактурной торговле давали возможность их владельцам во многом по-новому организовывать свою торговлю, применять передовые методы реализации товаров, иметь лучшие в городе торговые здания. Среди них выделяются универмаги Второвых, которые были построены в некоторых городах Западной Сибири. В торговле мануфактурой купцы впервые стали применять рекламу и сезонную распродажу товаров по сниженным ценам. Вот одно из таких сообщений в «Сибирской газете»: «Магазины Петрова и Михайлова, Стахеева и Рукавишниковой, как и в прошлые годы, открыли с понедельника этой недели дешевки – распродажи по дешевым ценам различных остатков материй, вышедших из мод, а более всего, должно быть, разного браку. Покупатели с утра до вечера толпятся в этих магазинах, особенно много их в магазине Петрова и Михайлова, перед дверьми которого на Миллионной улице тянется длинная вереница всевозможных экипажей»¹⁷⁷.

¹⁷¹ Сибирская газета. 1886. 16 ноября.

¹⁷² Томский листок. 1897. 18 и 30 янв.

¹⁷³ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1901 г. Томск, 1901. С. 146–147.

¹⁷⁴ Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск. 1890. С. 133.

¹⁷⁵ Гальских Е.В. Текстильный рынок Западной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. С. 19.

¹⁷⁶ Гальских Е.В. Предпринимательство текстильной торговле на Алтае (вторая половина XIX в.) // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. – 1920-е гг. Барнаул, 1993. С. 69.

¹⁷⁷ Сибирская газета. 1888. 5 мая.

В таких условиях мелким торговцам тканями было трудно конкурировать с владельцами больших магазинов. Даже если они и были в курсе моды и запросов различных слоев населения, имели кредит товарами от фабриканта или крупного оптового торговца, они не имели достаточных средств, чтобы делать сезонные распродажи и покрывать убытки, вытекавшие из особенностей этой торговли. Крупный сибирский, а затем московский предприниматель Н.М. Чукмалдин начинал свою карьеру приказчиком в мануфактурной лавке в Тюмени. Он прекрасно знал торговое дело и по поводу особенностей этой торговли писал, что от каждого куска материи остается остаток, который по своей величине немногим подходит, и приходится продавать его в убыток, что меняется спрос на цвет и рисунок ткани и появляется «завал», который нужно ликвидировать, продавая товар за полцены, что появляются долги за знакомыми покупателями и возврат нужно считать в 3/4 одолженной суммы¹⁷⁸.

Тем не менее торговля тканями фабричного производства была одной из выгодных отраслей торговли, и в нее было вложено не менее четверти всего торгового капитала региона, который приносил не менее 700 тыс. ежегодной прибыли. Здесь наблюдалась довольно высокая концентрация капитала, жесткая конкурентная борьба и большое число иногородних капиталов, и такие условия создавали предпосылки для успешной монополизации этой отрасли торговли.

По-иному строилась и производилась западносибирская хлеботорговля, которая уступала торговле мануфактурой в объеме торгового оборота, прибыльности и отставала от других отраслей торговли в методах реализации товаров. Это было обусловлено малочисленностью городского населения края и дороговизной перевозок по сибирским дорогам до проведения железной дороги. Даже в 1860-е гг. хлеб на продажу еще не сеяли, так как он был дешевле – 18–20 коп. за пуд пшеницы¹⁷⁹. Всего торговля хлебом в зерне и мукой не превышала 7–10 % торгового оборота региона. В дореформенное время неразвитость хлеботорговли объясняется малочисленностью городского населения – основного потребителя товарного хлеба, дороговизной перевозок тяжелых и относительно недорогих грузов на большие расстояния. Выгодной для перевозок по Сибири была транспортировка тканей, мехов, бакалейных товаров, предметов роскоши, драгоценных металлов и т. д. Обилие хлеба в большинстве округов края также тормозило развитие местного хлебного рынка и порождало дешевизну хлебобулочной продукции. Например, по сведениям, представленным Томской городской думой Императорскому Русскому географическому обществу в середине XIX в., в Томске торговали ржаной и пшеничной мукой и овсом, которые выращивали в Томском округе и завозили в город по зимнему пути для местных нужд и казенных винокуренных заводов. Цена муки в то время была очень низкой: ржаной – от 13 до 20 коп. за пуд, пшеничной – от 18 до 30 коп. за пуд¹⁸⁰.

Казенные винокуренные заводы могли стать в какой-то мере катализаторами хлеботорговли, так как для производства вина требовалось значительное количество хлеба. Но в дореформенное время хлеб для этих заводов закупался чиновниками, что сужало в значительной степени рынок частной хлебной торговли. С другой стороны, чиновники закупали хлеб у непосредственных его производителей, то есть у крестьян, и не было посредников, которые бы сбивали всеми способами закупочную цену на хлеб. Первоначально заготовки хлеба на винокуренные заводы были незначительными. Так, в 1865 г. 9 таких заводов в Тобольской губернии закупили всего 695197 пуд. хлеба¹⁸¹.

Далее по значимости шли закупки хлеба для казенных хлебных магазинов, для снабжения провиантом войск, для обеспечения хлебом кочевого населения Степного края и заводского населения Пермской губернии. Большинство населения небольших городков юга Западной Сибири приторговывали хлебом, снабжая им Тобольский север и Степной юг. Обь-Иртышский речной бассейн помогал скупщикам дешевого хлеба организовывать довольно дешевую транспортировку его в нужное место, и из их числа вышло немало крупных хлеботорговцев. В удачные годы они могли два-три раза обернуть свои капиталы и получить каждый раз значительные барыши. В других случаях важно было придержать скупленный по дешевке хлеб и в неурожайный год выгодно

¹⁷⁸ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902. С. 123.

¹⁷⁹ Путинцев Н.Д. Указ. соч. С. 97.

¹⁸⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2179. Л. 180.

¹⁸¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 75. Л. 5.

его продать. Так, в середине XIX в. отец видного сибирского предпринимателя И.В. Кулаева смог продать запас зерна на винокуренный завод и получить «завидный барыш».

Хлеб был своего рода стратегическим товаром, и государство не хотело выпускать торговлю им из своих рук. Конкуренция казенных хлебных магазинов зачастую лишала стимулов развития частную хлебную торговлю. Например, в Тобольской губернии мучные лавки были только в губернском городе, где было достаточно много покупателей муки и хлеботорговцев, тогда как в других городах губернии обходились своим хлебом, а излишки продавали в казенные хлебные магазины по твердым государственным ценам. В 80-е гг. XVIII в. основная масса западносибирских хлеботорговцев поставляла хлеб в запасные хлебные магазины и по контрактам с военным ведомством. Однако самые выгодные и легкие в исполнении контракты на поставку в казенные винокуренные заводы чиновники предпочитали осуществлять сами, что существенно сужало масштабы торгово-закупочных операций купцов-хлеботорговцев. Попытки некоторых крупных сибирских администраторов, например М.М. Сперанского, развивать частную хлебную торговлю в городах закончились безрезультатно¹⁸².

В процессе генезиса капиталистических отношений, как известно, непосредственный производитель вытесняется с рынка готовой продукции и сырья. Появляются многочисленные перекупщики разных товаров, которых тогда называли контрагентами, и благодаря их усилиям складываются сначала региональные рынки, а потом и единый для всей страны рынок. Среди купцов-перекупщиков наблюдалась в этот период сильная конкуренция, и шел процесс концентрации капиталов. Из непостоянной и мелкой скупки и перекупки сельскохозяйственных товаров превращается постепенно в оптовую и постоянную. Оптовая торговля являлась главной формой накопления капиталов.

В дореформенное время процесс выделения крупных капиталов протекал замедленно и зависел от различных факторов. Главным из них являлся спрос на закупленный купцами хлеб и цены при его продаже. Например, в течение всего XIX в. хлеб томскими купцами закупался обычно на Алтае, в ведомстве Колывано-Воскресенских горных заводов и сплавлялся затем в Томск и Нарым. Сохранился договор между томским купцом П.Ф. Чулошниковым и крестьянином Спиридоном Протопоповым о том, что летом 1818 г. Протопопов соберет закупленные Чулошниковым по селениям Томского округа 10 тыс. пуд. ржаной муки и 2 тыс. пуд. ячменя, получив за это 6600 руб. при задатке 2500 руб. Закупленный хлеб нужно было подвезти к построенным на Чулыме баркам и сплавить его потом до Нарыма, сдав в целостности и сохранности приказчикам купца¹⁸³.

Родоначальник известной семьи томских предпринимателей Родюковых Семен Родюков положил начало родовому капиталу в 1813–1814 гг., когда начал закупать хлеб в Колывани и обеспечивать им «народы Нарыма и округа»¹⁸⁴. Долгое время Родюковы являлись только нарымскими купцами, но затем расширили сферу своего предпринимательства, проникнув на новые территории и в другие отрасли торговли и промышленности Томской губернии¹⁸⁵.

Многие курганские и ялуторовские купцы вышли из местных крестьян, заготавливая в значительных количествах хлеб и сплавляя его на плотах или барках в Тобольск. В 1810 г. сюда было сплавлено около 200 тыс. пуд. ржаной муки. В числе главных поставщиков хлеба на Тобольский север были купцы Бронниковы и Минаевы, крестьяне Мясниковы и другие¹⁸⁶.

Вполне вероятно, что привезенную в Тобольск муку тут же скупали поставщики крупных партий хлеба по всей территории Сибири. В 1806 г. подряд на поставки хлеба по всей Сибири в течение 6 лет взяли коллежский ассессор А.В. Зеленцов, коммерции советник К.Н. Передовицков, тобольский первой гильдии купец А.А. Полуянов, тобольский второй гильдии купец И.Т. Куклин-Меньшой. За выполнение условий контракта поставщики получали по 25100 руб.

¹⁸² Разгон В.Н. Государственное регулирование хлебной торговли в Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 2. (XVIII в. – 1920-е гг.). Барнаул, 1997. С. 15.

¹⁸³ ГАТО. Ф. 127. О. 1. Д. 212. Л. 53.

¹⁸⁴ Там же. Ф. 51. Он. 1. Д. 176. Л. 16.

¹⁸⁵ Зинovieв В.П. Родюковы // Сибирь в XVI–XX вв. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. К 70-летию члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1997. С. 86–94.

¹⁸⁶ ТФГАТюмО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 428. Л. 7–26.

в год (всего 150600 руб.)¹⁸⁷. С одной стороны, контракт подписали министр внутренних дел, действительный тайный советник, сенатор и кавалер, граф Виктор Павлович Кочубей и генерал-интендант армии князь Волконский, а с другой стороны – тобольские купцы Андрей Полуянов и Иван Куклин-Меньшой. Их имена фигурировали и в других контрактах, а потом стали постоянно встречаться в судебных документах в качестве ответчиков за невыполненные условия взятых на себя поставок провианта и соли.

На всем протяжении XIX в. главной особенностью хлебной торговли, которая не могла обеспечить стабильность и предсказуемость цен на хлеб в Сибири, являлась сильная неравномерность цен на хлеб в разных районах края. Это было вызвано огромными расстояниями между населенными пунктами края, неудовлетворительным качеством дорог, высокой стоимостью транспортировки хлеба, в многократном преобладании сельского населения над городским и самообеспечением большинства населения продукцией сельского хозяйства. Один из компетентных авторов газеты «Восточное обозрение» писал в конце XIX в.: «Главная особенность хлебной торговли Сибири заключается в том, что при среднем и даже обильном урожае в хлебных центрах Сибири цены на хлеб в различных местностях ее представляют столь крупные различия, что их нельзя объяснить несовершенством путей сообщения. Дело в том, что для казенных нужд заготовка, покупка и доставка казенного хлеба производится через массу посредников, которые берутся за дело не ради общественных интересов, а лишь исключительно с целью коммерческой»¹⁸⁸. У западносибирских купцов, которые занимались скупкой хлеба в «хлебобродных» округах Томской и Тобольской губерний, вырабатывались различные приемы сбивать цену на крестьянскую продукцию в подходящее для этого время (перед сбором налогов и после сбора урожая) и взвинчивать их при неурожае, весной и в начале лета, при дефиците зерна на винокуренных заводах и т. д.

Существовали различные способы получить свою дополнительную выгоду при скупке хлеба. Например, в Боготоле Мариинского округа крестьяне, следовавшие на базар мимо местного винокуренного завода, задерживались приказчиками почти силой: «Муки не хватило на затор, мы тебе лишних 10 копеек дадим с пуда, только вези, пожалуйста». Крестьяне, не зная базарной цены, сдавали хлеб всегда дешевле, чем могли бы продать на базаре¹⁸⁹. В городах Западной Сибири существовали также особые приемы сбивания цен на хлеб. Занимались этим, как правило, прасолы-хлеботорговцы, которые перехватывали крестьянские возы с хлебом до подъезда их к городской базарной площади и скупали его у них по дешевке, а затем повышали цены¹⁹⁰. Например, известный каинский купец Ерофеев после открытия своего винокуренного завода послал своих служащих перехватывать за городом хлеб, съестные припасы, дрова, сено, овес и не стоять за ценой. В результате цены на многие продукты в Каинске увеличились в несколько раз, и автор корреспонденции в газете отмечает, что проиграла в соревновании с Ерофеевым не только горожане-покупатели, но и крестьяне-продавцы, так как округа стала снабжаться дорогим вином и другими товарами купца-монополиста¹⁹¹.

Такие спекулятивные методы обогащения западносибирских купцов могли существовать только в условиях, когда не был налажен механизм сбыта произведенного в Западной Сибири хлеба, без формирования предсказуемых и устойчивых цен на хлеб. По мнению В.И. Пронина, хлебная торговля не имела здесь цивилизованных форм организации: «При хорошем урожае большая масса крестьянского хлеба осенью выбрасывалась на местный рынок, не находя хорошего спроса. Складов и тем более элеваторов, которые выступали бы в роли регуляторов цен, не было. Поэтому крестьяне при хорошем урожае продавали свой хлеб за бесценок, а при плохом сами покупали в тридорога»¹⁹².

Внешним толчком для резкого повышения объема западносибирской хлеботорговли, так называемой хлебной горячки начала 1890-х гг., послужили неурожаи в ряде губерний Европейской

¹⁸⁷ ТФГАТюмО. Ф. 154. Оп. 3. Д. 1. Л. 5–9.

¹⁸⁸ *Восточное обозрение*. 1893. 19 сент.

¹⁸⁹ *Сибирская газета*. 1882. 17 янв.

¹⁹⁰ Там же. 27 июня.

¹⁹¹ *Сибирская газета*. 1883. 27 февр.

¹⁹² *Пронин В.И.* Уровень хлебных цен в Сибири в XIX веке (1842–1900 гг.) // *Сибирь в XVI–XX вв. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура*. Новосибирск, 1997. С. 106.

России, некоторых округах Тобольской губернии (Курганском, Ялуторовском, Ишимском) и необычайный урожай, по свидетельствам современников, на Алтае. Крестьянское хозяйство в этот период начинало работать на рынок, и предпринимателям, которым удалось организовать вывоз и реализацию произведенного хлеба, удалось получить не менее 10 млн руб. чистой прибыли. В это время крупной торговлей занималось 30–40 хлеботорговцев, 7 из которых выкупили свидетельства купцов первой гильдии.

Крупнейшими в Западной Сибири хлеботорговцами в конце XIX в. были В.А. Горохов, А.Д. Родюков, И.Л. Фуксман, А.Ф. Морозов, Д.И. Смолин, А.И. Текутьев, Е.И. Жернаков, А.И. Винокуров, братья Колмаковы, Ерофеевы, Злоказовы, Кухтерины и другие. Торговлю хлебом в зерне и разными сортами муки они совмещали с производством муки, некоторые из них – с винокурением, а семейство Кухтериных – с транспортировкой грузов. Естественно, у крупнейших купцов торговля хлебом не ограничивалась территорией Западной Сибири, а охватывала обширные территории Сибири и после проведения Транссибирской железнодорожной магистрали имела тенденцию распространиться на Европейскую Россию, но царское правительство, защищая интересы поместного дворянства, устанавливало препятствия на пути реализации там дешевого сибирского хлеба.

С хлеботорговлей были тесно связаны винокурение и виноторговля, так как зерновой хлеб являлся главным сырьем в винокурении, а все винозаводчики были крупнейшими в крае виноторговцами. В дореформенное время в России система винной торговли была построена на откупках, то есть своеобразной системе аренды права на торговлю вином за определенную плату, которая вносилась вперед и при условии представления лицами, взявшими данный откуп определенного залога в виде поместий с несколькими тысячами крепостных или огромных сумм денег. При таких условиях преимущество при получении откупов имели, конечно, дворяне, так как они являлись монополистами на право владения крепостными и на «выкурку» (производство) вина. В Сибири это было связано с обязательной поставкой выкуренного дворянином вина в казну или откупщику. В указе о винокурении и откупках Тобольского наместничества в конце XIX в. дано распоряжение, чтобы «винокуренные заводы были только у тех дворян, кои обязались поставкою вина в казну или откупщику; кто же такой поставки не взял, тому иметь только для домашнего обихода винокурню, на которой высиживать вина не более повелеваемого Высочайшим указом количества 90 ведр в год...»¹⁹³.

Купечество в такой невыгодной для себя ситуации могло надеяться только на обогащение через службу у откупщиков в качестве управляющих с огромным жалованьем и широкими возможностями для разного рода махинаций, а также в качестве субподрядчиков. Примером подобного рода обогащения можно назвать деятельность верхотурских купцов Поповых, которым удалось в 1827 г. взять на откуп Томскую и часть Тобольской губерний у главного сибирского откупщика князя Голицына¹⁹⁴. За право продажи вина в Томске А.Я. Попов в компании с Ф.И. Поповым обязывались выплачивать в казну 181250 руб. и продавать там ежегодно по 48 тыс. ведер вина. Вино отпускалось Поповым с Краснореченского казенного винокуренного завода по цене 2 руб. за ведро 40-градусной водки. Поповы должны были развезти эту водку по своим торговым точкам и складам и реализовывать ее самостоятельно в установленных указом объемах по цене 2 руб. 80 коп. – 3 руб. 30 коп. Различие в цене определялось транспортными и иными расходами по продаже вина. Всего в Томске у Поповых в 1827 г. было 17 питейных домов, в Томской губернии было 36 городских и 142 уездных заведения подобного рода¹⁹⁵. В дальнейшем С.И. Попов, наследник умерших в начале 1830-х гг. А.Я. и Ф.И. Поповых, вложил колоссальные деньги в разведку и добычу золота, других полезных ископаемых, но после краха золотопромышленной компании Ф.А. Горохова и Филимоновых фирма Поповых также обанкротилась.

¹⁹³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

¹⁹⁴ Шаттаков В.П. Сибирская купеческая фирма Поповых в первой половине XIX в. // Из истории буржуазии Сибири. Томск, 1982. С. 21.

¹⁹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 70. Л. 17.

По подсчетам В.Н. Разгона, доля сибирских купцов в откупных операциях была значительно ниже, чем у купцов из Европейской России. Это объясняется тем, что они имели меньше связей с чиновничеством, обладали меньшими капиталами и совсем не имели поместий, которые нужно было предоставлять в качестве залога при получении откупа. В Западной Сибири ежегодная прибыльность откупных операций была не ниже 10 % от размера откупной платы и давала колоссальные по тем временам прибыли. Например, ростовский купец Н. Мясников получил не менее 2 млн руб., верхотурский купец А. Попов – более 1 млн руб., что не учитывает нелегальные доходы откупщиков от продажи разбавленного водой вина, произвольного повышения цен, злоупотреблений в борьбе с самовольной продажей водки (корчемством) и т. д.

Другой путь прошли еще более крупные, чем Поповы, откупщики – Походяшины. Поднял на гребень успеха свое семейное дело Максим Михайлович Походяшин, который на Урале и в Западной Сибири владел металлургическими, винокуренными и бумажными мануфактурами, брал на откуп крупные казенные поставки, прежде всего, винные откупа. Старший сын Василий продолжил занятия отца коммерцией, но ранняя смерть в 1771 г. прервала его деятельность на этом поприще. Два других сына, Николай и Григорий, вышли в дворянство через военную службу. Наибольшую известность получил Г.М. Походяшин (1760–1820), который благодаря поддержке отца сделал быструю военную карьеру и в 26 лет вышел в отставку премьер-майором. Его не привлекала военная служба, не имел он склонности и к коммерции. Поиск нравственных идеалов приводит его сначала в петербургские, а затем и московские мasons, где он знакомится с Н.И. Новиковым, великим русским просветителем. После смерти отца в 1780 г. Г.М. Походяшин становится наследником колоссальных богатств, часть из которых (около 50 тыс. руб.) ушла на широкую и щедрую благотворительность, часть на выплату долгов типографии Московского университета, помощи жертвам голода 1787 г. и другие акции. Однако после ареста Н.И. Новикова в 1792 г. для него наступают тяжелые времена, так как нужно было оправдываться. Брат Николай, который был управляющим семейного дела, придумал блестящий ход. Г.М. Походяшину нужно было сыграть роль купца, который рассчитывал получить прибыль от вложенных в новиковское дело капиталов. Следствие поверило этой версии, но дополнительно выдвинуло более убедительное, на их взгляд, доказательство невинности – «обольщение и обман» наивного Походяшина преступником Новиковым. В результате дело закончилось оправдательным по своей сути приговором. Отрадно, что первые попытки формирования гражданского общества в России, широкое распространение просвещения и книжной культуры были во многом совершены на деньги уралосибирских предпринимателей и мастеровых. Мы солидарны с выводами М.М. Громыко, которая считает, что «связь Г.М. Походяшина, выходца из наиболее активной и состоятельной части сибирского купечества, с Н.И. Новиковым и его окружением не была случайной. И кипучая торгово-промышленная деятельность М. Походяшина, и просветительство, к которому пришел его сын, – порождения одних и тех же исторических условий»¹⁹⁶.

Другим известным в Западной Сибири откупщиком был И.Ф. Базилевский. Его деятельность во многом схожа с деятельностью в Сибири Поповых: сначала откупа – потом золотопромышленность, но по результатам была более удачна. В середине XIX в. в «Отчетах по общей выручке от продажи хлебного вина» отражена тенденция роста прибылей от откупных операций И.Ф. Базилевского и его компаньонов в Томской губернии: в 1851 г. выручка составляла 1203346 руб., в 1855 г. – 1512693 руб., в 1858 г. – 1976680 руб.¹⁹⁷. Значительная часть этих сумм выплачивалась в казну, но и оставшиеся на руках откупщиков деньги были для того времени колоссальным состоянием. Добывалось оно путями отнюдь не праведными. Деятельность откупщиков тяжелым бременем ложилась на всю округу и связана была со многими злоупотреблениями. «Лихоимство и система откупов суть два величайших врага общественного быта Сибири», – писал декабрист Н.В. Басаргин, который невольно (в ссылке) имел возможность наблюдать операции сибирских откупщиков в первой половине XIX в. Басаргин называет операции откупщиков «бес-

¹⁹⁶ Громыко М.М. Г.М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н.И. Новикова // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири). Новосибирск, 1974. С. 298.

¹⁹⁷ ГАКК. Ф. 57. Оп. 14. Д. 210. Л. 12.

кровными преступлениями», раскрывает механизм их обогащения: «Откупщики, принимающие на себя обязанности удовлетворить народную потребность в спиртных напитках, заключают с правительством такие условия, которых они не могут выполнить, если будут действовать в смысле заключенного договора. Они только потому соглашаются на все ограничения, что наперед уверены в том, что будут иметь возможность не стесняться своими обязательствами и действовать более или менее произвольно. Для этого они сами или их доверенные весьма естественно прибегают к подкупам лиц, от коих зависит надзор за их действиями, и, стало быть, распространяют лихоимство, и без того уже повсеместное»¹⁹⁸. Автор известного в Сибири труда о деятельности в Сибири М.М. Сперанского В. Вагин отмечал, что в начале XIX в. откупа являлись своеобразными гнездами коррупции, в результате чего «сидельцы почти везде продавали вино незаконной доброты и выше установленных цен»¹⁹⁹. Неожиданное подтверждение сказанному находим в малоизвестных незаконченных воспоминаниях Л.Н. Толстого, который писал о своем деде, служившем в первой половине XIX в. губернатором и принципиально не бравшим взятки, «кроме как с откупщика, что было тогда общепринятым обычаем...»²⁰⁰.

Общий вывод о влиянии откупов на состояние Сибири сделал В.П. Зиновьев: «Денежные средства, полученные от ограбления населения Сибири, не оседали в ней, а служили, главным образом, источником накопления капитала для крупной российской буржуазии, и лишь малая часть из них шла на капиталистическое развитие Сибири... Откупная система своими грабительскими действиями приводила к постоянному напряжению платежных сил населения, чем способствовала его разорению и пролетаризации. Нищета и вымирание коренных народностей Сибири тоже не в малой степени следствие откупной системы в Сибири в первую половину XIX века»²⁰¹.

Таким образом, предпринимательство в виноторговле лиц разного звания, в том числе и купцов, носило черты грубого первоначального накопления капиталов. Спаивание широких слоев сибирского населения с максимальной пользой для своего кармана являлось главным источником их обогащения. Винные откупа в Сибири представляли собой крупные, защищаемые государством монополии, которые давали право узкому кругу лиц торговать вином без конкуренции и, по сути дела, без контроля со стороны государства. Винные откупа – это не только торговые операции, это участие в получении доли от правительственных сборов с виноторговли. Поэтому капиталы откупщиков легко и естественно ложились в основание некоторых крупнейших в России банкирских домов, а сами они приобретали от правительства чины, дворянское звание, ордена, титулы, связи с высокопоставленными чиновниками и представителями аристократии, так необходимые им в их предпринимательстве. Кроме того, откупщики переносили методы первоначального грубого накопления капиталов в другие отрасли хозяйства, куда они внедрялись после отмены с 1 января 1863 г. системы откупов, большей частью в золотопромышленность.

Многие западносибирские купцы имели разного рода контакты с откупщиками и их управляющими. Большой частью они брали подряды по транспортировке различных грузов или по поставке необходимых откупам товаров. В числе последних был не только хлеб, но и другие продукты: мясо, сало разных видов, кожи и овчины, дрова, сено и овес и другое. Поток этих заказов резко увеличился после того, как откупщики стали совмещать продажу вина с добычей золота. Некоторые западносибирские купцы сами служили в качестве управляющих, сначала по откупной, потом по золотопромышленной части. Наибольшую известность имел вышневоложский первой гильдии купец и почетный гражданин Степан Егорович (в некоторых документах – Ерофеевич) Сосулин и его сыновья Николай и Петр. Служил по откупной части (управляющим Томским акцизно-откупным комиссионерством) ялutorовский, а потом и томский купец третьей гильдии М.Я. Ядринцев, отец будущего областника, и некоторые другие купцы. На места сидельцев питей-

¹⁹⁸ Басаргин Н.В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 118.

¹⁹⁹ Сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Собраны В. Вагиным. СПб., 1872. Т. 1. С. 432.

²⁰⁰ Толстой Л.Н. Воспоминания // Собр. соч. В 12 т. М., 1987. Т. XII. С. 447.

²⁰¹ Зиновьев В.П. Винные откупа в Западной Сибири (XVIII в. – 1863 гг.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. XVIII–XX вв. Томск, 1994. С. 50.

ных домов и приказчиков довольно часто нанимались евреи. Во многих договорах по найму такого рода служащих около половины контрактов заключалось с евреями.

После ликвидации в 1863 г. откупов значительная часть нажитых на спаивании сибирского населения капиталов перетекла в Европейскую Россию, другая ненадолго задержалась в Сибири в золотопромышленности, а затем последовала большей частью за ними. Такой процесс указывает на колониальный характер экономики Сибири и на то, что даже в первый, самый удачный для добычи золота, период скорость обращения капиталов и размер прибыли был ниже, чем в виноторговле.

В пореформенный период происходит разгосударствление винокурной промышленности и передача ее в частные руки. В условиях свободной продажи вина, когда возникла конкуренция, прежние злоупотребления частично смягчились, улучшилось качество вина, оно стало более дешевым. Однако в это время увеличилось число потребителей вина, возросли его производство и торговля им. Это вызвало формирование новой системы продажи вина, когда его производство и продажа концентрировались в одних руках и виноторговцы делили между собой сферы влияния. Для защиты своих интересов они организационно сплачивались. На своих ежегодных съездах они обычно делили места по продаже водки. По словам корреспондента «Сибирской газеты», в Барнауле, где происходили съезды виноторговцев Томской губернии, собирались «потомственные дворяне и мещане, русские люди и люди других национальностей. Православные, мусульмане, католики и иудеи объезды одной жаждой – открыть побольше кабаков»²⁰².

На практике виноторговцы нового типа продолжали традиции своих предшественников (откупщиков) и спаивали сибирское население, обманывая покупателей и казну. «Факт постепенного усиления алкоголизма вполне установлен, – констатировал «Сибирский вестник», редакцию которого часто не без оснований упрекали в излишних симпатиях к виноторговцам, – и это вызвано не количеством, а качеством употребляемых спиртных напитков... К дешевой водке примешиваются вредные вещества, при содействии которых человек скоро впадает в полусознательное состояние»²⁰³. Другая томская газета существенно дополняет данную характеристику: «Самый главный торговый промысел в Томском округе – торговля вином. Почти в каждом селе имеется 4–5 питейных заведений, и рабочий люд не в силах остановить себя от пьянства»²⁰⁴. По сведениям полиции, в Баимском питейном заведении Мариинского округа, принадлежавшего томскому купцу Андрею Пастухову, постоянно продавалось низкопробное вино. В 1879 г. было заведено дело и проведены контрольные измерения из бочек, запечатанных личной печатью Пастухова. Крепость оказалась 34,5 градуса вместо положенных 40 градусов²⁰⁵. А.Н. Пастухов в 1882 г. пригрозил томским виноторговцам демпинговыми ценами на водку (3 руб. за ведро вместо 6–7 руб.) и получил от них право открыть в Томске 15 кабаков. Он долгое время занимался скупкой хлеба и других сельхозпродуктов и в течение своей долгой практики «много раз мошенничал и привлекался к суду, но все уголовные дела выкрадывались подкупленными им чиновниками и возникали таким образом новые, по которым он оставлен судом в сильном подозрении... Он изгнан из гласных думы, из состава сиротского суда, и ему запрещено иметь кабаки и склады. Но все эти запрещения – пустые формальности, которые обходятся без труда при помощи подставных доверенных и фиктивных владельцев»²⁰⁶.

В 1880-е гг. на Урале и в Тобольской губернии господствовали одни из первых в Сибири монополии виноторговцев. В это время конкуренция мелких виноторговцев с крупными здесь была уже невозможна. На стороне последних стояли зачастую городские власти. Так, в Кургане они распорядились о сокращении винных лавок мелких торговцев более чем наполовину. «В результате право на открытие кабаков дано только одним капиталистам, которые имеют преимущественно водочные заводы и винные склады, как, например, Смолину, Поклевскому, Филинову, Шмурло», – жаловался властям один из разоренных виноторговцев²⁰⁷. Достаточно сказать, что у Д.И. Смолина имелось

²⁰² Сибирская газета. 1886. 15 апр.

²⁰³ Сибирский вестник. 1886. 24 апр.

²⁰⁴ Сибирская газета. 1886. 28 окт.

²⁰⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 892. Л. 11–12.

²⁰⁶ Восточное обозрение. 1882. 29 апр.

²⁰⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 561. Д. 383. Л. 203.

6 складов спирта и 120 питейных заведений в Ишимском и Курганском округах, А.Ф. Поклевский-Козелл имел 6 складов спирта и 90 кабаков, преимущественно на юге Западной Сибири²⁰⁸. В Тарском округе вытеснил основных своих конкурентов А. Щербаков. «В первой половине 1887 г. в Таре и округе стали меньше потреблять водки, так как отбив торговлю у двух своих конкурентов, Щербаков орудует по всей своей воле, и цена водки выросла по сравнению с 1886 г. на 40 %»²⁰⁹.

Интересно отметить, что прошло немало времени с того момента, когда сын потомственного почетного гражданина А.И. Щербаков был выслан в Тару под надзор полиции и опеку родителей за участие в студенческих беспорядках 1861 г. В Таре он не оставил своих оппозиционных «шалостей»: критиковал и высмеивал власти, читал и распространял запрещенную литературу, например, «Колокол». Стала предметом долгого разбирательства поездка Щербакова с друзьями в маскарадном поезде в предпоследний день масленой недели (25 февраля 1867 г.), где себя они изобразили ряжеными каторжниками с клеймами на лбу и синяками под глазами (намек на кулачные расправы местного городничего). Поезд сопровождали всадники с палками, напоминавшими по своему виду казаков охраны. Когда веселую компанию привели все-таки в полицию, то городничий подошел близко к Щербакову и, «взявши его за лацканы шубы, сказал, что он арестует и его», на что Щербаков сказал: «А я вам дам в морду», и городничий ответил: «У меня рожа широкая – не промахнетесь». До драки между первыми лицами города дело не дошло, но расследование было проведено серьезное. Были опрошены многочисленные свидетели, рассмотрены доносы, поступившие от еврея Дубровина о том, что Щербаков говорил о своем намерении разбить на следующий день полицию и коллежского регистратора Астафьева, который помогал писать этот донос. Первый был признан виновным в порче на заводе Щербакова перегонного аппарата, что было засвидетельствовано актом полиции и изгнанного за это хозяином с завода, а второй был известен как человек «крайне нетрезвой жизни, склонный ко всякого рода кляузам и готового на всякий донос»²¹⁰. После такой стычки власти потрепали А.И. Щербакову немало нервов, но благодаря богатству и видному положению (потомственных почетных граждан в крае можно было пересчитать по пальцам) дело благополучно прикрыли. Тем не менее этот год (1867) авторы статьи о Щербакове в «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» отмечают как переломный в жизни предпринимателя: он серьезно увлекся коммерцией и достиг здесь немалых успехов. В А.И. Щербакове уживались опасные шутки с властями и чтение «Колокола», и участие в стачке винокуров Тобольской губернии, когда крупнейшие производители и продавцы водки согласованно и организованно поделили водочный рынок. Совместно они вытеснили мелких и средних конкурентов разорительной низкой ценой на водку, а затем получили сполна все выгоды монопольной торговли этим «народным продуктом».

Если к концу 1880-х гг. в Тобольской губернии процесс деления водочного рынка в основном завершился, то в Томской губернии в это время конкурентная борьба приняла острые формы. Нередки были случаи умышленного поджога винокуренных заводов и складов, торговцы терпели убытки от частого понижения цен на водку, для того чтобы вытеснить очередного конкурента, недостатка в которых не было в силу высокой доходности этой отрасли торговли. «И вот после съездов, борьбы, понижения цен, – писал томский корреспондент «Восточного обозрения», – после винных турниров и войн винокуры и кабатчики выбрали путь заговора». В сентябре 1887 г. в Томске состоялся съезд виноторговцев, где решили отдать торговлю вином в руки нескольких заводчиков, как правило, наиболее крупных виноторговцев, а остальные закрыли свою торговлю, удовлетворившись отступными, сообразно своим оборотам. С 1 октября соглашение вошло в силу, и вино, раньше продававшееся по 4 руб. 60 коп. за ведро (12,3 л), стало стоить в различных местностях от 6 до 8 руб. за ведро²¹¹. Во главе этой винной стачки стояли известные томские купцы А. Пастухов, И. Фуксман, В. Вытнов, Е. Королев и отставной барнаульский чиновник И. Платонов.

²⁰⁸ Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 20. Л. 147.

²⁰⁹ Восточное обозрение. 1887. 18 июня.

²¹⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18503. Л. 21–25.

²¹¹ Восточное обозрение. 1887. 16 окт.; Сибирская газета. 1888. 9 янв.

Повышение цен на водку резко сократило ее потребление, а значит, и резко уменьшилось поступление акцизных сборов в казну. Царская администрация вынуждена была принять соответствующие меры. Во-первых, правительство снарядило и отправило «значительную партию спирта из Одессы во Владивосток, чтобы продавать его в Сибири в казенных складах по своей цене и тем вынудить стачечников возвратиться к нормальному порядку»²¹². Во-вторых, в Томском губернском суде в июне 1888 г. группа виноторговцев (13 чел.) была признана виновной, и они получили разные сроки тюремного заключения (от 3 недель до 6 месяцев). В-третьих, винные стачки ускорили отмену частного винокурения и свободной продажи спиртных напитков частными лицами и компаниями. По инициативе С.Ю. Витте была введена государственная монополия на производство и продажу водки, что значительно повысило приходные статьи казны.

Остается добавить, что в Западной Сибири виноторговля занимала третье место по объемам реализации продукции и составляла около 10 % общего годового товарооборота. Зато, естественно, виноторговля стояла на первом месте по нормам прибыли, которая по заниженным данным официальной статистики составляла 8–9 % в год²¹³.

Интересно проследить размещение питейных заведений в городской черте некоторых западносибирских городов. Например, по «Журналу генеральной поверки торговли и промыслов г. Томска за 1886 г.», видно, что трактиры и кабаки размещались среди постоянных дворов и бань, вблизи оживленных магистралей и многолюдных площадей и улиц. Большого секрета не было в том, каким образом купцам разрешалось открывать свои кабаки вблизи церквей, что было запрещено законом и морально осуждалось верующими. Купцы понимали также, что коммерческий мир един и бизнес соседа может сослужить при определенных условиях хорошую службу. Поэтому торговля вином мирно и взаимовыгодно соседствовала в Томске с торговлей другими товарами и оказанием разных услуг (от транспортных контор до публичных домов).

Наиболее выгодные для виноторговли места находились вокруг Базарной площади. Здесь позиции были крепче у коммерции советника и городского головы Е.И. Королева. Среди многих его торговых заведений выделяется трактирное заведение в доме № 2 по Обрубной улице. Там производилась «дробная продажа вина и других напитков распивочно, а также подавались холодные и горячие закуски». При заведении находилось три приказчика, в том числе один маркер при билльярде. Владелец указал годовой оборот своего заведения в 4 тыс. руб. и прибыль 1 тыс. руб. в год, что было сильно занижено, так как акцизный сбор нужно было платить значительный – треть дохода или 330 руб. Вино и прочие напитки трактир получал из оптового склада «Ростовского товарищества», где помимо самого Е.И. Королева находился его брат Всеволод и колыванский купец, проживавший в Томске, П.Н. Кайманович. Генеральная поверка обнаружила в трактире на Обрубе неурядок: у находящегося при заведении унтер-офицера Коруцкого не было приказничьего свидетельства, и «потому ему таковое выдано за полуторную плату»²¹⁴. На оживленной Акимовской улице, где находились общие бани томского мещанина Леонтия Хотимского и мещанки Авдотьи Кармановой, а также «номерные бани» Веры Ижболдиной, находилось питейное заведение томского купца В.Н. Вытнова. Торговали здесь два приказчика, и годовой оборот хозяин определил в 5 тыс. руб. и 1 тыс. руб. прибыли. Всего же у Вытнова и его сыновей было несколько десятков кабаков, которые находились как в губернском центре, так и в отдаленном Нарыме и Колпашеве.

Острая конкурентная борьба развернулась в Богородской волости, где столкнулись интересы томских купцов Вытнова, Пастухова, Казанцева и колыванского – Кривцова. Это явилось причиной открытия нескольких питейных заведений, по одному от каждого конкурента, в одном населенном пункте: 4 – в с. Богородском, 5 – в Киреевском, по 2 – в Трубачеве, Бабарькине, Жарковке и других деревнях. В с. Баткат питейное заведение Вытнова находилось при его же оптовом складе хлебного вина и водок, который пополнял запасы из винокуренного завода Вытновых в с. Зоркальцево Нелю-

²¹² *Сибирь и Великая Сибирская железная дорога*. СПб., 1893. С. 238.

²¹³ *Источники подсчета*: Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 г. СПб., 1892. С. 261–263.

²¹⁴ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 9. Л. 1.

бинской волости. Близость производства и складов позволяли Выгновым выиграть ряд местных битв за потребителей своих горячительных напитков²¹⁵.

Винный склад с годовым оборотом 100 тыс. руб. в год имел О.Л. Фуксман на Воскресенской улице в Томске. Владелец склада получал спирт с винокуренного завода своего брата, и на складе с использованием фильтров из песка и угля спирт превращался в водку холодным способом. Рядом находились питейные дома Фуксманов, которые тоже соседствовали с банями, постоянными дворами, комиссионерствами по отправке разных грузов. Перечисление подобного рода «гнезд» томских виноторговцев можно продолжить.

Главной действующей силой в развитии виноторговли Западной Сибири после введения акцизной системы стало частное предпринимательство. Его основой стало местное винокуренное производство. Владельцы винокуренных заводов одновременно являлись владельцами широкой сети различных заведений по сбыту собственной продукции, что послужило основанием для создания в отдельных хозяйственных и административных районах мощных торгово-промышленных комплексов. В условиях острой нехватки капиталов, отсутствия антимонопольного законодательства, слабости административного контроля за деятельностью крупных торговцев вином высокая и быстрая прибыль создавала условия для первичной монополизации отрасли. Мы согласны с мнением исследователя данной проблемы А.М. Мариупольским, что «виноторговля в Западной Сибири, наряду с винокурением, являлась одним из главных источников первоначального накопления капиталов. Ее вклад в формирование крупной и средней буржуазии в регионе весьма значителен»²¹⁶.

Вполне очевидно, что виноторговля во второй половине XIX в. была самым выгодным видом торговли, и здесь шла острая борьба за покупателя. Торговцы использовали дозволенные и недозволенные методы для вытеснения конкурентов из виноторговли и максимального обогащения. В дальнейшем, после введения государственной монополии на продажу вина в 1893 г., они вынуждены были сворачивать свое предпринимательство или ограничиваться торговлей виноградными винами в небольших масштабах.

Значительное место в торговле Западной Сибири занимала торговля бакалейными товарами, главным из которых был чай. Торговля и транспортировка китайских чаев через Сибирь являлись основными источниками обогащения нескольких десятков западносибирских купцов. В течение XIX в. удельный вес этой торговли составлял более четверти всего торгового оборота города. Только к концу века доля бакалейной торговли уменьшилась до 20 % в связи с перевозкой чая морским путем из Владивостока в Одессу²¹⁷. Таким образом, торговля бакалейными товарами занимала второе место после мануфактурной торговли в основном за счет торговли чаем, так как помимо внутренней торговли чаем в Западной Сибири в больших объемах производилась транзитная торговля им. В регионе в этот период «умело пользовались выгодами как сухопутных путей сообщения, преимущественно Сибирским трактом, так и пароходством»²¹⁸.

В начале XIX в. некоторые западносибирские, в первую очередь томские купцы, только приторговывали чаем, имея основную прибыль от торговли другими товарами. К их числу можно отнести П.Ф. Шумилова, М.А. Мыльникову, купцов Губинских, Даниловских и некоторых других. Только в 1830-е гг. возникает некоторая специализация в торговле, и в Томске появляется свой крупный чаоторговец – Г.И. Елисеев, который быстро из купцов третьей гильдии переходит в купцы первой гильдии и становится одним из богатейших людей города. В «Книге для записей торговых договоров и контрактов» томского нотариуса за 1851 г. сохранился его договор с тюменским крестьянином И.В. Кокшаровым «о доставке 1476 пуд. 5 фунт. заширенных (герметично зашитых. – В.Б.) в коровьи кожи с штемпелями по свинцу кяхтинской таможни в 512 местах разных чаев из Томска в Тюмень с платою по 40 коп. сер. с пуда». Вперед, то есть авансом, выплачивалось

²¹⁵ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 9. Л. 101–103.

²¹⁶ Мариупольский А.М. Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.). Барнаул, 2000. С. 116.

²¹⁷ Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 г. Материалы торгово-промышленной статистики. СПб., 1892. С. 263.

²¹⁸ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 164.

по 25 коп. сер. с пуда, а за каждые сутки опоздания предусматривалась неустойка (штраф, который брался из платы за транспортные услуги) – 10 коп. сер. с пуда²¹⁹. Это была партия чаев среднего размера. Не редкостью была регистрация партий в несколько тысяч пудов, которые следовали через Томск сухопутным или речным путем на запад. По ним можно восстановить основные вехи предпринимательской карьеры некоторых крупных российских чаоторговцев, деятельность которых помогла выйти в купечество многим западносибирским мещанам и крестьянам.

Например, в 1818 г. вологодский первой гильдии купец И.А. Колесов нанимал крестьянина тюменского округа Ефима Байкалова «со товарищи» на перевозку тысячи пудов чая из Томска в Тюмень «с сохранением груза от всяких грабежных случаев, от огня, подмочки, протирки, воровских людей и прочего с залогом ямщицких лошадей с упряжью под обозом идущих». В 1830 г. И.А. Колесов числится уже московским первой гильдии купцом и заключает через томского третьей гильдии купца Ф.А. Бадашкова с тюменским мещанином И.А. Киселевым контракт на перевозку из Томска в Тюмень 301 место чая разных сортов весом 750 пуд. по 3 руб. 35 коп. с каждого пуда. Договор заключен 21 февраля, то есть накануне распутицы, поэтому столь высока плата за перевоз. Естественно, что перевоз зимой был легче и быстрее, и плата за него была в 3–4 раза дешевле, чем в другие времена года. Больше нужно было платить за срочность доставки грузов, за меньший аванс возчикам перед отправлением обоза, за провоз сопровождавших грузы приказчиков и другие дополнительные условия контракта. В мае 1830 г. Колесов заключает контракт с томским купцом М.Б. Серебренниковым на перевозку водным путем из Томска в Тюмень 3400 пуд. разных сортов чая по 1 руб. 25 коп. с пуда. Судовладельцу были поставлены очень жесткие условия по сохранности груза и к состоянию судна – «хорошей постройки, безопасном и неводотечном». В 1851 г. И.А. Колесов в договоре от 11 марта уже именуется московским первой гильдии купцом, мануфактур-советником, почетным гражданином и кавалером, хотя от его имени приказчики занимаются прежними делами – нанимают обозы и фрахтуют суда для перевозки чая по Сибири. Приказчики в контрактах и договорах обязательно упоминались, возчики обязывались относиться к ним уважительно и выполнять беспрекословно их указания и перевозить их в отдельной повозке с багажом по одинаковой с грузом таксе из расчета 10 пуд. на каждого. Приказчики были не только от частных лиц, но и от компаний, например от Российско-Американской. В мае 1830 г. комиссионер этой компании Борис Вергунов договорился с М.Б. Серебренниковым о перевозке на безопасном судне 2380 пуд. «цветочных и торговых чаев», упакованных в 911 мест из Томска в Тюмень по 1 руб. 40 коп. за пуд²²⁰.

Из приказчиков вышли многие западносибирские купцы. Механизм их обогащения был довольно прост и прекрасно описан Н.М. Чукмалдиным: «У обозных приказчиков жалованье было 300 рублей в год, но основой его дохода являлось превышение нормы, отпускаемой на "совок", то есть на пробу перевозимого чая на качество. Дорожная трата равнялась 2 фунтам с ящика (107 фунтов), но ее доводили до 3–4 фунтов, а брали по стовору с ее проводящими – меньше. В результате такой операции приказчик, присматривавший за 5 тысячами ящиков чая, становился владельцем 15 тысяч фунтов чая, который и продавал в свою пользу»²²¹.

В крупных перевалочных центрах Западной Сибири в XIX в. существовали многочисленные артели «совошников». Это название произошло от слова «совок», то есть прибора, изготовленного в виде железного стержня с желобком на конце, которым производилась проба качества сыпучих продуктов (чая, сахара, кофе и других). Дело это было выгодным и давало до 1500 руб. дохода на каждого члена артели. У крупнейших оптовых торговцев бакалей – Голдобина, Швецова, Боткина и Малых было 15–17 чел. совошников, у Губина, Озорнина, Нечаева – 8–9 чел., у владельцев транспортных контор Кухтерина и Пушникова были артели по 6 и 9 чел. соответственно. Все купеческие артели совошников были строго замкнуты, и новые члены со стороны в нее не принимались²²².

Сопровождавшие грузы чая в стоворе с возчиками шли иногда на прямое хищение доверенного им груза. Однако обман хозяина дорого им стоил, так как убытки взыскивались через суд,

²¹⁹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 211. Л. 3; Д. 528. Л. 140, 190.

²²⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1458. Л. 66, 112–113.

²²¹ Чукмалдин Н.М. Указ. соч. С. 120.

²²² Сибирская газета. 1888. 28 февр.

и надеяться на новые сделки таким ненадежным людям не приходилось. Например, в августе 1884 г. марининский мещанин Кондратий Кутумов должен был привезти из Иркутска в Томск 210 мест байхового чая, а привез 185, причем некоторые из них были забиты мусором, землей и кирпичами. Владелец чая Ф.Х. Пушкинов предъявил в Томский губернский суд иск на возмещение убытков в 3350 руб.²²³

Во второй половине XIX в. в Западной Сибири сложилась крупная торговля чаем оптом, где выделялись крупные иногородние фирмы и отдельные предприниматели. Крупнейшей из них была известная на всю Россию фирма «Боткин и сыновья», далее следует торговый дом «Коковин и Басов» из Иркутска, А.М. Лушников, Н.А. Молчанов и другие²²⁴. В 1858 г. в Кяхте было объявлено 99 капиталов, владельцы которых получали право на торговлю китайским чаем. Среди них было 34 капитала купцов из губерний Европейской России, и 65 принадлежало сибирским купцам. В их числе были представители Западной Сибири – 9 тюменских купцов, 5 тарских, 4 томских и 3 тобольских²²⁵.

Торговля чаем имела на протяжении этого времени подъемы и спады. Кратковременное оживление здесь было связано с широким распространением по России торговли плиточным чаем, который был вполне доступен каждому сибиряку по цене, и, как писали в газете, «покупатель был гарантирован от каких-либо подмесей, например, спитого чая, почти неизбежных в продаваемом в развес байховом чае, особенно при нынешних высоких ценах»²²⁶. Одной из причин уменьшения объемов чаеоторговли являлось повышение пошлин на чай в 1885 г., что вызвало переполюх в сибирском торговом мире, и сибирские купцы составили докладную записку на имя министра финансов, в которой указывалось, что с наложением новых пошлин ни один ящик чая не пройдет через Сибирь²²⁷. Тем не менее торговля продолжалась, и по подсчетам современного исследователя привоз чая, например, в Томск оставался примерно на одном уровне: в 1863 г. – 300 тыс. пуд., 1875 г. – 287 тыс. пуд., 1895 г. – 330 тыс. пуд.²²⁸ Дополнительной и самой главной причиной такого застоя в чаеоторговле являлись перевозки чая морским путем. Доставка чая морем через Одессу в Москву вместе с комиссионными, банковскими и другими расходами обходилась в 5 коп. за фунт, а через Сибирь – около 36 коп. В такой ситуации правительство пришло на помощь, не забывая и о своей выгоде, и обложило чай морской перевозки значительно большей пошлиной. В результате «морской» чай стоил в Москве 96–100 коп. за фунт, а «кяхтинский» – 110–112 коп. за фунт того же сорта²²⁹. Поддержка чаеоторговли через Сибирь во многом решала проблему «занятости населения», так как извоз являлся стабильным заработком крестьян по всему сибирскому тракту, пресекал незаконный ввоз чая через границу (контрабанду) и поддерживал экспорт российских товаров в Китай. Ежегодно чаеоторговцами выплачивалось населению Сибири более 4 млн руб., и это способствовало развитию сельского хозяйства, промышленности, процессу складывания местных капиталов и формированию рыночных отношений²³⁰.

Довольно часто торговля чаем дополнялась торговлей сахаром, конфетами, пряниками и печеньем и другими товарами. Например, в Томске выделялись иногородние фирмы «Кузнецова и К^о» с оборотом в 800 тыс. руб. и прибылью в 28 тыс. руб. ежегодно, кяхтинских купцов А.В. Швецова с 400 тыс. руб. оборота и 16 тыс. руб. прибыли и Я.А. Немчинова с оборотом 200 тыс. руб. и прибылью в 8 тыс. руб.²³¹ Остальные купцы в этой отрасли торговли по объемам своего предпринимательства были значительно мельче.

²²³ *Сибирская газета*. 1886. 12 окт.

²²⁴ *Адрианов А.В.* Томск в прошлом и настоящем. С. 137.

²²⁵ *Максимов С.* На востоке. Поездка на Амур. Дорожные заметки и воспоминания. СПб., 1871. С.571.

²²⁶ *Сибирский вестник*. 1886. 20 февр.

²²⁷ *Сибирская газета*. 1885. 21 апр.

²²⁸ *Дмитриенко Н.М.* Торговля в Томске в период капитализма // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1987. С. 140.

²²⁹ *Сибирский вестник*. 1889. 11 янв.

²³⁰ *Сибирская газета*. 1885. 21 апр.

²³¹ *Рабинович Г.Х.* Из истории буржуазии города Томска (конец XIX в. – 1914 г.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 6. С. 151.

Таким образом, торговля являлась основной сферой приложения капиталов западносибирского купечества, и именно здесь на всем протяжении изучаемого периода происходило в основном первоначальное накопление капиталов и дальнейшее их наращивание. В торговле существовали различные отрасли, которые отличались друг от друга не только по своим торговым оборотам, но и по характеру и методам предпринимательства. Все они были связаны с другими отраслями хозяйства края, не могли друг без друга существовать. Однако среди них выделяется кредит по степени своего влияния на состояние дел в торговле. Без него торговые обороты имели бы примитивный характер и тенденции к развитию торговли были бы ограничены.

2.2. Кредит как необходимое условие купеческого предпринимательства

В нашей литературе с дореволюционных времен сохранилось негативное отношение к кредиту в предпринимательстве. Главными причинами такой оценки являлась замена характеристики кредита характеристикой ростовщичества, идеологические концепции, национальные и религиозные традиции, осуждавшие обогащение во всех его формах, высокие проценты кредитования в Сибири и т. д. Наибольшую известность среди такого рода высказываний получили слова М. Боголепова о том, что «в Сибири кредитные сделки уже давно превратились в кредитные петли, так как фабрикант доверял немногим, только ему лично известным торговцам, а купцы, разбрасывая свой товар по широким районам, тоже были заинтересованы в том, чтобы их клиенты брали в долг товары только у них». Такого рода кредитная система, по мнению М. Боголепова, предполагала монополистические тенденции²³².

На слабое развитие системы кредитования в дореволюционной Сибири указывали многие авторы, но делали это в работах общего и справочного характера. Только в период «оттепели» в 60-е гг. XX в., когда сильно изменилась политическая и общественная ситуация, проявился активный интерес к своему прошлому помимо догматических установок советского руководства, после выхода 5-томной «Истории Сибири» начинается специальное исследование проблем кредитования. Это коснулось, прежде всего, деятельности сибирских банков. В числе заметных исследований этого периода следует отметить работы Б.Г. Корягина, который выделил среди буржуазных реформ преобразования в области финансов и кредитования как одни из важнейших. Эти реформы рассматривались автором в системе и являлись одним из важнейших условий и стимулов в хозяйственном развитии края²³³. В монографии Г.Х. Рабиновича складыванию кредитной системы в Сибири конца XIX – начала XX в. посвящена отдельная глава. На основе богатого фактического материала здесь удалось показать важные функции капиталистического кредита, который способствовал перераспределению капиталов и выравниванию норм прибыли, определенным образом организуя и руководя процессами по централизации, концентрации и накоплению капитала. Конечно, автору пришлось отдавать дань своему времени, обильно цитируя классиков марксизма, следуя их положениям в выстраивании и интерпретации материала, но в целом такой подход к оценке буржуазной и государственной системы кредита был новым словом в исторической науке и даже сильно ее опережал²³⁴.

На основе оригинальных материалов из архивов Западной Сибири и Российского государственного исторического архива автору данной монографии удалось расширить хронологические рамки научного поиска поставленной проблемы и на уровне отдельных персон (представителей формирующейся буржуазии) показать ограниченные возможности в получении кредита. Строгий государственный контроль за распределением денежных потоков давал, с одной стороны, возможность чиновникам участвовать в его делении, получая свою выгоду (взятки), а, с другой стороны,

²³² Боголепов М. Торговля в Сибири. С. 176.

²³³ Корягин Б.Г. Городекая реформа в Западной Сибири // Из истории Сибири. Вып. 4. Красноярск, 1971. С. 42–60; Его же. Проведение реформы 60-х гг. XIX в. В области финансов в Западной Сибири // Там же. С. 61–75.

²³⁴ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 259–292.

взявшие кредит пытались найти пути его не возвращать, и ложное банкротство было одним из эффективных способов обмана кредиторов²³⁵.

Слабое развитие кредита в первой половине XIX в. отмечали Ю.М. Гончаров и А.В. Старцев: «В целом же развитие кредитной системы в регионе было очень слабым. Обороты кредитных учреждений в Сибири были невысокими... Купцы были вынуждены кредитовать друг друга из-за того, что одолжить денег было негде»²³⁶. В дальнейшем происходило развитие кредитной системы, подключился к этому процессу и Государственный банк, но окраинное положение Сибири делало ее объектом финансовой экспансии, то есть крупные банки, включая Госбанк, концентрировали у себя местные капиталы, в десятки раз меньше выдавая вексельные и залоговые кредиты.

В советской историографии термин «торгово-ростовщический капитал» обозначал низшие, наиболее грубые и жестокие методы обогащения. Между тем без широкого кредита, без взаимного доверия предпринимателей коммерция в сколько-нибудь крупных размерах была невозможна. Практически ни одна крупная операция в торговле, промыслах или подрядах не обходилась без взаимного купеческого кредита. Кредитные сделки были либо беспроцентными, либо предусматривали выплату незначительного процента, но в любом случае кредитор и должник выступали как равные стороны. В этом заключено было основное качественное отличие кредита от ростовщичества, так как ростовщик, давая деньги в долг, основную выгоду видит в высоких процентах, которые являются главной причиной кабальной зависимости должника от кредитора. На наш взгляд, в денежных сделках западносибирского купечества преобладал кредит, а не ростовщичество. Купцы одновременно являлись не только искателями кредитов в государственных учреждениях и у частных лиц, но и сами часто выступали в роли кредиторов.

Любопытную картину взаимного кредита можно проследить по «Ведомости томского купечества» за 1802 г. Крупнейший купец Томска того времени П.Ф. Шумилов вел торговлю «своим капиталом и по кредиту, данному от томских купцов Михаила Губинского, Василия Старикова, Михаила Старкова, Федора Коломыльцова, Михаила Лошкутова на 6000 рублей, да кредитуются через дачу векселей в ярманках Ирбитской да Макарьевской до 25950 рублей». В дальнейшем Шумилов в связи с расстройством своих дел начинал испытывать большую нужду в средствах и вынужден был расширить займы не только среди томского купечества, но и у иногородних купцов. К 1818 г. его наследники были объявлены несостоятельными должниками, и только одному московскому купцу Василию Гулимову они должны были 39089 руб.²³⁷

Томский купец третьей гильдии М.И. Губинский испытывал в это время трудности в ведении своих коммерческих дел. Это было связано с изменением конъюнктуры торговли и промыслов края и в связи с пожаром 19 января 1800 г., который нанес Губинскому ущерб на немалую сумму – 5 тыс. руб. Поэтому он торговал не только на свой капитал, но и по кредиту томских купцов П. Шумилова, М. Мыльниковца, П. Шубина на 2 тыс. руб. и через дачу векселей до 3 тыс. руб.²³⁸

В отличие от П. Шумилова и М. Губинского, дела у М. Мыльниковца шли в гору: он расширял свою торговлю, скупал недвижимость в Томске и акции Русско-американской компании, занимал почетные должности в городе, получал различные награды от правительства и царской семьи. Но как и другие купцы города, он производил торг «китайскими и российскими товарами на собственные капиталы и кредит от томских купцов Шумилова, Губинского, Шубина, Старкова, Шутова, Серебренникова на 4000 рублей и векселей на 12000 рублей»²³⁹. Только купцы М. Быков, Е. Даниловский и некоторые другие, обладатели незначительных капиталов, сами не имевшие возможности ссужать деньги другим купцам, торг производили ис-

²³⁵ Бойко В.П. Роль кредитной системы в формировании крупной буржуазии Западной Сибири // Проблемы истории Сибири. Томск. 1989. С. 156–165.

²³⁶ Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVI – начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 65.

²³⁷ ГАТО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3458. Л. 14; Оп. 3. Д. 5979. Л. 151.

²³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 3458. Л. 15.

²³⁹ ГАТО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3458. Л. 14.

ключительно на свой капитал и через дачу векселей на незначительные суммы, а кредита от частных лиц не имели.

Как видим, в Томске в конце XVIII – начале XIX в. наблюдался взаимный или, лучше сказать, круговой кредит, и многие самые крупные по своим оборотам купцы были одновременно кредиторами и кредитуемыми. Важными документами, которые могут убедительно подтвердить этот тезис, являются завешания купцов. В этих документах отражено, что в долгах у умерших купцов, как правило, находились значительные суммы, иногда до половины и более наследственного капитала. Например, у умершего в 1810 г. томского купца Василия Колмогорова всего имущества оказалось по завещанию 33042 руб., в том числе в долгах – 21905 руб. 43 коп. В числе его должников были томские купцы Сергей Карпов, Михаил Мыльников, Михаил Шутов и другие. К 1827 г. они вернули около половины долгов наследникам В. Колмогорова. С. Карпов был должен 7298 руб. 66 коп., а остался должен 281 руб., у М. Мыльникова осталось невозвращенных 197 руб. из 1683 занятых., М. Шутов из 3152 руб. долга выплатил меньше тысячи рублей и остался должен 2233 руб. 90 коп., М. Лошкутов отдал почти все из 1418 руб. 7 коп. долга и остался должен 98 руб. 55 коп. Остальные должники были менее шепетильны, и в результате из 21905 руб. долга было к 1827 г. возвращено всего 11758 руб., и дело рассматривалось в суде²⁴⁰.

В октябре 1826 г. в результате несчастного случая на воде погиб томский купец М. Клестов, оставив своей семье имущества на 87834 руб. 69 коп. Его зять С. Карпов был назначен опекуном капитала и имущества своего тестя, и в городском суде рассматривался иск купца Михаила Шумилова к купцу Карпову «в удовлетворение своего долга с Клестова до 30 тысяч рублей», но суд постановил ограничить выплату 15990 руб., так как между купцами были давние торговые счета и Шумилов был сам должен Карпову значительные суммы²⁴¹.

Взаимное денежное кредитование, выдача товаров и оказывание транспортных услуг в кредит было обычным делом как в Томске, так и в целом по Сибири. Такие формы расчета были необходимым условием торгово-промышленной деятельности в дореформенное время. «В Тюмени, как, впрочем, и других городах Сибири, – писал мемуарист, – можно было на неделю-другую одолжить деньги у знакомого коммерсанта без всякого документа и расписки. И деньги всегда возвращались в назначенный срок сполна... В Москве же за одолженные даже на день-два деньги требовали документ и проценты»²⁴². Наследство многих купцов Западной Сибири более чем на половину состояло из долговых денег. Например, ялуторовский первой гильдии купец К.В. Колмаков оставил своим наследникам в 1892 г. разного имущества (недвижимость – 59498 руб., товаров на 32342 руб., наличных денег – 22695 руб. и т. д.) на 110619 руб. 54 коп., а в долгах за разными лицами у него было 129616 руб. 69 коп. В тот же год умер тарский первой гильдии купец Каложников и оставил наследникам имущества на 143357 руб. 50 коп., а в долгах у него было 141926 руб. 26 коп. Тарский купец А.Ф. Пятков оставил наследникам два дома, пароход, 5 барж и другое имущество на 95929 руб. 72 коп., однако сам должен был 89517 руб. 53 коп., а ему должны были разные лица 34809 руб.²⁴³

За невозвращение в срок кредита строго взыскивалось как с самих должников, так и с поручителей. В 1824 г. томский купец К. Касимов был объявлен несостоятельным должником и остался должным казне 21226 руб. 86 коп. Эту сумму губернские власти предполагали получить с томских купцов Мыльникова, Базина и Петлина, продав их дома и прочее имущество, но судебное разбирательство затянулось на долгие годы²⁴⁴. В это же время произошла распродажа имущества с аукциона томского купца Мефодия Шумилова. Вещей и недвижимости было продано на 3277 руб. 96 коп., и остались непроданными только шпага офицерская с ветхими ножами, мерин чубарый, 75 огнив и некоторые другие мелочи. Свои неудачи молодой наследник

²⁴⁰ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 195. Л. 243.

²⁴¹ Там же. Д. 369. Л. 25–28.

²⁴² *Чужалдин Н.М.* Указ. соч. С. 163.

²⁴³ ТФГАТюмО. Ф. 154. Оп. 15. Д. 616: 621: 631.

²⁴⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 155.

объяснял тем, что губернатор Хвостов не разрешал ему отлучаться из города, что Американская компания называла его «строптивым и нерадивым» и тем испортила ему деловую репутацию²⁴⁵.

Купцы вынуждены были кредитовать друг друга в основном из-за того, что одолжить деньги было негде. По словам И. Завалишина, в первой половине XIX в. «банки и сберегательные кассы еще туго прививаются в Сибири, хотя нигде бы они не были полезнее и настоятельно необходимое, так как Сибирь столь отдалена от правительственных кредитных установлений»²⁴⁶. В 1802 г. в Сибири и появились первые кредитные учреждения – приказы общественного призрения, но выдавали они ссуды только под залог недвижимости, и ссуды были небольшими (100–200 руб.).

Аналогичные наблюдения в середине XIX в. сделал Ю.А. Гагемейстер, который указывал на редкие и слабые кредитные учреждения Сибири: Томский общественный банк (оборотный капитал 303 тыс. руб.), такой же банк в Иркутске (86 тыс. руб.), приказ общественного призрения и некоторые другие²⁴⁷. Ростовщичество в этот период находилось еще в зачаточном состоянии, и деньги давались под верные залогом и не очень высокие по тем временам проценты (около 12 % годовых). Все перечисленное не позволяет согласиться с мнением В.Я. Лаврычева о том, что в 50–60-е гг. XIX в. по всей России «при зачаточном состоянии коммерческого кредита торговцы и промышленники были вынуждены пользоваться услугами ростовщиков, выплачивая им огромные проценты»²⁴⁸.

Начало капиталистической кредитной системе в Сибири положили городские общественные банки, которые учреждались при местных городских думах и имели право на «прием вкладов, учет векселей с двумя подписями на срок не более 12 месяцев и под залог процентных бумаг, товаров, драгоценных вещей и недвижимых городских имуществ»²⁴⁹. На практике же банки давали ссуды под поручительство состоятельных людей города, а ссуды под залог распространились только в 1880-е гг. Общественный банк в Томске был основан на пожертвования умершего в 1833 г. коммерции советника А.Я. Попова. Основной капитал банка составлял первоначально 85715 руб. серебром²⁵⁰. Согласно завещанию А.Я. Попова прибыли этого банка должны были пойти на устройство женского образования в Томске, и на полученные средства были открыты Томская и Омская женские гимназии²⁵¹. Последние данные получены из губернаторского отчета и не совсем верны. Местная администрация не выполнила волю завещателя, который хотел открыть в Томске Мариинский сибирский институт для воспитания девиц (до 40 воспитанниц). Об этом со знанием дела рассказывал в сибирской печати А. Лучшев, который лично был знаком со многими сибирскими предпринимателями и общественными деятелями. По его словам, душеприказчиками А.Я. Попова были его племянник С.И. Попов, семипалатинский первой гильдии купец и коммерции советник, и тарский первой гильдии купец Е.В. Филимонов, который был женат на родной сестре С.И. и Ф.И. Поповых. После смерти Филимонова последовало ходатайство Попова об открытии в Томске банка и 7 июля 1843 г. Положение о банке было Высочайше утверждено, а 8 февраля следующего года он был открыт²⁵².

За первые 6 лет работы банка его основной капитал увеличился более чем вдвое, но в дальнейшем его рост замедлился, и к 1 января 1885 г. капитал составлял 368097 руб. 80 коп. Еще в 1860 г. прибылей у банка было достаточно, чтобы построить для женского института здание и открыть его, но чиновники в центре и на местах рассуждали по-иному, и часть капитала банка была употреблена на финансирование открывшихся 1 сентября 1863 г. женских гимназий в Томске и Омске²⁵³.

В Томской губернии общественный банк оставался единственным в своем роде банком до конца XIX в., в то время как в соседней Тобольской губернии их было 6 и прибыли они давали

²⁴⁵ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3292. Л. 34.

²⁴⁶ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. Тобольская губерния. М., 1862. С. 71.

²⁴⁷ Гагемейстер Ю.А. Статистическое описание Сибири. Ч. 1. С. 427, 587.

²⁴⁸ Лаврычев В.Я. Государственный капитализм в пореформенной России // История СССР. 1982. № 1. С. 25.

²⁴⁹ Гурьев А. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904. С. 63.

²⁵⁰ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 470. Л. 9.

²⁵¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 77. Л. 30.

²⁵² Сибирь. 1877. 30 янв.

²⁵³ Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск. 1885. С. 55.

в 4 раза больше²⁵⁴. Такое существенное отличие в развитии городского кредита объясняется наличием в Томске в пореформенный период отделений Государственного и Сибирского торгового банков, более поздним введением городского самоуправления на территории Алтайского горного округа и тем, что в Тобольской губернии сильнее, чем в Томской, проявлялось влияние капиталистического уклада Европейской России. Некоторые из западносибирских банков, как и Томский банк, были основаны на пожертвования крупнейших предпринимателей. В Кургане таковым был В. Богашев, в Таре – кяхтинский чаоторговец-миллионер, уроженец города Я.А. Немчинов. Другие возникли на средства органов самоуправления – городских дум. Все банки обладали незначительными основными капиталами и брали довольно высокие проценты за кредит и другие финансовые операции. Величина оборотов этих банков зависела большей частью не от суммы их основных капиталов, а от размеров оборотных операций, которые в конечном счете определялись уровнем развития экономической жизни того или иного города.

Экономический кризис 1873 г. и русско-турецкая война 1877–1878 гг. не отразились на работе мелких местных банков. В 1881 г. они достигли высшей точки своего развития, и по всей России их оборот достиг 206,2 млн руб.²⁵⁵ Увеличился оборот банков в Тобольской губернии, который в 1880 г. равнялся 8952771 руб., в Томском и Омском общественных банках – соответственно 3520963 и 954082 руб. В сумме оборот общественных банков Западной Сибири составлял 13427816 руб., то есть почти 7% общероссийского оборота. Однако в дальнейшем наблюдались резкие колебания оборота западносибирских городских банков, и в 1890 г. он был ниже уровня 1875 г.²⁵⁶

Объяснялось это рядом причин. Во-первых, в кредитной системе России и отдельных ее регионов в это время происходило вытеснение мелких и средних городских банков крупными акционерными банками, отделения которых к концу XIX в. открылись во многих торгово-промышленных центрах Сибири. Во-вторых, городские общественные банки брали за кредит чрезвычайно высокие проценты: 12% годовых за краткосрочную ссуду и 8% за долговременную. В-третьих, вексельное обращение и банковское кредитование торгового оборота в Томске, как, впрочем, и по всей России, несли печать архаичности и отсталости самой торговли и пассивного приспособления к ней банков, так как господствовал поручительский вексель, а не товарный, и типичным явлением была переписка векселей с целью отсрочки выплаты долгов.

Тем не менее журналы городских банков пестрят именами наиболее предприимчивых купцов. При этом банк внимательно следил за состоянием дел своих клиентов, и в случае их упадка ограничивал или прекращал кредит. Особенно большую потребность в кредите испытывали сибирские золотопромышленники. В Томском Сибирском общественном банке они получали ссуду под залог каменного дома (купчиха Цибульская, урожденная Бобкова) на 2515 руб., под залог золота при поручительстве Монетного двора (купец Цибульский) – на 7621 руб., под залог двух билетов Государственного заемного банка (купец Сосулин) – на 18500 руб. Томский купец второй гильдии Максим Некрасов в 1853 г. получил под залог собственного каменного дома кредит на 10 тыс. руб., и это был один из самых крупных кредитов в Томске. Остальные купцы получали незначительные кредиты в пределах 1 тыс. руб. под вексель или залог недвижимости и вынуждены были обращаться в банк не по одному разу в год, что указывало на неустойчивость коммерческого дела заемщика²⁵⁷.

Острая необходимость кредита заставляла золотопромышленников идти на все условия кредитора и даже терпеть от него оскорбления. «Богатый торговец Г., – писал один из корреспондентов «Сибирской газеты», – явившись на маскарад без маски, но во фраке, белом жилете и таком же галстуке, предварительно «вдохновившись» в буфете, ударил золотопромышленника М. по уху, но последний забрал свой иск из суда обратно после того как Г. пригрозил отказать ему в кредите, необходимым для продолжения добычи золота на арендуемом прииске»²⁵⁸. В свое время Е.И. Королев успешно пользовался нуждой владельцев приисков в средствах и снабжал их на особых условиях:

²⁵⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 33. Л. 6; Ф. 1284. Оп. 69. Д. 294. Л. 26.

²⁵⁵ Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки. М., 1948. С. 44.

²⁵⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 77. Л. 30; Д. 361. Л. 48; Оп. 223. Д. 153. Л. 25–26; Ф. 20. Оп. 6. Д. 764. Л. 12.

²⁵⁷ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 20. Л. 1–2, 13.

²⁵⁸ Сибирская газета. 1884. 4 марта.

половину деньгами и половину товарами из своих лавок, что приводило к недоразумениям. Например, золотопромышленники получали вышедшие из моды предметы дамского туалета и другие дорогие и ненужные им вещи²⁵⁹.

В 1873 г. из 194 лиц, изъявивших желание кредитоваться в Томском городском банке, не был открыт кредит 87 лицам. Среди оставшихся 107 кредитующихся было 13 мещан (12,1%), 1 крестьянин (0,9%), 1 чиновник, торгующий по торговому свидетельству (0,9%) и 92 купца (86,1%). Максимальный кредит в 30 тыс. руб. брали крупнейшие торговые фирмы: торговые дома Петрова и Михайлова и братьев Каменских, купцы Я. Акулов, Д. Тецков, И. Еренев, золотопромышленники З. Цибульский и Б. Хотимский, винозаводчик Е. Королев. К концу 70-х гг., когда оборот сибирских городских банков приблизился к максимуму, число крупных кредитов (более 25 тыс. руб.) увеличилось с 8 в 1873 г. до 21 в 1879 г., причем верхний предел кредита был увеличен с 30 до 45 тыс. руб. Справедливости ради нужно отметить, что около половины всех кредитовавшихся в этом банке купцов было приписано к другим, преимущественно западносибирским, городам²⁶⁰.

В кредитной политике Томского банка в этот период можно выделить тенденцию кредитовать известных банку крупных капиталистов, пренебрегая интересами остальных предпринимателей. Чем меньше был капитал у нуждающегося в кредите, тем больше он нуждался в займе и тем меньше была у него возможность его получить. В начале 1880-х гг. круг лиц, имевших возможность получить кредит в Томском общественном банке, еще больше сократился и на 94 % состоял из купечества. По мнению эксперта, в банках Европейской России список кредитующихся был более демократичен и почти на четверть состоял из лиц некупеческого звания²⁶¹.

Западносибирские купцы стремились выторговать для себя более выгодные условия кредита, которые сводились к следующим моментам: возможности брать кредит на более крупную сумму, уменьшению процента, взыскиваемого банком по ссудам и учету векселей, введению различия между процентом по учету векселей и кредиту под недвижимость, увеличению срока действия векселя до одного года и выдаче вместо ссуды под поручительство и ссуды под товары, а также под драгоценные и другие, не подлежащие порче вещи²⁶². Однако до конца XIX в. Томская городская дума, в ведении которой находился городской банк, с трудом шла на удовлетворение требований зарождавшейся местной буржуазии и вследствие этого потеряла большинство своих солидных клиентов.

Документ под названием «Сведения о торговцах и промышленниках, кредитовавшихся в Общественном Сибирском банке в 1887–1892 гг.», дает наглядное представление о делах этого банка в конце XIX в. Максимальный кредит в 30 тыс. руб. получали в тот период только два клиента: «Т-во пароходства Ширков и К^о» и торговый дом «Щербаков и К^о»²⁶³. Вот типичные записи в названном журнале банка, где указывались время начала торговли или промысла, характер продаваемых или производимых товаров, годовой оборот, стоимость недвижимости в Томске и размер получаемого кредита. Томский купец второй гильдии А.И. Грехов начал торговать в 1875 г. мануфактурой, обувью и табаком с ежегодным оборотом в 50 тыс. руб. и имел недвижимости в Томске на 6 тыс. руб., что дало ему возможность получить в банке кредит в 5 тыс. руб. Временно томский второй гильдии купец И.Я. Галчанинов начал торговать обувью с 1885 г., оборот имел 15 тыс. руб., недвижимости в Томске не имел, и в кредите ему было отказано. Томский мещанин И.Ф. Дроздов с 1875 г. продавал шубные товары и имел оборот в 15 тыс. руб., недвижимости у него было на 6 тыс. руб., и получил он кредита на 3 тыс. руб. Томский мещанин М.С. Туликов торговал с 1867 г. рыбой, оборот имел 7 тыс. руб., недвижимости на 1,5 тыс. руб., кредита получил на 1 тыс. руб.²⁶⁴

Интересный и поучительный список клиентов городского банка можно продолжить, но и приведенные факты свидетельствуют об упадке в делах банка, который выразился в измельчании размеров кредита, отсутствии постоянных клиентов, обслуживании не местных томских пред-

²⁵⁹ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1901 год. Томск, 1901. С. 151.

²⁶⁰ ГАТО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 416. Л. 1–23 (Подсчет наш. – В.Б.).

²⁶¹ Сибирская газета. 1882. 26 сент.

²⁶² ТФГАТюмО. Ф. 152. Оп. 561. Д. 369. Л. 77–79.

²⁶³ ГАТО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 527. Л. 6. 190.

²⁶⁴ Там же. Л. 2. 4. 22.

принимателей, а иногородних, которые не имели, как правило, в городе недвижимости и часто, оказавшись неплатежеспособными, не могли ничем возместить банку убытки. По-прежнему кредит выдавался после получения сведений о состоянии дел предпринимателя, заверенных подписями трех ручавшихся за него коллег, которые должны были отвечать за него перед банком своими капиталами. Такой порядок кредитования затруднял доступ к деньгам зарождавшейся буржуазии, и она обратила свое внимание на новые банковские учреждения в западносибирском регионе.

В 1865 г. в Томске было открыто отделение Государственного банка Российской империи. Значительно позднее такие отделения были открыты в других крупных городах Западной Сибири: в Тюмени и Тобольске в 1894 г. и в Омске в 1895 г. В деятельности Томского отделения Госбанка преобладали долгосрочные вексельные кредиты при значительном обеспечении. Острая нужда в кредите, меньший, чем в городском банке, процент при ссудах обеспечивали быстрый рост оборотов Томского отделения: если в 1865 г. они составляли за неполный год 50 тыс. руб., то в 1883 г. они выросли до 32 млн руб.²⁶⁵

Деятельность Томского отделения Госбанка в Западной Сибири могла быть значительно шире, если бы царское правительство постоянно не ограничивало размеры и количество ссуд и не перекачивало бы часть средств в центр. Как отмечает известный исследователь банковского капитала в России И.Ф. Гиндин, «совсем неприглядно выглядит деятельность Банка на полукOLONиальных окраинах Сибири, Кавказа и Закавказья: при почти 25 млн руб. местных денежных капиталов вся задолженность клиентуры по вексельным кредитам в 10 филиалах достигала только 2 млн руб., или 8 %, а свыше 22 млн руб. отвлечены в центр»²⁶⁶.

Отмечая количественное увеличение финансовых операций Томского отделения Госбанка на протяжении 60–80-х гг., следует учитывать, что государственного кредита были лишены крестьянство, широкие слои мелкой и средней буржуазии. Этого положения не исправил открывшийся в 1872 г. в Екатеринбурге акционерный частный «Сибирский торговый банк», который, судя даже по его названию, в своей деятельности был ориентирован на Сибирь. Учредителями этого банка были крупнейшие российские предприниматели, тесно связанные с сибирской экономикой: виноторговец и пароходовладелец А.Ф. Поклевский-Козелл, золотопромышленники В.И. Асташев, Н.Д. Бенардаки, Г.О. Гинзбург, банкир Л.М. Розенталь, представители знати И.А. Шувалов и П.П. Дурново²⁶⁷. Вскоре были открыты отделения этого банка в Томске и Тюмени, временные отделения – на Ирбитской, Ишимской и Крестовской ярмарках.

«Сибирский торговый банк» несколько расширил круг кредитующихся торговцев и промышленников, но, как и Государственный банк, отдавал предпочтение крупным предпринимателям. В Томске крупные кредиты в этом банке брал извозопромышленник Кухтерин, виноторговцы, золотопромышленники, пароходчики и ростовщики братья Королевы, хлеботорговец Горохов и другие. В целом среди кредитующихся в этом банке наибольшие кредиты получали западносибирские золотопромышленники, виноторговцы и пароходовладельцы, что говорит скорее не о развитии отдельных отраслей сибирского хозяйства, а о концентрации в них крупных капиталов, под которые охотнее давался кредит.

Ввиду недостаточного удовлетворения банковским кредитом, острой нужды в заемном капитале предприниматели вынуждены были обращаться к ростовщикам, влияние которых на деловую жизнь Томска было более значительным, чем в дореформенное время. Однако и во второй половине XIX в. сохранились у купечества прежние формы взаимного кредитования товарами и деньгами под незначительный процент и на большие сроки. Подтверждение этому можно найти в завещаниях томских купцов, которые, как и в первой половине века, были часто должниками, кредиторами, поручителями и опекунами в одном лице. Например, в 1870 г. томский купец и золотопромышленник Лука Некрасов был признан должным чистопольскому купцу Ивану Приез-

²⁶⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 77. Л. 32.

²⁶⁶ Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892). М., 1960. С. 347.

²⁶⁷ Тарновский В.В. История Сибирского торгового банка (1872–1917) // Материалы по истории России в период капитализма. М., 1976. С. 168.

жеву 500 руб., почетному гражданину Николаю Пастухову – 667 руб., тюменскому купцу Кондратию Шешукову – 900 руб., минусинскому купеческому сыну Дмитрию Баянову – 165 руб., тульскому купцу Якову Лялину – 2043 руб. 31 коп., Томской городской думе по двум векселям на 20 лет с 9 % годовых – 2000 руб., Сибирскому общественному банку по 8 векселям – 3073 руб. 11 коп., томскому купцу Василию Зеленчукову – 2000 руб. и незначительные суммы по другим долговым обязательствам. В то же время Л. Некрасов выступал в роли поручителя за долг в 30 тыс. руб. Леонтия и Иосифа Хаймовичей кяхтинской таможне²⁶⁸.

Тем не менее в кредитные операции между томскими купцами проникает в разных своих формах ростовщичество. Во все большей степени кредит становится средством, с помощью которого ликвидируются конкуренты, и устанавливается необходимая для господства в отрасли монополия. Особенно удачно в Томске ростовщичеством занимались братья Королевы. У них оно не выступало в чистом виде, а переплеталось с другими видами предпринимательства: винокурением и виноторговлей, пароходовладением и золотопромышленностью, торговлей промышленными и продовольственными товарами, сдачей недвижимости в наем, производством кирпича и другими выгодными для них делами. До проведения через Сибирь железной дороги такие торгово-промышленные комплексы были во многих крупных сибирских городах. Начало их изучению положили труды Г.Х. Рабиновича, где намечены основные направления дальнейшего исследования этой важной проблемы²⁶⁹. Дополнительно нужно отметить, что большую роль в складывании подобных комплексов играл ростовщический капитал. Именно через кабальный кредит происходило устранение основных конкурентов и объединение торгово-промышленной «империи» в единое целое. Через ростовщичество можно было оказывать давление на еще независимые и крепкие хозяйства и подготавливать их подчинение кредитору.

Блестящим примером такого рода деятельности для Томска является предпринимательство Королевы. Томский купец и почетный гражданин В.И. Королев после смерти оставил значительную часть капитала (более 300 тыс. руб.) в долгах, в то время как сам он должен был незначительную сумму²⁷⁰. Его брат, Е.И. Королев, также активно давал деньги в долг под огромные по тем временам проценты. «Сибирская газета» прозрачно намекала на эту не очень красивую и не совсем законную сторону деятельности городского головы: «Говорят, самое выгодное занятие в Томске – это ростовщичество. Указывают много видных фамилий начавших, да и пожалуй теперь продолжающих, заниматься этим выгодным делом. Один из первых богачей, стоящих высоко в городском общественном управлении, даже до сих пор занимается ссудами. Выгодность ростовщичества объясняется непомерно высоким процентом, который берут наши банкиры. В официально открытых кассах ежемесячный процент не должен быть выше 5, в неофициальных этот процент достигает 10 и даже 15, что составляет 120–180 % в год»²⁷¹.

Выгода от ссудных операций не могла не радовать ростовщиков, но их радость была омрачена риском, которому они подвергались каждый раз при даче денег в рост: должники могли не только разориться и оказаться неплатежеспособными, но и обмануть своих кредиторов. Именно так обстояло с «нарымским купцом из евреев Наумом Минским» в 80-е гг. XIX в. Информированная «Сибирская газета» писала в 1888 г., что еще в 1883 г. Томский окружной суд признал Минского несостоятельным должником, но выпустил его из под стражи с обязательством выплатить по гривеннику за рубль. Один из кредиторов усомнился в решении суда и подал апелляционное заявление. Выяснилось, что Н.И. Минский продал своему отцу стеклянный завод за 15 тыс. руб., изделия этого завода на 1785 руб. и заложил принадлежавший ему каменный дом за 20 тыс. руб. Полученные таким образом деньги Минский не употребил на уплату долгов, а скрылся из Томска. Дело рассматривалось в Сенате, и там Н.И. Минского признали виновным в злостном банкротстве, его отца – в соучастии с ним, а членов конкурсного управления под председательством В.П. Карта-

²⁶⁸ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2524. Л. 87, 118.

²⁶⁹ Рабинович Г.Х. Обрабатывающая промышленность Сибири и Дальнего Востока накануне проведения Транссибирской железнодорожной магистрали // Вопросы истории Сибири. Томск. 1970. Вып. 5. С. 112.

²⁷⁰ РГИА. Ф. 1002. Оп. 2. Д. 771. Л. 12.

²⁷¹ Сибирская газета. 1888. 2 июня.

мышева – виновными в укрывательстве злостного банкротства. В 1888 г. исход дела еще не был ясен, так как его разбор в судебных инстанциях продолжался²⁷².

В 80-х гг. XIX в. в наиболее развитых в торгово-промышленном отношении городах Западной Сибири открываются частные банкирские конторы и ссудные кассы. Крупнейшими из них были конторы П. Андреева в Тюмени и Е. Ельдештейна в Томске. Размеры оборота и сумму прибыли заведений такого рода определить довольно трудно. Так, в 1889 г. три томских ростовщика определили свою прибыль в следующих размерах: Ельдештейн – 4 тыс. руб., Яппо – 2 тыс. руб., Мизгер – 1,5 тыс. руб., что явно не соответствовало действительности. «Барыши их нужно считать в несколько раз больше – ведь ростовщичество и винное дело – самые выгодные занятия не только в Сибири, но и во всей России», – комментировались эти цифры в периодической печати того времени²⁷³. Владельцы ссудных касс были не в ладах с законом с момента открытия до самого их закрытия, и многочисленные нарушения были одной из причин того, что правительство отказалось от мысли организовать частный кредит на законной основе. В документах Сибирского общественного банка об этом говорится так: «Ликвидация ссудных касс г. Томска государственным узаконением 1897 г. потребовала их ревизии и обнаружены многие злоупотребления. В ссудной лавке томского второй гильдии купца В.Е. Ельдештейна было получено сверх законного процента прибыли 2347 руб., а в ссудной лавке М.Я. Мизгера оказалось излишне выреченных денег за проданные на аукционе вещи 2682 руб. 90 коп.»²⁷⁴

Естественно, что в незарегистрированных государственными органами кредитных заведениях и у частных лиц, ссужавших деньги под высокий процент, злоупотреблений было несравненно больше. Здесь наблюдались уже не прежние корпоративные порядки взаимного купеческого кредитования, когда помощь коллеге оборачивалась выручкой в тяжелую минуту для кредитора. Суровая необходимость заставляла ростовщиков быть безжалостным к своим клиентам, занижать прибыльность своих учреждений, идти на подкуп чиновников. В Томске и Томской губернии по различным причинам удавалось более квалифицированно скрывать размеры своих доходов, чем в соседних губерниях. Например, в 1889 г. в Тобольской губернии ростовщичество давало 9,8% прибыльности, а в Томской губернии – всего 5%²⁷⁵. В 1892 г. в официальной статистике эти показатели почему-то увеличились вдвое: 19,4% прибыльности для Тобольской губернии и 10,6% для Томской губернии²⁷⁶.

После усиления государственного контроля за работой ссудных касс они перешли на нелегальное положение, стали давать кредит тайно и еще сильнее повысили ссудные проценты. Ради выгоды местные ростовщики не только ссужали деньги, но и выполняли функцию ломбарда, принимая в заклад ценные вещи, билеты банковских учреждений, беря в залог недвижимость, давая деньги в долг по векселям, скупая и перепродавая их и т. д. Томский корреспондент «Восточного обозрения» информировал читателей этой газеты: «С введением закона о ростовщичестве и организацией надзора за деятельностью ссудных касс томские содержатели ссудных касс позакрывали свои заведения, но вместо гласных касс в Томске открылось много тайных, обычный доход которых – 100–120% годовых»²⁷⁷.

Таким образом, на основе анализа кредитования купечества Западной Сибири можно сделать следующие выводы. Состояние местного сибирского кредита не могло обеспечить потребности предпринимателей в заемных средствах для развития промышленности и торговли. Кредитовались прежде всего те отрасли хозяйства, которые могли обеспечить высокий процент прибыльности вложенного в них капитала и отличались от других высокой концентрацией капиталов. Такими отраслями являлись, в первую очередь, винооторговля, золотопромышленность, сухопутный и речной транспорт. Высокий процент прибыльности в ростовщичестве обеспечивал приток в него новых капиталов, что тормозило хозяйственное развитие края. С другой стороны, развитие

²⁷² Сибирская газета. 1888. 24 марта.

²⁷³ Восточное обозрение. 1890. 8 янв.

²⁷⁴ ГАТО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 599. Л. 17.

²⁷⁵ Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 г. С. 261. 263.

²⁷⁶ РГИА. Ф. 20. Он. 6. Д. 771. Л. 1–2; Д. 776. Л. 1–2.

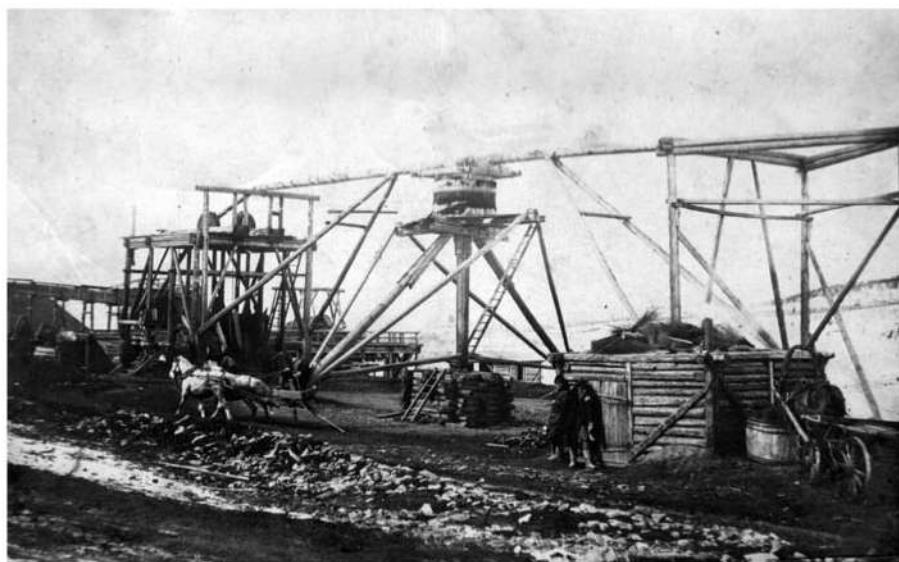
²⁷⁷ Восточное обозрение. 1896. 25 янв.

кредита в любых его формах способствовало перераспределению капиталов и уравниванию нормы прибыли, что благоприятно сказывалось на капиталистическом накоплении, формировании в Западной Сибири региональной буржуазии.

Итак, торгово-кредитные отношения занимали центральное место в складывании западносибирского предпринимательства. В течение изучаемого периода они сильно эволюционировали от простых и даже в чем-то примитивных форм к достаточно сложным и эффективным средствам взаимодействия бизнеса и общества, предпринимателей и государства. Торговля первоначально с конца XVIII в. стимулировала развитие торговой инфраструктуры региона, законодательное оформление прав и привилегий купечества, строительство дорожной сети, прежде всего Сибирского тракта, отмену внутренних таможен, появление первых кредитных учреждений. Сначала это были государственные банковские конторы для кредитно-вексельных операций, а затем принимали вклады у населения и выдавали ссуды под недвижимость приказы общественного призрения. К середине XIX в. в Западной Сибири появляются первые городские общественные банки, которые были созданы по инициативе частных лиц, что указывает на возросшую значимость местного купечества в хозяйственной и общественной жизни региона. Первые сибирские купцы-миллионеры (Поповы, Мясниковы, Немчиновы, Филимоновы и др.) составили свои капиталы не только за счет постоянной напряженной работы в коммерции, но и в результате своих незаурядных талантов, знаний и навыков. Деятельность торговцев разных уровней все теснее вовлекала Западную Сибирь в систему единого всероссийского рынка, хотя слабый внутренний рынок региона, преобладание ярмарочной торговли, неразвитый кредит определяли замедленные темпы местной модернизации. Во второй половине XIX в. в Сибири начинают применяться новые методы торговли, о которых мы уже говорили в начале главы (снижение цен как средство борьбы с конкурентами, широкое применение кредита для закупки и реализации товаров, честность как лучшее средство достижения доверия и т. д.). Тем не менее в регионе сосуществовали самые различные формы торговли: от специализированных магазинов по реализации, например, книг, музыкальных инструментов, тканей и т. д. до развозного и разносного торгога, который обслуживал мелкотоварное или даже натуральное крестьянское хозяйство. Торговая буржуазия, сложившаяся к концу века, была наиболее многочисленной и экономически могущественной группой сибирской буржуазии, что объясняется как историческими условиями ее формирования, так и географическим положением региона, которое отводило Сибири роль колониальной окраины Российской империи, аграрно-сырьевого придатка метрополии.

3. Промышленность как сфера приложения капиталов западносибирского купечества

3.1. Место золотопромышленности в процессе формирования купечества Западной Сибири

Западная Сибирь издавна привлекала внимание царского правительства и отдельных предпринимателей своими полезными ископаемыми, в первую очередь золотом и серебром. Сюда неоднократно направлялись экспедиции, снаряженные правительством и крупнейшими русскими промышленниками. Разведанные богатства вызвали интерес царствующей династии Романовых, и наиболее богатые полезными ископаемыми земли отошли в собственность Кабинета Его Императорского Величества. Алтайский округ, принадлежавший Кабинету, был до начала 1860-х гг. закрыт для частного золотого промысла. На других территориях заявка золотоносных площадей была обставлена сложными формальностями. Разведка и начало разработок требовали значительных средств. Поэтому золотопромышленность в Сибири приняла сначала форму довольно крупных предприятий, среди владельцев которых, кроме местных купцов, были представители знати, высшего чиновничества, крупнейшего купечества Европейской России.

За первую половину XIX в. сибирские откупа дали их арендаторам, аристократам, чиновникам и купцам огромную по тем временам сумму – 40–50 млн руб. Эти колоссальные для того времени денежные средства в большинстве уплывали на запад, в Европейскую Россию и за границу, и лишь малая их часть шла на экономическое развитие Сибири²⁷⁸. Одними из этих немногих капиталов, вложенных в экономику края, были капиталы купцов Поповых. В списке сибирских откупщиков верхотурский купец первой гильдии Андрей Попов уже в начале XIX в. занимает одно из ведущих мест. С 1787 по 1806 гг. он должен был реализовывать только в Западной Сибири по 110 тыс. ведер вина в год на 125660 руб. Поповы вытеснили из откупного промысла тобольского купца А. Полуянова, воронежского – С. Мещерякова и некоторых других²⁷⁹. Об их деятельности в области золотопромышленности существует несколько противоречивых мнений. Например, М.М. Максимов пишет, что наиболее удачливым золотоискателем был купец Андрей Попов. С 1826 г. он искал золото в Березовском уезде Тобольской губернии, но безуспешно. Затем до него дошли слухи о том, что в дер. Берчиноле в Северо-Восточном Алтае проживает крестьянин Лесной, который нередко уходил в горы и приносил оттуда крупные зерна самородного золота. На основании данных, почерпнутых М.М. Максимовым из публикаций «Горного журнала» за 1830-е гг., делается вывод о случайном характере открытия золотоносных площадей, так как А. Попов был «совершенно чужд всех сведений по горной части, а люди, употребленные им на этот предмет, были его приказчики по питейным сборам»²⁸⁰.

А.В. Адрианов справедливо называл первым сибирским золотопромышленником Федота Ивановича Попова, который вместе со своим дядей Андреем Яковлевичем и братом Степаном Ивановичем Поповыми и положил начало сибирской золотопромышленности²⁸¹. Это находит подтверждение в других источниках. Например, в «Томских губернских ведомостях» в 1858 г. сообщалось, что Ф.И. Попов истратил 200 тыс. руб. асс. на поиски золота в Березовском округе, а затем стал искать его в Енисейской тайге. Далее в очерке со знанием дела рассказывается о крестьянине Егоре Лесном, беглом каторжнике, который завладел оз. Берчиноль, заставляя окрестных крестьян платить себе за рыбный промысел, и в конце концов он был ими задушен. Однако от его воспитанницы Ф.И. Попову удалось узнать место, где тот собирал золотые самородки²⁸².

Более подробно и точно о начале золотопромышленности в Томской губернии говорится в анонимном очерке «О золотой промышленности Сибири», сохранившемся в коллекции Г.В. Юдина в Красноярском архиве. Оказывается, что Ф.И. Попов точно первым нашел золото в Томской губернии, но всего несколько фунтов и с большой примесью серебра. И только когда

²⁷⁸ Зиновьев В.П. Винные откупа в Западной Сибири. С. 50.

²⁷⁹ ТФГАТюмО. Ф. 154. Оп.3. Д. 1. Л. 1.

²⁸⁰ Максимов М.М. Очерк о золоте. М., 1977. С. 87.

²⁸¹ Адрианов А.В. Томская старина. С. 175.

²⁸² Томские губернские ведомости. 1858. 21 февр.

им были привлечены с Урала опытные офицеры (специалисты-геологи, получившие образование в Горном институте и служившие по горной части на уральских заводах), был открыт в 1830 г. первый прииск, давший отличные результаты. Как писал автор записок, весть о золотосодержащих россыпях быстро разлетелась по краю и послужила как бы сигналом для начала разработок золота в Западной Сибири. Золотопромышленники, не имея права вести разведку на территории, принадлежавшей Колыванскому заводу, устремились на отрог, не входящий в состав Алтайского Кабинета, лежащий между Томью и Енисеем. В Дмитриевской волости Томского округа коммерции советник С.И. Попов уже в 1832 г. зарегистрировал 14 приисков. Наиболее перспективными были прииски по р. Китат, впадавшей в р. Яю. Рудоискатели прошли вверх по Китату примерно 27 верст, везде били шурфы и оставляли на деревьях знаки Поповых – «П», «СП». Несколько лет разработки велись здесь, но в 1836 г. разведка была сделана восточнее, в Саянских отрогах. Автор упомянутой записки сообщал, что «в местах самых диких и неприступных была открыта целая свита богатых россыпей по р. Бирюсе.

Позднее, в 1840–1841 гг., были открыты на севере, между Среднею и Подкаменною Тунгусками, большое число богатых и самых прочных золотосодержащих россыпей, которые составили огромный запас золота и превосходят все известные в сем роде открытия»²⁸³. Параллельно с Поповыми вели разведку золота другие предприниматели. Один из них, наследник известного сибирского откупщика Федора Мясникова, Никита Мясников, в 1830-е гг. истратил на поиски золота в течение 10 лет более полумиллиона рублей. Только на одиннадцатое лето его терпение было вознаграждено и убытки возмещены. В 1842 г. на его приисках было добыто более 100 пуд. золота²⁸⁴.

Такова краткая история открытия и начала освоения золотосодержащих мест в Западной Сибири. Видное место здесь занимал Ф.И. Попов, который настолько увлекся поисками золота, что лично участвовал в поисковых экспедициях и в одной из них, в 1831 г., провалился под лед, сильно простудился, получил скоротечную чахотку (туберкулез) и вскоре умер. В 1834 г. в Петербурге умер его дядя, А.Я. Попов, который разделил по завещанию свой капитал на три неравные части: самая большая часть досталась его племяннику С.И. Попову, который унаследовал также капитал своего умершего брата Федота; вторая часть в размере не менее 900 тыс. руб. перешла в руки родственников Поповых – Филимоновым; третья часть согласно завещанию была использована на благотворительные цели, главным образом на организацию в Томске Сибирского общественного банка²⁸⁵.

Размеры долей наследства были определены между родственниками согласно договору 1833 г.: «Коммерции советник Андрей Попов и наследник компаньона его коммерции советника Федота Попова семипалатинский первой гильдии купец Степан Попов приняли в компанию родственника своего Тарского первой гильдии купца Ефтифия Васильевича Филимонова на следующем положении: чтобы во всех золотосодержащих и других приисках их, сколько теперь имеется и сколько впредь пребудет, считать во всех 20 паев, и чтобы из них принадлежало 5 паев упомянутому Филимонову вечно и потомственно, из оставшихся 15 Андрею Попову 7,5 и Степану Попову 7,5 паев также вечно и потомственно. Чтобы пай сии никто из них один без согласия других двух товарищей не мог передать никому стороннему или принять капитал по оным в компанию, а прибыли, какие будут получаться от упомянутых промыслов, начиная с сего 1833 г., делились между ними каждогодно соразмерно числу паев»²⁸⁶.

С.И. Попов сконцентрировал в своих руках в 1840-е гг. капитал на сумму около 10 млн руб. и, судя по всему, направил большую его часть на освоение месторождений золота и других металлов в Киргизские степи (территория нынешнего Казахстана). В Сибири при освоении разведанных запасов золотосодержащих песков С.И. Попов вынужден был вступить в компании с другими предпри-

²⁸³ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4981. Л. 1–5.

²⁸⁴ Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 89.

²⁸⁵ Шталтаков В.П. Сибирская купеческая фирма Поповых в первой половине XIX в. // Из истории буржуазии в России. Томск, 1982. С. 25.

²⁸⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 336. С. 5–7.

нимателями. Например, у него было около половины паев «Заангарской компании», большинство паев в «Алтайско-Саянском товариществе», состоящем преимущественно из петербургской знати, отдельную компанию он составил с И.Д. Асташевым. Сильный удар по коммерческим делам С.И. Попова нанес крах компании Ф.А. Горохова, с которой он был тесно связан через своих родственников Филимоновых. Накануне своей смерти, последовавшей в 1851 г., С.И. Попов организовал еще одну компанию, в которую кроме него входили почетный гражданин Н.Е. Филимонов, Андрей и Христофор Алексеевичи Поповы и томские купцы второй гильдии Максим, Лука и Егор Некрасовы. Братья Некрасовы брали в аренду Нижневознесенский прииск на 5 лет с условием, что будут платить в кассу компании 1500 руб. сер. с каждого добытого там пуда золота или 37 руб. 50 коп. сер. с каждого фунта²⁸⁷. Сдача в аренду приисков даже своим компаньонам, включение в состав компании новых членов – все это свидетельствовало о кризисе торгово-промышленного дела Поповых. Например, 19 февраля 1851 г. в компанию на 10 лет на выгодных для него условиях был включен керченский купец Тарасов.

Дела по откупам в 50-е гг. XIX в. уже не приносили Поповым прежней выгоды, и свободных средств, которые им можно было бы «впрыскивать» во временно убыточные предприятия по добыче золота, серебра, свинца, меди в малообжитых районах Сибири и Средней Азии, у них не было. Сыновья С.И. Попова к 1860 г. задолжали огромную по тем временам сумму в 4 млн руб., и в результате на их имущество и капиталы был наложен арест²⁸⁸. При распродаже в первую очередь удовлетворялись интересы казны, а потом, после судебных разборок, выплачивались долги банкам, компаниям, частным лицам и другим кредиторам. Часть имущества наследникам Поповых удалось сохранить за собой, и они, например, разрабатывали прииски, закупали для них хлеб, припасы, сено, овес, нанимали сюда рабочих.

Таким образом, в дореформенное время капиталы Поповых оказались внедренными в экономику Западной Сибири на огромной территории. Их дело носило сложный (многоступенчатый в управлении и комплексный по своей структуре) характер. Недостаток собственных средств, слабость сибирского кредита, ненадежные, хотя и чрезвычайно выгодные в случае удачи сферы предпринимательства, сильная конкуренция со стороны других фирм и отдельных наиболее крупных золотопромышленников, а также изменившаяся в середине XIX в. социально-экономическая ситуация в России – все это затрудняло становление семейной торгово-промышленной «империи» Поповых. Сложность семейного дела, разбросанность различных предприятий по огромной территории затрудняли контроль за управляющими и приказчиками на местах, а в бизнесе известен закон: кто держит дело в своих руках, тот получает от него главные выгоды. Не случайно из числа управляющих компании Поповых вышли многие крупные золотопромышленники: Е.В. Филимонов с сыновьями Аполлоном и Николаем, С.Е. Сосулин с сыновьями Петром и Николаем, Г.Ф. Машаров и другие. Нельзя отрицать большую роль в первоначальном накоплении капиталов первых сибирских золотопромышленников родственных связей. Так, тарский первой гильдии купец Е.В. Филимонов был женат на родной сестре Ф.И. и С.И. Поповых, а Ф.А. Горохов женился, в свою очередь, на дочери А.Е. Филимонова. З.М. Цибульский был женат на дочери золотопромышленника Е.Д. Бобкова, а Е.И. Королев женился на вдове томского купца П.Я. Ненашева, который кроме всего прочего занимался золотопромышленностью, и продолжил его дело. Многие западносибирские купцы, прямо или косвенно соприкасаясь в коммерческих делах с Поповыми, имели возможность в большей или меньшей степени обогатиться. С помощью Поповых начал разрабатывать золотые прииски И.Д. Асташев. Поповыми была заложена база для начала деятельности Сибирского общественного банка, который позволил организовать правильный кредит для предпринимателей Томска и других городов Сибири. Необходимо отметить, что быстро сколоченные в золотопромышленности и других отраслях хозяйства капиталы быстро исчезали в тратах на новые поиски золота, в огромных процентах займа новых капиталов, в тратах на роскошный образ

²⁸⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 528. Л. 197.

²⁸⁸ Там же. Ф. 433. Оп. 3. Д. 19. Л. 1–2.

жизни. Такое несерьезное ведение хозяйства долго продолжаться не могло, и многие фирмы по добыче золота в дореформенные времена разорались.

Редким исключением здесь был известный в России золотопромышленник И. Д. Асташев. Он не являлся представителем западносибирского купечества, но по характеру своей деятельности был к нему близок. В начале XIX в. он сделал успешную для Сибири карьеру чиновника, был переведен для службы в Петербург и там завязал многочисленные знакомства среди столичной аристократии и высшего чиновничества. За время службы Асташевым и другими предпринимателями в области золотопромышленности приобретались многочисленные полезные для дела связи среди местного и столичного чиновничества, наработывался ценный в России опыт службы в госаппарате, получались за службу высокие чины и ордена, а через высокое жалованье и взятки формировался начальный капитал.

По мере истощения запасов золота в Западной Сибири местные золотопромышленники в поисках богатых россыпей двигались на восток. В их числе были, конечно, и Асташевы. Уменьшение прибыли золотопромышленников было связано с увеличением расходов на добычу золота, уменьшением его содержания в золотоносных песках, еще большему удалению золотых приисков от населенных пунктов и дорог. В качестве компенсации за эти потери владельцы приисков прибегали к хищническому использованию природных ресурсов Сибири и усилению эксплуатации сибирских рабочих. Всесторонний анализ взаимоотношения золотопромышленников и рабочих сделан В. П. Зиновьевым, С. Ф. Хроленком и другими сибирскими историками²⁸⁹.

До 1833 г. И. Д. Асташев находился еще на государственной службе и как чиновник не имел права заниматься поиском и добычей золота. Однако с 1831 г. действовал его прииск на р. Большой Талаил, впадающей в р. Кыю, а в 1832 г. он составил компанию по добыче золота вместе с Поповыми, которые внесли сюда 40 тыс. руб. Соглашение должно было действовать до 1840 г., но компания просуществовала до 1846 г. В 1832 г. компаньоны сдали золота на 18900 руб., расходы составили 28551 руб. В 1833 г. приход компании составил 123058 руб., а в 1834 г. – 351433 руб. при расходах 55196 и 109992 руб. соответственно. Чистая прибыль компании только за эти два года составила 268202 руб.²⁹⁰

В 40-е гг. XIX в. И. Д. Асташевым была организована компания, которая включала в себя многих влиятельных и сановных лиц и процветала не только за счет разработки золотоносных песков, но и за счет покровительства ей из Петербурга. Тем не менее трудно переоценить личную энергию и организаторские способности самого И. Д. Асташева в развитии всей сибирской золотопромышленности. Подсчитано, что за 36 лет, начиная с 1832 г., на его приисках было промыто чуть менее полутора миллиардов пудов золотоносного песка, добыто около 3470 пуд. золота, что дало ему выручки при продаже золота казне в 36 млн руб. при расходах в 24 млн руб.²⁹¹ Построив в Томске роскошный по тем временам особняк, который сильно напоминал помещичьи усадьбы в Европейской России, Асташев остаток дней провел в этом провинциальном городе. Держался он в обществе особняком, считая местных чиновником и купцом людьми не своего круга, принимал у себя только высших чиновников да проезжавших через Томск вельмож. Такая независимость позволила ему участвовать в судьбе сосланного в Томск в середине XIX в. декабриста Г. С. Батенькова.

Другой известный в Сибири золотопромышленник, философ Александрович Горохов, родился в 1796 г. в глухой провинции в семье небогатого дворянина в Енисейске и начал чиновничью службу сначала на своей родине, а затем в Томской губернии – заседателем Нарымского уездного суда, где в декабре 1814 г. получил первый классный чин. Интересно отметить,

²⁸⁹ Зиновьев В. П. Методы капиталистической эксплуатации рабочих в золотопромышленности России // Из истории буржуазии России. Томск, 1982. С. 64–78; *Его же*. Методы вторичной эксплуатации рабочих в горной промышленности Сибири в период капитализма // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 106–128; *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период*. Новосибирск, 1982; Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990.

²⁹⁰ ГАТО. Ф. 282. Оп. 1. Д. 81. Л. 98.

²⁹¹ *Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм*. СПб., 1896. С. 2; ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 193. Л. 10–12.

что в заштатном городке Нарыме родился в том же 1796 г. и начинал свою чиновничью службу И.Д. Асташев, карьера которого во многом схожа с карьерой Горохова. Через три года Ф.А. Горохов был переведен в Томское губернское правление, где успешно продвигался по служебной лестнице. Вероятно, деловые качества молодого чиновника были замечены, и он был назначен на ответственный пост каинского окружного начальника, где вскоре «открыл делателей фальшивых ассигнаций», получив благодарность генерал-губернатора Западной Сибири. Кроме следственных дел, Горохов успешно выполнял и хозяйственные поручения начальства. Так, за «приобретение в пользу казны значительных выгод в покупке провианта в военные магазины» он был пожалован орденом Святой Анны 3-й степени, а «а успешное выполнение поручений ревизовавших Западную Сибирь господ сенаторов» награжден 1500 рублями²⁹².

Пиком его карьеры стала должность Томского губернского прокурора, которую Горохов получил в 1833 г., и примерно в это же время он женился на дочери крупного золотопромышленника А.Е. Филимонова. Вскоре Горохов увлекается делами, связанными с расширением добычи золота на своих приисках, что уже было нарушением закона, который запрещал совмещение государственной службы и предпринимательства, и забросил службу. В судах Томской губернии скопилось множество нерассмотренных дел, и поэтому сотни арестантов по несколько лет ждали решения своей участи в тюрьмах и острогах. В 1835 г. граф А.Х. Бенкендорф, шеф жандармского корпуса России, докладывал министру юстиции о «весьма медленном производстве уголовных дел в Томской губернии и невнимательности к оным губернского прокурора». После разбора дел на месте, хотя и не было доказано, что Горохов «вел собственные дела в ущерб государственным», его без шума отправили в отставку²⁹³.

В 1840-е гг. компания коллежского советника Ф.А. Горохова, в которую входили его родственники по жене братья Филимоновы и полковник Атопков, намывала ежегодно более ста пудов золота. По тем временам такое количество металла при сдаче в казну стоило более 2 млн руб., и прибыль составляла 100–200 % от вложенного капитала. Полученные деньги не задерживались в казне компании и вновь пускались на поиски новых месторождений золота, на безумную роскошь и огромные траты, удовлетворявшие любые прихоти компаньонов во главе с Гороховым. По словам одного из авторов томской газеты «Сибирский вестник», который был свидетелем расцвета и падения этой золотопромышленной компании, «Горохов вел такую роскошную жизнь, что в Томске ни до, ни после него не жил никто. Золото компаньоны сыпали горстями, за то и оно к ним лилось рекой. Богатый и бедный несли ему свои сбережения, и проценты он платил невероятные: от 50 до 100 в год. После краха у компании оказался дефицит более двух миллионов»²⁹⁴. В результате все, кто надеялся через его золото и огромные проценты за ссуженные деньги округлить свои капиталы, оказались в числе пострадавших. Крах компании был одной из причин почти полного обновления списков купцов в некоторых западносибирских городах в середине XIX в.

По нашим подсчетам, долгов на компании Ф.А. Горохова было насчитано гораздо больше – 3249672 руб. 51 коп., которые распределялись на несколько сотен кредиторов. Социальный состав их был пестрым, от крестьян и мещан до статских советников. Назовем главных кредиторов компании, преимущественно купеческого звания, которые хотели получить свой процент прибыли, как уже говорилось, довольно высокий, за счет ростовщичества. В Томскую городскую думу компания Горохова была должна на май 1856 г. 37 тыс. руб. Из купцов и почетных граждан самые крупные иски к компании были у потомственных почетных граждан Степана Сосулина – 237999 руб. и Аполлона Филимонова – 87 тыс. руб., у канского купца Моисея Прейсмана – 50 тыс. руб., у томских купцов Степана Хромова – 53699 руб., Ильи Коробейникова – 33882 руб. 90 коп., Захария Цибульского – 59526 руб. 36 коп., Петра Поздеева – 52476 руб. 94 коп. Больше 10 тыс. руб. было денег в долгах компании у томской купчихи Ненашевой, томских купцов Игна-

²⁹² ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 463. Л. 5.

²⁹³ Стасов В. Философия золота // Томский вестник. 1992. 1 авг.

²⁹⁴ Сибирский вестник. 1889. 31 мая.

тия Ефимова, Якова Елина, Николая Верещагина, Алексея Наумова, Ивана Фотиева и некоторых других. В списке должников компании фигурирует и коллежский советник Иван Асташев (11 тыс. руб.), другие видные люди губернии, которые ссужали огромные по тем временам суммы: статский советник Петр Денисьев – 13410 руб., губернский секретарь Александр Шайдуров – 175837 руб. 13 коп., коллежский секретарь Павел Пушкарев – 123368 руб. 8 $\frac{3}{4}$ коп., дворянин, отставной титулярный советник Антон Томашевский – 50 тыс. руб., чиновнику Шабанову также должны были выплатить 10 тыс. руб.²⁹⁵

Накануне своего разорения, в 1848 г., Ф.А. Горохов вступил в томские купцы первой гильдии²⁹⁶. Возможно, что это было связано не только с необходимостью выкупать гильдейское свидетельство для занятий золотопромышленностью, но и в надежде самому заняться торговлей и промыслами, которые при поставках на прииски порой были более выгодны, чем добыча золота. Всего через год, в 1850 г., над компанией Горохова, Атопкива и Филимоновых было учреждено Опекунское управление под наблюдением Томского окружного суда. Опекун заключили 11 марта 1853 г. с вышневолоцким купеческим сыном П.С. Сосулиным контракт, по которому тот становился «главноуправляющим» над всеми приисками компании с обязательством получать максимальную пользу от их работы и с окладом в 2000 руб. и «столовым содержанием»²⁹⁷. Без хозяина прииски доход давали ничтожный. Опекунское управление начало выдавать долги избранным кредиторам, естественно, за взятки, и все это вызвало ропот остальных должников. Тогда была проведена ревизия, и члены окружного суда за слабый контроль над опекунами выплачивали некоторое время четверть своего жалованья. В 1855 г. над компанией было учреждено новое Опекунское управление с большим штатом служащих, роскошной обстановкой кабинетов и с огромным денежным окладом председателя Опекунского совета: сначала в 5, а потом и в 6 тыс. руб. Совет израсходовал на себя несколько десятков тысяч рублей и был в 1869 г. закрыт, но еще долго тянулись судебные разбирательства, кому и сколько копеек с рубля платить²⁹⁸. Судя по документам, хранящимся в Томском государственном архиве, часть задолженностей удалось погасить, но это требовало времени и огромного напряжения сил. Коммерческими делами без утерянных капиталов продолжать заниматься было невозможно, тем более что основную часть времени нужно было тратить на составление прошений, поездки за правдой в Петербург, «подмазывание» нужных чиновников на местах и в центре. О своих злоключениях по делу о долгах хорошо описал в своих записках С.Ф. Хромов, широко известный своим дружеским знакомством со старцем Федором Кузьмичом.

В сибирскую золотопромышленность были направлены капиталы известного западносибирского откупщика И.Ф. Базилевского. Его деятельность в определенной степени характеризует западносибирскую золотопромышленность, пути и способы первоначального обогащения многих сибирских купцов-золотопромышленников. В связи с началом здесь «золотой лихорадки» он снарядил и отправил в Енисейскую тайгу несколько поисковых экспедиций. Наибольший успех выпал на долю отряда во главе с отставным поручиком Н.И. Малевинским, который был раньше одним из управляющих Базилевского по откупам. Кстати, и у Ф.И. Попова поисковые партии возглавляли приказчики по питейным сборам. Малевинский посчитал себя обделенным и предъявил Базилевскому претензии. На этот выпад последний отвечал, что наградил его по-царски, выделив десятую часть паев, в то время как Голубков или Кузнецов, красноярские золотопромышленники, наградили бы «какими-то 5 тыс. рублями и пустили бы вас продолжать ваше приказничье поприще»²⁹⁹. Нужно признать справедливыми слова Базилевского, так как пай давали постоянный значительный доход. В начале 1840-х гг. ему удалось на некоторое время объединить капиталы своих родственников и откупных управляющих в одну компанию по добыче золота. Дела в ней шли успешно, так как от золота, добытого в 1841–1843 гг., последовало прибыли на 10 паев 1859589 руб.,

²⁹⁵ ГАТО. Ф. 229. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–2.

²⁹⁶ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2178. Л. 273.

²⁹⁷ Там же. Д. 2259. Л. 178.

²⁹⁸ *Сибирский вестник*. 1889. 31 мая.

²⁹⁹ ГАКК. Ф. 57, Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

которые распределялись на счета компаньонов следующим образом: И.Ф. Базилевскому на 3 пая причиталось 857856 руб., его братьям: В.Ф. Базилевскому – на полтора пая 714897 руб., А.Ф. Базилевскому – на полпая 142979 руб.³⁰⁰ Таким образом, из 10 паев компании 6 принадлежало Базилевским, а остальные делились между Н.И. Малевинским, Прейнами и Гриневицем. В следующем году прибыли компании еще больше увеличились и превысили миллион рублей (1087920 руб.), а ее служащие получили кроме жалованья солидные награды. Большие оклады, дополнительные доходы, связанные с наймом на прииски рабочих, снабжение их всем необходимым, возможность получать свою выгоду от старательского золота, которое добывалось дополнительно в праздничные дни, – все это являлось хорошим материальным основанием для того, чтобы самим приказчикам и управляющим выйти в самостоятельные хозяева. Из их числа стали крупными золотопромышленниками Н. Малевинский, красноярские купцы братья Кытмановы, Г. Голубков, Н. и И. Прейны, М. Окулов и другие.

В середине XIX в. продолжается активная разведка золота в енисейской тайге, и она требовала значительных средств. Каждая поисковая партия стоила за сезон не менее 15 тыс. руб. асс., и редкая из них заканчивалась удачей. Например, в 1840-е гг. в Енисейской губ. из 100 поисковых партий только 2 нашли золото. Среди известных поисковиков были томенский купец Василий Молодых, марининский купеческий сын Иван Гусев, петропавловский купец Николай Хомутников и другие. Постоянно вели разведку золота крупные золотопромышленные компании. Среди них были компании уральских купцов Рязановых, красноярских золотопромышленников Прейнов, наследников компании Поповых. Вел разведку золота и томский купец Всеволод Королев по поручению и доверенности своего брата Евграфа³⁰¹.

Тесно был связан с Западной Сибирью другой крупный сибирский золотопромышленник – Захарий Михайлович Цибульский. В мае 1845 г. Цибульский женился на дочери купца Бобкова, одного из учредителей компании, в которой он служил, – Феодосье Емельяновне³⁰². При разделе имущества умершего в 1843 г. Е.Д. Бобкова супруги Цибульские получили дом в Томске и прииски в Ачинском округе³⁰³. После этого З.М. Цибульский начал самостоятельную добычу золота и вступил в купечество. В течение 18 лет он работал на приисках без особого успеха, так как они были не очень богатыми на золото и нужно было платить долги умершего тестя. Наконец, в 1864 г. были открыты золотые россыпи по системе р. Абакан, и это дало возможность Цибульским разбогатеть.

Из служебного формуляра З.М. Цибульского следует, что он занимал в Томске ряд почетных и ответственных должностей, получил от правительства несколько высоких наград. С декабря 1877 г. он стал коммерции советником, а с 1879 г. – томским городским головой³⁰⁴. На посту головы он много сделал для благоустройства города, за свой счет вывозил на улицы города песок и гравий, устраивал вечернее освещение на улицах и общественных местах, сделал самые крупные пожертвования на строительство в городе университета и кафедрального собора. Однако полностью стать своим человеком в среде западносибирского купечества Цибульский не смог, и мемуарист И.В. Кулаев отмечал, что «купцы его недолюбливали, считая гордецом, необщественным по их понятиям человеком, похожим скорее на сановника, чем на купца»³⁰⁵.

Значительную роль в западносибирской золотопромышленности сыграли жены и вдовы купцов-золотопромышленников. Неизвестный автор очерка о золотопромышленности в Сибири отмечал, что часто «жены купцов и почетных граждан, если не происходят они от потомственных дворян, при получении дозволенных свидетельств на право золотопромышленности, предъявляют начальству купеческие свидетельства о записке своей, отдельно от мужа, во вторую гильдию...»³⁰⁶ Во второй половине XIX в. женщины довольно часто вступали в купече-

³⁰⁰ Там же. Д. 18. Л. 2. 17.

³⁰¹ ГАТО. Ф. 433. Оп. 2. Д. 7. Л. 15–42.

³⁰² Сибирская газета. 1888. 22 июля.

³⁰³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2178. Л. 280.

³⁰⁴ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–6.

³⁰⁵ Кулаев А.В. Указ. соч. С. 248.

³⁰⁶ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 29.

ство, для того чтобы заниматься золотыми промыслами. В их числе была Ф.Е. Цибульская, которая записывалась отдельно от мужа в гильдию и постоянно кредитовалась в Сибирском общественном банке³⁰⁷. После смерти мужа она некоторое время занималась его делами, была заметной фигурой в общественной жизни Томска. Несмотря на щедрые пожертвования, после смерти Цибульских оставались еще значительные капиталы и многие прииски, но супруги были бездетны, и все перешло их дальнему родственнику и управляющему приисками колыванскому купцу И. Иваницкому³⁰⁸.

В конце XIX в. в список крупных золотопромышленников, деятельность которых была тесно связана с Западной Сибирью, можно включить красноярских купцов Кузнецовых, Алтайскую и Южно-Алтайскую золотопромышленные компании и некоторых других предпринимателей. Владельцы крупных капиталов в золотопромышленности добывали львиную долю западносибирского золота (до 85–90%), оказывали сильное влияние на складывание традиций предпринимательства в добыче золота, помогли многим мелким добытчикам золота выйти в купечество и расширить сферы своей деятельности.

Обратимся теперь к характеристике более мелких золотопромышленников Западной Сибири. Среди них встречается имя красноярского купца И.В. Кулаева, который много занимался торговлей и промыслами на юге Западной Сибири и оставил об этом свои мемуары. И.В. Кулаев брал в аренду золотосодержащий прииск у вдовы штурмана Л.Л. Триполитовой с арендной платой 300 руб. сер. в год³⁰⁹.

В поисках богатства приезжали в Томск – столицу золотопромышленности края – иностранные подданные, которые для получения разрешения отправиться в тайгу на поиски золота принимали российское подданство и вступали в купечество. Так, в 1846 г. принял российское подданство и принес по этому случаю присягу швед Карл Петр Стаденберг. Затем он ходатайствовал о причислении его в томские купцы третьей гильдии, и губернское правление удовлетворило его просьбу³¹⁰.

При характеристике сибирской золотопромышленности необходимо учитывать, прежде всего, комплексный характер предпринимательства многих представителей западносибирского купечества. Золотопромышленность являлась для них одной из сфер приложения капиталов, и если здесь они были мелкими или средними предпринимателями, то в целом являлись владельцами крупного капитала. В 1868 г. владельцем одного прииска с 19 рабочими был крупный виноторговец В. Королев. Богатое содержание золота в золотоносной породе давало ему возможность добывать тогда 1 пуд. 10 фунт. шлихового золота. Через 20 лет на него уже работало 180 рабочих на трех приисках и добывали они 3 пуд. 20 фунт. золота за год. В 1860-е гг. В.И. Королев подавал генерал-губернатору Западной Сибири прошение о разрешении ему искать золото «в Киргизских округах». Такое разрешение он в 1866 г. получил, после того как представил подписку, что ни он, ни члены его семейства на службе в Сибири и в Петербурге по горной части не состоят³¹¹. Ростовский купец Е.И. Королев, брат В.И. Королева, в 1868 г. добывал 2 пуд. 15 фунт. шлихового золота, а в 1869 г. увеличил добычу до 3 пуд. 25 фунт. 78 зол. золота. Кузнецкий купец Конохов добывал в 1868 г. 8 пуд. 6 фунт. 86 зол. золотого песка и увеличил свою добычу в 1870 г. до 12 пуд. 34 фунт. 42 зол. Более 4 пуд. золота в это время добывал марининский купец Каминер, по 2 пуда золота добывали томские купцы Некрасов и Петров³¹². Все они параллельно с добычей золота занимались в большей или меньшей степени торговлей разными товарами.

В 1866 г. парходчик Д. Тецков добывал 4 пуд. 12 фунт. золота, но после его смерти в октябре 1882 г. наследники не смогли продолжить это дело. Переносил в золотопромышленность

³⁰⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 576. Л. 105; Ф. 150. Оп. 1. Д. 416. Л. 10.

³⁰⁸ Рабинович Г.Х. Из истории буржуазии города Томска (конец XIX в. – 1914 г.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 6. С. 139.

³⁰⁹ ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 60. Л. 37.

³¹⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 19. Д. 393. Л. 8, 10.

³¹¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. 5497. Л. 4, 13.

³¹² Горный журнал. 1871. Т. 3. № 7–9. С. 265–270.

свои капиталы хлеботорговец А. Родюков, который особых успехов здесь не достиг, добывая в год меньше пуда золота, и сосредоточил свои интересы в мукомольном производстве. Однако в 1893 г. А. Д. Родюков добывал на Ново-Покровском прииске 1 пуд. 4 фунт. 45 зол. золота, на Больше-Никольском 10 фунт. 17 зол. золота и совсем немного на других приисках³¹³. Параллельно с рыбными промыслами и торговлей занимался золотопромышленностью С. Валгусов, на двух приисках которого 120 рабочих добывали для него 3 пуд. 4 фунт. золота³¹⁴. Список «совместителей» среди западносибирских купцов можно продолжить, но нетрудно заметить, что они могли заниматься золотопромышленностью, компенсируя убытки здесь доходами в других сферах экономики.

В середине XIX в. эту особенность сибирской золотопромышленности заметил один из чиновников, который хорошо с ней был знаком и считал, что «русский человек не так еще простоват, чтобы очертя голову бросаться за ветром в поле, покинув все свое домообзаведение на произвол судьбы. Немногие из купцов отдали, так сказать, себя исключительно делу золотопромышленности, но занимаясь им, не покидают и торговлю или других коммерческих интересов»³¹⁵. Показательно, что некоторые западносибирские купцы быстро освоили торговлю приисковым товаром, которая даже по сильно заниженным оценкам приносила им немалую выгоду: торговый дом «Андреев и Карякин» из Тюмени имел от нее не менее 10 тыс. руб. прибыли, С. С. Валгусов при 100 тыс. руб. оборота имел 5 тыс. руб. прибыли, и И. И. Колосову эта торговля приносила не менее 2,5 тыс. руб. ежегодно³¹⁶.

Одним из источников формирования купцов-золотопромышленников являлась служба некоторых из них в качестве приказчиков. Грамотные и имевшие опыт канцелярской работы люди охотно принимались на приказничьи должности на золотые прииски. Состав приказчиков был пестрым, и хозяева приисков не были разборчивы при их найме. Так, надворный советник Базилевский брал себе в приказчики ссыльного поселенца Петра Копфа, крепостного крестьянина князя Долгорукого из Вязниковского уезда Владимирской губернии Дмитрия Алексея, мещанина г. Каинска Евграфа Полуянова и других³¹⁷. Для успешной службы на таких должностях нужно было уметь понравиться хозяину и чиновникам, которые контролировали прииски, и держать в «ежовых рукавицах» своих рабочих. Жестокость и грубость управляющих и приказчиков в отношении рабочих была повсеместной. Об этом со знанием дела писала «Сибирская газета»: «Требования, которые предъявляют компании к служащим, невелики: умение читать и писать, а также вычислять кубическую сажень. Преимущественно же от служащего требуют расторопности, строгости и умения ругаться. Установилось убеждение, что с рабочими без ругани и драки ничего не поделаешь, и, действительно, таежные служащие при существующей степени их развития могут внушать к себе уважение рабочих лишь силою своих мышц и ядовитостью брани. И нужно признать, что умение ругаться доведено в тайге до виртуозности, а рабочие настолько свыклись с этим способом понуждения к труду, что иногда не обращают внимания на приказания, не сопровождаемые крепким словом»³¹⁸. Однако в дореформенные времена такая характеристика приказчиков и управляющих не всегда подтверждалась: многие из них были глубоко религиозными людьми или принадлежали к числу старообрядцев, что исключало употребление ими бранных слов и выражений.

Кроме приказчиков в купцы-золотопромышленники могли выйти люди, разыскавшие перспективные месторождения золота. Многие купцы нанимали сведущих людей для разведки новых месторождений золота. Это могли быть как руководители поисковых партий, так и отдельные смельчаки, которые на свой страх и риск пускались на поиски золота. Например, одним из них был крестьянин с. Нелобино Томского округа Лев Петров, который в сентябре 1851 г. за-

³¹³ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 9.

³¹⁴ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 3–13; Д. 193. Л. 341–354; ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5643. Л. 21–26; Оп. 9. Д. 13977. Л. 1–12.

³¹⁵ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 14.

³¹⁶ Адрианов А. В. Город Томск в прошлом и настоящем. С. 134.

³¹⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 529. Л. 104, 109, 110.

³¹⁸ Сибирская газета. 1887. 12 марта.

ключил контракт с томским второй гильдии купцом М.П. Серебренниковым о том, что будет искать золото в Енисейской тайге и в случае его обнаружения будет получать по 500 руб. с каждого добытого пуда золота³¹⁹.

Однако богатые золотые россыпи в середине XIX в. были разведаны, распределены между золотопромышленниками и быстро выработаны. Остались золотоносные площади с бедным содержанием золота и неудобные для разработок. Это вызывало дополнительные расходы, и западносибирские купцы вынуждены были прибегать к дополнительным мерам извлечения прибыли. Кроме торговли и ростовщичества, самой распространенной мерой было снабжение своих приисковых рабочих всем необходимым и усиление их норм эксплуатации. Другими словами, понижение прибыльности золотопромышленности вызывало усиление нажима хозяев приисков на своих рабочих с целью покрыть убытки за их счет. Золотопромышленник, усиливавший нормы экономического и внеэкономического принуждения, достигал порой таких результатов, когда эта эксплуатация являлась «единственной доходной статьей, возмещающая убытки от промысла»³²⁰. Иногда физическое истощение рабочих было таким, что они «не могли так напряженно работать, как их заставляют это делать, без применения своеобразного допинга – водки и кровопускания»³²¹. Но и это часто не могло удовлетворить хозяев приисков, и они жаловались на «всеобщую леность, непокорство и коварство приисковых рабочих»³²². По расчетам одного из приисковых служащих, на каждого рабочего приходилось в год не менее 200 бутылок водки. Они выдавались в определенных количествах при найме и расчете, использовались как стимул при срочных и тяжелых работах³²³.

Западносибирские золотопромышленники во второй половине XIX в. пошли по пути ужесточения приисковых порядков. Это вызвало сопротивление рабочих, которое выражалось, как писал в своем отчете томский губернатор, «в побеггах рабочих с промысла, невыходе их на работу под видом болезни, упорстве, доходящем иногда до размеров явного возмущения»³²⁴. Однако в 1880-е гг., как справедливо отмечала «Сибирская газета», «при всем упорстве рабочих не заметно деятельной солидарности, какою отличаются их хозяева»³²⁵. В качестве такого примера можно привести случай на прииске действительного статского советника Брискорна, который брали в аренду томский купец Егор Некрасов и томский мещанин Сергей Малиновцев. Группа рабочих (21 человек) бежала с прииска и сплавила вниз по Томи в Томск, чтобы подать жалобу на Малиновцева, бывшего у них управляющим. Рабочим учинили допрос, и выяснилось, что им приказывали выкатывать по 200 тачек песка, кормили тухлой говядиной, в которой попадались даже черви, выгоняли на работу больных, заставляли целый день находиться в воде и т. д. Факты, изложенные рабочими, подтвердились, и суд сначала ограничился «внушением, чтобы они на будущее время не позволяли себе отлучаться с промыслов для принесения жалоб целыми партиями, как в настоящем случае». Вскоре была подана апелляция, приговор был пересмотрен, и рабочие оказались в тюрьме³²⁶.

По мнению администрации Томской губернии, примером удачной организации золотого промысла на уже отработанных песках могла служить деятельность мариинского второй гильдии купца Рувима (Романа) Буткевича. На Боголюбовском прииске Буткевич при помощи 100 рабочих сумел в 1893 г. добыть 3 пуд. 4 фунт. 35 дол. золотого песка на сумму более 50 тыс. руб. Содержание рабочих стоило ему менее 300 руб. на каждого, что давало ему чистого барыша не менее 20 тыс. руб.³²⁷ Однако чуть раньше, в 1889 г., на прииске Р. Буткевича «коман-

³¹⁹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 529. Л. 3.

³²⁰ *Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического развития Алтайского горного округа* / под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890. С. 425.

³²¹ *Восточное обозрение*. 1892. 3 июня.

³²² *Сибирская газета*. 1888. 28 февр.

³²³ *Восточное обозрение*. 1891. 17 марта.

³²⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 361. Л. 75.

³²⁵ *Сибирская газета*. 1887. 26 марта.

³²⁶ ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 1412. Л. 7–21.

³²⁷ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.

да рабочих в числе 80 чел. оказала неповиновение распоряжению хозяина и не вышла на работу на 5, 6 и 7-й день праздника Св. Пасхи». На этом же прииске рабочие нанесли оскорбление мещанину Исаю Миллеру, который являлся совладельцем прииска, за «самоуправство служащих при поимке бежавших с прииска рабочих»³²⁸. В обоих случаях местная администрация была на стороне золотопромышленника.

Таким образом, одной из особенностей предпринимательства западносибирского купечества в золотопромышленности являлось обращение их за помощью к местной администрации в случае конфликтов со своими рабочими. К крепкому союзу золотопромышленников между собой присоединялись чиновники разных ведомств, что сильно затрудняло восстановление справедливости. Анонимный автор очерка о золотопромышленности в Сибири был свидетелем этого и писал: «Кривосудию тогда только пропоют, может быть, последнюю песню, когда у нас будет общественная гласность, не лживая и лицепрятная, а правдивая и фактически-искренняя; когда изгонится из канцелярии знаменитая канцелярская тайна – порождение отца лжи, прикрывающая возможные деяния бюрократов, когда водворится в судах гласное производство...»³²⁹. Конечно, в основном автор очерка беспокоился о благополучии золотопромышленников, в крайнем случае служащих и приказчиков, но в большей степени несправедливость правосудия касалась участи рабочих.

В золотопромышленности Сибири конца XIX в., как и прежде, наблюдалась тесная связь между торговым и промышленным капиталом. Западносибирские купцы снабжали прииски всеми необходимыми товарами и кредитовали золотопромышленников. Отличительной чертой такой торговли и кредита являлись высокие цены на приисковые товары и чрезвычайно высокий процент частного ростовщического кредита. В отчете по Западной Сибири за 1880 г. отмечено, что «при сильном развитии золотопромышленности значительная потребность приисковых товаров и припасов возвышала их ценность – давала торговцам хорошую прибыль и побуждала их сообразно с этой прибылью расширять свои торговые обороты»³³⁰. Высокие доходы от торговли и ростовщичества заставляли западносибирских купцов переориентироваться в своей деятельности и вкладывать капиталы, прежде всего, в эти отрасли предпринимательства, что тормозило развитие золотопромышленности, так как значительная часть капиталов уходила из производительной сферы в сферу обращения и превращалась в прибыль ростовщика и торговца. Сибирский предприниматель, прежде всего золотопромышленник, страдал от недостатка в крае капиталов, от невозможности получить дешевый кредит. Оборотные средства крупных западносибирских торгово-промышленных фирм постоянно находились в напряжении. К этому добавлялось слабое развитие в крае рыночных отношений. Например, довольно часто цены на хлеб в Тобольской губернии были довольно низкими, в то время как в Томске и Красноярске золотопромышленники покупали его в несколько раз дороже. То же самое можно было сказать о других сельскохозяйственных продуктах и необходимых для промыслов материалах. Это создавало условия для разного рода спекуляций и дестабилизировало экономику края, что в свою очередь не давало возможности сложиться в золотопромышленности Западной Сибири династиям купцов, состоявших из нескольких поколений.

В свое время И. Завалишин подсчитал, что с 1819 по 1861 гг. в Сибири было добыто почти 600 тонн золота, но население от этого не получило никаких выгод³³¹. Автор популярного в России сочинения о Сибири не совсем прав в такой оценке. Благодаря добыче золота в Сибири формировался рынок капитала, рабочей силы, создавались условия для товарного производства сельскохозяйственной продукции, развития транспортной сети и других отраслей хозяйства. Но принцип несправедливого расчета метрополии с окраинами остался и до нынешнего дня. Об этом писал видный историк В.А. Ламин, характеризуя положение дел не только в золотопро-

³²⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 884. Л. 3.

³²⁹ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4982. Л. 16.

³³⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5643. Л. 22.

³³¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2. Томская губерния. М., 1862. С. 172.

мышленности: «Сибирский предприниматель более всего страдал от отсутствия капиталов, чем от поиска или недостатка точек его приложения. Оборотные средства крупных сибирских торгово-промышленных фирм постоянно находились в напряжении. Расширение масштабов предприятия поглощало складывающиеся накопления без остатка. Свободный капитал, достаточный для поиска и разработки золотых промыслов в Сибири, отсутствовал»³³².

В.В. Берви-Флеровский был хорошо знаком с делами в сибирской промышленности, в свое время он дал меткие характеристики наиболее видным представителям западносибирского купечества в середине XIX в., говорил о грубой эксплуатации ими рабочих на золотых промыслах и в обрабатывающей промышленности, показывал методы первоначального накопления капиталов в торговле и на транспорте, отмечал, что многие видные предприниматели «вышли из самых низких слоев общества» Такая характеристика западносибирского купечества, которое являлось ядром формирующейся буржуазии, была близка к марксистской точке зрения и во многом разделялась классиками марксизма. Автор подводил читателя к мысли о хищнической природе сибирского купечества, о невозможности революционерам сотрудничать с ним в деле социального переустройства общества³³³.

Многие сведения о сибирской золотопромышленности и крупнейших купцах-золотопромышленниках содержатся в известной книге представителя либерального народничества В.И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах». Автор стремился примирить интересы хозяев приисков и приисковых рабочих, придать их отношениям взаимовыгодный характер, что, по его мнению, дало бы возможность более эффективно разрабатывать сибирские недра. Он справедливо призывал сибирских золотопромышленников, среди которых были и западносибирские купцы, принять участие в улучшении материального положения и быта рабочих: «Более нормальная постановка промышленного труда, без сомнения, одна из главных задач нашего времени, и частные лица, которых судьба сделала участниками в ведении промышленных предприятий, обязаны позаботиться об облегчении тяжелой доли рабочего»³³⁴. Надо сказать, что такая примиренческая позиция была связана еще и с тем, что работа Семевского участвовала в конкурсе на лучшее сочинение по истории Сибири, объявленном известными сибирскими меценатами Сибиряковыми, и выиграла его.

В конце XIX в. золотопромышленность, по мнению Г.Х. Рабиновича, «была одной из самых отсталых отраслей промышленности и даже в эпоху империализма оставалась на мануфактурной стадии»³³⁵. Доступность и относительная дешевизна средств производства, с помощью которых тогда добывали золото, надежда на быструю удачу толкали некоторых крестьян и мещан идти на риск и самим начинать поиск золота в тайге, вести его тайную разработку. Например, на территории Алтайских горных заводов, принадлежавших императорскому Кабинету, добыча золота долгое время была запрещена. Несмотря на это, крестьянин Бедарев по р. Бирюле добыл за несколько лет промысла 1,5 фунта золота, а крестьянин Силантьев по р. Каянче обнаружил довольно богатые локальные россыпи, где был найден даже самородок весом в 9 зол.³³⁶ Такие находки были случайными, и огромное большинство крестьян, пускавшихся в вольное старательство, или оставляли свой промысел, или нанимались рабочими на прииски. Исключения были редки. Одно из них – карьера И.В. Кулаева, крестьянина Енисейской губернии, подавшего в 1876 г. прошение о разрешении ему заниматься золотыми промыслами в Западной Сибири и к концу XIX в. ставшего крупным сибирским предпринимателем³³⁷. Для того чтобы попасть в число золотопромышленников, необходимо было преодолеть сопротивление со стороны тех предпринимателей, которые уже захватили большое количество

³³² Лазин В.А. Золотой след Сибири. Екатеринбург, 1997. С. 31.

³³³ Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России // Избр. экономич. произв. М., 1958. Т. 1.

³³⁴ Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. II. С. 817.

³³⁵ Рабинович Г.Х. Технический переворот и его финансирование в золотопромышленности Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // К изучению экономики Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Красноярск, 1962. С. 27.

³³⁶ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–2.

³³⁷ Там же. Д. 46. Л. 26–27.

приисков, имели тесные связи с местной администрацией и, самое главное, значительные капиталы. Поэтому газета писала о многих людях, которые, имея несколько тысяч рублей, пускались на поиски золота и неминуемо прогорали: «Бедному человеку нет никакой возможности приступить к поискам и добыче золота»³³⁸.

Среди начинающих золотопромышленников второй половины XIX в. отмечается большое количество предпринимателей, которые совмещали добычу золота с мелочной торговлей бакалейными, галантерейными, мануфактурными и иными товарами. Это было связано с появлением Устава о золотопромышленности 1870 г., который открывал доступ в эту отрасль широким слоям населения, в первую очередь мелкого и среднего купечества. Вкладывая средства в добычу золота, купцы заодно приобретали репутацию солидных коммерсантов, имеющих перспективы социального и экономического роста. Самих купцов и их окружение преследовала мысль о неожиданном богатстве, которое может на них свалиться в виде богатых приисков, как это было в первой половине XIX в., но такие события в мире золотопромышленников становились все реже и реже. «Отсев» из этой категории предпринимателей был довольно высок и достигал, по подсчетам Л.В. Сапоговской, 35–40 %, причем среди них преобладали так называемые пассивные формы предпринимательства, когда значительная часть приисков сдавалась в аренду мелким добытчикам золота или золотопромышленным артелям³³⁹. На наш взгляд, процент текучести кадров золотопромышленников здесь сильно, почти в два раза, преувеличен, так как за основу преимущества нужно брать не списки предпринимателей за произвольно взятые годы, а смену поколений через треть века, когда то или иное коммерческое дело становилось семейным.

Принадлежность к купеческому сословию, которое постепенно перерождалось и оформлялось в класс буржуазии, специфические условия золотопромышленности (удаленность приисков от жилых мест, общие нужды приисков, необходимость противостоять начинавшейся борьбе приисковых рабочих и т. д.) способствовали социальному сближению золотопромышленников. Как писал А.П. Уманский, золотопромышленники «при всей удивительной разношерстности их состава – и имущественной, и племенной, – отличаются солидарностью, умеют отстаивать общие интересы и составляют как бы отдельное сословие»³⁴⁰.

Такая социальная обособленность золотопромышленников создавала значительные трудности при внедрении сюда представителей других слоев общества. Однако многие из мелких и средних купцов-золотопромышленников потерпели в своей деятельности большие убытки или разорились. Риск предпринимательства здесь был обусловлен рядом природных и социальных факторов. Только небольшое число крупных фирм и предпринимателей сохранили свои позиции на протяжении всего пореформенного времени, основная масса золотопромышленников за этот период сменилась. В Западной Сибири больше всех золота добывали наследники известных купцов-золотопромышленников Кузнецовых, Поповых, Цибульских, а также дворян, занимавшихся добычей золота, Базилевских, Асташевых и некоторых других, которые имели не только семейные традиции и опыт предпринимательства в этой сфере, но и остатки огромных наследственных капиталов. Вследствие постепенного истощения россыпей во второй половине XIX в. происходил процесс перемещения капиталов с запада на северо-восток. Большую часть своего золота добывали в Восточной Сибири известные томские золотопромышленники З.М. Цибульский, Б.Л. Хотимский, И.Д. Асташев и другие, в Степном крае – наследники купцов Поповых. В 1890-е гг. наследник золотопромышленного дела Цибульских И.М. Иваницкий добывал примерно равное количество золота (по 4 пуда) в Томском горном округе и в Ачинско-Минусинском³⁴¹.

По сведениям И. Завалишина, которые основаны на подсчетах специалистов Главной конторы Алтайского горного округа, 12 самых крупных приисков Сибири дали в 1846 г.

³³⁸ *Сибирский вестник*. 1886. 18 авг.

³³⁹ *Сапоговская Л.В.* Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. (Урал и Сибирь – модели развития): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 37.

³⁴⁰ *Уманский А.* Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге. СПб., 1888. С. 80.

³⁴¹ *Список главнейших русских золотопромышленных компаний*. С. 65.

608 пуд. золота, в 1847 г. – 702 пуд., в 1848 г. – 803 пуд., а в последующие годы добыча золота стала снижаться и в 1860 г. опустилась до 192 пуд. золота в год. Всего же с 1819 по 1861 гг. в Сибири было добыто 35587,2 пуд. золота на сумму более 470 млн руб.³⁴² В пересчете на современные десятичные меры веса это было около 584 т золота, что для любых времен является колоссальным богатством. Однако оно не дало благополучия и процветания ни Сибирскому краю в целом, ни его населению. По более поздним расчетам, всего в Сибири за дореволюционное время было добыто более 2 тыс. т золота, что составляло около 80 % всего российского золота. Для сравнения можно сказать, что строительство Сибирской железной дороги обошлось правительству в 520 млн руб., а это составляло 360 т драгоценного металла³⁴³. В золотопромышленности Сибири, за редким исключением, не сложились династии сибирских золотопромышленников. Большинство из них, как правило, перекачивали капитал в Европейскую Россию или пускали его на непроизводительные нужды.

Таким образом, несмотря на техническую и организационную отсталость, золотопромышленность Западной Сибири была одной из важных сфер приложения местных капиталов и была единственной хозяйственной отраслью Сибири, имевшей общероссийское значение. Частная золотопромышленность давала в 1880 г. 54,7 % всей стоимости валовой продукции промышленности (5107720 руб.) и занимала 52,8 % всех приисковых рабочих Западной Сибири (4816 чел.)³⁴⁴ До 1880 г. золотопромышленность имела еще больший вес в экономике региона. После 1880 г. Ее доля постепенно уменьшалась в связи с ростом общего объема промышленности и уменьшением здесь золотодобычи. Следует сказать, что доля золотопромышленности в экономике региона была значительно ниже соответствующих общесибирских показателей: 63 % всей стоимости валовой продукции промышленности и 78 % всех рабочих³⁴⁵.

Основные предприятия местной золотопромышленности – прииски – находились на низкой стадии технического оснащения. Промышленного переворота в сибирской золотопромышленности до конца XIX в. не произошло. Процесс отделения промышленного капитала от торговлоростовщического в этот период не завершился. Тем не менее в течение XIX в. характер сибирской золотопромышленности сильно менялся, что не могло не отразиться на доле купеческих капиталов в западносибирской золотопромышленности. В начальный период разработки золота в Западной Сибири, в 30–40-е гг., доля местных купеческих капиталов была невелика – 15–20 % от всех капиталов, задействованных в отрасли. Ведущую роль здесь играли капиталы купцов из Европейской России и с Урала. Заметным явлением в тот период стало участие в добыче золота российского дворянства. В 50–70-е гг. XIX в. роль западносибирского купечества в разработке сибирского золота увеличилась. Купцы активно включали в сферу своего предпринимательства золотые промыслы и добились здесь значительных успехов. Их доля в добыче золота увеличилась до 30–35 %, что позволило вытеснить с ведущих позиций в отрасли представителей дворянства и купечества из Европейской России. Отчасти это было обусловлено продвижением золотых промыслов на восток, в места, далекие от путей сообщения и с более суровым климатом. Для золотых промыслов в Восточной Сибири требовались более значительные капиталы, которые были большей частью сосредоточены в центре.

В конце XIX в. положение западносибирского купечества в золотодобывающей отрасли изменилось. С одной стороны, здесь шел процесс сокращения отдельных производств, то есть уменьшение объемов работ и числа привлеченных рабочих на отдельных приисках, а с другой – происходила концентрация капиталов и добычи золота в руках наиболее крупных предпринимателей. Кроме того, добыча золота носила всегда в себе элемент случайности. Поэтому золотопромышленность оставалась, как писала газета, «своего рода биржевой

³⁴² Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2. С. 173, 177.

³⁴³ Ламин В.А. Указ. соч. С. 60.

³⁴⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 361. Л. 47; Д. 477. Л. 44; Д. 515. Л. 31.

³⁴⁵ Бородавкин А.П., Рабинович Г.Х., Сухотина Л.Г. Об особенностях развития капитализма в Сибири (1861 – середина 90-х гг. XIX в.) // Вопросы истории Сибири. Томск. 1965. Вып. 2. С. 7.

игрой, и редкий сибиряк, бросившийся в этот омут, не выходит оттуда не разоренным»³⁴⁶. Неустойчивость положения мелких и средних владельцев золотых приисков во многом породилась законодательством, последовательно отстаивавшим принцип сословности. До 1870 г. к добыче золота допускались лишь дворяне, почетные граждане и купцы двух первых гильдий. Устав о частной золотопромышленности 1870 г. хотя и разрешал добычу золота «лицам всех состояний, пользующимся гражданской правоспособностью», причем как русским подданным, так и, с некоторыми ограничениями, иностранцам, но высокая горная подать суживала возможность непривилегированным золотопромышленникам благополучно развивать свое дело³⁴⁷. Укрупнение капиталов в золотопромышленности Западной Сибири, оформление здесь Алтайской и Южно-Алтайской золотопромышленных компаний, а также появление многочисленных золотодобывающих артелей усилили конкуренцию в отрасли. В результате доля западносибирского купечества в добыче золота уменьшилась до 20–25%. Уменьшение доходов от добычи золота западносибирское купечество старалось компенсировать увеличением доходов в других отраслях хозяйства Западной Сибири. Видное место здесь занимала обрабатывающая промышленность, которая была тесно связана с сибирской торговлей и добычей золота.

3.2. Обрабатывающая промышленность и купечество Западной Сибири

В дореформенное время обрабатывающая промышленность Сибири являлась той сферой предпринимательства, где купечество Западной Сибири могло получать дополнительную прибыль. Основные обороты купеческих капиталов происходили в торговле, но интересы торговли заставляли купцов обрабатывать закупленное ими сельскохозяйственное сырье и с последующей выгодой для себя реализовывать произведенные товары на рынке или использовать их в своем многоотраслевом хозяйстве. Доля обрабатывающей промышленности в купеческом предпринимательстве в дореформенный период была невелика (около 5% всех капиталов), так как она находилась в зачаточном состоянии, что определялось объективными социально-экономическими условиями развития экономики как Сибири, так и страны в целом. Например, известный сибирский историк П.А. Словцов видел основную причину запустения местной промышленности в отсутствии для нее кадров специалистов и медленности оборота вложенных сюда капиталов³⁴⁸. По мнению И. Завалишина, главной причиной отставания Сибири в промышленном развитии являлся низкий уровень образования и культуры сибирского населения³⁴⁹. Местная администрация также определяла основную причину отставания обрабатывающей промышленности от других отраслей хозяйства: «Промышленность не могла привлекать капиталы главным образом в силу того, что здесь нельзя ожидать столь скорых и значительных барышей, как от торговых оборотов или от золотого промысла»³⁵⁰. Тем не менее обилие сельскохозяйственного сырья и запросы складывающегося в Западной Сибири рынка являлись главными причинами зарождения и развития здесь обрабатывающей промышленности.

Одним из первых историков, кто затронул в своих трудах проблемы обрабатывающей промышленности Сибири, был Д.И. Копылов. В ряде статей он показал объемы и уровень развития ряда отраслей промышленности, выявил районы ее размещения, техническую оснащенность и применение здесь наемной рабочей силы. Заслугой Д.И. Копылова можно считать характеристику кожевенной промышленности как градообразующей составляющей г. Тюмени, определение роли обработки сырья для других городов и местностей Западной Сибири. Ученый дал обстоя-

³⁴⁶ *Сибирь*. 1885. 25 февр.

³⁴⁷ ПСЗРИ-2. Т. XIV. № 48399.

³⁴⁸ *Словцов П.А.* Письма из Сибири. М., 1826. С. 95.

³⁴⁹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. 1. С. 203.

³⁵⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5643. Л. 4.

тельные характеристики некоторых видных представителей сибирского купечества: Корнильевых, Решетниковых, Колмаковых и др.³⁵¹

Выдающийся вклад в изучение обрабатывающей промышленности Сибири внес Г.Х. Рабинович, который посвятил этой проблемы отдельные статьи, часть своей монографии, направил на ее решение усилия своих учеников. Ценность и новаторство его работ – в широком охвате территории, которая включает в себя не только Сибирь, но и Дальний Восток, сопоставление аналогичных процессов в Сибири, на Урале и в Европейской России, привлечение оригинального и богатого фактического материала. Выводы, к которым пришел в своих трудах Г.Х. Рабинович, по своей форме были в русле марксистского учения о промышленном перевороте и монополизации экономики, но по сути предполагали позитивную оценку роли предпринимательства в социально-экономическом развитии страны и отдельных ее регионов³⁵².

Созданная Г.Х. Рабиновичем научная школа получила свое дальнейшее воплощение в творчестве В.А. Скубневского. В соавторстве они опубликовали несколько работ по истории сибирской буржуазии и ее роли в развитии обрабатывающей промышленности региона³⁵³. В дальнейшем В.А. Скубневский сосредоточил свои усилия на изучении роли рабочего класса в обрабатывающей промышленности Сибири, исследовании истории предпринимательства, отдельных отраслей хозяйства и персонала делового мира, истории отдельных населенных пунктов и городов Сибири и многого другого³⁵⁴. Интересно наблюдение ученого о влиянии промышленных заведений, в частности Иткульского спиртзавода, принадлежавшего Платоновым и Судовской, на образ жизни и в конечном итоге о наборе ментальных качеств жителей рабочего поселка Соколово. Эти качества отличали их от горожан, но и с крестьянским менталитетом они имели мало общего³⁵⁵.

Видное место в исследовании истории обрабатывающей промышленности Сибири дореформенного периода занимают труды В.Н. Разгона. При характеристике генезиса здесь капиталистических отношений он выделяет два основных пути. Первый предполагал перерастание собственника мелкого кустарного производства во владельца капиталистически организованного предприятия (кожевенное, свечное, мыловаренное производство). Второй путь подразумевал внедрение торгового капитала в промышленное производство, которое развивалось преимущественно в виде крупных мануфактур (бумажная, текстильная, стекольная и винокуренная отрасли). Оба пути развития сибирской промышленности в XVIII – первой половине XIX в. подтверждены и проиллюстрированы В.Н. Разгоном достаточно обширным и убедительным материалом³⁵⁶. Мы разделяем выводы этого автора о том, что промышленное производство определенным образом стабилизировало преимущественно торговое дело того или иного предпринимателя, предприятия были поставлены для обслуживания его торговых интересов и находились на низком уровне технической оснащенности.

³⁵¹ Котылов Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII – первой трети XIX в. // Города Сибири (управление, экономика и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974; *Его же*. Развитие капиталистических отношений в кожевенной промышленности Западной Сибири XVIII – первой трети XIX в. // Из истории Сибири. Вып. 17. Томск, 1975; Котылов, Д. Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск, 1969. С. 47–48.

³⁵² Рабинович Г.Х. Обрабатывающая промышленность Сибири и Дальнего Востока накануне проведения Транссибирской железнодорожной магистрали // Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1970; *Его же*. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. С. 85–118.

³⁵³ Рабинович Г.Х., Скубневский В.А. Буржуазия города Барнаула (1861 – середина 90-х гг. XIX в.) // Из истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1970; *Их же*. Буржуазия в обрабатывающей промышленности Сибири в конце XIX–1917 г. // Из истории Сибири. Вып. 17. Томск, 1975.

³⁵⁴ Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. 1917 г.). Томск, 1991; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001; Скубневский В.А. Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть 1: Население. Экономика. Барнаул, 2003.

³⁵⁵ Скубневский В.А. Некоторые аспекты специфики развития промышленной среды в сельской местности (из истории Иткульского спиртзавода) // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 232–236.

³⁵⁶ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. С. 511–610.

Серьезный вклад в изучение рассматриваемой проблематики внесли исследования Б.К. Андриященко, Г.А. Бочановой, М.А. Барсуковой, А.М. Мариупольского и некоторых других авторов, которые подвели итоги исследования обрабатывающей промышленности в XX в., дали ее общую и отраслевую характеристики, оценку ее эффективности и наметили перспективы ее развития³⁵⁷. На первый взгляд, кажется, что история обрабатывающей промышленности достаточно полно изучена и тема не имеет исследовательской перспективы, но это далеко не так. Горизонты исследовательских проблем могут существенно расширить применение современных методов исследования, увеличение источниковой базы, стремление изучать не только территориальное размещение отрасли в регионе, давать не только оценку ее эффективности с точки зрения экономики, но и социокультурную характеристику объекта исследования. Например, причинами возникновения и развития кожевенной промышленности в ряде сибирских городов было не только их удачное расположение между рынками сырья и сбыта продукции, обеспечение отрасли техническими и рабочими кадрами, но и активное внедрение в него капиталов купцов-старообрядцев. Они не могли напрямую выполнять государственные поставки и подряды в силу своей религиозной оппозиционности, избегали торговать прибыльными, но «греховными», по их убеждению, товарами (водка, вино, табак, кофе, сначала даже чай и т. д.) и предпочтение отдавали традиционным отраслям предпринимательства, прежде всего промышленному производству и промыслам. Дополнительным стимулом к выпуску разного рода кож, свечей, мыла, муки и круп был престиж имени или фирмы.

Владельцы купеческих капиталов Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. обратили свое внимание, прежде всего, на производства по обработке животных продуктов – кожевенное, салотопенное, мыловаренное и другие, что было обусловлено обилием дешевого сырья, а также большим спросом на кожевенные товары, прежде всего для затаривания тюков чая при транспортировке его из Кяхты через всю Сибирь на ярмарки и в Москву. С началом разработок в Сибири золота усилился спрос на выделанные кожи и изделия из них для нужд золотопромышленности. Топленое баранье сало было необходимо для поставок в Петербург для заграничной торговли и для местного производства свечей, мыла и других изделий. Для производства таких товаров в то время не нужно было сложного и дорогого оборудования. Весь инвентарь кожевенных заведений исчерпывался большим или меньшим количеством всевозможных емкостей (чанов), в которых обрабатывались кожи. Еще более примитивной была техника производства на салотопенных и мыловаренных заводах. Они располагались, как правило, на границе со степью, в Курганском и Ишимском округах, а также в крупных городах. Надо отметить также, что кожевенное, салотопенное и мыловаренное производство было одним комплексом по обработке животного сырья, и купец, закупая скот, должен был предусмотреть «безотходную» технологию его переработки и быть уверенным в последующей реализации произведенной им продукции. В связи с более тесными связями кожевенного производства с торговлей и большим вложением сюда купеческих капиталов рассмотрим процесс формирования западносибирского купечества на примере этой отрасли.

По развитию кожевенного дела в Западной Сибири лидирующее место занимала Тюмень. Среди тюменского купечества выделялись купцы, имевшие в 1791 г. не только торговые заведения, но и промышленные. Например, из 4 купцов второй гильдии 2 имели «кожевни» – 54-летний П.М. Башарин с четырьмя сыновьями и 60-летний С.И. Прасолов, у которого также было 4 взрослых сына с семьями, 4 дома и 3 кожевенных заведения. Среди купцов третьей гильдии кожевенным промыслом занимались Ф.Г. Быков, В.О. Барашков, Т.С. Барашков, 5 представителей рода Решетниковых, в семьях которых насчитывалось 27 членов, И.Д. Тонких, три брата Щетинных

³⁵⁷ Андриященко Б.К. *Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в.* // *Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма.* Новосибирск, 1980; Бочанова Г.А. *Обрабатывающая промышленность Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.).* Новосибирск, 1978; Барсукова М.А. *Мукомольная промышленность Урала и Западной Сибири второй половины XIX в.:* дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996; Мариупольский А.М. *Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.).* Барнаул, 2000.

и другие³⁵⁸. Тюменские купцы владели кожевенным производством в силу близости степной зоны юга Западной Сибири, где успешно занималось кочевым скотоводством коренное население степей. Русское население также имело там большое количество разного рода скота и лошадей. Обилие дешевого сырья было одной из причин вкладывания капиталов тюменских купцов в кожевенную промышленность. Сбыт произведенной продукции осуществлялся на горных заводах Урала, на местных ярмарках, большие партии выделанных кож закупали торговцы чаем, которые использовали их в качестве упаковочного материала.

Аналогичные обстоятельства являлись главными причинами развития кожевенного промысла в степном городке Тара. Здесь кожевенные заводы принадлежали купцам И.Ф. и С.Я. Нерпиным, Д.А. Пяткову, А.А. Носкову и некоторым другим. Тарские купцы были одними из лидеров в поставках в Кяхту юфтевых кож. В 1809 г. туда было поставлено 7613 кож, в 1817 г. – 7754, в 1848 г. – 4563 кожи. Во второй половине XIX в. кожевенным производством здесь занимались уже другие купцы: А. Айтыкин, Н. Лоскутов, А. Верещагина, Г. Носков, А. Медведчиков, Н. Машинский и другие. В год на каждом из предприятий выдывалось от 1,5 до 2 тыс. кож³⁵⁹. Для этого кроме емкостей для обработки кож требовалось, прежде всего, большое количество воды, извести, золы, соли, много дров, талового корья, которое заменяло дубовую кору, применявшуюся в Европейской России. Например, в описании кожевенного завода коммерции советницы К.Ф. Нерпиной говорится, что завод стоял в 5 верстах от Тары на небольшой речке и помещался в трех деревянных корпусах. Чанов зольных на заводе было 14, чанов дубных – 40, красильных котлов – 3. Рабочих нанималось 15–20 чел., и выдывалось 2,5 тыс. кож. Для обработки кож здесь каждый год закупалось 7 пуд. рыбьего жира, 175 пуд. осинового золы, 275 куб. сажень дров, 1450 пуд. извести, а также много ржаной муки, соли, талового корья и других средств очистки и обработки кож³⁶⁰. Заказы на эти средства давали возможность окрестным крестьянам заниматься промыслами по их заготовке и транспортировке на заводские дворы, а также получать дополнительный доход, сдавая сырые кожи забитого ими скота.

В дореформенном Томске ведущее место занимала также кожевенная промышленность. Выделанные кожи употреблялись здесь не только как материал для пошива обуви, спрос на которую вырос после начала работ на сибирских приисках, для изготовления конской упряжи и других хозяйственных поделок, но и как упаковочный материал при транзитных перевозках чая из Китая. Заведений для обработки кож было довольно много, но большинство из них были примитивны по своему устройству, малопроизводительны, и их оборудование стоило недорого. Например, в 1818 г. томский мещанин Иван Чайгин и отпущенник бывшего купца Полуянова Григорий Сучков взяли обязательство построить томскому мещанину Андрею Сидорову кожевенный завод с жилой избой и печкой за 158 руб.³⁶¹ Обязательным элементом кожевенного производства являлось большое количество всевозможных емкостей (чанов) для обработки кож, а чтобы их промывать и прополаскивать, нужно было много воды. Поэтому кожевенные заводы обязательно строили вблизи речек и озер.

Сначала кожевенные заводы принадлежали мещанам и крестьянам, но потом, с увеличением объемов производства и размеров прибыли, они переходили к купцам, или их владельцы сами вступали в купечество. Крупные торговцы передавали заказы на изготовление «черных юфтевых кож для Кяхтинской торговли» на определенных условиях. Так, 12 октября 1823 г. 4 томских мещанина обязывались выделать томским купцам М.А. Мыльникову и П.Ф. Серебренникову 1000 кож для чайной торговли с оплатой по 60 коп. за выделку лошадиной и 50 коп. за выделку бычьей кожи³⁶². Затем, в 1840-е гг., томские торговцы сами открывают довольно крупные предприятия по обработке кож. Михаил Шумилов и Иван Серебренников, владельцы самых крупных предприятий, специали-

³⁵⁸ *Обывательская книга г. Тюмени на 1787–1791 гг.* // Библиотека Тобольского губернского музея. ТМ КП № 12545. Л. 81–99.

³⁵⁹ *Жиров А.А.* Тарское купечество XVIII–XX вв. и развитие сибирской промышленности // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Омск, 1995. С. 124–125.

³⁶⁰ ТФГАТюмО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 45. Л. 17.

³⁶¹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 226. Л. 33.

³⁶² Там же. Д. 251. Л. 6–7.

зировались на производстве кож только для упаковки чая. Томские мещане Федор Кудрин, Андрей Сидоров, Афанасий Круглыхин, Алексей Колмогоров, Николай Кокшаров, Алексей Еренев и Яков Кутлин имели более широкий ассортимент своих изделий, обеспечивая подошвенной, яловой и хромовой кожей сапожников, сыромятной и черной юфтевой – шорников и экипажников, производя, конечно, и кожу для упаковки тюков с чаем³⁶³. Из числа этих мещан вышло несколько известных в Томске купцов.

Дела самого крупного в дореформенное время в Томске кожевенного заводчика М.И. Шумилова, совмещавшего торговлю с промышленностью, шли неплохо, о чем свидетельствует его купеческая карьера. По справке «купецкого старосты» Серебрякова, М.И. Шумилов с 1819 по 1824 гг. был в третьей гильдии томского купечества, с 1824 по 1839 гг. – во второй и с 1839 по 1841 гг. (время выдачи справки) – в первой гильдии. В ноябре 1841 г. в Томск пришел указ Правительствующего сената о возведении Михаила Ивановича с женою Анной Григорьевной в потомственные почетные граждане³⁶⁴. В 1840-е гг. завод Шумилова обрабатывал 5 тыс. кож и имел оборот 17500 руб. сер. В 1854 г. обороты его завода расширились, и на нем выделялось около 8 тыс. кож.

Особое место в кожевенном производстве Томска занимал завод почетного гражданина С.Е. Сосулина. На нем обрабатывали 3 тыс. кож на 10270 руб., причем ассортимент и качество продукции был выше, чем на остальных кожевенных заводах города. То же самое можно сказать о мыловаренном и салотопенном заводах Сосулина³⁶⁵. Откупа, а потом и золотопромышленность давали средства для более совершенного производства и для найма более квалифицированных мастеров, чем в других заведениях подобного профиля. Однако вскоре эти предприятия перешли в другие руки в связи с прекращением Сосулиными коммерческой деятельности в крае. Кроме этого, в середине XIX в. крупное кожевенное производство имели томские купцы третьей гильдии А. Еренев (оборот 3 тыс. руб. сер.) и М. Сапожников (6 тыс. руб. сер.).

В конце XIX в. ведущее место в кожевенном производстве продолжала занимать Тюмень. Главная роль здесь принадлежала местным купцам, которые, как правило, получали промышленные заведения по наследству. В Тюмени сложились целые купеческие династии, которые передавали свой семейный бизнес из поколения в поколение. Крупнейшими предприятиями по обработке кож в Западной Сибири являлись завод Ф.С. Колмогорова, производивший выделку кож на 300 тыс. руб. при 160 рабочих, а также заводы Е.И. Решетникова и А.П. Кочнева с производством на 120 тыс. руб. каждое. Заведение Колмогорова с полным основанием можно причислить к фабричному производству, так как здесь был установлен паровой двигатель в 30 л. с., и промывательные барабаны и насосы имели более совершенную конструкцию³⁶⁶. Продукция тюменских заводов высоко ценилась в Сибири и отмечалась наградами на российских торгово-промышленных выставках.

В Томске наследник А.Л. Еренева, И.А. Еренев, расширил и модернизировал производство, и в 1890-е гг. их завод, существовавший с 1823 г., выделял 9 тыс. кож на сумму 36 тыс. руб. при 20 рабочих. Это заведение при гораздо меньшем числе работников действовало почти так же эффективно, как более крупные предприятия томских купцов П.А. Бронникова (70 рабочих, 48 тыс. руб. оборота) и Я.А. Пермитина (40 рабочих и 38 тыс. руб. оборота). Кроме них еще одно кожевенное заведение в Томске имел в конце XIX в. купец Я.Е. Ульянов, получивший свое производство также по наследству³⁶⁷. Здесь обрабатывалось 1,5 тыс. кож на 8 тыс. руб. при 12 рабочих.

Надо сказать, что капиталы в западносибирском кожевенном производстве составлялись не только за счет организаторских, коммерческих и производственных талантов владельцев предприятий. Рабочие, трудившиеся на такого рода предприятиях, находились в очень тяже-

³⁶³ Там же. Ф. 3 Оп. 19. Д. 106. Л. 16.

³⁶⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 545. Л. 5.

³⁶⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3775. Л. 65–67.

³⁶⁶ ТФГАТюмО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 357. Л. 48.

³⁶⁷ *Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-Азиатских владений. Материалы для фабрично-заводской статистики / сост. П.А. Орлов. СПб., 1895. С. 193.*

лых условиях. Даже внедрение машин не намного облегчало их участь. В производственных помещениях, как отмечалось в газете, «воздух наполнен парами и миазмами до такой степени, что возбуждает тошноту и положительно невыносим для непривычного человека. Если учесть длину рабочего дня в 12–13 часов при довольно миниатюрном вознаграждении, рабочий вместе с потерей физических сил быстро теряет бодрость духа и запас нравственных сил, между тем как капиталы заводчиков быстро растут»³⁶⁸.

В статье М. Рылова «Кожевенное дело в Сибири и его будущее» подводятся итоги развития этой отрасли. По мнению автора, кожевенное производство до 50-х гг. XIX в. было сосредоточено в основном в Тюмени и заключалось в производстве «бродней для простонародного и приискового употребления». В 1870-е гг. производство кож в несколько раз увеличилось и достигло 1 млн кож ежегодно, причем сибирские кожи были на 20 % дешевле кож российского производства, но вывоз сибирской продукции в Европейскую Россию не был осуществлен, так как стоимость их перевозки была слишком высока³⁶⁹. Примитивность самого производства и слабая организация сбыта продукции обуславливали низкие темпы роста местной промышленности по обработке продуктов животноводства. Кроме этого, расширять производство купцам мешали отсутствие стабильности и регулярные кризисы в этой отрасли. Например, в середине 1880-х гг. произошел кризис в салотопенном производстве, продукция которого шла на изготовление салных свечей. Заводы этой отрасли встретили тогда «небывалую конкуренцию в лице нефтепромышленности, которая поставляет дешевые осветительные средства»³⁷⁰. В это же время произошло сокращение производства в других отраслях местной обрабатывающей промышленности, так как в начале 80-х гг. наблюдался небывалый подъем этих отраслей, получивших вследствие падежа скота в зиму 1879/80 г. огромное количество сырья³⁷¹.

Одной из особенностей формирования купеческих капиталов следует считать то обстоятельство, что в обрабатывающей промышленности, специализировавшейся на переработке продуктов животноводства, не произошло отделения торгового капитала от промышленного, и поэтому большинство заведений возникали не как самостоятельные предприятия, а как придаток к более крупному, в большинстве случаев торговому делу. Тем не менее обладание промышленным заведением придавало купеческим капиталам устойчивость, и, как правило, такие купцы чаще передавали свое дело наследникам, чем купцы, занимавшиеся только торговлей.

Особое место по размерам производства и уровню его организации занимало в Сибири винокурение. В дореформенный период почти все предприятия этой отрасли принадлежали государству, которое сдавало их в аренду откупщикам. До 1843 г. откупщикам дано было право самим строить и покупать заводы, но основным поставщиком вина в Сибири оставалось государство. В первой половине XIX в. винные откупа Западной Сибири обеспечивались вином в основном с Успенского казенного завода близ Тюмени и с Екатерининского казенного завода в Тарском округе Тобольской губернии³⁷². Откупная система того времени давала возможность скопить значительные капиталы не только самим откупщикам, но и многим из тех, кто занимался производством и реализацией вина. Управляющие винными откупами и специалисты-винокуры, сидельцы в винных лавках и трактирщики различными способами, легальными и противозаконными, концентрировали в своих руках средства, которые затем, в пореформенный период, пускались чаще всего в винокурение и виноторговлю. Многие из них стали известными в Западной Сибири купцами.

В середине XIX в. после введения модернизированной системы откупов – акцизно-откупного комиссионерства – винокуренные заводы стали сдаваться в аренду или продаваться частным лицам. Например, одно из крупных предприятий винокуренного производства Западной Сибири Керевский (Киреевский) винокуренный завод с 1854 г. арендовал губернский сек-

³⁶⁸ Восточное обозрение. 1884. 16 июля.

³⁶⁹ Восточное обозрение. 1885. 25 апр.

³⁷⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 153. Л. 6.

³⁷¹ Там же. Д. 15. Л. 36.

³⁷² Зинovieв В.П. Винные откупа в Западной Сибири. С. 40

ретарь Булашевич. В начале 1860 г. этот завод перешел во владение томскому первой гильдии купцу Борису Леонтьевичу (Берко Лейбовичу) Хотимскому, и в 1864 г. здесь производилось 790500 ведер спирта в полугаре на 580500 руб. при 150 рабочих³⁷³. Показательно, что до сдачи этого завода в аренду на нем содержалось в качестве рабочих до 850 ссыльно-каторжных, а размеры производства были в несколько раз меньше. Главным делом золотопромышленника, паромовладельца и крупного торговца Б.Л. Хотимского было винокурение и виноторговля. Наибольший размах его дела приобрели в 60-е гг. XIX в. Уже в 1860 г. он числился томским первой гильдии купцом с объявленным капиталом в 15 тыс. руб. сер. В 1877 г. он уже в списках томских купцов не значится, но винокурением и торговлей занимался его 54-летний брат Яков Лейбович, у которого в семье было зарегистрировано 6 сыновей (дочерей официальная статистика того времени иногда не фиксировала). Кроме этого, в его семье проживала 38-летняя Маремьяна Гиршевна Хотимская, у которой было 7 сыновей, и она, очевидно, была вдовой Б.Л. Хотимского³⁷⁴. В начале 1880-х гг. Хотимские обанкротились, и в 1882 г. была объявлена «распродажа имущества несостоятельного должника Я.Л. Хотимского и также несостоятельного должника Г.Я. Хотимского»³⁷⁵.

Переход от откупной продажи вина к акцизной, когда государством взималась определенная пошлина с произведенного и проданного вина (акциз), а разница между стоимостью проданного вина и акцизом присваивалась винозаводчиками и виноторговцами, привел к увеличению числа винокуренных заводов и, соответственно, увеличению числа купцов, занимавшихся винокурением. «Уничтожение винных откупов в Сибири, – писал сибирский публицист И. Левитов, – имело большое значение для развития винокуренного производства. Так, в 1867 г. в Сибири было 4 винокуренных завода... а в 1884 г. их стало 28, и государственный доход от продажи вина сильно увеличился»³⁷⁶.

По мнению А.М. Мариупольского, подтверждающего выводы И. Левитова, акцизная реформа дала не только блестящий результат в увеличении доходов государства от винокурения и виноторговли, но и создала благоприятные условия для развития частной винокуренной промышленности и виноторговли³⁷⁷.

Одними из главных стимулов расширения винокуренного производства были довольно обширный рынок сбыта продукции и самые высокие среди всех отраслей предпринимательства прибыли. По подсчетам С.И. Гулишамбарова, на каждого человека в Западной Сибири в начале 1890-х гг. приходилась 1/3 часть ведра произведенной здесь водки, что было, по мнению автора, явно недостаточно, и этот недостаток пополнялся привозом спирта из восточных губерний Европейской России³⁷⁸.

Перечисленные обстоятельства обеспечивали винозаводчикам высокую прибыль, что в свою очередь вызывало среди них острую конкуренцию. К.А. Колокольников, непосредственно наблюдавший развитие винокурения в крае, писал: «Выход в винозаводчики был весьма затруднителен. Кроме значительного капитала, необходимого на приобретение завода и необходимого для него сырья, топлива и найма рабочей силы, нужно было преодолеть традиционные бюрократические рогадки, и вдобавок с начала 80-х гг. остро чувствовалась конкуренция»³⁷⁹. И. Левитов писал, что «доступ в эту область закрыт не только для мелкой сошки, но и крупные капиталисты не решаются заводить винокуренный завод, несмотря на все его доходы»³⁸⁰. По мнению К. Оланьона, в Западной Сибири винокуренные заводы дают их владельцам прекрасные доходы. «Конкуренция русских торговцев очень слабая, – писал он, – а чтобы от-

³⁷³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 492. Л. 172.

³⁷⁴ ГАТО. Ф. 196. Оп. 28. Д. 97. Л. 23; Ф. 233. Оп. 5. Д. 177. Л. 12.

³⁷⁵ *Сибирская газета*. 1882. 17 янв.

³⁷⁶ *Левитов И.* Путеводитель по Западной Сибири. М., 1884. С. 47.

³⁷⁷ *Мариупольский А.М.* Винокурение и виноторговля в Западной Сибири. С. 21.

³⁷⁸ *Гулишамбаров С.И.* Торговля, промышленность и пути сообщения в Сибири. СПб., 1893. С. 2; *Колокольников К.А.* Развитие винной монополии в Томской губернии с Семипалатинской областью. Томск, 1914. С. 14.

³⁷⁹ *Колокольников К.А.* Указ. соч. С. 23.

³⁸⁰ *Левитов И.* Сибирские коршуны. СПб., 1894. С. 7.

радить себя от местной конкуренции, владельцы винокуренных заводов устраивали небольшие синдикаты с целью поддержания цен на водку»³⁸¹. В Сибири термин «синдикат» тогда не получил еще распространения, и союз винозаводчиков назывался винной стачкой – союзом производителей и торговцев спиртными напитками с целью устранения конкурентов различными способами. Самым распространенным из них было резкое снижение цен на водку и разорение через это мелких и средних заводчиков и торговцев, а затем, оставшись монополистами, купцы-монополисты резко повышали цены на спиртные напитки. Первое соглашение западносибирских винозаводчиков, которые одновременно являлись крупными виноторговцами, было заключено между отставным чиновником А. Поклевским-Козелл, почетным гражданином М. Корчемкиным и омским купцом В. Кузнецовым. В 1865 г. они смогли сконцентрировать в своих руках более 70 % всей виноторговли Тобольской губернии.

Позднее, в 1880-е гг., была заключена подобная стачка между томскими винозаводчиками, которая, по словам мемуариста, «наделала много шума даже в столичных кругах»³⁸². Суть этой стачки прояснилась на судебном процессе, когда владельцы винокуренных заводов заявили, что они «ограждали свои интересы и коммерческие выгоды»³⁸³. Томский губернский суд приговорил 13 винозаводчиков к содержанию под арестом от трех недель до шести месяцев³⁸⁴. Местные власти способствовали ввозу спирта из Европейской России, пытались помочь в строительстве новых винокуренных заводов. Так, в 1887 г. томский губернатор полагал, что «новые заводы нужно открывать в самом непродолжительном времени для противодействия стачке томских винокуренных заводчиков, так как повышение цен на вино приводит к уменьшению акцизного сбора и неисправности населения в платеже казенных податей»³⁸⁵.

Вмешательство государства и местных властей в дела винозаводчиков не спасало их от внутренних конфликтов, которые они старались погасить без огласки, «полюбовно». Однако в некоторых случаях приходилось прибегать к помощи суда. Так, в декабре 1864 г. Б.Л. Хотимский продал барнаульскому купцу И.Г. Малькову до 22 тыс. ведер спирта в полугаре (ведро вмещало 30 фунтов чистой воды, а фунт весил 409,5 г, что в сумме давало 12,285 л; «полугар» – неочищенный и наполовину обезвоженный спирт). Мальков должен был заплатить за каждое опущенное в Барнауле ведро 2 руб. 90 коп., в Бийске – 3 руб. 5 коп. Однако управляющий винным складом Хотимского в Барнауле Крутых стал требовать по 3 руб. 50 коп. за ведро. Мальков подал в суд, так как вдобавок Хотимский отказал ему в обещанном кредите в 3 тыс. руб. Томский губернский суд отменил повышение цен на вино и выплату неустойки (штрафа за нарушение условий контракта) Мальковым Хотимскому за задержку в продаже водки³⁸⁶.

Как позже писала «Сибирская газета», по расчетам знающих винокуров при дешевом сибирском хлебе (35 коп. за пуд) и при выкурке (производстве) вина больше одного ведра с пуда хлеба, при низком качестве водки, когда на морозе в ней образуются шарики или колобки, так называемое колобковое вино, прибыль заводчика без натяжки составляла по 3 руб. с ведра³⁸⁷. За эту-то высокую прибыль между винозаводчиками шла острая борьба. Например, в 1889 г. обострились отношения между томскими винокурами Андреем Пастуховым и Павлом Казанцевым. Пастухов через своего доверенного Михальского, дворянина, хотел взыскать с Казанцева 18258 руб. Тот же, в свою очередь, доказывал, что Пастухов захватил у него вклад в совместной компании на 28500 руб. Губернский суд нашел, что сумма вклада Казанцева вполне достаточна для того, чтобы отказать доверенному А. Пастухова в признании П.И. Казанцева несостоятельным должником. Однако дела Казанцева, который ранее был томским первой гильдии купцом, вскоре в самом деле стали плохи, и он вынужден был распорядиться со всем своим имуществом.

³⁸¹ Оланын К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1904. С. 232.

³⁸² Ауэрбах А.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1906. № 12. С. 833.

³⁸³ Сибирская газета. 1888. 16 июня.

³⁸⁴ Восточное обозрение. 1888. 13 ноября.

³⁸⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2665. Л. 1–2.

³⁸⁶ Там же. Ф. 21. Оп. 2. Д. 210. Л. 145.

³⁸⁷ Сибирская газета. 1888. 15 июля.

Последними были проданы земельный участок со строениями у Дальнего ключа за 13400 руб. в пользу ростовщика В.Е. Ельдештейна и кожевенный завод³⁸⁸.

К этому времени А.Н. Пастухов уже умер, и делами занималась его вдова Ф.С. Пастухова. Сам он, как и некоторые другие томские купцы, начинал трудовую жизнь простым возчиком, затем стал заниматься предпринимательством в различных отраслях местного хозяйства, главными из которых были винокурение и виноторговля. А.Н. Пастухов умер в августе 1892 г., став жертвой эпидемии холеры. «Сибирский вестник» в некрологе осторожно отмечал, что «в лице покойного умер представитель старого купеческого оригинального Томска, что А.Н. был крупной силой в общественной городской жизни и среди некоторых специальных торговых кружков»³⁸⁹.

Судя по некрологам А.Н. Пастухову, Е.И. Королеву и другим винозаводчикам, отношение к ним в крае было недружелюбным и даже неприязненным. В Западной Сибири еще сильны были традиции негативного отношения к откупщикам, которых называли «пиявками», «винными бочками» и другими обидными для них прозвищами. Среди них был Василий Никифорович Вытнов, отец которого, Никифор Леонтьевич, был вязниковским купцом и в 1838 г. в возрасте 57 лет был приписан в томское купечество вместе со своими тремя взрослыми сыновьями³⁹⁰. С 1880 г. В.Н. Вытнов владел в Томском округе большим винокуренным заводом, где трудилось 30 рабочих и вырабатывалось продукции на 300 тыс. руб. По объемам производства его превосходил только А.Н. Пастухов – 40 рабочих и 400 тыс. руб. стоила выпущенная на его заводе продукция³⁹¹.

Деятельность западносибирских купцов в винокурении была связана с массовой скупкой хлеба. В результате цены на хлеб росли, что также было одной из причин недовольства населения винозаводчиками. Хорошо понимающая это местная администрация докладывала в Петербург: «Несмотря на неурожай и повышение цен на хлеб, винокуренные заводы не только не сократили своего производства, но даже значительно его увеличили, еще более повысив цены на хлеб»³⁹². Таким образом, винокуры, делая большие или меньшие закупки хлеба, в зависимости от потребности своего производства, отрицательным образом влияли на состояние хлебного рынка в регионе. Как сообщалось в отчете томского губернатора за 1880 г., «в неурожайные годы винокуренные заводы становятся истинным злом для населения, возвышая и без того высокие цены на хлеб и лишая тем бедных возможности приобретать его соразмерно своим средствам»³⁹³.

В современной литературе существует и иная точка зрения на роль купцов-винозаводчиков в формировании рыночных отношений в хлеботорговле. Например, А.М. Мариупольский считает, что деятельность винозаводчиков являлась положительным фактором в развитии товарного земледелия, в процессе первоначального накопления капитала, а иногда владельцы винокуренных заводов в голодные годы продавали хлеб населению. Без сомнения, винозаводчики, как и большинство купцов, занимались благотворительностью. На наш взгляд, именно с благотворительными целями они могли жертвовать продовольствие голодающим или перечислять средства жертвам пожаров и наводнений. Однако продавать сырье своих предприятий в больших количествах и подвергать риску свое производство они не могли. Наоборот, винозаводчики часто шли на обман крестьян, чтобы скупать у них хлеб подешевле, и разными способами сбивали на него цену. Одним из таких способов было объявление о высокой закупочной цене хлеба на своих заводах, которая была выше базарной, а затем, затянув с приемкой до окончания торговли на базаре, объявить его «зяблым», то есть некачественным, и заплатить крестьянам намного ниже базарной цены³⁹⁴.

³⁸⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2843. Л. 1–7, 46.

³⁸⁹ *Сибирский вестник*. 1992. 12 авг.

³⁹⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1735. Л. 25.

³⁹¹ *Указатель фабрик и заводов окраин России* ... С. 205.

³⁹² *Памятная книжка Томской губернии на 1885 г.* Томск, 1885. С. 101.

³⁹³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 361. Л. 45.

³⁹⁴ *Сибирская газета*. 1884. 17 янв.

Для покрытия издержек далеко не совершенного производства, в целях всемерного увеличения прибыли в винокурении Западной Сибири и в отдельных ее регионах применялись отсталые методы эксплуатации наемного труда, выразившиеся в ненормированном рабочем дне, низкой заработной плате и т. д. Вдобавок ко всему тяжелыми были условия труда на самом производстве: «Воздух был насыщен испарениями производства, что неблагоприятно отражается на здоровье рабочих в заводе: бледные и испитые лица их свидетельствуют об этом»³⁹⁵. Нередки были там случаи травматизма. Например, весной 1883 г. поступило в городскую больницу несколько больных с телесными повреждениями, полученными при работах на заводе Фуксмана³⁹⁶.

В целом винокурение играло в экономике края видную роль. В этой отрасли было проведено внедрение машин в производство раньше, чем в других отраслях, и в 70–80-е гг. здесь начался переход от мануфактуры к фабрике. Г.А. Бочанова пришла к убедительному, на наш взгляд, выводу о завершении в основных чертах промышленного переворота в винокурении Западной Сибири до окончания строительства Транссибирской железнодорожной магистрали³⁹⁷. Большинство предприятий этой отрасли было оснащено к началу 1890-х гг. паровыми двигателями, число рабочих на каждом из предприятий превышало 15 чел., что позволяет отнести 13 из 20 постоянно действующих винокуренных заведений к заведениям фабрично-заводского типа. По этому признаку многие винозаводчики Западной Сибири являлись представителями промышленного капитала, так как большая часть их капиталов была вложена в промышленность, прежде всего в винокурение. Среди них выделялись размерами своего годового оборота капиталисты И.К. Платонов и Е.И. Судовская на Алтае (450–500 тыс. руб.), братья Ерофеевы в Каинском округе (300–380 тыс. руб.), А.Н. Пастухов в Томске (400–500 тыс. руб.), Н.М. Давыдовская в Тарском округе (600 тыс. руб.), наследники А.Ф. Поклевского-Козелл в Ялуторовском округе (700 тыс. руб.) и некоторые другие. Однако полного отделения промышленного капитала от торгового здесь не произошло: большинство винозаводчиков занимались виноторговлей, так как не могли отказаться от всех выгод совмещения производства и торговли. Высокая прибыльность такого рода предпринимательства привлекала сюда многих коммерсантов, часть которых разорялась и выбывала из купечества, но находились новые дельцы, надеявшиеся выйти в водочные тузы своего края. В 1890 г. в Западной Сибири их было около двух десятков, и это был пик развития частного винокурения в крае (табл. 12).

Таблица 12

Винозаводчики Западной Сибири в начале 1890-х гг.³⁹⁸

№ п/п	Владелец завода	Происхождение	Место и год основания	Произв. спирта (тыс. ведер)	Произв. спирта (тыс. руб.)	Число рабочих	Пар. машины (кол-во)	Пар. машины (лошад. сил)
1	И.К. Платонов, Е.И. Судовская	Дворян.	Бийский о., 1868	390	468	52	2	21
2	Е.И. Королев	Купеч.	Мариинский о., 1867	45	60	41	1	10
3	П.Н. Чердынцев	Купеч.	Мариинский о., 1881	73	90	60	–	–
4	А.К. Сотников	Купеч.	Мариинский о., 1879	59	77	20	–	–

³⁹⁵ Колокольников К.А. Указ. соч. С. 23.³⁹⁶ Сибирская газета. 1883. 17 апр.³⁹⁷ Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1978. С. 152.³⁹⁸ Таблица составлена по карточкам учета фабричной промышленности Министерства финансов России начала 1890-х гг., хранящимся в архивах: РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 230. Л. 296–310. 329–336; ТФ ГАТюМО. Ф. 417. Оп. 1. Д. 355. Л. 1–16; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1290. Л. 13–24; ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 711. Л. 4–5.

Окончание табл. 12

№ п/п	Владелец завода	Происхождение	Место и год основания	Произв. спирта (тыс. ведер)	Произв. спирта (тыс. руб.)	Число рабочих	Пар. машины (кол-во)	Пар. машины (лошад. сил)
5	И.В. Шкряев	Купеч.	Каинский о., 1879	114	143	57	1	2
6	Бр. Ерофеевы	Купеч.	Каинский о., 1890	265	318	32	3	16
7	Л.А. Севастьянов	Купеч.	Каинский о., 1888	190	230	34	2	9
8	Е.И. Королев, П.Н. Кайманович	Купеч.	Томский о., 1880	200	235	35	2	14
9	В.Н. Выгнов	Купеч.	12 верст от Томска, 1869	250	300	30	1	20
10	А.Н. Пастухов	Купеч.	10 верст от Томска, 1890	340	400	40	1	15
11	А.А. Андроновский	Дворян.	г. Томск, 1862	60	74	15	–	–
12	Н.М. Давыдовская	Дворян.	Тарский о., 1879	479	590	90	2	26
13	Д.И. Смолин	Купеч.	г. Курган, 1866	250	315	70	1	9
14	А.И. Щербаков	Потом. почет. гражд.	г. Тара, 1879	295	365	46	1	7
15	Бр. Злоказовы	Купеч.	Ялуторовский о., 1863	227	275	85	1	15
16	А.Ф. Поклевского-Козели наследники	Дворян.	Ялуторовский о., 1866	512	620	93	3	25
17	А.А. Сыромятников	Купеч.	г. Тобольск, 1883	100	115	45	–	–
18	А.И. Фишер	Купеч.	Тюкалинский о., 1876	80	100	29	–	–
19	М.М. Манусевич	Купеч.	Тарский о.	168	208	68	–	–
20	И.В. Кузнецова наследники	Дворян.	г. Омск	60	75	80	–	–
	Итого по Зап. Сибири			4267	5158	1022	19	191

В отличие от винокурения мукомольное производство было доступно для широких слоев населения, прежде всего для крестьянства Западной Сибири: не нужно было больших капиталов для закупки оборудования и сырья. Анализ опросных листов о промышленных заведениях края показал, что их большинство (до 90 %) составляли мукомольни, и их хозяевами были кре-

стьяне, которые нанимали на сезон или держали постоянно 1–3 рабочих³⁹⁹. Эту характеристику подтверждает наблюдение К. Оланьона: «Мельницы большей частью небольшие, с жерновами, действующими от водяного привода. Вальцевых паровых мельниц очень мало. Посредственное достоинство разных сортов сибирской муки и в особенности их высокие цены часто затрудняют отправку ее в Европейскую Россию»⁴⁰⁰. Для предпринимательства в мукомольном деле характерна неразрывная связь большинства владельцев мельниц с традиционными крестьянскими занятиями земледелием и скотоводством. В таких случаях торговля становилась дополнительным и второстепенным занятием, и накопление капиталов для выхода в купечество замедлялось. Невысокое качество муки и незначительное ее количество, производимое на небольших мельницах, давало возможность их владельцам стать зажиточными крестьянами, но не богатыми гильдейскими купцами.

Крупные предприятия в мукомольном деле возникали в дореформенное время в Западной Сибири как дополнительные источники доходов купцов, основным занятием которых была торговля или винокурение. Среди них выделялась мельница торгового дома «Юклевский и Шерлаимов», основанная в 1854 г. и снабжавшая мукой золотые прииски Западной Сибири. Мельница принадлежала томским купцам и была долгое время самой крупной в регионе. Сопоставимы с ней по объемам производства были мельницы В.И. Федулова около Барнаула (раньше принадлежала купцу Щеголеву), отставного чиновника К.П. Платонова, Д.И. Смолина близ Кургана и В.Ф. Шветова в Курганском округе. В 1847 г. было основано мукомольное предприятие братьев Колмаковых, в 1858 г. – курганского купца Березина. Остальные крупные производства купцов Западной Сибири открылись позднее, уже в пореформенное время. В 1890-х гг. из 46 западносибирских мукомолен с производством не менее 5 тыс. руб. в год основано в дореформенное время было 6 (12,6 %). В основном же мукомольное дело здесь развивалось в пореформенный период, когда было основано большинство действовавших в то время производств. Многие из них были оборудованы паровыми машинами и по количеству рабочих относились к заведениям фабричного типа. Таких заведений среди 46 названных производств было 11, и они были оснащены 14 паровыми машинами мощностью 227 л. с.⁴⁰¹ Их владельцы, подобно винозаводчикам, поделили между собой сферы влияния в крае и пресекали попытки конкурентов открывать свои мельницы. В Томской губернии наиболее крупные из них принадлежали купцам Пастухову, Фуксману, Богомолу и Валгусову, в Тобольской губернии – братьям Колмаковым, Березину, Смолину, Волчихину, которые также принадлежали к купеческому сословию. Все владельцы крупных мукомольных предприятий, кроме действительного статского советника А.Ф. Поклевского-Козелл и отставного коллежского советника К.П. Платонова, принадлежали к западносибирскому купечеству. Эти данные подтверждаются подсчетами М.А. Барсуковой по урало-сибирскому региону, где 92 % владельцев крупных мельниц были купцами. За пореформенный период, с 1865 по 1897 гг., мукомольное производство в этом регионе увеличилось почти в 20 раз, концентрация капиталов на отдельных производствах увеличилась почти в 3 раза, а доля западносибирских мельниц во всей российской мукомольной промышленности была чуть больше 1 %⁴⁰².

Тем не менее в структуре западносибирской обрабатывающей промышленности мукомольное производство занимало ведущие позиции: в Томской губернии оно было на втором месте после винокурения, а в Тобольской губернии в конце XIX в. выдвинулось на первое место. Отметим высокую прибыльность мукомольного дела в Сибири: в 1885 г. 9 наиболее крупных предприятий этой отрасли давали 14,8 % прибыли при среднем проценте прибыльности во всей промышленности региона 9,3⁴⁰³.

³⁹⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 230. Л. 1–420.

⁴⁰⁰ Оланьон К. Указ. соч. С. 233.

⁴⁰¹ РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 229. Л. 8–16; Д. 254. Л. 240–257.

⁴⁰² Барсукова М.А. Мукомольная промышленность Урала и Западной Сибири во второй половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. С. 15, 17.

⁴⁰³ Статистические результаты раскладочного сбора за 1885 г. СПб., 1887. С. 261, 263.

В Томске выделялась размерами своего производства (53 тыс. руб.), большим количеством рабочих (35 чел.) и мощной паровой машиной мельница И.Л. Фуксмана. Но если сравнить концентрацию производства в мукомольном и винокуренном деле, то, несмотря на большую энергооборуженность, мукомольное производство уступало винокурению. Мельницы с производством свыше 100 тыс. руб., владельцев которых можно было на всех основаниях отнести к крупной буржуазии, были только у В. Колмакова в Ялуторовском округе (2 по 100 и 110 тыс. руб.), у А.И. Текутьева в Тюмени (115 тыс. руб.), А.Д. Родюкова в Томском округе (100 и 111 тыс. руб.) и у томского купца первой гильдии В.А. Горохова, который имел постоянное место жительства в Колывани и у которого была самая крупная в Западной Сибири мельница в Бердске (159 тыс. руб. годового оборота)⁴⁰⁴.

Отметим также, что многие мельницы принадлежали частью крупным торговцам, частью винозаводчикам, которые сами производили широкую торговлю, то есть отделения промышленного капитала от торгового в этой отрасли промышленности не произошло. Однако, несмотря на это, мукомольное дело в конце XIX в. приобрело достаточно зрелые формы фабричного производства. Прилив в эту сферу торгового капитала объясняется тем, что сырые материалы, в том числе хлеб в зерне, даже после первичной обработки давали более высокую прибыль.

В пореформенное время в Западной Сибири местные купцы являлись инициаторами многих отраслей, которые могли принести им прибыль. Например, благодаря их инициативной деятельности здесь зародилось и получило широкое распространение спичечное дело. Признанным центром спичечной промышленности стал Томск. Первыми учредителями спичечных заведений в Томске стали приехавшие из Европейской России вятский купец И.Е. Овечкин и М.А. Ворожцов, проходивший практику в качестве рабочего на спичечной фабрике в Польше⁴⁰⁵. Заведение Овечкина было расположено в четырех верстах от Томска на землях, арендованных у архиерейского дома на р. Киргизке. Основано оно было в 1866 г., и стоимость произведенной здесь продукции составляла 38–40 тыс. руб. при 116 рабочих (взрослых – 80 мужчин и 30 женщин и 6 малолетних мальчиков)⁴⁰⁶.

Заведение М.А. Ворожцова было основано в 1871 г. в дер. Семилужки Томского округа. Сумма его производства в начале 1890-х гг. была 66 тыс. руб., рабочих на фабрике насчитывалось 60 чел., и 20 чел. работало на фабриканта на стороне. Последние в основном строгами так называемую соломку (деревянную основу спичек) в домашних кустарных условиях⁴⁰⁷. Сухие данные официальных документов о спичечном производстве в Томске следует дополнить сведениями из других источников. Например, «Сибирская газета» в феврале 1888 г. писала, что на спичечной Ворожцовской фабрике зимой рабочих бывает 100–120 чел., летом – 50–60 чел. Зимой вырабатывают 100–110 ящиков спичек, летом – 50–55. Рабочий день длится 12 часов с перерывом на 1,5–2 часа. «Самая тяжелая и вредная работа, – пишет информированный корреспондент газеты, – в мокальной, где происходит обмакивание спичек в фосфор и серу. Человек, непривычный к атмосфере спичечных заводов, не может пробыть там более 2–3 дней. Плата за работу низкая, особенно для мальчиков 10–13 лет – по 15 коп. в день, рабочим – по 5 руб. в месяц. Нередки заболевания от отравления: зубы гниют и крошатся, гниют даже десны, кости становятся необыкновенно хрупкими, поэтому нередки изломы конечностей у рабочих. Доктор на фабрике не бывает... Хозяин на фабрику никогда не ходит один и без револьвера. Часты штрафы, нередко самые произвольные»⁴⁰⁸. Через год об этом же писала другая томская газета – «Сибирский вестник»: «На днях нам случайно удалось видеть двух несчастных, служивших на фабрике Ворожцова, но заболевших, а потому прогнанных

⁴⁰⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 254. Л. 14; Д. 417. Л. 2–3; Швецов, С.П. Частная обрабатывающая промышленность в Алтайском округе. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском крае. Барнаул, 1896. Т. 1. С. 113.

⁴⁰⁵ Чукалдин Н.М. Мои воспоминания. СПб., 1899. С. 32.

⁴⁰⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 919. Л. 2, 4, 9.

⁴⁰⁷ Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 77. Л. 65.

⁴⁰⁸ Сибирская газета. 1888. 14 февр.

оттуда. Вид эти люди имели ужасный: весь рот и челюсти их гниют, зараженные постоянным вдыханием фосфора»⁴⁰⁹.

Позднее, в 1887 г., была основана спичечная фабрика М. Минского в с. Иглаково Нелюбинской волости близ Томска. Предприниматель «испрашивал разрешение» открыть на арендованной у крестьянского общества земле на р. Ромашка устройства фабрики с числом рабочих в 12 чел. Однако уже в начале 1890-х гг. здесь трудилось 60 рабочих, которые производили продукции на 50 тыс. руб.⁴¹⁰

Торговля спичками приносила фабрикантам хорошие барыши, о чем свидетельствуют острая конкуренция в этом производстве и значительные суммы, которые они выплачивали за право начать производство и за последующую реализацию своей продукции. В газете «Восточное обозрение» в феврале 1890 г. сообщалось: «С установлением акциза на спички три томских фабриканта дают огромный доход казне, один Овечкин уплачивает акциза около 4 тысяч рублей, около 3 тысяч взимается с фабрики Ворожцова и около 1,4 тысячи от Минского»⁴¹¹.

По своей организационной форме томские заведения производства спичек были централизованной мануфактурой. Об этом свидетельствует наличие рабочих «на стороне», сведения о больших заготовках древесной соломки для томских фабрик у населения пригородных сел и деревень и в Богородской волости. Необходимый для производства фосфор приобретался в Перми на заводе Тупицына. В середине 1890-х гг. в спичечном производстве началось внедрение машин, что привело к вытеснению мануфактурного способа производства в этой отрасли и ее монополизации. По сведениям Н.М. Дмитриенко, к началу XX в. монополию на производство спичек в Томской губернии установила фирма «Е. Кухтерин и сыновья»⁴¹². Тяжелые и вредные условия труда существовали как на старых заведениях мануфактурного типа, так и на капиталистической фабрике. Более подробный и детальный их анализ возможен при специальном изучении этой проблемы, но общим местом здесь являлось равнодушие и безучастность фабрикантов к искаленным на их производстве рабочим.

Томский округ являлся основным, но не единственным местом по производству спичек. Однако другие заведения, расположенные в основном в Тобольске, имели кустарный характер и с появлением регулярного железнодорожного сообщения исчезли, так как не могли конкурировать с привозной продукцией спичечных фабрик.

В развитии суконного производства в Западной Сибири большую роль сыграли правительственные заказы. Местные купцы воспользовались этим обстоятельством для того, чтобы получить от государства кредиты и построить на эти средства суконные фабрики. Грубое и малоценное сукно для одежды солдат и арестантов было невыгодно везти из Европейской России. Поэтому в 1865 г. в Тюменском округе была основана первая в регионе частная суконная фабрика, учредителями которой стали купцы А.П. Корякин и П.А. Андреев. Позднее они образовали крупную торгово-промышленную фирму «Корякин и Андреев», снабжавшую золотые прииски всем необходимым. Одно из отделений этой фирмы находилось в Томске и было лидером в торговле приисковым товаром. В начале 1890-х гг. их фабрика производила 162 тыс. аршин сукна⁴¹³. Сын П.А. Андреева, крупный тюменский ростовщик Я.П. Андреев, в 1880 г. основал в Туринском округе другую суконную фабрику, производящую примерно столько же сукна, но лучшего качества. Фабрика была оснащена двумя паровыми машинами мощностью в 30 и 50 л. с., приводивших в движение соответственно 65 и 75 ткацких станков. Стоимость произведенной продукции в начале 1890-х гг. составляла на обеих фабриках 250 тыс. руб., занято на них было свыше 500 рабочих⁴¹⁴.

⁴⁰⁹ *Сибирский вестник*. 1889. 1 марта.

⁴¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2647. Л. 9–14; Указатель фабрик и заводов окраин России ... С. 209.

⁴¹¹ *Восточное обозрение*. 1890. 2 февр.

⁴¹² *Дмитриенко Н.М.* Промышленность Томска в эпоху капитализма ... С. 79.

⁴¹³ РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 233. Л. 13.

⁴¹⁴ *Указатель фабрик и заводов окраин России* ... С. 183.

Кроме этого, в дер. Аникино на р. Басандайке близ Томска в конце 1880-х гг. была основана суконная фабрика И.И. Колосова, который брал крупные подряды по поставке сукна и которому выгоднее было производить его на месте, чем везти из Европейской России. Фабрика Колосова была оборудована 40 ткацкими станками, для работы на них было выписано из центральных губерний до 100 рабочих-ткачей, а всего же на фабрике работало до 200 человек, которые производили 200 тыс. аршин сукна стоимостью около 100 тыс. руб. По материалам газеты, хозяин фабрики получал прекрасные доходы, но работала она недолго, так как сгорела⁴¹⁵. Игнатий Иванович Колосов был известен в Томске как крупный торговец приисковым товаром и владелец самых крупных в городе предприятий в свечносальной и мыловаренной промышленности. Он был крупным жертвователем на нужды Томского реального училища и входил в десятку самых крупных томских и иногородних фирм и частных лиц (занимал 9-е место по размерам выплачиваемого в казну дополнительного денежного сбора)⁴¹⁶.

Кроме перечисленных выше, к крупнейшим предприятиям фабричного типа относились писчебумажная фабрика, учрежденная А. Щербаковым, П. Смолиным и Р. Айтыкиным в Тобольской губернии (5 паровых машин мощностью 169 л. с., выпускалось бумаги на 219 тыс. руб. при 294 рабочих), на Алтае к таким заведениям относился содовый завод Ю. Пранга (57 рабочих, 54 тыс. руб. оборота, паровая машина мощностью 4 л. с.), стекольный завод Платонова и Айдаровой и некоторые другие⁴¹⁷.

В пореформенный период на купеческих предприятиях происходило интенсивное внедрение в производство машин: если в 1865 г. по всей Сибири было 6 паровых двигателей, то в 1895 г. Их стало 97, а их мощность увеличилась в 30 раз, что во многом определило увеличение доли фабричного производства с 3–4 % в 1865 г. до 30–33 % в 1895 г. Однако многие предприятия по уровню своего развития находились на переходном этапе от мануфактуры к фабрике. В экономике Сибири они составляли почти 30 % всех предприятий, давали около 50 % всей суммы производства, и на них было занято не менее 55 % рабочих⁴¹⁸.

Большинство этих предприятий принадлежало западносибирскому купечеству, что указывает на прогрессивный характер предпринимательской деятельности купцов в области обрабатывающей промышленности, так как они привлекали на свои предприятия разного рода специалистов для обслуживания внедряемых в производство машин, смело применяли новые производственные технологии, шли на большие расходы, связанные с модернизацией производства. Доля купеческих капиталов в обрабатывающей промышленности в изучаемый период была непостоянной и колебалась от 2–4 % в конце XVIII – начале XIX в. до 6–8 % всех региональных купеческих капиталов во второй половине XIX в. Такой количественный рост был связан с увеличением доходности промышленного производства, изменением политики правительства в отношении купеческого предпринимательства в области промышленности, стремлением купцов увеличить свои прибыли в торговле за счет произведенной на своих предприятиях продукции. Качественные изменения предпринимательства в обрабатывающей промышленности был обусловлен процессами модернизации самого производства. Здесь шло постепенное внедрение новой техники, происходила сильная концентрация производства в руках крупнейшего купечества. Такие процессы активно влияли на формирование у купцов многих качеств капиталиста, они вынуждали их отказываться от традиционного купеческого мышления и заставляли вкладывать свои капиталы не только в торговлю, которая давала быструю и ненадежную прибыль, но и в промышленность, которая придавала стабильность семейному делу.

Значительная часть капиталов западносибирского купечества сформировалась или заметно увеличила свои капиталы в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. По прибли-

⁴¹⁵ *Восточное обозрение*. 1892. 5 апр.

⁴¹⁶ *Сибирский вестник*. 1889. 17 марта.

⁴¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 280. Л. 6; *Левитов И.* Сибирские коршуны ... С. 45–46; Алтай. Историко-статистический сборник ... С. 113.

⁴¹⁸ *Андрющенко Б.К.* Обрабатывающая промышленность Сибири второй половины XIX в. // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск. 1980. С. 39.

зительным подсчетам здесь в разные периоды функционировало от 7 до 10 % всех местных капиталов. В свою очередь, в золотопромышленность, которая составляла основу горнодобывающей промышленности, было вложено 3–4 % западносибирских купеческих капиталов, а в обрабатывающую промышленность – 4–6 % капиталов местного купечества.

Таким образом, в промышленности Западной Сибири шел активный процесс первоначального накопления капиталов. Этот процесс имел ряд особенностей. Ведущую роль в промышленном производстве региона играли мануфактура и формы промышленного производства, находящиеся на переходной стадии от мануфактуры к фабрике. Это говорит о более позднем, чем в Европейской России, начале промышленного переворота. Внедрение капиталистических отношений в промышленность региона шло неравномерно в разных отраслях, и наблюдалась тенденция экстенсивного пути ее развития, то есть развития главным образом вширь через увеличение количества промышленных заведений и в меньшей степени вглубь, через усовершенствование и концентрацию производства. Только в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности региона (винокурение и мукомольное производство) к середине 90-х гг. XIX в. промышленный переворот был в основном завершен, и была достигнута довольно высокая концентрация производства в руках узкого круга купцов-капиталистов. В других отраслях наблюдалось только спорадическое применение машин, фабрики были редки. Во второй половине XIX в. в Западной Сибири не произошло еще полного отделения торгового капитала от промышленного, и предпринимательство носило комплексный характер. С одной стороны, местные купцы-предприниматели стремились застраховать себя от непредвиденных случайностей и компенсировать убытки на одном предприятии прибылями на другом, а, с другой стороны, промышленное производство носило зачастую характер вспомогательного дела при основном занятии – торговле или, что было гораздо реже, транспортировке грузов.

№ 16. Р. Обь. Пристань пароходства Е. И. Мельникова.

4. Роль транспорта Западной Сибири в формировании местного купечества

4.1. Сухопутный транспорт и купечество Западной Сибири

История создания и функционирования системы сухопутного транспорта в Сибири, определение в этом процессе роли местного и российского иногороднего купечества давно интересовали исследователей. Среди тех, кто со знанием дела писал об этом, выделим П.А. Словцова, который на основе обширных архивных материалов и собственных наблюдений написал историю создания Сибирского тракта и освоения прилегающих к нему территорий, большое внимание уделил устройству путей сообщения и способам транспортировки по ним грузов. Экономические функции сибирских трактов Словцов тесно увязывал с политикой правительства по колонизации окраин, расселению в притрактных селах крестьян и ссыльных для обслуживания сначала «почтовой гоньбы», а затем и «обозной ямщины». Отметим, что для первой половины XIX века, современником которого был автор знаменитого «Исторического обозрения Сибири», не нашлось столь убедительных материалов, как при описании пешествующих веков⁴¹⁹.

Аскетичный, весь погруженный в свои научные занятия П.А. Словцов, занимавший важные административные должности в системе народного просвещения, отразил в своих трудах окружающую его жизнь, в том числе и состояние путей сообщения, которыми он, несомненно, пользовался. Примерно в это же время в Сибирь был сослан Ипполит Ирinarхович Завалишин, младший брат декабриста Дмитрия Завалишина. Его деятельность была противоречива и вызвала разные отклики у современников. Неумная энергия и жажда славы и богатства заставляла его писать доносы и организовывать провокации, за что он терпел презрение от ссыльных декабристов и близких им по убеждениям деятелей, а за ложные доносы ссылался в Сибирь. Находясь постоянно в разъездах «по своей и казенной надобности», И. Завалишин составил отчасти путевые заметки, отчасти воспоминания о сибирских дорогах, селениях и городах Сибири, занятиях и образе жизни сибиряков. Такие бытовые зарисовки были в середине XIX в. популярны, пользовались спросом и довольно широко издавались. Наряду с известными очерками бытописателя С.В. Максимова, путешественников Д. Кеннана, Руссель-Килуги, И. Левитова, К. Оланьона, К. Гаге и Г. Тегнера, описание Западной Сибири И. Завалишина представляет собой ценный источник и одновременно исторический труд, так как содержит вполне научные выводы по истории освоения края в XIX в., истории складывания и развития здесь системы хозяйственных связей, водных и сухопутных путей сообщения⁴²⁰.

Во второй половине XIX – начале XX в. к теме развития в Сибири сухопутных путей сообщения обращались Д.Н. Беликов, П.Н. Буцинский, П.М. Головачев, которые обратили внимание на историю становления Сибирского тракта, писали о заселении и обустройстве притрактных территорий, выделении ямщиков и возчиков в отдельную категорию жителей Сибири⁴²¹. По главному Сибирскому и прилегающим к нему второстепенным трактам на всем протяжении изучаемого периода тянулись обозы крупных сибирских предпринимателей. Сначала это были поставщики соли и хлеба, свинца и пороха, других стратегических товаров, которые перевозили по соответствующим подрядам купцы, заключавшие договоры с местными властями, винные откупщики и в меньшей степени купцы со своими товарами. В последующем соотношение частных и казенных грузов менялось в пользу первых, купцы перевозили в большей степени свои товары, выполняли заказы на перевозки грузов других предпринимателей, в то время как откупные и подрядные операции уходили в прошлое.

⁴¹⁹ Словцов П.А. Историческое описание Сибири. Кн. 1–2. СПб., 1886.

⁴²⁰ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. Тобольская губерния. Т. 2. Томская губерния. М. 1862; Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906; Левитов И.С. От Москвы до Томска // Русская мысль. 1883. Кн. 7. С. 1–30; Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1904; Гаге К., Тегнер Г. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью // Записки Зап. Сиб. Отдела Император. Географич. об-ва. Кн. IV. Омск, 1882. С. 1–36; Руссель-Килуга. Через Сибирь в Австралию и Индию. СПб., 1875.

⁴²¹ Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края // Научные очерки томского края. Томск, 1898; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889; Головачев П.М. Пути сообщения Сибири XVI и XVII веков. Тобольск, 1893; Его же. Сибирь. М. 1902.

Не имея возможности подробно рассмотреть историографию проблемы, остановимся на наиболее интересных и полезных для избранной темы работах. В 60–80-е гг. прошлого века появились работы по истории формирования сибирских трактов в систему. Для Западной Сибири в большей степени полезны работы Ф.С. Кузнецовой (Кузьминой), А.Д. Колесникова, Н.А. Миненко, Н.Ф. Емельянова и некоторых других авторов⁴²². Обобщающим результатом этих исследований стало издание многотомных капитальных трудов «История Сибири», «История крестьянства Сибири», «История рабочего класса Сибири». Во втором томе «Истории Сибири» большое внимание уделяется развитию торговли и транспорта в дореформенной Сибири, развитию извозного промысла, появлению первых артелей по перевозке грузов. В третьем томе рассматривается проблема вовлечения притрактового населения в товарно-денежные отношения, развитие в городах и селах кузнечного, шорного, санного, тележного и других сопутствующих ремесел. Во многом такая точка зрения преувеличивала степень расслоения крестьянства и отрыв крестьян от земледелия ради извоза, но эта позиция была следствием пока еще слабой изученности хозяйственной истории края. В последнее время многие работы затрагивают тему, связанную с ролью транспорта в экономике Сибири. Например, В.П. Зиновьев в одной из своих статей насчитал 37 гужевых трактов, связывающих основные центры Сибири и Урала, значение которых трудно переоценить в формировании рыночных отношений, а в другой работе совместно с Н.М. Дмитриенко проследил судьбу одного из крупных извозопромышленников края Е.И. Кухтерина и его сыновей⁴²³.

Наиболее полно и убедительно показал историю возникновения и содержания Московско-Сибирского тракта, влияние его на социально-экономические процессы и образ жизни сибиряков известный историк О.Н. Катионов. В его многочисленных статьях, учебных пособиях, монографии, собранных и изданных им картах, чертежах и рисунках, посвященных Сибирскому тракту, достаточно объективно и выпукло нарисована достоверная картина этой важной составляющей не только сибирской, но и российской жизни. Наибольший интерес вызывает глава, посвященная социальным и хозяйственным процессам в зоне влияния тракта и элементам материальной культуры притрактовых жителей в XIX в. В центре внимания О.Н. Катионова оказались и вопросы, связанные с предпринимательской деятельностью главных организаторов и заказчиков транспортировки грузов по тракту – купцов и купеческих фирм⁴²⁴. Тем не менее тема перевозки грузов и пассажиров настолько обширна, что ни в коей мере не может претендовать на исчерпывающую полноту изучения в современных работах. В этой связи читателям предлагается свое видение этой проблемы на основе малоизвестного, большей частью архивного, материала по истории сухопутной, водной и смешанной транспортировки грузов по Сибири.

На всем протяжении изучаемого периода сибирский транспорт являлся важной сферой приложения местных купеческих капиталов. Для сибирских купцов роль транспорта была особенно значима ввиду окраинного положения Сибири и удаленности ее от промышленных центров. Значение путей сообщения в крае повышалось и в связи с тем, что до конца XIX в. видную роль играли ярмарки, куда купцам надо было завозить, а потом вывозить огромные массы товаров. Во все времена торговец был заинтересован, чтобы перевозка товаров отнимала у него меньше времени и стоила ему дешевле. Как правило, при транспортировке товаров подрядчик авансировал капитал у торговца или промышленника, и, таким образом, стоимость перевозки не зависела от того, как закупил купец товары – дешево или дорого. Затраты на перевозку увеличивали стоимость товаров, только оплату ее производил не купец из своей прибыли, так как у него, пока товар не продан, не

⁴²² Кузьмина Ф.С. Устройство главного сибирского тракта через Барабинскую степь // Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1970. С. 23–34; Кузнецова Ф.С. Освоение сухопутных трактов Западной Сибири в XVII – начале XIX века // Земледельческое и промысловое освоение Сибири: XVII – начало XX века. Новосибирск, 1985. С. 19–32; Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973; Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1986; Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск, 1980.

⁴²³ Зиновьев В.П. Сибирь в экономике России XVIII – начала XX в. // Сибирь в составе России XIX – начала XX в. Томск, 1999. С. 17–31; Дмитриенко Н.М., Зиновьев В.П. Кухтерины // Деловая элита старой Сибири: исторические очерки. Новосибирск, 2005. С. 111–125.

⁴²⁴ Катионов О.Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв.: монография. Новосибирск, 2004. С. 401–510.

было никакой прибыли, а потребитель, покупавший товары у купца. Такая схема товарооборота широко практиковалась в Сибири на всем протяжении изучаемого периода, и задаток (аванс), часто превышающий половину договорной суммы, являлся необходимым условием практически всех договоров по перевозке грузов. Это была своеобразная форма коммерческого кредита, основанная на доверии возчиков, держателей постоянных дворов и купцов друг к другу. По словам Ипп. Завалишина, «многие ямщики даже едят в кредит по целому тракту от Кяхты до Москвы и обратно в течение года, и нет примера недобросовестных начетов со стороны держателей постоянных дворов либо уклоняющихся от платежа со стороны ямщиков»⁴²⁵.

Известно, что со времен Ермака и его последователей транспортировка грузов и перевозка людей шла в основном по воде. По мнению Ф.С. Кузнецовой, только во второй половине XVIII в. создавались предпосылки для перевода грузооборота товаров с речных путей сообщения на сухопутные⁴²⁶. Именно в это время складывается система сибирских трактов, главным из которых был большой Московско-Иркутский, носивший название Сибирского. От него ответвлялись другие, менее значительные тракты, которые составляли довольно разветвленную сеть дорог Западной Сибири.

Многие путешественники, писатели, общественные деятели и чиновники писали в своих путевых записках о плохом состоянии сибирских дорог. В их характеристике часто употреблялись сильные выражения, среди которых «ужасные», «дикие», «первобытные» были самыми мягкими. На всем протяжении изучаемого периода существовала система натуральных повинностей сибирских крестьян, среди которых заметное место занимало привлечение крестьян к ремонту дорог. Однако результаты их работы не могли удовлетворить ни ямщиков, ни пассажиров, ни возчиков, перевозивших по сибирским дорогам клади, ни купцов, заинтересованных в быстрой перевозке грузов и их хорошей сохранности. Газета «Сибирский вестник» в 1885 г. так писала о состоянии дорог Западной Сибири: «Работы по ремонту дорог крестьяне в Западной Сибири исполняли как повинность. Поэтому отремонтированные дороги опытный обыватель обьезжал стороной, так как на дорогу высыпали крупный булыжник и щебень, топкие места выстилала толстыми бревнами и хворостом и т. д.»⁴²⁷. Можно с уверенностью говорить о том, что в Сибири колесных дорог было меньше, и они были худшего качества, чем в Европейской России. Несмотря на это, по Сибирскому и другим трактам наблюдалось оживленное движение. Основу грузовых перевозок по Западной Сибири в изучаемый период составляли грузы, которые принадлежали местным купцам или которые они подражались перевозить.

Для того чтобы определить примерный объем прибыли, которую получали купцы и нанимаемые ими возчики при перевозке грузов по сибирским трактам, необходимо знать хотя бы примерно объемы этих перевозок. В конце XVIII – начале XIX в. товарооборот в Западной Сибири был не так активен, как в последующие времена. Основную массу перевозимых грузов составляли казенные грузы, включавшие в себя выплавляемые на Алтае и в Забайкалье цветные металлы (медь, свинец, серебро и др.), грузы Российско-Американской компании и купеческие товары, перевозимые в основном с запада на восток и обратно. В Западной Сибири главным перевалочным пунктом при транспортировке этих товаров являлся Томск. Поэтому грузы, которые транспортировались из Европейской России в Восточную Сибирь и обратно, и грузы, которые перевозились с юга Западной Сибири на ее север и обратно, можно приблизительно определить по документам, фиксирующим их перевозку через Томск. По подсчетам Томского казначейства, в 1826 г. через Томск проходило до 15 тыс. возов с грузами, так как с каждого из них брали пошлину в один рубль и всего собрали в тот год 14846 руб.⁴²⁸ Тем не менее эти подсчеты неточны в связи с тем, что возчики зачастую разными способами избегали уплаты повозного сбора. Один из способов беспошлинного проезда – взятка должностным лицам, производящим сбор пошлины. Другой – объезд контрольных пунктов, где эту пошлину собирали. Вожаков обозов не смущали большие расстояния и бездорожье. Корреспондент

⁴²⁵ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2 ... С. 58.

⁴²⁶ Кузнецова Ф.С. Освоение сухопутных трактов Западной Сибири ... С. 29.

⁴²⁷ Сибирский вестник. 1885. 5 дек.

⁴²⁸ Томские губернские ведомости. 1874. 14 дек.

«Сибирской газеты» об этом писал так: «Обозные ямщики часто избегали уплаты повозного сбора. Например, из Томска они выезжали на Иркутский тракт по Спасской дороге или через Петухово, следуя около 150 верст по тайге, пока не выходили, наконец, на Иркутский тракт»⁴²⁹. В своем послании в Томскую городскую думу красноярский городской голова С. Худоголов жаловался, что томские купцы в немалом количестве торгуют разными товарами в г. Красноярске и уездах, пробираясь до места торговли проселочными дорогами и не платя в городскую казну никаких пошлин, и просил не выпускать томских купцов для торговли в другие уезды без разрешения и без оповещения об этом администрации соседних уездов⁴³⁰.

Благодаря скрупулезному анализу контрактов об извозе, заключенных в томской нотариальной конторе, Ф.С. Кузьмина делает вывод о том, что в 1825 г. через Томск проследовало грузов весом в 102260 пуд., в том числе 63 % всех грузоперевозок осуществляли государственные крестьяне, 25 % – купцы и мещане, 7 % – ясашные, 5 % – приписные крестьяне. В 1830 г. было перевезено 103307 пуд. груза, в том числе 67 % перевезли государственные крестьяне, 20,5 % – купцы и мещане, 9,5 % – ясашные, 3 % – приписные крестьяне⁴³¹. Однако объемы перевозок через Томск, который был центром транзитной торговли в Западной Сибири, были, конечно, значительно больше. По нашим расчетам, в 30–40-е гг. XIX в. через город проходило обозов с грузом весом не менее 300 тыс. пуд. Например, только в сентябре 1838 г., когда товары перевозились на телегах, что было более чем в два раза дороже и грузопоток был значительно меньше чем зимой, гужом через Томск прошло 29 439 пуд. груза. За полгода, с 1 января по 1 июля 1843 г., прошло 152 840 пуд. груза⁴³².

Безусловно, с годами объемы перевозок сильно возрастали, и в 60–70-е гг., по данным датских исследователей Сибири К. Гаге и Г. Тегнера, они составили около 2,5 млн пуд. груза, в том числе 1 млн пуд. в восточном и 1,5 млн в западном направлениях⁴³³. По другим сведениям, через Томск проходило около 3 млн пуд. груза, и приблизительный объем оборотов в торговле составлял от 30 до 40 млн руб.⁴³⁴ Французский путешественник К. Оланьон считал, что в 70–80-е гг. через Томск переправлялось ежегодно до 4 млн пуд. груза, под который необходимо было иметь от 80 до 100 тыс. подвод и до 20 тыс. возчиков⁴³⁵. На наш взгляд, последние цифры больше других соответствуют действительности. Профессор Томского университета М. Соболев также считал, что в обороте между Иркутском и Томском до проведения Сибирской железной дороги было занято до 16 тыс. ямщиков и огромное количество содержателей постоянных дворов (дворников)⁴³⁶. Яркую иллюстрацию состояния дел в извозном промысле Западной Сибири давала в 1893 г. газета «Восточное обозрение»: «Одним дальним извозом по трем округам Московского тракта занимается до 7 тыс. лиц, или 18 % рабочего населения. Одного чая провозится до 400 тыс. мест (место – это тюк упакованного в специально выделанную кожу чая весом 107 фунтов или около 44 кг. – В.Б.), для этого бывает занято до 57 тыс. лошадей. Годовой чистый доход от одного лишь провоза чая насчитывает с одного воза 11 руб. 70 коп.»⁴³⁷.

Можно предположить, что в конце XIX в. общий объем транзитных грузов, перевозимых гужевым транспортом через Томск, был не менее 4 млн пуд., и перевозкой их было занято около 20 тыс. возчиков. Объем всего грузооборота гужевого транспорта в Западной Сибири достигал 10–12 млн пуд. в год, а занято в нем было 60–70 тыс. чел., то есть около 70 % всех занимавшихся извозом в Сибири. Такой обширный грузооборот предполагал довольно высокое развитие извоз-

⁴²⁹ Сибирская газета. 1885. 7 апр.

⁴³⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

⁴³¹ Кузьмина Ф.С. Извозный промысел сибирских крестьян в 20–30-е гг. XIX в. // Крестьянство Сибири в период разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск, 1979. С. 28.

⁴³² ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 104. Л. 29; Оп. 19. Д. 289. Л. 7.

⁴³³ Гаге К., Тегнер Г. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Омск, 1882. Кн. IV. С. 22.

⁴³⁴ Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. С. 164.

⁴³⁵ Оланьон К. Указ. соч. С. 11.

⁴³⁶ Соболев М. Пути сообщения в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 30.

⁴³⁷ Восточное обозрение. 1893. 25 апр.

ного промысла, что, в свою очередь, не могло не привлечь сюда купеческие капиталы. Укажем, например, на такой факт, что с проведением железной дороги от Екатеринбурга до Тюмени ямской извоз успешно конкурировал с железной дорогой. Так, провоз товаров первой категории (фабричные товары, ткани, готовая одежда и т. д.) по железной дороге стоил 75 коп. за пуд на расстояние 750 верст, а гужевой провоз – 50–60 коп. Причем продолжительность провоза была вдвое меньше, и возчики отвечали за весь товар, в то время как иски, предъявленные за утраченный товар к железной дороге, были всегда продолжительны и требовали выполнения многих формальностей⁴³⁸. Позднее в «Восточном обозрении» отмечались случаи, когда после открытия движения по Сибирской железной дороге гужевой транспорт успешно конкурировал с железнодорожным, так как возчики брались доставлять грузы из двора заказчика во двор адресата, железная дорога – только от станции отправления до станции назначения, «что вызывало большие неудобства и издержки»⁴³⁹. Поэтому в Сибири до начала XX в. параллельно с путями железных дорог тянулись обозы с товарами.

Для выполнения условий контракта от человека, который занимался извозом, требовалось большое количество выносливых обозных лошадей, хорошая упряжь, прочные сани и телеги. Возчик должен был быть физически крепким, выносливым и, как тогда говорили, «трезвого поведения». Эти качества были ему нужны при защите своего груза от грабителей, промышлявших большими шайками на дорогах, для того чтобы выдержать путь в несколько тысяч верст за короткие сроки, чтобы не теряться при сложных расчетах с грузоотправителем и грузополучателем и т. д. Большую часть грузов обычно перевозили зимой. В середине XIX в. сроки доставки товаров из Томска в Иркутск были 28–30 дней, в Енисейск – 15 дней, в Красноярск – 10 дней, в Ачинск – 8, в Тюмень – до 30 суток. Цены за провоз зависели от времени года, качества дорог, стоимости корма для лошадей, срочности выполнения заказа, конкуренции между артелями возчиков и т. д. По всей видимости, сроки доставки грузов были универсальными, то есть годными для лета и зимы, так как зимой по контрактам на доставку грузов обозы покрывали это расстояние быстрее, а летом медленнее. Исключение делалось только для казенных грузов. Цены на их перевозку жестко регламентировались и неукоснительно выполнялись. Например, для Тобольской губ. в 1848 г. были установлены следующие цены: от Тобольска до Екатеринбурга и Тары (580 верст) за доставку одного пуда груза платили 25–27 коп. сер., до Тюмени (260 верст) – 13–16 коп., столько же платили за доставку грузов до Ялutorовска⁴⁴⁰.

По сведениям Красноярской городской думы, в середине XIX в. на одноконную повозку грузилось от 15 до 25 пуд., на двухконную – 40–50 пуд. При переменных лошадях зимой одноконные повозки могли следовать от 40 до 80 верст в сутки, двухконные – 80–120. Надо сказать, что по путеводителям по Сибири XIX в., путь от Томска до Красноярска равнялся 551 версте, от Красноярска до Иркутска – 990 верстам, а наиболее распространенный маршрут от Томска до Иркутска был в сумме равен чуть более 1500 верстам (1 верста – 1066,8 м). Исправные возчики делали за зиму по два пути от Иркутска до Томска и обратно, получая за это при благоприятном для них исходе по 80–130 руб. на связку (связка лошадей составляла 4–6 упряжек). Летом транспортировка кладей на этом пути была в 2–3 раза дороже, и ехали обычно в два раза дольше (38–42 дня).

Развернутую картину состояния извозного промысла в Западной Сибири давал в своем сочинении И. Завалишин: «Обычно сибирская лошадь проходит до ста верст в день с возом. Клади на воз бывает, если обоз должен придти в “срок” (в условленное по контракту время, например, 20 дней от Томска до Иркутска), только 20 пудов, а если не в срок – то 25. Обозы идут так быстро потому, что на выкормку лошадей не тратится особенного времени. На станциях (“пряжках”) лошади выпрягаются из возов, пьют и отдыхают, а кормятся во время пути. На каждом возе находится “кормушка”, т. е. ведро с овсом и снегом (зимой), и “волочушка” (небольшая копна) сена. Летом корм смачивается. Лошадь, идущая сзади, ест в пути корм, лежащий на передней телеге или санях»⁴⁴¹.

⁴³⁸ Оланьон К. Указ. соч. С. 11.

⁴³⁹ Восточное обозрение. 1895. 23 янв.

⁴⁴⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2523. Л. 41.

⁴⁴¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2 ... С. 58–59.

Интересно описание питания извозпромышленников, которое во многом было типично для других слоев населения, в том числе и для части купечества: «У обозных ямщиков трезвость считается первейшей добродетелью, ибо они очень хорошо понимают, что вино, ослабляя силы, ослабит вместе и надзор. Трезвость, по их мнению, гарантия того, что товары не будут испорчены в пути, их не украдут, не обманут их самих при расчетах и т. д. Еду они неизменно начинают “тешкою”, т. е. рыбой такого адского засола, что у других людей она непременно переела бы глотки. Она определенным образом заменяет ямщикам водку, вмиг возбуждив аппетит и жажду. Затем идут щи “с кнута”, т. е. с огня, с пылу. Затем ставится на стол гречневая крутая каша с маслом. Все это естся с ржаным хлебом. Потом пьют молоко с папушником, т. е. с пшеничным хлебом, а где мед дешев, то и мед с ломтями пшеничного. Все это запивается густым квасом. Чаепитие ямщики, даже идущие с Кяхты с грузом чая, не жаловали. Денег на пищу обозные ямщики не жалеют, да и жалеть не могут, потому что сытая и вдоволь еда необходимое условие их ломовой жизни...»⁴⁴².

Остается добавить, что сибирские извозпромышленники смогли вывести специальный тип воевой лошади: она отличалась крупным, спорым шагом и при хорошем корме была чрезвычайно вынослива. По сведениям из разных источников, такая лошадь могла делать в день по сотне верст «без всякого для себя вреда».

Купцы при следовании с обозами или при остановках в пути на постоянных дворах занимали комнаты в верхней, «чистой» части дома, у них там было больше комфорта, хозяин и его работники больше старались им угодить, не было у них запрета и на водку, но многое в их образе жизни оставалось народным, традиционно русским, сибирским. В первую очередь это касается питания, которое, хотя и было побогаче и поразнообразнее, но существенно от народного, ямщицкого не отличалось.

Однако в Сибири на пути приложения капиталов купцов в сфере транспорта было много препятствий, особенно в дореформенное время. К числу главных относилась сама система таких отношений между обществом и властями, где царили произвол и взяточничество местных чиновников, равнодушие правительства и местной администрации к нуждам промышленности, транспорта и торговли. Например, при перевозке товаров обозы ждали значительные сборы за переправу через реки и проезд через города. В 1808 г., по представлению сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля, г. Красноярску «Высочайше было дозволено» брать за переправу через Енисей в город по 50 коп. с каждого купеческого воза и по 10 коп. с каждой лошади и прогоняемого скота. Кроме этого, в Ачинске существовал подужный сбор и плата за переправу через Чулым в сумме 70 коп.⁴⁴³

В начале XIX в. в Томске брали с проезжавших через город обозы по 50 коп. с воза. Если пребывание в городе обозов затягивалось, то за каждые сутки сверх трех дней должны были взыскивать в пользу казны по 15 коп. с воза за каждые просроченные сутки. В 1820-е гг. в Томске плата за проезд через город была увеличена до 1 руб. с воза⁴⁴⁴. В течение XIX в. сборы в пользу городов постепенно уменьшались, и в конце века, например, в Томске с каждого проходящего через город воза весом в 20 пуд. брали 30 коп., хотя произошла определенная девальвация русского рубля. В результате повозного сбора Томская городская дума получала тогда 28 тыс. руб. за 93333 воза в 1885 г. и 41129 руб. за 137 тыс. возов в 1888 г.⁴⁴⁵

Движение по сибирским трактам регулировалось установлениями правительства. Одно из них, от 9 ноября 1836 г., все дорожные правила сводило к 5 пунктам: «1. Чтобы все идущие по дорогам большим и малым обозы непременно держались правой руки, оставляя левую сторону и середину дороги свободною другим проезжающим. 2. Чтобы вошки находились при своих лошадях. 3. Чтобы каждая обозная лошадь была взнуздана. 4. Чтобы принадлежащие одному извозщику лошади были бы привязаны к первому возу на расстоянии не более одной сажени. 5. Чтобы необ-

⁴⁴² Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2 ... С. 66–67.

⁴⁴³ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири, основанный на данных Полного собрания законов и сенатском архиве. СПб., 1889. Ч. 2. С. 330; ПСЗ-1. Т. 31. № 24264.

⁴⁴⁴ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 42. Л. 3, 10.

⁴⁴⁵ Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем ... С. 151.

ходимые иногда переезды с одной стороны на другую делаемы были безостановочно и без малейшего помешательства другим проезжающим»⁴⁴⁶.

Однако соблюдение этих нехитрых правил или их вынужденное нарушение иногда не спасало крестьян-обозников от расправы со стороны господ. Французский путешественник маркиз де Кюстин видел не раз, как какой-нибудь курьер или фельдъегерь «мог в любое время бить извозчика изо всей силы кулаками, палкой, кнутом в грудь, лицо, куда попало, и несчастный, виноватый тем, что не посторонился достаточно быстро, не оказывает ни малейшего сопротивления из почтения к мундиру и касте своего мучителя». Другой иностранный путешественник во время своего путешествия по Сибири в середине XIX в. был удивлен обилием на улицах сибирских городов «вожатых караванов с отмерзшими носами и черными пятнами на лице»⁴⁴⁷.

На основании приведенных материалов можно сделать вывод, что, с одной стороны, извозный промысел был для значительной части западносибирского населения источником существования или существенного приработка. С другой стороны, и это также отмечали современники, «легкие заработки, постоянные встречи со всевозможными людьми, среди которых множество лиц совершенно испорченных, наконец, столкновение с самым разнообразным „начальством“, которое кричит, командует, а не так давно еще и дралось – все это вконец изломало и испортило притраченных сибиряков»⁴⁴⁸. В-третьих, участие в извозном промысле отрывало крестьян от их традиционных занятий земледелием и скотоводством, активно погружало их в стихию предпринимательства, и из их числа вышло немало сибирских купцов.

Обратимся к прямой характеристике контрактов по перевозке грузов по Западной Сибири и формированию здесь купечества. Одним из ценных источников по этой проблеме являются «Книги для записи торговых договоров и контрактов при томском маклере и нотариусе» за ряд лет XIX века. Большинство договоров касалось транспортировки грузов сухопутным путем по всей России, и на основе их анализа можно рассмотреть процесс развития извоза в динамике. В этот период основными заказчиками на перевозку грузов являлись крупные купцы из городов Европейской России: Москвы, Казани, Вологды, Нижнего Новгорода, Устюга и других. Особенно много договоров заключил вологодский, а потом московский первой гильдии купец И.А. Колесов, вологодские первой гильдии купцы Иван и Петр Петровы, московские купцы Николай и Петр Ларионовы, А.С. Корзинкин и другие.

Заказы на перевозку в основном касались китайских товаров (чая) и мануфактуры (легких тканей промышленного производства). Стоимость перевозок в 1818–1819 гг. была довольно высокой: 5–5,5 руб. за провоз каждого пуда груза от Томска до Иркутска летом на телегах и 2,5–3,5 руб. за пуд на санях зимой. На стоимость груза влияла ценность груза и скорость доставки. Так, белевский купеческий сын Никифор Соболев заключил контракт с томским мещанином Иваном Фроловым на перевозку из Томска в Иркутск 185 кулей чистого табака весом 866 пуд. По 2 руб. 75 коп. с пуда. Этот контракт сильно отличался от других контрактов тем, что здесь не был указан срок доставки грузов и штраф за опоздание при их доставке и названа небольшая сумма задатка – 50 коп. с пуда.

Московский первой гильдии купец А.С. Корзинкин в то же время заключил контракт с томским мещанином Масловым и семилужским крестьянином Софроновым на перевозку двух больших партий товаров из Томска в Иркутск за 21 сутки по цене 3 руб. 20 коп. за пуд и по 20 коп. штрафа за каждый просроченный день⁴⁴⁹. Однако самый дорогой провоз груза мог позволить себе тобольский купец первой гильдии А.И. Ширков, который заключил контракт с Томского округа ясажным татаринцом Тохтаулом Кукшаловым на перевозку из Томска в Иркутск разных сукон в 85 местах общим весом 800 пуд. за 23 суток при цене перевозки 3 руб. 40 коп. с каждого пуда. Вперед (авансом) возчики должны были получить 2 руб. 40 коп., а неус-

⁴⁴⁶ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 528. Л. 191.

⁴⁴⁷ Кюстин де А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 14; *Руссель-Китуга*. Через Сибирь в Австралию и Индию. СПб., 1875. С. 30, 37.

⁴⁴⁸ *Западная Сибирь*. Губ. Тобольская и Томская / сост. М. Петров. М., 1908. С. 72.

⁴⁴⁹ ГАТО. Ф. 127, Оп. 2. Д. 212. Л. 16, 17, 19.

тойка определялась в 20 коп. за каждый просроченный день. Особое внимание в договоре уделялось сохранности груза: «Хранить от воды, подмочки, протирки и воровских людей, словом от всех гибельных случаев»⁴⁵⁰.

Западносибирские купцы в те времена перевозили, как правило, небольшие партии продуктов местного промысла на запад. Так, в декабре 1818 г. нарымский купец Семен Родюков через своего приказчика Петра Сухушина нанимал крестьян Тюменского округа для перевозки из Томска в Екатеринбург разной рыбы до 900 пуд. в 30 суток по 2 руб. с пуда⁴⁵¹. 6 октября 1819 г. томский купец Федор Серебренников через заключенный на перевозку грузов контракт дал работу тюменскому крестьянину Исаку Байкалову «со товарищи», которые должны были перевезти из Томска в Тюмень «кедровых орехов и разных пышных товаров» 260 мест в 1130 пуд. за 25 суток по 2 руб. 50 коп. с пуда и 20 коп. неустойки за каждый день задержки в пути. Интересно добавление в конце текста контракта: «При переезде и на станциях хранить все как собственное свое». Вперед ямщики получили 1500 руб. аванса⁴⁵².

По мнению Ф.С. Кузьминой, наиболее активно участвовали в извозе крестьяне Тюменского округа, так как в их руках было сосредоточено до 70 % грузоперевозок между Тюменью и Томском⁴⁵³. С этим нельзя не согласиться. Из среды тюменских крестьян вышли крупные западносибирские купцы, занимавшиеся транспортировкой грузов. Самые известные из них Кухтерины и Пушниковы. В одном из договоров 1819 г. упоминается фамилия Кухтериных. Московские первой гильдии купцы Николай и Петр Агеевы через своего приказчика иркутского мещанина Наквасина дали контракт на перевозку 1980 пуд. груза из Томска в Тюмень за 23 суток по 2 руб. с пуда Тюменского округа крестьянину Якову Кулакову и Тюменского округа ямщику Филиппу Кухтерину⁴⁵⁴. Соглашаясь с точкой зрения, что в перевозках из Томска в Тюмень и обратно господствовали тюменские крестьяне, отметим, что на остальных направлениях частного извоза они такого преимущества не имели.

Первоначально западносибирские купцы и мещане выступали сами в качестве подрядчиков по перевозке клади. Они рядились перевозить грузы крупнейшим в Сибири предпринимателям и выполняли заказы государственных учреждений. К числу первых нужно отнести договоры с откупщиками по Западной Сибири Поповыми. В октябре 1818 г. верхотурский первой гильдии купец Федот Попов заключил контракт с томским мещанином Андреем Степановым о перевозке из Томска в Ачинск разных «винокуренных товаров» до 200 пуд. весом. Товары следовало доставить «самым поспешным образом» до 1 ноября 1818 г. За утерю клади Степанов отвечал всем своим имуществом, лошадьми и упряжью, а в пути он должен был «быть у приказчика в послушании и никаких обид и грубостей ему не чинить». Плата за это должна составить 55 коп. с пуда до Ачинска и 50 коп. до Боготола. На обратном пути А. Степанов обязался доставить вина «сколько возможно будет»⁴⁵⁵. Таким образом, у откупщиков можно было получить довольно выгодный заказ, так как не оговаривались некоторые неприятные для ямщиков условия и обеспечивался груз на обратном пути, что было выгодно вдвойне: ведь зачастую, выполнив заказ, обозы подолгу ждали попутного груза, а некоторые были вынуждены возвращаться порожняком или соглашаться на низкие цены по перевозке грузов.

В ноябре 1818 г. томский мещанин Л.М. Кокшаров, позднее вступивший в купечество, подрядился перевезти из Томска в Бийск 12 бочек спирта по 15 руб. с бочки. Нанимал его томский мещанин П.М. Тулумов, который нанимал возчиков перевозить бочки со спиртом в Барнаул и Сузун, а также перевозил 900 пуд. груза из Томска в Иркутск казанского купца Крупенникова⁴⁵⁶. Отправлялись западносибирские возчики и в очень продолжительные по времени и расстоянию путешествия. Томский мещанин, а потом купец М.Д. Клестов согласился перевезти из

⁴⁵⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 212. Л. 14.

⁴⁵¹ Там же. Л. 79.

⁴⁵² Там же. Д. 226. Л. 30.

⁴⁵³ Кузьмина Ф.С. Указ. соч. С. 29.

⁴⁵⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 226. Л. 81.

⁴⁵⁵ Там же. Д. 212. Л. 26.

⁴⁵⁶ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 212. Л. 7, 66, 74, 76.

Томского казначейства в Москву мехов «в казенной укупорке сколько по весу окажется и при них безденежно двух человек присяжных». В пути обоз должен был находиться 65 суток, и за каждый день опоздания назначалось с пуда 25 коп. неустойки. После благополучной сдачи ценного товара Клестов должен был получить по 6 руб. с пуда. Кроме этого, он занимался еще хлеботорговлей и транспортировкой грузов по воде. В том же году крестьянин Чаусской волости Никита Дмитриев закупил у Клестова 2000 пуд. ржаной муки и платил по 32 коп. за каждый доставленный ему по воде пуд хлеба⁴⁵⁷.

При случае и именитые купцы охотно брали подряды по перевозке грузов. Так, один из них, бывший городской голова М.И. Быков, договаривался доставить 950 пуд. казенного свинца из Томска в Барнаул и получить за это 475 руб. Заказчиками являлись «свинечные поставщики» Ксенофонт и Александр Михайловичи Сибиряковы⁴⁵⁸. Еще раньше, в конце XVIII в., такие заказы от Сибиряковых получали томские купцы Шумиловы. Серьезную статью доходов для западносибирских купцов представляла перевозка медных денег, которые чеканились в Алтайском горном округе и представляли собой солидный груз. Монета в 10 коп. (гривна) весила во второй половине XVIII в. 100 г, а одна тысяча рублей медью, соответственно, около одной тонны. В начале XIX в. пропорции между весом и номиналом монет увеличились, но все равно перевозки меди в монетах было выгодным делом. Большие заказы по конкурсу выигрывали крупные предприниматели. Самый крупный из них получил томский купец С.И. Попов – перевезти в 1831 г. 1,2 млн руб. весом 57200 пуд. из Барнаула и Томска в Екатеринбург за 160 тыс. руб.⁴⁵⁹ В начале века тобольские купцы второй гильдии по примерно такому же маршруту перевозили аналогичный груз: в 1808 г. Г.Д. Седых перевез 300000 тыс. руб. весом 12 тыс. пуд. за 5900 руб., а М. Тюленев в 1810 г. 532 тыс. руб. весом более 21 тыс. пуд.⁴⁶⁰ Плата за перевоз в последнем случае не указывается, но можно предположить, что она была почти в два раза больше.

Важное место в извозном промысле Западной Сибири занимали семилужские крестьяне. Их имена постоянно фиксируются в договорах по транспортировке грузов, и они часто брались перевозить огромные партии товаров на самые дальние расстояния. Для этого создавались большие, до 30 чел., артели, которыми руководили опытные и авторитетные возчики. Некоторые из них числились потом в купечестве. Например, в ноябре 1818 г. крестьянин с. Семилужское Василий Корнилов «со товарищи» подряжался перевезти 600 пуд. товара калужского первой гильдии купца П.М. Золотарева из Томска в Иркутск по 3 руб. 40 коп. с пуда за 22 дня⁴⁶¹. В следующем, 1819 г., семилужские крестьяне во главе с И.М. Бадашковым подписали контракт с томским комиссионером Российско-Американской компании Л.А. Степновым о провозе из Томска в Иркутск «транзитных сукон 49 кип в 584 пуд. 30 фунт. по 3 руб. 20 коп. с пуда за 22 суток»⁴⁶². Безукоризненное выполнение условий контракта давало возможность крестьянам Семилужской волости из года в год заключать новые контракты. Это было возможно при точном распределении своих сил на длинной 1500-верстной дистанции, когда опоздание по любой, даже самой уважительной причине, исключалось, а полная сохранность грузов гарантировалась.

Следующий «срез» с истории извозного промысла Западной Сибири приходится на 1830 г. К этому времени западносибирское купечество занимало более заметное место в перевозке грузов по Сибирскому и другим трактам, что связано с началом в Марининской тайге золотопромышленности. Например, 21 марта 1830 г. торгующий по третьей гильдии крестьянин Емельян Бобков заключил контракт с крестьянином Семилужской волости дер. Халдеевой Агафоновым на перевозку из Томска в Красноярск разных товаров 136 пуд. 22 фунт. по 75 коп. с пуда. Аванс был определен в 50 руб., а всего надо было уплатить возчику 104 руб. 66 коп.⁴⁶³ В скором времени Е.Д. Бобков

⁴⁵⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 212. Л. 90, 96.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 78.

⁴⁵⁹ Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. Омск, 1997. С. 255.

⁴⁶⁰ ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 20. Д. 2314. Л. 139.

⁴⁶¹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 212. Л. 12.

⁴⁶² Там же. Д. 226. Л. 73.

⁴⁶³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1458. Л. 97.

станет крупнейшим сибирским золотопромышленником, купцом первой гильдии, владельцем многих приисков. Сохранить и приумножить его дело сможет его зять, З.М. Цибульский, которому в его деятельности будет помогать его многолетняя служба чиновником на различных должностях в сибирской администрации.

Более активно западносибирские купцы начинали выступать в качестве посредников между казенными учреждениями и артелями возчиков. Например, 22 августа 1830 г. крестьяне Канинской волости Петр Крячков и Василий Карманов «со товарищи» договорились с томским третьей гильдии купцом Ф.А. Бадашковым, что доставят из Томска в Омск 54 бочонка казенной медной монеты весом 584 пуд. 10 фунт. с платою по 1 руб. 35 коп. с каждого пуда⁴⁶⁴. На первый план в извозе Томска, который занимал центральное место в сухопутных перевозках того времени, выдвигался «купецкий сын» Лука Хлебников. В январе 1830 г. он нанимал крестьян Спасской волости Ивана Большенина и сына его Ивана в компании с другими крестьянами этой волости перевезти на 45 лошадях из Томска в Иркутск разных товаров екатеринбургского второй гильдии купца И.С. Верхованова для Кабинета Его Императорского Величества весом 820 пуд. за 22 суток по 2 руб. 70 коп. за каждый пуд. По 1 руб. 10 коп. с каждого пуда Большенины получали аванс. Брат Луки Хлебникова Павел подряжал пермских крестьян для перевозки товаров томских купцов из Томска в Ирбит. Груз весом в 350 пуд. был размещен на 15 лошадях, и за каждый пуд нужно было платить 1 руб. 25 коп., а всего выплачивалось 443 руб. 75 коп.⁴⁶⁵ Однако спасским крестьянам Большениным под силу было сформировать еще один обоз из 20 лошадей, чтобы перевезти из Томска в Иркутск 376 пуд. 14 фунт. коровьего масла, принадлежавшего томскому купцу М.И. Шумилову, по 1 руб. 60 коп. с пуда за 23 дня. Аванс брали они в размере 500 руб., а всего им причиталось 637 руб. 36 коп.⁴⁶⁶ Вероятно, в те времена томское масло было значительно дешевле и лучше иркутского, если купец рассчитывал его там продать, оправдать длительную и дорогую перевозку и вдобавок получить для себя какую-то выгоду.

Извозный промысел давал крестьянам хороший доход, повышал их общую культуру, знакомил их с миром дальше своего села и волости. Поэтому их образ жизни уже отличался от крестьянского и был ближе к купеческому. По наблюдениям А.А. Ауэрбаха, которому довольно много пришлось поехать по Западной Сибири, «все села по большому тракту прекрасно обустроены, почти сплошь двухэтажными домами; в нижнем этаже обычно помещаются хозяева, работники и стряпухи, в верхнем три-четыре чистые комнаты, весьма прилично меблированные, где пируют по большим праздникам и где принимают знакомых проезжающих... Бросается в глаза, что все окна, в каждой избе положительно, всегда уставлены горшками с цветами, из коих преобладают, почти постоянно цветущие герань, бальзамины и гелиотроп... Насколько много лошадей у сибирского крестьянина, можно судить по одному тому, что во время большого разгона по случаю Ирбитской ярмарки на одном дворе запрягают до 20 троек одного хозяина, и тогда сам хозяин, сыновья, работники и даже бабы садятся на козлы ямщиками»⁴⁶⁷. В больших семьях, которые занимались извозом, скапливались значительные средства, и нередко они находили применение в торговле, вкладывались в строительство постоянного двора или в открытие в городе или на селе торговой лавки, что неизбежно вело к вступлению главы семьи в купечество.

По контрактам можно проследить историю предпринимательства некоторых известных сибирских купцов. Например, в марте 1830 г. заключили договор о доставке своих грузов в Ачинск и Красноярск вязниковские торгующие крестьяне Федот и Архип Толкачевы⁴⁶⁸. В скором времени они станут томскими купцами первой гильдии, крупнейшими в Западной Сибири золотопромышленниками и торговцами, будут делать крупные пожертвования, в том числе более 10 тыс. руб. на строительство в Томске Троицкого кафедрального собора.

⁴⁶⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1458. Л. 143.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 5, 31.

⁴⁶⁶ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1458. Л. 6.

⁴⁶⁷ Ауэрбах А.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1905. № 12. С. 836–837.

⁴⁶⁸ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1458. Л. 96.

В январе 1830 г. иркутский купец И.Ф. Базанов заключил договор с крестьянином Спасской волости Василием Аксеновым о доставке из Томска в Иркутск на 38 лошадях 665 пуд. груза по 1 руб. 50 коп. за пуд. Аванса брал Аксенов 500 руб., а всего ему причиталось 997 руб. 50 коп.⁴⁶⁹ Фамилия Базановых была хорошо известна в коммерческих кругах двух самых крупных сибирских городов – Томска и Иркутска. В 1780 г. к томскому купечеству был приписан экономический крестьянин Суздальского уезда Московской губернии Филипп Дорофеевич Базанов. За свою жизнь в Томске он собственных капиталов сильно не приумножил, не вышел на первые роли в хозяйственной жизни города, но и не разорился, как многие томские купцы на рубеже веков. Его жена, оставшись вдовой, вынуждена была сама записаться в купечество, и сыновья формально ей подчинялись. В ее распоряжении в 1821 г. находилось в Томске 4 дома и 4 лавки, что было в два раза больше, чем при жизни мужа. Однако сыновья не смогли поддержать семейное торговое дело, и Базановы из томского купечества выбыли. Другие ветви этой фамилии впоследствии стали широко известны в Перми и Иркутске, где стали одними из богатейших людей своего края.

Достаточно полные сведения об извозе содержатся в договорах за 1851 г. Содержание этих договоров показывает, что в середине XIX в. западносибирские купцы все более активно и масштабно внедряются в хозяйственную жизнь Сибири. Им принадлежит все больше перевозимых товаров, они сами заключают многочисленные контракты по перевозке казенных и частных грузов. Извозный промысел Сибири в дореформенный период испытывал сильную дифференциацию, то есть имущественное расслоение, когда из массы возчиков выделялись посредники, сосредоточивавшие в своих руках большое количество заказов на перевозки и отдававших их затем на выгодных для себя условиях рядовым возчикам. Например, 10 января 1851 г. Томского округа Богородской волости села Итата государственный крестьянин Харлам Нестеров договаривался с томским второй гильдии купцом С.Ф. Хромовым о перевозке 330 пуд. груза из Томска в Канск за 15 суток по 50 коп. сер. за пуд и 10 коп. неустойки за каждые просроченные сутки⁴⁷⁰. Еще раньше, 2 января того же года, томский мещанин Козьма Еремин подряжался у торгующего в Томске крестьянина Семена Калинина-Шушляева перевезти из Томска в Красноярск 573 пуда по 27 3/4 коп. за пуд – всего 147 руб. 48 3/4 коп. Груз должен был находиться в пути не более 10 суток, и полагалось 70 руб. задатка⁴⁷¹. Западносибирские купцы Хромов и Калинин-Шушляев занимались в Енисейской тайге золотопромышленностью и не могли, как прежде это делали другие купцы, сами заниматься перевозкой своих товаров. Они обращались к посредникам, которые находили им артели возчиков. Появление посредников между купцами-заказчиками и исполнителями-возчиками являлось одной из главных причин появления специализированных фирм по перевозке кладей.

Еще один любопытный контракт характеризует транспортировку неудобных для перевозки грузов – бочек с вином. Для их перевозки нужны были особые сани, крепкая упряжь и сильные кони, так как бочки в основном были мерные и вмещали в себя 40 ведер. Мерное ведро вмещало 30 фунтов чистой воды и равнялось 12,3 литра. Таким образом, мерная бочка вмещала около 492 литров жидкости, и с учетом своего значительного веса была грузом нестандартным и намного тяжелее обычного. Возчики должны были иметь опыт перевозок таких грузов и избегать искушения «снять пробу» с перевозимых напитков. 20 ноября 1851 г. Кузнецкого округа крестьянин Сидор Славин и Нелюбинской волости дер. Верх-Сеченово Федор Девяшин заключили контракт с управляющим Томского Акцизно-откупного комиссионерства ялуторовским купцом М.Я. Ядринцевым о том, что крестьяне должны были перевезти в казенные магазины с Керевского винокуренного завода 96 бочек, до Богородска – 100 бочек.

В контракте даются подробные условия перевозки. Например, бочки нужно было из подвала выкатить, внимательно их осмотреть и только потом грузить их в сани. Такой порядок погрузки был необходим для предотвращения споров по поводу шкантов, то есть за просверленные, а потом забитые отверстия, через которые можно было выливать водку и заливать в бочки воду. Поэтому за шкант предусматривался штраф в 100 руб. сер., что сразу лишало такой извоз смысла. Плата за

⁴⁶⁹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1458. Л. 75.

⁴⁷⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 528. Л. 23.

⁴⁷¹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 529. Л. 6.

доставленный спирт была довольно высокой – 3 руб. 28 1/2 коп. за каждую доставленную бочку в с. Кия и по 50 коп. до с. Богородского (около 20 верст). Задаток крестьяне получали тоже приличный – 220 руб. сер.⁴⁷² Отметим, что в качестве заказчика перевозок выступал М.Я. Ядринцев, отец известного областника, ученого, публициста, редактора – издателя газеты «Восточное обозрение».

В некоторых случаях распределение заказов осуществляли посредники из местных или иногородних купцов. В начале 1851 г. был заключен контракт на перевозку самого опасного тогда груза – пороха. Томский мещанин Иван Петров и семилужский крестьянин Прокопий Толмачев подрядились через казанского купца Батурина перевезти из Томска в Иркутск 1800 пуд. пороха, селитры и серы. Рядились они перевозить порох не спеша – по 25 верст в день. Плата была довольно высокой – по 1 руб. 20 коп. сер. с каждого пуда. Естественно, при грузе находился прикомандированный чиновник, который должен был следить за соблюдением инструкций, запрещавших останавливаться ближе 150 сажен (1 сажень – 213,36 см) до жилья и курить на возах трубки. Возчики должны были в пути «находящемуся при транспорте чиновнику повиноваться, грубостей и непослушания не делать, не буйствовать и не пьянствовать, а вести себя как долг честным гражданам требует»⁴⁷³.

Казенные заказы по транспортировке могли быть и на перевозку людей. Некоторые возчики специализировались на этом и составляли себе капитал. Например, в ноябре 1851 г. командир одного из Сибирских линейных батальонов подполковник Шубин заключил два контракта с томскими крестьянами по доставке рекрутов из Томской губернии в Европейскую Россию. Одна партия отправлялась в Кострому – 75 чел. при 9 конвойных на 27 подводах по 42 рубля за подводку, другая партия рекрутов отправлялась во Владимир – 107 чел. и 13 чел. конвоя на 36 подводах по 41 руб. 33 1/3 коп. за подводку⁴⁷⁴. Крупный капитал на доставке рекрутов составил царскосельский, а потом томский купец Ф.И. Манасевич. В 1855 г. томский купец Б.Л. Хотимский по контракту доставил из Томской губернии в Калугу 685 рекрутов и 60 человек их сопровождения за 14 тыс. руб., а в 1858 г. из Томска в Иркутск перевез 163 чел. нижних чинов на 40 подводах⁴⁷⁵. Такие подряды были возможны при тесных связях с местными чиновниками, которые устанавливались, как правило, при помощи взяток.

Не отказывались от транспортировки кладей и некоторые известные в Сибири купцы. В частности, будущий пароходовладелец и городской голова Д.И. Тецков в 1851 г. подрядился перевезти 11 мест байхового чая и 200 мест кирпичного чая весом 529 пуд. из Томска в Казань. Весь этот чай принадлежал кяхтинскому первой гильдии купцу Е.В. Шестову, который платил Тецкову по 2 руб. 50 коп. с пуда со всеми «путевыми и городскими расходами», а время в пути определил в 46 суток⁴⁷⁶. Конечно, невозможно представить, чтобы Тецков сам повел бы обоз в Казань. Скорее всего, он выступал посредником между владельцем груза и обозными ямщиками. Некоторое время Д.И. Тецков был комиссионером (полномочным представителем) Российско-Американской компании в Томске и сам нанимал ямщиков для перевозки грузов компании. Например, 25 февраля 1853 г. томский мещанин Петров и тюменский крестьянин Кривошеин брались доставить грузы компании из Томска в Иркутск. Груз состоял из 152 кулей табаку общим весом 1369 пуд. 20 фунт. по 1 руб. 75 коп. с каждого пуда на сумму 2396 руб. 32 1/4 коп. с авансом 1296 руб. 32 1/4 коп.⁴⁷⁷ Цена за перевоз была значительно выше средней и объяснялась громоздкостью и подверженностью порче груза, а также временем перевозки – в конце февраля отправляться в дальний путь даже в Сибири было опасно, так как в марте наступала распутица. Поэтому чуть раньше, в 1851 г., Д.И. Тецкову удалось отправить грузы компании по этому же маршруту по 1 руб. 25 коп за пуд, и партия товаров была одной из самых больших, которые встречались в договорах – 3196 пуд. 39 фунт., но возчикам можно было не спешить, так как на дороге им давалось 25 суток⁴⁷⁸.

⁴⁷² ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 529. Л. 193.

⁴⁷³ Там же. Д. 528. Л. 24.

⁴⁷⁴ Там же. Д. 529. Л. 89, 97.

⁴⁷⁵ Там же. Оп. 1. Д. 2304. Л. 133; Д. 2401. Л. 28.

⁴⁷⁶ Там же. Оп. 2. Д. 529. Л. 8.

⁴⁷⁷ Там же. Д. 545. Л. 124.

⁴⁷⁸ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 529. Л. 126.

Некоторые западносибирские купцы происходили из возчиков, то есть начало их обогащения было положено, как говорили в Сибири, «гужом и кнутом», хотя бывали и случаи, когда обогащались через «обух», то есть разбоем. Однако убедительных свидетельств участия их в тяжких преступлениях в делопроизводстве того времени не обнаружено. В то же время осталось много фактов, показывающих разные способы обмана возчиками своих хозяев и пассажиров. В свою очередь, хозяева иногда старались нечестно обогатиться за счет своих работников. Свое мнение об ямщиках оставил путешествовавший по Сибири в 1838 г. маркиз де Кюстин: «На каждом перегоне мои ямщики, по крайней мере, раз двадцать крестились, проезжая мимо часовен, и столь же усиленно раскланивались со всеми встречными возницами, а их было немало. И выполнив столь пунктуально эти формальности, искусные, богобоязненные и вежливые плуты неизменно похищали у нас что-либо. Каждый раз мы недосчитывались то кожаного мешка, то ремня, то чехла от чемодана, то, наконец, свечки, гвоздя или винтика. Словом, ямщик никогда не возвращался домой с пустыми руками»⁴⁷⁹. Полностью доверять путешествовавшему по России французскому маркизу нельзя. Однако доля правды в его словах есть. Например, купцы полностью доверяли друг другу на слово и могли давать большие суммы в долг без оформления документов, но обмануть доверчивого покупателя или неопытного заказчика большим грехом у них не считалось.

Из обозов иногда исчезали тюки с чаем. В некоторых случаях не без основания подозревали самих возчиков. Как правило, такая ситуация возникала тогда, когда нарушался запрет на употребление ими спиртных напитков. Пропадали тюки с чаем, или вместо чая в токах обнаруживали землю, кирпичи, мусор и другие малоценные предметы⁴⁸⁰. Однако в большинстве случаев ямщики не были виновны в утере части своего груза, так как на сибирских дорогах постоянно грабили караваны грузов. Корреспондент «Сибирской газеты» под псевдонимом Иркутянин помещает заметку, в которой делится своими путевыми впечатлениями: «Я проехал из Томска по большому тракту до с. Белоярское Ачинского округа, и не было ни одной станции, ни одной деревни, где бы мне не заявили о кражах и грабежах идущих обозов, в особенности с чаями из Иркутска»⁴⁸¹. «Опасно ездить по большим трактовым дорогам, — пишет корреспондент «Сибирского вестника» из с. Семилужное, — где много грабителей, но не менее опасно стало ныне проезжать и по дорогам проселочным. Вся разница состоит в том, что на больших дорогах большие организованные шайки разбойников, по сторонам же составляются лишь небольшие предприятия с целью легкой наживы»⁴⁸².

Западносибирские купцы и иногородние фирмы имели свои способы заставить возчиков работать только на себя. Главным из них был кредит, который открывался им перед каждой поездкой. Без уплаты долга они не могли уйти к другому «доставщику», у которого, в свою очередь, были свои должники. Долги заставляли крестьян-возчиков брать невыгодные или маловыгодные подряды по транспортировке кладей или выезжать в неудобное для них время (распутица, время заготовки сена, уборки урожая и т. д.) Отмечены в печати и случаи прямого обмана возчиков при расчете. Так, по сведениям газеты, «один из томских купцов, занимавшихся чаеоторговлей, заранее брал из мест (тюков) по 1–2 кирпича чая якобы для образцов, а потом взыскивал их стоимость с ямщиков»⁴⁸³. Однажды в редакцию газеты пришли ямщики и пожаловались на контору чаеоторговца М-х (Молодых. — В.Б.), которая, по их мнению, несправедливо произвела расчет: за подмочку нескольких кирпичей чая взято с них 17 руб. 60 коп., в то время как груз находился в пути из Иркутска в Томск с 13 января по 13 февраля⁴⁸⁴.

В 1888 г. томские обозники, как писал корреспондент газеты «Восточное обозрение», после доставки товара в Иркутск оказались «с пустыми руками и избитыми конями», так как крупные подрядчики жестоко обошлись с ними. При наплыве ямщиков они снизили плату за провоз груза от Иркутска до Томска с 2 руб. до 1 руб. 70 коп. и возложили на них уплату повозного сбора. Но не были они акку-

⁴⁷⁹ Кюстин де А. Николаевская Россия. М. 1990. С. 179.

⁴⁸⁰ Сибирский вестник. 1886. 19 янв.; Сибирская газета. 1886. 12 окт.

⁴⁸¹ Сибирская газета. 1886. 16 февр.

⁴⁸² Сибирский вестник. 1886. 6 февр.

⁴⁸³ Сибирская газета. 1886. 13 июля.

⁴⁸⁴ Сибирская газета. 1886. 23 февр.

ратны и в выплате этих денег, что в условиях повышения цен на фураж, уплаты неустойки за порчу и утери товаров привело к тому, что некоторые ямщики оказались еще должны доставщику⁴⁸⁵.

Некоторые извозопромышленники, переехав в Томск из других мест Сибири, после того как Томск стал крупнейшим транспортным узлом региона, стали крупными предпринимателями региона. К числу уроженцев Тюмени и Тюменского округа принадлежали Кухтерины, Пушниковы, Родионовы, Шешуковы, с востока, из Канска, переселился и стал купцом первой гильдии Ксенофонт Чевелев, из Семилужков переселились и записались в купечество Нехорошевы. Наибольшую известность из них получили купцы Кухтерины. О них было много написано в современной периодической печати Томска⁴⁸⁶. Популярности Кухтериных способствовала и сама фамилия, которая имела сибирское происхождение от слова «кухтарь», что означало в сибирских говорах «посох с обручем внизу на ременном переплете и с крюком у руки; с ним зверовщики ходят на лыжах»⁴⁸⁷.

Основатель купеческой династии Евграф Николаевич Кухтерин был из потомственных тюменских ямщиков. В 1870 г. он был приписан в томские второй гильдии купцы и занимался организацией извоза и торговлей⁴⁸⁸. Его имя гарантировало высокое качество транспортных услуг, безопасность обозов на сибирских трактах и сохранность в связи с этим перевозимых им грузов. Поэтому к нему рекой потекли заказы на перевозки и часто к нему обращались тогда, когда груз был особо ценным или опасным. Д.И. Тецков поручил в декабре 1880 г. Е.Н. Кухтерину перевезти из Томска в Москву грузы известного сибирского золотопромышленника Игнатия Кытманова. В числе грузов было: 21 тюк кости мамонтовой весом с тарою 144 пуда, пять тюков песцов рослых счетом 1765 штук, весом 23 пуда 32 фунта, 2 куля клея осетрового весом 3 пуда 8 фунтов и другие ценные предметы. При транспортировке грузов предусматривалось соблюдение обширных и строгих условий, но и плата за провоз была выше обычной⁴⁸⁹. Позднее, в 1890 г., транспортная контора Кухтериных среди множества других грузов доставила в Томск 675 пуд. динамита. Из них 300 пуд. были отправлены дальше, а оставшиеся 375 пуд. хранились на складе Ельдештейна на Киргизском тракте за пересыльной тюрьмой⁴⁹⁰.

В дальнейшем рамки извоза становятся для капитала Кухтериных узкими и переливаются в другие отрасли сибирского хозяйства. Начало этому положил Е.Н. Кухтерин, который перед своей смертью основал торговый дом «Евграф Кухтерин и сыновья» с учредительным капиталом 300 тыс. руб., который дополнительно обеспечивался всем имуществом учредителя. Членом-распорядителем торгового дома становится старший сын Алексей, которому в то время было 26 лет. Остальные сыновья Е.Н. Кухтерина становились таковыми по достижении 25 лет. Подробные условия создания торгового дома расписаны в 26 пунктах, и никто из членов его не мог взять свою долю собственности до тех пор, пока существовала фирма. Сообща должны были выработываться важнейшие направления деятельности фирмы, ее стратегия и тактика⁴⁹¹.

Цельность кухтеринского капитала являлась одной из причин его быстрого разрастания и проникновения во все новые сферы предпринимательства: спичечная фабрика, мукомольное дело, строительство жилых домов и общественных зданий и т. д. В конце XIX в. фирма открыла представительства и конторы в следующих городах: главная контора в Томске на Воскресенской горе в собственном доме, отделения в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Нижегородской ярмарке, Казани, Перми, Екатеринбурге, Тюмени, Иркутске, Кяхте и Троицкосавске, в Ирбитской ярмарке⁴⁹². История торгового дома Кухтериных на протяжении более чем 30 лет показывает, что только во второй половине XIX в. в Сибири возникают условия для формирования

⁴⁸⁵ *Восточное обозрение*. 1888. 31 янв.

⁴⁸⁶ *Дмитриенко Н.* Документы, а не легенды должны лежать в основе истории города // *Томский вестник*. 1992. 8 сент.; *Дмитриенко Н., Зиновьев В.* Кухтерины // *Народная трибуна*. 1992. 3, 7 янв.; *Стоилов Э.* Кухтерины // *Красное знамя*. 1994. 12–14, 19 марта.

⁴⁸⁷ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2. С. 228.

⁴⁸⁸ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 177. Л. 12.

⁴⁸⁹ Там же. Ф. 220. Оп. 1. Д. 60. Л. 16.

⁴⁹⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2515. Л. 165.

⁴⁹¹ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 404. Л. 2–4.

⁴⁹² *Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 г.* Томск. 1893. С. 121.

буржуазных династий, фирм с многолетней историей, огромными капиталами и устойчивой репутацией, которые всегда считались в буржуазных государствах гарантией политической и экономической стабильности.

Не менее колоритной фигурой среди извозопромышленников Западной Сибири был Федор Харлампиевич Пушкинов, который так же, как и Кухтерины, переселился в Томск из Тюменского округа вместе со своим братом Филиппом. В 1877 г. он уже был томским купцом первой гильдии, а 10 лет спустя по размерам дополнительного сбора с прибыли занимал почетное шестое место среди всех томских купцов⁴⁹³. В 1894 г. у Ф.Х. Пушкинова, по сведениям податного инспектора Томско-Нарымского участка, коммерческие дела складывались из следующих операций. Доставлено из Томска в Иркутск и из Иркутска в Томск чаю разных сортов 8305 ящиков, получено за это фрахта 58135 руб., за уплатою провоза и расходов получено прибыли 2170 руб. Доставлено в Ирбит чаю разных сортов 8736 мест, фрахт – 115481 руб., убыток – 4700 руб. Доставлено из Кяхты, Иркутска, Томска в Москву 7330 мест чая, фрахт – 70840 руб., прибыль – 2440 руб. Доставлено на Нижегородскую ярмарку 23722 места, фрахт – 274242 руб., прибыль – 4103 руб. Доставка товаров в сибирские города разных грузов общим весом 76500 пуд., фрахт – 240670 руб., прибыль – 16733 руб. Кроме того, Ф.Х. Пушкинов в небольших объемах занимался торговлей: продано оптом разных товаров было на 175380 руб., прибыль от этого получена в размере 3815 руб. Еще меньше было продано товаров в розницу: на 85496 руб. в магазине и 52646 руб. в лавке. Всего оборот этого известного томского купца составлял 1072891 руб., а прибыль – 23635 руб.⁴⁹⁴

Таким образом, обширные размеры транспортировки грузов, высокий процент прибыльности вложенных сюда капиталов издавна привлекал в сферу извоза предприимчивых людей из разных сословий. Извозный промысел Западной Сибири прошел путь от свободного предпринимательства с сильной конкуренцией между простыми возчиками, заключавшими контракты на перевозку грузов с заказчиками напрямую, до первичной монополизации отрасли. К концу XIX в. несколько фирм сконцентрировали в своих руках большую часть транспортировки грузов региона. К ним относились фирма «Кухтерин и сыновья» – чистый доход 30 тыс. руб., торговый дом «Бр. Каменские» – 7,5 тыс. руб., Пушкинов – 6 тыс. руб., Шадрин и Бухарев соответственно 3 и 2 тыс. руб.⁴⁹⁵

Названные частные транспортные фирмы имели определенные преимущества перед общероссийскими транспортными обществами «Надежда» и «Российское общество», конторы которых находились в Томске и Тюмени. Частные конторы оказывали грузоотправителям широкий кредит в платеже фрахта, рассчитывались с ними за повреждение товара, принимали от заказчиков различные поручения по закупке и сдаче грузов⁴⁹⁶. Кроме того, на частные транспортные конторы работали постоянно нанимаемые рабочие-возчики, честность и высокий профессионализм которых подтверждались из года в год. В случае нужды эти конторы могли через сеть мелких деревенских посредников осуществить наем дополнительных сотен и даже тысяч крестьян-возчиков. Крупнейший среди извозопромышленников Западной Сибири Е.Н. Кухтерин в конце жизни был владельцем 3500 лошадей, на него постоянно работало не менее 1500 ямщиков, и столько же он мог в короткий срок набрать дополнительно для выполнения срочных заказов⁴⁹⁷.

Подводя итоги, можно сказать, что сухопутная транспортировка грузов до проведения Транссибирской железной дороги являлась важной сферой предпринимательства, где активно шли процессы первоначального накопления капиталов и постепенного укрупнения фирм, занимавшихся перевозками. Здесь были сформированы крупные купеческие капиталы, владельцами которых большей частью были бывшие возчики, хорошо знавшие специфику отрасли. Однако многие купеческие капиталы имели комплексный характер – транспортировка грузов совмещалась с торговлей и промышленностью. Видное место среди отраслей купеческого предпринимательства зани-

⁴⁹³ *Сибирский вестник*. 1889. 17 марта.

⁴⁹⁴ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 3. Л. 32–33.

⁴⁹⁵ *Восточное обозрение*. 1890. 8 янв.

⁴⁹⁶ *Шульцков М.Н. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири*. М., 1893. С. 25.

⁴⁹⁷ *Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем ...* С. 143.

мал водный транспорт, который в Западной Сибири был достаточно хорошо развит и давал высокую прибыль местным судовладельцам.

4.2. Водный транспорт и западносибирское купечество

Издавна города Западной Сибири являлись крупными перевалочными базами разного рода грузов не только по сухопутному, но и по водному пути. Хотя этот путь был долг и сопряжен с большой опасностью испортить ценный товар, все равно на долю водного пути приходилась значительная часть грузов. По оценкам В.Н. Большакова, в начале XIX в. иркутские купцы отправляли на запад водным путем 1/10 часть своих грузов⁴⁹⁸. Значительно большей была доля перевозимых водой грузов в Западной Сибири. По нашим подсчетам, сделанным на основе данных «Ведомостей о речном судоходстве» за 1804, 1827, 1838 и 1843 гг., по объемам перевозок гужевой транспорт всего в три раза превосходил водный, но по ценности груза эта разница была значительно выше⁴⁹⁹. Возники внушали купцам больше доверия, так как гарантировали лучшую сохранность груза на всем пути его следования, на суше его легче было сберечь от порчи и главным образом потому, что на сухопутных путях движение грузов шло круглый год, а по воде только на период навигации. Кроме того, хотя транспортировка по воде была значительно дешевле, чем по суше, до появления пароходного сообщения по рекам Обского бассейна грузы обычно сплавляли вниз по течению рек. Болотистые или крутые берега сибирских рек и огромные расстояния не позволяли тянуть суда вверх против течения бечевой бурлаков, а двигаться против течения на веслах могли только небольшие суда. Относительно крупные суда, которые двигались против течения под парусом или через завоз якоря на лодке вперед и последующего подтягивания к нему самого судна, были редки, требовали много рабочих и, самое главное, имели низкую скорость движения.

Следует отметить еще, что только водным путем можно было перевозить недорогие грузы в больших количествах. Например, хлеб в зерне и муку было еще выгодно перевозить на небольшие расстояния из пригородных деревень в город на лошадях, но из дальних сел и деревень, основных производителей хлеба, путь зерна в несколько десятков и сотен верст и последующая его продажа на городском рынке не оправдывали транспортных расходов. Слабые и дорогие транспортные связи тормозили развитие аграрных рыночных отношений, замедлялось расслоение крестьянства и выделение из него предпринимателей. Л.В. Милов и И.Д. Ковальченко об этом писали так: «В тех районах, где обширные водораздельные просторы и отсутствие удобных водных путей выдвигали на первый план гужевой транспорт, основной фигурой был относительно мелкий скупщик, и прогресс в ходе интеграции осуществлялся за счет массовой товаризации крестьянского хозяйства...»⁵⁰⁰. В Западной Сибири недостатка в водных путях не ощущалось, поэтому хлебная торговля и торговля другими товарами сосредоточивалась в руках немногих купцов, а из крестьян выделялись состоятельные торгующие и занятые промыслами крестьяне. Для увеличения своей прибыли они сами строили суда и перевозили на них свои и чужие товары.

Надо сказать, что многие западносибирские купцы, особенно принадлежавшие к верхнему, наиболее богатому и влиятельному слою, прекрасно знали путь от Кяхты до Тюмени и дальше на запад, разбирались в типах судов, условиях и сроках навигации на разных реках и многом другом, связанным с водным транспортом. В 1798 г. Томский магистрат составлял отчет о судоходстве по рекам Сибири и прибег к помощи томских купцов, которые когда-либо занимались торговлей чаем и сплавляли по рекам Сибири этот ценный груз. Давали разъяснения и делали уточнения по сибирскому судоходству в этот период томские купцы П. Шумилов, М. Губинский, М. Мыльников, В. Старков, И. Закревский, М. Быков, Г. Зеленцов, П. Шихов, Н. Протопопов, мещанин М. Шумилов⁵⁰¹. Весь путь от Кяхты до Тюмени был ими не раз пройден и представлял собой сложный ком-

⁴⁹⁸ Большаков В.Н. О судоходстве Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX вв. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений в Сибири. Барнаул, 1990. С. 7.

⁴⁹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 104; Оп. 19. Д. 289; ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5644.

⁵⁰⁰ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX в. М., 1974. С. 221.

⁵⁰¹ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2667. Л. 7.

плекс транспортных услуг, связанных как с перевозкой груза по суше, так и с транспортировкой по рекам и оз. Байкал: «Из Кяхты выменянные товары вывозятся сухим путем 90 верст до р. Селенги, по ней 250 верст до Моря (так называли тогда Байкал – В.Б.)...» и т. д.⁵⁰²

В самом начале XIX в. одним из крупных речных портов Сибири являлся Томск, и в 1800–1801 гг. здесь имели суда с такелажем (парусом и оборудованием к нему) следующие купцы: Михаил Быков имел два судна, Григорий Зеленцов, Василий Старков и Иван Раев имели по одному старому судну, а Федор Закревский, Николай Протопопов и Федор Серебренников имели по одному ветхому и строили по одному новому. Кроме купцов суда имели мещане Иван Канаев, Иван Нехорошев и Иван Бедрин⁵⁰³.

Остановимся подробнее на характеристике основных типов судов, которые применялись западносибирскими купцами при перевозке своих товаров и транзитных грузов. Довольно часто они применяли дощаники, строившиеся из отесанных брусьев и толстых плах и представлявшие собой суда с прямой кормой и острым носом, с палубой и мачтой для паруса посередине. На дощанике имелось рулевое весло и до десяти весел. Стоил дощаник в первой половине XIX в. довольно дорого – до 4 тыс. руб. и поднимал от 3 до 13 тыс. пуд. Многочисленной была и команда такого судна: 20–30 чел. при сплаве вниз на веслах и 40–60 чел. при подъеме вверх по течению с помощью бечевы или через «завоз»⁵⁰⁴. На дощаниках перевозили обычно соль и наиболее ценные товары.

Суда такого типа строились, например, в г. Ачинске Енисейской губ. Длина их была от 13 до 15 сажен, ширина – от 8 до 10 аршин, грузоподъемность – от 7 до 10 тыс. пуд. Эти суда имели по 8–10 весел с каждой стороны и мачту с двумя парусами: «понизовым» и «противным». Цена каждому судну от 2 до 3,5 тыс. руб. Отправлялись они с Ачинской пристани в первых числах мая и приходили к устью Иртыша в конце этого месяца. Далее нужно было уже не сплавляться вниз по течению, а идти вверх по Иртышу, и поэтому в Тюмень судно приходило в конце июня. Работников на судне было 66 чел., и работали они в две смены (перемены). Плата каждому из работников на путь от Ачинска до Тюмени составляла 50–75 руб.⁵⁰⁵

О большом количестве разного рода судов и оживленной торговле в западносибирских речных портах свидетельствует регистрация товарооборота на сибирских реках в первой половине XIX в. Например, на тобольской пристани в мае 1827 г. стояло 6 барок, причем две из них были пущены на слом, 19 дощаников, 8 каюков и 34 лодки. Часть из этих судов (12 дощаников и 5 каюков) в этом же месяце отправились на тобольский север «по рыбопромышленным делам». Такие же сведения есть о разного рода судах, прибывавших на пристани г. Тюмени, Кургана, Ялуторовска.

В 1838 г. среди множества разного рода судов, лодок и плотов, в Томск прибыло 9 дощаников, принадлежавших томским купцам, которые привезли разных российских товаров 61943 пуд. на 1003650 руб. Чтобы представить себе оживленную работу на томских пристанях, приведем данные о причаливших в речные порты судах и об объемах и характере привозимых ими грузов по месяцам 1838 г. В июне в город прибыло 1 барка, 89 лодок, 11 плотов с грузом, 20 плотов с дровяным лесом. На этих плавсредствах было доставлено соли 23914 пуд., муки ржаной 9200 пуд., овса 800 пуд., разной рыбы 1306 пуд. В июле в Томск прибыло 1 дощаник, 96 лодок, 13 плотов. Они привезли соли 3700 пуд., муки ржаной 2940 пуд., муки пшеничной 430 пуд., овса 300 пуд., разной рыбы 581 пуд. В августе на 4 дощаниках, 116 лодках, 1 плоте привезли соли 9915 пуд., муки ржаной 100 пуд., муки пшеничной 200 пуд., разной рыбы 626 пуд. В сентябре 1838 г. в Томск прибыло 149 лодок и 1 плот, которые привезли совсем немного: 1500 пуд. соли, 250 пуд. ржаной муки, 500 пуд. овса и 1427 пуд. рыбы⁵⁰⁶.

Отметим неравномерность поступления товаров в Томск в летние месяцы. Это было связано с особенностями навигации по Оби и ее притокам. Например, обилие товаров в первые лет-

⁵⁰² ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2667. Л. 3–7.

⁵⁰³ Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 136. Л. 6.

⁵⁰⁴ *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири. XIX в. Новосибирск, 1991. С. 23.

⁵⁰⁵ *Степанов А.* Енисейская губерния. Ч. 1. СПб., 1835. С. 192.

⁵⁰⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 104. Л. 33.

ние месяцы объясняется «высокой водой», оставшейся после весеннего половодья, когда можно было сплавлять грузы по маловодным в другое время года рекам и речкам. Бросается в глаза неравномерное распределение по месяцам объемов перевозимых грузов по воде и по суше. Так, в июне 1839 г. перевезли 35220 пуд. грузов водой и только 300 пуд. гужевым транспортом. В августе роли поменялись: водой привезли всего 3667 пуд. малоценных грузов на 6040 руб., а сухопутным – 29439 пуд. на 4054900 руб.⁵⁰⁷ Томское губернское управление не учитывало в цитируемом отчете грузы томских купцов, например, те 9 дощаников, о которых говорилось выше и которые привезли товаров более чем на 1 млн руб., потому что с местных и иногородних купцов брались разные по размерам подати.

Сходная картина наблюдается на томских причалах в 1843 г., но принципы учета речных судов были иными, и за всю навигацию зарегистрировано прибывших к Томской пристани 2 барки, 1 полубарка, 12 дощаников, в том числе 7 с китайским товаром, 3 каюка, 65 лодок, 50 лесных и 40 дровяных плотов. Ценность привозимых грузов определена с точностью до полушки (1/4 копейки) и составляла: китайских товаров (чаями) привезено 200985 пуд. на 6561934 руб. 31 коп., соли 1000 пуд. на 500 руб., муки ржаной 50 тыс. пуд. на 14285 руб. 71 1/4 коп., разного хлеба в зерне привезено 800 пуд. на 457 руб. 14 1/4 коп., рыбы 1000 пуд. на 2285 руб. 71 1/4 коп.⁵⁰⁸

Таким образом, на основе приведенных фактов можно сделать вывод о том, что в речных портах Западной Сибири наблюдалось оживленное движение, и сюда привозили огромное по тем временам количество товаров большой ценности. Большая их часть перевозилась на дощаниках – более совершенных и безопасных для того времени судах. Их преимущество заключалось еще и в том, что они могли двигаться против течения с помощью паруса, весел или «завоза», и большие траты на их постройку окупались использованием дощаников в течение нескольких навигаций, лучшими мореходными качествами этих судов, дававшими большую скорость и обеспечивавших лучшими по сравнению с другими типами судов условиями безопасности грузов, экипажа и пассажиров. Часто купцы не называли такие суда дощаниками, но упоминание мачты и паруса, такелажа и палубы делает понятным, что речь идет о них⁵⁰⁹.

В качестве примера подряда на перевозку груза водным путем на дощанике можно привести контракт богородского крестьянина И.М. Сваровского с томским мещанином, потом вступившим в купечество, И.М. Нехорошевым: «Г. Томска 1818 г. генваря 2 дня я нижеподписавшийся Томского округа Богородского комиссарства и Богородского села крестьянин Иван Михайлов сын Своровский дал сей контракт томскому мещанину Ивану Михайлову сыну Нехорошеву следующего содержания: 1. Отправиться с людьми Нехорошева не позднее 15 марта с. г. в г. Барнаул и приступить к поправке и сохранению там судна Нехорошева. 2. В указанном приказчиком Путинцевым месте погрузиться хлебом и отправиться с ним вниз по Оби в город Нарым и по прибытию же выгрузиться из судна на берег. 3. По сдаче оного, то есть сносить хлеб на веса и исправности его поставить мачту и сопец и следовать в обратный путь до города Томска. По прибытию в Томск сопец и мачту вынуть и судно в отстой поставить и со своим хозяином учинить расчет за вышеозначенную работу сорок рублей, а при получении контракта получить денег тридцать рублей. Пищу же употреблять в пути хозяйскую, платье и обувь мое собственное. По пути следования быть мне у вас, у Нехорошева, или у посланного Вашего во всяком послушании и повиновении как долг требует честного и доброго человека, а в случае моей какой-либо неисправности и невыполнения, то вольны вы поступить по закону где и как следует. Сей контракт сохранять свято и нерушимо в чем и подписуюсь. К сему контракту личною просьбою крестьянина Ивана Своровского руку приложил Федор Тузиков мещанин томский»⁵¹⁰.

Другим довольно распространенным типом речных судов являлась барка. По словам автора монографии, посвященной речному транспорту Сибири в XIX в., барки предназначались для спла-

⁵⁰⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 104. Л. 21–29.

⁵⁰⁸ Там же. Оп. 19. Д. 289. Л. 7.

⁵⁰⁹ *Перетиска* томского купца А.М. Серебренникова с нарымским купцом А.С. Родоковым // ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 248. Л. 2–41.

⁵¹⁰ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 211. Л. 1.

ва грузов вниз по течению. Корпус у них был 4- или 6-угольной формы с плоским дном. Груз защищала от непогоды палуба из досок. Имелось рулевое (правильное) весло и до 10 весел для ускорения движения. Барки поднимали 5–10 тыс. пуд., и команда состояла из 6–10 чел. Стоимость барки была невелика – около 800 руб.⁵¹¹ Суда такого типа чаще всего сплавлялись с верховьев и были больше указанных здесь параметров по грузоподъемности и численности экипажа. Например, в 1838 г. в Томск прибыла барка тобольского третьей гильдии купца Алексея Глазкова, которая была длиной 19 аршин (1 аршин – 71,12 см), шириной 16 аршин и привезла 12 тыс. пуд. ржаной муки, 600 пуд. пшеничной и 300 пуд. орехов. На барке находилось 30 работников с жалованьем от 100 до 120 руб. за сезон⁵¹².

Томские купцы сами делали заказы на строительство такого рода судов. Самую большую из них заказывал в 1819 г. томский купец М.Д. Клевост. С уставщиком (главой артели строителей) был заключен контракт на строительство барки длиной 20 сажень и шириной 6 сажень (1 сажень – 213,36 см). Уставщик, томский мещанин Терентий Колобков, брал обязательство не только построить эту огромную по тем временам барку, но и спустить ее на воду, опробовать, загрузить ее хлебом и с командой, нанятой Клевостым, доставить хлеб, куда он укажет. За эту сезонную работу получал Колобков 180 руб. при хозяйских харчах, но в случае «медлительности и нерасторопности при постройке, небрежении и проступках при плавании» контракт расторгался⁵¹³. Зимой 1820 г. М.Д. Клевост построил еще две большие барки и нанимал в одном случае мещан из Томска Алексея Малютина и Гавриила Серебренникова с артелью, в другом случае – крестьян Нелюбинской волости дер. Белобородовой Елистрата Иванова и Ивана Андреева и 10 чел. рабочих. В первом случае купец выплачивал уставщикам по 200 руб., во втором – по 150 руб. и о причинах таких существенных различий можно только догадываться⁵¹⁴. В июле 1820 г. М. Клевост получил заказ на перевозку большого груза – казенной медной монеты на 30089 руб. В этом же году Клевост закупил 6 тыс. пуд. хлеба на 3675 руб. и поручил сплавить его из Томска в Нарым купеческому сыну В. Хлебникову⁵¹⁵. Печальна была судьба самого купца Клевоста – в одном из плаваний в октябре 1826 г. он утонул. В городском суде рассматривалось дело по опеке над имуществом этого купца, который мог стать одним из самых крупных и известных сибирских купцов.

В Ялуторовске также строили большие барки для сплава разных товаров вниз по Иртышу. В 1827 г. для купца Мясникова была построена барка длиной 8 саж., шириной – 5 саж., высотой 4 аршина для сплава в Тобольск вина. Для тарского купца Минаева и ялуторовского купца Бронникова были изготовлены барки длиной 5 саж., шириной 4 саж. и высотой 4 аршина для поставок в Тобольск муки. Эти суда были почти квадратные, борта имели невысокие, качество их изготовления было низким («топорная работа») и годились они только для сплава вниз по течению рек. Иногда на них устанавливали мачты с парусом, и при попутном ветре скорость доставки грузов увеличивалась. Такого рода суда строились на юге Тобольской губернии, где реки были мелководными, и постоянно существовала опасность посадить груженные хлебом барки на мель⁵¹⁶.

В Томской губернии реки были более полноводными, и в контрактах содержится описание более крупных барок. В одном случае барка была длиной 16 сажень, в поперечнике 5 сажень, в высоту 4 аршина. Грузоподъемность такого судна была 20 тыс. пуд., и ушло на него «250 круглых сосновых лесин». Меньшее по размерам судно было у томского мещанина Ломова: длиной 12 сажень, шириной 8 аршин, и срублено на него 140 сосновых лесин⁵¹⁷.

Таким образом, барки были более простыми, массивными и грубо сделанными судами, чем дощаники. Для томских купцов и мещан, занимавшихся, прежде всего, хлеботорговлей, они строились большей грузоподъемности, чем это было принято в Западной Сибири, и были не квад-

⁵¹¹ Бальшаков В.Н. Очерки истории речного транспорта ... С. 24.

⁵¹² ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 104. Л. 11.

⁵¹³ Там же. Ф. 127. Оп. 2. Д. 226. Л. 18.

⁵¹⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.

⁵¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20. Л. 19, 45.

⁵¹⁶ ГАОО. Ф.3. Оп. 4. Д. 5644. Л. 10; ТФ ГАТюмО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 39. Л. 12, 26, 101, 185.

⁵¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 93. Л. 1–2.

ратной формы, а прямоугольной с заостренным носом, что делало барку более обтекаемой и давало ей возможность быстрее двигаться по воде.

Строительство барок не требовало высокой квалификации от строителей, и не было строгой специализации: кораблестроители выступали затем в роли грузчиков и матросов своего корабля. Такого рода артели нанимались на время навигации или на время пути с места загрузки до места выгрузки или до места стоянки своего судна. Следует отметить, что барки и дощаники были изобретены не в Западной Сибири. Эти типы судов были позаимствованы из водной системы северных рек Европейской России. По словам Э.Г. Истоминой, барки и дощаники были схожей конструкции, плоскодонными и бескильными, передвигались с помощью весел и паруса, но дощаники были «несколько уже, меньше поднимали груза и менее прочной постройкой»⁵¹⁸.

Известными в Томске судовладельцами и торговцами были купцы Барковские. Родоначальником этой династии был Федор Афанасьевич Барковский, который в 1785 г. объявил капитал в 1020 руб. и был причислен к купцам третьей гильдии. Происходил он из заводских крестьян и был женат на дочери томского заводского крестьянина Гавриила Черноярова Федосье. В их семье были дети: Федор, Иван, Акулина. Ф.А. Барковский имел в Томске деревянный дом и торговую лавку. Торговал он преимущественно товарами российского происхождения и занимался перевозкой грузов водным путем. В 1776 г. он был избран «зборщиком подушной подати»⁵¹⁹.

Его старший сын Федор объявил в 1815 г. капитал в 8010 руб. и являлся одним из немногих в то время гильдейских купцов Томска. Вместе со своим братом Иваном он продолжил дело отца: вел в городе небольшую торговлю и доставлял грузы водным путем. В 1819 г. братья нанимали 5 крестьян для «сплавки» своей барки с грузом до Тобольска и обратно до Томска с оплатой по 90 руб. асс. каждому. В 1815 г. Ф.Ф. Барковскому было 56 лет, женат он был на дочери томского мещанина Матвея Шумилова (кстати, также известного в Томске судовладельца) Парасковье 29 лет и у них был сын Иван 8 лет. В Духовском приходе Томска он имел собственный дом с флигелем, а в Гостином ряду одну каменную лавку. Судя по всему, Федор Барковский пользовался большим доверием у томского общества и последовательно избирался на должности ратмана, гласного, бургомистра. В 1814 г. он был избран на должность томского градского головы и в 1817 г. был переизбран еще на один срок. Вероятно, общественная служба не позволяла ему заниматься своими коммерческими делами в полном объеме, и они постепенно пришли в упадок. В 1832 г. Ф.Ф. Барковский уже в преклонном возрасте «исключается в мещанство» и вместе с ним теряет право на купеческое звание все его многочисленное семейство. В этом же году умирает его брат Иван, и в дальнейшем фамилия Барковских в списках томского купечества не встречается⁵²⁰.

Очевидно, что транспортировка грузов водой больше, чем какая-либо другая коммерческая деятельность, требовала присутствия хозяина на судах, в местах отправки приема грузов, в других городах Сибири, где можно было найти заказчиков. Поэтому общественная служба мешала судовладельцам, и они старались от нее освободиться. В начале XIX в. крупными подрядами по доставке грузов сушей и водой занимался томский купец Михаил Карпов. В 1821 г. ему было 52 года, он был женат вторым браком на мещанской дочери Парасковье Елисейевой, и в их семье был сын Григорий 14 лет и дочь Екатерина 13 лет. В Томске он владел тремя домами и был ратманом, церковным старостой, а потом и городским судьей. Если первые две должности были ему не в большую тягость, то обязанности судьи требовали личного присутствия на заседаниях. Поэтому 24 мая 1824 г. он обращается в магистратский суд с просьбой освободить его от обязанностей городского судьи, так как он «имел необходимость по коммерции своей отлучиться водной коммуникацией в г. Тобольск»⁵²¹. После долгих дебатов его от должности не освободили, но отпустили по его делам до осени.

Другим известным томским купцом и судовладельцем был М.И. Быков, который состоял во второй гильдии с 1800 по 1815 гг. и в третьей гильдии с 1785 по 1799 и с 1816 по 1821 гг. Женат был он на дочери томского казака (по другим сведениям дворянина) Матвея Скворцова Федосье.

⁵¹⁸ Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период. М., 1991. С. 35.

⁵¹⁹ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1125. Л. 319.

⁵²⁰ ГАТО. Д. 3183. Л. 28; Д. 5508. Л. 174; Ф. 127. Оп. 2. Д. 226. Л. 32; Д. 348. Л. 26.

⁵²¹ ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5994. Л. 162; Ф. 51. Оп. 1. Д. 104. Л. 6.

Коммерция у М.И. Быкова была традиционно сибирская: «торговля российскими товарами и сплав купецких и прочих кладей на речных судах». В начале XIX в. у него было 2 лавки в каменном Гостином дворе, две – в старом деревянном, два речных судна и дом в Богоявленском приходе. Кредита М.И. Быков брал у других купцов всего на 1 тыс. руб., что указывает на небольшой объем торговых операций и недоверие к нему со стороны кредиторов. Объем торгового оборота у него примерно соответствовал размеру объявленного капитала, что в то время было редким явлением. Почти всегда объявленный капитал был в несколько раз меньше реального. Одной из причин завышения М.И. Быковым размеров своего капитала была его общественная служба. В начале XIX в. он на два трехлетия избирался в магистрате бургомистром, а в 1821 г., когда ему уже перевалило за 70, его выбрали градским головой. Между тем дела его приходили в упадок, а сыновья ему были не помощниками. Старший сын Василий женился в 20 лет на 27-летней дочери отставного прапорщика Петрова Екатерине и стал вести вполне «благородный» образ жизни. Младший тоже оказался к коммерческому делу непригоден. В результате после 1825 г. фамилия Быковых в составе томского купечества не значится⁵²².

Среди судовладельцев г. Томска выделялся Михаил Борисович Серебренников, который единственным из них в первой половине XIX в. состоял в купцах первой гильдии. В 1815 г. он был женат вторым браком на дочери томского мещанина Баранчукова Авдотье, и у него был сын от первого брака и 5 сыновей от второго. Сыновья становились взрослыми и женились, что позволило М.Б. Серебренникову породниться со многими томскими купцами, в том числе с крупнейшим из них – М.А. Мыльниковым. Последний оставил в наследство молодым трехэтажный каменный дом. Этот дом был известен в Томске тем, что он сдавался под квартиры высшим чинам, следовавшим через город, в том числе М.М. Сперанскому.

Кроме нескольких речных судов М.Б. Серебренников имел в каменном Гостином дворе 5 лавок и в 1815 г. объявил капитал в 50025 руб., что причисляло его к купцам первой гильдии. Выбирался он на следующие общественные должности: казначей народного училища, ратман, гласный, бургомистр⁵²³. Нетрудно заметить, что купцы, которые занимались в Томске доставкой товаров водным путем, имели среди горожан высокий авторитет и чаще других избирались на высшие должности в городском самоуправлении. Кроме того, по мнению других купцов и администрации, у них было больше свободного времени, так как их деятельность приходилась в основном на период навигации.

Коммерческая деятельность западносибирских купцов-судовладельцев хорошо описана известным сибирским публицистом конца XIX в. И. Левитовым, который отмечал, что главная артерия Западной Сибири соединяла Тюмень и Томск, и в Тюмень везли, как правило, чай, а обратно доставлялись фабричные изделия. Купцы старались отправить суда в Николин день (середина мая), сами же выезжали на лошадях в Тюмень, куда суда прибывали к Петрову дню (конец июня по старому стилю). В Тюмени заключались договора на поставку грузов обратно в Томск, но грузов на всех не хватало⁵²⁴.

По маршруту Томск – Тюмень и обратно больше всего в тот период курсировало ходких, хорошо просмоленных лодок, которые поднимали на свой борт от 0,5 до 2,5 тыс. пуд. груза и против течения шли на веслах или тянулись на бечеве. Работников на лодках было по 2–6 чел., и работа требовала от них большой физической силы и выносливости. Высока была и ответственность за ценные грузы.

В 1830 г. перевозили из Томска в Тюмень большие партии грузов М.Б. и П.Ф. Серебренниковы, М.П. Базин, П.Ф. Чулошников, Ф.С. Бадашков и некоторые другие. В их суда загружали от 700 до 3000 пуд. груза, и плата за провоз была довольно высокой – от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 40 коп. за пуд. В качестве заказчиков выступали Российско-Американская компания, вологодский, а потом московский купец Колесов, другие известные в коммерческих кругах Сибири и России купцы. Однако следует отметить, что предпринимательство на водном транспорте

⁵²² ГАТО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 5508. Л. 163; Д. 5994. Л. 163.

⁵²³ Там же. Д. 5508. Л. 172.

⁵²⁴ Левитов И. Очерк развития пароходства в Западной Сибири // Журнал Министерства путей сообщения. 1888. № 50. С. 67–68.

в первой половине XIX в. было связано с большим риском и было нестабильно, поэтому крупных капиталов купцы здесь не составили. Они занимались обслуживанием московских и сибирских фирм, перевозили в основном транзитные грузы и лишь небольшие объемы местных товаров, часть из которых принадлежала самим судовладельцам и приносила им дополнительную прибыль. В результате после появления на реках Западной Сибири пароходного сообщения лишь немногие из прежних судовладельцев стали пароходчиком или выделялись величиной своих капиталов в других отраслях сибирского предпринимательства.

Одним из них является Д.И. Тецков, который долгое время, около 20 лет, служил комиссионером (доверенным лицом) Российско-Американской компании, имел хорошие связи в среде местного чиновничества, часто уполномочен был перевозить грузы компании, нанимать для нее приказчиков и экипажи судов. Не желая упускать своей выгоды от доставки грузов компании, Д.И. Тецков строил за свой счет суда и, набрав команды, отправлял их в разные города Западной Сибири. Так, в сентябре 1851 г. он договаривался с тремя крестьянами Томского округа о строительстве двух «водоходных суден», и на одном из них они должны были следовать в Тюмень⁵²⁵. Капиталы, накопленные Д.И. Тецковым в торговле и на транспорте, давали ему возможность выполнять заказы по перевозке грузов Российско-Американской компании, что принесло ему дополнительно и более тесные связи с местными чиновниками. Все это вместе взятое, на наш взгляд, помогло томскому купцу Тецкову стать одним из первых пароходчиков в Западной Сибири.

К середине XIX в. относится начало пароходного сообщения в Западной Сибири. Открытие пароходства совпало с периодом, когда заметно оживилась торгово-промышленная жизнь края. Первый пароход появился здесь в 1843 г. Сначала он принадлежал купцу и откупщику Н.Ф. Мясникову, который получил привилегию (монополию), гарантированную правительством в 1839 г. В монографии В.Н. Большакова, посвященной истории речного транспорта Сибири в XIX в., отмечено, что в 40 – начале 50-х гг. развитие пароходства сдерживала привилегия Н.Ф. Мясникова, разделенная потом с А.Ф. Поклевским-Козелл. По окончании ее действия в 1852 г. томский купец Тецков, селенгинские купцы Марьин и Кондинский и иркутский Хаминов составили компанию «Опыт» для перевозки грузов между Томском и Тюменью. Они заказали в Бельгии железный пароход со 100-сильным двигателем, который в 1853 г. был собран в Тюмени, получил название «Ермак» и с 1854 г. начал свою работу. В 1855 г. Поклевский-Козелло построил в Тюмени деревянный пароход «Иртыш» с 80-сильным двигателем. «Ермак» делал за навигацию 4–5 рейсов между Тюменью и Томском, «Иртыш» – 3 рейса, но последний перевозил 390 тыс. пуд. груза, а первый – 200 тыс. пуд. груза⁵²⁶.

Дополняют очерк о начале пароходства в Западной Сибири сведения, почерпнутые нами из очерка О.Н. Разумова о Д.И. Тецкове: «С начала 50-х гг. в Обь-Иртышском бассейне становится регулярным паровое судоходство, и Дмитрий Иванович (Тецков. – В.Б.) был одним из его пионеров. Вместе с тремя иногородними купцами он составил пароходную компанию «Опыт» для перевозки грузов между Тюменью и Томском. Они заказали в Бельгии железный пароход мощностью 100 лошадиных сил, получивший название «Ермак». За навигацию этот пароход совершал четыре-пять рейсов, перевоза до двухсот тысяч пудов грузов»⁵²⁷.

Однако эти сведения не исчерпывают историю становления западносибирского пароходства. Интересная и подробная информация содержится в документе Томского губернского правления, озаглавленном «О пароходстве в Томской губернии на 1857 г.» Здесь во многом повторяются известные факты о монополии Никиты Мясникова, который передал ее чиновнику Поклевскому-Козелл. Тот построил свой первый пароход в 30 сил на Нижнетагильском заводе Демидовых в 1844 г., а на следующий год построил еще два парохода: один в 50 сил, другой в 10 сил с машинами, изготовленными в Швеции. Однако этот опыт оказался неудачным, и с 1850 г. маломощные

⁵²⁵ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 529. Л. 49, 154–155.

⁵²⁶ Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта ... С. 103.

⁵²⁷ Разумов О. Сибирский самородок. Дмитрий Тецков – предприниматель и городской голова // Сибирская страница. Томск. 1993. № 3. С. 16–17.

пароходы не действовали⁵²⁸. Только потом появляются пароходы «Иртыш» и «Ермак», которые долгие десятилетия будут ходить по западносибирским рекам.

Следует особо сказать о производительности этих двух самых больших в то время пароходов. Чиновники, которые были очевидцами тех событий, писали, что пароход Поклевского делает три рейса, перевоза каждый раз до 65 тыс. пуд. груза, всего за навигацию до 390 тыс. пуд. Пароход компании делает 4–5 рейсов, забирая на борт до 40 тыс. пуд. груза, всего за навигацию до 200 тыс. пуд.⁵²⁹ Очевидно, что в эти расчеты вкралась ошибка. Грузооборот парохода Поклевского «Иртыш» был рассчитан правильно: 65 тыс. пуд. за три рейса в одну сторону давали 195 тыс. пуд. груза и примерно столько же груза в обратную сторону, что давало показанную в отчете о состоянии пароходства в Томской губернии цифру – 390 тыс. пуд. Пароход же компании Тецкого «Ермак» с железным корпусом и более мощной машиной поднимал на себя за один раз меньше груза – 40 тыс. пуд., но обладал большей скоростью и делал за сезон до 5 рейсов, что давало в сумме показанные в отчете 200 тыс. пуд. Однако здесь не учтена доставка грузов на обратном пути, как сделано в первом случае. Если это сделать, то получим итоговую цифру в 400 тыс. пуд., что примерно равно перевозимым грузам на пароходе Поклевского.

Таким образом, объемы грузооборота двух первых больших пароходов в Западной Сибири, довольно часто цитируемые в специальной литературе, должны быть пересмотрены. Иначе получается парадоксальная ситуация: 80-сильный «Иртыш» с деревянным громоздким корпусом перевозил за навигацию почти 400 тыс. пуд., а 100-сильный «Ермак» с железным корпусом и паровой машиной высокого давления мощностью до 120 лошадиных сил – вдвое меньше. Просчет чиновников в определении грузооборота этих пароходов в 1850-е гг. не был замечен и исправлен и переходил из одной работы в другую.

Грузовые перевозки между Томском и Тюменью на первых пароходах стали значительно дешевле, чем по суше на лошадях и по рекам на гребных и парусных судах. В зависимости от товара (например, медь и свинец в слитках перевозились дешевле, чем чай и ткани) фрахтовая цена за провоз товаров из Тюмени в Томск была от 25 до 40 коп. за пуд, а от Томска до Тюмени – от 40 до 60 коп. за пуд. Перевозили в основном из Тюмени разные товары с Ирбитской ярмарки: кожевенные, холщовые, суконные и другие, а также чугун, железо и железные изделия с уральских заводов. Из Томска везли на Нижегородскую ярмарку и в Москву чай байховый и кирпичный, с Алтайских заводов – медь и свинец, а также пушные товары⁵³⁰.

После первого этапа становления западносибирского пароходства численность пароходов здесь изменялась следующим образом: в 1860 г. – 10 пароходов, в 1870 г. – 22, в 1875 г. – 32, в 1880 г. – 37, в 1885 г. – 57, в 1890 г. – 69, в 1892 г. – 90, 1893 г. – 102⁵³¹. Эти пароходы в 1893 г. распределялись по мощности следующим образом: в 250 лошадиных сил – 1 пароход, в 180 – 1, в 150 – 4, в 120 – 8, в 100 – 9, в 80 – 18, в 60 – 11, в 40 – 15 и малосильных пароходов мощностью менее 40 л. с., которые использовались для местных нужд и в дальние рейсы не ходили, было в то время 21⁵³². Особенностью западносибирского пароходства в тот период являлась слабость паровых машин большинства судов, которые имели вдобавок зачастую еще деревянные корпуса, в качестве топлива повсеместно выступали дрова, что делало перевозки более дорогими, длительными и рискованными, чем в Европейской России.

Распределение пароходов по фирмам и владельцам происходило таким образом, что среди 38 предпринимателей, владевших пароходами, 44 % всех пароходов и 51 % их мощности приходилось на долю 4 фирм (Товарищество «Курбатов и Игнатов», «Ширков и К», «Плотников и сыновья», И.Т. Корнилов). Барж в Западной Сибири в начале 1890-х гг. было 250–300, которые могли поднять 10–12 млн пуд. Подсчет показывает, что за навигацию 1865 г. было перевезено

⁵²⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 775. Л. 10.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Там же. Л. 10–11.

⁵³¹ *Гутиамбаров С.И.* Торговля, промышленность и пути сообщения в Сибири. СПб., 1893. С. 54; РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 90. Л. 5; Оп. 67. Д. 396. Л. 3.

⁵³² *Сибирь и Великая Сибирская железная дорога.* СПб., 1893. С. 240; ТФ ГАТО. Ф. 158. Оп. 15. Д. 1956. Л. 14.

1175 тыс. пуд. грузов, в 1870 г. – 1695 тыс. пуд., в 1875 – 1,5 млн пуд., в 1880 г. – 2,3 млн пуд. После 1885 г., когда была построена железная дорога, соединяющая Екатеринбург с Тюменью, грузооборот западносибирского пароходного флота стал быстро увеличиваться: в 1886 г. – около 3 млн пуд., в 1887 г. – около 6 млн пуд., в 1890 г. – 8 млн пуд. и в 1892 г. в связи с перевозкой материалов для строительства Сибирской железной дороги и массовыми перевозками зерна во время «хлебной горячки» было перевезено более 16 млн пуд. грузов. Число пассажиров было в начале 1890-х гг. невелико – около 9 тыс. чел., но гораздо больше перевезли за казенный счет переселенцев, новобранцев и арестантов – 16 тыс. чел.⁵³³

Небольшое количество пассажиров на пароходах во второй половине XIX в. объясняется тем, что почти все пароходы буксировали баржи, и скорость их продвижения была невелика, а условия переезда малокомфортабельны. П.А. Кропоткин, путешествовавший по Сибири в 1862 г., отмечал: «Буксирные пароходы хотя и берут пассажиров, но ходят редко и слишком долго, от 16 до 18 дней от Томска до Тюмени, между тем как на почтовых лошадях этот переезд совершается в 7–8 дней»⁵³⁴. Спустя почти три десятилетия другой путешественник в своих путевых записках отмечал тихоходность продвижения пароходов по тому же маршруту, и особенно медленно они продвигались с баржами против течения⁵³⁵. Судя по всему, перевозка пассажиров не могла дать пароходчикам высокой и устойчивой прибыли, и они не спешили налаживать здесь правильное пассажирское движение, как это было, например, на Волге.

Только в 1880-е гг. появляется у пароходчиков интерес к перевозке переселенцев, так как правительство, заинтересованное в освоении новых земель и переселении крестьян из густонаселенных губерний России, гарантировало довольно высокую оплату их транспортировки. Пароходчики стали искать более совершенные способы перевозки людей. Например, И.И. Игнатов строил особые баржи для переселенцев, куда они могли грузиться с лошадьми и телегами. Кроме того, он вместе с другими пароходчиками собирался выстроить станцию для переселенцев в Тюмени⁵³⁶. Принимали участие в выгодном для них деле по перевозке переселенцев и томские купцы. Например, 27 июня 1886 г. из Тюмени отправились два парохода Королева, «Пермяк» и «Иртыш», везущие в Томск 1032 души переселенцев из Курской губернии⁵³⁷.

Однако до конца XIX в. уровень развития судоходства в Сибири был значительно ниже, чем в Европейской России, где в начале XX в. одно паровое судно приходилось примерно на 12 верст судоходных путей, а в Сибири – на 159,6 версты, то есть интенсивность судоходства была в 13 раз ниже⁵³⁸.

Увеличение грузооборота по рекам Западной Сибири обуславливалось нуждами хозяйственного развития края, а также высокой нормой прибыли, получаемой сибирскими капиталистами на транспорте. В.В. Берви-Флеровский по этому поводу писал, что «пароход средней величины с баржами стоит 30 тыс. руб., годовое его содержание – 20 тыс. руб. Пароход в течение навигации приносит доход обычно не менее 60 тыс. руб., и их владельцы быстро обогащаются. Вследствие этого у них вырабатывается особенный склад ума и особенные воззрения на промышленность. Они постоянно стремятся к монополии и в одной монополии видят для себя спасение»⁵³⁹.

Высокую норму прибыли на речном транспорте обеспечивал высокий фрахт (плата за перевозку груза водным путем), который в Обском бассейне составлял 1/120 коп. с пудоверсты, что было в 5 раз дороже, чем на Волге. С одной стороны, высокие прибыли вызывали приток капиталов, с другой – тормозили увеличение заказов на грузовые перевозки из-за высокой стоимости транспортировки грузов. Отчасти высокие фрахты были обусловлены большим риском, которому

⁵³³ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894. Томск, 1893. С. 173, 176–177; Оланын К. Указ. соч. С. 25; РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 118. Л. 27.

⁵³⁴ Кропоткин П.А. Дневники разных лет. М., 1992. С. 275.

⁵³⁵ Исаяв А.А. От Урала до Томска. Из путевых заметок // Вестник Европы. 1891. № 9. С. 65.

⁵³⁶ Сибирская газета. 1883. 18 сент. (Приложение).

⁵³⁷ Сибирский вестник. 1886. 3 июля.

⁵³⁸ Бальшаков В.Н. К вопросу о формировании и численности речников в Сибири (1895–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск. 1976. С. 125–126.

⁵³⁹ Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России // Избранные экономические произведения. Т.1. М., 1958. С. 137.

подвергались суда при плавании (неизученный фарватер, отсутствие навигационных знаков, телеграфного сообщения, метеосведений, малочисленность прибрежного населения) и низким развитием самого транспорта, ненадежностью механизмов и другими причинами. Например, только летом 1883 г. произошло два крупных крушения судов. Сначала в редакцию «Сибирской газеты» пришло сообщение из Сургута: «Суда проходили по протоке с сильным течением, и неожиданно поднявшийся ветер столкнул баржи с крутым берегом. В результате столкновения баржа получила большую пробоину (сажени в две длиной) и больше половины находившихся там чаев были подмочено (4 тыс. из 7 тыс. мест). В следующем номере газета сообщала подробности крушения: «Чай сгружали на берег 4 дня. Добровольцам из Сургута платили по 15 коп. за каждое выгруженное с баржи на берег место... (107 фунтов, или 44 кг. – В.Б.). Чаи принадлежали Кухтерину 1380 мест, Малых – 1530, Пушникову – 1400, Голдобину – 1000, Иванову – 70, Каменскому – 60 и незначительное количество еще нескольким лицам»⁵⁴⁰.

Чуть позднее пришло сообщение о более серьезной аварии, которая привела к человеческим жертвам: «Нам передают, что плывший из Тюмени в Томск пароход Плотникова «Ермак» потонул от взрыва котла. Пароход разбило, ранено и убито 27 человек команды, капитан успел спастись...». Газета указывает на непрочность котлов пароходов Тюфина и Тецкого, перешедших во владение других лиц⁵⁴¹. В самом деле, «Ермак» был одним из первых пароходов на Оби и ее притоках и первым пароходом с железным корпусом. Паровая машина, изготовленная в Бельгии еще в середине века, давно выработала свои ресурсы, но продолжала работать. Не на пользу пароходу пошла и частая смена хозяев, которые старались получить от его работы максимальную прибыль. От Д.И. Тецкого «Ермак» перешел к томскому купцу Б.Л. Хотимскому и после его смерти в 1873 г. находился в собственности у его вдовы. Известен контракт от 20 декабря 1876 г., по которому томская купчиха первой гильдии М.Г. Хотимская нанимала тобольского мещанина Матвея Федорова капитаном на пароход «Ермак» с 1 февраля по 1 ноября 1877 г. с жалованьем 600 рублей (200 руб. аванса). После того как в начале 1880-х гг. имущество обанкротившихся Хотимских было распродано с торгов, пароход перешел к тобольскому купцу М.Д. Плотникову, но долго ему не прослужил.

Большинство пароходов было с деревянными корпусами, маломощными паровыми машинами, с дровяным отоплением. Для пополнения запасов дров делались частые остановки, что затягивало рейсы, требовало содержания дровяных складов. Возникали и другие затруднения в речном судоходстве, часть из которых пароходчики решали сами. Так, И. Игнатов составил в 1877 г. карту-дорожник по рекам Западной Сибири и получил за это от правительства награду. Купцы Тюфин и Родюков в 1865 г. провели проверку рек Кети и Чулыма «на предмет устройства пароходных сообщений», а тот же Тюфин пытался наладить правильное судоходство между городами Туринском и Верхотурьем⁵⁴².

По инициативе отставного коллежского асессора и временно вступившего в гильдию барнаульского купца М.Е. Функа в 1878 г. было предпринято плавание на пароходе «Луч» в Обскую губу, где 23,5 тыс. пуд. сибирской пшеницы должны быть обменены на 15 тыс. пуд. заграничных товаров гамбургского купца Отто Барднинга. Томский чиновник К. Евтропов присутствовал на пароходе в качестве наблюдателя от губернского правления и опубликовал интересные путевые заметки об этом плавании, которые раскрывают некоторые особенности предпринимательства в речном транспорте. В пути от Томска до устья р. Надым баржи часто попадали на мель, так как карт и лоций не было, а устные указания лоцманов других были неточными или ошибочными. Поэтому использовали различные способы стаскивания парохода с мели. Из них самыми известными и надежными были стягивание парохода и барж с мели воротом, который крутили созданные на помощь жители окрестных деревень, и запускание под днище судна на мели бревна на цепях и т. д. Автор заметок наблюдал постоянные ссоры и драки среди матросов и кочегаров и пришел к неутешительному выводу, что они «народ до крайности испорченный, перебивавший в острогах и на каторге». Пароход

⁵⁴⁰ Сибирская газета. 1883. 12, 17 июня.

⁵⁴¹ Там же. 4 сент.

⁵⁴² ГАТО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 42. Л. 7; ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13369. Л. 24; Оп. 9. Д. 14049. Л. 4.

«Луч» с большим деревянным корпусом и 60-сильным двигателем не был приспособлен для плавания в низовьях Оби и в Обской губе, поэтому его сменили в устье Иртыша на 120-сильный «Сибиряк». Томские купцы были уверены, что экспедиция не удастся. Когда же Функ вернулся и с выгодой для себя продал привезенные товары, то, по словам Евтропова, один из самых главных капиталистов Томска доказывал, что эта торговля «разорит местную торговлю и край»⁵⁴³.

Высокая прибыль на речном транспорте определяла довольно сильную конкуренцию между западносибирскими пароходчиками. Конкурентная борьба привела к тому, что резко понизился фрахт, и уменьшились доходы судовладельцев. Поэтому они продолжили традицию объединения в монополии, и в 1865 г. было образовано товарищество под названием «Комиссионерство». В него вошли Поклевский-Козелл, Тюфин, Решетников, Хаминов и Тецков, а в следующем, 1866 г., к ним присоединились братья Айтыкины и Суханов. Предприниматели попытались наладить правильное движение между Тюменью и Томском. В какой-то мере этому способствовало Главное управление Сибири, заключившее с товариществом контракт на перевозку арестантов и солдат, следовавших в Восточную Сибирь⁵⁴⁴.

Однако полного господства в Западной Сибири эта компания добиться не смогла. Высокие прибыли привлекли сюда волжского пароходчика И.С. Колчина, который, основав товарищество «Колчин и Игнатов», в 1869 г. заключил с правительством контракт на перевозку арестантов между Тюменью и Томском на 10 лет с понижением платы на 1 рубль против прежней, то есть по 6 руб. 50 коп. за каждого взрослого и половину этой цены за детей. При заключении этого контракта правительством была дана товариществу единовременная ссуда в размере 200 тыс. руб., которая должна была погашаться удержанием из платы за перевозки по 20 тыс. руб. в год до окончательного возврата ссуды⁵⁴⁵. На эти огромные по тем временам деньги товариществом Колчина и Игнатова были основаны в предместьях Тюмени судостроительная верфь и механическое заведение (машиностроительные мастерские). В 1882 г. при товариществе «Курбатов и Игнатов» уже на другом месте были возведены каменные корпуса, и заведение переименовано в Жабынский механический и чугунолитейный завод. По свидетельству И.С. Левитова, в начале 1890-х гг. при больших заказах на этом заводе работало до 1000 человек⁵⁴⁶.

Компания сибирских пароходчиков «Комиссионерство» потерпела в схватке с более сильной и опытной компанией «Колчин и Игнатов» полное поражение и вскоре распалась. Отчасти томских и тюменских пароходчиков подвела алчность, так как они не хотели делать уступок при получении казенных заказов на перевозки и теряли их. Они убеждали правительственные учреждения, что доходы от перевозок арестантов «менее чем умеренные», что «дивиденды этой операции едва равняются 1/20 части дохода, получаемого от товарной клади»⁵⁴⁷. При такой линии поведения трудно было рассчитывать на правительственные заказы и ссуды, и они перешли в руки их более сговорчивых и ловких российских коллег. Подобная ситуация отчасти объясняется тем, что, по словам В.В. Берви-Флеровского, «люди, составляющие душу вновь заведенного в Сибири пароходства... самого низкого происхождения, не получившие никакого образования»⁵⁴⁸.

Бывшие компаньоны «Комиссионерства» стали конкурировать между собой и с компанией Курбатова и Игнатова, в результате чего цены на доставку товаров упали. Так, цена за доставку пуда груза от Ирбита до Томска упала с 50 коп. до 20 и даже до 18 коп.⁵⁴⁹ В роли победителей оказались пароходчики, проникшие в Западную Сибирь из Европейской России, прежде всего с Волжско-Камского бассейна, имевшие там в качестве тылового обеспечения свои пароходы и целые пароходства. Кроме них остались не разоренными владельцы пароходов, которые имели многоотраслевые комплексные хозяйства, обеспечивавшие работу пароходам по доставке своих грузов и позволявшие компенсировать потери в пароходстве доходами в других отраслях хозяйства.

⁵⁴³ Евтропов К. Плавание по реке Оби. Б. м. / б. г. С. 5–37.

⁵⁴⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13281. Л. 1–3.

⁵⁴⁵ Игнатов И. Судоходство по рекам Западной Сибири // Русское судоходство. 1890. № 125. С. 28.

⁵⁴⁶ Левитов И. Сибирское пароходство ... С. 35.

⁵⁴⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8199. Л. 23.

⁵⁴⁸ Берви-Флеровский В.В. Положение рабочего класса России ... С. 121.

⁵⁴⁹ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь ... С. 175.

Побежденные пароходчики вынуждены были признавать себя несостоятельными должниками. В 1874 г. оказался несостоятельным тюменский пароходчик, владелец целого пароходства «Заря» К.В. Лонгинов, которого выбирали раньше городским головой⁵⁵⁰. В начале 1880-х гг. были распроданы пароходы тюменских купцов братьев Смородниковых и Н.А. Тюфина⁵⁵¹. В 1886 г. учреждено опекуновство над имуществом умершего в 1882 г. томского пароходчика Д.И. Тецкова. Его наследником стал сын Владимир, и опека над имуществом Тецковых была необходима в связи с тем, что В.Д. Тецков родился в третьем по счету браке Д.И. Тецкова и после смерти родителя еще не достиг совершеннолетия. Для лучшего ведения дел и была учреждена опека, что было в купеческой практике нередким явлением. Однако сохранить пароходство Д.И. Тецкова, состоявшее из трех пароходов общей мощностью 205 л. с., оказалось не под силу. Поэтому в дальнейшем, до конца XIX в., В.Д. Тецков состоял во второй гильдии томского купечества, проживал в собственном доме на Духовской улице, где от отца ему достались огромные склады и подвалы, которые сдавались им в аренду. Кроме того, Тецков-младший торговал разными сортами масла и жировым товаром, о чем сообщалось во многих рекламных объявлениях, помещенных в различных справочных изданиях и газетах того времени.

Вынуждены были расстаться со своими пароходами томские винозаводчики и золотопромышленники Хотимские и Исаевы. Первым принадлежали два ветхих парохода «Основа» в 60 л. с. и «Ермак» в 120 л. с., вторым – маломощный «Георгий» (40 л. с.)⁵⁵². К числу крупных пароходо-владельцев следует отнести и крупнейшего томского предпринимателя Е.И. Королева, который постоянно расширял границы своей «империи». Пользуясь случаем и за долги (он был еще и ростовщиком) Королев приобрел несколько пароходов, которые были устаревшей конструкции и не в лучшем техническом состоянии. Его пароходство в навигацию 1886 г. имело большой оборот в 562069 руб., но дохода хозяину не принесло, а дало крупный убыток – 19284 руб.⁵⁵³ Газеты того времени не без ехидства комментировали приобретение Королевым новых пароходов, которые еле держались на воде и сразу же требовали капитального ремонта.

Однако Е.И. Королеву удалось с выгодой избавиться от своих убыточных пароходов. Произошло это следующим образом. Товарищество «Курбатов и Игнатов», компания «Функ и Щербаков», И.Т. Корнилов и М.Д. Плотников установили между собой договор в отношении цен фрахта на перевозку всех хлебных грузов и поделили между собой районы хлебной торговли⁵⁵⁴. Договор был зафиксирован в Екатеринбурге у местного нотариуса, и в случае его невыполнения или нарушения каждый из участников терял 25 тыс. руб. залога⁵⁵⁵. Кроме того, они в 1886 г. купили совместно у Е. Королева пять, а у Рымарева один пароход и поставили их на прикол в Тюмени⁵⁵⁶. Тем самым они устранили некоторых своих конкурентов, создали резерв на случай больших перевозок и припугнули других пароходчиков тем, что с введением этих пароходов в дело цены на перевозки могут резко понизиться. Как с удовлетворением писал после этого один из крупнейших западносибирских пароходчиков И. Игнатов, «навигации 1887 и 1888 гг. значительно улучшили дела пароходо-владельцев, так как нужно было перевезти огромное по тем временам количество хлебных грузов, соответственно 3 и 4,5 млн пуд.»⁵⁵⁷. Остается добавить, что улучшение положения коснулось, прежде всего, крупнейших пароходчиков-монополистов.

Однако неурожай хлебов в 1888 г. вызвал упадок хлебной торговли и, соответственно, сокращение речных перевозок в навигацию 1889 и 1890 гг. В связи с этим некоторые компании обратились к правительству со своими предложениями. Так, И. Игнатов в 1889 г. готов был взять поставки железных грузов от Тюмени до Томска по 12 коп. с пуда при малом количестве и по 10 коп. с пуда

⁵⁵⁰ ГАТюмО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 270.

⁵⁵¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8199. Л. 19.

⁵⁵² Ирбитский ярмарочный листок. 1877. 8 февр.

⁵⁵³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 9. Л. 42.

⁵⁵⁴ Сибирская газета. 1888. 28 мая.

⁵⁵⁵ Восточное обозрение. 1888. 23 окт.

⁵⁵⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 561. Д. 380. Л. 531.

⁵⁵⁷ Игнатов И. Судоходство по рекам Западной Сибири ... С. 38.

в том случае, если груз будет свыше 3–4 млн пуд.⁵⁵⁸ Подряд не состоялся, так как казенных грузов было недостаточно, но в данном случае интересно отметить стоимость провоза грузов – 1/300 коп. с пудо-версты, что было уже близко к волжским фрахтам – 1/600 коп. с пудо-версты.

В навигации 1891 и 1892 гг. крупнейшие пароходчики Западной Сибири вошли в «стачку», то есть заключили соглашение для установления единых (повышенных) цен и повысили фрахт до 50 коп. с пуда от Барнаула и других алтайских пристаней до Тюмени⁵⁵⁹. Фрахт был повышен более чем в три раза против обычного. Это было связано с тем, что в 1891 г. был сильнейший неурожай хлебов в ряде губерний Европейской России, а также в южных округах Тобольской губернии. В то же время на Алтае был собран чрезвычайно высокий урожай зерновых. Поэтому в 1891–1892 гг. в Западной Сибири возникла так называемая «хлебная горячка», в которой главную роль сыграли местные пароходчики, объединенные к этому времени в монополию картельного типа и получившие в результате колоссальные прибыли. По данным инженера И.М. Бельского, в 1886 г. по рекам Западной Сибири перевезли 3 млн пуд. грузов, а в 1892 г. уже 16 млн пуд. грузов по магистральным рекам и 20 млн пуд. по всем рекам Обь-Иртышского бассейна. В 1892 г. насчитывалось здесь 102 парохода, а за 1893 г. было выстроено 25 новых пароходов⁵⁶⁰.

Одна из причин монополизации западносибирского пароходства заключалась в довольно большой концентрации транспортных средств в одних руках, создававшей возможность соглашения между владельцами для установления единых повышенных фрахтов. Другой причиной являлся отмеченный уже выше комплексный характер предпринимательства: большинство пароходчиков сами вели крупную торговлю хлебом. Отмечено, что хотя транспортные операции занимали в делах пароходчиков основное место, они почти всегда имели свои собственные грузы, которые при выгодной конъюнктуре перевозили в первую очередь.

Немаловажным обстоятельством, способствовавшим монополизации речного пароходства, являются введенные и узаконенные государством традиции. Известна привилегия (исключительное право) на владение и эксплуатацию пароходов, полученная коммерции советником Н.Ф. Мясниковым в 1839 г. Правительство Николая I считало невозможным в условиях крепостной России вводить свободное предпринимательство на водном транспорте. Эта привилегия была связана с другой, более существенной привилегией, выданной в 1813 г. правительством Александра I. По сведениям известного в России инженера и публициста Степана Гулишамбарова, именно в 1813 г. была выдана 30-летняя привилегия на исключительное право постройки пароходов в России строителю первого российского парохода инженеру Берду⁵⁶¹. Эти меры сильно задержали развитие парового флота в России и заложили основу для продолжения таких традиций в последующее время.

Боясь зависимости от пароходчиков-монополистов, и для пользы собственного дела наиболее крупные торговцы сами покупали или строили пароходы. В начале 90-х гг. было построено три парохода для алтайского торговца А.Ф. Морозова, стали пароходовладельцами Колмогоров, Колмаков, братья Злоказовы, Соснин и другие. Появился 80-сильный пароход «Мельник» и у томского первой гильдии купца В.А. Горохова. Это во многом было связано со сложностями, которые возникли при транспортировке грузов во время «хлебной горячки». Число пароходов, построенных за этот период, то есть за два года, было равно половине всех пароходов, построенных за предыдущие 50 лет⁵⁶².

Однако оживление в речном транспорте оказалось кратковременным, как кратковременным было монополистическое объединение западносибирских пароходчиков. В связи с ухудшением дел между компаньонами возникла конкуренция, и монополия распалась. Но в 1895 г. На Ирбитской ярмарке между пятью крупными владельцами пароходств Западной Сибири было

⁵⁵⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 114. Л. 11.

⁵⁵⁹ Шулятиков М.И. Очерк судоходства по рекам Западной Сибири. М., 1893. С. 33.

⁵⁶⁰ Стеттой край. 1894. 13 февр.

⁵⁶¹ Гулишамбаров Ст. Итоги торговли и промышленности в России в царствование императора Николая I. 1825–1855. СПб., 1896. С. 24.

⁵⁶² Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 г. ... С. 176.

заключено соглашение, которое затем переросло в акционерное общество «Западносибирское общество пароходства и торговли». Газеты с тревогой сообщили об этом: «Нам сообщают, что пароходовладельцы Обской системы составили акционерную компанию с общим управлением, общими доходами и расходами. Нужно ли пояснять, к каким последствиям приведет край это предприятие? Вспомним о стачке 1892 года...»⁵⁶³. Тем не менее полностью захватить рынок транспортных услуг монополии не смогли, и оставалось место под солнцем для небольших фирм и отдельных пароходчиков. Например, тюменский мещанин, который временно был приписан к сургутскому купечеству, Степан Глазунов смог на свои средства построить пароход «Первенец» и баржу «Онь», но для дальнейшей деятельности своих средств у него не хватило, и он создает «Бийскую компанию пароходства и торговли», куда вошли бийские купцы Н. Гусев, М. Яновский, Я. Сахаров, В. Бирюков с капиталом 35 тыс. руб. Однако дела у них не пошли, и над имением Глазунова в Тюмени была учреждена опека. Томская казенная палата плату за свидетельство первой гильдии брало с опекуниши – жены купца, которая вскоре овдовела и вновь вышла замуж за пермского купца Базанова⁵⁶⁴.

В Томске к числу пароходов, обслуживающих местные потребности и собственные нужды их владельцев, можно отнести 80-сильный пароход «Мельник» хлеботорговца В.А. Горохова, который был приписан к томскому купечеству, а постоянно проживал в Колывани. Этот пароход курсировал между этими населенными пунктами преимущественно с грузом хлеба. У томского мещанина М. Караганова был 30-сильный пароход «Самоход». На нем из той же Колывани вывозилась мука и другие товары, которые доставлялись в Нарым, а оттуда вывозились в основном рыба, меха, кедровый орех и некоторые другие продукты.

В 1891 г. томский купец Некрасов построил пассажирский роскошно отделанный американского типа пароход «Николай». На нем был перевезен от Томска до Омска наследник русского престола Николай Александрович, но вскоре этот пароход был продан колыванскому купцу Е. Жернакову, который превратил его в грузопассажирский. Кроме них, пассажирскими перевозками в конце XIX в. занимались компании пароходчиков Игнатова и Ширкова. Томский купец В.Е. Ельдештейн, который торговал русскими и иностранными винами, ликерами, водками, а также бакалейными, гастрономическими и другими товарами, в конце века стал заниматься перевозкой пассажиров. Только его пароход «Любимец» и пароход известной в Западной Сибири купчихи Е.И. Мельниковой «Кормилец» совершали рейсы между Тюменью и Томском без барж, что позволяло им проходить этот путь за 6 суток, в то время как остальные пароходы совершали его за 8–10 и более суток. Однако в некоторых случаях, несмотря на протесты пассажиров, к этому пароходу цепляли баржи, и время в пути из Томска в Тюмень и обратно увеличивалось. Так, в августе 1894 г. из-за перегрузки возникла угроза взрыва котла, и пассажиров высадили на берег, не доставив до места назначения⁵⁶⁵.

Итак, транспортировка грузов по рекам Западной Сибири с конца XVIII в. являлась одной из важных сфер предпринимательства местных купцов. До появления в Западной Сибири регулярного пароходного сообщения по рекам региона двигалось большое количество разного рода лодок, шлюзов, барок и дощаников. Это позволяло заниматься перевозками грузов людям разного звания, преимущественно крестьянам и мещанам, так как строительство и эксплуатация небольших судов не требовала значительных капиталов. В то же время большие суда, как правило, принадлежали купцам или состоятельным мещанам, которые и перевозили на них свои грузы и заключали контракты на перевозку товаров западносибирских и иногородних купцов.

Появление пароходов в Обь-Иртышском речном бассейне резко изменило ситуацию. Предпринимательство по транспортировке грузов стало возможным при наличии значительных капиталов и сконцентрировалось в руках небольшого круга лиц. Среди них в Западной Сибири развернулась борьба за господство в отрасли, и победу одержали пароходчики из других губерний Европейской России и Сибири. Они открыли в городах региона свои представительства и конторы

⁵⁶³ Восточное обозрение. 1895. 23 февр.

⁵⁶⁴ ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 2. Л. 2–33.

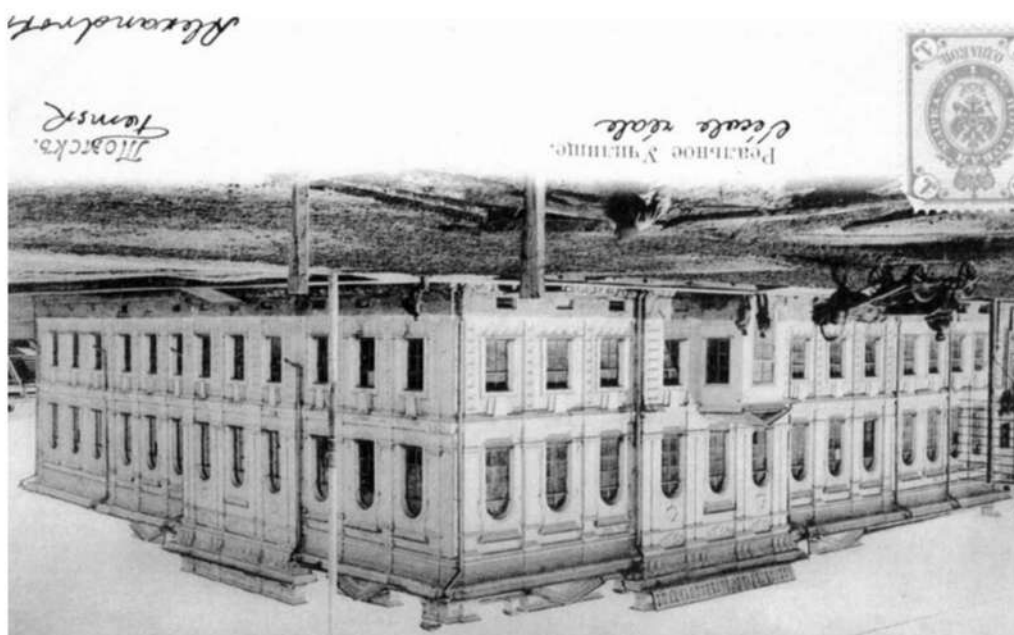
⁵⁶⁵ Стеттой край. 1894. 22 сент.

и монополизировали транспортировку проходящих через город грузов, перевозку переселенцев, новобранцев, арестантов (ссылных и каторжников) и т. д.

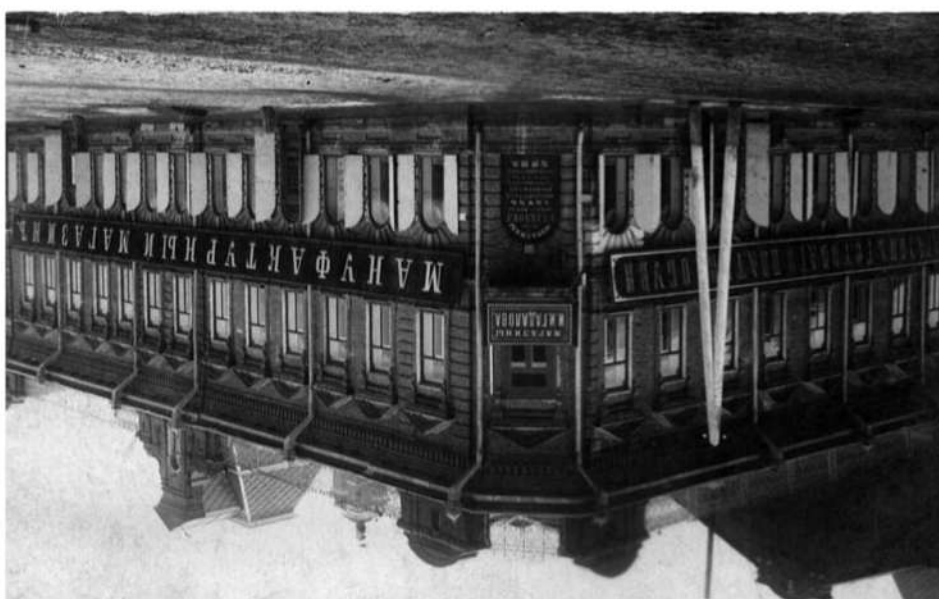
Таким образом, особенности формирования купеческих капиталов в транспорте Западной Сибири были обусловлены географическими и климатическими особенностями края, объемом и содержанием товарообмена, включенностью региона в систему сибирского и общероссийского рынка. В конце XVIII – начале XIX в. эти обстоятельства влияли на структуру капиталов, вложенных в транспортировку грузов следующим образом: треть капиталов функционировала в водном транспорте и две трети в извозном промысле, то есть в перевозке грузов сухопутным путем. В конце XIX в. роль водного транспорта усилилась, и больше половины грузовых перевозок Западной Сибири осуществлялась на пароходах. Происходило активное перетекание купеческих капиталов в отрасль, занимавшуюся оказанием транспортных услуг, здесь шел быстрый процесс их концентрации и монополизации. Всего в изучаемый период в этой отрасли функционировало около 5–6 % капиталов западносибирского купечества.

Развитие транспортных средств Западной Сибири во многом меняло условия предпринимательства. В соответствии с уровнем развития транспорта складывалась система связей производства с рынком. В XIX в. в западносибирском регионе еще не завершился процесс складывания единого местного рынка и включение его в общероссийский рынок, хотя и наблюдались настойчивые попытки со стороны местных купцов наладить экономические связи и сделать товарообмен надежным и регулярным. Существовала большая разница цен на различные продукты в отдельных районах Западной Сибири, и местные товары не могли конкурировать с российскими из-за больших издержек на транспортировку грузов. Все это было следствием неразвитости путей сообщения в Сибири. Купеческие капиталы на транспорте до проведения Сибирской железной дороги не могли наладить регулярную и дешевую доставку грузов по территории региона и вне его, что обусловило разный уровень развития капиталистических отношений в отраслях и на территории Западной Сибири.

«Пестрота» в уровне развития различных отраслей хозяйства порождала разнообразие типов регионального купечества, которое занималось в них предпринимательством. Такое многообразие занятий западносибирского купечества оказывало сильное влияние на формирование у него социальной психологии, образа жизни, менталитета и других важных сторон его социального облика.

**5. Социально-психологический
облик купечества Западной Сибири
в конце XVIII - XIX в.**

5.1. Основные потребности и интересы западносибирского купечества

Сложным и до сих пор малоисследованным вопросом в нашей исторической науке является вопрос о социально-психологическом облике различных сословий, социальных групп, классов. На наш взгляд, купечество Западной Сибири является достойным объектом исторического исследования для воспроизведения его социально-психологического облика. Структура исследования социальной психологии западносибирского купечества должна включать следующие основные черты: систему материальных и духовных потребностей и интересов, а также совокупность социальных и ценностных ориентаций.

Конечно, многие черты купечества отдельных областей и городов России являются общими для купечества всей страны. Вместе с тем у купечества отдельных регионов России в изучаемое время проявлялись особенности и существенные отличия, которые определялись историей формирования экономики края, происхождением и источниками пополнения купечества, его численностью, социальным, национальным, отраслевым и возрастным составом. В процессе работы над темой диссертации нами обнаружен целый комплекс источников, освещающих общие и специфические черты западносибирского купечества, что делает возможным приступить к характеристике основных черт его социальной психологии и менталитета.

Видные теоретики экономической мысли В. Зомбарт и М. Вебер видели всю сущность капитализма в сознательном стремлении предпринимателей к прибыли. В качестве важнейшей движущей силы исторического процесса рассматривают бизнесменов современные историки и экономисты, объясняющие происхождение, мотивы и цели предпринимательства в капиталистическом обществе (Й. Шумпетер, У. Ростоу и другие)⁵⁶⁶. Приверженец евразийской теории развития России Р. Пайпс считает, что российское самодержавие не признало за своими подданными права на собственность и предпринимательскую инициативу, и в результате Россия упустила шанс создать буржуазию в период мануфактур и свободной конкуренции. В купечестве, по мнению Р. Пайпса, мы находим мало капиталистической этики с ее упором на честность, предприимчивость и бережливость. Русская коммерция, по его мнению, тяготела к натуральному товарообмену и обогащению через сомнительные с точки зрения нравственности методы⁵⁶⁷.

Не без оговорок соглашаясь с мнением о всепоглощающей страсти к наживе, отметим, что западносибирскому купечеству на всем протяжении изучаемого периода были присущи следующие противоречивые черты: черствость натуры сочеталась у них, как правило, с энергией, деловитостью, умеренностью в быту. Извлечение прибыли являлось у купечества основной потребностью и касалось всех сторон его жизни. Известный историк искусства А. Н. Бенуа в своих «Воспоминаниях» писал о купеческой, «совершенно земной среде», в которой даже «искусство было средством добывать деньги»⁵⁶⁸. Комплекс основных ценностей сибирского купечества формировался вокруг доминирующего желания, как сохранить и приумножить свою собственность в виде недвижимости, капиталов и других средств хозяйственного господства. Отсюда жесткость и деспотизм глав семей, как мужчин, так и женщин в отношении домочадцев и подчиненных, неприязнательность в быту, нежелание повышать свой культурный уровень и другие консервативные черты. Сибирское купечество, как и все русское, стояло на перепутье, так как выступало связующим звеном между прошлым и будущим. В культурном плане оно совмещало в себе нормы и ценности традиционной русской культуры, и в то же время тянулось к дворянской (западной) культуре⁵⁶⁹.

Как отмечают современные теоретики истории, в русской жизни со времен Екатерины II усиливаются позиции обывателя, который демонстрирует экстравертивные ориентации, направ-

⁵⁶⁶ Разгон В.Н. Современная американская и английская историографии российской буржуазии. Барнаул, 1988. С. 5–22; *Его же*. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. ... С. 18.

⁵⁶⁷ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 271.

⁵⁶⁸ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. В 5 кн. Кн. 1. М., 1990. С. 101.

⁵⁶⁹ Брянецев М.В. Культура русского купечества. Воспитание и образование. Брянск, 1999. С. 7.

ленные на строительство цивилизации в ее материальных проявлениях. Это были слои общества, заинтересованные в накоплении капиталов, увеличении собственности, как личной, так и общественной. Это европейский (западный) тип отношений, который еще называется прометеевской культурой⁵⁷⁰. Доминантой такой культуры было и остается накопление, которое касается определенной части населения с ясно выраженными предпринимательскими наклонностями, где стяжание является не грехом, а добродетелью.

Многочисленные подтверждения алчности западносибирских предпринимателей из купцов отложились в периодической печати и публицистике XIX в. Особенно много внимания этой проблеме уделял Н.М. Ядринцев, который писал, что «деньги и нажива деморализовали сибиряка прежде, чем он получил развитие и составил себе понятие о других целях жизни»⁵⁷¹. Во многом эти слова относятся к западносибирскому купечеству. Известного сибирского публициста и общественного деятеля А.П. Щапова возмущало в сибирском обществе «напряжение и возбуждение мозга одною своекорыстною, эксплуататорскою жадностью к деньгам и полнейшее отсутствие всяких высших человеческих чувств и побуждений»⁵⁷². В письме к барону Штейнгелю декабрист Г.С. Батеньков так отзывался о томском обществе середины XIX в.: «Между прочим, мне сильно надоела здесь жадность к деньгам простого народа, оставляющего всякое дело в стороне и погубившего в себе все нравственные начала... Не разбросав денег, здесь нельзя ничего делать. Общим правилом стало: захватить их вперед и придумать, как избавиться от обязанности»⁵⁷³. Понятно, что в категорию «простой народ» входило и местное купечество, которое мало, с точки зрения декабриста, что-либо делало для улучшения условий жизни в крае.

Проезжавший в 1862 г. по служебным делам через Западную Сибирь П.А. Кропоткин также отмечал, что «сибиряк смотрит бодро, весело, большей частью очень толков, сметлив, удивительно опрятен и любит чистоту в избе, но вместе с тем он хитер, надувает вас, если вы поддаетесь, и немного слишком материально относится к жизни...»⁵⁷⁴. Естественно, что самые хитрые и инициативные сибиряки выбивались зачастую в купечество, и оценки современников характеризуют, прежде всего, торгово-промышленную часть сибирского населения. Такую оценку, характерную для печати и публицистики радикального направления, разделяли, например, чиновники, составившие отчет генерал-губернатора Западной Сибири: «В классе коммерческих сделок и до настоящего времени (1875 г. – В.Б.) господствуют рутинные основы, которые можно формулировать словами “скорое обогащение всякими средствами”»⁵⁷⁵. Французский путешественник Ж. Легра, посетивший Томск в самом конце XIX в., также отмечал, что «большие дома из красного кирпича, массивный собор с небесно голубым куполом, бойкая тороговля на рынке, оживленное движение на центральных улицах – вот, что поражает прежде всего, однако, здесь еще положительно доминирует дух купечества»⁵⁷⁶.

С конца XVIII в. роль купечества в социально-экономической жизни страны и отдельных ее регионов возрастала. Одновременно складывался тип купца-предпринимателя, носителя раннебуржуазных признаков, и проявлялись его особенности. Обогащение сограждан, которые занимались торговлей и становились купцами, не вызывало положительного отношения и в народной среде, так как не соответствовало психологическим и нравственным установкам широких слоев населения. «Русский человек легко дает, легко и берет. Нигде собственность не находится в таком шатком положении и не подлежит таким частым колебаниям, как в России. «Простой русский человек не имеет большого пристрастия к собственности, он равнодушно те-

⁵⁷⁰ Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 208.

⁵⁷¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 72.

⁵⁷² Цит. по: *Сибирская газета*. 1887. 4 янв.

⁵⁷³ Цит. по: *Адрианов А.В.* Томская старина ... С. 133–134.

⁵⁷⁴ *Кропоткин П.А.* Дневники разных лет. М., 1923. С. 278.

⁵⁷⁵ ГАОО. Ф. 3. Он. 4. Д. 5644. Л. 2.

⁵⁷⁶ *Легра Ж.* Томск // Труды Томского областного краеведческого музея: Сб. статей / отв. ред. Я.А. Яковлев. Т. X. Томск, 2000. С. 9.

ряет то, что нажил, в надежде завтра нажиться опять», – писал в 1870 г. немецкий барон А. Гакстаузен⁵⁷⁷. Эта черта русского человека объясняется отчасти тем, что в народной жизни еще живы были общинные традиции, а отчасти преувеличением иностранцами и народниками этой патриархальной русской черты. Кроме того, крестьяне были зачастую равнодушны к деньгам, так как добывали их преимущественно для уплаты налогов государству и ренты помещику. Многие поговорки, сохранившиеся в русском языке, отражают вполне определенное отношение русского человека к накоплению капиталов: «Деньгами душу не выкупишь», «Богатому деньги черти куют», «Грехов много, да и денег вволю». Кроме этого, в некоторых пословицах отражены профессиональные качества купца – инициатива, предприимчивость, хитрость и обман: «Купец божится, а про себя отрекается», «Что край, то обычай, что народ, то вера, что купец, то мера», «Купец живет торгом, поп горлом, мужик горбом», «По-купецки чай пьет, да не по-купецки расплачивается», «Тот не купец, у кого деньги дома», «Купить, что вошь убить, продать, что блоху поймать», «Богатый ума купит, а убогий бы свой продал, да не берет», «Не товар кормит, а купец», «Бог поможет и купца пошлет» и т. д.

Пренебрежение русскими людьми обывательским образом жизни и мещанством с неизбежным соизиданием уюта и благополучия на почве накопительства отмечено и популярными ныне философами. Г. Федотов, например, писал: «Так как воля, подобно анархии, невозможна в культурном общежитии, то русский идеал воли находит свое выражение в культуре пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвенной страсти – разбойничества, бунта, тирании»⁵⁷⁸. Понятно, что такие черты русского человека были несовместимы с кодексом западного буржуа, но напрямую вели к революционной смуте. В литературе часто отмечалось, что купец в России значил много больше, чем на Западе – не только торговец, но и владелец фабрик и заводов, судов и замечательных зданий и сооружений, кредитор, посредник и благотворитель. Но хозяином жизни в полном понимании этого слова купец в России не стал. По мнению Н.А. Бердяева, русский купец «склонен был считать свое богатство грехом, замаливал этот грех и мечтал о странничестве или монашестве. Поэтому этот купец был плохим материалом для образования буржуазии западноевропейского типа... Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и ценностям»⁵⁷⁹. В самом деле, до середины XIX в. большинство купеческих фирм и отдельных капиталов возвышалось и падало в течение жизни одного-двух поколений вследствие частых банкротств, неблагоприятных условий предпринимательства и расточительства разбогатевших купцов, стремившихся подражать дворянскому образу жизни. Это отмечено многими исследователями, как на общероссийском, так и на региональном уровне⁵⁸⁰. Однако в пореформенный период мобильность в купеческом сословии заметно замедляется, что приводит к росту устойчивости фирм и отдельных предприятий, формированию в России и ее регионах национальной буржуазии с присущими ей ценностями и установками, ядром которой было купечество.

Уже неоднократно отмеченное равнодушие россиян к накоплению богатства, на наш взгляд, не совсем объективно и не доказано в конкретно-исторических исследованиях. На сибирской почве эти качества проявлялись еще в меньшей степени. Личность сибиряка формировалась в условиях относительной экономической самостоятельности и свободы, когда благосостояние семьи находилось в прямой зависимости от трудовых возможностей микроколлектива и каждого его члена. Здоровый индивидуализм и самоуважение человека заставляло его постоянно жить в условиях соревнования, в постоянном состязании с другими в результатах своего труда, в обустроенности

⁵⁷⁷ Гакстаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. С. 55.

⁵⁷⁸ Федотов Г. Судьбы и грехи России. Т. 2. М., 1993. С. 286.

⁵⁷⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119.

⁵⁸⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб., 1999. С. 122; Разгон В.Н. Преемственность капиталов сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С.143–162.

своего жилища, внешнем виде и одежде и многом другом. Если для великоросса богатство – порок, а накопительство и предприимчивость вызывают неприязнь, то для сибиряка зажиточность и богатство является неременным показателем высокого статуса человека, достигшего всего за счет честного и напряженного труда. Такое противостояние интересов жителей Европейской России и Сибири активно обсуждалось на Сибиро-Уральском историческом конгрессе в ноябре 1997 г. в Тобольске⁵⁸¹.

С другой стороны, в современной литературе наметилась тенденция идеализировать российское предпринимательство, преувеличивать его вклад в российскую общественную и культурную жизнь. В первую очередь, это касается характеристики московского купечества. Не отрицая того, что с деятельностью купечества связаны важнейшие достижения в промышленности и транспорте, в торговле и кредите, нельзя согласиться с тем, что купцы России и отдельных ее регионов ничем не походили на представителей «темного царства», что это были «удачливые дети» эпохи первоначального накопления капиталов, что купцы выполняли роль интеллигенции и т. д.⁵⁸² Начало такому пониманию роли купечества в жизни русского общества в отечественной историографии, на наш взгляд, отчасти положили воспоминания П.А. Бурьшкина и некоторых других авторов, которые усомнились в оценке купцов классиков отечественной литературы, укоренившихся в общественном сознании. Г. Ульянова и М. Шаццлло в предисловии одного из изданий «Москвы купеческой» пишут, что биографии многих предпринимателей, упомянутых в этих мемуарах, не соответствуют образам купцов в произведениях А.Н. Островского, А.М. Горького и ряда других выдающихся русских писателей⁵⁸³. В качестве главного аргумента говорится о широкой благотворительности купечества, но ведь нищета, безработица и голод являлись следствием новых условий пореформенного периода, где главную роль стала играть отечественная буржуазия, ядром которой было купечество. Все-таки отказываться от традиционных оценок купечества в науке, литературе и искусстве не стоит так резко и решительно, как это делают некоторые авторы. Тем более, что источниковая база для благой характеристики отечественного купечества пока в полной мере не создана, в то время как противоположная позиция вполне достаточно и аргументированно определена.

Стоит обратить внимание на характеристики, сделанные современниками описываемой эпохи. Одна из них принадлежит Н.М. Чукмалдину, крупному сибирскому, а потом и московскому предпринимателю: «Купля, продажа, барыш – вот чем живет Тюмень, вот какими интересами и идеалами наполнена ее жизнь. Такое впечатление, по крайней мере, производит Тюмень на заезжего человека, не причастного к указанному идеалу»⁵⁸⁴. Потребность к обогащению лежала в основе деятельности начинающих предпринимателей, и их не могла остановить на этом пути ни опасность для жизни, ни необходимость идти на обман. Корреспондент газеты «Восточное обозрение» из Кузнецка сообщал о типичном для тех мест выходе в купцы: «Приказчик, или как его называют, молодец, обыкновенно из российских, с мелочным, мануфактурным или другим товаром, всего рублей на 200–300, отправляется хозяином-купцом для торговли по уезду из Томска, Кузнецка или Салаира. Этот молодец едет по деревням Кузнецкого округа с товаром обыкновенно перед сенокосом или перед жатвой и раздает в долг крестьянам товары, а осенью или зимой вновь отправляется, тоже с товаром, и собирает за прежде розданный товар: хлеб, масло, мед, воск, лен и т. д. и вновь раздает товары. Такого рода торговля по здешнему округу в прежнее время была очень выгодна, так что через несколько лет

⁵⁸¹ Андусев Б.Е. Опыт реконструкции особенностей менталитета старожилов Сибири // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25–27 ноября 1997 г., г. Тобольск). Тобольск, 1997. С. 85–87; Концева Т.В. Купец в представлениях русского народа // Там же. С. 87.

⁵⁸² Беспалова Ю.М. Ценностные ориентации в культуре западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв. Тюмень, 1998. С. 13, 49, 54; Задорожная О.А. Купечество Западной Сибири (конец XVIII – первая четверть XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1995; Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой половине XIX в. (социальные аспекты культуры): дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

⁵⁸³ Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М. 1991. С. 22.

⁵⁸⁴ Сибирский листок. 1892. 16 янв.

такой молодец делался и сам хозяином; почти все здешние купцы вышли из этих молодцов». Далее в корреспонденции рассказывалось, что нередко были случаи обмана неграмотных и простодушных крестьян этими молодцами, но и крестьяне не оставались в долгу и частенько грабили их. Грабеж, как правило, сопровождался убийством. Поэтому торговцев называли «обуховой родней», так как разбойники отправляли их «в Нарым рыбу ловить», то есть глушили их обухом топора и бросали в реку Томь⁵⁸⁵.

Ради увеличения своих капиталов купцы нередко шли на преступления и, несмотря на свои связи с местной администрацией, подвергались судебному преследованию. Например, летом 1884 г. был заключен в тюремный замок бывший мариинский городской голова Савельев, хотя он и владел большим капиталом и сам вел в крае широкую торговлю. Причиной такого действия со стороны властей являлся обман и мошенничество Савельева. Однако кроме него, по мнению автора корреспонденции, Мариинск «кишит разного рода хищниками, которые преуспевают в нем и, благодаря своим связям с уездной администрацией и в губернии, заполонили мужика, захватив в свои руки разные казенные подряды и поставки, которые, конечно, исполняет для них мужик, только за низшую цену... Эти господа с хищностью акулы соединяют нахальство волка и хитрость лисы»⁵⁸⁶.

Нужно добавить, что значительная часть мариинских купцов и торгующих мещан были евреями, и именно их имел в виду автор корреспонденции, когда говорил о мариинских «хищниках». В городах Западной Сибири евреи, как правило, занимались винокурением и виноторговлей, добычей и скупкой золота, содержанием питейных заведений и кабаков, где практиковалась проституция и скупка краденого, кабальное ростовщичество и сбыт фальшивых денег. Сибирские газеты того времени были полны сообщений о разного рода преступлениях, которые совершались в этих злочных местах. Страсть к обогащению выступала у этой части западносибирского купечества в концентрированном виде и давала быстрые результаты. Чиновник, наблюдавший за порядком сбора акцизов в Западной Сибири, по этому поводу в 1887 г. писал: «Участие евреев сделало виноторговлю ареною плутовства и мошенничества. Подменная виноторговля и винокурение, тайная торговля патентами, допущение всевозможного рода нарушений, обставленное всевозможными ухищрениями – все это вместе взятое до крайности затрудняет борьбу с нарушениями питейного Устава»⁵⁸⁷. В разделе о происхождении и составе регионального купечества нашей работы показан высокий процент выхода в купцы из еврейской прослойки городского населения, который во много раз превосходил долю выходцев в купцы из других национальных и конфессиональных прослоек. Указаны и некоторые причины такой активности, хотя тема требует дальнейшего изучения и ждет своего серьезного и беспристрастного исследователя.

Более умеренное стремление к своей «выгоде» было присуще некоторым другим представителям западносибирского купечества. Например, купцу-старообрядцу было не все равно, за счет чего шло расширение его дела. Именно поэтому большинство из них отказывались от легкого накопления денег в винокурении и виноторговле. В среде старообрядцев, прежде всего, пользовались уважением купцы, имеющие фабрики и заводы, затем купцы, совмещающие занятие промыслами с торговлей, и вполне почетным, но не предпочтительным было занятие только торговлей. Кредит в их среде был, как правило, беспроцентным и взаимным, то есть купцы одалживали друг другу деньги и товары по мере необходимости. Ростовщичество в этой среде было не в чести, и зачастую купцы, придерживавшиеся старой веры, относились к ростовщикам с пренебрежением. Это было отражением их этических и нравственных основ, которые базировались на раннем христианстве и традиционном общинном сознании.

Многочисленные примеры коммерческой недобросовестности купцов и их приказчиков приводит в своей монографии В.Н. Разгон. Основными корыстными преступлениями в дореформенный период были нарушения законов в торговле вином (откупа), несоблюдение дого-

⁵⁸⁵ Восточное обозрение. 1883. 13 ноября.

⁵⁸⁶ Сибирский вестник. 1883. 15 марта.

⁵⁸⁷ ГАТО. Ф. 209. Он 2. Д. 60. Л. 357.

ворных обязательств и хищение чужих товаров, доведение до банкротства своих конкурентов, как это сделал, например, томский купец М. Мыльников в отношении купца-первогильдейца К. Касимова, и других способов незаконного и грубого обогащения. Нередкими были случаи обсчета в свою пользу нанимаемых купцами приказчиков, доверенных лиц и привлекаемых рабочих. Правда, те часто платили им той же монетой, так как не прочь были присвоить доверенные им товары и капиталы. Широкое распространение, особенно в сельской местности, получила продажа приказчиками товаров по завышенным ценам и в долг под высокие проценты с присвоением получаемых от этого барышей. Нередкими были недостачи товаров и денег, растрата хозяйских средств и последующий розыск виновных в Сибири и за ее пределами. Не вызывают сомнений в справедливости главные выводы исследователя, что «большое количество нарушений торгово-промышленного законодательства во многом объяснялось наличием в нём многочисленных ограничений и регламентаций, сдерживающих частную инициативу...» и то, что «питательной почвой для хищничества, обмана, несправедливого стяжательства... была и относительная экономическая отсталость Сибири, порождавшая грубые и нецивилизованные формы накопления»⁵⁸⁸. Для себя отметим, что такие формы обогащения остались в Сибири и в пореформенный период, когда условия предпринимательства сильно изменились. Вслед за англо-американскими авторами трудов по экономической истории России признаем, что важной причиной низкого уровня коммерческой честности купечества следует считать неразвитость гильдейско-цеховых организаций, которые в европейских странах играли решающую роль в формировании и распространении морально-этических норм предпринимательства.

Вот один из типичных приемов борьбы западносибирских купцов со своими конкурентами: «Один из бийских купцов однажды прибыл в Ирбит и пустил слухи, что его конкурент разорился и будет рассчитываться на ярмарке пятакком за рубль. Кредиторы всполошились и потребовали немедленного расчета. В результате обвиненному в банкротстве купцу пришлось со всеми своими должниками рассчитаться и вернуться в Бийск с небольшим количеством товара, купленного за наличные деньги»⁵⁸⁹. Список такого рода ярмарочных и не только ярмарочных случаев обмана своих коллег и страховых компаний можно сильно расширить, хотя некоторые случаи банкротства даны нами при отраслевой характеристике западносибирского купечества.

В современной исторической литературе убедительно подтверждено суждение о том, что в губерниях, особенно сибирских, процветало взяточничество и казнокрадство. Последнее исследование О.В. Моряковой показало, что пороки бюрократического аппарата в период правления Николая I достигли критических масштабов, что чиновников не интересовало утверждение законности в стране. Верхушка губернского чиновничества не вникала в дела службы и рассматривала их как дополнительное средство обогащения. Чиновники низшего ранга были поставлены в униженные условия просителей и вымогателей, так как не могли одним лишь жалованьем обеспечить существование своей семьи. По мнению А.В. Ремнева, в некоторых случаях складывалась чиновничье-купеческая клановость, и взяточничество в таком случае можно рассматривать как пережиток старой системы кормления. Сибирский чиновник все еще продолжал рассматривать свою должность как доходное место, как бы приватизируя свое служебное положение⁵⁹⁰.

Типичную картину предпраздничного подкупа местного чиновничества рисовал томский корреспондент газеты «Восточное обозрение»: «Накануне Рождества, даже дня за два, за три до праздника, во всех наших магазинах идет постоянное развешивание, размеривание и спешная отсылка “благодарностей к празднику”, то есть голов сахару, чая, бакалеи, муки, водки, наливки, вина и других даров от купцов председателям, советникам, а больше секретарям и столоначальникам

⁵⁸⁸ Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. ... С. 634–635.

⁵⁸⁹ Восточное обозрение. 1883. 12 мая.

⁵⁹⁰ Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998. С. 199–200; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 204.

всех наших судов, правлений и управлений. Делается это, то есть присылаются и принимаются эти “добровольные приношения” совершенно открыто»⁵⁹¹.

Иногда уличенные в обмане купцы прибегали к кулачной расправе. Например, в Томском губернском суде в течение трех лет решалось дело «по прошению крестьянина Гусева о нанесении ему побоев купцом Пастуховым. В январе 1875 г. крестьянин Фаддей Гусев усомнился в правильности весов на мельнице у купца Гавриила Пастухова в Чаусской волости Томского округа, за что был тем избит. Свидетелем происшедшего был приказчик Пастухова мещанин Бузалин, но во время следствия он выехал по делам в Колывань, откуда якобы не мог выехать занятый делами. Дело долго тянулось, пока не завершилось официальным примирением крестьянина и купца»⁵⁹².

В первом номере «Восточного обозрения» за 1885 г. обозреватель внутренней жизни Сибири высказывает сомнения в объективности следователей и врачей, которые признали томского купца Я.Е. Ульянова сумасшедшим. В пьяном виде он убил одного прохожего и тяжело ранил чиновника Жилия, посетившего его лавку в Гостином дворе, и, по мнению газеты, это было преступлением пьяного самодура. Признание его больным было сделано врачами и следователями благодаря большим взяткам, которые давал Ульянов и его жена и которые аккуратно фиксировались в расходах их семьи. Вскоре эти записи стали достоянием гласности, как и записка Я. Ульянова из тюрьмы с указанием жене, как вести дело и кому давать взятки, чтобы благополучно завершить свое уголовное дело. Характерна приписка к письму: «Письмо это никому не кажи, а возьми, как прочитаешь, так изорви». Купец Ульянов был признан больным и отправлен на излечение в клинику в Казань, откуда вернулся вскоре в Томск и продолжил здесь свою коммерческую деятельность»⁵⁹³.

Благодаря связям с местным чиновничеством происходило заключение выгодных для купцов контрактов, хотя зачастую возможности выполнить их не было. Например, купец Коробейников взялся на своем пароходе «Алексей» и двух баржах доставить партию переселенцев в 599 чел. из Тюмени в Барнаул за 20 дней. Но вместо этого он доставил их за 29 дней до дер. Брагиной, откуда до Барнаула остается плыть еще 12 дней. Во время поездки в партии появилась натуральная оспа, и от нее умерло 32 ребенка»⁵⁹⁴.

Наиболее ярко всепоглощающая страсть к обогащению проявилась у томского купца Е.И. Королева. Он был заметной, может быть, самой крупной фигурой среди томских купцов второй половины XIX в. О нем хорошо написал один из авторов «Сибирского вестника»: «Положим, Королев сам по себе не внушает симпатии. Сухой, бессердечный на вид, своеобразных манер старик, который никогда не внушал к себе общественного расположения. Незаметная в других, но, безусловно, всем присущая любовь к стяжанию, к деньгам, быть может, вследствие некоторой бравады дурного тона, особенно резко и ярко бьет в словах Королева. Между тем мало кто сравнится в Томске по результатам хозяйственной и общественной работы с этим выдающимся по богатству томским предпринимателем, бывшим два срока городским головой и много жертвовавшего...»⁵⁹⁵. В некрологе, посвященном памяти Е.И. Королева, также упоминались его многие пожертвования в Томске и у себя на родине, в Ростове Великом, его многочисленные награды и пожалования, но вместе с тем говорилось об источниках его обогащения – ростовщичестве и виноторговле.

Анонимный автор некролога вспоминал о своеобразных ссудах Королева: половина деньгами, половина залежавшимися в лавке товарами, о том, что покойный был «удивительно скромным в быту и его скромность доходила почти до скупости, вызывая в городе множество анекдотов»⁵⁹⁶. Газеты указывали на главный источник богатства Е.И. Королева – винокурение и вино-

⁵⁹¹ *Восточное обозрение*. 1884. 23 февр.

⁵⁹² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1710. Л. 13–18.

⁵⁹³ *Восточное обозрение*. 1885. 3 янв.

⁵⁹⁴ Там же. 1882. 8 апр.

⁵⁹⁵ *Сибирский вестник*. 1889. 14 янв.

⁵⁹⁶ *Сибирский торгово-промышленный календарь на 1901 г.* Томск, 1901. С. 151.

торговлю: «Ростовское товарищество, в лице, прежде всего, Е. Королева, все более и более расширяет свои дела. С 1 июня оно открывает в большом количестве питейные заведения по Мариинскому округу. Нет сомнения, таланты Королева найдут в кабацком деле прекрасную почву для своего дальнейшего развития»⁵⁹⁷. В начале 1884 г. Е.И. Королев открыл оптовый склад вина в г. Бийске. Газета «Восточное обозрение» писала об этом так: «Как и виноторговля томского купца Пастухова, кабацкое дело бывшего головы г. Томска ведется через поверенного, который об руку с доверенным Пастухова повел это дело с ловкостью, достойной оказанного ему доверия»⁵⁹⁸.

В руки Королева переходило недвижимое имущество его должников. Особенно много у него занимал виноторговец и золотопромышленник, потомственный почетный гражданин, томский купец первой гильдии Е.П. Исаев. В результате в руки Королева перешло несколько больших домов Исаева, гостиница, мельница, пароход и другое имущество⁵⁹⁹. В коммерческой деятельности Е.И. Королев был беспощаден к своим конкурентам и должникам. В обыденной жизни это проявлялось в грубости и пренебрежении к людям и нормам общественной жизни. Например, томский купец С. Назаров жаловался на Евграфа Королева, который на паре вороных наехал на его тележку сзади, причинив ему многочисленные травмы. Самое обидное для пострадавшего было то, что улица была во всю ширину свободна для проезда, а после этого происшествия Королев скрылся за воротами своего дома, не оглянувшись. Купец Назаров обратился сначала в редакцию «Сибирской газеты», а затем привлек Е.И. Королева к суду⁶⁰⁰.

В Западной Сибири на всем протяжении изучаемого периода среди купцов была широко распространена практика разного рода нарушений законов, обман покупателей, своих приказчиков и работников. Это подчеркивает безудержное стремление западносибирского купечества к быстрому обогащению вопреки нравственным нормам и юридическим положениям. Так, 16 июня 1804 г. томский гражданский губернатор В.С. Хвостов обращал внимание городской думы на «предосудительный поступок» купцов Михаила Губинского и Ивана Сапожкова, которые торговали в мясном ряду испортившейся соленой говядиной. В Думе им был дан строжайший выговор, и не было всерьез принято оправдание купцов в том, что они торговали «по обычаю продавать к сему времени на рынке засоленное прошлой осенью мясо»⁶⁰¹.

В мае 1824 г. томский городничий Косоротов и местный инспектор врачебной управы Белуга обходили мясные ряды и обнаружили в одной из лавок «неподходящую для употребления в пищу говядину». Инспектор предложил эту говядину отправить в тюремный замок, как это делали в других известных ему губерниях. Но подошедший к мясным рядам городской голова Неупокоев отвечал, что не позволит этого сделать и «добавил много других оскорбительных званию инспектора Белуги грубостей». В результате такого столкновения инспектор вынужден был удалиться, и Томское губернское правление предложило градскому голове представить «объяснительный рапорт»⁶⁰². В делах архивного фонда его обнаружить не удалось, но выводы из этого факта можно сделать следующие. Томские торговцы продолжали поставлять на городской рынок некачественную продукцию и в случае столкновения по этому поводу с местной администрацией дружно выступали в защиту своих интересов.

В некоторых случаях алчность доводила купцов, как, впрочем, и представителей других сословий, до уголовных преступлений. Вот одно из них, которое погружает нас во взаимоотношения томских жителей различных социальных слоев: «1824 года мая 7 дня его Высочородие господин Председатель Томского губернского правления Игнатий Иванович Соколовский призвал на свою квартиру частного пристава Зверева и заседателя городского суда Вергунова, которым он сообщил о пропавших у него вещах. По подозрению в совершении покраж был произведен обыск у хозяйки

⁵⁹⁷ Сибирская газета. 1884. 24 июня.

⁵⁹⁸ Восточное обозрение. 1884. 15 февр.

⁵⁹⁹ Сибирская газета. 1884. 1 июля.

⁶⁰⁰ Там же. 1884. 15 апр., 21 окт.; 1885. 3 нояб.

⁶⁰¹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 247–249, 1699.

⁶⁰² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 10. Л. 546.

дома, в котором квартировал Соколовский, купчихи Татьяны Закревской». При обыске, как отмечено в протоколе, отличились дворовые девки Соколовского, Софья и Наталья, которые в потайных местах нашли вещи своего хозяина – простыни, рубашки, наволочки и др., на сумму 188 руб. 50 коп. В услужении у купеческой вдовы Закревской находилась «богородской волости крестьянская дочь Пелагея Дмитриевна Сваровская, 21 года, грамоте не учена, на исповеди и у святого причастия ежегодно бывает, в штрафах и под судом никогда не бывала, находилась в услужении у купеческой жены Закревской второй месяц». Как призналась молодая служанка, сама она не воровала, но по просьбе хозяйки влезала в окно и открывала ей дверь в квартире Соколовского 3 мая 1824 г., а что там делала хозяйка с другой служанкой и казаком Нехорошевым, она не знает⁶⁰³. Конец этой некрасивой истории в делах архива обнаружить не удалось, но, по всей вероятности, в тюрьме купеческая вдова не сидела – этот факт отразился бы в других источниках, а вот судьба служанок и казака могла быть иной.

Довольно часто западносибирские купцы практиковали обвес покупателей. Например, полфунта чая запаковывались в 4 обертки из толстой бумаги, которые весили 3 золотника, а на пуд чая приходилось 2,5 фунта (около 1 кг) гораздо более дешевой, чем чай, бумаги⁶⁰⁴. В небольших городках региона, где покупатель был проще, а контроль за правилами торговли слабее, купцы шли на самый грубый обман. Так, в г. Кольвани у одного из крупнейших купцов заметили тройной набор гири, из которых один настоящий, образцовый, второй – легковесный, другой – тяжеловесный. Первый из этих экземпляров имелся для порядка, второй и третий для взвешивания покупаемых и подаваемых товаров. Употреблялись гири, которые могли принести в том или ином случае «наивозможную пользу»⁶⁰⁵.

Иногда купцы, испытывая затруднения в своих делах, прибегали к лжебанкротству. В 1867 г. объявил себя несостоятельным должником томский купец Леонтий (Лейба) Хаймович. Его долги Государственному банку и частным лицам достигли 82491 руб. 84 коп., в конторе же купца находилось 2588 руб. 51 3/4 коп. Хаймович объяснил свое разорение пожаром, уничтожившим его коммерческие книги и товары. Потом выяснилось, что купец был злостным банкротом, так как часть товаров во время пожара купец припрятал, а пожар был в 1863 г., то есть за 4 года до объявления Хаймовичем своего банкротства⁶⁰⁶.

Позднее не без оснований подозревался в «сокрытии имущества при пожаре» томский купец И.А. Глазов, который после этого объявил себя несостоятельным и был заключен в тюрьму. По указанию инспектора страхового общества полицией был произведен обыск в доме Глазова, и было обнаружено, что под полом в разных комнатах было тщательно припрятано большое количество товаров из лавки. «В Томске нередки случаи сокрытия спасенных от пожаров товаров, – писали в газете, – и только ловкость и удачливость агента страховой компании ограничивала возврат сгоревшего по 10 коп. с 1 рубля, а не полным возмещением потерь»⁶⁰⁷.

Особенно много нарушений было связано с торговлей в крае вином, сначала в форме откупов, а потом через свободное, но обложенное акцизным сбором винокурение и виноторговлю. Связь предпринимателей с откупщиками, служба у них в качестве доверенных лиц и управляющих неразрывно была связана с обманом хозяина-откупщика и потребителей вина. Ни громадные оклады, в несколько раз превосходящие губернаторские, ни участие в прибыли, ни другие льготы не могли спасти откуп от разного рода злоупотреблений. П.А. Зайончковский приводит довольно много свидетельств о том, что в сибирских губерниях особенно сильно процветало мздоимство, а взятка с откупщиков питейных сборов даже не рассматривалась как недозволённое явление и считалась в порядке вещей⁶⁰⁸. Возможности «легального» обогащения на службе у откупщиков не удовлетворяли некоторых управляющих, и в судах разных инстанций находи-

⁶⁰³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 9. Л. 10–13.

⁶⁰⁴ *Сибирская газета*. 1886. 24 авг.

⁶⁰⁵ *Сибирская газета*. 1881. 24 мая.

⁶⁰⁶ ГАТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 18. Л. 340–344.

⁶⁰⁷ *Сибирская газета*. 1883. 10 июля. 16 окт.; 1885. 3 окт.

⁶⁰⁸ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 155.

лись дела, которые обвиняли комиссионеров питейных сборов в нарушении договоров и действиях, которые приносили откупщикам серьезные убытки⁶⁰⁹.

В 1878 г. сгорел винокуренный завод компании Вытнова и Баландина. Следствие оставило «в сильном подозрении» винозаводчиков Бейлина, Свешникова и Фуксмана, которые знали о начале пожара и предупреждали о нем заводовладельца Вульфина. Однако нанятых для поджога людей найти не удалось, и дело не было передано в суд⁶¹⁰. В августе 1886 г. сгорел небольшой винокуренный завод Минского, который летом не работал, и причиной пожара являлся поджог. Завод был застрахован на крупную сумму, и, вполне возможно, предполагали газеты, что это был самоподжог. В октябре 1886 г. приехавшие из Омска акцизные ревизоры опечатали винный склад купца Пастухова за невзнос акциза и дополнительную выкурку спирта. Такие же обвинения не раз выдвигались против другого томского винозаводчика – И.Л. Фуксмана⁶¹¹.

Погоня за дополнительными прибылями привела к организованному нарушению законов со стороны томских купцов-винозаводчиков – винной стачке. Анализ причин такого поведения крупнейших западносибирских купцов хорошо иллюстрирует основные их потребности и интересы. Предварительно между собой договорившись, они с 1 октября 1887 г. подняли цену по всей Томской губернии с 6 до 8 рублей «за ведро полугара в раздробительной продаже». Во главе сговора стояли крупнейшие томские винозаводчики Андрей Пастухов, Илья Фуксман, Василий Вытнов и барнаулец Иван Платонов. Вскоре к ним присоединилось «Ростовское товарищество» братьев Королевых и Каймановича и некоторые другие виноторговцы. Результатами такой «стачки» являлось повышение на два рубля за ведро цены на водку, ее стали меньше продавать, и казна несла существенные убытки в акцизном и патентном сборах. Против купцов было возбуждено уголовное дело, и в июне 1888 г. состоялся суд. Показания и защита их перед судом приоткрывают их истинные потребности и способы, с помощью которых они пытались уйти от ответственности.

Коммерции советник Е.И. Королев говорил, что никакой стачки у них не было, а если он участвовал в контрактах, то собственно только для защиты своих интересов от могущих разыграться аппетитов Вытновых. Показания купца Пастухова были деловыми и сухими: участие в стачке было ему выгодно – и кто же может воспрепятствовать соблюсти свою выгоду? И.Л. Фуксман, по словам репортера «Сибирской газеты», давал путаные объяснения на предложенные ему вопросы, которые выставляли его как образованного и гуманного человека, что далеко не соответствовало действительности. Купец Ложников объяснял, что виноторговля вовсе не коммерческое предприятие, а нечто вроде благотворительного учреждения, и если он, Ложников, торгует вином, то больше для удовольствия публики, чем для каких-то барышей. П. Кайманович доказывал, что компания «Ростовское товарищество» имела барыша по две с половиной копейки с ведра вина, и компаньоны Королев, Кайманович и Бейлин имели от одного кабака только 7 руб. 50 коп. в год, а со 100 – 750 руб. Смехотворность и фальшивость оправданий участников «стачки» были очевидными, и суд определил: дворянина Платонова, коммерции советника Королева, купцов Пастухова, Вытнова, Фуксмана, Бейлина и Каймановича, как зачинщиков стачки, подвергнуть заключению в тюрьме на 6 месяцев каждого; купцов Ложникова, Кривцова, Чердынцева и Ерофеева, как участников, аресту на 2 месяца при тюрьме каждого; купца Вытнова и купчиху Быховскую, за недостатком улик, признать по суду оправданными⁶¹².

Таким образом, стремление получить более высокую прибыль заставляло часть западносибирских купцов занимать несвойственную им роль оппозиционеров государственным учреждениям в лице акцизного управления, хотя политически они все были благонадежны и к правительству всегда были лояльны. Более того, при сравнении купцов с другими сословиями они оказывались более законопослушными. По отчетам томского губернатора, в составлении которых принимали участие местная полиция и жандармерия, выходило, что купцов и почетных

⁶⁰⁹ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 175–179.

⁶¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1905. Л. 2.

⁶¹¹ *Сибирская газета*. 1884. 14 окт.; 1885. 9 июля; 1886. 24 авг.

⁶¹² Там же. 1888. 7 янв.; 16 июля.

граждан обвиняли преимущественно в нарушении постановлений о питейном сборе, в мелких нарушениях правил торговли и промыслов, в то время как дворяне, например, обвинялись «в сопротивлении постановлениям правительства, в преступлениях по службе, в возбуждении противозаконных исков, в личных оскорблениях» и в других более серьезных, чем у купцов, нарушениях законов⁶¹³.

Однако стремление к быстрому обогащению приводило и купцов Западной Сибири к уголовно наказуемым преступлениям. Так, содержатель гостиницы «Европа» купец Г.И. Ицкович был приговорен Томским окружным судом к трехмесячному тюремному заключению за мошенничество. Вскоре он снова был приговорен к аресту на две недели «за избивание крестьянки Федосьи Феклисовой», служившей у него в гостинице⁶¹⁴. Другой содержатель трактира, ставшего, по словам газеты, «притоном с проститутками, игрой в карты и скупкой краденого», Рубинштейн был арестован за хранение фальшивых кредитных билетов, которые он с сообщниками якобы привозил из-за границы и в Томске их сбывал⁶¹⁵.

С винокурением был связан обман властей при определении объемов произведенного спирта. На заводах Фуксмана и Пастухова считался доказанным факт засыпки дополнительного количества муки в заторы, чтобы получить спирт, не облагаемый акцизными сборами⁶¹⁶. В других случаях правительственный запрет торговать вином евреям обходился по-разному, в том числе через подставных лиц. Например, был нанят простой мужик, и на его имя был куплен винный склад. Когда же пришла проверка и потребовали «хозяина», то он вылез из подвала весь черный, так как толок там уголь. И.Л. Фуксман обошел закон о запрете следующим образом. Он окрестил в лютеранство своего сына Григория и сдал ему по контракту за 3 тыс. руб. свой винокурный завод⁶¹⁷.

С обманом в целях наживы было связано ростовщичество. Так, владелец ссудной кассы в Томске Мизгер давал объявления об аукционах на просроченные вещи только в непопулярных «Томских губернских ведомостях». «Поэтому, – передает корреспондент, – на аукционах безлюдно, и покупка идет в руки своих людей – кружка скупщиков. Некоторые особенно роскошные и дорогие вещи идут в руки самого хозяина. Таким образом, ростовщикам мало того, что они дерут с нуждающихся 60 % в год, но прибегают еще к ухищрениям и явно незаконной наживе»⁶¹⁸.

Существовало много различных способов обмана прискоковых рабочих в золотопромышленности Западной Сибири, но большей частью это уже сделано в обширной литературе по истории рабочего класса Сибири. Отметим только, что закупка всего необходимого на приски происходила не всегда честно. Газеты сообщали, что крестьяне, привозившие на золотые приски сено и продовольствие, жалуются на постоянные обвесы. Так, крестьянин Байкалов обнаружил, что у него отнимали по 5 пуд. с каждого привезенного воза сена. Особенно нагло золотопромышленники и их управляющие поступали в отношении «инородцев». Воз сена в 18 пуд. у них принимали за 5-пудовый, и те вынуждены были соглашаться, так как назад везти его было невыгодно⁶¹⁹.

Список западносибирских купцов, которые ради быстрого обогащения шли на преступления, можно продолжать. Особенно много их стало известно после появления в Сибири частных газет. Консервативный и буржуазный «Сибирский вестник» лояльно относился к местному купечеству и капиталистам, но и здесь публиковались разоблачения алчности сибирских купцов. В «Сибирской газете» почти в каждом номере говорилось о стремлении купцов разбогатеть любыми средствами и в кратчайший срок, приводились все новые факты их изобретательности в обмане и плутовстве.

⁶¹³ Памятная книжка Томской губернии на 1885 г. Томск, 1885. С. 111.

⁶¹⁴ Сибирский вестник. 1893. 25 янв., 14 марта.

⁶¹⁵ Сибирская газета. 1884. 10 июня.

⁶¹⁶ Там же. 1884. 14 февр.

⁶¹⁷ Там же. 1882. 7 февр.; 1884. 14 окт.

⁶¹⁸ Сибирский вестник. 1893. 11 февр.

⁶¹⁹ Сибирская газета. 1883. 17 апр.

В какой-то мере обобщил эту тенденциозную оценку сибирского купечества К.М. Станюкович, который под псевдонимом Старый холостяк поделился своими впечатлениями о первых заседаниях вновь избранной Томской городской думы. «... Впечатление чего-то жуткого испытывал и я при виде всех этих крупных кадыков, объемистых животов, этих убеленных и не убеленных сединами характерных физиономий. Тут были образчики всех типов сибирского «чумазога», непреклонного, упорного, бравирующего закон и совесть и привыкшего деньгами замазывать всякие дыры, сквозь которые могли бы выйти на свет божий плохо замазанные следы. Тут были жирные и оплывшие лица, были поджарые и худые волчьи и лисьи физиономии, благообразные, с Иудушкиной печатью на челе, смиренно-лицемерные и нагло вызывающие, невольно заставляющие вспомнить о рыцаре тайги и большой дороги. Но при всем разнообразии костюмов, выражений, одна общая характерная черта была на всех лицах. То была печать «чумазога», ясно говорившая, что, кроме «алтына и его судеб», у этих людей нет ничего ни сзади, ни спереди. «Все sloпак!»», говорило, казалось, все существо этого «чумазога». И потому-то и было жутко, что при всем желании отыскать какую-нибудь черточку, которая бы отвергала это вожделение, было решительно невозможно»⁶²⁰. Очевидно, что такая характеристика является сильным преувеличением страсти к обогащению, высказанной в пылу полемики и личной обиды. Томское общество приняло известного писателя без особого восторга и даже не позволило ему бывать в залах Общественного собрания, где он собирался проводить свой досуг за карточным столом. Более спокойная и объективная оценка этой черты купечества других городов Западной Сибири содержится в статьях и воспоминаниях тех авторов, которые знали сибирскую жизнь более основательно. Например, о тюменских купцах и их приказчиках крупный предприниматель и известный публицист Н.М. Чукмалдин писал так: «Запрашивать больше, чем двойные цены, продавать товары с 30–40 % пользы считалось столь нормальным, что продавец, умевший успешно это делать, был “на счету” и пользовался славой хорошего человека»⁶²¹.

Таким образом, главная потребность западносибирских купцов заключалась в удовлетворении через предпринимательство своей главной цели – обладание значительным капиталом, который позволил бы им отнести себя к гильдейскому купечеству. Такая потребность была настолько сильной, что заставляла людей бросать привычные занятия, менять традиционный образ жизни, идти на нарушение законов и норм морали. Тем не менее было бы ошибкой признавать единственно верным и безошибочным представление о примитивности и паразитизме, хищничестве и накопительстве как главных, всепоглощающих доминантах деятельности купечества. В его действиях обнаруживается противоречивость: наряду с отмеченными выше отрицательными чертами, проявлялись стремление к просветительству и благотворительности, своеобразная демократичность и стремление к полной свободе действий для капитала, что перемалывало архаичную феодальную сословность. Эти противоречивые характеристики были во многом общими для купечества России в период становления буржуазных отношений. С одной стороны, современными исследователями отмечается у него отсутствие политической и социальной самостоятельности, стремления к политической свободе. Типичны для российского купечества в до-реформенный период поиски высоких покровителей из аристократии и чиновников, желание у верхушки купечества самим вступить в дворянство и получить тем самым дворянские льготы и привилегии. С другой стороны, к позитивному началу русского купечества относят работу по налаживанию системы капиталистического хозяйства в стране, противодействие засилью феодально-бюрократической системы, выработку у купечества собственного самосознания⁶²².

Важной чертой социально-психологического облика западносибирского купечества является характеристика его материальных потребностей. Эти потребности были сформированы купечест-

⁶²⁰ *Сибирская газета*. 1886. 7 дек.

⁶²¹ Чукмалдин Н.М. *Записки о моей жизни* ... С. 84, 87.

⁶²² Демкин А.В. *Русское купечество XVII–XVIII вв.* Города Верхневолжья. М., 1990; Преображенский А.А. *К изучению самосознания русского купечества XVII в.* // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1989. С. 208–215; *История предпринимательства в России*. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 401–402.

вом в процессе своей профессиональной деятельности. Кроме этого, на них сильное влияние оказывали условия жизни купцов, предметы материальной культуры, которые их окружали, весь строй городской общественной жизни, в которую они были включены. Г.Н. Потанин довольно точно определил влияние этих обстоятельств на социальную психологию западносибирского купечества. Например, он увидел основное различие купечества Западной и Восточной Сибири в том, что «города Западной Сибири торговали громоздкими сырыми материалами, которые впоследствии требовали фабричной переработки, и довозили их обычно до Ирбита. Из Восточной Сибири везли дорогие и удобные для перевозки товары: меха, золото, чай – и везли их на Нижегородскую ярмарку. Поэтому иркутские купцы проезжали на тысячу верст западнее и близко подъезжали к столицам государства, особенно к Москве. Это было важно для усвоения если не духовной, то, по крайней мере, внешней культуры». Характер деятельности и товары, которыми приходилось торговать купцам, накладывали определенный отпечаток на внешний облик купцов: «Иркутский купец – поставщик на запад эlegantных продуктов востока: золота, соболей, чая; томский купец отправляет кожи, сало, шерсть, шетину. Иркутянин негоциант, томич прасол – он ходит в фартуке»⁶²³.

На различие купцов Томской и Тобольской губерний указывал автор известных в Сибири записок И. Завалишина: «Томское купечество – положительныe капиталисты, между тем как в Тобольской губернии состояния громоздятся вдруг из ничего и так же быстро исчезают»⁶²⁴. Замечание Завалишина важно, прежде всего, как свидетельство о некоторых различиях томского и тобольского купечества в дореформенный период, которые во многом определялись спецификой местной городской жизни, всей историей города, в котором протекала в основном жизнедеятельность купцов.

В городах с развитыми торговлей и промыслами центр естественным путем перемещается из крепостей (кремлей, острогов и т. д.) в посад, с горы в подол, то есть в местность, находящуюся ниже холма, на котором обычно находился укрепленный административный центр. В конце XVIII в. ядром всей планировки в Тюмени, Томске, Иркутске и Красноярске становятся торговые и гостинодворские площади с крупными гостинными дворами, торговыми рядами, таможенными постройками, биржевыми корпусами, лавками, амбарами и другими строениями⁶²⁵. Такие изменения указывают на то, что названные города становятся городами буржуазно-купеческого типа.

Местное купечество стало главным заказчиком каменного строительства в Западной Сибири, выработало свой стиль архитектуры торговых и жилых зданий. В XIX в. в Сибири гостинные дворы строили в каждом крупном городе, и были они не выше двух этажей. Здание возводилось по периметру прямоугольника или квадрата. Внутренний двор служил для сортировки и хранения товаров. Торговали по наружному периметру Гостиного двора, где сооружались лавки и соединяющие их галереи⁶²⁶.

Наряду с совершенствованием планировки и строительства торговых и производственных помещений, купцы Западной Сибири выработали свой заказ на архитектуру зданий особого типа, которые совмещали в себе жилое помещение с торговыми, складскими и хозяйственными постройками. В основу такого комплекса было положено двух-, а позднее трехэтажное здание, на нижнем этаже которого располагались торговые помещения, а на внутреннем дворе строился флигель, складские помещения, амбары, конюшня и другие постройки. Семья купца проживала обычно на втором-третьем этаже, приказчики и прислуга – во флигеле, и здания располагались по периметру, чтобы двор был по восточному обычаю полностью закрыт. Дополнялся этот комплекс массивными глухими воротами под кирпичной аркой и коваными ставнями. Для кладки таких зданий применялся изготовленный по заказу фигурный кирпич, и особое внимание уделя-

⁶²³ Потанин Г.Н. Города Сибири ... С. 238, 244.

⁶²⁴ Завалишин И. Описание Западной Сибири ... Т. 2. С. 32.

⁶²⁵ Оглы Б.И. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Города Сибири. Новосибирск. 1978. С. 262.

⁶²⁶ Горбачев В.Т. Архитектура торговых зданий в купеческих городах Сибири // Города Сибири. Новосибирск, 1978. С. 272.

лось качеству кладки. Купеческие постройки не штукатурились, и заказчиком строго контролировалась горизонтальность рядов кирпичной кладки, перевязка и толщина швов, качество кирпича и многое другое. Этот стиль кладки получил название «купеческий» и требовал от исполнителей высокого мастерства.

Однако чтобы достичь в строительстве жилых и производственных помещений высокого уровня, купцы начинали с заказов простых, но добротных каменных зданий. Сибирские купцы были первыми, кто начинал гражданское каменное строительство в городах. Например, в газете «Томские губернские ведомости» за 1858 г. помещены воспоминания одного из городских старожилов, которые хорошо иллюстрируют состояние одного из крупных городов Западной Сибири в конце XVIII в.: «65 лет тому назад в Томске было три каменных дома: купцов Шумилова, Мыльников, Коломыльцова, их коих два и ныне находятся в первобытном состоянии: в одном проживает купец Мефодий Серебренников, другой занят воинскими казармами. Около этих домов, на самой улице, было озеро, преграждавшее свободный проезд. Несмотря на это, только в 1817 или 1818 г., по распоряжению губернатора Илличевского озеро засыпали, и улица сделалась удобною для беспрепятственного проезда»⁶²⁷. Нужно отметить, что эти и некоторые другие действия губернатора по благоустройству края были связаны с предстоящим приездом в губернию ревизионной комиссии М.М. Сперанского. В других городах Западной Сибири также проводились подобные мероприятия, но эффективными их назвать нельзя.

В Западной Сибири происходило формирование потребностей и интересов местного купечества на основе материальных условий городской жизни, о чем сохранилось довольно много свидетельств. Во многом они противоречивы, и оценка зависела от того времени года, когда наблюдатель описывал городскую жизнь, отношения к санитарному состоянию города местной администрации, пожертвований купцов на благоустройство города и т. д. Несмотря на добротную, а иногда и роскошную отделку купеческих особняков, даже центральная часть западносибирских городов отличалась бедностью и ветхостью построек. Выделялись только гостиные дворы, культовые сооружения (православные соборы и церкви, костелы, мечети, синагоги), здания городского самоуправления и местной администрации, а также дома местного купечества, которые часто создавали своеобразное градостроительное ядро. Например, в Тобольске, по описанию К. Голодникова, большинство каменных зданий в конце XVIII – начале XIX в. было построено купцами. Наиболее заметными из них были два трехэтажных дома купцов Володимировых, один из которых был во второй половине XIX в. казенной аптекой, а другой принадлежал компании действительного статского советника А.Ф. Поклевского-Козелл. «В 1762 г. построил трехэтажный каменный дом купец Шевырин, – писал К. Голодников в своем известном труде «Тобольск и его окрестности», – который ныне принадлежит купеческому обществу и принадлежит городской управе. Шевырин боролся за винный откуп, но проиграл графу П.И. Шувалову, который купил у купца Походяшина винокурный завод в Ялutorовском округе, а в Тобольске выстроил великолепный трехэтажный дом. Двухэтажный каменный дом купца Куклина был приобретен казною для помещения там резиденции генерал-губернатора Западной Сибири, а после выезда ее в 1839 г. в Омск там размещалась резиденция тобольского губернатора»⁶²⁸.

Далее К. Голодников, известный сибирский краевед и старейший журналист, бывший отчасти очевидцем происходивших тогда событий, описывает дом тобольского купца В. Корнильева, в котором проживал губернатор А.В. Алябьев и его сын, знаменитый музыкант, дававший там концерты, а затем там помещалась губернская гимназия; дом Н.С. Пиленкова, бывшего в 1820-х гг. первым богачом Тобольска, дома купцов Шохина, Малькова, Сыромятникова, Худякова, Русакова, Тренина, Дьяконова, Бронникова и других. К 1880-м годам, по мнению Голодникова, из старых купеческих родов остался только род Ширковых, пользующийся «всеобщим уважением», остальное же купечество составляют приказчики разорившихся или уже умерших коммерсантов⁶²⁹.

⁶²⁷ Томские губернские ведомости. 1858. 14 февр.

⁶²⁸ Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск. 1887. С. 7.

⁶²⁹ Там же. С. 11.

В Томске, например, в конце XIX – начале XX в. помимо многих купеческих торговых промышленных и жилых зданий, определявших лицо города, сформировался новый квартал, получивший название «Кухтеринский квартал». Он стал так называться по зданию, которое выстроили по проекту талантливого архитектора К.К. Лыгина для торгового дома «Евграф Кухтерин и сыновья». Монументальное здание значительно превысило высоту стоявшего рядом дома золотопромышленника Асташева, построенного более чем на полвека раньше, но, несмотря на свои внушительные размеры и красоту, вполне гармонировало как с классическими постройками Губернского правления и Архиерейского дома, так и с Троицким собором и театром Королева. По мнению современного историка архитектуры О.В. Богдановой, дома квартала «не стали друг другу враждующими соперниками, они равнозначны и самодостаточны»⁶³⁰. В домах купцов Кухтериных и Гадаловых размещались помещения для администрации, торговли и жилья, там находилось губернское казначейство, различные магазины и складские помещения, там в первую очередь внедрялись многие технические достижения: паровое отопление, водоснабжение, электричество, телефон, сантехнические системы, что характеризует их владельцев как носителей новых прогрессивных отношений, не получивших, к сожалению, достаточно широкого и массового распространения.

Другой исследователь архитектуры Томска, В.Г. Залесов, так определил суть частной застройки города, которая в первую очередь касалась местного купечества: «Частной архитектурной деятельности более, чем служебной, был присущ яркий индивидуализм творчества. С одной стороны, архитектор был раскрепощен от нормативных ведомственных установок и жестких финансовых рамок, однако, с другой – был значительно зависим от требований, запросов и вкусов частного застройщика... Однако, если того требовала проектная задача, архитектор и заказчик шли на крупные расходы, используя дорогие высококачественные материалы, современные конструкции, не скупясь на отделку. Кроме того, в условиях капиталистической конкуренции и возрастания цен на земельные участки архитекторам порой приходилось решать сложные планировочные задачи, диктовавшиеся размерами и формой строительных площадок»⁶³¹.

Интересные воспоминания об отношениях томских купцов и местной администрации оставил отбывавший в 80-е гг. ссылку в Томске Е.В. Корш. По его наблюдениям, лучшие дома в городе принадлежали купцам, и иногда они их сдавали под квартиры. Одну из них, купца Ненашева, наняли для популярного в Томске губернатора И.И. Красовского. Парадную коляску для встречи губернатора взяли у купца Пастухова, но тот принципиально поехал в город из Черемошников на фаэтоне полицмейстера. Домовладелец Ненашев оставлял после разборки товаров ящики во дворе своего дома, где снимал квартиру Красовский и получил от него нагоняй: «Под окнами моего дома должно быть так чисто, как у меня на голове» и провел рукой по своей лысине. Ненашев вышел, ворча, что зря согласился сдать квартиру губернатору, но пустые ящики навсегда исчезли с губернаторского двора⁶³². Тем не менее даже высокие чины и должности квартирантов не спасали зачастую купцов-домохозяев от неприятностей. Например, из лавки купца Ненашева было украдено различных ювелирных изделий на сумму более 30 тыс. руб. «Большая часть вещей уже найдена, – сообщает газета, – между прочим, у “золотых дел мастера” Бутовича. Всего интереснее остроумие и сметливость похитителей, забравших золотые, серебряные и бриллиантовые вещи и оставившие поддельные...»⁶³³. Постоянные грабежи, кражи и мошенничество были неотъемлемой чертой городской жизни XIX в. Их описание заняло бы не один десяток страниц и служило бы еще одной характеристикой условий предпринимательства западносибирских купцов и влияния на их облик криминальной обстановки. Например, среди сибирских городов Томск отличался высоким уровнем преступности, и известный писатель и путешественник С. Максимов писал об этом так: «Томск и в самом деле один из таких городов, где деятельность полиции больше всех сибирских городов находится в затруднениях, и где меньше всего частная собственность находилась в безо-

⁶³⁰ Богданова О.В. Архитектурный облик Томска. Томск, 2005. С. 70.

⁶³¹ Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). Томск, 2004. С. 83.

⁶³² Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. № 6. С. 809.

⁶³³ Сибирская газета. 1883. 27 нояб.

пасности»⁶³⁴. Обострение криминогенной обстановки в Томске в 60-е гг. XIX в. отмечено и в современных исследованиях, что связано с усилением торговли и промышленности в регионе и притоке сюда наемной рабочей силы, а также обогащением горожан за счет торговли и извоза, что повышало их требования к работе полиции⁶³⁵. Подобную характеристику, но в более мягкой форме, можно дать другим сибирским городам.

Санитарное состояние и благоустройство западносибирских городов, которые также являлись определенными характеристиками условий купеческого предпринимательства, оставляли желать много лучшего. Например, санитарный врач А. Ремезов давал г. Тюмени такую характеристику: «Все улицы Тюмени, числом 72, имеют черноземный грунт, образовавшийся в течение десятилетий от сваливания и грунтования их навозом со дворов жителей. Поэтому здесь весной и осенью непроходимая грязь... Вода для питья и приготовления пищи берется из реки Туры – иловатая и мутная в летнее, но особенно в весеннее время года»⁶³⁶. Не украшало этот город и постоянное мощение улиц остатками кожевенного производства – обрезками кожи и раскрошенной дубильной корой. Особенно неприятно это было для обоняния жителей города и проезжавших через него иногородних». Другой санитарный врач, Н. Вернарди, сделал такое заключение по санитарному состоянию западносибирских городов: «Прочтите о санитарном состоянии Тюмени, побывайте в таких крупных городах, как Томск и Барнаул – худшего, кажется, и желать нельзя»⁶³⁷.

Несмотря на городские условия жизни, на большие и богатые свои жилища, западносибирские купцы во многом сохранили крестьянский, народный уклад жизни и не любили парадных апартаментов. Такие наблюдения сделали в свое время областники. «Хозяева теснились в задних апартаментах, воздух которых насыщен смесью запахов от лампадного масла и рыбного пирога», – писал Г.Н. Потанин в известной статье «Города Сибири». То же самое говорил Н.М. Ядринцев: «Кухня всегда была местопребыванием хозяйки дома и ее местожительством, даже у богатых купцов. Это существовало даже тогда, когда строились обширные каменные палаты, и в них анфилады комнат были только парадными покоями для приема гостей». Санитарный врач А. Ремезов в большой статье «Очерк санитарного состояния Западной Сибири в 1880 г.» отмечал: «Постройки зажиточного класса горожан довольно поместительны и теплы, но подвальные этажи сыры. Впрочем, обыватели занимают обыкновенно несколько задних комнат небольших размеров. Тут и спальни, и столовые, и детские. Во всех этих комнатах, при отсутствии надлежащих способов очищения, воздух не отличается чистотой. Большие же парадные комнаты остаются пустыми и служат только для приема гостей»⁶³⁸.

Таким образом, условия проживания и профессиональной деятельности западносибирского купечества дают основание считать, что в городах региона роль градостроительного ядра играли добротные и красивые постройки купцов. Они подчеркивали своеобразие быта купечества, который во многом характеризовался традиционной патриархальностью и консерватизмом, но был неразрывно связан с народной потребностью все делать для себя добротно и красиво. Полученные в результате предпринимательства капиталы шли у купцов не только в коммерцию и на расширение своего дела, но и на связанные с этим расходы по строительству торговых и жилых помещений. Построенные здания являлись также свидетельством благополучия купца, вызывали доверие у кредиторов и деловых партнеров, то есть несли еще и необходимую для коммерческого дела представительскую функцию. Как отмечает Ю.М. Гончаров, «изменения, происходившие в архитектуре и интерьере жилища городской семьи в Сибири, были тесно связаны с социально-экономическим развитием региона... Буржуазия строила свои особняки в псевдорусском стиле, а позднее в стиле модерн»⁶³⁹. Отметим, что такие изменения были тесно связаны с эволюцией

⁶³⁴ Максимов С. Сибирь и каторга. СПб., 1871. Ч. 1. С. 224.

⁶³⁵ Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 62–63.

⁶³⁶ Восточное обозрение. 1882. 13 мая.

⁶³⁷ Сибирский вестник. 1891. 31 марта.

⁶³⁸ Восточное обозрение. 1882. 13 мая.

⁶³⁹ Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. С. 127.

внутреннего мира предпринимателей, которые уходили от простых и примитивных форм жилища и торгово-промышленных зданий к вполне стильным и талантливо спроектированным сооружениям, вполне соответствующим их вкусам и эстетическим потребностям.

В купеческих зданиях сочеталась своеобразная оригинальная архитектура, включающая в себя элементы различных архитектурных направлений, декоративная изящная обработка и оформление внешнего вида зданий, добротные и прекрасно выкованные металлические решетки и ставни створного или шторного типа, виртуозное мастерство каменщиков и строителей других специальностей. Естественно, что в таких жилых и производственных помещениях формировались такие качества купцов, как ответственность родителей перед своими потомками, так как здания строились не столько для себя, сколько для наследников, и рассчитаны были на века, стремление выделиться среди других величиной, качеством и добротностью постройки, уважением к человеку, который будет жить и работать в построенном тем или иным купцом доме.

Таким образом, материальные потребности купцов были по своей сути народными, типично национальными. Многие у купцов было таким же, как у крестьян и мещан, только богаче и лучше по качеству и больше по количеству. Такая тенденция в потребностях западносибирского купечества хорошо прослеживается в купеческой манере одеваться. В парадных случаях купцы вынуждены были отдавать дань европейской моде, облачаясь в сюртуки, жилетки, туфли, а иногда и во фраки и цилиндры. Но лучше и естественнее они чувствовали себя в сапогах с высокими голенищами, картузе и в длиннополых, утепленных, из толстого сукна сюртуках, получивших название сибирка. По своему назначению сибирка была универсальна и выполняла роль летнего пальто и представительского костюма. В целом одежда сибирских купцов мало отличалась от одежды провинциального русского купечества. Например, в Рыбинске, одном из центров хлебной торговли, купцы носили «длинный сюртук сибиркою при жилете, рубаху с косым воротом, шаровары, а то и брюки, но заткнутые в сапоги с высокими чищеными голенищами. На голове принято было носить низкие картузы»⁶⁴⁰. О длиннополых тяжелых и неуклюжих с виду суконных сибирках, ситцевых косоворотках, сапогах бутылками и картузах – типичной одежде большинства сибирских купцов – писали в газетах того времени, в публицистических очерках и художественной литературе. Такую приверженность купцов к простой народной одежде хорошо подметили иностранцы: «Русский купец никогда не высказывал желания быть не тем, чем он есть. Он обыкновенно носит платье, указывающее на его социальное положение, не пытается приобрести изящные манеры или изысканные вкусы...»⁶⁴¹.

Известный историк Р. Пайпс на основе изучения образа жизни русского купечества пришел к следующему выводу: «В отличие от дворянства, которое пошло на поводу у Запада и утратило все следы восточного наследия, купцы оказались более косными и до начала XX века сохранили типично восточный внешний вид: борода (теперь обычно подстриженная), сюртук, являвший собой видоизмененный кафтан и застегивавшийся обычно на левую сторону, высокая шапка, мешковатые штаны и сапоги»⁶⁴². Для сравнения можно отметить, что еще более «восточный» вид имели купцы Иркутска. По описаниям Е.А. Авдеевой-Полевой, жители Иркутска «не носят русских кафтанов, и даже черный народ носит летом халаты, а зимою тулупы, крытые китайкою или нанкою; летом круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы»⁶⁴³.

Современные исследования отдельных сторон быта купцов в XVIII–XIX вв. во многом подтверждают эти выводы и наблюдения. В провинции средние купцы одевались большей частью по-русски. Носили русские рубахи с косым воротом, порты или шаровары, заправленные в сапоги, длинные камзолы или жилеты и кафтаны русского покроя, картузы или фетровые шляпы. Купеческие кафтаны шили из синих, оливково-зеленых и черных сукон. Часто купцы носили кафтан халатного покроя, но с воротником и отворотами, как на сюртуке. Кафтан застегивался слева на крючки и по длине доходил почти до щиколоток. Купеческая молодежь под кафтаном

⁶⁴⁰ Поплов-Северцев Г.Т. Наши деды-купцы. Бытовые картинки начала XIX столетия. СПб., Б. г. С. 206.

⁶⁴¹ Маккензи У. Россия. СПб., 1880. Т. 1. С. 215.

⁶⁴² Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 270.

⁶⁴³ Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 9.

носила жилет из светлого узорного шелка, на шее цветной шелковый платок, концы которого заправлялись под жилет. Российское, в том числе западносибирское купечество, до конца XIX в. сохраняло в своем костюме специфические черты, отличаясь от других социальных групп городского населения. Постепенно происходило вытеснение традиционной одежды купцов обще-европейской одеждой, но купцы предпочитали ее «монументальные» формы: длиннополые сюртуки у мужчин и длинные салопы и шали у женщин⁶⁴⁴. Тем не менее под влиянием моды и производства одежды, рассчитанной на массовый спрос, с изменением условий жизни и внутреннего мира предпринимателя происходила определенная унификация его одежды с одеждой других слоев населения, прежде всего, дворян и интеллигенции. В связи с размыванием сословной структуры сибирского общества, формированием новых социальных категорий на первый план выдвигались различия, которые влияли на качество материалов и покрой одежды, на состав и разнообразие гардероба, на стоимость и качество украшений для женщин и необходимых атрибутов для мужчин (головные уборы, трость, часы, зонтик, пенсне и т. д.). В этом плане мы солидарны с позицией Ю. М. Гончарова, который нарисовал широкую панораму быта сибиряков на протяжении почти века, что явилось серьезным шагом в изучении и популяризации сибирских структур повседневности⁶⁴⁵.

Особенно выпукло и определенно народные вкусы купцов проявились в выборе ими пищи. Конечно, в трактирах, ресторациях и в гостях у местной знати купцы познакомились с блюдами европейской кухни. Однако полное удовлетворение они получали от родной сибирской кухни, основательность и питательность которой определялась суровостью климата и изобилием продуктов. Талантливое и, можно сказать, поэтическое описание сибирского стола сделал Н. М. Ядринцев в очерке «Сибирское хлебосольство»: «Пельмени составляют по местному вкусу всю суть сибирской еды, совершенство кулинарного искусства, предмет благоговения и поклонения. Когда подаются пельмени, то все блюда бывают поражены паникой и не смеют являться на стол, присутствующие не смеют отказываться, сколько бы их не подавали. Со стороны кажется, – с юмором добавляет автор, – что пельмени наполнили все, что человек сыт до верха горла, берет боязнь, что они как из мортиры, под влиянием упругости и натиска, станут делать обратные из рта выстрелы. Но это только так кажется. Сибиряк, потребивший их, только краснеет, и лицо его сияет удовольствием...».

Автор очерка далее говорит, что кроме прямой (насыщающей) функции сибирского обеда были еще дополнительные функции – социальная, эстетическая и этическая: «Приглашенный на обед после первого визита считался знакомым и принятым в дом, неприглашение означало нежелание водить знакомства; отказ со стороны приглашаемого от обеда принимался как обида, выражение враждебности и неприязни. Угощение и обед в Сибири при осложняющихся отношениях жизни получает значение официальное, политическое и дипломатическое. Угощают деловых и нужных людей, угощают начальство. В обедах выражаются все торжества, овации, демонстрации, причем красноречие предоставляется блюдам, а гости молчат. Обилие пищи, способы сибирского питания... наложили печать на организацию и характер сибиряка. В Сибири мы встречаем более чем где-либо людей приземистых, ширококостных, крупных размером, увесистых, которые подают все признаки упитанности. Сибиряк холоден, рассудочен, отличается отсутствием всякой сентиментальности и какой-то высокомерной бесстрашностью и презрением к идеальному»⁶⁴⁶.

Впрочем, купцы, как и представители некоторых других профессий, постоянно находились в разъездах и часто имели возможность питаться как весь народ, то есть не предаваться чревоугодию, а иногда и испытывать лишения. Особенно часто это происходило в экспедициях по поиску золота или при рискованных торговых поездках в тайгу или тундру. Во время обычных будничных переездов сибирские купцы питались на постоялых дворах и в трактирах или использовали удобные и незаменимые в дороге зимой «консервы» – мороженые щи и мороже-

⁶⁴⁴ *Русский костюм. 1830–1850.* Вып. 2. М., 1961. С. 96; 1850–1870. Вып. 3. М., 1963. С. 166; *Кирсанова Р. М.* Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. М., 1989. С. 212.

⁶⁴⁵ *Гончаров Ю. М.* Очерки истории городского быта ... С. 195.

⁶⁴⁶ *Восточное обозрение.* 1893. 9 мая.

ные пельмени. Зимой на станции их можно было быстро приготовить и ничто, по словам много путешествовавшего купца Н.М. Чукмалдина, «не могло с ними сравниться по удобству, питательности и удобству перевозки зимой»⁶⁴⁷.

Очевидно, что проблем с питанием в Сибири XIX в. не было, и путешественники это отмечали: «В любой, даже бедной избе вас накормят за бесценок прекрасными шами, жареною говядиной, кашей, пирогами (это не русский ситник без начинки), шаньгами (род ватрушек), и везде вы найдете хороший пшеничный хлеб»⁶⁴⁸. В результате хорошего питания и здорового образа жизни сибиряки, в том числе и купцы, в молодости отличались крепким здоровьем и красивой внешностью. Однако с годами калорийная и жирная пища вместе с постоянным употреблением водки и малоподвижным образом жизни нередко приводили к тучности. Известный писатель И.А. Кушевский описал эту сторону жизни западносибирских купцов: «Мороженые пельмени легко перевозимы и ни с чем не сравнимы как подорожники. Если на станции можно достать огня и воды, вы всегда имеете превосходную закуску, к которой не нужно даже хлеба. Весь обед может состоять из пельменей, они могут заменить даже пирожное... Вероятно, благодаря этим пельменям и ежеминутному употреблению водки, редкий из доверенных и людей богатых в Сибири не страдает ожирением»⁶⁴⁹.

В первой половине XIX в. среди сибирского купечества быстро распространялось увлечение пить чай. Удовольствие это было для того времени довольно дорогим, и в чаепитии выразилось отличие купцов от простых горожан и крестьян. Затем, правда, с появлением дешевых сортов чая потребление этого напитка в Сибири стало повсеместным. В середине XIX в. только купцы могли позволить себе выпивать огромное количество чая. Иностраный путешественник Руссель-Килуга писал об этом так: «Чай для сибиряка, что для ирландца картофель; многие его пьют стаканов по 40 в день и придерживаются странного обычая не класть сахар в стакан с чаем, а откусывать его по маленьким кусочкам и сосать, прихлебывая чаем»⁶⁵⁰. Чаепитие становилось для купечества жизненной необходимостью, обставлялось своеобразным этикетом. Об этом писал путешествовавший по Западной Сибири И. Белов: «Сибиряки любят до пристрастия пить чай, который они употребляют по несколько раз в сутки и весьма часто без сахара; гораздо сносней иному из них оставаться день целый без пищи, но только бы не быть без чаю»⁶⁵¹.

К концу XIX в. чаепитие в Сибири становится непременным атрибутом деловой беседы, отдыха, семейных вечеров, приема гостей и т. д. Н.М. Ядринцев под псевдонимом Затуранский отмечал: «В городах, на постоянных дворах, у мещан, а тем более у купцов, чаепитие распространено до неуместности, до пресыщения, если бы можно им пресытиться, но это напиток, который пьют без меры и с удовольствием. Угощение чаем в патриархальных семьях доведено до утонченности, это целый этикет, хозяйка после первой чашки упрощает гостя или гостью, гость должен отказываться. Он накрывает чашку и кладет кусок сахара наверх. Только в высшем кругу вошло уже в обыкновение класть ложечку в стакан»⁶⁵².

В то же время характерной чертой западносибирского купечества в XIX в. было пристрастие к разгульному образу жизни. Купцы охотно шли на то, чтобы широко отпраздновать свои коммерческие успехи, семейные и церковные праздники, все события в своей жизни и жизни своих родных – от крестин до поминков. В начале XIX в. главной причиной таких торжеств было желание выделиться и выиграть в общественном мнении. Проезжавший через Сибирь Ф.Ф. Вигель это заметил: «Обычай и тщеславие заставляют наших купцов праздновать крестины и именины, свадьбы и похороны, и тогда только, без меры и без вкуса, кормят они званых на убой; остальное же время двери на запор, в кругу своего семейства довольствуются они самою уме-

⁶⁴⁷ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни ... С. 160.

⁶⁴⁸ Кроткий П.А. Дневник разных лет ... С. 277.

⁶⁴⁹ Кушевский И. Не столь отдаленные места Сибири (Наброски из воспоминаний сельского) // Отечественные записки. 1875. № 7. С. 23–24.

⁶⁵⁰ Руссель-Килуга. Через Сибирь в Австралию и Индию. СПб., 1875. С. 36, 46, 52.

⁶⁵¹ Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 20.

⁶⁵² Восточное обозрение. 1893. 8 мая.

ренною, простонародною пищею»⁶⁵³. Затем, с распространением в крае золотопромышленности и частного винокурения, торжественные обеды стали своеобразной формой наладить контакты с местной администрацией и подкупить ее. Газеты того времени это хорошо подмечали: «Обеды, даваемые купечеством разным влиятельным лицам в Сибири, стоят по несколько тысяч рублей, хотя здесь участвует кружок, может быть, в 20–30 персон. За что такие угощения? Таким способом монополистам, винокурам и золотопромышленникам покупается право действовать в тайге и округе бесконтрольно и беспрепятственно»⁶⁵⁴.

Довольно частым явлением в Сибири второй половины XIX в. стали парходные прогулки званых гостей с роскошным угощением. Чиновники были радушно встречаемы на приисках, где также в их честь задавались роскошные пиры. Один из владельцев золотых приисков за сезон выпил с гостями три тысячи бутылок шампанского. Это вино, как и другие виноградные вина, поставлялись с Ирбитской ярмарки и были большей частью поддельными. Газеты писали, что томенский купец П.И. Трусов «производил» шампанское по 60 коп. бутылка, другие купцы делали разные «мадеры» по 1 руб. 20 коп. за бутылку. Большой частью это был настой из спирта, жженого сахара, сандала и буры. Однако сибирское купечество уже знало толк в винах, и купцы покупали дорогое вино по 6 и более рублей за бутылку. Недаром среди западносибирского купечества бытовала шутка: «Помилуйте, разве мы образования не получали? Да в Ирбитской почти нет трактира, где бы мы не перебивали»⁶⁵⁵.

С.С. Шашков вспоминал о купеческой жизни в сибирских городах: «Все большие церковные и семейные праздники, например, именины, пили и ели усиленно, и только. Пили на именинах, пили на крестинах, пили на похоронах, пили по случаю “монаршей милости”, то есть награды, но из всех этих пирушек, особенным безобразием отличались свадьбы»⁶⁵⁶. Об особенностях употребления спиртных напитков в Сибири со знанием дела писал И. Кушевский: «Говоря об употреблении водки, я не могу сказать, чтобы сибиряки были пьяницами. Там чрезвычайно трудно встретить пьяного человека, в особенности на улице, как это часто бывает в Петербурге. Сибиряк пьет так же, как мы курим; он пьет постоянно и никогда не может напиться до безумия: от опьянения он делается немного оживленнее, но затем, перехвативши меру, просто засыпает. Большинство сибиряков (в особенности из простонародья) ничего не пьет, но не считает пороком и пить, так же, как не считает пороком курить или нюхать табак»⁶⁵⁷.

Западносибирские купцы, как и подавляющее большинство населения края, любило ходить в бани. Это считалось одной из потребностей сибирской жизни. Обычай еженедельно мыться и крепко париться доставлял удовольствие и наслаждение. У некоторых купцов были за городом собственные бани, но большинство из них ходили за плату в общественные бани, которые были одновременно клубом, питейным заведением, а иногда и публичным домом.

После нескольких десятков лет проживания в Томске, уже в эмиграции, бывший купец и золотопромышленник И.В. Кулаев вспоминал: «Сибирский купец того времени любил повеселиться нараспашку, по-своему, в теплой купеческой компании, зело хорошо выпить, в беседе не стесняться в выражениях – вроде всем известного тогда томского купца Евграфа Ивановича (Николаевича. – В.Б.) Кухтерина»⁶⁵⁸. Однако ни Кухтерину, ни другим купцам это не было большой помехой в их делах. Коммерческая деятельность купцов предполагала вхождение в тесный круг предпринимателей, и званые обеды, пирушки и прочие увеселения были необходимы для того, чтобы завязать полезные знакомства, получить нужную для сделок информацию, прозондировать почву о возможностях кредита и т. д. Отказ от участия в праздниках, от званых обедов с непременными возлияниями спиртного мог вызвать у хозяев обиду, а отказавшийся мог оказаться в изоляции, нанести вред своим деловым интересам.

⁶⁵³ Вигель Ф.Ф. Воспоминания // Русский вестник. 1864. № 5. С. 126.

⁶⁵⁴ Восточное обозрение. 1884. 20 сент.

⁶⁵⁵ Восточное обозрение. 1882. 20 мая; 1885. 28 март.

⁶⁵⁶ Там же. 1882. 30 сент.

⁶⁵⁷ Кушевский И. Указ. соч. С. 24.

⁶⁵⁸ Кулаев И.В. Указ. соч. С. 249.

Рассмотренный в данном разделе комплекс основных потребностей западносибирского купечества послужил базой для формирования у него социальной и ценностной ориентации, во многом определил нормы поведения купцов в различных ситуациях. Предпочтение здесь отдавалось характеристике основных материальных потребностей, так как духовные потребности и интересы близки по своему содержанию определенным чертам менталитета западносибирского купечества, и они освещены в следующем разделе.

5.2. Социальная и ценностная ориентация купечества Западной Сибири

Важной составной частью социальной психологии западносибирского купечества является его социальная ориентация. Она включает в себя следующие черты: сплоченность отдельных членов рассматриваемой сословной группы в единое целое, степень ее самостоятельности и обособленности, влияние купечества Западной Сибири на другие слои населения края и внешнее воздействие чиновников, дворян, крестьян и горожан на купечество. Известный исследователь истории Сибири дореформенного времени М.М. Громыко отмечала у сибирских купцов XVIII в. отсутствие устойчивого осознания общности своих интересов, сознательного противопоставления себя как единой социальной группы внешней среде⁶⁵⁹. Соглашаясь с такой оценкой для XVIII в., отметим, что в XIX в. корпоративный дух в среде западносибирского купечества усиливался, и начинался процесс противопоставления купеческих ценностей официальной дворянско-бюрократической идеологии. Эти процессы шли в Сибири с некоторым запаздыванием по сравнению с Европейской Россией. В целом по России, по мнению Н.В. Козловой, во второй половине XVIII в. завершилась консолидация купечества в особое сословие, происходившая на основе возрастания его экономического значения и влияния, формирования общих черт сознания и усиления общесословной борьбы за возвышение своего социального статуса⁶⁶⁰.

Отметим, что процесс обретения социальной самостоятельности купечеством Западной Сибири был длительным, так как купцы веками были приучены к рабской покорности властям, привыкли зависеть от произвола чиновников. Однако, приобретая и совершенствуя профессиональные навыки, чувствуя за собой усиливающуюся с годами экономическую мощь своих капиталов, купцы вырабатывали в себе новую систему ценностей. В основе ее лежит понятие «купеческая честь», то есть свод правил, которые регулировали поведение купца в различных ситуациях, определяли его основные моральные качества. Обогащение за счет обмана казны и покупателя не считалось среди купечества большим грехом, но между собой, при кредитовании и в торговле купеческое слово являлось гарантией выполнения взятых обязательств. Без соблюдения этого правила невозможна была организация торгового дела. Автор известной повести «Тарантас» В.А. Соллогуб, описывая провинциальное купечество, не раз удивлялся, как купцы доверяли друг другу на слово многие тысячи рублей. По свидетельствам современников, доверие к западносибирским купцам в силу основательности их занятий было даже выше, чем к купцам из других городов Сибири. Правда, оно сильно пошатнулось после краха золотопромышленной компании Ф.А. Горохова, когда разорились многие старинные купеческие семьи, и суды были завалены долговыми исками к его компании.

Одним из подтверждений значимости «купеческого слова» может служить случай, произошедший в Тобольске. Летом 1882 г. в низовьях Оби работала гидрографическая экспедиция полковника Моисеева. В качестве транспортного средства был использован пароход тобольского купца первой гильдии И.Н. Корнилова «Союз». После окончания экспедиции ее руководитель высказал ряд претензий к пароходчику. В первом номере газеты «Восточное обозрение» за 1883 г. помещено письмо купца Корнилова, в котором он отменяет обвинения в свой адрес и показывает себя опытным газетным полемистом. Единственной своей ошибкой Корнилов считал, то что не

⁶⁵⁹ Громыко М.М. К характеристике социальной психологии ... С. 71.

⁶⁶⁰ Козлова Н.В. Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 228.

подписал письменный договор, а ограничился устным в присутствии губернатора и других свидетелей, так как, «привыкнув верить слову, по которому часто между собой совершаем тысячные дела, мы не усомнились и в честном слове человека образованного, г-на Моисеева, и не сочли нужным оформить его честное слово, данное нам при свидетелях, дающее нам право взять с собой при возвращении наши рыболовные суда»⁶⁶¹.

Своеобразный манифест честного торговца содержится в воспоминаниях Н.М. Чукмалдина. Воспоминания написаны в конце жизни этого талантливого представителя своего сословия и являлись его своеобразным завещанием: «Выигрывает и богатеет в торговле только тот, кто оказывает услугу обществу. Наивыгоднейший товар – доверие, а доверие дается только безупречной честности и торговому бескорыстию. Богатеет только изобретатель нового общепольного дела. Все что добыто несправедливо, посредством обмана, своекорыстия и зла, носит в самом себе смерть. Жизненно и прочно одно добро»⁶⁶².

Немаловажным обстоятельством в становлении купеческого самосознания являлось отношение сибирских купцов к ссыльным декабристам. Некоторые купцы Тобольска, Кургана, Томска и других сибирских городов симпатизировали сосланным в их города декабристам, помогали им материально в их начинаниях, доверяли им воспитание своих детей. В Сибири между ними сложился взаимовыгодный и прочный союз, и исследование этой пока практически не изученной проблемы может стать темой отдельной большой работы. Отметим только, что в Томске опальный Г.С. Батеньков получил самый радушный прием прежде всего у купечества. Известен заказ Батенькову на проект строительства загородной дачи, потом деревянной церкви, оранжереи и разных производственных помещений купцом С. Сосулиным. Крупные капиталисты города радушно принимали Батенькова и сами у него бывали. И.Л. Фуксман, который помнил Батенькова в Томске, рассказывал А.В. Адрианову, что некоторые томские девицы, в том числе и купеческие, были воспитанницами декабриста, постоянно у него бывали и находились под его влиянием⁶⁶³. Кстати сказать, многие программные документы и показания декабристов содержат острую критику правительства в отношении купечества, зримо рисуют его состояние и перспективы сотрудничества с ним после прихода этих революционных реформаторов к власти⁶⁶⁴. Оказавшись в сибирской ссылке, десятки декабристов сами начали заниматься предпринимательской деятельностью, правда, без особого успеха, тесно сотрудничая при этом с местными купцами⁶⁶⁵.

Долгое время западносибирские купцы были верны старинным обычаям в проведении досуга, в своих увлечениях и пристрастиях. По своей сути они были глубоко народными и имели форму азартных соревнований, демонстрации своей силы и молодечества. Кроме холодного расчета, в коммерции нужно было иметь смелость, часто принимать рискованные решения, уметь постоять за себя не только перед грозным чиновником, но и перед лихими людьми на большой дороге. Поэтому купцы были любителями, ценителями, а то и участниками молодецких забав: кулачных боев, единоборств, поднятия тяжестей, лошадиных бегов и т. д. Спортивный азарт был как бы продолжением азарта коммерческого. Об этом хорошо написал И.В. Кулаев: «Меня влекло даже не желание увеличить свой капитал, но чисто спортивный интерес, труднообъяснимое, захватывающее чувство – стремление выйти победителем в соревновании»⁶⁶⁶.

⁶⁶¹ *Восточное обозрение*. 1883. 6 янв.

⁶⁶² *Чукмалдин Н.М.* Записки о моей жизни ... С. VI.

⁶⁶³ *Адрианов А.В.* Томская старина ... С. 132.

⁶⁶⁴ *История предпринимательства в России*. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 373; *Бойко В.П.* Проекты декабристов по управлению Сибири в первой половине XIX в. // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв. Материалы VI Всероссийской научной конференции 22–24 марта 2006 г. Новосибирск, 2006. С. 42–47.

⁶⁶⁵ *Бойко В.П.* Об итогах изучения предпринимательской деятельности декабристов в Сибири в отечественной историографии дореволюционного периода // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. Вып. 1 (52). Сер.: Гуманитарные науки (история, этнология). Томск, 2006. С. 64–69; *Его же.* Декабристы в предпринимательстве Сибири 30–50-х гг. XIX в. // *Жизнь в истории*. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 387–397.

⁶⁶⁶ *Кулаев А.В.* Указ. соч. С. 109.

В некоторых городах Западной Сибири в дореформенное время среди купцов большой популярностью пользовались кулачные бои, в которых принимали участие и молодые купцы. В начале XIX в. в Томске широкой известностью пользовались два купца – Коломыльцов и Серебренников, которые играли двухпудовой гирей как кожаным мячом. «Желая потешиться в веселый час, они становились: один внутри, другой снаружи Гостиного двора и через крышу перекидывали двухпудовую гирию несколько раз. Можно судить, какова была у них сила и крепость мускулов», – восклицал один из томских старожилов⁶⁶⁷.

Газета «Восточное обозрение» сообщала, что в Тюмени и в 1884 г. существовали кулачные бои, которые зимой повторялись каждое воскресенье. «В них иногда участвуют местные купцы; бой происходит зимой на реке Туре. Тяжелораненых сейчас же увозят в больницу»⁶⁶⁸. Увлечение кулачными боями было присуще провинциальному купечеству других городов России. Например, рыбинские купцы также были большими любителями этой жестокой забавы. Там бои шли между грузчиками хлеба, большей частью татарами, и рыбинскими мещанами и купцами. Причем поддержка купеческой молодежи была решающей в схватке, так как люди они были «молодые и сильные». Остальное купечество обязательно шло смотреть бои и делало заклады, причем очень значительные⁶⁶⁹.

Иногда купцы переносили нравы кулачных боев в общественные места. Например, в 1814 г. городским головой в Томской думе был купец Чулошников, который отличался буйными поступками. В присутствии думы он неоднократно «бил своеручно и таскал на улице против градской полиции» мещан Ивана Хлебникова, Льва Терехина, Ивана Ларина. Во время наказания Ларина купец Степан Неупокоев сказал Чулошникову, что он того наказывает «безвинно, за что поносим был Чулошниковым многими обидными словами». Бил он «своеручно» ревизского старосту Якова Скворцова, а другого, Крисанфа Пырскова, наказывал отсылкою в полицию «для употребления его в рассыльщики»⁶⁷⁰. Все наказанные Чулошниковым люди были гласными городской думы и принадлежали к известным в городе фамилиям, и многие потом состояли в купечестве.

Не останавливали иногда купцов при расправе чины и должности своих противников. Так, в 1798 г. томский купец Василий Федосеев встретил однажды винного пристава Ивана Бурундукова и со словами «по ночам не ходи» ударил его по щеке. На упрек пристава купец еще раз его ударил, а затем схватил его за косу и оторвал ленту. После того как пристав начал обороняться тростью, купец с помощью «сотоварищей» ее отобрал и через колено сломал. Как известно, в павловские времена все служащие, начиная с солдат, носили парики с косами, и посягательство на них расценивалось как серьезное преступление. Поэтому это дело было передано магистратом в управу благочиния для более детального расследования⁶⁷¹. Как наказали купца Федосеева за его рукоприкладство, неизвестно, но в том же году на должность винного пристава в Томске был избран купец М.А. Мыльников. За него поручились 40 местных купцов и городской голова Яков Скворцов⁶⁷².

Серьезный конфликт в 1786 г. произошел между томским почтмейстером Крыжановским и томским третьей гильдии купцом Киселевым в лавке последнего. Чиновник применил камышовую трость, а купец толстую березовую палку, в результате чего, по словам почтмейстера, он «ощутил внутри себя боль, да при всем том имел наружные боевые знаки». Купцы, призванные в качестве свидетелей, говорили в пользу Г. Киселева, и дело затянулось на два года, пока 3 августа 1788 г. в доме купца Шумилова при купцах Кремлеве, Шевырине и Белове не произошло примирение. Противники «друг друга целовали и мировую рукоприложением заключили»⁶⁷³.

Гораздо чаще происходили стычки купцов с мещанами, ямщиками, крестьянами и представителями других сословий. Некоторые из этих конфликтов заканчивались драками, причем не всегда победа была на стороне купцов. Например, в 1803 г. томский купец Иван Быков разогнал с по-

⁶⁶⁷ Томские губернские ведомости. 1858. 11 июля.

⁶⁶⁸ Восточное обозрение. 1884. 26 янв.

⁶⁶⁹ Пошилов-Северцев Г.Т. Указ. соч. С. 212.

⁶⁷⁰ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–3.

⁶⁷¹ Там же. Оп. 2. Д. 1391. Л. 1.

⁶⁷² Там же. Д. 1744. Л. 12–13.

⁶⁷³ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 703. Л. 26–37.

мощью брани и палки женщин, полоскавших в Белом озере белье. Мужья оскорбленных женщин написали на него жалобу, так как купец на их вопрос о причинах его поступка ответил руганью. При расследовании выяснилось, что Быков рассвирепел, когда увидел, что женщины стаскивали в озеро от его кирпичного сарая дранье, которое он заготовил для его ремонта. Вдобавок женщины кричали оскорбительные для купца и его спутницы слова, хотя, по его словам, это была не его любовница, а солдатка Анна Алексеева, которую он нанял для делания кирпича. Конфликт закончился тем, что мужа обиженных женщин вытащили Быкова из питейного дома за волосы, били его на дворе и изорвали на нем кафтан⁶⁷⁴.

Одной из характеристик социально-психологического облика западносибирского купечества было увлечение своим домашним хозяйством. Оно включало в себя часто обширные пашни, покосы, большой скотный двор, где разводили скот и домашнюю птицу. Домашнее хозяйство помогало купцам легче переносить разрыв с привычным крестьянским укладом жизни, который был для большинства из них хорошо знаком. Кроме этого, сильна была тяга сибирских купцов иметь продукты из своего хозяйства, а не покупные. Особенно ценили западносибирские купцы своих лошадей, которые были для них предметом повседневных забот и семейной гордости. Это подкреплялось тем, что вся их жизнь была связана с переездами на огромные расстояния. Например, по путеводителям XIX в., от Томска до Красноярска было 556 верст сухопутного пути, до Иркутска – 1564 версты, от Томска до Барнаула – 383 версты, до Кузнецка – 667 верст, до Нарыма – 442 версты, намного дальше было до Кяхты, Нижнего Новгорода, Москвы. При перевозке пассажиров и грузов использовались выведенные через естественный отбор лошади, способные покрывать за сутки по 50–70 и даже по 100 верст, существовала специальная система тренировки лошадей перед долгой дорогой. В купеческих конюшнях стояли выездные и беговые лошади, хотя и не чистых кровей, но резвые, статные и дорогие.

Западносибирские купцы длительное время вынуждены были по своим коммерческим делам находиться в пути. Дальность расстояний, которые нужно было преодолевать, привела к изобретению в Сибири усовершенствованных зимних кибиток и летних экипажей, моделей верхней одежды, блюд для питания в дороге. Зимняя повозка в Сибири была более длинной, с косыми изгибами бортов, лучше защищала седока от холода и ветров специальным фартуком и козырьком. Внутри повозка обшивалась киргизской кошмой, а путник надевал доху, валенки и шапку-ушанку. Удивительной для россиян была скорость езды сибиряков. Например, расстояние в 1500 верст между Томском и Тюменью Н.М. Чукмалдин преодолевал за 5,5 суток, путь в 1707 верст из Томска в Ирбит А.А. Ауэрбах однажды преодолел за 5 суток при средней скорости 20 верст в час. «Поразительно хорошо и быстро!» – восклицал он, вспоминая эту поездку. Другой современник, писатель И. Куцевский, писал: «В России любят ездить шибко, в Сибири любят ездить сломя голову; ко всему тому, малорослые сибирские лошади, круглые, сытые и проворные, далеко превосходят разбитых кляч на русских почтовых станциях»⁶⁷⁵.

Одной из распространенных купеческих забав в Западной Сибири были конские бега, в которых купцы сами часто выступали как наездники. Первоначально местом беговых соревнований зимой были замерзшие реки. Правил забегов не было, дистанция была произвольной, но лошадей, как отмечалось в газетах, можно увидеть прекрасных. На масленицу катания приобретали массовый характер, и купцы имели возможность показать роскошь своих экипажей и резвость своих лошадей. Например, в Томске купцы, как правило, становились победителями: в 1883 г. первыми пришли лошади И. Фуксмана «Лихая» и А. Пастухова «Забавный»⁶⁷⁶. Позднее стали проводить бега для кровных (породистых) и некровных лошадей, и, конечно, среди первых, которые стоили огромных денег, почти всегда побеждали лошади местных купцов⁶⁷⁷.

В подборе лошадей сибирские купцы руководствовались практическими соображениями: лошадь должна быть выносливой, так как в интересах дела нужно было покрывать огромные рас-

⁶⁷⁴ ГАТО. Ф. 50. Оп. 2. Д. 2309. Л. 1–24.

⁶⁷⁵ Куцевский И. Указ. соч. С. 29.

⁶⁷⁶ Сибирская газета. 1883. 6 марта.

⁶⁷⁷ Там же. 1885. 24 марта.

стояния; резвой – иногда нужно было спастись от разбойников; сильной – в условиях сибирского бездорожья это было очень важно и т. д. Купцам из Европейской России лошади были нужны преимущественно для выезда и прогулок, и расходы на их содержание входили в так называемые представительские расходы.

Средства, которые имели купцы, позволяли им поддерживать довольно высокий жизненный уровень, окружать себя в быту довольно дорогими и добротными вещами, прекрасно питаться и, при условии воздержания от излишеств, сохранять до глубокой старости завидное здоровье. Одной из главных характеристик сибирского купечества была основательность, которая выражалась, как уже отмечалось выше, например, в том, что если ставили дома, то они были украшением города и строились в наиболее престижных местах, если заводили лошадей, то они должны быть лучшими в округе и т. д.

По своей ценностной ориентации купечество было близко к народным традициям и народному образу жизни. Прекрасно иллюстрирует такое положение семейная жизнь купцов. Главной особенностью семейной жизни западносибирского купечества являлась патриархальность внутрисемейных отношений, которая основывалась на экономической, правовой и общественной сфере деятельности купечества. Все дела, дававшие коммерческий эффект, шли через главу купеческой семьи, чаще всего мужчину. Он объявлял перед государством размеры своего капитала и отвечал перед ним за выполнение повинностей и выплату податей, за законность своей деятельности. Таким образом, глава семьи являлся в глазах ее членов не только добытчиком, но и посредником между семьей и государством, своего рода гарантом принадлежности остальных членов семьи к купеческому сословию. К тому же патриархальность в российской провинции была подкреплена традициями «Домостроя» и освящена ортодоксальным православием. Известный советский этнолог М.Г. Рабинович отмечал, что в городской семье чрезвычайно велика была роль ее главы, который отвечал за выполнение разного рода повинностей, представлял семью во всех ее внешних функциях и даже нес ответственность за не тяжкие преступления членов семьи⁶⁷⁸. Патриархальность проявлялась иногда в грубой форме, внутри семьи совершались преступления, которые оставались для властей тайной, и только в редких случаях ими занималась полиция. Например, в сентябре 1847 г. томский полицмейстер В. Любимов докладывал в думу, что после смерти в 1844 г. жены томского второй гильдии купца Андрея Батурина Марфы тот был оставлен «в сильном подозрении». Были свидетели, которые утверждали, что в последнее время перед ее смертью Батурин часто избивал свою жену. В последний раз, 14 апреля 1844 г., он избивал ее палкой и грозил приковать ее навечно цепью к кровати. Какое событие послужило причиной такой дикой сцены, в материалах дела не указано, но раньше этого у них не было. Жили они в центре города, напротив кафедрального собора, в семье была 17-летняя дочь, занимался Батурин традиционной для томских купцов торговлей. Томский губернский суд в решении от 13 декабря 1844 г. не признал побой причиной смерти, так как смерть наступила «вследствии воспаления желудка и кишечника от приема значительного количества мышьяка». Поэтому суд усмотрел возможность самоубийства и не вынес обвинительного приговора⁶⁷⁹. В Мариинском округе купец Василий Кожин с помощью своих работников страшно избил свою родную сестру, которая хотела самостоятельно устроить свою судьбу. К избитой девушке вынуждены были одновременно пригласить фельдшера и священника – настолько тяжелы были побой⁶⁸⁰.

По словам Н.М. Ядринцева, торговая жизнь была преимущественно монотонна. С раннего утра купец был в лавке или конторе. Вечером священный обряд запираания лавки, проверка замков, возвращение с ключами и ужин, с легким ворчанием на кухарку, что «ожидких шей дает». Купеческая жена, по мнению областного, имела «бессмысленный взгляд купчихи с печатью покорности и подобострастия на лице»⁶⁸¹. Трудно согласиться с такой характеристикой женщин в купеческих семьях, так как сибирское население, не знавшее крепостного гнета, выработало другое отношение

⁶⁷⁸ Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 193–194.

⁶⁷⁹ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2023. Л. 122–126.

⁶⁸⁰ Восточное обозрение. 1887. 21 мая.

⁶⁸¹ Там же. 1884. 19 июля.

к женщине, основанное на почете и уважении. Исключения из правил были, но гораздо чаще случалось, что женщины брали в свои руки семейное купеческое дело и умело его вели, что было бы невозможно сделать, будь они темными и забытыми существами.

Другое дело, что зависимость жены от мужа определялась тем, что мужа, как правило, были намного старше своих жен. Эта тенденция была характерна для конца XVIII в., когда в группе пожилых людей томского купечества женщин было в три раза меньше, чем мужчин. Продолжилась она и в XIX в. Купеческие жены, как и все женщины того времени, больше мужчин страдали, болели и умирали без квалифицированной врачебной помощи, особенно при родах. Поэтому купцы часто оставались вдовцами и повторно женились обычно на девушках. Разница в годах в таких случаях достигала нескольких десятков лет.

Здоровый образ жизни и крепкие генетические корни купечества предполагали у мужчин не просто долголетие, но и сохранение мужской силы до глубокой старости. В списках купцов упоминались главы семейств в 50 и более лет, которые имели малолетних детей. Например, купец первой гильдии Н.Н. Баранов в 59 лет имел трех сыновей в возрасте от 5 до 23 лет, первогильдеец С.К. Козьмин имел в 54 года четырех сыновей и младшему из них было 4 года, 60-летний И.А. Еренев имел 5 дочерей и 5 сыновей от двух лет и старше⁶⁸². Крупный томский предприниматель и городской голова Д.И. Тецков 22 января 1871 г. в возрасте 60 лет был повенчан третьим браком с дочерью потомственного почетного гражданина и крупного томского чаеоторговца Г.И. Елисеева, девицей в возрасте 23 лет, и в том же году у них родилась дочь Мария. Поручителями на этой свадьбе были ростовский первой гильдии купец Е.И. Королев и коллежский секретарь А.П. Гладков⁶⁸³. На большую разницу в возрасте между мужчинами и женщинами в купеческих семьях Западной Сибири обратил внимание Ю.М. Гончаров⁶⁸⁴.

Довольно часто после смерти мужа вдова брала в свои руки семейное дело. Без ее разрешения не могли выделиться взрослые сыновья со своими семьями, она заявляла капитал и несла ответственность за выполнение гильдейских обязанностей. В Томске к числу таких женщин можно отнести купеческих вдов А.М. Неупокоеву, Д.И. Верещагину, Е.М. Хлебникову, А.И. Базину, Ф.Е. Цибульскую, Н.С. Пилясову, А.И. Ульянову и некоторых других. В Тобольске многие годы возглавляли семейное дело У.И. Дьяконова, П.Е. Ершова, М.И. Корнильева, П.С. Малкова, С.Е. Плеханова, Н.П. Плотникова, А.В. Полуянова, А.С. Сыромятникова и некоторые другие. В течение долгих лет, а то и десятилетий, они умело управляли семейной коммерцией, своей деятельностью поддерживали семейные капиталы и фамильную купеческую честь. В некоторых случаях женщины самостоятельно вступали в гильдию и торговали отдельно от своих мужей. По мнению Н.М. Чукмалдина, «женщина в Сибири не раба мужчины, она ему товарищ. Умирает муж – не погибает дом и промысел, мужем заведенный. Жена-вдова ведет его дальше с той же энергией, какая была присуща мужу»⁶⁸⁵. К аналогичному выводу приходит и современный исследователь: «Мужчина был главой семьи, владельцем его движимого и недвижимого имущества, однако женщина играла активную роль во всей хозяйственной деятельности семьи, в том числе и в предпринимательстве»⁶⁸⁶.

Такому положению дел во многом способствовало семейное право России, которое выработало основные принципы брачных отношений еще в XVIII в. Главным из них было признание церковного брака единственной формой брака, и по нему жена была обязана всюду следовать за своим мужем, суд мог принудить ее к этому. Жена получала паспорт с разрешения мужа. Нарушившая супружескую верность жена могла быть подвергнута поремному заключению (на небольшой срок). В то же время имущество супругов было раздельным. Приданое или имущество, приобретенное женой отдельно, признавались ее собственностью. Как самостоятельные субъекты

⁶⁸² ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 177. Л. 13; Д. 403. Л. 7; Д. 827. Л. 38, 84.

⁶⁸³ Там же. Оп. 2. Д. 308.

⁶⁸⁴ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. С. 140.

⁶⁸⁵ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни ... С. 99.

⁶⁸⁶ Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 130.

супруги могли вступать друг с другом в обязательства и сделки⁶⁸⁷. В связи с этим трудно согласиться с мнением Р. Пайпса о приниженном положении женщин в купеческих семьях России, о том, что коммерческие дела велись купцами самостоятельно и до середины XIX в. купчихи никогда не работали в лавках своих супругов⁶⁸⁸.

Самостоятельность и независимость купеческих женщин особенно наглядно проявлялась не только в случае их вдовства, но и при выборе своих мужей. Довольно часто купеческие дочери выходили замуж за мещан и крестьян и, вполне вероятно, родители вынуждены были здесь считаться с их личными симпатиями. Не всегда родители могли настоять на своем и при сватовстве богатых или высокопоставленных женихов. Например, в 1783 г. в Томске разразился скандал, суть которого заключалась в том, что командир Томского пограничного батальона премьер-майор Платер объявил коменданту города полковнику Девильеву о своем желании вступить в брак с дочерью купца Пырскова девицей Ириной Андреевной. Эта девушка на брак с майором была согласна и даже написала ему об этом в письме. Майор Платер обратился за разрешением на бракосочетание к игумену Иннокентию и получил на то согласие.

Однако когда жених в сопровождении большого количества гостей прибыл в покои купца Пырскова за невестой, то получил неожиданный отказ. Когда ей были представлены писанные господину майору письма с согласием выйти за него замуж, то она отвечала, что письма писаны ею давно, а сейчас она за него замуж выходить не желает. Несмотря на уговоры сопровождавших жениха лиц, девушка настояла на своем. Полковником Девильевым было предложено купцу Пырскову объяснить в причинах отказа его дочери майору Платеру, а Томскому магистрату было приказано наказать купца и его дочь за оскорбление майора. Купец Пырсков отказывался от объяснений с властями своей болезнью и дело, вероятно, закрыли⁶⁸⁹.

Патриархальность западносибирских купеческих семей имела свои положительные стороны. До зрелых лет о молодом человеке отчески заботились, постепенно вводили его в курс семейных дел, давали общее и специальное образование, обеспечивали ему определенный уровень благосостояния. Купеческим дочерям готовилось приданое, с которым они могли рассчитывать на хорошую партию и выбирать жениха из своего или иного круга знакомых. Впрочем, часто родители устраивали судьбу своих детей по своему усмотрению. Поэтому нередкими были внутрисословные браки купеческих детей из верхушки западносибирского купечества, благодаря которым возникали новые купеческие династии.

История семейных взаимоотношений сибирского купечества достаточно хорошо изучена благодаря работам известных сибирских исследователей М.М. Громыко, Н.А. Миненко, Е.А. Зуевой, Ю.М. Гончарова и некоторых других. Для первого периода изучаемого нами времени, то есть рубежа XVIII и XIX веков, отмечается большое количество межсословных браков, когда невест в купеческие семьи брали не только из семей городских обывателей, но и из деревни. Только верхушка купечества, деловая элита общества имела тенденцию к обособлению. Широкое бытование в рассматриваемое время межсословных браков не позволяло купечеству превращаться в замкнутую касту, но деловые интересы заставляли купцов-гильдейцев использовать брачные связи для укрепления своего положения. По наблюдениям Е.А. Зуевой, в Тюмени местные купцы Пенъевские породнились с Онучиными, Щетиниными, Колмогоровыми; Башарины породнились с Поспеловыми, Неводчиковыми, Масловыми, Прасоловыми, Парфеновыми, Алексинковыми, Барашковыми; Барашковы, в свою очередь, породнились с Молодых, Решетниковыми, Колмогоровыми, Прасоловыми и т. д. «В последнем случае, – справедливо замечает автор, – немаловажную роль сыграла явная принадлежность купцов Барашковых и Решетниковых к старой вере и сочувственное отношение к ней остальных»⁶⁹⁰. В Томске были в родственных отношениях благодаря внутрисословным бракам видные семьи местных купцов: Шумиловы и Мыльниковы, Мыльниковы и Закревские, Шубины и Губинские, Губинские и Мыльниковы и т. д. Интересно отметить, что

⁶⁸⁷ *Исаев И.А.* История России: правовые традиции. М., 1995. С. 166.

⁶⁸⁸ *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 270.

⁶⁸⁹ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 501. Л. 1–7.

⁶⁹⁰ *Зуева Е.А.* Русская купеческая семья в Сибири ... С. 114.

в последующем ситуация в семейно-брачных отношениях купцов сильно изменилась: значительно увеличилась доля внутрисловных браков (по Западной Сибири до 1/3 гильдейцев), причем почти все купцы женились на представительницах городских сословий. В этой связи Ю.М. Гончаров выделяет на рубеже XIX и XX веков группы городов со специфичной структурой купеческих семей: в старых торговых центрах, к которым можно отнести Томск, Тобольск и Тюмень, отмечается большая доля потомственных купцов, меньшая средняя людность семей гильдейцев, преобладание простейших по своей структуре семейных ячеек. Для Барнаула и Кургана – центров крестьянской колонизации – была характерна значительная доля выходцев из крестьян, что сближало показатели купеческих и крестьянских семей. Характерной чертой Мариинска и Каинска было преобладание купцов-евреев, которые, как и старообрядческие семьи, сохраняли традиционные многопоколенные и многодетные семьи⁶⁹¹.

Интересы коммерческих дел требовали концентрации капиталов, а главы купеческих семейств часто сомневались в деловых качествах своих отпрысков или не хотели выпускать дело из своих рук. Поэтому зачастую купеческие сыновья до старости оставались в звании купеческого сына, не смея по разным причинам выйти из родительской воли. Некоторые из них только к 40 годам становились самостоятельными хозяевами. Это являлось одной из причин того, что купечество было преимущественно пожилого и среднего возраста. Например, известный томский винозаводчик В.Н. Вытнов в 1881 г. просил Томскую городскую управу отчислить от семейства своего сына Гавриила 38 лет с женою Евдокиєю 28 лет с их детьми.

В то же время в купеческих семьях в связи с совместным проживанием нескольких поколений возникали проблемы, связанные с купеческими сыновьями. Участвуя в семейном деле на вторых-третьих ролях, молодые люди имели массу свободного времени, что без серьезных интеллектуальных, художественных и иных занятий не могло не действовать на них отрицательно, так как свободное время заполнялось поступками сомнительного свойства. В конце XVIII в. в Томском магистрате было заведено «челобитчиково дело» на томского купеческого сына Матвея Шумилова, который загнал трех лошадей крестьянина Алексея Трофимова и отказывался за них платить 15 руб. 50 коп. Стали искать свидетеля и участника этого действия, прапорщика Егора Пестерева, но тот на момент разбора был уже «на войне убитен», и дело оставили без приговора⁶⁹².

Замечена и такая черта семейной жизни западносибирского купечества: «Одни из таких купцов доживают до глубокой старости и имеют неудовольствие видеть, как их сынки проматывают нажитые ими всякими неправдами капиталы, а другие не доживают до этого, и без них уже детки проматывают капиталы по разным увеселительным заведениям Томска и Ирбита»⁶⁹³.

Не раз судились за свое «молодечество» родные братья Матвея Шумилова – Петр и Степан. Первый, будучи бургомистром, не раз наказывал розгами по своему усмотрению горожан и горожанок, а второй творил самоуправство с должниками, не позволяя им выезжать со своими товарами из города⁶⁹⁴. В дореформенное время в разные неприятные для них истории попадали молодые томские купцы и их сыновья. Яков Сухов (драка с енисейским мещанином Самойловым), Сергей Карпов («за буйственные поступки и ругательства и нарушение в обществе тишины и спокойствия»), Евграф Ульянов (за самоуправство и рукоприкладство при взыскании долгов) и другие⁶⁹⁵. Позднее «героями» подобных проступков (преступлениями назвать их нельзя) стали Кухтерины. Например, в декабре 1886 г., накануне Рождества, Александр и Иннокентий Кухтерины, которым в ту пору было 17 и 18 лет, совершили ряд поступков, которые либеральная «Сибирская газета» не могла не осудить⁶⁹⁶.

Особенно сильно разгул западносибирского купечества проявлялся на ярмарках. Современники отмечали, что часто не узнавали почтенных отцов семейств на ярмарках, когда они пропада-

⁶⁹¹ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. ... С. 184.

⁶⁹² ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 836. Л. 2–9.

⁶⁹³ Восточное обозрение. 1882. 30 сент.

⁶⁹⁴ Томские губернские ведомости. 1858. 14 февр.

⁶⁹⁵ ГАТО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 693. Л. 8; Ф. 127. Оп. 1. Д. 301. Л. 1–2.

⁶⁹⁶ Сибирская газета. 1888. 7 янв.

ли во многих значных местах ярмарочных городков, ходили по улицам и в трактиры в халатах, были участниками многих скандалов. Например, в 1862 г. ялutorовский купец Андрей Иванов во время Крестовской ярмарки оказался в публичном доме томенского купца Кронгольда в компании трех чиновников. Почти все расходы за вино и публичных женщин он оплатил, но между ним и хозяином заведения возник скандал, и последний вызвал полицию. Кронгольд представил становому приставу вексель на 6 тыс. руб. сер., и эту сумму Иванов якобы должен был уплатить Кронгольду. На самом деле деньги уже были возвращены раньше, и дело прекратили⁶⁹⁷.

В «Восточном обозрении» отмечалось, что среди многих публичных домов Томска выделяется не в лучшую сторону заведение, открытое в «архиерейском доме, где прежде помещалась семинария, на Большой улице, то есть в центральной части города. Творящиеся там безобразия вызывают очень много справедливых жалоб, которые нельзя не принять во внимание»⁶⁹⁸. Нет нужды доказывать отвратительность подобных сцен, которые, конечно, не позволяют идеализировать образ жизни купечества Западной Сибири в XIX в. Жили и действовали купцы в условиях своего времени, которое было далеко от идеального. Например, вслед за началом добычи сибирского золота в городах Западной Сибири начала распространяться проституция. Проституция в Западной Сибири была тесно связана с местной преступностью. Именно в притонах полиция находила фальшивые деньги, вещи, исчезнувшие в результате краж, грабежей и убийств⁶⁹⁹.

Нет оснований сомневаться в том, что часть западносибирского купечества проводила там свое свободное время. Часть купеческой молодежи получала там свой первый опыт интимной жизни, становилась завсегдатаями разного рода значных мест. В то же время почтение к родительскому слову, богобоязненность, нравственная и физическая брезгливость не позволяла другой части купеческой молодежи окунается в пороки пьянства, чревоугодия и блуда.

Сильное и чаще всего негативное влияние на социальную и ценностную ориентацию западносибирского купечества оказывали взаимоотношения купцов с представителями местной администрации. Дворяне и чиновники западносибирских городов в конце XVIII – первой половине XIX в. являлись привилегированным сословием, которое задавало здесь тон общественной жизни. Как известно, в городах Западной Сибири господствовал чиновничий произвол, и купцы могли ему противостоять, обращаясь с жалобами к высшей администрации или подавая заявления в суд. В условиях господства среди чиновников круговой поруки купцам бывало порой трудно найти справедливое решение. В единичных случаях купцы объединялись для коллективного протеста против произвола чиновников.

Например, в Томске в 60-е гг. XIX в. часть местного купечества выступила против губернатора и его помощников. Назначенный из Петербурга в Томск совсем молодой чиновник (27 лет) Г.Г. Лерхе не имел опыта административной работы, так как до вступления в должность занимал скромный и малозаметный пост в Петербурге – «член общего присутствия Контрольного департамента Морских отчетов». По указу от 17 января 1864 г. с этой должности он был сразу назначен на пост гражданского губернатора Томской губернии⁷⁰⁰. Вскоре в губернском городе пыльным цветом расцвела преступность, горожан стали грабить на улицах даже днем, усилилось взяточничество и казнокрадство. Из Омска, административного центра Западной Сибири, прибыл с инспекционной целью чиновник особых поручений коллежский ассессор Лещов, который обнаружил многочисленные злоупотребления губернатора и его помощников.

Например, томский полицмейстер отставной поручик Сержпинский обложил оброком в свою пользу все питейные заведения, публичные дома и торговые бани и запретил полицейским чинам даже в обыкновенные дневные и ночные обходы в них заходить. В томских гостиницах процветало шулерство, и состоятельные люди проигрывали там значительные деньги. В результате сын томского купца М. Прейсмана повесился в своем доме, оставив записку, что он проиграл в карты все свое состояние. Сержпинский разбирательства производил на своей квар-

⁶⁹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5111. Л. 5–10.

⁶⁹⁸ *Восточное обозрение*. 1884. 20 сент.

⁶⁹⁹ *Сибирская газета*. 1884. 10 июня; Томский листок. 1897. 7 марта.

⁷⁰⁰ ГАТО. Ф. 3 Оп. 2. Д. 1076. Л. 1–11.

тире, куда должны были приходить просители, и «получить удовлетворение можно было только за деньги». Помощник полицмейстера Белогужев растратил 2000 руб. казенных денег, предназначенных для прокормления пересыльных арестантов. Командир арестантской роты поручик Наумов допускал многочисленные злоупотребления, доказанные жандармским майором Кретковским. В частности, из 250 арестантов не менее 50 были в бегах и скрывались в Томске, совершая воровство и грабеж⁷⁰¹. Современными исследователями ставится под сомнение тот факт, что Р.С. Сержпинский смог за 9 месяцев пребывания на должности полицмейстера развалить работу местной полиции. Это сделали его предшественники, которые в начале 60-х гг. сменялись почти ежегодно. Сержпинский же, наоборот, пытался наладить деятельность местной полиции, активизировал работу по взысканию штрафов, боролся с преступностью всеми доступными средствами. Но эти данные взяты из отчета самого полицмейстера, где он не мог быть объективным⁷⁰². На наш взгляд, полицмейстер стал жертвой преступлений своего начальника, губернатора Лерхе, который прославился «как ненасытный любитель женщин и даже подозревался в растлении несовершеннолетних», противопоставил себя местному обществу и оказался совершенно бездарным администратором.

В Томской городской думе часть купечества во главе с молодым купцом Ф.И. Акуловым отказала Лерхе в праве стать почетным гражданином Томска. Купцы задавали губернатору неприятные для него вопросы, а Акулов выступил с разоблачительной речью. Свидетель этого необычного для провинциальной жизни явления В.В. Берви-Флеровский писал: «Восторг и страх овладели одновременно всей думой; прежде чем Акулов кончил речь, все разбежалось»⁷⁰³. С поста губернатора Г.Г. Лерхе удалили, но потом он был окружным судьей в Саратове, служил в Министерстве финансов и Государственном банке.

Остается добавить, что лидером томской оппозиции, противостоявшей местной администрации, был молодой 30-летний человек, представитель многочисленной семьи купцов Акуловых. В списках томских купцов на 1862 г. он вместе с младшими братьями, Платоном и Афанасием, числится в семье своего старшего брата – Александра. Однако у них был еще один брат, Яков, который был старше Александра на 12 лет и давно выделился из общего семейного дела Акуловых⁷⁰⁴. В списках томских купцов на 1864 г. Ф.И. Акулов не значится ни в семье А.И. Акулова, ни в числе выделившихся и умерших томских купцов. Судя по всему, если верить воспоминаниям, он был в это время в остроге, хотя в списках арестованных обнаружить его не удалось.

Таким образом, в 1860-е гг. в Томске наблюдался один из редких случаев оформления протеста местного купечества против произвола властей. Надо сказать, что это было вызвано начавшимся в этот период в стране общественным подъемом, порывом местного патриотизма, так как примерно в это же время оформилось областничество, а также необходимостью оградить свою торговлю и промыслы от разгула преступности. Протест этот был слабый, неорганизованный, с апелляцией к вышестоящим властям и быстро иссяк в связи со сменой губернатора.

Во второй половине XIX в. преступность оставалась одним из препятствий для успешной предпринимательской деятельности купцов. Государство не могло гарантировать им личную безопасность, ограждать их имущество от посягательств преступников. Поэтому часто купцы вынуждены были обороняться от преступников самостоятельно. Список преступлений, связанных с хищением купеческой собственности в Западной Сибири, трудноисчерпаем. Информация о сотнях таких преступлений попала на страницы газет, еще больше информации о них отложилось в архивах, но очень часто купцы в случае утери своей собственности в результате преступлений не обращались за помощью к властям. Кроме субъективного фактора (коррупционность чиновников, прежде всего), низкой была степень раскрываемости преступлений и несо-

⁷⁰¹ ГАТО. Ф. 3 Оп. 2. Д. 1103. Л. 1–3.

⁷⁰² Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейские, комиссары, начальники. Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. Томск, 1999. С. 49–53.

⁷⁰³ Берви-Флеровский В.В. Записки революционера-мечтателя. М.; Л., 1929. С. 114.

⁷⁰⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2486. Л. 720, 1239.

вершенной сама система судопроизводства. Следствие тянулось годами, материалы дела находились в грубых и нечистых руках полиции. Всем нужно было давать и давать много. По словам Н.М. Чукмалдина, «в Сибири было неистребимо мнение, что чиновник или судья не мог не брать взятки и мог сделать правым виноватого и наоборот. В случае если чиновник не брал “подарка”, то подноситель объяснял это тем, что “видно мало”, но не порядочностью чиновника»⁷⁰⁵. Низкий сословный статус купцов не обеспечивал защиты их капиталов и имущества, а также личную защиту купца и членов его семьи от расправы со стороны должностных лиц. Коррупционность последних и опасения купцов обращаться в суд с жалобами на притеснения чиновников позволяло сохранять между ними мирные отношения. Богатое, стремящееся к независимости западносибирское купечество очень слабо противостояло чиновничьему произволу.

Так, в 1807 г. томский купец С. Карпов в письмоводительской камере при свидетелях «с немалым азартом и криком» требовал вернуть долги у отставного унтер-офицера Волкова. Кроме этого, он указывал полицейским чинам, что он купец, а не какой-то «посельщик», с которого они взяли мзду, отобрав масло, ящик с имуществом, деньги, а самого посадили под арест. За оскорбление словом градской полиции купец был допрошен, и выяснилось, что ему 56 лет, что на исповеди и у святого причастия он бывает, женат, имеет сына и двух дочерей и под судом ранее не бывал. После опроса свидетелей суд признал С. Карпова виновным «в нарушении тишины и покоя в присутственном месте», но не смог его наказать, так как он 6 сентября 1808 г. утонул в р. Томь⁷⁰⁶.

Таким образом, условия для предпринимательской деятельности купечества в целом по Западной Сибири были тяжелыми. Поэтому, на первый взгляд, естественным стремлением купцов было бы их организованное объединение против местной бюрократии, которая мешала улучшать условия предпринимательства. Однако этого ни в стране, ни в ее регионах не произошло. По мнению Н.Ф. Козловой, в дореформенный период «характерной чертой общественной мысли была вера в государственную власть как в силу, способную сверху решить все наболевшие вопросы. Исходя из этой основной идеи, купцы предлагали широкий спектр экономических мер, направленных на развитие внешней и внутренней торговли и поддержания купечества... Ведущим стремлением купцов было достижение и укрепление торговой монополии»⁷⁰⁷. Такая соглашательская позиция купечества была обусловлена низким уровнем экономического развития городов по стране в целом и в отдельных ее регионах. Организованность местного купечества, мобилизация им своих сил и даже противопоставление своих позиций государственным наступали лишь тогда, когда возможно было быстрое увеличение своих капиталов. Ярким примером этого может служить винная стачка томских капиталистов. Сверхприбыли от виноторговли позволяли концентрировать капиталы в руках нескольких монополистов, которые и диктовали свою волю остальным виноторговцам округа.

Любопытную информацию на этот счет опубликовала в одном из первых своих номеров «Сибирская газета»: «Виноторговцы – это купцы прогрессивные. И костюм они носят европейский, лучшего покроя, и живут не так, как краснорядцы, лабазники и другие патриархальные купцы, действующие аршином и весами, и газеты и журналы выписывают, и состричь иногда не прочь над своим собратом старого типа». И дальше в газете идет рассказ о том, что после очередного награждения один из богатейших бийских купцов собрался сфотографироваться. После просмотра негативов фотограф сказал, что лицо не совсем хорошо получилось и нужно переснять, на что купец ответил: «На рыло наплевать, только бы ордена вышли как следует». Узнав об этом, виноторговцы подкупили странствующего актера рассказать об этом со сцены. Купец обиделся и решил отомстить. Он объявил, что будет торговать вином на 1 рубль дешевле, чем все остальные торговцы, и приступил к реализации своего замысла. Виноторговцы переполошились и собрали старому купчине 10 тыс. руб. отступного⁷⁰⁸. В этом рассказе отчетливо прослеживается ценност-

⁷⁰⁵ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни ... С. 48.

⁷⁰⁶ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2624. Л. 10, 41.

⁷⁰⁷ Козлова Н. В. Русский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е – начало 60-х гг.). М., 1999. С. 217.

⁷⁰⁸ Сибирская газета. 1881. 29 марта.

ная ориентация купечества. С одной стороны, важность для отдельных купцов консервативного толка правительственных знаков отличия, а с другой стороны, понимание ими и остальными купцами, что главным для них смыслом жизни является возможность обогащаться. Ради нее купцы перешагивали через свою гордость и шли на унижение, готовы были выплатить в случае необходимости огромные по тем временам деньги.

Возможно, что такие случаи имели место в жизни, но в газетных материалах они подавались как забавные и критические материалы, где юмор усиливал производимый статьей эффект. Вот образец остроумной и, по всей вероятности, правдивой характеристики провинциального купца Петрова, опубликованной в «Сибирской жизни» за подписью А. Клюге. По крайней мере, опровержения на клевету в газету не поступало, что делает зарисовку бойкого журналиста вполне реальной. Купец Петров, по его словам, «богат, глуп и набожен, любит есть пироги с осетриной и жертвовать на богоугодные дела, перед высшими ходит пуделем, перед низшими индюком; начальству умеет кланяться, а мелкому люду говорить поучения... За прилавком был строг и деловит, за столом разговорчив и гостеприимен. Как один из почетных граждан города попал в почетные мировые судьи, особо оценив синий мундир и судейскую цепь на шею. Любил задавать тяжущимся вопросы о том, сколько стоил украденный сюртук и где покупали для него сукно. Попал впросак, когда выписал по совету ловкого проходимца сочинения Поль де Кока вместо популярных законов. Впрочем, вскоре он пристрастился к чтению забавных романов, что было интереснее скучных статей»⁷⁰⁹.

В конфликтных ситуациях с властями купцы западносибирского региона в большинстве случаев и не думали обострять с ними отношения, даже если и сами были правы. Например, известный в Томске и в Нарымском крае купец С.С. Валгусов за крупные пожертвования был принят в ведомство императрицы Марии Федоровны с пожалованием соответствующего мундира. Однажды губернатор Красовский увидел на дверях фотографии портрет Валгусова в этом мундире, то есть в белых брюках, и через полицмейстера передал, что если тот осмелится явиться в таком виде в собор, то он прикажет ему там же снять белые штаны. «Это возмутительно: Валгусов и белые штаны!» Купец Валгусов не только не пошел в такой форме в собор, но и упросил фотографа снять с выставки злополучный портрет⁷¹⁰.

Только в редких случаях, когда обида была публичной и от этого нестерпимой, купцы жаловались в думу или губернатору. Например, в 1881 г. купец Вытнов жаловался на полицейского чиновника, который не пускал его в кафедральный собор для принятия присяги на верность новому императору Александру III. Помощник томского полицмейстера Е. Звенигородский через газету объяснял свои действия против купца Вытнова тем, что Вытнов грубо оттолкнул его в сторону локтем со словами: «Как ты смеешь, невежа, не пускать меня в церковь...»⁷¹¹

Нужно признать, что грубость была нередким аргументом в спорах западносибирских купцов между собой или с кем-либо. Она чаще употреблялась купцами старого закала при обсуждении разных вопросов в думе или общественном собрании. Например, на заседании городской думы 12 января 1884 г. гласные Смирнов, Королев и Беляев «могли позволить себе неприличные, неслыханно грубые приемы и выражения... Нам приходится выразить, – добавляет газета, – только глубокое удивление по поводу того, что городской голова ни разу не находил нужным останавливать гг. Смирнова и Королева, несмотря на возмутительные выходы их против гласного П. Макушина и присутствовавшего на заседании врача А. Макушина»⁷¹².

Но чаще всего западносибирские купцы не могли сдерживать своих эмоций при возникновении трений со своими служащими и рабочими. Простые работники чаще всего терпели произвол хозяина, но приказчики и служащие в таких случаях обращались в суд и зачастую выигрывали процессы. Например, приказчик Иванов в Томске выиграл в суде дело у купца Базанова по поводу рукоприкладства последнего. Обратился в суд и приказчик купца Я.И. Акулова за оскорбление его

⁷⁰⁹ *Сибирская жизнь*. 1902. 23 авг.

⁷¹⁰ *Корш Е.В.* Указ. соч. С. 809.

⁷¹¹ *Сибирская газета*. 1881. 26 апр.

⁷¹² Там же. 1884. 15 янв.

тещи тем, что ее муж якобы был сослан в Сибирь за преступление, и они с тещей плохо влияют на окружающих. После подачи искового заявления приказчиком К.Н. Колотиловым Акулов и его обвинил в присвоении имущества на 103 руб. 36 коп. Произошло длительное судебное разбирательство, и выяснилось, что теща приказчика прибыла в Сибирь вслед за мужем, сосланным по воле помещика, а не по приговору общества, что Колотиллов денег и товаров у Акулова не брал, а в доказательство он привлек реестры товаров и бухгалтерские книги.

Кроме этого, приказчиком были представлены доказательства в том, что Акулов доверял ему закупать на Ирбитской ярмарке товаров до 300 тыс. руб., что он беспорочно служил у него 19 лет и не раз получал наградные. В конце концов выяснилось, что приказчик ушел от хозяина, открыл на одной с ним улице свою лавку и стал успешно с ним конкурировать. Это вывело купца Акулова из себя, и он наговорил лишнего. В заявлении в суд Колотиллов приводит дословные оскорбления, которым он подвергался, и вот одно из них: «Да постигнет его Божие наказание за то еще, что возгордился неуместно, образовал гордость (так в тексте. – В.Б.), а гордых Бог смирит и наказует, а смиренным благодать дает»⁷¹³. Другие оскорбления также были обильно снабжены цитатами из Священного писания, что может служить одной из косвенных характеристик мировоззренческих представлений западносибирского купечества в дореформенный период.

Не останавливались купцы и перед применением физической силы. Так, владелец стеклodelательного завода купец Наум Минский вместе со своим управляющим избили томского мещанина Бычкова за то, что тот потребовал расчет. В ходе возникшей в конторе свалки управляющий искусал («изгрыз») Бычкову руки, и он не мог больше месяца работать⁷¹⁴.

Однако в большинстве случаев купцы мирно расставались со своими приказчиками и часто при растрате ими хозяйских денег не обращались в суд, так как велики были издержки на взятки и мала вероятность хоть что-то свое вернуть. Кроме этого, на суде могли быть обнаружены некоторые нежелательные для огласки «коммерческие тайны» хозяина. Только в исключительных случаях купец обращался к правосудию, и тогда им руководило чувство мести. Например, в 1840 г. крестьянин Владимирской губернии 33-летний Иван Алексеев растратил хозяйские товары, продал его лошадь и, предаваясь пьянству, скрывался от властей и хозяина. За это он был приговорен к 30 ударам плетью и сослан на поселение в Парабель⁷¹⁵.

В целом на систему ценностей сибирского купечества влияла главным образом окружающая обстановка, условия предпринимательства и сама деловая жизнь. На протяжении изучаемого периода здесь произошли коренные изменения, хотя доминантой в условиях деятельности купцов было богатство сырья и природных ресурсов края, отсутствие здесь крупного землевладения, а в дореформенный период крепостничества. Поэтому главным источником богатства являлась коммерция в торговле и местных промыслах. В дореформенный период наиболее крупные капиталы составлялись в монополизированных государством откупках и подрядах, но источник обогащения был ненадежен, и купцы большей частью разорялись. В этот период купцы начинают искать и находят свои собственные пути предпринимательства – золотодобыча (Рязановы, Поповы, Мясниковы), рыбные промыслы (Никоновы, Сыромятниковы, Плотниковы, Нижегородцевы, Плехановы, Неволины и др.), обрабатывающая промышленность (Решетниковы, Прасоловы, Башарины, Дьяконовы, Мыльниковы и др.), осваивают в коммерческих целях водный и сухопутный транспорт, определенным образом модернизируют торговлю. Многие из них проявляют себя как незаурядные личности, используют новаторские методы и приемы для повышения эффективности на своих предприятиях.

На основе сказанного можно сделать вывод, что комплекс основных ценностей томского купечества группировался вокруг его стремления сохранить и приумножить свою собственность. Этому были подчинены многие действия купцов в различных ситуациях и выработана линия поведения, которая была максимально эффективна для своего времени. Жесткая линия

⁷¹³ ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 698. Л. 117–130.

⁷¹⁴ *Сибирская газета*. 1882. 20 июня. 1 авг.

⁷¹⁵ ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. 53. Л. 5.

руководства своими подчиненными, защита своей собственности через строительство недоступных для преступников жилищ и хранилищ, наем надежных сторожей, бдительный контроль за действиями своих служащих и приказчиков – вот основные элементы ограждения своей собственности от посягательств со стороны. Общественные интересы, благоустройство города, объединение в корпорацию для противодействия произволу чиновников и другие проблемы, которые не напрямую, а косвенно затрагивали основную потребность купечества в получении прибыли, мало интересовали купцов, и они смотрели на них через призму своей выгоды. Возможность для собственного обогащения, для самовыражения через приложение в предпринимательстве своих сил и капиталов была для купцов наивысшей ценностью. Показательны слова сибирского купца Трофимова, который на своем пароходе «Луиза» отправился в 1877 г. в низовья Оби и в ответ на предостережения капитана парохода Х. Даля об опасности такого путешествия на маломощном и старом судне сказал, что если все рискуют жизнью, то он – капиталом⁷¹⁶.

Остается добавить, что западносибирское купечество в течение изучаемого периода постепенно отходило от народных традиций, создавало сначала сословные ценности, а затем переходило к формированию корпоративных общесословных ценностных ориентаций. Эти процессы также могут быть охарактеризованы на основе специального анализа менталитета западносибирского купечества.

---

⁷¹⁶ *Даль Х.* Описание двух экспедиций в реку Обь в 1876 и 1877 годах. М., 1877. С. 26.

**6. Менталитет
западносибирского купечества
в конце XVIII – XIX в.**

6.1. Образовательный уровень и общественная деятельность как составные части менталитета западносибирского купечества

Характеристика менталитета той или иной социальной группы, сословия или класса должна включать в себя, на наш взгляд, основные черты умонастроений, мировоззренческих представлений, интеллектуальных и духовных возможностей (потенций) как отдельных представителей изучаемого социума, так и доминирующих в этом социуме качеств. Безусловно, они вырабатываются под влиянием условий, в которых протекает деятельность людей, но этот процесс опосредован через формирование у них мотивации деятельности и поступков на поведенческом уровне, то есть через механизм социальной психологии. Другими словами, менталитет – это такая характеристика человеческой общности, которая определяет весь строй мышления человека, в эту общность включенного, и опирается, в свою очередь, на основные положения социальной психологии, на образ жизни, традиции и обычаи этой общности. Понятие «менталитет» стало применяться в нашей литературе недавно, и делаются только первые попытки использовать его как составную часть характеристики купеческого предпринимательства в нашей науке. Обратим внимание на статью и соответствующий раздел монографии В.Н. Разгона, который обрисовал культурную и религиозную составляющие облика купечества, выделил морально-этические императивы его деятельности⁷¹⁷. Структура характеристики предпринимателя изучаемой эпохи в данной работе несколько иная, но результаты исследования по своей направленности близки.

Многие ментальные черты сибирских купцов преимущественно второй половины XIX – начала XX в. осветили авторы биографических очерков в книге «Деловая элита старой Сибири», подчеркивая созидательную деятельность предпринимателей, широкую и результативную их благотворительность, проследивая судьбу их потомков в советское время. Наряду с четырехтомной «Энциклопедией по истории купечества и коммерции Сибири», эта книга дает обширный материал по воссозданию позитивной роли предпринимателей в истории края, их заинтересованности в его развитии и процветании⁷¹⁸. В число авторов входили ведущие историки Сибири, которые приложили много усилий для консолидации своих взглядов на прошлое сибирского предпринимательства, формирования теоретической научной базы для современного бизнеса и перенимания из прошлого позитивного опыта.

Беспощадная критика и обилие негативных оценок российской и местной буржуазии было сделано более чем достаточно и в советские времена. Оценка менталитета тогда практически не рассматривалась, хотя в предпринимательской деятельности он занимал далеко не последнее место. Возьмем, например, такую оценку известного историка Д.Я. Резуна: «Из всех социально-профессиональных групп населения разных стран и разных времен именно предприниматели, по всей видимости, имеют много общего между собой. Сама торгово-обменная деятельность, возникшая на заре цивилизации, приучила торговцев быть подвижными и гибкими в своих занятиях, привычках, мышлении»⁷¹⁹. Эти и иные оригинальные определения генезиса и эволюции бизнеса дают возможность сделать предположение, что в России развитие рыночных отношений и рационализм ставили под сомнение необходимость центральной самодержавной власти, и как только очередные правящие круги убеждались в том, что при дальнейшем развитии этих отношений их власть будет урезана и сокращена, они мгновенно сворачивали свои широковещательные реформы.

Отметим и некоторые другие ментальные характеристики сибирских предпринимателей. Л.В. Сапоговская справедливо считает, что под «ментальными характеристиками понимаются длительно действующие установки мышления, «коллективные представления», коренящиеся

⁷¹⁷ Разгон В. Н. Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 10–16; *Его же*. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. ... С. 611–651.

⁷¹⁸ *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири*. В 4 т. Новосибирск, 1994–1999; *Деловая элита старой Сибири: исторические очерки*. Новосибирск, 2005.

⁷¹⁹ Резун Д.Я. Исторические корни российского предпринимателя // *Проблемы менталитета в истории и культуре России*. Новосибирск, 1999. С. 31.

в материальной жизни и пронизывающие профессиональную деятельность, формирующие нормы социального поведения и образа жизни». Такое определение, тем не менее, позволило автору только наметить черты облика урало-сибирских золотопромышленников – консолидация в единый социум, надежда на «фарт», вера в приметы, живучесть легенд и мифов, тяга к показной, буйной роскоши⁷²⁰. В дальнейшем исследователю удалось усовершенствовать метод типологии менталитета урало-сибирских предпринимателей и дать им более объективные характеристики⁷²¹.

Уральский исследователь Т.В. Копцева выработала близкую нашему пониманию структуру изучения купеческого менталитета Зауралья, но наполнила ее противоречивым, на наш взгляд, материалом. Например, в политико-правовых взглядах зауральского купечества выделены монархизм и почитание чиновничества как доминанты сознания, но если с первым моментом можно согласиться, то второй вызывает сильные сомнения. Характеризуя состояние образования у купечества на рубеже XVIII и XIX веков, автор справедливо говорит о господстве домашнего образования, но тезис о том, что, «ориентируясь на местную аристократию, купцы старались дать образование и девочкам», касается, возможно, отдельных семей, но типичным для Сибири определенно не стал. Обстоятельно рассмотрены в ее работах проблемы, связанные с религиозными убеждениями купцов, и их социально-бытовые традиции⁷²².

Менталитет и деловой облик купечества Восточной Сибири рассмотрел в своей диссертации И.А. Щукин, выдвинув и подтвердив на местном материале несколько тезисов. Например, он справедливо указывает на то, что русские купцы, в том числе и сибирские, были православными по своему рождению, воспитанию и поведению, что было близко народным традициям, но тут же говорит об отсутствии у них культа богатства и неприятия его как мерила жизненного успеха, забывая, что купцы были предпринимателями с жизненной и деятельной доминантой обогащения, а не монахами с ориентацией на аскетизм и борьбу с искушениями. Явно преувеличивает автор и влияние на купцов сибирской ссылки, не деля ее даже на политическую и уголовную: «Купечество под влиянием ссыльных стало по иному смотреть на брак – семейный деспотизм становится анахронизмом, воспитание детей ведется на гуманных началах, исчезают телесные наказания»⁷²³. Скорее всего, автор имеет в виду преподавательскую деятельность некоторых декабристов в Сибири (И.Д. Якушкин, А.В. Поджио, А.П. Юшневский и др.), которые, в самом деле, оказали положительное влияние на отдельные купеческие семьи, но не более того.

На наш взгляд, каждому значительному периоду истории Сибири соответствуют характерные для него условия предпринимательской деятельности купечества, которые во многом определяют особый тип его психологии и менталитета. В этой связи необходимо дать более полную характеристику менталитета как такового. Менталитет, по мнению большинства зарубежных ученых, включает в себя основные (по их терминологии «базовые») представления о человеке, его месте в обществе, его понимание природы и религии, других сторон общественной жизни. Эти представления связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием, регулирующим поведение человека. Менталитет включает в себя религиозные верования, особенности психики и морали, склад мышления и уровень образованности. В кратком виде менталитет – это совокупность умственных установок, привычек, мышления, фундаментальных верований индивида или общественной группы, которые создают базу и управляют их мышлением и поведением⁷²⁴. На основе этих теоретических положений и будут рассмотрены нами основные черты менталитета западносибирского купечества.

⁷²⁰ Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. (Урал и Сибирь – модели развития): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 38–40.

⁷²¹ Сапоговская Л.В. Старые владельцы уральских заводов – опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 19–34.

⁷²² Копцева Т.В. Духовная культура купечества Зауралья (вторая половина XVIII – середина XIX в.) ... С. 13–17.

⁷²³ Щукин И.А. История купечества Восточной Сибири в XIX веке: формирование и социальное положение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 26.

⁷²⁴ Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 159–161.

Важнейшей составляющей характеристикой менталитета купечества Западной Сибири является уровень его образованности, включенности в контекст национальной и мировой культуры, знакомство с достижениями науки, литературы, искусства. Можно лишь весьма приблизительно судить о степени образованности западносибирского купечества в конце XVIII в. В целом по России менее половины гильдейского купечества было элементарно грамотно. В 1784 г. донесения провинциальных магистратов в Комиссию о коммерции должны были подтвердить своей подписью верхушка городского общества. После такого приказа в Томске собственноручно расписалось в предложенных для подписи документах 26 купцов из 40, что дает довольно высокий показатель элементарной грамотности – 65 %; в Тобольске этот процент был еще выше и доходил до 90⁷²⁵. Однако эти цифры характеризуют грамотность только верхушки посада, где она была выше, чем в основной массе торгово-промышленного сословия. Автор ценных очерков по истории России XVIII в. Н. Чечулин отмечал, что в российских городах только «немногие купцы могли читать, писать и механически считать на счетах»⁷²⁶. Например, внешнее обследование списков томского купечества на предмет его грамотности показал, что в 1790 г. только 19 глав купеческих семей из 48 зарегистрированных смогли поставить свои подписи в предлагаемых для этого документах, что составляет около 40 % всех купцов⁷²⁷. По графике этих подписей можно сделать вывод о слабой грамотности большинства подписавшихся купцов, так как очевидно, что практики письма у них почти не было, некоторые из них свои имя и фамилию нарисовали по памяти.

Общая образованность дореформенного купечества Западной Сибири была довольно низкой. В большинстве случаев дело ограничивалось обучением грамотности и письму случайными грамотеями: дьячками, отставными унтер-офицерами и солдатами, грамотными членами купеческих семей. П.А. Словцов, прекрасно знавший сибирскую жизнь начала XIX в., остроумно замечал: «Вопрос об уме сибирском можно отложить до завтра, до послезавтра: этот малопахучий букет холодного климата, надеюсь, не выдохнется»⁷²⁸. В другом месте Словцов говорил, что свое образование сибирские купцы получают на медные деньги, то есть тратиться на него предпочитают по минимуму. В то же время нельзя недооценивать эффективность купеческого домашнего образования, которое имело народные корни и веками выработанную методику. Н.М. Чукмалдин вспоминал, что его обучение грамотности у старообрядцев было «быстрым и мудрым», и учили не только грамоте, но и прививали вкус к учебе.

Частные учителя в дореформенный период составляли сильную конкуренцию казенным учреждениям народного образования. Педагоги последних требовали запретить обучать детей лицам, не имеющим аттестатов, в первую очередь ссыльным, но успеха не имели. Во многом это объяснялось тем, что состоятельные купцы предпочитали домашнее индивидуальное образование казенному групповому. Настороженное отношение к приходским училищам родители школьников объясняли удаленностью их от места проживания детей и бесплатностью обучения в них (принцип «дешевое – значит негодное»). Например, в томских училищах в 1880-е гг. обучалось около 250 чел., а в 12 частных школах и в домашних условиях около 600 детей⁷²⁹. Подавляющее большинство из них принадлежало к состоятельным сословиям, в том числе и к купечеству. Само торгово-промышленное дело заставляло купцов заниматься отчасти интеллектуальной деятельностью – часть своего времени они проводили за письменным столом или конторкой, где писали деловые бумаги, письма, иногда вели дневники и записки. Кроме этого, российское законодательство активно втягивало купцов в процесс управления городскими делами, что также требовало грамоты, но сибирское купечество было консервативно и неохотно шло на изменения традиционного уклада, даже если инициатива исходила от правительства.

⁷²⁵ Козлова Н.В. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестник Московского ун-та, 1989. Сер. 8. История. № 4. С. 37.

⁷²⁶ Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. Исторический очерк. СПб., 1889. С. 28.

⁷²⁷ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1458. Л. 28–29.

⁷²⁸ Словцов П.А. Письма из Сибири 1826 года. М., 1826. С. 100.

⁷²⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск, 1885. С. 71–72.

В дневниках и мемуарах, в современных исследованиях отмечается, что со второй половины XVIII в. в купеческую среду начинает проникать дворянский образ жизни. Прежде всего это затронуло верхушку столичного и провинциального купечества, и определенные тенденции наблюдались в Сибири. Купцы перенимали дворянские традиции избирательно, так как для них было неприемлемо расточительство, праздный образ жизни, многословие дворянских речей и разговоров. Здесь проявились, по мнению М.В. Брянцева, не только народное представление о ценности слова, но и качества делового человека – степенность и немногословность⁷³⁰.

В Тобольской губернии в 1860-е гг. отмечался достаточно низкий образовательный уровень местных купцов, большинство которых «едва умеют писать и не заботятся обогатить свой ум познаниями с целью усовершенствования торговых или промышленных занятий...»⁷³¹. Позднее, в 1887 г., один из авторов «Восточного обозрения» в статье «Сведения об учащих сибиряках» рассказывал о типичном обучении купеческих детей: «Обыкновенно сибирские купцы обучали своих сыновей до тех пор, пока он еще “мальчонка”, да и “цифирь плохо разумеет.” А как только он поднялся на ноги, так и командирится в “догляд” за товарным обозом или на другую “подмогу.” Говорится в статье и о редких для того времени исключениях, когда “очень немногие из купцов все же проходят среднюю школу, но горе юноше, увлекшемуся желанием высшей школы. Достижение этого часто стоит ему многих неприятных сцен, оскорблений, лишений, разрыва с родителем надолго или даже навсегда»⁷³². Настороженное отношение к высшему и среднему образованию было связано еще и с тем, что значительная часть сибирского купечества принадлежала к старообрядчеству или сочувствовало ему, сторонилось государственной школы, где детей учили по гражданской печати. Учили грамоте как старообрядческие дьячки и наставники, так и представители официальной церкви в школах и на дому, и делали это, как уже отмечалось, вполне профессионально. Домашнее воспитание и образование у купцов имело черты, присущие, с одной стороны, народной культуре, а с другой – отчасти дворянской. Купечество долго не могло освободиться от глубинных корней, связывающих его с традиционной народной культурой и в педагогической области. В воспитании преобладала патриархальность, которая сковывала свободу личности, не позволяла проявляться индивидуальности в словах и действиях. Интеллектуальные потребности в изучаемый период внедрялись в купеческую среду достаточно медленно и тяжело.

Своеобразным и эффективным было обучение купеческих детей основам торговой профессии. Делалось это как внутри купеческой семьи, под присмотром и руководством родителей, так и через отдачу мальчиков «в люди», то есть на обучение и для получения навыков предпринимательства у родственников или знакомых. Наблюдательная Е.А. Авдеева-Полевая, старшая сестра известного литератора и историка Н.А. Полевого, отмечала: «Ни в одном купеческом доме не было лакеев; должность эту справляли мальчики, которых отдавали родители или родственники для навыка в торговле. Такой мальчик, исправляя разные поручения хозяев, должен был прислуживать и в доме; это продолжалось два-три года. Если он оказывался верен и расторопен, то ему поручали уже дела большей важности, а место его занимали другие»⁷³³. Образование носило у купечества, прежде всего, утилитарный характер, как возможность более эффективно вести собственное дело и как средство повысить своим детям социальный статус. Это выразилось в том, что элита купечества сначала давала образование в закрытых частных пансионах или в столичных, а затем и местных коммерческих училищах. Купечество в основной своей массе не научилось ценить знание само по себе, не чувствовало в нем естественной и глубинной потребности.

Такой подход к обучению был свойственен подавляющему большинству российских купцов. Как отмечает Н.В. Козлова, дети обучались простейшим навыкам образованного человека (чтению, письму и счету) в возрасте 7–10 лет, а когда нужно было продолжать образование в 10–15 лет, они уже были приставлены к торговой деятельности, отрываться от которой в интересах продолжения

⁷³⁰ Брянецев М.В. Культура русского купечества. Воспитание и образование. Брянск, 1999. С. 40–41.

⁷³¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5644. Л. 2–3.

⁷³² Восточное обозрение. 1887. 19 марта.

⁷³³ Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 32.

образования они не хотели, да и не могли⁷³⁴. В результате у состоятельных горожан российских городов («большеплатежных») собственноручные подписи, свидетельствующие о грамотности, составили около 80 %, у менее состоятельных – около 30, что вполне соответствовало такой приближенной статистике сибирских городов, ненамного превосходя ее во второй позиции.

С середины XIX в. купеческих детей иногда посылают учиться в губернские гимназии. Например, в Томске в 1844 г. из 79 учащихся местной гимназии 5 чел. (6 %) было из купцов. В 1852 г. доля купеческих детей среди гимназистов уменьшилась до 4 % и только в 1860-е гг. увеличилась и достигала 15–18 %. Так, в 1860 г. среди 157 учащихся Томской гимназии 102 ученика были из дворян и 29 из купцов. Однако, как отмечал исследователь народного образования в Томской губернии С. Чудновский, большинство купеческих детей («почти все») покидали гимназию из младших классов⁷³⁵. Родители забирали их для того, чтобы дать возможность на практике приобщиться к семейному делу. Среднее и высшее образование для западносибирского купечества не являлось необходимым условием их профессиональной деятельности. Преимущественно местные масштабы их торгово-промышленной деятельности и слабое развитие внешней торговли были главными причинами того, что купцы могли обходиться в своей деятельности минимумом образованности и больше полагались на традиционные методы обучения своих детей.

Тем не менее в течение XIX в. купечество Западной Сибири стало гораздо просвещеннее и грамотнее. Это проявлялось не только в большей образованности купцов, посещении ими разного рода учебных заведений и привлечении более квалифицированных педагогов. В конце века многие сибирские купцы были вынуждены или имели для этого внутреннюю потребность читать газеты и журналы, изучать специальную литературу, ходить в театры, знакомиться с произведениями художественной литературы. Получение информации не только через устные рассказы, но и через чтение различных текстов приводило к изменению «картины мира» купца, расширяло временные и географические рамки восприятия действительности. Такую тенденцию в купеческой среде г. Тюмени отмечали в одной из сибирских газет: «В Тюмени немало купцов-коммерсантов, вполне уважаемых, обладающих здравым природным умом парходчиков, заводчиков и т. д. Благодаря роду своей деятельности, им приходится соприкасаться с разными людьми из различных сфер, видеть многое и понимать, что много бы они могли бы сделать, при своей энергии и трудолюбии, если бы были просвещеннее; такое сознание, понятно влечет их к свету, а не отталкивает от него, почему они, читая газеты и журналы, стараются и детей своих просветить истинным образованием, отдавая их в различные учебные заведения»⁷³⁶.

Некоторые из купцов были сторонниками открытия в их городах новых учебных заведений. Одним из них был томский купец и золотопромышленник З.М. Цибульский, который стал широко известен своими крупными пожертвованиями на Сибирский университет и активным участием в его строительстве. Не без нажима со стороны местной администрации были выделены средства на строительство здания для Учительского института в Томске. Это произошло 23 ноября 1873 г. на заседании Томской городской думы в присутствии Томского гражданского губернатора, когда общими усилиями нашли необходимые 40 тыс. руб. на строительство двухэтажного здания из 30 комнат и флигеля. Сама городская дума таких средств не имела, и тогда обратились к городскому общественному банку, который считал возможным выделить требуемую сумму из расчета 8 % годовых на 12 лет. Директором банка в то время был известный в Западной Сибири купец Я.И. Акулов, который ранее был одним из инициаторов протестного выступления в городской думе против томского губернатора Г.Г. Лерхе. Подписали документ о согласии выделить ссуду 24 члена правления, подавляющее большинство которых были местными купцами⁷³⁷. Однако завершение строительства здания для Учительского института в Томске

⁷³⁴ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. ... С. 335.

⁷³⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск, 1885. С. 9, 69; Адрианов А.В. Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. С. 26.

⁷³⁶ Восточное обозрение. 1883. 13 янв.

⁷³⁷ ГАТО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 649. Л. 1–12.

и начало работы этого учебного заведения затянулись в силу различных бюрократических проволочек до начала XX в.⁷³⁸

К концу века еще больше купеческих детей училось в гимназии, и некоторые из них заканчивали полный курс, что сделать в то время было нелегко, и до выпуска доходило обычно не более 30–40 % гимназистов младших классов. Например, в Томской губернии в 1897 г. среди 1614 мужчин и 1491 женщины купеческого сословия и почетных граждан только 73,35 % мужчин и 28,96 % женщин получили начальное образование и выше, в том числе в университетах обучалось 0,85 и 0,01 %, в высших учебных заведениях – 0,11 и 0,01 %, в средних специальных заведениях – 0,95 и 0,45 %, в средних заведениях соответственно 5,69 % мужчин и 12,14 % женщин⁷³⁹.

Таким образом, общая грамотность западносибирского купечества была довольно низкой, и большинство купцов, избираемых в городские думы, не имело официального образования, но было элементарно грамотным. Такое состояние дел было характерно и для России в целом. Даже в Москве в конце XIX в. среди 4563 выборщиков в городскую думу около половины состава, преимущественно купцов, имело низшее и домашнее образование, а 183 чел. были «вовсе неграмотными»⁷⁴⁰. Тем не менее недостаток общего образования у купцов компенсировался тесной связью с народной культурой. Помимо обязательного для подавляющего большинства населения того времени религиозного воспитания и образования, купеческие дети усваивали десятки народных песен и сказок, сотни прибауток, поговорок и побасенок и многое другое, что было накоплено народом за долгие века своей истории. Все эти знания и навыки не лежали у купцов мертвым грузом, постепенно выветриваясь и забываясь, они постоянно были в ходу, при деле, помогая рекламировать свой товар, зазывать покупателей, заключать договоры и сделки.

Глубокий знаток России XIX в. С.В. Максимов писал о сибирском купечестве так: «Наше купечество, не обладающее значительными капиталами, – единственный класс, в котором доводится проследить особенности местного колорита; только они одни самобытны оттого, что независимы, и оттого, что заключены в круг занятий, неизбежно требующих ежедневных работ и ежедневного наблюдения». Позднее Максимов подчеркивал лучшую образованность сибирского купечества, чем «того купечества, которое покупает у них чай и меха и отпускает им ситца, сукна, готовые сапоги и готовое платье, заготавливаемое в Москве»⁷⁴¹.

Другой путешественник по Сибири, Ипполит Завалишин, вторит Максиму, но отчасти и противоречит: «Здесьнее купечество (западносибирское. – В.Б.) гораздо образованнее русского, более податливо на общепользные дела и, находясь в кругу чиновников, социальнее и развязнее, нежели в городах русских. Неграмотных уже мало, а образ жизни, даже у старообрядцев, одежда, тон, манеры, за малым исключением, те же, что и у чиновничества»⁷⁴². Различие во взглядах объясняется тем, что авторы говорят о разных слоях купечества: Максимов о низшем и среднем, Завалишин – о высшем.

Самые крупные купцы Западной Сибири имели возможность следовать в образе жизни и в способах удовлетворения своих социальных и духовных потребностей местным дворянам и чиновникам. Под их воздействием менялся образ жизни и менталитет богатейших купцов. Местная администрация, близкие к ней дворяне, которые не находились на службе, были не лучшими образцами для подражания. По словам хорошо знавшего сибирское общество XIX в. В.К. Андриевича, местная дореформенная администрация «деморализовала вконец сибиряков», так как «злоупотребления развивались повсеместно главным образом потому, что произвол властей, воспи-

⁷³⁸ Бойко В.П. Открытие Томского учительского института и общественно-политическая жизнь Томска в начале XX в. // Вопросы отечественной и всеобщей истории: сб. статей. Вып. 2 / под ред. проф. Л.И. Боженко. Томск, 2003. С. 206–222.

⁷³⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXIX. Томская губерния. СПб., 1904. С. XXI.

⁷⁴⁰ Астров А.И. Воспоминания. Париж, 1940. С. 457.

⁷⁴¹ Максимов С.В. На востоке. Поездка на Амур. Путевые впечатления. СПб., 1871. С. 59; Его же. Сибирь и ссылка. Ч. 1. С. 350.

⁷⁴² Завалишин И. Описание Западной Сибири ... Т. 2. С. 88.

танных сплошь на крепостническом начале, мог развивать только низменные, самодурные, эгоистичные наклонности как в них самих, так и в их подчиненных»⁷⁴³.

Такая тенденция усилилась во второй четверти XIX в., во времена правления Николая I, когда, по словам декабриста А.Е. Розена, в Сибири «все поклонялись модной роскоши, а для нее надо было наживать много... Все брали и крали, и все поглощалось роскошью»⁷⁴⁴. Чиновники, по остроумному замечанию П.А. Словцова, в то время хотели жить как помещики и держать «ворота настежь, но земли, ими владеемые, лежат в цветочных горшках»⁷⁴⁵. Влияние чиновников на жизнь западносибирского купечества в первой половине XIX в. было значительным и усиливалось в связи с их участием в предпринимательстве, прежде всего в золотопромышленности.

Нувориши из отставных чиновников строили в городе и за городом барские особняки в виде поместий с домашними оркестрами и оранжереями, вели барский образ жизни со склонностью к изысканным и утонченным удовольствиям. Правда, довольно часто сквозь барские шелка просматривалась купеческая сибирка или даже простонародный армяк. Это могло проявиться в речи, которая оставалась краткой, образной и грубой, в желании пустить окружающим пыль в глаза и показать себя знатоком литературы, искусства, политики. Так, во дворце золотопромышленника Ф.А. Горохова, бывшего, кстати, некоторое время томским купцом первой гильдии, в одной из комнат стоял большой шкаф со стеклянными дверками, «сквозь которые глядели с полок стройные ряды книг в отличных переплетках, все одинаковой толщины и роста, с золотым тиснением на корешках: “Благонравие и порок”, “Тщеславие и скромность” и тому подобные названия, какие только могла подсказать изобретательность необразованного человека». И.Д. Асташев выписывал европейские газеты на многих иностранных языках, которые, по мнению А.В. Адрианова, играли ту же роль, что и состоящая из разукрашенных картонных коробок «библиотека» Горохова, так как языков Асташев, родившийся и проведший детство в Нарыме, не знал⁷⁴⁶.

Тем не менее, постепенно наращивая свою экономическую силу, повышая образовательный уровень и социальный статус, купечество начинает определять стиль жизни западносибирских городов, оттесняя на второй план чиновников. Это дало основание В.М. Флоринскому заметить: «Купцы задают здесь (в Томске. – В.Б.) тон жизни, подчиняют своему влиянию весь чиновный мирок. Всюду они на первом месте, и у губернатора, и у архиерея, не говоря уже о второстепенных чиновниках. Все за ними ухаживают в видах той или иной благодетельности, и это дает городу убеждение, что вся сила в купеческих карманах. За ними интеллигенция и администрация являются как случайный квартирант-нахлебник в чужом доме, оттесненный на второй план»⁷⁴⁷. Следует отметить, что интересы купцов и чиновников в Томске не противопоставлялись, не противоречили друг другу, но происходило их взаимопроникновение, взаимное влияние, своеобразный синтез. Этим процессам способствовала как включенность в предпринимательство (прямо или косвенно, на законном основании через свою собственную коммерцию или через незаконное вымогательство взяток) местных чиновников, так и служба купцов на выборных должностях в городском самоуправлении.

В конце XVIII в. государственные учреждения России активно привлекали купцов к участию в местном самоуправлении, особенно в торгово-финансовой сфере. Происходило это в виде феодальных повинностей, но облеченных в форму выборного начала, что было одним из парадоксов городской жизни того времени. Привлечение купцов в качестве специалистов и консультантов в учреждениях, ведавших промышленностью и торговлей, позволяет говорить о достаточно сильной бюрократизации российского купечества. Однако крупное купечество не

⁷⁴³ Андреевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Исторический очерк Сибири, основанный на данных, представленных Полным собранием законов Российской империи и сенатским архивом. СПб., 1889. Ч. 1. С. 203; Ч. 2. С. 2.

⁷⁴⁴ Розен А.Е. Записки декабриста. СПб., 1907. С. 339.

⁷⁴⁵ Цит. по: Андреевич В.К. Сибирь в XIX столетии ... Ч. 1. С. 223.

⁷⁴⁶ Адрианов А.В. Томская старина ... С. 172.

⁷⁴⁷ Флоринский В.М. Указ. соч. Кн. 5. С. 287.

было лично заинтересовано в работе органов городского самоуправления в силу низкого уровня политического развития и слабо развитого общественного сознания⁷⁴⁸. К этому следует добавить обременительность для купцов городской службы и большую материальную ответственность за выполнение городом податных повинностей.

Служебные обязанности мешали предпринимательской деятельности купцов, и в архивах отложилось большое количество заявлений от горожан об отказе занимать посты в магистратах или городских думах, а также материалов следствия об уклонении от служебных обязанностей. Законом была разрешена замена обывателей на таких должностях, и лица, которые соглашались заменить состоятельного горожанина на службе, могли рассчитывать не только на денежное вознаграждение, но и на лошадей, коров, быков, на недвижимость и другое имущество.

В.В. Рабцевич отметила зависимость отношения горожан к местному самоуправлению от уровня социально-экономического развития сибирских городов. Например, в малых городах жители чаще просили освободить их от исполнения выборных общественных должностей⁷⁴⁹. В крупных же городах должности были более почетны и, скорее всего, более выгодны для предпринимательства избираемых на должности купцов. В том случае, если купцы оказывались на какой-либо должности, они воспринимали сложившиеся методы руководства местной администрации, были скоры на расправу, используя свои кулаки и розги полицейских, не забывали и свой частный интерес, то есть использовали свои должности для собственного обогащения. Об этом писал декабрист Н.В. Басаргин, преувеличивая, правда, влияние должности на человека: «Едва купец или мещанин избран обществом головою, старостою или каким-нибудь членом городского управления, он в ту же минуту забывает прежний свой быт и становится чиновником, со всеми дурными свойствами и, сверх того, без всякого знания дела»⁷⁵⁰. Одним из таких выборных лиц был томский купец П.Ф. Шумилов, который в начале XIX в. распространил патриархальный стиль управления на весь город, то есть стал простых обывателей «по отечески» наказывать розгами, вмешиваться в распоряжения администрации, словом, везде наводить свои порядки. Не мог он пройти мимо местного народного училища, и его учитель С. Иконников жаловался, что новый городской голова Шумилов отказывает школе в проведении текущего ремонта, в обеспечении дровами и свечами. Городской голова, в свою очередь, жаловался, что учитель пьянствует и жжет много свечей, и в школе обучается много «посторонних» детей, на которых денежное содержание не предусмотрено сметой городских расходов⁷⁵¹.

В первой половине XIX в. отношение горожан к органам городского самоуправления было противоречивым. С одной стороны, они видели в этих учреждениях придаток государственного аппарата и не имели особого желания служить в нем, не получая как чиновники жалованья и терпя убытки из-за привязанности к месту службы как предприниматели. С другой стороны, купцы видели слабость полномочий этих органов и не имели возможности их усилить. В-третьих, как правильно отмечается в монографии А.И. Куприянова, зажиточные горожане стремились использовать выборные органы для защиты своих интересов во взаимоотношениях с чиновниками, с податными слоями городского населения, а также в интересах буржуазного развития города⁷⁵².

Малоактивное, полупринудительное участие горожан, в первую очередь купцов, в городском самоуправлении сильно не изменилось и во второй половине XIX в. Введенное в 1870 г. Городовое положение внедрялось в городах Западной Сибири с трудом из-за пассивности местного общества. Купцы скептически отнеслись к предложению администрации обсудить проект положения, вяло участвовали в выборах и в работе самой думы. Право быть избирателем определялось

⁷⁴⁸ Козлова Н.В. Купцы в структуре государственного управления России XVIII в. // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 6. С. 13.

⁷⁴⁹ Рабцевич В.В. Социальный состав органов городского самоуправления в Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX вв. // История городов Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1977. С. 94.

⁷⁵⁰ Басаргин Н.В. Указ. соч. С. 118.

⁷⁵¹ Котылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 96.

⁷⁵² Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. С. 35.

его имущественным цензом, прежде всего стоимостью его городской недвижимости, с которой платились в городскую казну налоги. Кроме того, избиратели делились по имущественному признаку на три курии, каждая из которых имела право избирать равное количество гласных. По нашим подсчетам, небольшая группа крупных плательщиков налогов (около 3 % всех избирателей) назначала столько же гласных, сколько большая курия мелких плательщиков налогов (85 % всех избирателей). Немудрено, что подавляющее большинство членов городских дум после таких выборов составляли купцы.

Однако работа избранных в состав городских дум купцов напоминала их пассивный протест по отношению к мероприятиям правительства, являлась выражением их равнодушия и незаинтересованности к результатам проведения городской реформы. В дальнейшем газеты второй половины XIX в. были полны сообщений об игнорировании гласными заседаний городских дум западносибирского региона. Даже штрафы за пропуски заседаний не смогли исправить положения. «Собрания собираются по пустякам, – отмечено в отчете по Западной Сибири за 1880 г., – городские головы не привыкли к общественной деятельности и часто не могут вести прения, потеряли доверие общества»⁷⁵³. В Тобольске, например, в 1883 г. в городской думе заседало 5–7 гласных, которые решали вопросы при вторичном голосовании, так как всегда не хватало кворума. Городской голова Тобольска в должности не был с апреля, так как сначала был на коронации в Москве, а потом потерпела крушение его баржа с чаями, и он понес убытков на полмиллиона рублей⁷⁵⁴.

В Томске заседания думы проходили так же нерегулярно, как и в других городах региона, так как часто не было кворума, и слушание дел постоянно переносилось. На заседания являлось менее трети избранных гласных, и разбирались дела незначительные, не требующие кворума. Любопытно, что многие гласные из четырехлетия в четырехлетие игнорировали работу думы, но вновь и вновь попадали в ее состав. Так, в 1878–1882 гг. из 132 заседаний В.И. Королев посетил всего 6, а его брат Е.И. Королев – 49, около 10 % заседаний посетил Ф.Х. Пушкинов, и все они попали в думу на новый срок⁷⁵⁵.

На выборах осенью 1882 г. в Томске была острая борьба за места в городской думе. Дело в том, что предыдущая дума во главе с З.М. Цибульским сократила количество кабаков со 150 до 40, что, конечно, не устраивало большинство кабатчиков. Купцы, которые занимались виноторговлей, прибегли к подкупу избирателей, «соблазнили их деньгами, устраивали грандиозные угощения с вином, пирогами, окороками и т. п. яствами и питьями». В результате в городские головы прошел П.В. Михайлов и его сторонники, что было временным компромиссом, так как к власти стремился Е.И. Королев, яркий представитель сибирских «тузов и кабатчиков»⁷⁵⁶.

В выборах в Томскую городскую думу в 1886 г. участвовало менее 10 % избирателей, и были отмечены крупные нарушения избирательного закона. Так, все 26 служащих купца А.Н. Пастухова явились на выборы и голосовали за своего патрона по доверенностям лиц, имевших в отличие от них право голоса. Пастухов был избран, но вскоре был удален из состава думы, как оставленный под подозрением по делу о краже из суда акцизно-уголовных дел. Другой виноторговец, Илья (Илют) Фуксман, тоже после избрания был выведен из состава думы, так как он вместе со своим отцом решением Томского губернского суда «оставлен под подозрением о краже 80 пуд. коровьего масла у торговавшей в Каинске еврейки Мошковичевой»⁷⁵⁷. В результате выборов в числе гласных Томской городской думы на 1887–1891 гг. оказались 51 купец, 7 мещан, 14 разночинцев. Газета отмечала, что человек 40 из них не будут посещать заседания, как делали это и раньше. В то же время в думе шли жаркие дебаты по проблемам городского благоустройства, распределения и продажи городской земли, устройства различных мероприятий и т. д. Из городского бюджета дума выделяла значительные суммы на устройство

⁷⁵³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 422. Л. 14.

⁷⁵⁴ *Восточное обозрение*. 1882. 12 авг.; 1883. 4 авг.

⁷⁵⁵ *Сибирская газета*. 1885. 14 апр.; 22 сент.; 1886. 12 окт.

⁷⁵⁶ *Восточное обозрение*. 1882. 16 дек.

⁷⁵⁷ *Восточное обозрение*. 1886. 17 авг.; 23, 30 ноября

городских праздников. Например, на празднования по случаю коронации Александра III выделено было 3 тыс. руб., а израсходовано 8 тыс. руб., на торжественное открытие Томского университета выделили 4 тыс. руб., но ушла на это торжество сумма, значительно больше определенной. Большой заслугой думы являлось решение подарить на устройство университета, обсерватории и ботанического сада «два земельных участка в лучшей части города, оцененные в 107307 руб. в полную собственность университета»⁷⁵⁸.

Не один раз городским головою и его заместителем (кандидатом) в Томске избирался Е.И. Королев. Он являлся признанным лидером виноторговцев, главным томским ростовщиком. По словам газеты, в его «денежных тенетах находилось все томское купечество. Этот монополист держит негласную банкирскую контору и выдает деньги под залог недвижимых имуществ по 25–30 %. Вследствие этого множество лучших домов перешли в его владение за бесценок... Словом, это был человек тяжелый в городском управлении, преследовавший личные цели и производивший давление на все общество»⁷⁵⁹.

Городские головы других сибирских городов также не раз использовали свое служебное положение в корыстных целях. Особенно часто это делали местные виноторговцы. Так, в г. Тара городской голова Щербаков брал себе выгодные заказы на постройку в округе хлебных магазинов без объявления конкурса, как это было положено по закону. Кроме этого, не раз он использовал свою должность для расширения в городе и округе своей сети кабаков. В г. Ялуторовске в 1878–1882 гг. городским головой был купец Баранов, который не смог отчитаться о том, как и куда были истрачены 20 тыс. руб. из городской казны. После него главой города стал купец М.И. Ильиных, которого также привлекли к ответственности за растраты и подлоги. Зачастую это были не хищения общественных средств в свою пользу, а пренебрежение делопроизводством и происки обиженных городскими головами чиновников⁷⁶⁰.

Среди многих дел, полезных для городов Западной Сибири, выделяются, кроме благотворительности, дела, связанные с городским благоустройством, заботой о бедных и малоимущих слоях населения, помощь населению, пострадавшему от стихийных действий: пожаров, наводнений, неурожая и других бед. Например, в 1891 г. городской голова небольшого уездного городка Ишима Тобольской губернии предложил городской думе меры по сбиванию высоких цен на хлеб. Для этого он предложил устранить оптовую покупку хлеба на базаре местными кулаками. Собравшиеся гласные одобрили такое предложение, так как местные скупщики хлеба скупали его намного дешевле средних цен, а продавали значительно дороже, имея с каждого пуда по 30–40 коп. прибыли⁷⁶¹.

Таким образом, западносибирское купечество, представленное в городских думах, вело черновую, кропотливую работу по благоустройству города, финансировало разного рода работы и мероприятия городского масштаба. Работа в думах укрепляла ведущие, лидерские позиции купечества в местной жизни. Процесс этот был сложный, наталкивался на эгоизм отдельных представителей купечества, на личную недисциплинированность избранных в думу купцов. Однако, несмотря на негативные моменты, работа в думах способствовала формированию сословного самосознания и менталитета западносибирского купечества.

Другой стороной этого процесса является оформление купечеством своих корпоративных организаций. Во второй половине XIX в. номинально существовали городские купеческие общества. Они влачили жалкое существование, хотя там и числилось довольно много членов. Деятельность этих обществ, как правило, ограничивалась ежегодными собраниями с танцами и горячительными напитками⁷⁶².

Более видную роль в формировании купеческого менталитета играли городские общественные собрания, где ведущее место занимали купцы. В 1871 г., например, был принят довольно

⁷⁵⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 361. Л. 50.

⁷⁵⁹ *Восточное обозрение*. 1882. 16 дек.

⁷⁶⁰ *Восточное обозрение*. 1883. 28 апр.; 1886. 21 авг.

⁷⁶¹ *Сибирский листок*. 1891. 10 окт.

⁷⁶² РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 178. Л. 80.

обширный устав Томского общественного собрания, где сказано, что в члены собрания допускаются всех званий и состояний люди, которые по своему поведению и образованию могут быть приняты в приличное общество; семейные члены платят по 15 руб., холостые – по 10 руб., внося деньги при получении билета; член, записавший гостя, принимает за него ответственность; за неприличное поведение из собрания удаляли. В здании собрания была библиотека, где постоянно находились газеты и журналы, и никто не имел права брать их домой. В залах собрания дозволялись карточные игры, игра в бильярд, шахматы, шашки, домино. За игры в позднее время устанавливалась дополнительная плата, а долг возвращался на другой день. В случае неплаты член исключался из собрания без баллотировки, то есть без голосования по этому поводу старшин собрания.

В западносибирских городах общественные собрания играли роль своеобразных клубов, где купцам можно было свободно отдаваться карточной игре. Об этом много писали сибирские газеты второй половины XIX в. В корреспонденции из Тобольска сообщалось: «В Сибири игра развита до крайних размеров, расход на карты огромный, немного меньше, чем на вино. При отсутствии умственной жизни – карты единственное наслаждение. Клубы играют целую ночь... За карточным столом совершается сближение, и обделываются те дела, для которых в других местах существуют биржи, приемные кабинеты, бюро и т. д.»⁷⁶³. В сообщении из Тюмени говорилось о «блестящих» делах местного купеческого клуба или благородного собрания, основу благополучия которого составляли вино и карты. Обращает на себя внимание обмолвка тюменского корреспондента, который назвал городское общественное собрание купеческим клубом и благородным собранием. Вероятно, первое название связано с тем, что в собрании больше всего было купцов, и они играли там ведущую роль, а второе название связано с Европейской Россией, где в городах были клубы преимущественно для дворян – благородные собрания.

В меньших по численности городах Западной Сибири общественные собрания были скромнее, жизнь там протекала не так бурно, как в клубах крупных городов региона. По словам корреспондента из Ялуторовска, в местном клубе, «обычном месте препровождения времени, только и носится в воздухе, что вот тот-то про этого говорит то-то, вот этот на празднике был с визитом у такой-то важной персоны... В клубе не стали бывать из-за дрызг, но от этого сплетня не перестала занимать нас и только переменяла свою резиденцию на бережок около собора, где, восседая на лавочках, наши обыватели переминают косточки ближнего»⁷⁶⁴.

Столичные и провинциальные собрания объединяло желание представителей различных сословий и социальных групп общаться между собой вне дома, показывать свой ум, общественные и политические позиции, состоятельность и положение в обществе публично и по определенным правилам. Общественное собрание лучшим образом удовлетворяло такие запросы. Купечество в собрании избавлялось от клейма сословности, приобретало там буржуазные по своей сути нормы общения и проведения досуга. Членство в городских собраниях было почетно и престижно, а отказ в приеме или исключение из клуба болезненно переживалось.

Так, томский второй гильдии купец Яков Аронович Яппо подал в суд прошение, где оспаривал решение Совета старшин Томского общественного собрания (клуба, как часто его тогда называли) за не уплаченный вовремя штраф в 10 руб. 30 коп. за игру в позднее время в клубе на бильярде. Томский губернский суд в иске купцу Яппо отказал и не восстановил его членство, подвергнув еще и штрафу за неправильное предъявление иска. Тогда Яппо подал апелляцию, но также не имел успеха. Вероятно, важной причиной запрета на вход в собрание этого купца являлись личные его качества – сутяжничество, жадность, грубость. Собрание не могло ему простить угрозу взыскать с Совета старшин 1100 руб., если его не восстановят в членах собрания⁷⁶⁵. Можно предположить, что немаловажным обстоятельством в этом деле было основное занятие Яппо – ростовщичество, которое не пользовалось уважением в глазах большинства местного купечества.

⁷⁶³ Восточное обозрение. 1882. 17 июня.

⁷⁶⁴ Там же. 1886. 8 мая. 1887. 18 июня.

⁷⁶⁵ ГАТО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 242. Л. 1–30.

Старшины клуба должны были следить «за чистотой своих рядов» и не допускать туда людей с запятнанной чем-либо репутацией и непорядочного поведения. Пребывание в тюрьме, чаще всего за неуплаченные долги, было также препятствием для посещения клуба. О таком случае рассказывает «Сибирская газета»: «Освобожденный из тюрьмы и переданный на поруки г. Гуревич явился во время танцевального вечера в клуб... У него нашлись даже партнеры для партии в винт. Но старшины клуба, поддерживаемые большинством находящейся здесь публики, заявили Гуревичу, что его присутствие в клубе неуместно и чтобы он немедленно удалился... После недолгих препирательств он вынужден был оставить клуб»⁷⁶⁶.

Не был принят в члены Томского общественного собрания сосланный в Томск писатель К.М. Станюкович, который не прочь был там поиграть в карты: «В клуб по здешнему обычаю таких “знатных иностранцев”, как ваш покорнейший слуга, не вводят», – писал он в одном из писем Е. Некрасовой. Отчасти, может быть, поэтому он не особенно лестно отзывался о томских купцах и их женах, этот клуб посещавших: «Едят в Сибири до отвала, пьют до одурения, в клубе дамы откусывают друг другу носы, и все поголовно от тоски сплетничают»⁷⁶⁷.

Был охотно принят в члены Общественного собрания молодой адвокат, выпускник юридического факультета Московского университета, В.П. Картамышев, вскоре открывший в Томске газету «Сибирский вестник». В первых номерах своей газеты он нелестно отзывался о поведении томских купцов в клубе. По его наблюдениям, они «могут вцепиться друг другу в бороды или волосы, могут плюнуть в физиономию своего партнера по картам или обругать его последними словами. Впрочем, ссоры быстро кончаются, и недавние противники по такому случаю пьют шампанское». Газеты постоянно сообщали, что в общественное собрание неправильно допускаются люди в «крайне веселом расположении духа», что библиотечные столы вытесняются зелеными столами для карточных игр, что обмен мыслями происходит «преимущественно у буфетной стойки»⁷⁶⁸.

К сожалению, современный исследователь карточной игры в России В.В. Шевцов не обратил внимание на особенности такой игры в купеческой среде. Тем не менее нам будут полезны его свидетельства о том, что игра была широко распространена не только в Европейской России, но и в Сибири, где общественные собрания и балы отличались только масштабами от столичных, а по структуре были одинаковы – танцы, маски, музыка, вино и карты. По его мнению, в XIX в. происходит институализация карточной игры, что означало отчуждение ее от игроков, превращение ее в некую самодовлеющую реальность. Нежелание или невозможность принимать участие в игре ставили человека вне избранного общества. В то же время карточная игра проникала и в народную среду, крестьянскую и мещанскую, где сначала в праздничные дни, а потом и в будни частенько играли в карты. Для купечества, которое не растратило в изучаемый период народные корни, такие наблюдения были вполне применимы: «Пространственно-временная локализация азартных игр внутри праздника была вызвана и тем, что его участникам предписывалось предаваться расточительству для обеспечения последующего плодородия. Ситуация забвения будничной работы, свободы и снятия социальных различий, предписанная праздничным ритуалом, также в должной мере реализовывалась в форме карточной игры»⁷⁶⁹. В сибирских городах, как и в городах Европейской России, можно было заслужить славу умного и опытного человека, мастерски играя в карты. Для купцов такая игра представляла большую опасность, так как по образованию и опыту они уступали дворянам и чиновникам, которые имели гораздо больше возможностей для совершенствования своего игрового, а иногда и шулерского искусства. В народном сознании азартные игры на деньги прямо противопоставляются деловым успехам, а иногда и жизни: «Тем не играют, от чего умирают», «Играть играй, да дело знай», «Играй, да не отыгрывайся», «Люби, не влюбляйся; пей, не напивайся; играй, не отыгрывайся», «Игра потеху (хмель) любит»,

⁷⁶⁶ Сибирская газета. 1884. 18 марта.

⁷⁶⁷ Некрасова Е.С. Константин Михайлович Станюкович. Его поездка в Сибирь и жизнь в Томске. (По письмам и воспоминаниям) // Русская мысль. 1903. Кн. 10. С. 161–162.

⁷⁶⁸ Сибирская газета. 1884. 16 марта; Томский листок. 1897. 9 февр.

⁷⁶⁹ Шевцов В.В. Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск, 2005. С. 139.

«То не игра, что взаправду пошла», «В игре не без хитрости (обмана)», «В игре, что в бане (все равны)»⁷⁷⁰. Последняя поговорка, вероятно, служила для заманивания простаков в игру, где, конечно, равенство было проблематично. Великая русская литература дает множество образцов того, как наивная вера в удачу и честность оборачивалась драмой, а то и трагедией: А.С. Пушкин («Выстрел», «Пиковая дама»), Н.В. Гоголь («Ревизор», «Игроки»), Л.Н. Толстой («Война и мир», «Два гусара»), М.Ю. Лермонтов («Маскарад»), повести Н.С. Лескова, рассказы А.И. Куприна и др.). Обширный очерк о знаменитых шулерах и огромных проигрышах дается в книгах М.И. Пыляева «Старое житье» и «Замечательные чудачки и оригиналы». Некоторые сюжеты связаны с сибирскими богачами, прежде всего с золотопромышленниками⁷⁷¹. Карточная игра служила для купечества средством скрасить свой досуг, быть своим в высшем городском обществе, наладить за столом с зеленым сукном необходимые знакомства, своеобразным средством социализации купеческой молодежи, приобщения ее к сомнительным достижениям цивилизации.

Тем не менее истинные культурные ценности проникали в купеческую среду, и в течение XIX в. образовательный и культурный уровень сибирского купечества неуклонно повышался, чтение книг и газет становилось естественным и общепотребительным занятием. Известный мемуарист из купцов Н.М. Чукмалдин отмечал широкое распространение в купеческих семьях коллективного чтения, когда собирались не только члены семьи, но и знакомые. Исследователь истории сибирских городов А.И. Куприянов заметил, что к середине XIX века произошел «важный сдвиг, суть которого – возрастание ценности образования и грамотности среди сибирских горожан»⁷⁷².

Одним из удивительных фактов для сибиряков начала XIX в. являлась картина, когда следовавший на Ирбитскую ярмарку иркутский купеческий сын Н.А. Полевой, будущий писатель и издатель, при перегрузке своих товаров на берегу читал книгу. Такое явление настолько поразило воображение жителей Тобольска, что они отметили его в частной переписке и записках. В течение века произошла эволюция взглядов купечества на книжное дело, которое стало одной из сфер предпринимательства и важным объектом благотворительности. У некоторых купцов появляются частные библиотеки, которые включают в себя не только религиозную, но и светскую литературу, начинают выписываться газеты и журналы. Особым спросом пользовались в купеческой среде календари, которые практически мгновенно раскупались населением и становились предметом обсуждения и получения разного рода полезных советов в обыденной жизни и в профессиональной деятельности. В то же время не следует преувеличивать глубину проникновения новых культурных и общественных образцов в купеческую среду. Основная масса сибирских купцов медленно поворачивалась к новым формам культуры и общественной жизни, предпочитая придерживаться отцовских заветов. В силу разных обстоятельств русское купечество в целом так и не смогло выработать тех культурных форм, которые отличали на Западе буржуазию от других сословий.

Различные точки зрения на роль воспитания и образования, общественных собраний и городских дум в городах Западной Сибири не исключают, а дополняют друг друга, показывая, что они играли важную роль в истории формирования местного общественного сознания в целом и менталитета местного купечества в частности. Не менее важной составляющей ментальной характеристики сибирского купечества являются его религиозность и качества, с ней тесно связанные.

В.2. Роль религии в формировании менталитета купечества Западной Сибири

Одной из доминант в структуре менталитета купечества Западной Сибири является его религиозное сознание. Вера внедрялась в сознание людей того времени в процессе воспитания и обучения, была неотъемлемым средством социализации личности. Религия в России и в отдель-

⁷⁷⁰ *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1881. С. 7.

⁷⁷¹ *Пыляев М.И.* Старое житье. СПб., 2006. С. 80–81.

⁷⁷² *Куприянов А.И.* Чтение и его роль в досуге горожан Западной Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири. Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 152.

ных ее регионах не сыграла в формировании буржуазных отношений той роли, которую она имела в странах Запада. Там протестантизм в различных его формах являлся идеологическим и нравственным основанием процесса накопления капиталов, сильным средством в привитии обществу буржуазных ценностей и норм поведения, всеобщего равенства, демократичности и свободомыслия. Важной стороной протестантизма являлось ограничение своих потребностей и трудолюбие. М. Вебер отмечал, что основу протестантских учений составлял аскетизм, который, в свою очередь, опирался на необходимость для человека упорного постоянного физического труда. Именно труд здесь составлял основу богатства, помогал преодолевать наряду с диетой (постами) соблазны плоти и духа⁷⁷³. По мнению М. Вебера, в протестантизме были некоторые моменты, которые способствовали развитию капиталистической экономики.

В современной социологической литературе происходит творческая переработка и дополнение тезисов М. Вебера. Например, М. Оссовская считает, что трудно связать два понятия: «дух капитализма» и «пуританская этика», так как непонятно, что на что влияло и что от чего зависело. По ее мнению, более убедителен тезис психоаналитиков о врожденной склонности людей к предпринимательству, где наибольших успехов достигают люди «анально-эротического типа», которые с раннего детства (младенчества) проявляют активный интерес к собственным экскрементам⁷⁷⁴. Трудно представить эксперимент по изучению деловых качеств достаточно большой группы людей с младенчества до зрелых лет, когда одаренность в области коммерции проявлялась сначала в интересе к «детским неожиданностям», а потом к «золотому тельцу». Объединяет их не только цвет, но и отношение как к чему-то неприличному и низкому, которого, конечно, не надо стыдиться, но гордиться и кичиться этим не стоит. Недаром одно из значений слова «золото» обозначает по Вл. Далю «навоз, назем, удобрение, сок из-под гнойного навоза, человеческий помет». Отношение к золоту кратко сформулировано в пословицах: «Не все золото, что блестит»; «Правда дороже золота»; «Пора да время дороже золота»; «Глаза золотом запылит – ничего не увидишь»; «Богатый не золото пьет, а бедный не камень гложет»; «Через золото слезы льются»; «И правда тонет, когда золото всплывает», или наоборот – «Правда тяжелее золота, а на воде всплывает». С пометкой «сиб.» (сибирское) отмечено: «золото мыть – голосом выть» или неожиданное – «золотом товара не выкупишь»⁷⁷⁵. В отношении к золоту проявляется определенное равнодушие русского человека к богатству, приоритет нравственных ценностей над материальными. В то же время следует признать, что в предпринимательстве, как и в других областях деятельности, есть гении – их единицы на поколение, таланты – доли процента от всего населения или определенного социума, одаренные – около 5 %. Подавляющее большинство вполне равнодушно к одержимости в тихих радостях накопления и к риску быстрого обогащения, бизнес им будет не в радость, а в тягость, а то и в наказание. Об этих свойствах в свое время писал В. Зомбарт: «Все формы капиталистического духа коренятся в определенных предрасположениях, то есть в первоначальных унаследованных свойствах организма...»⁷⁷⁶.

Труд в области предпринимательства специфичен и тяжел, результаты достигаются через риск и сопутствующие бизнесу обстоятельства, главными из которых являются государственные и общественные гарантии неприкосновенности частной собственности, максимум свобод и моральное одобрение деятельности предпринимателя со стороны высших сил, в данном случае религии. На Западе различные формы протестантизма теоретически оправдывали предпринимательство, помогали видеть в алчности и индивидуализме качества, необходимые предпринимателю, называя их бережливостью, расчетом, ответственностью и другими вполне позитивными эпитетами.

В России слабое подобие протестантизма, как это ни парадоксально, проявилось в старообрядчестве. Аскетизм мирской жизни старообрядцев, их взаимопомощь, которая укреплялась в ус-

⁷⁷³ Вебер М. Протестантская этика // Избранные произведения. М., 1990. С. 187.

⁷⁷⁴ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987. С. 330.

⁷⁷⁵ Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. СПб., 1881. С. 690.

⁷⁷⁶ Зомбарт В. Буржуа ... С. 151.

ловиях запретов и гонений на них со стороны правительства, полное доверие друг к другу в старообрядческих общинах, позволявшее отданные на хранение деньги пускать в оборот и превращать их в капиталы – все это создавало благоприятные условия для предпринимательской деятельности старообрядцев. Поэтому из их числа вышли крупнейшие в России капиталисты, капиталы которых концентрировались преимущественно в Москве. По мнению Т.Д. Маркиной, процесс аккумуляции здесь национальных богатств был особенно заметен в старообрядчестве, к которому принадлежали Морозовы, Боткины, Прохоровы, Рахмановы, Дубровины, Солдатенковы, Рябушинские, Гучковы и другие крупнейшие капиталисты страны. Автор пытается определить и причины такого парадокса: «Накопление капиталов старообрядцами в немалой степени обеспечивалось вкладами состоятельных купцов (во что? – В.Б.), а также уклонение от уплаты податей и несения служб в пользу государства»⁷⁷⁷. Известно, что с петровских времен купцы-старообрядцы платили двойной оклад, терпели разного рода притеснения и преследования, которые вынуждали их откупаться за себя и общину огромными суммами, что, конечно, ставило их в невыгодные условия по сравнению с купцами официально признанных религий.

Близкими к протестантизму оказались старообрядцы-беспоповцы федосеевского толка. Они первыми из беспоповцев стали общиной городского типа. Суровая дисциплина, послушание своему наставнику, многочасовые службы и общность имущества были отличительными их чертами. Пища для всех была простая и одинаковая, и члены общины обязаны были постоянно трудиться. «Праздность – училище злых», – постоянно напоминал глава общины Феодосий. Брак членам общины не запрещался, но существовал строгий отказ от влияния постороннего, погрязшего в грехах общества. Эти положения стали основой для образования знаменитой старообрядческой общины при Преображенском кладбище в Москве, во главе которой стояли видные российские купцы-старообрядцы⁷⁷⁸. В Петербурге старообрядцы составляли менее известную, чем в Москве, но тоже очень влиятельную общину – Громовское кладбище. По мнению А.И. Османова, представителя петербургской школы изучения предпринимательства, происходивший в XVII–XVIII вв. в среде старообрядцев «распад традиционного видения мира сопровождался культивированием ценностей рационализма и утилитаризма. Исключенный из общественной жизни старообрядец, чтобы выжить и обеспечить социальные позиции в обществе, вынужден был посвящать себя хозяйственной и предпринимательской деятельности»⁷⁷⁹. Если употребить термин В. Зомбарта, то в старообрядческой среде вырабатывался тип нового «экономического человека» со свойственным ему трудолюбием, аскетизмом, внутренней собранностью перед враждебным ему окружением, жизненной практичностью и высокими образцами морали и нравственности.

Многие купцы в Западной Сибири вышли из старообрядцев. В Томской губернии в дореформенное время церковный раскол имел широкое распространение. Большая община старообрядцев была в Бийске и Бийском округе. Томский чиновник К.Н. Евтропов, хорошо знавший историю Томска, отмечал, что в 30–40-е гг. XIX в. «большинство среднего и низшего класса прикержачивало, придерживалось старины, тяготело более к старообрядчеству; купечество также симпатизировало старой вере, а многие из томских купцов прямо были закоренелыми раскольниками»⁷⁸⁰. В 1819 г. М.М. Сперанский хотел открыть отделение «Библейского общества» в Томске, но не смог этого сделать, так как не нашел себе помощников. «Там нет ни одного замечательного духовного лица; городские же чины не тверды на местах, а купечество и все почти обыватели суть закоренелые раскольники», – писал он в одном из писем⁷⁸¹. Динамику численности старообрядческих семей в Томске во второй половине XVIII в. проследил В.Н. Разгон, отметив сначала их уменьшение в царствование Елизаветы Петровны, когда часть купцов перешла

⁷⁷⁷ Маркина Т.Д. Московское купечество: социальный протрет. М., 1999. С. 24.

⁷⁷⁸ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 447–449.

⁷⁷⁹ Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века. СПб., 2005. С. 87.

⁷⁸⁰ Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора ... С. 21.

⁷⁸¹ Цит. по: Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. С. 121.

в лоно официальной церкви, но затем, видимо под влиянием либерального законодательства Екатерины II, число купцов-старообрядцев стабилизировалось. Однако с середины 20-х гг. правительство и церковь вновь берут курс на искоренение раскола через введение единоверческой церкви, начинаются гонения и запреты, которые касались не только веры, но и экономической деятельности старообрядцев⁷⁸².

Крупная старообрядческая община была в Тюмени. В 1820-е гг. здесь из 88 местных купцов 48 были старообрядцами, и в 1832 г. они подали прошение о дозволении избирать на общественные должности старообрядцев. Его подписали 8 тюменских купцов, среди которых были известные имена: Василий Козлов, Никифор Грехов, Андрей Синицын, Василий Шелковников, Петр Башарин и другие. Резолюция на этом прошении была неопределенной: «Едва ли могут избираться на общественные должности, но если выбрали – войти с представлением в Главное управление Западной Сибири»⁷⁸³. Как правило, купцам-старообрядцам сначала разрешали занимать низшие должности – сборщика податей, базарного смотрителя, а для мещан – рассыльщика и сторожа. Позднее, в 1861 г., некоторым тюменским купцам-старообрядцам было присвоено звание степенных граждан за беспорочную службу на выборных должностях: Г.Т. Молодых – городовым судьей, И.А. Решетникову – городовым старостой, А. Гласкову – городским головой⁷⁸⁴.

Подробные списки старообрядцев в Тобольской губернии обнаружены за 1810–1812 гг. Среди купечества Тюмени числилось 24 главы больших семей. Среди них были известные в начале XIX в. купцы: Прасоловы, Парфеновы, Нагибины, Барашковы, Коншины и другие. Среди тюменских мещан названы также известные в коммерческом мире фамилии: Котовщиковы, Решетниковы, Молодых, Тонковы, Шмурыгины, Рогожниковы и другие. Среди крестьян числятся фамилии десятков старообрядческих семей Кухтериных, Пушниковых, Жернаковых и других, которые позднее станут широко известны в деловых кругах. Отличалось своей приверженностью к расколу население Ялutorовска и Тары. Например, в Ялutorовске в 1812 г. отмечен как старообрядец 60-летний Филипп Савельевич Минаев, у которого было 4 сына от 4 до 19 лет и 3 дочери, купцы Гилевы и Колмаковы. Тара поплатилась за свою приверженность к расколу и участие в Тарском бунте в петровские времена массовыми казнями. В Сибири их за это называли «коловичи», то есть наследники казненных на колу бунтовщиков. В 1812 г. купцы-старообрядцы среди тарских жителей не показаны, но среди мещан-старообрядцев выделялись фамилии Пятковых, Ушаковых, Неустроевых, Голосковых и других, которые были близки к купечеству и сами впоследствии вливались в его ряды⁷⁸⁵.

Необходимо отметить, что принадлежность к старой вере определялась не только религиозными убеждениями. Знарок старообрядчества П.И. Мельников отмечал, что «переход в раскол всегда сулил круглому бедняку если не богатство, то уж вполне обеспеченное в материальном плане содержание и надежду, что дети его не останутся без куска хлеба и не будут всю жизнь свою нищенствовать». Этот же автор (известный писатель и чиновник, который по долгу службы вынужден был преследовать старообрядцев) писал о том, что в начале XIX в. уральских и сибирских старообрядцев возглавлял Яким Меркурьевич Рязанов, один из первых золотопромышленников в Сибири и обладатель несметных богатств, крупный акционер Российско-Американской компании. Рязанов был близко знаком с крупнейшими дельцами и влиятельными чиновниками Москвы, Петербурга, Сибири и, используя свои связи, оказывал покровительство своим единоверцам. По сведениям П.И. Мельникова, в середине XIX в. старообрядцы разных толков составляли 15–20 % всего православного населения России⁷⁸⁶.

В современной литературе наблюдается устойчивый интерес к теме участия старообрядцев в предпринимательстве. Из последних публикаций отметим статью учителя средней шко-

⁷⁸² Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. ... С. 641–642.

⁷⁸³ ГАОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 1084. Л. 11–12, 16, 37.

⁷⁸⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 329. Оп. 2. Д. 153. Л. 6, 16, 34.

⁷⁸⁵ Там же. Ф. 329. Оп. 13. Д. 374. Л. 3–404.

⁷⁸⁶ Мельников П.И. Исторические очерки поповщины // Русский вестник. Т.51. 1864. № 5. С.24–25; 53; 77–78.

лы из Владивостока Е.А. Мирошниченко, которая на материалах Российского архива древних актов попыталась определить численность раскольников в городах Европейской России. В середине XVIII в. доля купцов-староверов среди российского купечества была довольно высокой (6,9 %), а в некоторых городах (Ржеве, Твери, Каргополе) – около 20 %, в Новгородской губернии – около 10 %. Автор довольно подробно описывает фонды Раскольнической конторы, где составлялись списки купцов-староверов, плативших от 2 до 24 рублей за свою веру, а некоторые за семью платили по 117 рублей и выше, что для тех времен было весьма обременительно. Поэтому многие купцы просили вернуть их в прежнее состояние (городских обывателей) и платить по 1 рублю 20 копеек за раскол, а за женщин – вполтину меньше. Вывод вполне логичен – законодательство о старообрядцах тормозило процесс перехода крестьян в посадское и особенно купеческое сословие⁷⁸⁷. Вслед за В.Н. Разгоном Е.А. Мирошниченко признает, что староверам были недоступны такие источники накопления капиталов, как подряды и откупа, а также другие формы взаимодействия с казной, но делает, на наш взгляд, ошибочный вывод, что это позволяет говорить о слабости старообрядцев в ряде отраслей торгово-промышленной деятельности. Богатели и оставались в гильдиях зачастую не благодаря государству и взаимодействию с ним, а вопреки этому. Непродуманное законодательство, корыстные чиновники, резкие зигзаги государственной политики в отношении купечества – все это не способствовало стабильности купеческого сословия, как уже отмечено выше в разделе о численности и составе западносибирского купечества.

В отличие от Е.А. Мирошниченко, которая, на наш взгляд, не смогла доказать слабость позиций купцов-староверов в экономике России, Ю.М. Беспалова преувеличивает их роль в Западной Сибири. Вслед за Р. Пайпсом, который сильно идеализировал раскольников, автор интересной монографии о сибирском предпринимательстве утверждает, что староверы «старались мыслить, спорить, учиться, они не хотели слепо подчиняться авторитетам, а хотели все исследовать и проверять. При столкновении с научными представлениями они часто отказывались от своих толков»⁷⁸⁸. В свое время Ю.М. Беспалова написала монографию о декабристах-литераторах в сибирской ссылке, что не могло не наложить свой отпечаток на работу о сибирских купцах. Литературность и поиск идеала были иногда своего рода «розовыми очками», через которые исследователь смотрит на новый объект – купцов-староверов: «Опора на нормы раннего христианства, нормы древнерусской жизни», «совершенствование нравственно-деловых устоев русской жизни», «носители пассионарного начала в предпринимательстве», «соборность раскольников, их внимание к единоверцам, в отличие от индивидуализма и эгоизма у протестантов» – вот далеко не полный список характеристик «идеального героя в идеальных обстоятельствах», что, конечно, мало соответствует действительности⁷⁸⁹.

Конечно, в отличие от Европейской России, в Сибири старообрядчество как образ жизни сохранилось лучше, и в начале XX в. оставалось много селений, где приверженцев старой веры было большинство. Наблюдательный М. Петров отмечал, что особенно красивы селения староверов: «Это – самый зажиточный и рабочий народ в Сибири; у них чисто и удобно не только в избах, но и снаружи, на дворе и на улицах; живопись и деревянная резьба непременно и внутри, и на ставнях, на дверях, на крышах. В жилах старообрядцев нет ни капли инородческой крови. Они выделяются среди сибиряков своей красивой, стройной фигурой; женщины миловидны и статны. Это народ степенный, трудолюбивый, трезвый и вообще зажиточный»⁷⁹⁰.

В газете «Восточное обозрение» была помещена перепечатка статьи из «Русского курьера» под заглавием «Старообрядцы в Сибири». В ней говорится о том, что в Томской губернии немало старообрядцев, «признающих главенство белокриницкой иерархии и принадлежащих к мос-

⁷⁸⁷ *Мирошниченко Е.А.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII в. (из истории российского предпринимательства) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 29, 34.

⁷⁸⁸ *Беспалова Ю.М.* Ценностные ориентации в культуре западносибирского предпринимательства ... С. 65.

⁷⁸⁹ Там же. С. 70–74.

⁷⁹⁰ *Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская / сост. М. Петров. М., 1908. С. 75, 91.*

ковскому Рогожскому кладбищу. В заштатном городе Кольвани у них есть официально разрешенная молельня, где совершает богослужение по их обрядам особый поп Ермил, а в Бийском округе проживает их “епископ” Мефодий, носящий титул сибирского»⁷⁹¹. Нет нужды повторять, что эти города являлись торгово-промышленными центрами Западной Сибири, и в них проживало немало купцов, принадлежавших к закоренелым раскольникам.

Тем не менее довольно распространенным в Западной Сибири явлением было старообрядчество и другие течения христианской веры, отколовшиеся от официального православия. По мнению многих зарубежных авторов (О. Крисп, Р. Пайпс, У. Блэкуэлл, А. Милвард, С. Саул и другие), предпринимательская деятельность старообрядческой буржуазии имела успех в силу того, что она подкреплялась определенной системой морально-этических ценностей. В эту ценностную систему включались те же социально-психологические мотивы, с которыми зарубежные исследователи связывают генезис буржуазных элементов на Западе (бережливость, настойчивость в достижении цели, предприимчивость и трудолюбие), а происхождение этих качеств объясняется влиянием старообрядчества⁷⁹². Дж. Биллингтон отмечал, что «параллель между кальвинистами Западной Европы и старообрядцами поразительна. Оба движения были пуританскими, заменяли обрядовую церковь на новый аскетизм здешнего мира, а власть церковной иерархии – на местное общинное правление. Оба движения стимулировали новую экономическую предприимчивость, приветствовали усердный труд как единственное средство доказать, что принадлежишь «к избранныкам гневного Бога»⁷⁹³. Общины русских старообрядцев, как и переселенцы, отправлявшиеся в Северную Америку, были гонимы светскими и духовными властями, но на новых землях надеялись обрести покой и построить Царство Божие на основах равенства и справедливости. Экономическая деятельность их там была настолько активна и эффективна, что они вскоре выдвинулись на первые роли в промышленности и торговле.

Гораздо раньше и не менее убедительно, чем зарубежные историки, об этом говорил талантливый исследователь российской и сибирской истории А.П. Шапов. В его произведениях, посвященных истории раскола, говорится о причинах его возникновения и распространения на обширные территории России. По мнению Шапова, к главным причинам раскола следует отнести «отрицание реформы Петра Великого, восстание против иноземных начал русской жизни, вопль против Империи и правительства, смелый протест против подушных податей и “даней многих”, против рекрутства, крепостного права, областного начальства и т. п.»⁷⁹⁴. Ослабление гонений на раскольников при Екатерине II, признание их дееспособными и разрешение выбирать их на должности в городском самоуправлении сильно увеличило число раскольников, и между ними в это время завязываются коммерческие связи, которые распространяются на большинство российских губерний. Взаимосвязь между ними укреплялась еще и тем, что «в случае угрозы раскольники друг друга укрывали, утаивали. Богатые или зажиточные из них содержали у себя в домах постоянные дворы для раскольнических странников»⁷⁹⁵.

В другой своей работе А.П. Шапов доказывал взаимосвязь идеологии и экономики в старообрядческих общинах, что имело сходство с общинами протестантов, где происходило в основном оформление буржуазных отношений: «С того момента, как раскол стал толчком, учением массы народной, во всех классах ее появились расколуучители. Богатые гости, купецкие и посадские люди не только сами распространяли раскол, но и своими капиталами поддерживали, усиливали и устраивали раскольничьи общины, согласья»⁷⁹⁶.

⁷⁹¹ *Восточное обозрение*. 1887. 5 февр.

⁷⁹² *Разгон В.Н.* Современная американская и английская историография ... С. 34.

⁷⁹³ *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования русской культуры. М., 2001. С. 236.

⁷⁹⁴ *Шапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII // *Сочинения А.П. Шапова*. В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 173.

⁷⁹⁵ *Шапов А.П.* Русский раскол ... С. 318.

⁷⁹⁶ *Шапов А.П.* Земство и раскол // Там же. С. 462.

Свое слово о причинах распространения старообрядчества в России и его популярности у купцов сказал Д.Н. Мамин-Сибиряк: «Крепкая раскольничья организация, артельный склад, взаимная помощь и поддержка определяли старообрядческое благополучие, но самым главным секретом их быстрого процветания являлся тот дух единения, который создается всякими гонениями, а религиозными в особенности»⁷⁹⁷.

В силу названных причин старообрядчество было широко распространено в западносибирском регионе, и особенно много сочувствующих этому течению религиозной мысли было среди купцов. Официальная статистика фиксировала только тех раскольников, которые открыто признавались в этом. Однако было очень много людей, которые «поддерживали», то есть были сторонниками старой веры тайно, в душе. Один из авторов «Сибирского вестника» со знанием дела писал об этом: «По всей России и, конечно, в Сибири существует масса таких раскольников, которые, опасаясь преследований за уклонение из православия, для виду крестили своих детей в православных церквях, ходили на исповедь к православным священникам и, для узаконения своих браков, венчались по православному обряду. Совершая это ради, так сказать, своей полицейской безопасности, они оставались по религиозным верованиям старообрядцами и тайно исполняли все обряды через своих попов и начетчиков»⁷⁹⁸. Тем не менее даже статистика Министерства внутренних дел за 1863 г. показывает, что старообрядцев в стране было около 6 млн и половина из них была беспоповцами⁷⁹⁹.

К 1 января 1896 г. в Томской губернии насчитывалось около 1,7 млн чел. Большинство жителей были православными и разделены были на 388 приходов в 32 благочиниях. В то же время в губернии насчитывалось около 80 тыс. раскольников, большинство из которых проживало в Бийском и Барнаульском округах. У них было построено около 100 молитвенных домов и часовен, причем только 7 из них имели официальное разрешение. Среди раскольников насчитывали до 200 наставников⁸⁰⁰. С конца XVIII в. наставников постоянно преследовали и строго наказывали. Например, в 1858 г. в Томске был арестован проповедник-старообрядец Тит Бозов и после обстоятельного следствия был выслан в Якутск⁸⁰¹. Эти наставники находили приют и укрытие от местных властей в домах местных купцов-старообрядцев. Чтобы обезопасить укrywшихся у него единоверцев, купцы вынуждены были идти на подкуп чиновников, которые должны были «надзирать» за этим. Для чиновников надзор и следствие над старообрядцами было всегда «золотым дном», и об этом в свое время писали Н.С. Лесков, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А. Мельников-Печерский и другие писатели. Не было исключением в этом отношении и Западная Сибирь. Среди следственных материалов о взятках и казнокрадстве довольно распространены дела о самовольном разрешении на открытие и последующее покрытие работы раскольничьих молельных домов, другие корыстные действия в отношении старообрядцев⁸⁰².

Однако следует признать, что уникальные качества старообрядцев, их стойкость в вере, трудолюбие и воздержанность от мирских соблазнов, физическая сила и красота, наконец, остались невостребованными российским обществом, не были востребованы национальной по форме и синтетичной по содержанию русской культурой. Староверы обижено замкнулись в своем мире, с полной уверенностью, что погрязшему в грехах и ереси внешнему миру конец неминуемо близок. Их образ жизни и общинная организация была упреком роскошной жизни в городах и барских поместьях. Своеобразный фундаментализм раскольников не смог противостоять натиску иностранного влияния и прозападного дворянства во всех сферах российской жизни.

Другим видом религиозных верований среди томских купцов было скопчество. Генетически оно было связано с расколом через хлыстовство. Оскопление появилось во времена Ека-

⁷⁹⁷ Мамин-Сибиряк Д.Н. Последняя веточка (Из старообрядческих мотивов) // Собр. соч. В 10 т. М., 1958. С. 255.

⁷⁹⁸ Сибирский вестник. 1885. 4 июля.

⁷⁹⁹ Пругавин А. Раскол – сектанство. М., 1887. С. 238.

⁸⁰⁰ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1896 г. Томск, 1896. С. 153.

⁸⁰¹ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 145. Л. 84.

⁸⁰² Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 659. Л. 4–690.

терины II, когда разврат в высших слоях общества достиг расцвета и не был скрытен и постыден, а демонстративен и почетен. Фавориты царицы были осыпаны царскими милостями в виде поместий, чинов, наград и возможностью влиять на государственные дела. Помещики в своих поместьях устраивали театры и целые гаремы из крепостных женщин. Поэтому скопчество было в определенной мере радикальным средством противопоставления народного целомудрия разврату верхов.

Идеологом скопчества выступил крестьянин Орловской губернии Кондратий Селиванов, ставший отцом Искупителем секты скопцов. Сначала он принадлежал к секте хлыстов, но везде там находил разврат и решил радикально бороться с людскими грехами. За проповеди, которые находили слушателей и довольно много последователей, его наказали кнутом и отправили в ссылку в Иркутскую губернию. После возвращения из ссылки при Павле I он поселяется в Петербурге у богатых купцов и занимает ведущее среди скопцов положение. К Селиванову, который вдобавок принял имя императора Петра III, стекались многочисленные последователи хлыстовско-скопческой ереси из многих губерний России, представители разных сословий, среди которых было много купцов.

А.П. Шапов, наблюдавший скопцов в Сибири, отмечал, что крестьяне после оскпления «перестраивали свои дома в более обширном виде, одевались чище, жили опрятнее, и многие начинали вести мелочную торговлю. Многие и в скопчество поступали из-за одной потребности обогащения»⁸⁰³. Как известно, идея полового воздержания занимала почетное место в идеологии пуританизма, кальвинизма и других течениях протестантизма⁸⁰⁴. Скопчество дает сходное направление действий человека в борьбе со всем, что мешает полностью отдаваться своему главному делу – накоплению. Но Россия всегда была страной крайностей, поэтому мысль о воздержании доводится до ее логического конца – до полного или частичного оскпления. Как заметил П.Н. Милоков, «решение найдено было радикальное – лишить людей самой возможности грешить»⁸⁰⁵. Кроме самого физического действия по оскплению, вступавший в секту скопцов давал клятву, где обещал «мяса не есть, вина, пива и меда не пить, на крестины, родины и свадьбы не ходить, скверными словами не ругаться». Холостым запрещалось жениться, а женатым избегать женщин. Особенно строгим было воздержание от спиртных напитков, в ходе следствия по делам скопцов этот отказ был убедительным доказательством принадлежности к ереси⁸⁰⁶.

Довольно значительное число скопцов было отмечено в середине XIX в. в Западной Сибири: 112 чел. в Томской губернии и 108 чел. в Тобольской губернии⁸⁰⁷. В середине XIX в. в Томске занимались предпринимательством купцы третьей гильдии Харлампий и Федор Лебедевы, которые за принадлежность к секте скопцов были сосланы сюда еще в 1809 г. В 1825 г. был сослан в Томск 38-летний скопец Прокопий Васильев, который потом долгое время состоял в томском купечестве. Ставший скопцом мещанин Илья Ерофеев оскпил двух своих сыновей, которые появились в его семье раньше, до собственного оскпления. Всего в 1848 г. в Томске было 3 купца из скопцов, 19 мещан и мещанок и 9 скопцов из отставных военных, солдат и унтер-офицеров⁸⁰⁸.

В Тобольске в 1847 г. рассматривалось дело купца В.И. Попова, который принадлежал к скопческой ереси и был привлечен к расследованию дела о скопцах в Петербурге. В столице он пробыл под арестом 11 месяцев, и его купеческое дело, состоявшее из «чугуно-плавильного» заведения, кирпичного завода, торговой лавки и подрядов, было распродано опекунами «по самой ничтожной цене». Попов несколько раз подавал просьбы разобраться в его делах, и после

⁸⁰³ Шапов А.П. Умственные направления русского раскола // Сочинения А.П. Шапова. В 3-х т. СПб., 1906. Т. 1. С. 644.

⁸⁰⁴ Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Избр. произв. М., 1990. С. 273; Зомбарт В. Буржуа. М., 1994. С. 95.

⁸⁰⁵ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. С. 116.

⁸⁰⁶ Мельников П.И. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1872. Кн. 2. С. 106–144.

⁸⁰⁷ ГАОО. Ф. 3. Он. 3. Д. 4488. Л. 6. 17. 34.

⁸⁰⁸ ГАТО. Ф. 3. Он. 2. Д. 451. Л. 29–35.

того как везде получал отказ, дерзнул подать жалобу царю. За эту дерзость он был под арестом выслан в Тобольск, где был «подчинен полицейскому надзору с распространением на него всех постановлений о скопцах»⁸⁰⁹.

Интересно отметить, что скопчество не исключало посещение православных храмов и исполнение православных обрядов. Более того, К.Н. Евтропов отметил в Томске парадоксальный факт: второе по значимости пожертвование (8400 руб.) на строительство в Томске нового собора сделал томский мещанин И.М. Михеев, который был скопцом. Больше него пожертвовал только И.Д. Асташев, крупнейший в Сибири золотопромышленник⁸¹⁰.

Наконец, отметим, что в Томске скопчество коснулось одной из самых богатых семей Сибири в начале XIX в. – Шумиловых. Его главой был П.Ф. Шумилов, а главным наследником стал его единственный сын Мефодий. После того как он достиг совершеннолетия, его женили на дочери другого крупного томского предпринимателя М.А. Мыльникова, что должно было еще сильнее укрепить позиции Шумиловых в экономике Западной Сибири. Но в 1819 г. торговый дом Шумиловых рухнул, а еще раньше, в 1818 г., Мефодий Шумилов был записан в томские мещане. Одной из причин такого краха стало религиозное увлечение М.П. Шумилова скопческой ересью, с которой он познакомился в Петербурге, что, в конце концов привело его к заточению в Соловецкий монастырь.

Историк М.А. Колчин на архивных материалах этого монастыря написал ряд статей, помещенных в журнале «Русская старина», которые затем были объединены в отдельную книгу. В числе заключенных в Соловецком монастыре за различные тяжкие уголовные и политические преступления автор выделяет томского купца Мефодия Петровича Шумилова. В 1821 г. он был прислан на Соловки с сопроводительным письмом обер-прокурора Синода А.Н. Голицына. Написано оно было «своеручно», то есть без переписки письма писцом, имело гриф «Секретно», и в нем соловецкому архимандриту предлагалось: «Нужным считаю сообщить вам, что с сим отношением посланный арестант есть скопец, по воле государя императора отправлен генерал-губернатором С.-Петербургским гр. Милорадовичем. Его имя Мефодий, по фамилии Шумилов, сильно заражен скопческой ересью и очень неглупый человек. Надобно обратить на него ваше внимание для обращения его на истинный путь, и не давайте ему способу сообщаться ни письменно, ни лично со своими сообщниками. Он предан душевно старику-начальнику скопцов, бывшему прежде в Петербурге, и коего он почитает даже Искупителем. Прошу вас по временам уведомлять меня, какие в нем плоды вы будете усматривать. Об его фамилии вам не нужно другим рассказывать и рапортовать в Синод, а можно обозначить просто скопцом. Кн. Голицын. Августа 19 дня 1821 г.»⁸¹¹ Переходу М.П. Шумилова к скопцам способствовало то обстоятельство, что он был сначала воспитан как старообрядец-беспоповец, затем в 1818 г. он перешел в официальное православие, что было, вероятно, только внешней уступкой властям при вступлении в права наследования. Умер М.П. Шумилов в Соловках без раскаяния, потеряв остатки своих капиталов и не оставив наследника, который бы оспаривал на них свои права в судебных инстанциях.

Таким образом, официальная православная вера была среди купечества Западной Сибири доминирующей верой, в которой находилось подавляющее большинство местных купцов. Однако некоторая часть купечества в силу разных обстоятельств ушла в еретические по своей сути и протестантские по своему содержанию верования. Уход объясняется попытками найти идеологическое обоснование процессов накопления капиталов, обогащения, а также обоснование своей роли в обществе, которые в православии были на втором плане. Главной задачей православия всегда было обоснование незыблемости монархии, сословной структуры общества, консерватизм в политической и идеологической сферах. Необходимость идеологического обоснования новых для России процессов обуржуазивания общества предполагала обращение части купечества к разного рода еретическим учениям и старообрядчеству.

⁸⁰⁹ ТФГАТюмО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 29, 30.

⁸¹⁰ Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора ... С. 175.

⁸¹¹ Колчин М. Ссылные и заключенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. М., 1908. С. 95–96.

Тем не менее подавляющее большинство населения Западной Сибири в изучаемый период принадлежало к православной вере, хотя, естественно, присутствовали в них и представители других религий. Западносибирское купечество, как и все российское купечество, было одной из опор официального православия и много сделало для его укрепления. Непременной принадлежностью каждого купеческого дома был «красный угол», уставленный многочисленными иконами, нередко составляющими целый иконостас. У многих купцов для этого были особые комнаты, в которых ничего не было, кроме образов, аналоев, священных книг и других предметов культа. В этой комнате было больше икон, чем в других комнатах, и в ней хозяин читал вслух молитвы, а священник служил вечерню, заутреню или всенощную, а иногда и молебен. Не помолившись, купцы не начинали никакого дела. Отправляясь в дорогу, начиная строить дом или торговать, ходили в церковь помолиться. В важных и опасных предприятиях исповедывались и причащались.

С икон начинался перечень имущества, передаваемого по духовному завещанию. Западносибирские купцы чаще представителей других сословий выбирались в церковные старосты и больше других жертвовали на церковные нужды. Одним из главных достоинств человека в купеческой среде было его религиозное поведение. В то же время некоторые современные исследователи считают, что в религиозном сознании русского народа преобладали внешние, обрядовые проявления веры. Это объясняется особенностями массового религиозного сознания и спецификой русской общественной жизни. Купечество подходило к вере зачастую с коммерческим подходом – за каждое «доброе дело» ожидали божественного покровительства в достижении своих меркантильных целей⁸¹².

Православное население в условиях того времени должно было получать от своих священнослужителей подтверждение о своей религиозности и тем самым подтверждать свою благонадежность и лояльность к вере и монархии. Для купцов это было необходимо при судебных разбирательствах, подаче документов на почетное гражданство, при подготовке документов для награждения и т. д. Существовала специальная форма аттестации: «В ересях не замечен, у Святого причастия и на покаянии регулярно бывает». Все, в том числе и именованное купечество, получали справки о своей благонадежности. Например, в 1860 г. томский купец первой гильдии Г.И. Елисейев получил справку, что он вместе с семейством, двумя дочерьми и сыном «у исповеди и Святого причастия бывают постоянно, детей воспитывает в православной вере», и удостоверили это 6 церковных служителей. То же самое было сделано для видных томских купцов Некрасовых, З.М. Цибульского и других⁸¹³. За нарушение этих религиозных традиций, которые были возведены в специальный закон 1737 г., существовал денежный штраф и административное расследование причин нарушения. В 1781 г. в Богоявленском приходе Томска к такому штрафу среди представителей других сословий были присуждены купцы Иван Шмаков 33 лет, Михаила Протопопов 35 лет и жена его Марья 27 лет, сын их Иван и дочь Агафья. По Благовещенской церкви такому наказанию был подвергнут Иван Затинщиков 48 лет⁸¹⁴. Причины пропуска ежегодного покаяния указывались купцами уважительные – загруженность делами и постоянные разъезды, но вполне возможно, что они как раз и были «закоренелыми раскольниками», которые имели своих проповедников и свои церкви, но предпочитали об этом не заявлять. Долгое время среди купечества и других сословий было распространено суеверие, что после причастия нельзя 40 дней ходить в баню и «иметь брачное ложе», и это многих нестойких в вере прихожан настраивало против официальных церковных обрядов.

В конце XIX в. старообрядческие тенденции среди западносибирского купечества ослабели, и подавляющая часть купцов принадлежала к ортодоксальной православной церкви или к единоверческой церкви, которая была официально разрешена. Одним из важных подтверждений глубокой религиозности купцов Западной Сибири являлось образцовое исполнение ими обязанностей церковных старост. Большинство церквей и соборов Западной Сибири избирало

⁸¹² Гуревич А.Я. Средневековый купец // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990. С. 129.

⁸¹³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2487. С. 95–96.

⁸¹⁴ ГАТО. Ф. 50. Оп. 1 Д. 534. Л. 9–10.

своих церковных старост из числа состоятельных и богобоязненных местных купцов. Так, в Томске в начале 90-х гг. в Благовещенском кафедральном соборе церковным старостой был купец П.В. Болотов, в Богоявленской церкви – почетный гражданин и купец первой гильдии П.В. Михайлов, в построенной в 1788 г. Душесошественской церкви – купеческий сын Вытнов, в Воскресенской – купец первой гильдии А.Е. Кухтерин, в Троицкой (единоверческой) – купец первой гильдии И.И. Колосов, в Николаевской церкви (при тюремном замке) – купец Н.И. Тельных, в Марининской церкви (при женской гимназии) – купец Е.М. Голованов, во Владимирской (при детском приюте) – потомственный почетный гражданин и купец первой гильдии Ф.Х. Пушкинов и даже в Университетской церкви церковным старостой был купец И.Г. Галалов, один из крупнейших торговцев Сибири⁸¹⁵.

Многих западносибирских купцов можно было видеть частыми гостями у местных священников и архиереев, и те обязательно делали ответные визиты, что указывает не только на теплые дружественные отношения, но и на духовную их близость. В Томске, например, долго помнили духовных пастырей, открытых для общения со своей паствой. Одним из них был архиерей Афанасий, к которому томские купцы П.И. Поздеев, Н.И. Верещагин, Д.С. Сапожников, С.Ф. Хромов и некоторые другие часто обращались. К.Н. Евтропов с их слов передает, что «когда ни приходи к нему, всегда примет, поговорит с тобой по душе, а в горе и нужде и пошлет с тобою»⁸¹⁶.

В некоторых случаях западносибирские купцы вступали в конфликт с администрацией, если были затронуты их религиозные убеждения. Например, в 1813 г. тарский городничий в последнюю неделю поста приказал возвести для народного развлечения две качели на столбах около Успенской церкви. Эти «неприличные близ храма построения» заставили бургомистра Зырянова сначала самому обратиться к городничему с просьбой об отмене его приказа, а затем, после отказа, организовать к нему целую депутацию. В результате разгорелся скандал с привлечением полиции, и бургомистр Зырянов был обвинен в «неблаговидных поступках»⁸¹⁷.

Конечно, на протяжении изучаемого периода произошла определенная эволюция религиозного сознания сибирских купцов. Глубокая ортодоксальная религиозность в православии официальном, единоверческом (старобрядческом), староверстве разных толков, в иных религиозных верованиях сменилась формальным соблюдением обрядов. Купцы конца XIX – начала XX в. имели уже большую прослойку коммерсантов, которые по стилю и характеру времяпрепровождения мало чем отличались от дворянства, а по своим культурным запросам – от интеллигенции. Конечно, основная масса купцов были верующими, но к обрядовой стороне уже относились по-иному, более формально, а крестные ходы, выносы икон и даже исповеди могли пропустить или делать это от случая к случаю. В таких семьях дети нередко становились атеистами, тем более что обстановка в гимназиях, реальных училищах и высших учебных заведениях располагала к этому. В своих воспоминаниях П.А. Бурыйшкин отмечал, что в его время посещение церкви стали считать делом реакционным и осуждали, а одного студента не выбрали председателем общества взаимопомощи из-за того, что он ходил в церковь.

С конца XVIII до начала XX в., на протяжении жизни четырех поколений, происходило становление, развитие и обособление сословного купеческого менталитета, а затем начинается его растворение в менталитете региональной буржуазии. В это время изменялось самосознание купцов, менялись социальный статус и культурный кругозор сибирского купечества, что влекло за собой эволюцию купеческого менталитета. Эти процессы, на наш взгляд, могут быть выпукло охарактеризованы эволюцией личных имен томских купцов на протяжении 125 лет. На основе анализа данных о частоте употребления имен собственных и динамике их изменения можно сделать некоторые выводы, которые будут характеризовать психологию и менталитет западносибирского купечества. Отметим, что в выборе имен у купцов наблюдается свойственный им в других сферах консерватизм и патриархальность, следование заветам своих предков. В конце XVIII в. тройку наиболее употребительных имен в среде купечества составляли имена: Иван,

⁸¹⁵ *Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 г.* Томск, 1894. С. 61–64.

⁸¹⁶ *Евтропов К.Н.* История Троицкого кафедрального собора ... С. 26.

⁸¹⁷ ТФ ГА ТюмО. Ф. 329. Оп. 13. Д. 609. Л. 1–5.

Петр, Михаил, причем имя Иван лидировало с большим отрывом. Выбор имен был небольшим, исключительно русским и простонародным. Купечество еще только выходило из народной, преимущественно крестьянской среды и было связано с крестьянством многими нитями, в том числе и в подборе имен. Наблюдалось подчинение своего выбора церковному месяцеслову, решающее слово часто принадлежало священнику. Не было еще в составе купечества взрослых мужчин и детей, имевших имена, которые бы носили «благородный» оттенок, были распространены в дворянской среде того времени: Евгений, Александр, Владимир, Сергей, Вениамин и другие, а также иностранные и нерусские имена.

В то же время в начале XIX в. в среде томских купцов появляются имена Павел и Александр, что, несомненно, являлось проявлением их монархических настроений. После предшествующего века, когда на престоле империи находились преимущественно женщины, русские купцы, настроенные, естественно, патриархально, не могли не радоваться происшедшим переменам. Конечно, русские царицы в обществе того времени превозносились и боготворились, но в народе и среди купечества оставалось скептическое отношение к административным способностям женщин. Кроме того, серьезным основанием в таких сомнениях был образ жизни цариц, который был для народа не тайной, и об этом ходило множество анекдотов нескромного содержания. Называя сыновей именами российских императоров, томские купцы демонстрировали свой монархизм, преданность престолу, и в то же время это является свидетельством повышения социального статуса купечества – хотя бы через имя они приближали себя к высшему сословию, дворянству, где такая традиция возникла раньше.

Во второй половине XIX в. имя Иван сохраняет свое лидирующее положение, хотя его удельный вес среди других имен заметно уменьшается. В лидирующей группе имен происходят заметные перестановки: имя Петр опускается со 2-го на 5-е место, Михаил – с 3-го на 6-е, Федор – с 4-го на 25-е и т. д. Зато получают распространение у купцов имена им ранее неизвестные или редкие. Имя Николай занимает в это время 2-е место по степени распространенности, Александр – 4-е, Владимир – 7-е и т. д. На протяжении XIX в. почти в два раза увеличивается общее количество разных имен, что являлось отражением изменения социального и национального состава купечества, процессом складывания на основе купечества местной буржуазии, изменением купеческой психологии и менталитета.

В XIX в. западносибирское купечество, на наш взгляд, выступает в регионе силой консервативной, приверженной старым традициям и устоям. Своей консервативностью и обособленностью от других сословий купцы как бы стабилизировали местное общество, не давая ему склониться ни в сторону дворянски-охранительного направления, ни в сторону радикальной революционности. Конечно, купцы Западной Сибири были по своим убеждениям монархистами. Это проявлялось в регулярных верноподданнических адресах купцов на коронации, тезоименны, рождение наследника престола и членов царской семьи. Отметим также, что купечество крупных городов отправляло депутации на коронацию российского императора и устроило торжественный прием будущему царю Николаю II во время его путешествия через Сибирь. Монархизм западносибирского купечества был тесно связан с религиозностью и является одной из характеристик его менталитета. Впрочем, в конце XIX в. монархическая идея хотя и продолжает царствовать в массовом сознании, но, как отмечают отечественные и зарубежные авторы, происходит сильная демифологизация и десакрализация составляющих образа императора. Во-первых, сопоставление Александра III и его сына Николая II проходило не в пользу последнего. Если отец – это богатырь, хозяин, твердая рука, то сын – вырождение, подкаблучник, слабый физически и безвольный человек. Во-вторых, общество постепенно освобождается от веры в авторитеты и приобретает, как уже отмечалось, рационализм и прагматизм. Исследователь социальной психологии российского общества на рубеже веков делает вывод, что в это время «индивид, теряя внутригрупповые связи, выходил из подчинения группового мировоззрения, становился более самостоятельным»⁸¹⁸.

⁸¹⁸ Ловачева Г.В. Самодержец и Россия: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX в.). Саратов, 1999. С. 267.

В связи с недоразумением, которое возникло при следовании наследника престола по Западной Сибири, известный сибирский купец И.И. Некрасов продал свои пароходы, золотые прииски и изъясил свои капиталы из всех сибирских предприятий. Сделал он это, главным образом, потому, что власти посчитали собственником парохода «Николай», на котором путешествовал от Томска до Омска наследник престола, не его, Некрасова, а его доверенного Гадалова. Особенно огорчила его награда, которую получил его доверенный как собственник парохода. Пароходы Некрасов продал колыванскому купцу Жернакову, а «всю обстановку парохода "Николай", – писала тобольская газета, – бывшую на нем во время путешествия Государя Цесаревича, г. Некрасов снял с парохода и распорядился выслать ее к нему в Москву»⁸¹⁹.

Несмотря на ярко выраженный монархизм подавляющего большинства купцов, особой антипатии западносибирские купцы к ссыльным революционерам не испытывали, брали их к себе на службу, водили с ними знакомство. Ссыльные в Сибирь декабристы вызывали у части местных купцов симпатии, они помогали декабристам в устройстве школ, помогали им наладить связь между собой, если это было запрещено, или с родными и друзьями в Европейской России. Особый интерес представляет собой предпринимательская деятельность декабристов, когда они сотрудничали с купцами при устройстве своих коммерческих дел. Как уже отмечалось, особых успехов декабристы здесь не достигли, но отношения с купцами у них сложились более благоприятные, чем с сибирскими чиновниками.

Известный революционер-народник В.В. Берви-Флеровский служил в 60-е гг. XIX в. У томского первой гильдии купца Б.Л. Хотимского, выполняя функции адвоката, приказчика и бухгалтера за чрезвычайно низкую плату⁸²⁰. В дальнейшем отношения представителей политической и уголовной ссылки и сибирского купечества складывались на меркантильной с обеих сторон заинтересованности. Купцы получали грамотных специалистов, особо не интересуясь их политическими взглядами и не совсем, с их точки зрения, идеальным прошлым, а ссыльные получали возможность обеспечить себя работой и, следовательно, средствами к существованию. В случае если деловые интересы купцов не совпадали с деятельностью ссыльных, то контракты расторгались, и знакомство прерывалось. В купеческой среде возникало вольнодумство и даже некоторый радикализм, что было тесно связано с проникновением сюда атеизма. Радикально настроенные представители купечества порывали не только со своей средой, но и с ей присущей религией.

Примечательно в этом отношении поведение известного в Томске своим добродушием, хлебосольством и щедростью З.М. Цибульского. В браке с Ф.Е. Цибульской, в девичестве Бобковой, у него не было детей, и он взял на воспитание мальчика по имени Аркадий. Ему, вероятно, предполагалось передать семейное золотопромышленное дело, и он был отправлен на обучение в Московское коммерческое училище. По свидетельству И.В. Кулаева, Аркадий вернулся из столицы «вконец распропагандированный и начал открыто и яростно порицать действия своих приемных родителей и их отношение к рабочим, называя эти действия недопустимо эксплуататорскими и вредными»⁸²¹. З.М. Цибульский просил И.В. Кулаева, автора цитируемых мемуаров, взять Аркадия к себе на прииск в приказчики и образумить юношу. Однако приказчика из него не получилось, и дальнейшая его судьба неизвестна. Нет упоминания о нем и в завещаниях Цибульских.

В 1890 г. был учрежден негласный надзор за бывшим студентом Московского университета, сыном омского купца Владимиром Безбородовым. Он был выслан из Москвы к своим родителям, и жандармское управление встревожила весть о том, что их поднадзорный выезжал на заимку своего отца в Тюкалинский округ. Тюкалинский окружной начальник сообщил, что действительно ссыльный студент приезжал на заимку на один день со своим отцом и 16 июля вернулся в Омск. Негласный надзор полиции был учрежден над управляющим винным складом в г. Березове Ф. Котовщиковым и березовским купцом А.С. Плехановым. Они водили знакомст-

⁸¹⁹ *Сибирский листок*. 1892. 29 марта.

⁸²⁰ *Рабинович Г.Х.* В.В. Берви-Флеровский в Томске // *Томску 375 лет*. Томск, 1979. С. 68–78.

⁸²¹ *Кулаев И.В.* Указ. соч. С. 242.

во со ссыльными, находящимися под административным надзором, и передавали им корреспонденцию, которую получали на свое имя. Сестра Плеханова Татьяна, несмотря на противодействие родителей, стала невестой политического ссыльного Распопина, и только смерть жениха помешала этому браку. После смерти Распопина Т. С. Плеханова в июне 1888 г. выехала из Березова в Москву и поступила на акушерские курсы. После ее выезда знакомство Плехановых с политическими ссыльными постепенно прекратилось⁸²².

Таким образом, в начале изучаемого периода среди купечества господствовали традиционалистские начала, купцы были носителями консервативных отношений в общественной и культурной сферах жизни региона. Это выразилось и в строгом следовании религиозным догмам, в том числе наблюдалось сильное влияние старообрядчества, в последовательном монархизме и приверженности к патриархальности. Однако постепенно эти черты менталитета западносибирского купечества эволюционировали в сторону буржуазных по своей сути качеств: демократичности, свободы, более активного участия в общественной жизни и понимания своей значимости в социально-экономической жизни региона.

Во второй половине XIX в. происходило активное развитие этих качеств. Менталитет западносибирского купечества все более ориентируется на создание материальных и духовных ценностей, на установление разумных с точки зрения делового человека отношений. Поэтому былая религиозность западносибирского купечества естественно переходит в традиционный для буржуазии прагматизм (истинным считается не то, что соответствует объективной действительности, а то, что дает практически полезные результаты), который выразился в обосновании устремлений купцов к накоплению материальных богатств, к строительству роскошных жилых и капитальных производственных помещений, к оформлению своих личных капиталов в семейные и династические.

Составной частью купеческого менталитета была благотворительность. Пожертвования на различные дела купцы вносили, не только сообразуясь со своими мыслями о необходимости делать добро и делиться своим богатством, получая, правда, за это различные награды и пожалования, но и интуитивно, руководствуясь своей потребностью заслужить авторитет в глазах людей на земле и прощение собственных грехов на небесах. Поэтому проблема благотворительности купечества Западной Сибири требует внимательного и подробного разбора.

6.9. Основные черты благотворительности западносибирского купечества

Важной и неотъемлемой частью деятельности западносибирского купечества являлась его благотворительность. Щедрое пожертвование на общественные нужды, на развитие культуры и образования, на нужды церкви и здравоохранения, забота о сиротах, инвалидах, бездомных, заключенных и других категориях обездоленного населения – все это было привычной статьёй расходов. Благотворительность, на наш взгляд, необходимо рассматривать как типичное явление общественной жизни региона, которая касалась многих ее сторон. Необходимость делиться своим богатством с нуждающимися внедрялась в сознание купцов вместе с основными догматами православия. Поэтому одной из важных причин благотворительности была народная религиозная традиция, глубокая религиозность купцов, которые пользовались возможностью заслужить прощение своих грехов за свои «благие дела».

Другой причиной благотворительности можно считать тщеславие купцов: за наиболее крупные пожертвования правительство награждало орденами, жаловало чинами и званиями, крупные жертвователи имели возможность занимать почетные должности в городском самоуправлении. В значительной степени благотворительность мотивировалась местным патриотизмом купцов: они не могли допустить, чтобы в соседних городах, примерно равных по численности населения и экономической мощи, что-то было лучше – соборы и церкви, общественные и жилые здания, чтобы молва приписывала соседям большую щедрость, чем им самим.

⁸²² ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 13. Д. 12. Л. 1–7; Д. 22. Л. 2, 9.

Нельзя полностью исключить и нажим на купцов со стороны местной администрации, которая хотела показать перед правительством свою общепольную деятельность и понуждала купцов делать пожертвования на какие-либо крупные проекты, обещая взамен свою поддержку при хлопотах о наградах и званиях. Часто такая инициатива исходила от местных священников и руководителей епархии, и они находили поддержку своих начинаний у местного купечества.

Характеризуя купеческую благотворительность, особое внимание следует обратить на личные качества купцов, их семейное положение, характер их жен и т. д. Часто несколько купцов при примерно равных капиталах и доходах сильно отличались друг от друга в размерах благотворительности. Положительно влияли на размеры пожертвований добродушие купца, его любовь к общественному признанию своих заслуг; больше других жертвовали вдовцы и семьи, где не было детей, не было прямых наследников. Меньше других жертвовали люди болезненно скупые или, наоборот, склонные к мотовству, к прожиганию жизни через разгул и бессмысленную роскошь. Как правило, успех в коммерции был прямо пропорционален щедрости в благотворительности, хотя и наблюдались редкие исключения из этого правила.

Начало благотворительной деятельности купечества в Западной Сибири относится к первой половине XIX в., когда некоторые купцы построили и за свой счет содержали больницы, дома для престарелых и инвалидов, сиротские приюты и другие «богоугодные заведения». Правительство в начале века награждало за такие пожертвования золотыми и серебряными медалями на орденских лентах, а в некоторых случаях стимулировало пожертвования частных лиц на государственные мероприятия. Так, в 1806 г. были инициированы пожертвования томских купцов на содержание в пределах губернии земского войска или милиции. Местной администрации удалось получить от купцов и мещан 2635 руб. По 500 руб. пожертвовали М. Мыльников и М. Быков, по 200 руб. – К. Касимов, Г. Сапожков и С. Карпов, другие купцы ограничились 25–100 руб.⁸²³ Что касается патриотического подъема, связанного с началом Отечественной войны 1812 г., то в Сибири он не получил того распространения, как, например, в Москве и других городах центра России. Подписка на пожертвования в августе 1812 г. была фиксированной – купцы должны были пожертвовать сумму, равную 4–5 % от объявленного капитала. Даже перспектива получить памятную бронзовую медаль за войну 1812 г. не очень вдохновляла купцов увеличивать пожертвования, тем более, что списки представленных к награждению уточнялись еще в 1817 г., то есть через пять лет после представления⁸²⁴.

В 20–30-е гг. XIX в. пожертвования на благотворительные цели сократились. Это было связано, прежде всего, с изменившимися политическими условиями. Правительство Николая I строго регламентировало внутреннюю жизнь страны и не могло приветствовать частную инициативу в пожертвовании личных средств на общественные нужды. Американские историки пришли к выводу, что активность филантропии в России была на подъеме первый раз в конце царствования Екатерины II и в начале правления Александра I и второй – в эпоху Великих реформ, а точнее, в десятилетие, последовавшее за Крымской войной. В Сибири проявление этих тенденций было сглажено, проявлялось не так отчетливо, как это было в крупных городах Европейской России, но, тем не менее, было заметно. В целом можно согласиться с выводами Г.Н. Ульяновой о глубокой проработанности американскими историками некоторых частных аспектов истории русской благотворительности⁸²⁵.

В последнее время появилось ряд работ по теории и практике благотворительности и в отечественной историографии. Большей частью они освещают деятельность московского купечества, что вполне естественно, так как связано с масштабами его благодеяний, убедительным их отражением в источниках, глубоким следом в русской культуре и общественной жизни, оставленным русскими меценатами. Одной из первых и заметных работ стала популярная монография А.Н. Боханова, где в форме очерков рассказывается и обобщается уже достаточно из-

⁸²³ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 436. Л. 2–22.

⁸²⁴ ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 180–233.

⁸²⁵ Ульянова Г.Н. Новейшая американская историография российской благотворительности (обзор) // Отечественная история. 1995. № 1. С. 115, 118.

вестный для историков материал о наиболее крупных меценатах России, большинство из которых, естественно, москвичи⁸²⁶.

Спустя десятилетие появляется монография Г.Н. Ульяновой, посвященная только московским предпринимателям и их благотворительности, где уже дан биографический словарь купцов с их конкретными вкладами в разные сферы жизни Москвы, отмечена некоторая закономерность динамики пожертвований (70-е и 90-е гг. XIX и начало XX в.), выявлены особенности в системе пожертвований. К их числу относится большая доля женщин (25 %), значительная доля молодых купцов, семейная расположенность к благотворительности, появление определенного стереотипа поведения, который нужно было постоянно подтверждать, необходимость благотворительности при выборах в общественные организации⁸²⁷. В последней работе Г.Н. Ульяновой рассматриваются проблемы соотношения законодательства и благотворительности, хотя автор и признает, что понятие «благотворительность» остается дискуссионным, а «законодательство о благотворительности» – условным. Тем не менее нам важно узнать, что подведомственные приказу общественного призрения народные школы, сиротские дома, больницы, богадельни и смиренные дома могли создаваться как на средства местного бюджета, так и на благотворительные пожертвования. Среди приведенного в статье списка жертвователей обнаруживаем и «сибирский след»: в начале XIX в. отставной солдат Саматов изъявил желание построить за собственный счет в г. Кургане Тобольской губ. деревянный дом на 16 больных, а местные жители обязались поставлять туда продовольствие и одежду. Для исследователей поставленной проблемы будут важны выводы Г.Н. Ульяновой о том, что уже в XVIII в. была осознана проблема пауперизации и принимались крутые меры к ликвидации нищеты. При Екатерине II начинает проявляться понимание необходимости поощрения о бедных, которое получает дальнейшее развитие при Александре I. Во времена Николая I регламентация частных пожертвований уменьшает их объем, а уменьшение ограничительных мер при Александре II, передача регламентации благотворительных обществ и частных пожертвований в юрисдикцию местного самоуправления позволило увеличить объем благотворительности и сделать ее почетным и общественно значимым делом⁸²⁸.

Серьезным вкладом в изучение российской благотворительности является работа петербургского историка А.Р. Соколова, который одной из причин слабой благотворительности в современном обществе считает российское законодательство, больше тормозящее и ограничивающее свершение благих дел, чем ему способствующих. Соколов прослеживает понимание благотворительности от словаря В. Даля до современных работ. Его не удовлетворяют формулировки большинства исследователей, в том числе Я.Н. Щапова: «Благотворительность это сочетание государственных форм помощи населению с общественной и частной помощью немущим, которые восполняли недостающие социальные связи»⁸²⁹. А.Р. Соколов дает свою формулировку термина благотворительности, в основу которого ставит принцип безвозмездного оказания помощи нуждающимся, выделяет 10 основных этапов развития благотворительности в России с 1760 по 1917 гг., каждый из которых характеризуется своеобразием организационных форм, социальных приоритетов и личных устремлений благотворителей (от цинично-карьерных до попыток осуществления социальных утопий), а также взаимоотношений государства и благотворительной общественности⁸³⁰. Интересна сама по себе мысль о том, что увеличение числа благотворительных учреждений и объемов пожертвований частных лиц не есть положительная характеристика общества, так как свидетельствует об увеличении числа тех, кому эта помощь оказывается. Социальная дифференциация общества требует восстанов-

⁸²⁶ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.

⁸²⁷ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999. С. 269–272.

⁸²⁸ Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.

⁸²⁹ Щапов Я.Н. Благотворительность в дореволюционной России. Национальный опыт и вклад в цивилизацию. // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 85.

⁸³⁰ Соколов А.Р. Благотворительность в русском общественном сознании. Дореволюционная историография благотворительной деятельности и благотворительных учреждений. СПб., 2005. С. 63–72.

ления с помощью благотворительности слабеющих социальных связей, о которых говорил в своей статье Я.Н. Шапов, положения которого мы разделяем.

Плодотворную попытку совместить теоретическую и практическую направленность в изучении благотворительности сделали барнаульские исследователи В.А. Скубневский, А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров. Они считают, что определять главный стимул благотворительности, делить эгоистические и альтруистические ее начала занятие бесперспективное. В связи с этим они выделяют три основные группы сибирских филантропов и меценатов. К первым относятся люди с религиозными убеждениями, которые стремились обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной. Второй мотив благотворительности – патриотизм, желание поддержать славу «русского имени», славу сибирского купца. В-третьих, желание получить определенные социальные льготы и привилегии, выделиться из основной массы купцов и мещан чинами и орденами. На наш взгляд, можно выделить еще некоторые моменты, стимулировавшие благотворительность, – черты характера и семейное положение человека, идея служения обществу и чувство социальной ответственности за свое богатство и некоторые другие. Авторам монографии удалось проиллюстрировать эти положения богатым фактическим материалом, сделать вывод о том, что на nive филантропии отличались наиболее зажиточные алтайские купцы, предприниматели во втором-третьем поколении, имевшие достаточно высокий культурный уровень⁸³¹. Такие принципы исследования и выводы близки и нашим результатам работы в этой области⁸³².

Своего рода итоговой работой в области сибирской благотворительности могла стать коллективная монография Г.А. Бочановой, Л.М. Горюшкина и Г.А. Ноздрина, в которой рассматриваются и проблемы благотворительности сибирских купцов⁸³³. Однако эта тема не получила достаточно обширного и объективного освещения: материалы повторяются как в главе, посвященной этой теме, так и в биографиях предпринимателей. Биографические справки даются без учета новой литературы по избранной теме, в первую очередь, «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири», изобилуют многими ошибками и искажениями. В ставшей достаточно популярной энциклопедии имена и фамилии купцов и предпринимателей даются, как правило, полностью, в то время как в монографии большинство из них представлено только инициалами. В некоторых случаях из энциклопедии в книгу перенесены ошибки Г.А. Ноздрина. В авторской статье о купце Пушникове он писал о не существовавшем томском купце А.И. Пушникове, хотя некоторые факты его статьи указывают на Федора Харлампиевича Пушникова, о котором подробно и обстоятельно рассказала в энциклопедии Н.М. Дмитриенко. Автор не учел своей ошибки и перенес ее в коллективную монографию. Томские купцы Королевы в книге указаны как «выходцы из Ростова-на-Дону». Хотя они и были ростовскими купцами, но родом происходили из центра России – Ростова Великого. Фирма Королевых не занимала «одно из ведущих мест по перевозке грузов и пассажиров в Сибири», как утверждает в книге, ее основные интересы лежали в винокурении, виноторговле, золотопромышленности и других сферах предпринимательства. Не выдерживает критики и статья, посвященная крупнейшим предпринимателям Сибири первой половины XIX в. Поповым, ее выдающимся деятелем был не Федор Попов, а Федот и т. д. Список досадных ошибок можно продолжить. Тема сибирской благотворительности, в основе которой лежали пожертвования купцов и коммерсантов из других сословий, на наш взгляд, только намечена в трудах общего характера, и ждет своих исследователей.

⁸³¹ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001. С. 163–181.

⁸³² Бойко В.П. Благотворительность томского купечества на церковные нужды в XIX в. // Православие и развитие Российской духовной культуры в Сибири: материалы духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. В 2 т. Т. 2. Томск, 2004. С. 9–16; *Его же. Благотворительность западносибирского купечества в области народного образования в XIX в.* // Вестник Томского госуд. пед. Ун-та. Вып. 4 (20). Сер.: Гуманитар. науки (история). Томск, 2000. С. 56–61.

⁸³³ Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.

Ведущее место в благотворительности западносибирского купечества занимали пожертвования на церковные нужды. Хотя меркантильные интересы купцов частично не совпадали с догматами православия, которые не препятствовали, но и не приветствовали обогащение, купцы охотно шли на обильные и частые пожертвования на нужды церкви. Идеалы христианской морали были трудно совместимы с профессиональной деятельностью купца, а богатство и накопительство не являлись среди русского народа главными жизненными ориентирами. Поэтому благотворительность в большинстве случаев набожных купцов являлась попыткой примирения нравственных устоев христианства с практикой коммерческой деятельности, являлась своего рода «очищением» себя в глазах общества за греховные дела на пути обогащения, своеобразной сделкой со своей совестью.

Широкая благотворительность была распространена в старообрядческой среде, являвшейся одной из национальных особенностей русского предпринимательства. Если на западе протестантизм выступал как религия формирующейся буржуазии, то в России старообрядчество с его жесткими религиозными нормами стало одной из форм первоначального накопления капитала. Строгий семейный уклад, отказ от расточительства и многих мирских удовольствий, патрональные отношения в общине способствовали формированию больших семейных состояний купцов-старообрядцев. «Старина в старообрядчестве служила насаждению и развитию новых экономических условий», – сделали вывод авторы капитального труда по истории русского православия⁸³⁴. Старообрядцы имели меньше шансов преуспеть в операциях с казной и были более тесно связаны с развитием торговли и промыслов. Поэтому их капитал имел более прочный и естественный фундамент, проникал в разные сферы народного хозяйства и в связи с этим был более устойчив. Главной отличительной чертой старообрядчества от протестантизма являлась соборность раскольников, заботливость и внимание к единоверцам в отличие от индивидуализма и эгоизма у протестантов. Благотворительность купцов-старообрядцев была направлена, прежде всего, на то, чтобы устроить приюты для гонимых властями единоверцев, открыть молельные дома и церкви, оказать помощь беглым раскольникам. К такого рода деятелям раскола относились тобольские и тюменские купцы Прасоловы, Зубаревы, Пятковы, Колмаковы, Решетниковы, Опрокидневы, Аврамовы и другие. Документально такие пожертвования, к сожалению, не фиксировались. Поэтому трудно судить об их размерах, невозможно определить, кому и сколько давали купцы-старообрядцы взятки, чтобы построить свою церковь или освободить на некоторое время от преследований своих расколуучителей.

Среди сторонников официального православия в начале XIX в. крупные пожертвования в пользу церкви делал городской голова и самый богатый томский купец того времени М.А. Мыльников. За разного рода благотворительность и за постройку в Томске «собственным иждивением каменной для 32 человек больницы» он был награжден золотой медалью для ношения на шее на Владимирской ленте⁸³⁵. Для того времени это было довольно редкой наградой. Чаще, чем при жизни, купцы отказывали в пользу церкви значительные средства в своих завещаниях. Например, тарский первой гильдии купец А.Д. Калюжников завещал причту церковей и разным духовным деятелям треть своего крупного состояния – более 135 тыс. руб.⁸³⁶ В дальнейшем и владельцы крупнейших в крае капиталов не слишком щедры были в своих пожертвованиях. Так, например, в 1835 г. тарский первой гильдии купец Евтифей Филимонов пожертвовал на библиотеку в Томске (первая публичная библиотека Сибири) 50 руб., его зять губернский прокурор Ф.А. Горюхов – 55 руб., купеческая вдова Аграфена Клестова и мещанская жена Анна Клестова – 15 руб. и 22 книги журнала «Христианское чтение»⁸³⁷. В дореформенный период благотворительность еще не имела того размаха в размерах взносов и массовости, который становится естественным для последующих десятилетий.

⁸³⁴ Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 568.

⁸³⁵ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 256. Л. 1.

⁸³⁶ ТФГАТюмО. Ф. 154. Оп. 15. Д. 621. Л. 6.

⁸³⁷ *Кутрянов А.И.* Из истории первой публичной библиотеки в Западной Сибири // Русская книга в дореволюционной Сибири. Государственные и частные библиотеки. Новосибирск. 1986. С. 20–21.

Значительные пожертвования на церковные нужды делал один из известных западносибирских купцов-золотопромышленников С.Ф. Хромов, который был духовно близок со знаменитым старцем Федором Козьмичем. Хромов обеспечил старца жильем, материально его поддерживал, свято хранил о нем память и составил целую коллекцию из вещей старца, альбом с фотографиями мест, связанных с пребыванием Федора Козьмича в Томске. Во второй половине XIX в. он несколько раз ездил в Москву и Петербург, надеясь получить аудиенцию с царем «для личных объяснений, касающихся до умершего в 1864 г. в Томске старца», но получал каждый раз категорические отказы. К концу жизни у Хромова средств было недостаточно, чтобы отстроить монастырь в честь старца, а обращение его к сибирским богачам успеха не имело⁸³⁸. С.Ф. Хромов составил «Записки», где большей частью рассказывал о старце Федоре Козьмиче и чудесах, которые сопровождали его жизнь. Знакомство с этим ценным источником показывает, что мировоззрение части западносибирского купечества в середине XIX в. было вполне простонародным, связанным с суевериями и мистикой, верой в самые невероятные чудеса и отсутствием элементарного естественно-научного и гуманитарного образования. Благотворительность в такой среде была ориентирована, прежде всего, на религиозные цели, и ортодоксальное православие не всегда было единственным объектом пожертвований.

Список пожертвований на церковные нужды края можно расширить. Например, известными жертвователями на устройство в Томске женского монастыря были отец и сын Ереневы. А.Л. Еренев в 1849 г. получил разрешение построить на приобретенных им в Знаменском приходе землях для монастыря каменную теплую церковь. Его сын Иван расширил владения монастыря, подарив участок земли размером 7 десятин и завершив строительство монастырских зданий. В 1887 г. епископ Томский и Семипалатинский Исаакий ходатайствовал о награждении И.А. Еренева орденом св. Анны 2-й степени. Кроме этого, Еренев построил церковь в с. Протопоповском вместо старой сгоревшей и снабдил ее всей церковной утварью, много сделал для Знаменской церкви и мужского духовного училища. Для училища он построил каменный двухэтажный дом с церковью и больницей⁸³⁹. Справедливости ради надо сказать, что, с одной стороны, высшие силы были к Ереневым благосклонны, наделив их значительным состоянием, почетом и уважением городского общества и многодетностью, но, с другой стороны, внук основателя купеческого рода стал причиной трагедии. Газета «Сибирский вестник» 1 мая 1902 г. сообщает об этом так: «30 апреля в Томске произошла кровавая драма. Известный местный купец и гласный городской думы И.И. Еренев, проживающий на своей заимке, в 6 часов утра зарезал бритвой двоих своих детей, ранил жену и выстрелил из револьвера себе в голову... Предполагают острое душевное расстройство»⁸⁴⁰.

В 1834 г. купеческою вдовою Е.К. Чулошниковой в пользу будущей домовою архиерейской церкви был пожертвован каменный двухэтажный дом с постройками и землею, оцененный в 25 тыс. руб. Дом этот стал одной из арендных статей архиерейского дома: он был отдан сначала под присутственные места, а затем в нем помещалась духовная семинария⁸⁴¹. Какую награду получила купчиха Чулошникова за столь щедрое пожертвование, нам неизвестно. Женщин за пожертвования орденами и медалями не награждали – для них было важнее пастырское благословение и отпущение за добрые дела грехов. Женское восприятие религии во все времена было более непосредственным и искренним, женщины легче проникались духом религиозности и мистицизма, поэтому они в меньшей степени, чем мужчины, были тщеславны и честолюбивы. Очень часто женские пожертвования были полностью анонимны или передавались в благотворительные фонды через своих священников.

В 1834 г. купеческий сын А. Родюков по завещанию своего отца обратился к местным властям за разрешением построить в г. Нарыме каменную богадельню для 6 мужчин, которые не могли в силу возраста или болезней работать и не имели других источников существования.

⁸³⁸ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 276. Л. 39, 55, 62.

⁸³⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2655. Л. 1; Ф. 6. Оп. 1. Д. 868. Л. 24; Сибирская жизнь. 1899. 4 марта.

⁸⁴⁰ Сибирский вестник. 1902. 1 мая.

⁸⁴¹ Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора ... С. 9.

Местным властям пришлось обращаться за дозволением в Петербург и после получения разрешения богадельня была выстроена в сентябре 1836 г. согласно утвержденному плану. Дом для этого был выстроен небольшой (длиною 15 и шириною 13 аршин), но все в нем было сделано по-купчески добротнo и основательно, как писали в документах, «с чистою отделкою и хорошей прочности»⁸⁴².

В 1872 г. в одно и то же время были награждены орденом Святой Анны 3-й степени томский купец первой гильдии Я.И. Петров и кузнецкий второй гильдии купец Н.С. Куртегешев. В Томске купец Петров был старожилом и занимал различные выборные общественные должности с 1834 г. Орденом он был награжден за строительство в городе новой каменной церкви для Томской женской общины, за построение вокруг церкви каменной ограды с железными решетками, отделку самой церкви снаружи и внутри и снабжение ее всем необходимым: иконостасом с иконами, богослужебными книгами, разной дорогой утварью, колоколами и прочим. Всего Я.И. Петров из собственного капитала употребил около 70 тыс. руб. Н.С. Куртегешев происходил из «инородцев», под судом не был, в расколе и других ересьях не замечен, служебного формуляра в его деле нет, так как на выборных должностях не служил. Заслуги кузнецкого купца заключались, прежде всего, в том, что на свои средства в размере 8750 руб. он построил новую деревянную церковь на каменном фундаменте в улусе Осиновском, снабдил ее нужными принадлежностями и деньгами на содержание церкви и причта⁸⁴³. В 80-е годы епископ Томский и Семипалатинский Исаакий смог стимулировать благотворительность купцов других городов Томской губернии и ходатайствовал перед губернатором о награждении барнаульского первой гильдии купца Д.Н. Сухова, каинского второй гильдии купца К.П. Ерофеева и каинского первой гильдии купца С.В. Ерофеева⁸⁴⁴. Как правило, купцы за незначительные пожертвования награждались золотыми и серебряными медалями на орденских лентах для ношения на шее, а за значительные – орденами Российской империи, причем иногда высоких степеней.

Многие западносибирские купцы сделали крупные пожертвования на строительство Троицкого кафедрального собора в Томске; строительство длилось более полувека и в деталях описано К.Н. Евтроповым. В списке жертвователей на строительство и восстановление собора входили многие томские купцы: Ф.С. Толкачев, П.В. Михайлов, Д.И. Тецков, Н.Е. Филимонов, А.М. Серебренников, Н.И. Верещагин, нарымские купцы А.С. и А.Д. Родюковы, вышневолоцкий первой гильдии купец, сибирский откупщик и золотопромышленник А.С. Сосулин, кузнецкие купцы И.С. Конюхов и И.Г. Куртегешев, бийский купец М.С. Сычев и многие другие. Среди этих пожертвований выделяется своими размерами пожертвование супругов Цибульских. «Сибирская газета» в 1886 г. сообщила об этом событии: «3 апреля исполнитель завещания Ф.Е. Цибульской, И.М. Иваницкий, внес в Томскую городскую думу облигациями восточного займа 150000 руб., пожертвованных на постройку нового в Томске кафедрального собора»⁸⁴⁵.

В 70-е гг. XIX в. «за богоугодные дела» был представлен к награждению орденом Святой Анны 3-й степени томский купец С.С. Валгусов. В представлении к награде говорилось, что в 1874 г. он построил на собственные средства в д. Зоркальцево Нелюбинской волости Томского округа церковь и «вложил на предмет обеспечения причта оной приличную сумму. В сектах, под судом и следствием Валгусов не состоит, у причастия и на исповеди бывает, поэтому препятствий для награждения у него нет»⁸⁴⁶. Купец Н.Н. Вяткин был в 1891 г. награжден золотой медалью «За усердие» на ленте ордена Святого Станислава за пожертвование на исправление томских церквей, позолоту крестов, содержание Владимирского детского приюта и другие благодеяния⁸⁴⁷. Западносибирские купцы, являясь попечителями учебных заведений, заботились о состоянии церквей при них. Например, в 1890 г. томский первой гильдии купец Андрей Петрович Карнаков

⁸⁴² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 116. Л. 16.

⁸⁴³ Там же. Ф. 170. Оп. 2. Д. 428. Л. 12, 20.

⁸⁴⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2656. Л. 1–3; Д. 2859. Л. 1–4; Д. 4292. Л. 33–36.

⁸⁴⁵ Сибирская газета. 1886. 6 апр.

⁸⁴⁶ ГАТО. Ф. 233. Оп. 5. Д. 130. Л. 3.

⁸⁴⁷ Там же. Ф. 127. Оп. 2. Д. 662. Л. 2.

в течение 9 лет безвозмездно служил старостой Марининской церкви при женской гимназии и «доставлял для нее все потребное для совершения богослужения»⁸⁴⁸.

Нет возможности перечислить все пожертвования западносибирских купцов на нужды церкви. Ими построены и снабжены всем необходимым некоторые церкви тех городов, где они проживали, а также ими сооружались церкви и часовни в отдаленных от их городов местах, где они занимались промыслами, золотопромышленностью, торговлей. Например, П.В. Михайлов построил на свои средства церкви в Усть-Каменогорске, в с. Чердатском Мариинского округа и других местах. В газетах того времени часто встречаются такого рода сообщения: «В пятницу 18 апреля предложено поднять кресты на вновь воздвигнутом в Томске храме во имя Святого чудотворца Николая. Кресты выписаны из Москвы и стоят 1000 руб., каковые уплатила купеческая вдова М.И. Зеленчукова». Или в том же номере «Томского листка» в 1897 г. сообщалось: «Известный благотворитель, купец Павел Борисович Шумилов, изъявил желание отделать за свой счет внутренность домово́й архиерейской церкви. К работам приступлено будет после Фоминой недели»⁸⁴⁹.

Значительную часть своего капитала многие купцы завещали на церковные нужды «на поминовение» их самих и всех их родственников. Показательна роспись средств на благотворительные цели по духовному завещанию бийского купца Алексея Викуловича Соколова от 4 ноября 1894 г. в размере 76 тыс. руб.: 25 тыс. руб. на строительство каменной церкви во имя Святого Александра Невского; 30 тыс. руб. – на устройство и содержание при этой церкви детского приюта; на содержание богадельни при этой же церкви – 2 тыс. руб.; на устройство при Бийской городской больнице отделения для заразных и душевных больных – 3 тыс. руб.; на устройство в Томской губернии домов трудолюбия – 7 тыс. руб.; на дом призрения крестьянских круглых сирот – 4 тыс. руб.; на содержание детской больницы при Томской общине сестер милосердия – 3 тыс. руб.; на Владимирский приют – 2 тыс. руб.⁸⁵⁰ Современников, вероятно, впечатляли как значительные суммы пожертвования, так и его гуманистическая направленность.

Современный исследователь Н.А. Мухортова справедливо отмечает, что сибирские купцы часто выступали инициаторами культового строительства. Мотивацией подобных пожертвований были как заботы о благолепии приходского храма, так и обеты, данные, например, во время болезни. Не совсем типичен был отмеченный автором статьи конфликт между прихожанами и купцами по поводу застройки последними близлежащей к церкви территории. Построить что-либо в городской черте было невозможно без разрешения администрации и предоставления архитектурного проекта постройки⁸⁵¹.

В значительной степени к благотворительности можно отнести расходы западносибирского купечества на финансирование различных мероприятий, которые демонстрировали бы его верность престолу (депутации на коронации, приветственные адреса на торжественные события в императорской семье – рождение детей, свадьбы, тезоименины и т. д.) и в пожертвованиях, которые подчеркивали это. Например, в январе 1850 г. томский купец Шумилов пожертвовал в канцелярию Томского губернского правления портрет государя императора, который и был внесен распоряжением гражданского губернатора в список имущества Общего губернского управления⁸⁵².

Тобольское купечество одним из первых откликнулось на смерть императора Александра II. В корреспонденции из Тобольска об этом сообщалось так: «3 июля 1883 г. была сделана закладка на Благовещенской площади каменной часовни в память мученической кончины в Бозе почившего Государя Императора Александра II. Устроить эту часовню взялись местные купцы, в числе 6-ти человек, на свои частные пожертвования. Составлен был проект, определивший цифру расходов в 5 тыс. руб. Но этот проект был признан заказчиками слишком дешевым и заказан новый

⁸⁴⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2949. Л. 2.

⁸⁴⁹ *Томский листок*. 1897. 13 апр.

⁸⁵⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4251. Л. 43–44.

⁸⁵¹ *Мухортова Н. А.* Роль купечества в жизни городской общины в Сибири (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Материалы XXXIV международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск. 1996. С. 58.

⁸⁵² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 505. Л. 1.

с расходами в 10 тыс. руб.»⁸⁵³ Позднее, в 1892 г., в Томске был открыт сиропитательный дом для призрения покинутых детей и беспомощных круглых сирот на средства, пожертвованные Ф.Х. и А.Н. Пушниковыми в память чудесного спасения царской семьи 17 октября 1888 года⁸⁵⁴.

За крупное пожертвование в 1891 г. томский купец П.В. Михайлов был представлен наследнику престола, будущему императору Николаю Александровичу и получил от него лично свой портрет. Такой чести П. В. Михайлов был удостоен за то, что потратил огромные средства для того, чтобы в сжатые сроки провести внутренние работы в только что отстроенном здании для губернатора, выписать и привезти из Москвы обои, гобелены, портьеры, мебель и другие предметы обстановки и обставить комнаты с привычной для наследника престола роскошью. Вероятно, такой знак признания заслуг томского купца был для него дороже его многих орденов – Святой Анны 2-й и 3-й степени, Святого Станислава 2-й и 3-й степени, Святого Владимира 3-й и 4-й степеней. По решению городской думы его портрет был помещен в здании думы как акт признания его больших заслуг перед городом, в особенности за пожертвования на строительство Троицкого кафедрального собора. Таким образом, западносибирские купцы охотно жертвовали на нужды церкви и на знаки, выражавшие их верноподданнические чувства, так как они вполне соответствовали их мировоззрению и более щедро награждались властями, чем пожертвования на другие нужды.

Одним из поводов для пожертвований западносибирских купцов были нужды народного образования, забота о сиротах и детях бедных родителей. Заметным началом такого рода пожертвований являлся взнос в 1836 г. откупщиками и золотопромышленниками Поповыми 85 тыс. руб. на устройство в Томске Сибирского общественного банка. По уставу этого банка, из процентов с этого капитала и из других доходов необходимо было выделять 2 тыс. руб. ежегодно на содержание в г. Иркутске в Девичьем институте 20 пансионеров, а затем, когда капитал достигал необходимых для этого размеров, завещано было учредить в Томске Девичий институт для содержания 40 пансионеров⁸⁵⁵.

Известными инициаторами и организаторами пожертвований западносибирских купцов на нужды образования были декабристы. Например, в Ялуторовске была основана первая в Западной Сибири школа. Сначала она помещалась в наемных квартирах, но число учениц росло, и в них стало тесно. В 1850 г. вдова известного сибирского миллионера Никиты Мясникова пообещала продать свой дом в Ялуторовске, чтобы вырученные средства пустить на строительство здания женской школы. Несмотря на то, что она долго не присылала доверенность на продажу дома, в июне 1850 г. возведение здания началось и с помощью купца Балакшина в короткий срок было завершено. Балакшин оказывал большую помощь деньгами и материалами другим декабристским школам. Его дочь Анисья работала в рукодельном классе школы в Ялуторовске, а другая дочь, Александра, была там наставницей⁸⁵⁶.

В 1850 г. тюменский первой гильдии купец Кондратий Шешуков пожертвовал для уездного училища здание, которое вместе с отделкой стоило 16500 руб. Именным указом от 3 марта 1853 г. он был за это награжден золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте⁸⁵⁷. Кроме этого, К.К. Шешуков построил в Тюмени здание женского училища. Отметим высокую активность тюменского купечества в развитии там народного образования. По сведениям, собранным Ю.М. Беспаловой, А.И. Текутьев кроме театра, Спасской церкви и городской больницы построил два училища; И.П. Колокольников кроме судостроительного завода построил коммерческое училище; Ф.И. Колмогоров, владелец крупного кожевенного завода, основал и содержал Вознесенскую зареченскую школу; Н.М. Чукмалдин построил и содержал на свои средства училище в родном селе Кулаково, был известен как инициатор многих благотворительных и просветительских начинаний; И.И. Игнатов, крупный пароходовладелец, основал народное училище и бесплатную

⁸⁵³ Восточное обозрение. 1883. 4 авг.

⁸⁵⁴ Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Томск, 1904. С. 86.

⁸⁵⁵ Памятная книжка Томской губернии на 1885 г. ... С. 48.

⁸⁵⁶ Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске. Мировоззрение и деятельность. Новосибирск, 1989. С. 47, 52.

⁸⁵⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2883. Л. 10, 36.

библиотеку⁸⁵⁸. Гордостью тюменцев, по мнению Н.М. Ядринцева, являлось реальное училище, построенное на пожертвования купца Подаруева. «В самом деле, – восклицал он, – училище это одно из отрадных явлений в сибирской жизни даже среди других учебных заведений. Оно стоило порядочных денег, но зато образцово»⁸⁵⁹.

В промышленно развитом Тюменском округе начальное общее и специальное образование было необходимо для пополнения квалифицированной рабочей силы. Исследователи отмечают дальновидность купцов, которые понимали, что без внедрения новых технологий, без развития путей сообщения и увеличения материального благосостояния края у них уменьшится рынок сбыта и ухудшатся их коммерческие дела. Немаловажным побудительным мотивом разного рода жертвований сибирских купцов был уже назван местный патриотизм⁸⁶⁰.

Крупным жертвователем на нужды народного образования был томский купец И.А. Еренев. Он построил в Заозерном предместье, где у него были кожевенные заводы, два приходских училища, был в них почетным блюстителем и брал все расходы по их содержанию на себя⁸⁶¹. После того как дела у него пошли не совсем успешно и нести большие расходы по содержанию училищ стало тяжело, он передал их со всей обстановкой городу. Кроме того, он пожертвовал дом на Елани для параллельных классов женской гимназии⁸⁶².

Томская городская дума, состоящая преимущественно из местных купцов, понимала важность образования для города и тратила на него значительную часть своего бюджета: из 170 тыс. руб. бюджетных средств города на нужды школ и училищ шло 40 тыс. руб. По мнению хорошо информированного корреспондента, по сравнению с другими сибирскими городами это были значительные расходы⁸⁶³.

Специальную школу с образцовыми фермами и полями открыл вблизи Томска купец И.Ф. Каменский. Происходил он из известного торгового дома Каменских, которые основали свою фирму по торговле и транспортировке кладей сначала в Перми, а потом расселились по другим городам Сибири. В Томском округе И.Ф. Каменский создает земледельческую школу, истратив на нее около 40 тыс. руб. Затем он переехал в Кульджу (Китай), где попытался наладить широкий товарообмен между Россией и Китаем. Там он заболел и умер, а все его имущество было распродано⁸⁶⁴.

Широкую известность в Сибири получило созданное П.И. Макушиным «Общество попечения о начальном образовании в Томске». В кассу этого общества поступали средства от благотворительных концертов, балов, базаров, лекций и других мероприятий подобного рода, пожертвования и товары от томских купцов. Например, П.В. Михайлов, пожертвовал 704 аршина сукна «на постройку теплых пальто беднейшим из учащихся городских приходских школ»⁸⁶⁵. Пожертвованием можно назвать передачу братьями Королевыми в думу 3 тыс. руб. с условием, что на эти деньги городская управа приобретет «все необходимые для начальных городских училищ книги и пособия и устроит при каждой из 13 школ продажу оных, возложив на учителя или учительницу обязанность продавать учащимся те пособия по цене покупки с наложением только расходов по доставке»⁸⁶⁶. Не понятно только, как учителя должны были распорядиться вырученными от продажи книг деньгами: возвращать их Королевым или пускать на нужды образования.

Газеты 1880-х гг. сообщали о том, как местная администрация стимулировала у местных предпринимателей тягу к благотворительности. Например, летом 1883 г. при закладке здания для общежития студентов Сибирского университета был устроен торжественный завтрак, на ко-

⁸⁵⁸ Беспалова Ю.М. Указ. соч. С. 16.

⁸⁵⁹ Восточное обозрение. 1886. 17 июля.

⁸⁶⁰ Дамешек Л.М., Зимица В.Ю. Традиции благотворительности сибирского купечества в XIX – начале XX вв. // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. II, Челябинск, 1995. С. 185.

⁸⁶¹ Сибирь. 1877. 4 дек.

⁸⁶² Сибирская жизнь. 1899. 4 марта.

⁸⁶³ Восточное обозрение. 1885. 14 марта.

⁸⁶⁴ Там же. 1882. 16 дек.

⁸⁶⁵ Сибирская газета. 1884. 11 нояб.

⁸⁶⁶ Там же. 1883. 22 мая.

тором директор Томской классической гимназии произнес речь о пользе образования. Заключил он ее призывом помочь строительству нового здания гимназии. Его поддержал только что прибывший в Томск губернатор И.И. Красовский и предложил тост за попечителя гимназии Е.И. Королева. «Тост, предложенный за него, – пишет корреспондент, – имел деликатную форму вызова Королеву помочь гимназии. Но почтенный попечитель деликатного намека не понял. Тогда намеки стали более прозрачными и переросли во взаимовыгодные предложения, и Королев пожертвовал 1500 руб. на выведение гимназии из затруднительного положения. На эти деньги был нанят верхний этаж в доме Гуляевой для учеников второго и третьего классов, которым негде было заниматься»⁸⁶⁷.

По подсчетам статистиков, в Сибири в разное время число кабаков, питейных домов и трактиров в десятки раз превосходило число начальных школ. Усилия по захвату монополии в винокурении не шли ни в какое сравнение с усилиями по распространению просвещения. Отметим редкий для Томской губернии факт, когда купчиха Хотимская пожертвовала здание для школы в Киреевске, где у нее был винокуренный завод, а также учебные столы, скамьи, шкафы для книг, учебники и другие пособия. Крестьяне Киреевска, в свою очередь, общественным приговором, определили довольно высокое для учителя жалованье – 300 руб. в год⁸⁶⁸.

Курьезный случай произошел в Бийске с одним из местных жертвователей. Купец С-в (так его фамилию зашифровали в газете, а скорее всего это М.С. Сычев) для того, чтобы получить медаль, на свои средства построил школу и передал ее через городскую думу в пользу города. «Дума, конечно, принимает дар и благодарит жертвователя русским “спасибо”. “Но, а медаль?!” – вопрошает всюду жертвователь и узнав, что для получения медали нужно было передать здание не городу, а Министерству народного просвещения, обращается в думу с просьбой вернуть ему прежнее его заявление!»⁸⁶⁹.

Среди томских купцов выделялся размерами своих пожертвований в пользу образования, причем не только начального, но и высшего, З.М. Цибульский. Вот наиболее значительные его пожертвования: 15 тыс. руб. на окончание строительства реального училища в Томске, 18 тыс. руб. на стипендии в различные учебные заведения, 40 тыс. руб. на фундамент Сибирского университета и 100 тыс. руб. на завершение его строительства⁸⁷⁰. Цибульские содержали Марининский детский приют, доведя его капиталы до 130 тыс. руб.

И все-таки даже такие огромные пожертвования Цибульских, что было большой редкостью для Сибири, были в несколько раз меньше пожертвований на эти цели иркутского купца и пароходчика И.С. Хаминова, который «на нужды учебного и просветительского дела» завещал около 1 млн руб.⁸⁷¹ Современное исследование сибирской благотворительности показывает, что предприниматели Восточной Сибири были во много раз щедрее на пожертвования ради науки и просвещения, чем купцы Западной Сибири. Например, А.М. Сибиряков пожертвовал около 400 тыс. руб. на Высшие женские (Бестужевские) курсы, учредил премии за исторические сочинения о Сибири. Выплачивали стипендии в столичных вузах И.П. Кытманов, П.И. Кузнецов, Сибиряковы, Ю.И. Баландина и другие. Из западносибирских купцов только З.М. Цибульский пожертвовал 43 тыс. руб. и И.И. Некрасов 12 тыс. руб. в стипендиальный фонд Томского университета⁸⁷². Близкими по своей сути к пожертвованиям на народное образование была благотворительность на содержание детских приютов.

Например, в Томске один из приютов был открыт на средства западносибирского купца-золотопромышленника А.И. Попова. Затем этот приют опекала жена золотопромышленника А.П. Асташева, обеспечивая его всем необходимым. Сам И.Д. Асташев пожертвовал на приют каменный двухэтажный дом с землей и строениями и увеличил капитал приюта с 10 до 30 тыс. руб. З.М. Ци-

⁸⁶⁷ Восточное обозрение. 1883. 1, 15 сент.

⁸⁶⁸ Сибирская газета. 1881. 12 июля.

⁸⁶⁹ Восточное обозрение. 1883. 12 мая.

⁸⁷⁰ Там же. 1888. 22 июля.

⁸⁷¹ Сибирский вестник. 1904. 17 апр.

⁸⁷² Мешалкин П.Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX вв. Красноярск. 1997. С. 25–26.

бульский не только обеспечивал приют всем необходимым, но и расширил программу обучения до объемов курса сельских училищ. После смерти З.М. Цибульского в 1882 г. попечительство над Мариинским детским приютом продолжила его вдова. В приюте было до 100 детей, из которых 20 жили в приюте постоянно на полном обеспечении, а остальные приходили. После открытия в Томске приюта для мальчиков сюда принимали только девочек на полный пансион (60 чел.). Программа обучения была расширена до размеров курса сельских училищ. Всего Цибульские пожертвовали на этот приют 143 тыс. руб., он располагался в собственном каменном двухэтажном доме и имел еще особый капитал, который образовывался от заработков воспитанниц и выдавался им после выхода из приюта⁸⁷³.

Приют братьев Королевых был основан в 1874 г. и рассчитан был на 25 мальчиков, которые обучались по программе приходских училищ и после 12 лет отдавались родственникам или поступали в ремесленное училище. Всего Королевы с 1872 по 1894 гг. «издержали» на содержание приюта свыше 90 тыс. руб. Приют помещался в «обширном трехэтажном доме, в местности, изобилующей садами, и представлял все удобства для содержания детей».

Мариинский сиропитательный приют был основан супругами Пушниковыми в память чудесного спасения императора и его семьи во время крушения царского поезда 17 октября 1887 г. Они пожертвовали на этот приют свой дом и несли основные расходы по содержанию приюта. Кроме Пушниковых, томский купец С.С. Валгусов брался содержать в этом приюте 10 детей, А.Н. Пастухов, Я.И. Акулов и И.М. Некрасов гарантировали содержание за свой счет по 2 ребенка из расчета 40 руб. в год на каждого. Остается добавить, что в приют принимались только младенцы-подкидыши, и с 23 января 1893 г. (момент открытия приюта) до 1 января 1895 г. поступило их 103, из них умерло 83, отдано на воспитание 2, а остальные содержались в приюте⁸⁷⁴.

С начала 60-х гг. XIX в. при тюремном комитете существовал детский приют, в котором на 1 января 1881 было 80 детей. Главными жертвователями в то время были: почетные граждане Бийска А.В. Соколов – 5 тыс. руб. и А.Ф. Морозов – 1 тыс. руб., томские первой гильдии купцы А.Н. Пастухов – 5 тыс. руб., Н.Н. Вяткин – 5 тыс. руб., Ф.Х. Пушников – 5 тыс. руб. Кроме того, изъявили желание вносить ежегодно по 250 руб. Д.Н. Сухов (из Барнаула), И.Л. Фуксман, Я.И. Петров и Ф.Н. Манасевич⁸⁷⁵. С 1869 г. этот приют стал называться Владимирским после посещения его великим князем Владимиром Александровичем. Там содержались как дети арестантов, находившихся в томских тюрьмах, так и дети бедных и неспособных к труду родителей. Дети могли там находиться до 15–16 лет и обучались чтению, письму, Закону Божию, русскому языку, арифметике, географии – в объеме начальных народных школ, а также рукоделиям, сапожному и переплетному мастерству. Когда заканчивалось время пребывания в приюте, детям выдавались пособия до 50 руб. В последующем заботы по содержанию приюта взяли на себя томские купцы С.П. Петров и П.В. Михайлов. Они же построили за свой счет новый дом с надворными постройками.

Заметное место в народном образовании Томска занимало ремесленное училище. О подготовке к его открытию и о начале его работы было много заметок в периодической печати того времени. Все заслуги в этом деле приписывались супругам Королевым. Однако было бы несправедливо забыть имена других представителей томского купечества, которые задумали и начали сбор средств на ремесленное училище. Оказывается, что еще в 1865 г. купеческая жена Т.П. Акулова подала в городскую думу предложение об устройстве в городе ремесленного училища и сделала первый взнос на него в размере 250 руб. На следующий год макарьевский первой гильдии купец А.С. Калинин-Шушляев завещал на это училище 12 тыс. руб.⁸⁷⁶ В дальнейшем идею устройства в Томске ремесленного училища подхватили и выделили необходимые для этого средства супруги Королевы. Газетная хроника позволяет детально проследить этапы рабо-

⁸⁷³ Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России с подробным подорожником. Томск. 1895. С. 42–43.

⁸⁷⁴ Долгоруков В.А. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России с подробным подорожником. Томск. 1895. С. 42–43; *Сибирская газета*. 1887. 5 апр.

⁸⁷⁵ *Сибирская газета*. 1881. 4 окт.

⁸⁷⁶ *Сибирская газета*. 1881. 1 ноября.

ты по открытию училища в Томске. 22 марта 1882 г. на заседании городской думы проходило обсуждение вопроса о пожертвовании Е.И. Королевым средств на ремесленное училище. Все пункты были приняты, кроме одного: жертвователю предлагалось назвать училище именем почетных граждан Евграфа и Евпраксии Королевых. Но дума еще раньше решила назвать его именем императора Александра II. В октябре того же года дума отправила ходатайство о присвоении Томскому ремесленному училищу имен их учредителей – Евграфа и Евпраксии Королевых. Ответ на это ходатайство пришел положительный, и в дальнейшем ремесленное училище называли Королевским. «Сибирская газета» 27 февраля 1883 г. сообщала: «Со вчерашнего дня Томское ремесленное училище начало свое официальное существование». Училище существовало на проценты с пожертвованного Королевым капитала в 35 тыс. руб. и на отпускаемые в первые пять лет по 2 тыс. руб. в год. К концу первого учебного года в училище обучалось 27 чел., из них 22 чел. было окончивших курс приходских училищ⁸⁷⁷. Всего же училище могло принять 60 чел., принимались мальчики с 12 лет, окончившие курс приходского училища, обучение было рассчитано на 3 года. В дальнейшем Королевы заботились об обеспечении училища всем необходимым, в том числе топливом, инструментами и оборудованием. В совет училища входили видные купцы города – А.Е. Кухтерин, Н.А. Молчанов и некоторые другие, которые также оказывали ему помощь.

В конце XIX в. купечество уже отчетливо понимало важность для коммерции специального образования и начинает организованный сбор средств для открытия в Томске коммерческого училища. Для этого постановлением купеческого собрания было принято решение с каждого выбранного в городе купеческого свидетельства первой гильдии собирать 15 руб. в фонд строительства будущего училища, а со свидетельства второй гильдии – 6 руб. в год⁸⁷⁸.

Благотворительность купечества коснулась многих других сторон жизни Западной Сибири. В их числе было обеспечение жителям крупных городов условий для достойного проведения досуга. Прежде всего, речь идет о строительстве театра. Конечно, его возведение и дальнейшее финансирование его работы нельзя отнести к благотворительности в чистом виде, но и какого-либо дохода от работы театра ждать не приходилось. Купцы некоторых городов любили не только смотреть драматические представления, но и участвовать в любительских спектаклях. Это коснулось, прежде всего, тюменских и красноярских купцов и членов их семей.

«К числу отрадных фактов, – отмечал корреспондент "Сибирского листка" из Тюмени, – следует отнести устройство у нас почтенным А.И. Текутьевым очень миленького театра. Это делает тем более чести г. Текутьеву, что им руководили не любостыжательские цели, а бескорыстное желание доставить тюменцам возможность к получению благородных развлечений, которые, среди преобладающего господства низменных стремлений и грубой погони за наживой, не могут не действовать благотворным образом на смягчение наших нравов. При открытии театра тюменцы были настолько преисполнены искренней благодарностью устройтелю, насколько тронуты его благородной скромностью»⁸⁷⁹.

Гораздо сложнее, чем в Тюмени, происходило строительство театра в Томске. Сначала хотела построить театр на свои средства группа томских купцов, ассигнуя на это 30–35 тыс. руб. В ее состав входили известные городу люди: А.Н. Пастухов, С.С. Валгусов, Я.И. Акулов, Ф.Х. Пушкин. Они уже подготовили для него место, стали заготавливать материалы для строительства, когда Е.И. Королев пожелал один построить театр, по размерам несколько больший, за 50 тыс. руб. Дума пошла ему навстречу и предложила бесплатно место на набережной Томи, где большую площадь занимал Конный базар. Однако выбрано было другое место – против дома Цибульских, где прежде находилась городская кузница⁸⁸⁰. Здание театра было быстро построено, и желчный автор фельетонов в «Сибирском вестнике» Щукин не мог скрыть своего восхищения Е.И. Королевым, который построил первый частный каменный театр в Сибири, не рассчитывая на большие

⁸⁷⁷ Там же. 1882. 27 марта; 17 окт.; 1884. 26 авг.

⁸⁷⁸ *Томский листок*. 1897. 29 марта.

⁸⁷⁹ *Сибирский листок*. 1891. 10 янв.

⁸⁸⁰ *Сибирская газета*. 1884. 19 февр.

барыши. Постройку театра в Томске он называл «общественной заслугой» Королева. В то же время Щукин отмечал нетипичное для театра поведение купечества: «Идет на сцене трогательное излияние чувств, а в ложе бельэтажа пьют квас и вместе с трагическим шепотом актрисы слышится глухой треск откупориваемой бутылки»⁸⁸¹.

К числу крупных пожертвований на развитие культурного досуга жителей Томска следует отнести строительство на свои средства С.С. Валгусовым городской бесплатной библиотеки. В апреле 1886 г. потомственный почетный гражданин С.С. Валгусов заложил первый камень в фундамент этого здания, а 27 сентября 1887 г. было произведено его освящение. Присутствовали начальник губернии генерал Лакс, вице-губернатор Н.Н. Пастухов, попечитель учебного округа В.М. Флоринский, городской голова Е.И. Королев и другие. Однако преобладал «люди серый», то есть простой народ. На торжественном обеде в честь этого события была объявлена подписка на книги для библиотеки и пожертвовано около 200 руб. Была издана также брошюра с портретом С.С. Валгусова и видом здания, средства от продажи которой пошли также на приобретение книг⁸⁸². Пожертвование С.С. Валгусова было в одном ряду с пожертвованиями других сибирских купцов, которые, не имея возможности сами получить хорошее образование, ценили и любили книжное дело, старались шире распространить знание, стимулировать написание новых книг⁸⁸³. Отметим, что Степан Валгусов и раньше был активен в общественных делах города. В 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири, «приняв во внимание засвидетельствование томского городского общества об усердном происхождении томским второй гильдии купцом Валгусовым общественных должностей, изложенных в похвальном листе», подтверждает его право на то, чтобы считаться купцом степенным. Томский полицмейстер ему об этом объявил. Позднее, как уже отмечалось выше, за крупные пожертвования в фонд императрицы Марии Федоровны С.С. Валгусов был пожалован синим мундиром с белыми брюками, что было несколько комично видеть на маленькой кругленькой фигуре купца с «хитрой, типично остяцкой физиономией». Все это, однако, не подвергает сомнению и не преуменьшает созидательной и благотворительной деятельности представителей купеческого рода Валгусовых в Томской губернии.

Обзор фактов благотворительности купечества Западной Сибири может быть продолжен. Подобные списки можно составить по другим городам Сибири, где купечество не менее активно жертвовало средства на общественные нужды. Различия могло быть только в суммах пожертвований – в больших и богатых городах они были более значительны, чем в небольших и бедных. Однако объемы монографии не позволяют сделать всеохватывающую характеристику благотворительности сибирского купечества.

Из анализа изложенных в данном разделе фактов можно сделать некоторые выводы. Благотворительность купечества была сложным общественным явлением и имела моральную, материальную и психологическую мотивацию. Быть богатым по православной традиции считалось не столь почетно, как это было в западном протестантизме. Поэтому богатый должен был делиться с ближними своим достатком, не отрываться от своей общины и делать разного рода пожертвования для пользы своего коммерческого предприятия. Милосердие стало одной из основ коммерческой морали: обмануть не считалось грехом, сплутовать в торговой сделке – тоже, но не подать милостыню, не помочь нуждающемуся считалось по традиции грехом.

Многие пожертвования были следствием глубокой религиозности купцов. Этот вывод подкрепляется еще и тем, что в наследстве многих купцов, как правило, обнаружены списки разных икон, драгоценных окладов и складней, книг духовного содержания. Купцы регулярно посещали церковь, были церковными старостами большинства храмов своих городов, духовно были близки своим священникам и руководителям епархии.

Одним из мотивов благотворительности было во многом ущемленное властями и социально-политической обстановкой честолюбие и тщеславие. Через благотворительность они могли как-то компенсировать свое приниженное по сравнению с дворянами и чиновниками положение. Полу-

⁸⁸¹ *Сибирский вестник*. 1885. 26 сент.

⁸⁸² *Восточное обозрение*. 1887. 27 сент.

⁸⁸³ Там же. 1884. 20 мая.

ченные в результате благотворительности ордена и почетные звания также играли свою положительную роль в стимулировании пожертвований со стороны купечества.

Для купечества Западной Сибири важно было остаться в глазах людей добрыми и щедрыми мирянами-единоверцами, хорошими хозяевами, которые и своей выгоды не упустят, но готовы и поделиться своим богатством. Западносибирские купцы хотели оставить образцовые, с их точки зрения, по добротности и красоте здания не только своим потомкам, таким же образом строили дома для обездоленных – приюты, богадельни, сиропитательные дома, а также училища, школы и т. д. Кроме этого, они завещали большие суммы денег для раздачи бедным и нуждающимся, на поминавание завещателя и его родных, на нужды учебных и иных заведений. Однако благотворительность купечества была не в состоянии кардинально улучшить жизненные условия большинства населения края. Нищету и отсталость таким образом ликвидировать трудно, и нигде в мире благотворительность не дала таких впечатляющих результатов, чтобы связывать с ней надежды на улучшение жизни.

В целом характеристика менталитета западносибирского купечества не исчерпывается анализом его религиозности, образованности и общественной деятельности. Самосознание купечества было сформировано на основе традиционного русского менталитета, который вырабатывался длительное время (в течение веков) и представлял собой целый комплекс культурно-исторических особенностей русского национального характера. До конца XVIII в. западносибирскому купечеству были присущи традиционные, преимущественно крестьянские, черты общерусского менталитета. В XIX в. происходит активный процесс модернизации России и отдельных ее регионов. На общественное сознание западносибирского купечества все большее влияние оказывают новые, рационалистические ценности, которые вводятся через системы образования и воспитания, печать и общение. Распадается былая тотальность сознания, разрушается механизм передачи преданий и традиций. Старые традиции становятся преимущественно уделом пожилых людей, а новое поколение ориентируется на ценности, которые имеют даже не российское, а европейское или американское происхождение. Если в начале изучаемого периода западносибирские купцы были носителями консервативных отношений, строго следовали религиозным догмам и принципам сословности, то в конце XIX в. купечество Западной Сибири эволюционировало в сторону большей свободы, демократичности и открытости, что придавало его менталитету черты буржуазности. Однако замедленный по сравнению с Европейской Россией темп социально-экономического развития общества долго сохранял в самосознании западносибирского купечества многие черты традиционного купеческого менталитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование купечества Западной Сибири представляло собой сложный, многогранный процесс, который протекал в русле социально-экономического и общественно-политического развития западносибирского региона, Сибири в целом и, в конечном счете, всей России. На основе анализируемых в данной работе материалов можно сделать вывод о том, что в течение изучаемого периода купечество концентрировало в себе наиболее активных и предприимчивых членов общества, отсеивая постепенно людей случайных, несостоятельных и малосостоятельных, которые приписывались в купечество для получения различных сословных льгот. В конце XVIII – начале XIX в. купечество Западной Сибири смогло выделиться из разных сословий региона не только по профессиональному признаку, но и сформироваться в самостоятельную социальную группу. Обособление западносибирского купечества завершилось в середине XIX в., и во второй половине века начался процесс размывания сословных перегородок, отделявших купечество от других слоев населения. Происходило активное проникновение в региональное купечество наиболее предприимчивых представителей крестьянства и городских слоев населения, и купечество постепенно превращалось в ядро формирующейся местной буржуазии.

По своей численности купечество являлось малой частью городского населения (всего 2–4 % в течение XIX в.), оказывавшей, однако, сильное влияние на все стороны городской и региональной жизни. Численность западносибирского купечества зависела от политики правительства в области налогообложения, от экономической конъюнктуры в регионе и в стране в целом, от общей социально-экономической и политической ситуации в стране. Подавляющее большинство купцов проживало в крупных городах Западной Сибири, но концентрация купечества была здесь менее значительна, чем в крупнейших городах страны, особенно в Москве и Петербурге. Купеческие капиталы в Европейской России были в среднем в два раза крупнее, но западносибирские купцы превосходили российских в скорости обращения своих капиталов, более активно вели торговлю за счет кредита. Насчитывая в своих рядах около 2 % всех купцов страны, купечество Западной Сибири занимало видное место среди купцов других ее регионов.

Западносибирское купечество на протяжении изучаемого периода теряло свою национальную и социальную однородность и включало в свои ряды сначала торговцев из татар, а затем предпринимателей из евреев, поляков, немцев, представителей аборигенных народов и становилось пестрым по своему этническому составу. В начале XIX в. купцы, разбогатевшие в Западной Сибири с помощью правительства через систему откупов, подрядов, разного рода монополий и льгот, не всегда обладали личными качествами, которые бы определяли их победу в суровой экономической борьбе. Поэтому они часто в ней погибали, или дело разваливали их наследники. Отсутствие купеческих династий, которые продержались бы в экономике региона на протяжении всего изучаемого периода, является одной из особенностей западносибирского купечества. В то же время во второй половине XIX в. закладываются более прочные, чем это было раньше, основы для формирования здесь крупных многоотраслевых капиталов, которые были базой для образования многопоколенных купеческих династий.

В конце XIX в. вырисовывается основной костяк местного купечества, который включал в себя около четверти всех купцов и являлся основой для формирования здесь буржуазии. Однако в регионе не произошло полного отделения торговли от промышленности и транспорта, и поэтому сложился характерный для Западной Сибири тип торгово-промышленной буржуазии. Пополнение отряда промышленников происходило из числа крупных торговцев и владельцев транспортных фирм, которые только расширяли сферу своей предпринимательской деятельности. Процесс проникновения торгового капитала в промышленность был обусловлен постепенной потерей им монопольного положения в товарообмене и транспортировке грузов и в силу этого уменьшением прибыли от торговли и транспорта. Именно поэтому купцы вынуждены были искать новые источники сохранения и увеличения прибыли и находить их в промышленности, паромных перевозках, добыче золота и других отраслях хозяйства.

На всем протяжении изучаемого периода торговый капитал в регионе оставался господствующим. По сумме капиталовложений и прибылей с них в городах Западной Сибири преобла-

дали торговцы. Это была наиболее консервативная часть купеческого предпринимательства. Его основу составляли массовые закупки промышленных товаров в Европейской России и торговля ими в Западной Сибири. Осуществлялась она преимущественно крупными оптовыми торговцами, которые передавали часть закупленных товаров десяткам мелких купцов, которые их продавали или выменивали на сельскохозяйственное сырье у населения. Большинство торговых операций проводилось в кредит, что позволяло увеличить прибыль от торговли, которая была невысокой из-за медлительности торговых оборотов.

В области кредитования западносибирское купечество прошло сложный путь от взаимного купеческого кредита деньгами, товарами, услугами (транспортные перевозки, например) до ростовщичества с высокими процентами кредита, которые являлись главной причиной кабальной зависимости должника от кредитора. Состояние местного кредита не могло обеспечить потребности западносибирских купцов в заемном капитале. Банки кредитовали прежде всего те отрасли хозяйства, которые могли обеспечить высокий процент прибыльности вложенного в них капитала и характеризовались высокой концентрацией капитала.

Основной формой организации купеческого капитала в промышленности была все еще мануфактура, где промышленный капитал был тесно связан с торговым. Однако в некоторых отраслях обрабатывающей промышленности (винокурение и мукомольное дело) накануне проведения Сибирской железной дороги промышленный переворот был в основном завершен. Аналогичные процессы протекали и в речном транспорте, где к этому времени грузы в основном перевозились на пароходах, а их владельцы делали попытки объединиться в монополии. Происходит постепенная концентрация производства и в золотопромышленности.

Промышленный переворот в перечисленных отраслях хозяйства Сибири сопровождался, как правило, увеличением концентрации средств производства, укрупнением отдельных предприятий и, как следствие этого, возникновением ранних монополий. Общие закономерности капиталистического производства были те же, что и по всей России, но функционирование в экономике края докапиталистических элементов, наличие в больших размерах мелкого и среднего капиталистического производства во многом определяли замедленные темпы перехода сибирской промышленности от мануфактуры к капиталистической фабрике. В отношениях между владельцами промышленных заведений и рабочими господствовали достаточно жесткая зависимость рабочего от хозяина, который и определял размеры заработной платы, как правило, низкой, длину рабочего дня, обычно продолжительного и ненормированного, не заботился об улучшении условий труда на своих предприятиях.

История формирования западносибирского купечества и возникновения на его основе региональной буржуазии показывает, что большинство предпринимателей были незаурядными по волевым и интеллектуальным качествам личностями. Основой их деятельности, главным мотивом и целью их жизни было стремление к обогащению. С точки зрения самих предпринимателей страсть к обогащению являлась естественной и вполне оправданной. Без стремления к расширению своего дела не могло быть и речи о выживании купечества как сословия в трудной для предпринимательства социальной и политической ситуации XVIII–XIX вв.

Купечество Западной Сибири в течение первой трети XIX в. постепенно отходило от народных традиций и обычаев, обособливалось от крестьян и мещан по сословным признакам, вырабатывало свои социальные и ценностные ориентации, нормы поведения и образ жизни. Вторая треть века является периодом становления и развития сословных качеств и социокультурной ориентации купечества, оформления оригинального купеческого самосознания. В пореформенный период в западносибирском купечестве можно выделить два поколения: старшее, родившееся в 30–40-х гг., и младшее, родившееся в 60–70-х гг. Общие черты этих двух поколений определялись характером их деятельности, общностью сословного менталитета. Однако в конце XIX в. проявлялись особенности этих двух поколений, которые определялись разницей в образовании и воспитании, различными общественно-политическими условиями, влиявшими на формирование социально-психологического облика западносибирского купечества. Например, старшее поколение купцов играло пассивную роль в общественной жизни, уступая инициативу представителям бюрократии, дво-

рянства и интеллигенции. Младшее поколение было подготовлено к тому, чтобы играть более активную и независимую, а иногда и ведущую роль в жизни региона.

В последнюю треть XIX в. происходит размывание прежних сословных границ, купечество становится ядром буржуазии, осознает свою ведущую роль в обществе и закладывает фундамент своего будущего господства. В этот период происходит формирование основных купеческих династий, которые естественным образом перерастают в буржуазные. Происходит активное впитывание купечеством западносибирских городов российского и мирового опыта предпринимательства в торговле, транспорте и промышленности. В основном в это время определяются главные черты буржуазно-купеческой психологии и менталитета. В течение века, на протяжении жизни трех поколений, происходит становление, развитие и обособление купеческого самосознания, а затем начинается его растворение в формирующемся менталитете региональной буржуазии.

В целом деятельность западносибирского купечества в изучаемый период ориентирована на созидание материальных и духовных ценностей, на установление разумных с точки зрения делового человека отношений. Поэтому естественно стремление купцов к накоплению материальных богатств, к строительству роскошных жилых и капитальных производственных помещений, к оформлению своих личных капиталов в семейные и династические. Однако процесс консолидации купечества, а потом и буржуазии в единую социальную группу с самостоятельной и господствующей в обществе социальной ориентацией, со своими стереотипами общественного поведения протекал замедленно. Не была выработана система собственно буржуазных ценностных ориентаций, менталитет купечества еще не освободился от стремления подражать в общественном поведении дворянству в лице местных чиновников, или были сильны остатки зажиточного крестьянского уклада.

Верхушка западносибирского купечества традиционно была близка к местному чиновничеству. Такая неформальная близость позволяла им влиять на работу местного бюрократического аппарата в своекорыстных целях. Отсутствие контроля над местными чиновниками со стороны центральных и местных властей, формирование чиновничества из людей плохо подготовленных и нечестных, плохое материальное обеспечение чиновников на низших должностях – все это являлось причиной чиновничьего произвола, причиной коррумпированности властных органов. Взятками, подкупом и иными, более изощренными, способами купечество Западной Сибири могло заниматься накоплением капиталов в самых грубых и примитивных формах.

С ростом торгово-промышленного значения западносибирского региона расширялся круг вопросов, которые могли решить городские думы, где подавляющее большинство гласных было из купечества. Под влиянием купцов в думах принимались решения о городском благоустройстве и строительстве общественных зданий. Однако работа избранных в городские думы купцов отличалась пассивностью. Главной причиной отсутствия активности и дисциплины западносибирского купечества в работе городских дум являлось то, что органы городского самоуправления имели право вырабатывать решения и издавать постановления, но не располагали ни юридической, ни фактической возможностью настоять на их исполнении.

Во многом проблемы западносибирских городов решались за счет щедрой купеческой благотворительности. Местные предприниматели благодаря пожертвованиям укрепляли свои позиции в обществе, обретая имя и авторитет, налаживали тесные связи с местной администрацией, которая после этого могла смотреть снисходительно на их не совсем законную деятельность, попутно делала рекламу себе, своим товарам и предприятиям. Анонимная благотворительность среди купцов практически отсутствовала. Идеалы православного христианства трудно совмещались с профессиональной деятельностью купца, и набожные купцы через благотворительность старались обрести внутренний покой, заглушить угрызения совести и замолить свои грехи. Нельзя исключить и искреннего желания части купцов удовлетворять общественные нужды за свой счет, но такие случаи были исключениями в общей практике благотворительности.

Благотворительность западносибирского купечества в качестве составной части включена в структуру его менталитета. На протяжении изучаемого периода в сознании купечества происходил переход от веры в удачу и «божье благословение» к точному расчету. В своей коммерческой дея-

тельности купцы отказывались от эмпиризма и переходили к практике рационализма, то есть к прогнозированию и планированию своих предпринимательских операций. Условия материальной жизни привели к формированию у западносибирского купечества безусловной преданности делу, своеобразных представлений о роли образования и религии в их жизни. Роскошь в их жизни имела показательный и знаковый характер, так как излишества не противоречили установке на расчетливость, экономию средств и даже скупость.

Приведенные в данной монографии сведения и сделанные на их основе выводы показывают, что купечество Западной Сибири принимало активное участие в становлении новых буржуазных отношений в регионе. Его роль заключалась в том, чтобы в условиях феодального общества с господством аграрных отношений сформировать сословие собственников-купцов, которые бы продвигались по пути формирования класса индустриального общества – буржуазии. Классический процесс разложения аграрного населения на собственников и работников в Западной Сибири развернулся лишь после 1861 г. Анализ многосторонней деятельности купечества во второй половине XIX в. показывает, что в этот период происходил процесс активного размывания сословных рамок западносибирского купечества и превращения его в класс буржуазных собственников. Обособление их происходило уже не на основе сословного законодательства, а на базе реального капитала, вложенного в различные отрасли хозяйства Западной Сибири.

Перспективы изучения данной проблемы заключаются в еще более детальном освещении роли купечества Западной Сибири в развитии различных отраслей хозяйства региона, прежде всего торговли, роли купцов в общественной и культурной жизни региона. Немаловажным обстоятельством, которое позволит еще более точно и детально рассмотреть многие социально-экономические процессы, протекавшие в регионе, является изучение биографий отдельных представителей купечества. Перспективным направлением в изучении западносибирского купечества и формировавшейся в XIX в. сибирской буржуазии является более полный и подробный анализ причин политической вялости и безынициативности, слабости и нерешительности российской буржуазии в целом и отдельных ее региональных отрядов, которые привели ее к поражению в политической борьбе начала XX в. и уничтожению ее как класса. Возрождение в конце того же века отечественного предпринимательства и соответствующих ему норм морали и поведения должно, на наш взгляд, сопровождаться еще более глубоким и интенсивным изучением поставленных здесь проблем, чтобы извлечь из прошлого полезный для общества урок и избежать многих ошибок и губительных заблуждений.

Список купцов Западной Сибири в 1775-1898 гг.*

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы второй гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1775 г.					
1	Губинский Иван Васильевич	53	Купеч.	Торговля в Кяхте и Иркутске	Михаил, Кирилл
2	Даниловский Афанасий Иванович	34	Купеч. (Шуя)	Торговля, кредит	–
3	Протопопов Михаил Матвеевич	38	Крест.	Торговля скотом	Марья
4	Пырсигов Андриян Григорьевич	–	Крест.	Торговля	–
5	Степанова Пелагея	–	Купеч.	Торговля	Петр, Дмитрий, Иван, Алексей
6	Федосеев Семен Иванович	–	–	–	–
7	Харин Иван Ефимович	–	Купеч.	Торговля	–
8	Шумилов Петр Федорович, братья Степан и Матвей	33	Купеч.	Торговля, казен. подряды	–
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1775 г.					
1	Анучин Андрей Данилович	–	Мещан.	–	Семен, Иван
2	Бадашков Афанасий Семенович	–	Казацкое	Торговля	–
3	Базанов Петр Иванович	–	Крест.	–	–
4	Базанов Филипп Дорофеевич	–	Крест.	–	–
5	Бараевский Андрей Алексеевич	–	–	–	–
6	Барковский Федор Афанасьевич	–	–	–	Федор, Иван
7	Басалаев Петр Гаврилович	–	–	–	7 сыновей
8	Балин Николай Иванович	–	–	–	Тимофей
9	Боков Иван	–	–	–	–
10	Боков Дмитрий Иванович	–	Купеч.	–	–
11	Бубнов Алексей Яковлевич	–	–	–	6 сыновей
12	Бубнов Захар Алексеевич	–	Купеч.	–	–
13	Вершинин Иван Осипович	–	Мещан.	–	–
14	Вершинин Семен	–	–	–	–
15	Вершинин Алексей Петрович	–	–	–	–
16	Власов Алексей Алексеевич	–	–	–	–
17	Власов Иван Алексеевич	–	–	–	–
18	Галактионов Степан	–	–	–	Андрей, Петр
19	Гречанинов Михаил Яковлевич	–	–	–	Алексей
20	Губин Дмитрий Яковлевич	–	–	–	Петр
21	Гуторов Алексей Федорович	–	–	–	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
22	Евсеев Петр Петрович	–	Крест.	–	–
23	Евнев Иван Иванович	–	–	–	–
24	Закильдин Афанасий Иванович	–	–	–	–
25	Закревский Федор Петрович	–	–	–	Иван
26	Закревский Федор Иванович	–	–	–	–
27	Закревский Данило	–	–	–	Федор
28	Закревский Лев Данилович	–	Купеч.	–	–
29	Зеленецкий Федор Петрович	–	–	–	–
30	Исаков Яков Васильевич	–	–	–	Афанасий, Степан, Сьсой, Матвей
31	Калицкий Андрей Иванович	–	–	–	–
32	Канаев Дмитрий Петрович	–	–	–	–
33	Карпов Сергей Иванович	–	–	–	–
34	Кислов Григорий Афанасьевич	–	Цех. ремесл.	–	Дмитрий Иван, Гаврило
35	Козловский Василий Илларионович	–	–	–	Алексей
36	Клемышев Василий	–	–	–	–
37	Колмогоров Семен Андреевич	–	–	–	–
38	Колмогоров Григорий Андреевич	–	–	–	«Михайло умре»
39	Коломийцев Лука Григорьевич	–	–	–	Федор
40	Косоногов Григорий Иванович	–	–	–	Федор, Михаил, Василий
41	Кузнецов Иван Иванович	–	–	–	Плем. Афанасий
42	Курбатов Николай Петрович	–	–	–	–
43	Курбатов Петр Иванович	–	–	–	Александр
44	Лаврентьев Петр Иванович	–	Крест.	–	Гаврило
45	Лавров Василий Владимирович	–	Из отст. солдат	–	–
46	Ларин Андрей Сафонович	–	–	–	–
47	Лемешев Михаил Гаврилович	–	–	–	–
48	Маматов Петр Иванович	–	–	–	–
49	Морозов Алексей Андреевич	–	–	–	Воспит. Иван
50	Мыльников Михаил Алексеевич	–	–	–	–
51	Ненашев Петр Федорович	–	–	–	–
52	Ненашев Андрей Петрович	–	Цех. ремесл.	–	–
53	Ненашев Матвей Андреевич	–	Купеч.	–	–
54	Новиков Козьма Петрович	–	Мещан.	–	Данило

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
55	Панов Николай Яковлевич	–	Ремесл.	–	Яков
56	Пермитин Иван Осипович	–	–	–	Данило, Василий
57	Плешников Николай Андреевич	–	–	–	–
58	Половков Софон Родионович	–	Крест.	–	Гаврило, Иван, Алексей, Петр
59	Плотников Николай Андреевич	–	–	–	–
60	Портнягин Михаил Васильевич	–	–	–	–
61	Протопопов Иван Андреевич	–	–	–	–
62	Протопопов Николай Матвеевич	–	Мещан.	–	–
63	Ржицкий Матвей Михайлович	–	–	–	–
64	Рукавишникова Матрена Ивановна	–	Мещан.	–	–
65	Рыбников Николай Иванович	–	–	–	–
66	Самородов Яков Васильевич	–	–	–	–
67	Сапожков Андрей Васильевич	–	–	–	Кирилл
68	Сапожков Александр Иванович	–	–	–	–
69	Сапожков Григорий Игнатьевич	–	–	–	Иван
70	Скворцов Яков Ларионович	–	–	–	–
71	Степанов Федор	–	–	–	–
72	Степнов Михаил Иванович	–	Купеч.	–	Алексей
72	Стариков Петр Федорович	–	–	–	Михаил
73	Старков Петр Дмитриевич	66	Крест.	Мыловар. завод, торговля	Михаил
74	Старков Федор Дмитриевич	–	Крест.	–	–
75	Старков Петр Дмитриевич	–	Крест.	–	–
76	Старцев Осип Семенович	–	–	–	–
77	Сысолетин Иван Сидорович	–	–	–	Родион, Яков, Иван, Сергей
78	Тарасов Прокопий Васильевич	–	–	–	–
79	Тецков Андрей Алексеевич	–	–	–	–
80	Тузиков Дмитрий Данилович	–	–	–	Петр
81	Тузовский Осип Васильевич	–	–	–	–
82	Филонов Иван Алексеевич	–	Мещан.	–	Иван, Яков
83	Фомин Степан Дмитриевич с братьями Прокопием и Гаврилой	–	–	–	–
84	Харин Иван Осипович	–	–	–	–
85	Шенсков Михаил Гаврилович	–	–	–	–
86	Ширяев Михаил Иннокентьевич	–	–	–	–
87	Шмаков Иван Иванович	–	–	–	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
88	Шмаков Петр Андреевич	–	Ремесл.	–	–
89	Шубин Семен Лукьянович	–	–	–	Исай, Петр
90	Шумилов Андрей Алексеевич	–	–	–	–
91	Шумилов Алексей Алексеевич	–	–	–	–
92	Шумилов Федор Алексеевич	–	–	–	Матвей
93	Шутов Петр Андреевич	–	–	–	–
94	Шутов Федор Борисович	–	–	–	Иван, Михаил, Василий, Филипп
95	Щедрин Федор Васильевич	–	–	–	–
Купцы первой гильдии г. Томска, объявившие свой капитал на 1788 г.					
1	Шумилов Петр Федорович, его брат Стефан	43	Купеч.	Казен. подряды, торговля, 7 домов	Мефодий
Купцы второй гильдии г. Томска, объявившие свой капитал на 1788 г.					
1	Губинский Иван Васильевич	66	Купеч.	Торговля, доставка товаров, 2 дома	Михаил, у него 3 сына и 3 дочери
2	Даниловский Афанасий Иванович	45	Купеч.	Торговля, доставка грузов, 2 дома	Аким, 2 дочери
3	Карпов Сергей Иванович	39	Купеч.	Торговля, дом, лавки	2 дочери
4	Мыльников Михаил Алексеевич	36	Купеч.	Торговля, дом, лавки	Григорий, дочь и воспитанница
5	Шумилов Матвей Федорович	33	Купеч.	Торговля, дом, лавки	Федор, дочь
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие свой капитал на 1788 г.					
1	Аммосов Дмитрий Семенович	26	Крест.	Торговля	Холост
2	Барковский Федор Афанасьевич	65	Крест.	Торговля, дом, лавка	Федор, Иван, Акулина
3	Балахнин Михаил Федорович	57	–	–	3 дочери
4	Базанов Филипп Дорофеевич	44	Крест.	–	Андрей
5	Бьков Михаил Иванович	41	–	Торговля в гост. дворе (ГД)	Марья
6	Вершинин Семен Яковлевич	77	Крест.	Торговля, дом	Иван, Василий
7	Вершинин Иван Осипович	35	Крест.	–	Нет
8	Власов Алексей Алексеевич	47	–	–	7 сыновей
9	Евсеев Петр Петрович	29	Казачье	Торговля, дом	Дочь
10	Емнев Прокопий Григорьевич	69	Казачье	–	Иван, у него семья
11	Жуков Иван Михайлович	72	Крест.	Торг, дом	Дмитрий, Иван

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
12	Засухин Петр Андреевич	35	Крест.	Торговля в гост. дворе	Нет
13	Закревский Федор Ильич	40	Мещан.	Торговля, дом	Иван
14	Завьялов Петр Прокопьевич	62	Казацкое	–	4 сына, 2 дочери
15	Замятнин Андрей Васильевич	29	Купеч.	Торговля, дом	Федор, 3 дочери
16	Зеленцов Григорий Семенович	39	Крест.	Торговля, доставка грузов	2 дочери
17	Канаев Дмитрий Петрович	45	Крест.	Торг., дом	Гаврило,
18	Киселев Григорий Афанасьевич	64	Крест.	Торг., дом	Иван, Дмитрий,
19	Куприянов Осип Васильевич	54	Мещан.	Торг., дом	4 сына, дочь
20	Клемешев Иван Иванович	73	Крест.	2 дома, кожевня	Василий
21	Клемешев Мануйло Гаврилович	38	Крест.	Дом, кожевня	3 дочери
22	Козловский Василий Ларионович	56	Мещан.	Торг., дом в Кольвани	3 сына
23	Кузнецова Афимея Ивановна	39	Крест.	Торг., дом	5 сыновей
24	Курбатов Петр Иванович	72	Крест.	Торг., 4 дома	Александр
25	Лавров Василий Владимирович	34	Дворян.	Торг. в гост. дворе, дом	Нет
26	Неупокоев Петр Степанович, братья: Дмитрий, Осип, Алексей	40	Крест.	Торговля, 3 дома	Нет
27	Новикова Марфа Васильевна, вдова	58	Купеч.	Торговля, дом	3 сына, дочь
28	Носков Прокопий Васильевич	46	Крест.	»	Нет
29	Онуфриев Семен Федорович	56	»	»	Андрей, Марфа
30	Протопопов Михаил Матвеевич	39	Мещан.	Торговля, 2 дома	Иван
31	Протопопов Григорий Федорович	65	Крест.	Торговля, дом	Иван
32	Пырников Андреян Григорьевич	57	Крест.	»	Нет
33	Ржицков Матвей Михайлович	39	Мещан.	Дом, мыловар, завод	Григорий
34	Румянишников Иван Степанович, его брат Иван же, 27 лет	31	Мещан.	Торговля, дом, 5 частей ГД	Нет
35	Сапожков Александр Иванович	47	Крест.	Торговля, дом, 2 части ГД	2 дочери, воспитанник Григорий
36	Сапожков Григорий Игнатьевич	69	Крест.	Торговля, 2 дома, 17 частей ГД	Иван, 37
37	Скворцов Яков Ларионович	53	Крест.	Торговля, 4 дома	Нет
38	Старков Петр Дмитриевич	67	»	2 дома, мыловар. завод	Михайло, Анна

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
39	Сухов Василий Петрович	41	Мещан.	Торговля, дом	7 сыновей, 3 дочери
40	Тузиков Дмитрий Данилович	67	»	»	4 сына
41	Тузовский Осип Васильевич	46	Крест.	»	Нет
42	Федосеев Алексей Иванович	41	»	»	Василий
43	Харин Алексей Иванович	28	Мещан.	Торговля, рыболовство, дом, невода	Николай, дочь
44	Шенсков Гаврило Васильевич	66	Крест.	Торговля, 3 дома	3 сына
45	Шихов Петр Петрович	47	Из дьячков	Торговля, дом, 6 частей ГД	Василий, Алексей
46	Шубин Семен Лукьянович	72	Казацкое	2 дома, мыло- вар. завод	Иван, Петр
47	Шумилов Алексей Алексеевич	71	Крест.	Дом, невода	Петр
48	Шутов Петр Андреевич	45	Казацкое	Дом, 5 частей ГД	Дочь
49	Шутов Федор Борисович	68	Крест.	2 дома, кожевен. завод	Михаил
50	Шутов Василий Федорович	40	»	Торговля, дом	Нет
51	Касимов Калина	43	Бухарск.	»	Амин
52	Мухамедов Муканак	25	Казацкое	»	Дочь
53	Чураков Абдулл	34	Из ясашных татар	»	Нет
Купцы второй гильдии г. Тобольска, объявившие капитал на 1782 г.					
1	Корнильев Василий Яковлевич	43	Купеч.	Промышл. и торговля, подряды	Дмитрий, Яков, Екатерина, Анна
2	Володимеров Прокопий Дмитриевич	58	Купеч.	»	Василиса
3	Дьяконов Григорий Ильич	43	Купеч.	»	Алексей
4	Сыромятников Яков Федорович	35	Крест.	»	Анна
5	Сыромятников Иван Федорович	39	Крест.	»	–
6	Ширков Иван Дмитриевич	54	Купеч.	»	Петр, Гаврило
7	Корнильев Алексей Яковлевич	51	Купеч.	»	Николай
8	Кремлев Федор Алексеевич	57	Купеч.	»	Федор, Дмитрий
9	Шевырин Петр Ефимович, брат Иван, сестра Татьяна	31	Мещан.	Подряды	Нет
10	Ершов Петр Петрович	36	Купеч.	»	Семен, Павел, Петр, Яков

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы второй гильдии г. Тюмени, объявившие капитал на 1791 г.					
1	Баширин Петр Михайлович	54	Купеч.	Торговля, кожев. промысел, 2 дома	Василий, Семен, Алексей, Василий
2	Гребешков Михаил Васильевич, брат Алексей	33	Из цеховых	Торговля «харчевыми» товарами, 2 дома	Нет
3	Прасолов Семен Иванович	60	–	4 дома, 3 кожевни, торговля	Михаил, Федор, Сила, Иван, Марфа
4	Прасолов Михаил Григорьевич	28	Купеч.	Содержит питейные сборы	Нет
Купцы третьей гильдии г. Тюмени, объявившие капиталы на 1791 г.					
1	Быков Федор Григорьевич	60	Мещан.	Кожев. промысел	Нет
2	Аласин Андрей Григорьевич	39	Мещан.	Лавка, торговля росс. и китайскими товарами	–
3	Барашков Василий Осипович	49	Мещан.	Кожев. промысел	Федор, Иван, Егор, Авдотья, Матрена
4	Барашков Тимофей Семенович, братья Прокопий, Федот	44	Из цеховых	3 дома, кожев. промысел	–
5	Голенецкий Степан Максимович	46	Мещан.	Торговля «харчевыми припасами»	Василий, Иван, Алексей
6	Решетников Семен Андреевич	41	Мещан.	Кожев. промысел	2 сына, 2 дочери
7	Решетников Семен Иванович	52	Мещан.	»	Афанасий, Осип, Гаврил, Егор, Анна, Агафья
8	Решетников Иван Иванович	57	Мещан.	Кожев. промысел, торговля мелочн. товаром	Михаил, Алексей, Степан, Тимофей, Михей
9	Решетников Михаил Иванович	45	Мещан.	Кожев. промысел	Василий, Григорий, Иван, Николай

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
10	Решетников Иван Иванович	44	Мещан.	»	Савва, Федор, Роман, Павел, 4 дочери
11	Стукалов Иван Алексеевич	64	Купеч.	Подряды	Матвей
12	Титов Алексей Семенович	34	Купеч.	Разные подряды	2 сына, 2 дочери
13	Тонких Иван Дмитриевич	68	Из цеховых	Кожев. промысел	Иван
14	Шушкин Степан Андреевич	70	Из ямщиков	Маловар. промысел	Трофим
15	Щетинин Василий Клементьевич	68	Из цеховых	Кожев. промысел	Архип, Иван, Яков, 3 дочери
16	Щетинин Алексей Клементьевич	54	»	»	Семен, Емельян, Федосья
Купцы второй гильдии г. Кургана, объявившие капитал на 1794 г.					
1	Михалева Ирина Захаровна, вдова	48	Купеч.	–	Николай, Севостьян
2	Кубасов Ефим Иванович	35	–	Торговля, промысел	Марфа
Купцы третьей гильдии г. Кургана, объявившие капитал на 1794 г.					
1	Чебыкин Яков Алексеевич	63	Крест.	–	Яков, Марья
2	Меньшиков Петр Петрович	21	–	–	Павел
3	Кропанин Илья Иванович	60	Крест.	–	2 сына, 2 дочери
4	Безруков Андрей Никифорович	48	–	–	Иван, Василий
5	Акимов Михаил Михайлович	75	–	–	–
6	Хворостов Даниил Алексеевич	39	–	–	–
7	Струнников Петр Нифонтович	49	–	–	–
8	Бологов Василий Васильевич	56	–	–	–
9	Обрядов Иван Васильевич	29	–	–	3 сына
10	Кривоногов Иван Антонович	30	–	–	–
11	Красильников Иван Степанович	49	–	–	3 сына, 5 дочерей
12	Зырянов Михаил Иванович	32	–	–	–
13	Саматов Степан Степанович	38	–	–	–
14	Коробейников Дмитрий Степанович	38	–	–	–
15	Медведев Федор Евстифеевич	43	Мещан.	–	–
16	Молодых Афанасий Иванович	66	Мещан.	–	Яков, 2 дочери

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы второй гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1800 г.					
1	Быков Михаил Иванович	–	–	–	Василий, Феоктист
2	Губинский Михаил Иванович	–	–	–	Влас, Кузьма
3	Касимов Калина	–	–	–	Амин
4	Мьльников Михаил Алексеевич	–	–	–	Григорий
5	Шумилов Петр Федорович	–	–	–	Мефодий
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1800 г.					
1	Барковский Федор Афанасьевич	–	–	–	Федор, Иван
2	Бубнов Захар Алексеевич	–	–	–	5 сыновей
3	Власов Антон Дмитриевич	–	–	–	Иван, Лев
4	Губинский Николай Семенович	–	–	–	Афанасий, Григорий, Прокопий
5	Даниловский Аким Афанасьевич	–	–	–	–
6	Жданов Иван Ильич	–	–	–	Иван, Константин, Дмитрий
7	Жуков Дмитрий Иванович	–	–	–	Василий
8	Завьялов Иван Петрович	–	–	–	Петр, Яков, Федор, Иван
9	Закревский Федор Ильич	–	–	–	Иван
10	Зеленцов Григорий Семенович	–	–	–	Мефодий
11	Зеленцов Петр Васильевич	–	–	–	Иван, Михаил, Василий
12	Канаев Дмитрий Петрович	–	–	–	Гаврила
13	Кафтанчиков Семен Михайлович	–	–	–	Матвей, Семен
14	Квасников Федор Иванович	–	–	–	Дмитрий, Иван
15	Кириянов Иван Васильевич	–	–	–	Савва, Степан
16	Колмогоров Василий Федорович	–	–	–	–
17	Коломьльцев Федор Лукьянович	–	–	–	Степан, Николай
18	Лошкутов Михаил Николаевич	–	–	–	–
19	Лысов Григорий Афанасьевич	–	–	–	–
20	Неупокоев Петр Степанович	–	–	–	12 детей
21	Протопопов Николай Матвеевич	–	–	–	Александр
22	Раев Федор Васильевич	–	–	–	Василий, Алексей

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
23	Родчинин Иван Иванович	–	–	–	Михаил, Федор
24	Рудаков Павел Иванович	–	–	–	–
25	Румянишников Иван Степанович, брат его Иван же	–	–	–	Михаил, Федор
26	Сапожников Иван Григорьевич	–	–	–	Андрей
27	Сафатов Григорий Иванович	–	–	–	Гаврила, Михаил, Павел
28	Серебренников Федор Борисович	–	–	–	Ефим, Петр
29	Старков Василий Степанович	–	–	–	–
30	Старков Михаил Петрович	–	–	–	–
31	Старцев Яков Ларионович	–	–	–	–
32	Степанов Поликарп Егорович	–	–	–	Андрей, Дмитрий, Гаврила
33	Тарасов Петр Васильевич	–	–	–	3 сына, 3 внука
34	Тузиков Дмитрий Данилович	–	–	–	Прокопий, Семен, Гаврила
35	Тузовский Осип Васильевич	–	–	–	Иван
36	Шубин Петр Семенович	–	–	–	Николай, Петр, Антон, Алексей
37	Шутов Михаил Дмитриевич	–	–	–	–
38	Щедрина Мартемьяна Лукнична	–	–	–	–
Купцы первой гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1809 г.					
1	Касимов Кална	–	–	–	Амин
2	Мыльников Михаил Алексеевич	–	–	–	–
3	Шумилов Мефодий Петрович	34	Купеч.	–	Нет
4	Шумилов Петр Федорович	66	»	–	–
Купцы второй гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1809 г.					
1	Серебренников Федор Борисович	–	–	–	Ефим, Петр
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1809 г.					
1	Базанов Филипп Дорофеевич	–	Крестьян.	–	Андрей, Иван
2	Балахин Осип Андреевич	–	–	–	Иван, Александр
3	Барковский Федор Алексеевич	–	–	–	Федор, Иван
4	Большанин Леонтий Прокопьевич	–	–	–	Иван, Осип, Антон, Лев

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
5	Быков Михаил Иванович	–	–	–	–
6	Губинский Иван	41	Купеч.	–	–
7	Елисеев Иван Алексеевич	–	–	–	Игнат, Гаврило, Петр, Алексей
8	Жданов Иван Ильич	–	–	–	Иван, Константин, Дмитрий
9	Закревский Нестор	–	–	–	–
10	Закревский Федор Ильич	–	–	–	Иван
11	Затинщикова Дарья, вдова	–	Купеч.	–	–
12	Захарьев Никифор Иванович	–	–	–	Иван, Николай
13	Квасников Федор Иванович	–	–	–	Дмитрий
14	Кокшаров Андрей Лукьянович	–	–	–	Алексей, Андрей, Николай
15	Колмогоров Петр Степанович	–	–	–	Аверьян, Агафон, Алексей
16	Коломыльцов Федор Лукьянович	–	–	–	Степан
17	Неупокоев Дмитрий Степанович	–	–	–	Егор, Иван, Степан, Гаврило, Михаил
18	Нехорошев Иван Михайлович	–	–	–	Дмитрий, Петр
19	Поспелов Иван Аверьянович	–	–	–	Петр, Павел, 2 Ивана
20	Раев Иван Федорович	–	–	–	Василий, Алексей
21	Румянишников Степан Иванович	–	–	–	–
22	Сапожков Иван Григорьевич	–	–	–	Андрей
23	Сухов Петр Васильевич	–	–	–	–
24	Фомин Прокопий Дмитриевич	–	–	–	Мефодий, Алексей
25	Фролов Иван Иванович	–	–	–	2 Василия, Леонтий, Алексей
26	Чулошников Петр Федорович	–	–	–	Павел, Егор
27	Шубин Петр Семенович	–	–	–	Николай, Петр, Алексей, Антон
28	Шутов Михаил Дмитриевич	–	–	–	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Курцы первой гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1821 г.					
1	Касимов Калина Ямонович	80	Из ясашных татар	Торговля, дом, лавка	внук Гурбан
2	Мыльников Михаил Алексеевич	67	Купеч.	3 дома, 17 лавок	4 дочери
3	Купцы второй гильдии, объявившие на 1821 г. капитал не менее 20 тыс. руб.	–	–	–	–
4	Карпов Михаил Михайлович	52	–	3 дома, суда	Григорий
5	Чулошников Петр Федорович	56	–	3 дома, мыловар. завод	Иван
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1821 г.					
1	Базанова Степанида Петровна, вдова	73	Купеч.	Торговля, 4 дома, 4 лавки	Андрей, Иван
2	Базин Михаил Петрович	54	–	Торговля, дом, лавка	Маркел
3	Барковский Федор Федорович	62	Купеч.	»	–
4	Быков Михаил Иванович	73	–	»	Александр, Мефодий
5	Данилевский Артемий Афанасьевич	32	Купеч.	»	Нет
6	Завьялов Петр Иванович	34	–	»	Павел
7	Клестов Михаил Дмитриевич	45	–	Торговля, каменный дом, 4 лавки	Илья
8	Лебедев Федор Иванович	54	Из поселенцев	Торговля	Холост
9	Неупокоев Михаил Петрович	31	Купеч.	Каменный дом, лавка	Феоктиста
10	Неупокоева Авдотья, вдова	70	Купеч.	Торговля, 2 дома, лавка, суда	Степан, Гаврило
11	Протопопов Федор Андреевич	49	–	Торговля, 2 дома, лавка	Дмитрий, Викентий
12	Петлин Яков Матвеевич	39	–	Торговля, дом	Михаил
13	Сапожков Иван Григорьевич	69	–	Торговля, 3 дома	Андрей
14	Серебренников Михаил Борисович	61	–	Торговля, судоходство	–
15	Серебренников Петр Федорович	31	Купеч.	Торговля, дом каменный, 2 лавки	Мефодий
16	Хлебникова Екатерина Михайловна, вдова	44	Купеч.	Торговля, дом	4 сына, 3 дочери
17	Чернояров Яков Семенович	35	Мещан.	Торговля, дом, 2 лавки	Нет
18	Шумилов Михаил Иванович	34	–	Дом, лавка, кожев. завод	Нет
Купцы первой гильдии г. Тобольска, объявившие капитал на 1824 г.					
1	Пиленков Николай Степанович	36	Купеч.	Торговля, рыбопромышл.	Иван, Екатерина

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
2	Селиванов Михаил Ананьевич	69	Крест.	Торговля, подряды	Василий, 2 дочери
3	Ширков Алексей Иванович	62	Купеч.	»	–
4	Ширков Иван Иванович	57	Купеч.	»	–
Курцы второй гильдии г. Тобольска, объявившие капитал на 1824 г.					
1	Большаков Иван Федорович	37	Мещан.	Торговля	4 дочери
2	Дьяконова Ульяна Ивановна	48	Купеч.	Бумажная фабрика и рыбопромышл.	Александр, Алексей, Евгения
3	Ершов Яков Петрович	45	Купеч.	Кожев. промысел	Петр
4	Пиленкова Аграфена Михайловна	41	Купеч.	Торг., рыбопромышл.	Александр, Иван, Дмитрий, Петр
Купцы третьей гильдии г. Тобольска, объявившие капитал на 1824 г.					
1	Безнососов Иван Иванович	30	Мещан.	Рыбопромышл.	–
2	Брагин Николай Николаевич	28	»	»	–
3	Бронников Яков Екимович	62	Крест.	»	Иван, Иван, Александр, 2 дочери
4	Бронников Иван Яковлевич	41	Купеч.	»	Василий, Настасья, Екатерина
5	Вешняков Иван Афанасьевич	21	Купеч.	Торговля	–
6	Воробьев Михаил Никифорович	-	Мещан.	»	Холост
7	Гневьшев Алексей Миронович	43	»	Рыбопромышл.	Нет
8	Дранишников Александр Лукич	67	»	Мыловарен. и стекл. промысел	Гаврило
9	Дранишников Гавриил Александрович	35	Купеч.	»	Яков, Александр, Иван, 2 дочери
10	Иванов Андрей Максимович	54	Мещан.	Торговля	Нет
11	Ильиных Максим Яковлевич	55	Крест.	»	Павел, Петр
12	Казаков Иван Михайлович	40	Мещан.	»	Илья
13	Котовщиков Иван Николаевич	50	»	Рыбопромышл., торговля	Николай, Алексей, Константин
14	Кузнецов Яков Григорьевич	40	»	»	Николай, Анисья

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
15	Лукиматушкин Александр Иванович	29	Купеч.	Торговля виногр. винами	–
16	Мальников Василий Максимович	29	»	Торговля	Елена
17	Мальников Николай Семенович	58	Крест.	Рыбопромышл., торговля	Иван, Алексей, Андрей, 4 дочери
18	Мальникова Екатерина Ивановна	51	Купеч.	»	Дмитрий, Алексей, 2 дочери
19	Метелев Илья Федорович	46	Мещан.	Торговля	Иван, Дмитрий, Федор, Анна, Марья
20	Михайлов Алексей Александрович	49	»	»	7 детей
21	Морозов Михаил Александрович	40	Крест.	Торговля молоком	Яков, 2 дочери
22	Мухин Яков Михайлович	60	Мещан.	Торговля	Яков, Алексей, 4 дочери
23	Назаров Степан Григорьевич	31	»	»	Григорий, Христина
24	Неводчиков Василий Александрович	54	»	Рыбопромышл., торговля	Федор, Николай, 3 дочери
25	Никонов Матвей Яковлевич	39	Купеч.	»	4 сына, 2 дочери
26	Оконишников Герасим Васильевич	52	Мещан.	Рыбопромышл.	Холост
27	Панова Мария Семеновна, вдова	36	Купеч.	Торговля	Фекла
28	Пиленков Дмитрий Васильевич	41	Купеч.	Торговля, рыбопромышл.	–
29	Пиленков Иван Васильевич	38	»	»	Алексей, Николай, Василий, Александра
30	Плеханова Степанида Екимова, вдова	55	Купеч.	»	Евгений, Степан, Петр, Михаил, Василий, Любовь
31	Плотников Иван Иванович	64	Мещан.	»	Алексей, Иван, Глафира, Анисья

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
32	Плотникова Надежда Петровна, вдова	45	Купеч.	»	Николай, Петр, Александр, Вера
33	Попов Никита Семенович	61	Мещан.	Торговля	Алексей, Никита, 3 дочери
34	Попова Марья Семеновна, вдова	36	Купеч.	»	Фекла
35	Почекунин Трофим Васильевич	70	Из солдат	»	Яков, Леонтий, Николай
36	Серебренникова Феликсигана Алексеевна, вдова	32	Купеч.	»	2 дочери
37	Селиванова Авдотья Ивановна	47	»	»	Лука, 2 дочери
38	Сергеев Алексей Яковлевич	24	Мещан.	»	Холост
39	Сидельников Александр Григорьевич	37	»	»	Василий, 2 дочери
40	Струнин Василий Александрович	61	Крест.	»	Илья, Федор, Яков
41	Струнин Семен Александрович	69	Крест.	»	Григорий, Петр
42	Суханов Иван Максимович	40	Мещан.	Рыбпром.шл.	Александр Степан, 2 дочери
43	Трофимов Петр Гаврилович	67	Мещан.	Торговля	Илья
44	Черных Василий Егорович	28	Купеч.	Торговля фруктами и напитками	–
45	Шапошников Федор Семенович	60	Мещан.	Торговля	6 сыновей, Ирина
Купцы первой гильдии г. Томска, объявившие капиталы на 1840 г.					
1	Толкачев Архип Силантьевич	42	Крестьян.	Торговля, золотопром.шл.	Иван, Иван же, Егор, Матвей
2	Толкачев Федот Силантьевич	47	Крестьян.	Торговля, золотопром.шл.	Алексей
3	Филимонов Евтихий Васильевич, ПШГ, умер в 1840 г.	–	Купеч.	Золотопром.шл., дом и два флигеля	Николай, Аполлон
4	Шумилов Михаил Иванович	–	Купеч.	Выделка кож и торговля ими, 2 дома и кожевен. завод	Александр, 3 дочери

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы второй гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1840 г.					
1	Бобков Емельян Данилович, умер в 1843 г.	–	Купеч.	Золотопромышл., камен. дом, приски	Федосья
2	Мыльников Василий Андреевич	50	Купеч.	Золотопромышл., камен. дом	Иван, Петр, 4 дочери
3	Неупокоев Михаил Петрович	–	–	Золотопромышл., торговля	–
4	Серебренников Мефодий Иванович	30	Купеч.	Золотопромышл.	Нет
5	Серебренников Мефодий Петрович, брат Александр, 23 года	27	Купеч.	Торговля, камен. дом	Михаил
6	Серебренников Иван Петрович	52	–	Золотопромышл.	–
7	Серебренникова Авдотья Андреевна, вдова. С 1843 г. сын Александр Михайлович	–	Купеч.	Торговля, выделка кож, судовла- дение, золото- промышл.	Федор, Александр, Феоктист, Петр
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1840 г.					
1	Бадажков Федор Алексеевич	–	–	Судовладение, извоз	–
2	Базина Анна Ивановна, вдова	74	Купеч.	Торговля	Внуки: Николай, Петр, Александр
3	Батурин Андрей Григорьевич	42	–	Доставка това- ров, 2 дома	Афанасий
4	Верещагин Петр Иванович	–	–	Торговля	Павел
5	Верещагина Домина Ивановна	–	–	Торговля, мыло- вар. завод	Иван, Николай, Александр
6	Вихорев Дмитрий Иванович	56	–	Торговля, дом, кожевен. завод	Алексей, Иван, Илья
7	Вытнов Никифор Леонтьевич	59	–	Торговля, дом	Иван, Василий, Алексей
8	Гуляев Егор Иванович	–	–	»	–
9	Елин Михаил Степанович	–	–	»	Яков, Дмитрий
10	Еренев Алексей Лаврентьевич	47	Мещан.	Выделка кож., торговля ими	Иван
11	Иванов Степан Иванович	–	–	Торговля	Иван, Алексей
12	Иванов Федор Иванович, брат Харлампий	70	–	»	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
13	Казанцев Федор Осипович	–	–	Судовладение, извоз	–
14	Котельников Петр Иванович	–	–	Торговля	Нет
15	Кутьин Василий Иванович	–	–	Извоз	Феоктист
16	Ненашев Петр Яковлевич	–	Мещан.	Торговля, извоз, судовладение	–
17	Новосельцева Ирина Ивановна, вдова	–	Купеч.	Торговля	Яков, Василий
18	Свешников Илья Петрович	52	–	Торговля	Дочь
19	Серебряков Гордей Афанасьевич	62	–	»	Федот, Филипп, Осип, Абрам, Артамон
20	Смирнов Лаврентий Степанович	49	–	Торговля, дом	–
21	Степнов Андрей Васильевич	50	–	»	–
22	Сухов Яков Васильевич	–	–	»	Василий, Петр, Михаил
23	Толмачев Христофор Миронович	–	Мещан.	»	Нет
24	Ульянов Евграф Иванович	–	–	Торг. виногр. винами	–
25	Филимонов Кузьма Васильевич	–	–	Золотопромышл.	–
26	Хлебникова Екатерина Михайловна, вдова	68	Купеч.	Торговля, извоз, дом, суда	Лука, Тимофей, Павел
27	Чернояров Яков Семенович	–	–	Торговля	–
28	Четвериков Аким Федорович	–	–	»	–
29	Шумилов Иван Степанович	–	–	»	Лаврентий, Степан, Илья
Купцы первой гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1848 г.					
1	Ерлыков Семен Васильевич	–	–	–	Нет, так как женился в 1847 г.
2	Толкачев Архип Силантьевич	–	–	–	Иван, Иван же, Матвей
3	Толкачев Федот Силантьевич	–	–	–	Егор, Александр, Андрей, Леонид
4	Филимонов Евгений Васильевич, умер в 1843 г., вдова Татьяна Ивановна	–	Из тарских купцов	Золотопромышл.	Николай, Аполлон
5	Шумилов Михаил Иванович	–	–	–	Воспитанник, умер
6	Горохов Философ Александрович	–	Дворянин	–	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы второй гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1848 г.					
1	Бобков Емельян Данилович, умер в 1843 г., дочь Федосья, по мужу Цибульская	–	–	Золотопромышл.	–
2	Вавилов Григорий Андреевич	–	Из дворовых людей	–	Дмитрий
3	Мыльников Василий Андреевич	–	–	–	Иван, Петр
4	Памфилов Петр Харлампиевич	–	–	–	–
5	Сакова Александра Петровна	–	–	–	–
6	Серебренников Михаил Борисович, умер в 1835 г., сын Александр, у него дети	–	–	–	Михаил, Леонтий, Николай
7	Серебренников Иван Петрович	–	–	–	Мефодий, Феоктист, Петр
8	Серебренников Мефодий Петрович	–	–	–	Николай, Апполон
9	Степнов Андрей Васильевич	–	–	–	Иван
10	Хромов Семен Феофанович	–	–	–	Петр
11	Черепанов Кондратий Никитич	–	–	–	Нет
12	Штерлинг Егор Иванович	–	Из чиновн.	Золотопромышл.	–
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1848 г.					
1	Акулов Яков Ильич	–	Купеч.	Торговля	–
2	Бадашков Федор Алексеевич, умер в 1845	–	–	–	–
3	Базин Михаил Петрович, умер в 1836 г., вдова Анна Ивановна	–	–	–	Внуки: Николай, Петр
4	Байгулов Петр Лаврентьевич	–	Крестьян.	Торговля	–
5	Бакланов Иван Федорович	–	Мещан.	»	Гаврило, Михаил, Сосипатр, Илья
6	Баранчуков Степан Гаврилович	–	»	»	воспитанник Андрей
7	Бардаков Иван Андреевич	–	–	–	–
8	Березин Иван Егорович	–	Купеч.	–	–
9	Бойлинг Петр Андреевич	–	–	–	–
10	Валгусов Степан Степанович	–	–	–	Семен
11	Васильев Прокопий Васильевич	–	–	–	Нет
12	Васильева Александра Васильевна	–	–	–	Иван, Илья

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
13	Вейхольд Александр Андреевич	–	–	–	Петр, Иван
14	Верещагин Николай Иванович, брат Александр	–	–	–	Константин, племянник Михаил
15	Вихорев Дмитрий Иванович	–	–	–	Алексей, Иван, Илья
16	Выгнов Никифор Леонтьевич	–	–	–	Иван, Василий, Алексей
17	Гладышев Петр Иванович	–	Мещан.	–	Иван, Николай
18	Голвачев Семен Андреевич	–	–	–	–
19	Гундобин Василий Иванович	–	Купеч.	–	–
20	Евстратов Алексей Евстратович	–	Купеч.	–	Иван, Петр
21	Елин Михаил Степанович, умер в 1840 г., вдова Пелагея	–	–	–	Яков, Дмитрий
22	Елисеев Гаврило Игнатьевич	–	–	–	–
23	Еренев Алексей Лаврентьевич	–	–	–	Иван
24	Ефимов Игнатий Ефимович	–	–	–	Александр
25	Зборовский Иван Федорович	–	–	–	–
26	Иванов Федор Иванович	–	–	–	–
27	Иконников Егор Николаевич	–	–	–	Евламий
28	Казанцев Федор Осипович, умер в 1843 г., вдова Феофанья Николаевна	–	–	–	–
29	Колбин Андрей Андреевич	–	Мещан.	–	Павел, Иван, Александр, Николай, Михаил
30	Копылов Степан Павлович	–	–	–	Иван, Дмитрий
31	Коробейников Илья Евсеевич	–	–	–	Михаил, Дмитрий
32	Краувели Василий Михайлович	–	–	–	–
33	Кузнецов Дмитрий Иванович	–	–	–	–
34	Маслов Павел Иванович	–	–	–	Николай, Яков
35	Марьин Кирилл Григорьевич	–	–	–	Холост
36	Ненашев Петр Яковлевич, умер в 1841 г., вдова Евпраксия Семеновна	–	–	–	Алексей, Петр, Семен
37	Некрасов Максим Иванович, братья: Лука, Егор, Василий	–	–	–	–
38	Новгородцев Григорий Ефимович	–	Мещан.	–	–
39	Новосельцев Афанасий Дмитриевич, умер в 1838 г., сын Алексей	–	–	–	–
40	Петров Яков Иванович	–	Купеч.	–	–
41	Пичугин Прокопий Ильич	–	–	–	Андрей
42	Поздеев Петр Иванович	–	–	–	Михаил, Александр

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
43	Саков Петр Васильевич	–	–	–	Холост
44	Сапожников Семен Семенович	–	–	–	Петр
45	Сапожникова Акулина Семеновна	–	–	–	Михаил, Дмитрий
46	Свешников Илья Петрович	–	–	–	Нет
47	Серебренников Федор Михайлович	–	–	–	Нет
48	Серебренников Мефодий Иванович	–	Купеч.	–	–
49	Серебряков Гордей Афанасьевич	–	–	–	Филипп, Осип, Абрам, Артамон
50	Смирнов Лаврентий Степанович	–	–	–	–
51	Сорокин Игнатий Екимович	–	Купеч.	–	–
52	Стаденберг Карл Петрович	–	–	–	–
53	Тарасов Михаил Маркелович	–	–	–	Ливерий, Илья
54	Тецков Дмитрий Иванович	–	–	–	Нет
55	Федоров Федор Федорович	–	–	–	–
56	Хлебникова Екатерина Михайловна	–	–	–	Лука, Тимофей
57	Чайгин Егор Иванович	–	–	–	Нет
58	Шебалин Матвей Степанович	–	–	–	Василий, Иван
59	Шенцигер Иван Иванович	–	–	–	–
60	Шумилов Иван Степанович	–	–	–	Ливерий, Степан, Илья
61	Лео Николай Леонтьевич	–	–	–	Николай
Купцы второй гильдии г. Кургана, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Меньшиков Петр Дмитриевич	79	Крест.	Торговля, промыслы	Павел, Николай
2	Меньшиков Иван Петрович	54	Купеч.	»	3 сына, 2 дочери
3	Осинцев Степан Архипович	60	Крест.	»	4 сына
4	Полоумов Александр Иванович	50	Купеч.	»	Иван, Николай, 2 дочери
Купцы третьей гильдии г. Кургана, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Абаимов Филипп Игнатьевич	68	Крест.	Торговля	4 сына

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
2	Барышев Василий Феофанович	64	–	–	Илья, Петр, Михаил, 4 дочери
3	Богашев Алексей Дмитриевич	89	–	»	Внук Василий
4	Березин Семен Иванович	41	Крест.	Торговля, промыслы	–
5	Блинов Василий Яковлевич	40	Купеч.	»	2 сына, 4 дочери
6	Бобькин Егор Григорьевич	60	–	–	–
7	Бухарин Яков Ефимович	65	–	–	Федор, Афанасий
8	Васильев Василий Васильевич	49	Крест.	Торговля	5 сыновей, дочь
9	Васильев Федор Сидорович	49	»	»	Михаил, 4 дочери
10	Демин Андрей Кондратьевич	38	–	–	Михаил
11	Иванов Борис Семенович	52	Крест.	–	2 сына, дочь
12	Каракулов Максим Григорьевич	42	Мещан.	–	4 сына
13	Карпов Ларион Андреевич	50	–	–	3 сына, внук, дочь
14	Кельбедин Иван Александрович	33	Купеч.	–	–
15	Кушкин Иван Андреевич	38	–	–	–
16	Мальцев Федор Агапович	48	–	–	2 дочери
17	Малютин Василий Александрович	30	–	–	Александра
18	Марфутин Петр Михайлович	45	Крест.	–	Васса
19	Меньшиков Василий Петрович	53	–	–	Екатерина
20	Миронов Василий Тимофеевич	29	–	–	Холост
21	Михалев Трофим Федорович	49	–	–	3 сына, 2 дочери
22	Мякин Роман Максимович	57	–	–	Иван, у него 3 сына, 2 дочери
23	Папулов Гавриил Игнатьевич	43	–	–	2 сына, 2 дочери
24	Пономарев Федор Васильевич	43	–	–	3 дочери, сын умер
25	Утиков Яков Яковлевич	34	Купеч.	–	–
26	Шведов Федор Александрович	61	Крест.	–	4 сына, у них 9 детей
27	Шведов Федор Никифорович	64	»	–	3 сына, у них 8 детей

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы третьей гильдии г. Ишима, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Дмитриев Степан Фирсович	–	Купеч.	Торговля, промыслы	–
2	Другов Матвей Григорьевич	43	Крест.	»	Дочь
3	Еманаков Александр Константинович	33	Купеч.	»	Василий
4	Казанцева Мария Петровна, вдова	68	Купеч.	»	Алексей, Александр
5	Колосов Асаф Алексеевич	48	Мещан.	Торговля	сын, дочь
6	Кричевцев Петр Егорович	-	Купеч.	–	–
7	Мещеряков Гаврило Иванович	67	Мещан.	–	3 сына
8	Михайлов Михаил Алексеевич	–	–	–	Михаил
9	Постников Алексей Григорьевич	47	Купеч.	–	Николай
10	Постников Помпей Григорьевич	37	»	–	2 сына, 4 дочери
11	Сарычев Степан Степанович	48	»	–	4 сына
12	Сергеев Василий Сергеевич	43	Крест.	–	Федор
13	Широков Герасим Несторович	43	Крест.	–	2 сына, дочь
Купцы третьей гильдии г. Туринска, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Бакулев Петр Лаврович	66	–	–	3 сына
2	Ворсин Алексей Михайлович	55	–	–	2 сына
3	Дворников Михаил Петрович	53	Купеч.	–	4 сына
4	Карякин Прокопий Федорович	66	Мещан.	–	3 сына
5	Котельников Николай Анисимович	54	–	–	–
6	Мальцев Алексей Григорьевич	46	–	–	Николай, Глафира
7	Селивановский Иван Антонович	52	Купеч.	–	2 сына
8	Тетюцкий Василий Клементьевич	47	Мещан.	–	–
9	Фролов Алексей Козьмич	46	Купеч.	–	–
Купцы третьей гильдии г. Тюкалинска, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Балакина Александра Алексеевна, вдова	52	Купеч.	–	5 сыновей, 2 дочери
2	Волков Василий Степанович	68	Крест.	–	Викул, Андрей
3	Казанцев Василий Петрович	52	–	–	Александр

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
4	Курнин Иван Васильевич	–	–	–	3 сына
5	Лопатин Степан Афанасьевич	50	–	–	Иван, 3 дочери
6	Марков Тимофей Маркович	62	Крест.	–	Иван
7	Маршалов Иван Семенович	66	Купеч.	–	3 сына, 2 дочери
8	Талызин Федор Никитич	–	–	–	2 сына
Купцы первой гильдии г. Тара, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Немчинов Яков Андреевич	37	Мещан.	Торговля	5 дочерей
2	Щербаков Иван Ефимович	45	Крест.	Торговля, промышл.	Алексей
Купцы второй гильдии г. Тара, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Кашорников Егор Иванович	58	Крест.	Торговля	2 внука, сын Абрам умер в 1844 г.
2	Мелешкин Тимофей Иванович	61	Купеч.	»	–
3	Филатов Лев Иванович	45	»	»	–
Купцы третьей гильдии г. Тара, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Аказов Яков Иванович	40	–	–	Василий, Авдотья
2	Бовыкин Николай Степанович	45	–	–	Федот, Алексей
3	Верещагин Иван Андреевич	53	–	–	4 сына, 2 дочери
4	Грабинский Егор Иванович	28	Купеч.	–	–
5	Зубов Петр Семенович	66	–	–	7 сыновей, дочь Павла
6	Зубов Михаил Михайлович	43	Мещан.	–	2 брата
7	Зыряновский Александр Николаевич	42	–	–	–
8	Евтин Василий Тимофеевич	–	–	–	В семье было 18 чел.
9	Ельцова Степанида Дмитриевна	37	Купеч.	–	Александр
10	Катов Прокопий Иванович	49	Мещан.	–	Иван
11	Михайлова Ксения Андреевна	62	Мещан.	–	Иван, Алексей
12	Панков Иван Екимович	40	»	–	–
13	Пановский Иван Иванович	68	Крест.	–	Александр, внук Иван,
14	Петров Алексей Петрович	44	»	–	Василий

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
15	Перменова Марфа Тимофеевна	53	Мещан.	–	Михаил, Никандр
16	Потанин Платон Иванович	35	»	–	–
17	Пятков Епофродит Степанович	41	»	–	–
18	Пяткова Татьяна Андреевна	42	–	–	4 сына, 3 дочери
19	Селихов Иван Андреевич	47	Купеч.	–	–
20	Скуратов Николай Иванович	33	Мещан.	–	3 дочери
21	Фотеев Григорий Фокеевич	60	–	–	6 сыновей
22	Чернов Яков Иванович	51	Мещан.	–	2 сына
23	Чернышев Николай Васильевич	67	–	–	Алексей, 3 внучки
24	Шпаденков Семен Иванович	35	Мещан.	–	2 дочери
Купцы первой гильдии г. Кольвани, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Кузнецов Владимир Петрович	–	–	–	–
Купцы третьей гильдии г. Кольвани, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Блинцов Осип Зотович	–	–	–	Иван, Христофор
2	Карпов Яков Васильевич	–	–	–	Петр, Алексей
3	Киселева Авдотья Петровна	–	–	–	Иван, Петр
4	Колмаков Иван Иванович	–	–	–	Гаврило, Егор
5	Кузнецов Иван Ермолович	–	–	–	Александр, Яков
6	Мохов Федул Евдокимович	–	–	–	Андрей, Александр
7	Никитин Дмитрий Андреевич	–	–	–	Воспитанник Сергей
8	Третьяков Никифор Андреевич	–	–	–	Александр, Михаил, Николай, Ин- нокентий
9	Хотова Прасковья Макаровна	–	–	–	Тимофей, Никита, Павел
10	Хромов Егор Исаевич	–	–	–	Василий
Купцы второй гильдии г. Кузнецка, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Баранов Петр Андреевич	–	–	–	Николай, Михаил, Иван
Купцы третьей гильдии г. Кузнецка, объявившие капитал на 1850 г.					
1	Баженов Василий Глебович	–	–	–	Дмитрий, Василий, Феофан
2	Иванов Иван Лукич, брат Гаврило	–	–	–	–
3	Карманов Василий Федорович	–	–	–	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
4	Конюхов Василий Максимович	–	–	–	Василий, Степан, Егор, Иван
5	Конюхов Иван Семенович	–	–	Торговля, золотопромышл.	Василий, Михаил, Иван, Гаврило
6	Копылов Яков Васильевич	–	–	–	–
7	Ловыгин Михаил Гаврилович	–	–	–	–
8	Ломшаков Лев Иванович	–	–	–	Лев, Федор, Михаил
9	Полосухин Иван Степанович	–	–	–	Константин, Михаил, Александр
10	Шебалин Варфоломей Васильевич	–	–	–	–
Купцы третьей гильдии г. Каинска, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Буслаева Анастасия Федоровна	–	–	–	3 сына, 2 дочери
2	Вторушин Ефим Ильич	–	–	–	Андрей, Петр, Марфа
3	Дубровин Дмитрий Савич	–	–	–	Степан
4	Досманов Александр	–	–	–	Иван
5	Ерофеев Иван Петрович, братья Капитон, Бенедикт, Андрей	–	–	–	Александра
6	Иванов Алексей Иванович, брат Мартын	–	–	–	–
7	Иванов Василий Иванович	–	–	–	Сын Петр, 3 дочери
8	Кочергин Семен Алексеевич	–	–	–	–
9	Курнин Иван Иванович	–	–	–	Приемный сын Михаил
10	Курнина Акси́нья Федоровна, вдова	–	Купеч.	–	Степан, Константин
11	Ломанов Терентий Егорович	–	–	–	Яков
12	Машковичева Белля Рохля	–	–	–	Янкель, Нахим, дочь Хана
13	Митрохин Самойло Максимович	–	–	–	Лаврентий, Афанасий, Пантелей, Иван, Авдотья, Акулина
14	Орлик Гирш Аронович	–	–	–	Лейба, Арон

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
15	Панферов Василий Андреевич	–	–	–	Михаил, Петр
16	Суриков Алексей Терентьевич	–	–	–	Елизавета
17	Суриков Ефим Алексеевич	–	–	–	Петр, Семен, Александра
18	Тимофеев Иван Никифорович	–	–	–	Иван, Николай
19	Фотиев Леонтий Григорьевич	–	–	–	–
20	Хрыпин Панкратий Федотович	–	–	–	Сила, Василий, внук Иван
Купцы первой гильдии г. Барнаула, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Флягин Дмитрий Иванович, брат Иван	–	–	Торговля, промышл.	–
Купцы второй гильдии г. Барнаула, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Гатиев Виткул Валиевич	–	–	–	Абдулла, Ибрагим
2	Толкачев Василий Иванович	–	Крест.	–	Внук Василий
3	Щеголева Пелагея Ивановна	–	»	Торговля мукой, мельница	Антон
Купцы третьей гильдии г. Барнаула, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Бадьян Григорий Терентьевич	–	–	Виноторг.	Воспитанник Архип
2	Басин Петр Васильевич	–	–	–	Василий, Александр, Петр, Алексей, 4 дочери
3	Бахтемиров Тобой	–	–	–	6 сыновей, 3 дочери
4	Вахнин Василий Васильевич	46	Крест.	Кожевен., свечной заводы	Константин, Александра
5	Давыдова Агафья Васильевна	–	–	–	Дмитрий, Константин, Александра
6	Дмитриев Николай Дмитриевич	60	Крест.	Торговля	Василий, Татьяна
7	Зуев Семен Иванович	48	–	»	Александр
8	Иванов Федор Алексеевич	–	–	–	–
9	Колотовкин Иван Прокопьевич	46	–	–	–
10	Колмаков Сергей Федорович	43	–	Торговля	Алексей

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
11	Крюков Козьма Леонтьевич	–	–	–	Семен, Евграф, Федот
12	Курицын Семен Иванович	–	–	–	Иван, Василий, Александр, Владимир, Агрипина
13	Макасыпов Умалей	–	–	–	3 сына, 3 дочери
14	Малков Афанасий Григорьевич	–	–	Виноторговля	–
15	Митуринский Степан Иванович	–	–	–	–
16	Пешков Николай Васильевич	43	Купеч.	Торговля	–
17	Пермитин Иван Андреевич	60	Крест.	»	Прокопий
18	Попова Екатерина Федоровна, вдова	45	Купеч.	Торг. железн. и скобян. товаром	Евгений, Александр
19	Пузырев Петр Григорьевич	–	–	–	Николай, 3 дочери
20	Рассохин Евлампий	–	–	–	Константин, Василий, Петр, Михаил, Николай
21	Суриков Егор Евдокимович	–	–	–	2 Ивана, Афанасий, Константин, Архип, Василий, Елена
22	Сухов Никифор Трифонович	–	–	Торговля, прмьшл.	Дмитрий, внук Иван
23	Удонов Иван Семенович	–	–	Торг. вином и тканями	Иван, Дмитрий, 3 дочери
24	Файзулин Мустафа	–	–	–	–
25	Федченко Степан Алексеевич	66	Мещан.	Торг. табаком	Александр
26	Чапцова Капитолина	–	–	–	Вениамин, Венедикт, Иван, Татьяна
27	Щубин Николай Антонович	–	–	–	Василий, Александр, Николай
Купцы второй гильдии г. Бийска, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Носков Антон Иванович	–	–	–	Иван
2	Поляков Василий Семенович	–	–	–	Владимир, Николай, Петр

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
3	Серков Александр Прокопьевич	–	–	–	3 дочери
4	Смирнов Поликарп Иванович	–	–	–	Степан, Владимир, Поликарп
Купцы третьей гильдии г. Бийска, объявившие свой капитал на 1859 г.					
1	Андреев Иван Андреевич	–	–	–	Иван, Андрей, Константин
2	Балахнин Семен Григорьевич	–	–	–	Михаил, Павел, Николай, Ефим
3	Булчиков Егор Александрович	–	–	–	Алексей, Никита, Николай
4	Бычков Спиридон Никифорович	–	–	–	Андрей, Дмитрий, Николай
5	Гилева Дарья Никитична	–	–	–	Семен, Андрей, Нефед
6	Горохов Захар Агафонович	–	–	–	Семен, Иван, Никита
7	Дадочкин Григорий Михайлович	–	–	–	Антип, Федор
8	Жданов Андрей Фомич	–	–	–	Макар, Михаил, Ефим, Тимофей, Спиридон, Архип, Даннло
9	Жданов Василий Егорович	–	–	–	Иван, Андрей, Филипп
10	Иванов Никифор Иванович	–	–	–	Василий, Леонтий
11	Иванов Герасим Иванович	–	–	–	–
12	Исмаилов Увалей	–	–	–	–
13	Котельников Алексей Григорьевич	–	–	–	–
14	Кокорина Анна Андриановна	–	–	–	–
15	Кулаков Прокопий Никитич	–	–	–	Иван, Федор, Андрей, Алексей
16	Куницын Григорий Иванович	–	–	–	Михаил
17	Курицына Прасковья Нестеровна	–	–	–	Иван, Семен, Агафон, Фаддей

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
18	Макаров Матвей Иванович	–	–	–	–
19	Мальцев Павел Андреевич	–	–	–	–
20	Мальцев Степан Андреевич	–	–	–	–
21	Мальцев Дмитрий Михайлович	–	–	–	Яков, внуки: Александр, Петр
22	Мальцев Андриан Михайлович	–	–	–	Алексей, Василий
23	Ненахов Пантелей Ефимович	–	–	–	Федор, Семен, Филипп
24	Плотников Андрей Иванович	–	–	–	Леонтий
25	Прокопьев Анисим	–	–	–	Михаил, Ни- кита, Ефим
26	Саблин Зиновий Софронович	–	–	–	Василий
27	Сафонов Иван Петрович	–	–	–	Федор, Леонтий, Кондрат
28	Селиванов Платон Федорович	–	–	–	Яков
29	Семин Максим Леонтьевич	–	–	–	Иван, Василий, 2 внука
30	Скуратов Иван Ефимович	–	–	–	Григорий, Петр, Яков, Константин, Степан
31	Сычугов Александр Васильевич	–	–	–	Александр, Владимир
32	Тихонов Николай Осипович	–	–	–	Дмитрий
33	Фадеев Мануйло Михайлович	–	–	–	Тимофей
34	Филатова Пелагея Илларионовна	–	–	–	Василий, Тимофей, Евдоким
35	Хабаров Илья Григорьевич	–	–	–	Степан, Александр
36	Хабаров Петр Алексеевич	–	–	–	Николай, Афанасий
37	Хабаров Семен Алексеевич	–	–	–	–
38	Шацкова Наталья Михайловна	–	–	–	Петр, Дмитрий
39	Шмелев Петр Григорьевич	–	–	–	Григорий
40	Щетинин Андрей Михайлович	–	–	–	Алексей, Григорий, Степан

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
41	Юрьев Прохор Петрович	–	–	–	Никита, внук Василий
42	Яблонский Григорий Кузьмич	–	–	–	Данило, Семен, 2 Ивана
Купцы третьей гильдии г. Кузнецка, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Баженов Василий Глебович	–	–	–	Дмитрий Василий, Феофан, Петр
2	Баранов Петр Андреевич	–	–	–	Николай, Павел
3	Бекенин Дмитрий Дмитриевич	–	–	–	Племянник Марк
4	Бехтенов Алексей Степанович	–	–	–	Михаил, Константин
5	Ерофеева Домна Карповна	–	–	–	Михаил, Лука, Василий, Иван
6	Зайков Василий Петрович	–	–	–	Василий, Дмитрий, Андрей, Иван, Александр, Егор
7	Казанцев Василий Петрович	–	–	–	Александр
8	Кондратьев Николай Петрович	–	–	–	Арсений, Степан, Василий, Петр
9	Копюхов Василий Максимович	–	–	–	Василий, Степан, Егор, Иван, Петр
10	Копылов Яков Васильевич	–	–	–	–
11	Ломшаков Лев Иванович	–	–	–	Лев, Михаил
12	Мочалов Василий Иванович	–	–	–	Василий
13	Насонов Дмитрий Федорович	–	–	–	Лука
14	Полосухин Константин Степанович	–	–	–	–
15	Попов Емельян Давыдович	–	–	–	Самсон, Василий, Лука, Николай
16	Рожков Филипп Мефодьевич	–	–	–	–
17	Самсонов Семен Фомич	–	–	–	Иван, Дмитрий
18	Сударев Иван Егорович	–	–	–	Петр

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
19	Трофимов Терентий Герасимович	–	–	–	Степан, Сидор, Лаврентий
20	Федоров Семен Федорович	–	–	–	Николай
Купцы первой гильдии г. Мариинска, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Щеголев Сидор Григорьевич	52	Купеч.	Торговля, золотопромысл.	Иван, Дмитрий, Александр, Григорий, Иннокентий, Юлия, Елизавета
Купцы второй гильдии г. Мариинска, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Окулов Михаил Никифорович	–	–	–	–
2	Старцев Михаил Федорович	–	–	–	Михаил, Мария, Наталья, Надежда
Купцы третьей гильдии г. Мариинска, объявившие капитал на 1859 г.					
1	Алексеева Анна Алексеевна	–	–	–	Михаил
2	Блинов Аполлон Петрович	–	–	–	–
3	Бесеневич Сарра	–	–	–	Иуда
4	Важдаев Давид Тимофеевич	–	–	–	Осип, 3 дочери
5	Гусев Гаврила Иванович	–	–	–	Иван
6	Ковригин Евграф Иванович	–	–	–	–
7	Мусницкий Абрам	–	–	–	Берко, дочь Эра
8	Мушина Авдотья Прокопьевна	–	–	–	Федор
9	Рамов Юсуп	–	–	–	Дочь Газиза
10	Рубинштейн Мирра	–	–	–	Элле
11	Чернов Тимофей Григорьевич	–	–	–	Александр
12	Шварц Соси	–	–	–	Ицка, Срул, Гирш
13	Юдалевич Абрам	–	–	–	Шлема, Моисей, Лейба, Ицка, Моисей, Янкель, Осип, дочь Бася

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
14	Юдалевич Герц	–	–	–	Соломон, Габриель, Иуда, Шлема, Илья
15	Юдалевич Моисей	–	–	–	Шмуль, Исай, Лейба, Арон, Мейер
Купцы первой гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1860 г.					
1	Елисеев Гаврило Игнатьевич	–	–	–	Николай, Иннокентий
2	Каминер Ананий Михайлович	–	–	–	Яков
3	Хаймович Анна Исаевна	–	–	–	4 сына, 6 дочерей
4	Хотимский Берко Лейбович	–	–	–	3 сына, 3 дочери
Купцы второй гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1860 г.					
1	Барков Егор Григорьевич	–	–	–	Василий
2	Колчин Николай Иванович	–	–	–	Александр
3	Коробейников Илья Евгеньевич	–	–	–	Михаил
4	Мордухович Абель Абрамович	–	–	–	–
5	Наумов Алексей Иванович	–	–	–	Александр
6	Некрасов Лука Иванович	–	–	–	Александр
7	Окуловский Алексей Иванович	–	–	–	Петр
8	Рачков Ефим Николаевич	–	–	–	Владимир, Николай, Сергей, Александр
9	Серебренников Иван Петрович	–	–	–	Мефодий
10	Серебренников Петр Иванович	–	–	–	Аполлон, Иван, 3 дочери
11	Степанова Авдотья Степановна	–	–	–	Иван
12	Тецков Дмитрий Иванович	–	–	–	Воспитанница Марья
13	Фотиев Иван Григорьевич	–	–	–	–
14	Хотимский Янкель Лейбович	–	–	–	5 сыновей, 2 дочери
15	Хромов Семен Феофанович	–	–	–	2 дочери
16	Цибульская Федосья Емельяновна	–	–	Золотопромьшл.	Нет
17	Цибульский Захар Михайлович	–	–	»	Нет

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы третьей гильдии г. Томска, объявившие капитал на 1860 г.					
1	Акулов Александр Ильич, братья: Федор, Платон, Афанасий	–	–	–	–
2	Акулов Яков Ильич	–	–	–	–
3	Андреев Никита Иванович	–	–	–	Николай
4	Бакланов Иван Федорович	–	–	–	Сосипатр, Илья
5	Банников Иван Львович	–	–	–	–
6	Бардашов Василий Андреевич	–	–	–	5 сыновей, 4 дочери
7	Бирлянчикова Мерка Давыдовна	–	–	–	3 сына, 5 дочерей
8	Быстрых Марк Данилович	–	–	–	Воспитанник Изот
9	Валгусов Степан Степанович	–	–	–	Семен
10	Валгусов Федор Степанович	–	–	–	Михаил, Яков, 2 дочери
11	Васильев Петр Васильевич	–	–	–	–
12	Верещагин Константин Николаевич	–	Купеч.	–	Аполлон, Авенир, Константин, дочь Анна
13	Верещагин Николай Иванович	–	Купеч.	–	Михаил, Александр
14	Вытнов Василий Никифорович	–	Купеч.	–	Гавриил, Петр, 5 дочерей
15	Глазов Алексей Васильевич	–	–	–	Иван, Иван же
16	Грен Василий Васильевич	–	–	–	–
17	Елин Яков Михайлович	–	–	–	Михаил
18	Еренева Прасковья Ивановна	–	–	–	Иван
19	Зайков Александр Иванович	–	–	–	5 сыновей, дочь
20	Захарова Марья Харламовна	–	–	–	Павел, Иван, 4 дочери
21	Зеленчуков Василий Андреевич	–	–	–	Андрей
22	Зырин Илья Петрович	–	–	–	–
23	Иванов Федор Иванович	–	–	–	–
24	Истомин Андрей Иванович	–	–	–	–
25	Кокшаров Иван Иванович	–	–	–	Сергей
26	Копылов Степан Павлович	–	–	–	Дмитрий, дочь Фалия

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
27	Королева Евпраксия Семеновна, по первому браку Ненашева	–	–	–	Алексей, Петр, Семен
28	Колбин Андрей Иванович	–	–	–	Иван, Александр, Павел, Михаил, Анатолий
29	Кукушкин Александр Иванович	–	–	–	Евграф, Николай
30	Лавров Иван Васильевич	–	–	–	Василий, Мин
31	Лавров Иван Калинович	–	–	–	–
32	Медведев Илья Григорьевич	–	–	–	4 сына
33	Нейман Лейба Евгеньевич	–	–	–	6 сыновей
34	Некрасов Василий Иванович	–	–	–	–
35	Некрасов Максим Иванович	–	–	–	Дмитрий, Иван, Прокопий, 5 дочерей
36	Никитина Авдотья Степановна	–	–	–	Михаил, Иван, Андрей
37	Носов Денис Иванович	–	–	–	5 сыновей, дочь
38	Пеглин Философ Петрович	–	–	–	Евгений, Александр, 3 дочери
39	Петров Иван Афанасьевич	–	–	–	–
40	Пилясов Аким Акимович	–	–	–	Архип, Николай, Авдотья
41	Пичугин Прокопий Ильич	–	–	–	Андрей
42	Попадейкин Максим Степанович	–	–	–	Мефодий, Александр
43	Решедский Абрам Мовшевич	–	–	–	4 сына, дочь
44	Ромов Ахмет	–	–	–	Сайт
45	Рымкулин Иван Егорович	–	–	–	–
46	Сапожников Михаил Семенович	–	–	–	Федор, Сергей
47	Сашенов Гайнула	–	–	–	–
48	Свешников Илья Петрович	–	–	–	–
49	Семириков Александр Иванович	–	–	–	Нет
50	Серебrenников Александр Иванович	–	–	–	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
51	Сивкова Татьяна Павловна	–	–	–	Федосий, Федор
52	Сидоров Митрофан Сидорович	–	–	–	Василий, Михаил, Василий же, 2 дочери
53	Скворцов Иван Иванович	–	–	–	Вульфяан, Нафанаил, 2 дочери
54	Слончевский Антон Александрович	–	–	–	–
55	Сурикова Акулина Ефимовна	–	–	–	Лука, дочь Агафья
56	Султин Гавриил Федорович	–	–	–	Иван, Федор, Николай, Сусанна
57	Тарасов Михаил Маркелович	–	–	–	Елиферий, Илья, Василий
58	Ульянов Евграф Иванович	–	–	–	Евгений, Яков
59	Устинов Иван Григорьевич	–	–	–	–
60	Феофанов Григорий Феофанович	–	–	–	Степан, Павел
61	Фомин Петр Мефодьевич	–	–	–	3 дочери
62	Харагурин Израиль Ицкович	–	–	–	Берко, 11 дочерей
63	Хлебников Лука Иванович	–	–	–	–
64	Хотимский Шмерко Лейбович	–	–	–	Моисей, 5 дочерей
65	Цирценгер Иван Иванович	–	–	–	Вольдемар, Отгон
66	Чернышева Наталья Петровна	–	–	–	Петр, дочь Евгалия
67	Шварц Панк Берлин	–	–	–	Абрам, Янкель
68	Шебалин Матвей Степанович	–	–	–	Василий, Иван
69	Шумилов Иван Степанович	–	–	–	Илья, дочь Вивея
70	Щепкин Федор Николаевич	–	–	–	Ефим, Григорий, Виктор, 4 дочери
71	Ядринцева Феофания Васильевна	–	–	–	Николай, Александра

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Томские купцы первой гильдии в 1877 г.					
1	Баранов Никандр Николаевич	50	Крестьян.	–	Никандр, 23, Николай, 13, Виктор, 5
2	Богомолов Александр Иванович	32	Купеч.	–	Нет
3	Богомолов Петр Евдокимович	73	Крестьян.	–	Иван, 39, у него 3 сына, Михаил, 42
4	Богомолов Петр Иванович	28	Купеч.	–	Николай, 3
5	Вильянов Иван Степанович	54	Мещан.	–	–
6	Грибунин Николай Иванович	30	Мещан.	–	Нет
7	Еренев Иван Алексеевич	49	Купеч.	Торговля, кожевен, производство	4 сына
8	Исаев Егор Петрович	61	Крестьян.	–	Иннокентий
9	Каменский Иван Федорович	35	Купеч.	Торговля, извоз	Александр, Владимир
10	Кухтерин Иван Николаевич	43	Крестьян.	»	Алексей, Александр, Иннокентий, Иван, Владимир
11	Манасевич Федор (Фебус) Иванович	39	Купеч.	–	Иван
12	Пастухов Андрей Николаевич	42	Купеч.	–	–
13	Петров Яков Иванович	69	Мещан.	–	–
14	Пушников Федор Харлампиевич	46	Крестьян.	Торговля, извоз	Нет
15	Сорокин Игнатий Иванович	51	Крестьян.	–	3 сына
16	Тецков Дмитрий Иванович	63	Мещан.	–	Владимир, воспитанник Степан
17	Хотимская Маремьяна Гиршевна	38	–	–	7 сыновей
18	Хотимский Яков Лейбович	54	Купеч.	Винокурение, торговля	6 сыновей
19	Хотимский Минея Яковлевич	35	Купеч.	»	Иаков
Томские купцы второй гильдии в 1877 г.					
1	Аксенов Лавр Алексеевич	–	–	–	Ефим, Яков
2	Акулов Александр Ильич	45	Купеч.	–	–
3	Акулов Федор Ильич	39	»	–	Воспитанник Николай
4	Акулов Яков Ильич	52	»	–	–
5	Алексеев Григорий Евграфович	–	–	–	Нет

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
6	Андреев Василий Андреевич	–	–	–	Михаил
7	Андреев Владимир Петрович	–	–	–	Федор, Петр
8	Андреев Козьма Андреевич	–	–	–	Роман, Илья
9	Баранчуков Николай Павлович	–	–	–	2 сына
10	Баранчуков Осип Павлович	–	–	–	–
11	Батурин Николай Ильич	–	–	–	3 сына
12	Бейлин Рафаил Хацкелевич	–	–	–	Леонид, Соломон, Михаил
13	Бояринов Семен Иванович	–	–	–	Иван, Александр
14	Бронников Павел Александрович	–	–	–	–
15	Валгусов Семен Степанович	–	Купеч.	–	–
16	Валгусов Яков Федорович	–	–	–	–
17	Васильев Иван Васильевич	–	–	–	Николай
18	Васильев Прокопий Васильевич	–	–	–	Нет
19	Вахитов Абдулл	46	–	–	–
20	Верхатский Адам Флорнатович	52	–	–	Валерьян, Николай
21	Виноградов Алексей Федорович	–	–	–	Нет
22	Виноградов Константин Семенович	–	–	–	Нет
23	Воронцов Гавриил Иванович	–	–	–	Александр
24	Вытнов Василий Никифорович	54	Купеч.	Винокурение, торговля вином	Гаврила, Петр
25	Галлер Исай Леонтьевич	–	–	–	Нет
26	Ганбедуллин Фахрудин	–	–	–	–
27	Глазов Иван Алексеевич	45	Купеч.	–	Николай, Дмитрий, Сергей
28	Гладышев Михаил Федорович	–	–	–	6 сыновей
29	Голованов Егор Михайлович	–	–	–	Веннамин
30	Горбачев Павел Максимович	–	–	–	Нет
31	Готгард-Гафнер Карл Иванович	–	–	–	–
32	Грехов Иван Николаевич	–	–	–	Александр, Василий
33	Деулин Петр Николаевич	42	–	–	Аркадий, Петр
34	Дистлер Калман Бенцианович	–	–	–	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
35	Дмитриев Михаил Матвеевич	–	–	–	Нет, холост
36	Дмитриев Семен Гаврилович	–	–	–	Евграф
37	Дубровин Алексей Павлович, умер в 1877 г.	–	–	–	Николай
38	Ежов Степан Моисеевич	–	–	–	–
39	Еленский Николай Игнатьевич	–	–	–	Фатей, Алексей, Иван
40	Ермолаев Александр Иванович	–	–	–	–
41	Жарков Семен Петрович	–	–	–	–
42	Завьялов Иван Михайлович	–	–	–	Гавриил, Евгений, Иван
43	Зеленчуков Василий Андреянович	–	–	–	–
44	Зеленчукова Мартемьяна Ивановна	–	–	–	–
45	Зырин Илья Петрович	54	–	–	–
46	Иванов Дмитрий Хрисанфович	–	–	–	4 сына
47	Иванов Павел Кондратьевич	–	–	–	–
48	Иванов Николай Васильевич	–	–	–	3 сына
49	Игнатов Тимофей Михайлович	–	–	–	3 сына
50	Ициксон Моисей Гиршевич	50	–	–	4 сына
51	Казаков Александр Иванович	–	–	–	–
52	Казаков Александр Александрович	–	–	–	Павел
53	Каратапов Алексей Григорьевич	–	–	–	Холост
54	Карнаков Андрей Петрович	–	–	–	Александр, Иван, Михаил
55	Карпов Семен Никифорович	–	–	–	Нет
56	Карякин Александр Петрович	–	–	–	Нет
57	Колмаков Гаврила Иванович	–	–	–	Холост
58	Костыгин Григорий Григорьевич	–	–	–	Иван
59	Крышов Иван Сысоевич	–	–	–	Иннокентий
60	Кузнецов Василий Дмитриевич	–	–	–	Нет
61	Кузнецов Евстихий Дмитриевич	–	–	–	–
62	Левин Берко Израилевич	–	Мещан.	–	3 сына
63	Майгов Василий Андреевич	–	–	–	Николай, Павел, Иван
64	Макарова Пальмира Нарбетовна	–	–	–	Василий
65	Медведев Илья Григорьевич	53	–	–	Иннокентий
66	Медведев Григорий Ильич	–	–	–	–
67	Мельхерт Карл-Фридрих	–	–	–	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
68	Мutowкин Василий Афанасьевич	–	–	–	–
69	Некрасов Егор Иванович	–	–	–	Владимир
70	Некрасов Иван Максимович	–	–	–	–
71	Некрасов Максим Иванович	–	–	–	Прокопий, Александр
72	Некрасов Михаил Иванович	39	–	–	–
73	Ненашев Петр Петрович	–	–	–	Константин, Владимир
74	Никитин Михаил Григорьевич	–	–	–	Владимир
75	Пепеляев Петр Иванович	51	–	–	Василий
76	Петлин Философ Петрович	58	–	–	2 сына
77	Петров Иван Афанасьевич	–	–	–	Холост
78	Пермитин Яков Александрович	–	–	–	Андрей, Василий
79	Петрова Матрена Васильевна, вдова	–	Купеч.	–	Григорий
80	Пиленков Григорий Степанович	–	–	–	Федор
81	Пилясова Наталья Степановна, вдова	50	Купеч.	–	Архип, Николай
82	Плаксин Иван Петрович	–	–	–	2 сына
83	Плотников Николай Николаевич	–	–	–	Виктор
84	Поздняков Александр Иосифович	–	–	–	Дмитрий
85	Прохоров Алексей Семенович	65	–	–	Николай, Максим
86	Прохоров Максим Алексеевич	–	–	–	Константин
87	Разум Шлема	–	–	–	3 сына
88	Решнин Иван Федорович	–	–	–	–
89	Решетская Астра Лейбовна	–	–	–	4 сына
90	Салетов Гайнула	–	–	–	Нет
91	Свешников Павел Александрович	–	–	–	Холост
92	Селиванов Флегонт Николаевич	–	–	–	Михаил, Николай
93	Семенов Иван Егорович	–	–	–	Нет
94	Серебренников Евгений Михайлович	–	–	–	Афанасий, Василий, Александр
95	Серебренников Максим Федорович	–	Купеч.	–	Нет
96	Серебренникова Матрена Архиповна, вдова	–	Купеч.	–	Ашолон, Николай, Владимир
97	Скобин Гавриил Панфентьевич	–	–	–	Владимир, Владимир же

Продолжение таблицы

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
98	Сковородов Михаил Никитич	–	–	–	2 сына
99	Смирнов Андрей Григорьевич	–	–	–	Максимилиан, Михаил, Павел, Григорий
100	Смирнов Иван Васильевич	–	–	–	–
101	Тонков Михаил Петрович	–	–	–	Холост
102	Ульянова Авдотья Ивановна, вдова	43	Купеч.	–	Яков
103	Федоров Иван Федорович	–	–	–	Нет
104	Филев Никита Яковлевич	–	–	–	–
105	Флягин Иван Иванович	–	–	–	Нет
106	Фомин Петр Мефодьевич	49	–	–	Николай, Семен
107	Фуксман Илья Леонтьевич	–	–	–	Григорий
108	Фуксман Осип Леонтьевич	–	–	–	Янкель, Моисей, Леонтий
109	Хаймович Григорий Иосифович	–	–	–	Иосиф, Борис, Абрам, Сергей
110	Хмелев Иван Васильевич	–	–	–	Нет
111	Хмелинская Анна Гавриловна	–	–	–	Максимилиан
112	Хотимская Мерьям Вульфовна	–	–	–	Моисей
113	Хотимский Миней Борисович	–	Купеч.	–	Барил
114	Чевелев Ксенофонт Михайлович	–	–	–	Тимофей, Иван, Петр
115	Черемных Михаил Павлович, перешел в 1877 г. в первую гильдию	–	–	–	Иннокентий, Владимир, Валерьян
116	Чертолин Иван Егорович	–	–	–	Нет
117	Чертолин Константин Егорович	–	–	–	Нет, холост
118	Шмотин Григорий Семенович	–	–	–	Нет
119	Шумилов Илья Иванович	38	Купеч.	–	Нет
120	Шумилов Павел Борисович	–	–	–	Василий
121	Щекин Петр Матвеевич	–	–	–	2 сына
122	Ячменев Иван Иванович	–	–	–	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Томские купцы первой гильдии в 1887 г.					
1	Валтусов Семен Степанович	61	Купеч.	Торговля, рыбопромышл.	Усыновл. Владимир Смирнов, удочерен. Мария Зоркальцева
2	Голдобин Николай Петрович	-	Крестьян.	Торговля	Николай, Василий, 5 дочерей
3	Гортиков Михаил (Мендель) Яковлевич	40	Мещан.	Торговля	Ревака
4	Грибушин Николай Иванович	-	-	-	Дочь
5	Кухтерин Евграф Николаевич	53	Крестьян.	Извоз, торговля	Алексей, Александр, Иннокентий, Владимир, Василий, Феофания, Екатерина
6	Михайлов Петр Васильевич	54	-	-	Нет
7	Озорнин Александр Петрович	40	-	-	Усыновл. Василий
8	Пастухов Андрей Николаевич	52	Крестьян.	Винокурение, торговля	-
9	Пушников Федор Харлампиевич	56	»	Извоз, торговля	Нет
10	Фуксман Илья Леонтьевич	49	Мещан.	Винокурение, торговля	Мария
Томские купцы второй гильдии в 1887 г.					
1	Акулов Яков Ильич	63	-	Торговля	Нет
2	Андреев Козьма Андреевич	52	-	-	Роман
3	Баранчуков Николай Павлович	63	-	-	Александр, Василий
4	Батурин Николай Ильич	55	-	-	Платон, Владимир, Николай
5	Баукин Гавриил Семенович	-	-	-	Иван, Алексей, Сергей
6	Бейлин Рафаил Александрович	49	-	-	Леонид, Соломон, Борис, Григорий
7	Бейлина Глафира Борисовна	43	-	-	Нет
8	Богомоллов Иван Герасимович	45	-	-	Александр, Андриян

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
9	Болотов Петр Васильевич	40	–	–	Нет
10	Брильянтчиков Лейба Семенович	–	–	–	Симон, Исай,
11	Бронников Павел Александрович	48	–	–	4 дочери
12	Вахитов Абдул Латыпович	34	–	–	2 дочери
13	Вытнов Василий Никифорович	66	Купеч.	Винокурение, торговля	Гавриил, Петр, у него дети: Сергей, Василий, 4 дочери
14	Вяткин Никита Нестерович	–	–	–	4 сына, дочь
15	Гершевич Гирша Мордухович	36	–	–	4 дочери
16	Голованов Егор Михайлович	47	–	–	Вениамин, Сергей
17	Горохов Владимир Александрович	37	Купеч.	Мукомольн. произв., торговля	Сергей, Анна, Александра, Надежда
18	Грехов Александр Иванович	–	–	–	Нет
19	Дистлер Калман Бенцианович	42	–	–	5 сыновей, 4 дочери
20	Дмитриев Евграф Семенович	25	Купеч.	–	Нет
21	Дубровин Аполлон Павлович	36	–	–	Нет. Холост
22	Ельдештейн Андрей Евгеньевич	38	Купеч.	Ростовщичество, торговля	Андрей, Николай, 2 дочери
23	Ельдештейн Василий Евгеньевич	37	»	», паромоводство	Евгений, Андрей, Александр
24	Еренев Иван Александрович	60	»	Кожевен. производство, торговля	Иван, Алексей, Николай, Яков, Стефан, 5 дочерей
25	Желтовский Степан Степанович	–	–	–	Борис, Глеб, Степан, Петр
26	Завьялов Иван Михайлович	62	Крестьян.	Торговля	Гавриил, Евгений
27	Зырин Илья Петрович	–	–	–	Нет
28	Иванов Дмитрий Хрисогонович	52	–	–	Нет
29	Игнатов Тимофей Михайлович	64	Крестьян.	Торговля	Василий, Константин, Иван; от второго брака: Наталья, Анна

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
30	Ильин Александр Павлович	34	Купеч.	Торговля	4 сына, дочь
31	Ицкович Григорий Иванович	49	Мещан.	–	Холост
32	Казанцев Павел Ильич	38	–	–	Петр, Александр, Николай, Иван, Дмитрий, 2 дочери
33	Карнаков Андрей Петрович	52	–	–	Александр, Иван
34	Карякин Александр Петрович	44	–	–	Петр, 6 дочерей
35	Козлов Иван Николаевич	42	–	–	Константин
36	Козьмин Семен Козьмич	54	–	–	Алексей, Иван, Петр, Семен
37	Колотилов Константин Николаевич	41	Мещан.	Торговля	2 дочери
38	Костыгин Григорий Григорьевич	52	–	–	Иван
39	Кузнецов Евгений Дмитриевич	53	–	–	3 дочери
40	Лапин Иван Федорович	57	–	–	Иннокентий, 3 дочери
41	Левин Бер Израилевич	58	–	–	Самуил, Гирша, Эсфирь
42	Ливен Герман Иванович	34	–	–	Александр
43	Ляпунов Михаил Петрович	36	–	–	Дочь
44	Малых Александр Герасимович	45	–	–	Петр, Сергей, 4 дочери
45	Медведев Михаил Ильич	–	–	–	Холост
46	Мирер Иван Яковлевич	45	–	–	Анна
47	Назаров Степан Иванович	49	–	–	Иван, Николай
48	Наумов Федор Панфилович	40	–	–	Василий
49	Некрасов Иван Максимович	36	Купеч.	Торговля	2 дочери
50	Некрасов Максим Иванович	67	»	»	Александр
51	Ненашев Петр Петрович	47	»	»	Константин, Владимир
52	Ненашев Семен Петрович	44	»	»	2 дочери
53	Нечаев Николай Андреевич	–	–	–	Нет
54	Носков Василий Евстафьевич	55	–	–	Дочь
55	Патрушев Викул Герасимович	42	–	–	Николай, Евгений, 2 дочери

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
56	Пермитин Матвей Федорович	51	–	–	Нет
57	Пепеляев Петр Иванович	61	–	–	–
58	Петров Афанасий Михайлович	53	–	–	Семен, Петр
59	Петрова Матрена Васильевна	60	–	–	Нет
60	Пиленков Григорий Степанович	55	–	–	Федор, Блия
61	Пилясов Николай Акимович	32	–	–	Холост
62	Сапожников Платон Иванович	38	–	–	Нет
63	Селиванов Николай Александрович	34	–	–	Нет
64	Селиванов Флегонт Николаевич	53	–	–	Михаил, Николай, Анна
65	Серебренников Михаил Федорович	45	Купеч.	Торговля	Нет
66	Смирнов Андрей Григорьевич	–	–	–	Николай, Максим
67	Смирнов Иван Васильевич	56	–	–	Иван, Клавдия
68	Сорокин Ефим Иванович	58	–	–	Владимир
69	Сорокин Игнатий Иванович	60	–	–	5 сыновей, 6 дочерей
70	Тельных Александра Дмитриевна	28	Купеч.	Торговля	Нет
71	Тельных Николай Иванович	40	»	»	Николай, Иннокентий
72	Теплицкая Авдотья Ивановна	31	–	–	2 дочери
73	Тихомиров Александр Яковлевич	31	–	–	Нет
74	Тонков Михаил Петрович	38	–	–	Михаил, Петр, Иван, Мария
75	Ульянова Евдокия Ивановна, вдова	56	Купеч.	Кожевен. производ- водство, торговля	Яков Евграфович, внук Иван
76	Филев Никита Яковлевич	63	–	–	Нет
77	Фуксман Григорий Ильич	24	Купеч.	Винокурение, торговля	Холост
78	Фуксман Исай Ковлевич	28	»	»	»
79	Фуксман Осип Леонтьевич	–	–	»	Яков, Моисей
80	Харитоновна Акулина Григорьевна	–	–	–	–
81	Чайгин Иван Андреевич	46	–	–	2 дочери
82	Чайгин Николай Мартынович	51	–	–	Нет
83	Чевелев Ксенофонт Михайлович	60	Крестьян.	Извоз, торговля	Тимофей, Иван, Петр, Наталья
84	Шадрин Диомид Романович	38	–	–	Нет
85	Шмаргонер Диана Хаимовна	34	–	–	3 сына, 5 дочерей
86	Шумилов Илья Иванович	48	–	–	Нет

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
87	Шумилов Павел Борисович	61	–	–	Василий
88	Юдалевич Иосиф Абрамович	34	–	–	Эйнос, 2 дочери
89	Япшо Яков Ааронович	42	Мещан.	Ростовщичество, торговля	Исай, Илья, Павел
90	Ячменев Иван Иванович	49	–	–	Холост
Томские купцы первой гильдии в 1896 г.					
1	Андреев Прохор Алексеевич, проживает в Тюмени	56	Купеч.	Торговля сукнами собств. производства	Вдов, дочь Валентина
2	Горохов Владимир Александрович, проживает в с. Бердском Барнаульского округа	49	»	Торговля мукой (крупчаткой) собств. произв.	Сергей, Александр, 4 дочери
3	Заславский Николай Соломонович	56	–	Торг. тканями, одеждой, галантереей, парфюмерией	Семен, Соломон
4	Иванов Дмитрий Хрисанфович	64	–	Торговля сахаром и табаком	Павел, Петр, Константин
5	Кирилов Аким Александрович	43	–	Торговля приисковым товаром	4 сына, дочь
6	Кузнец Хаим Давидович	39	–	Подрядчик Средне-Сибирской ж. д.	Дочь Марьяна
7	Кухтерин Алексей Евграфович	38	Купеч.	Транспорт, промышл., торговля	Нет
8	Литвинов Семен Васильевич, в Томске не проживал	40	–	Оптовая торговля	Холост
9	Михайлов Петр Васильевич	66	–	Торговля мануфактурой, чаем, сахаром	Нет
10	Молчанов Никон Александрович	30	–	Торговля	Александр, 2 дочери
11	Пастухова Фекла Степановна, вдова	62	Купеч.	Торговля, крупчатое произв.	Нет
12	Фуксман Илья Вульфович (Леонтьевич)	61	–	Торговля мукой собств. производства	Маргарита
13	Хотимский Исай Борисович	46	Купеч.	В Томске не торгует	Холост
14	Чевелев Ксенофонт Михайлович	72	Крестьян.	Торгует в Канске, доставка товаров	Тимофей, Иван, Петр

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Иногородние купцы первой гильдии, торговавшие в Томске в 1896 г.					
1	Андреева А.П. наследники (Екатеринбург)	–	–	Сукно собств. фабрики	–
2	Бардыгин Никифор Михайлович (Егорьевск)	–	–	Склад мануфакт. товара	–
3	Второв Александр Федорович (Иркутск)	–	–	Торг. мануфак- турой	–
4	Гессе К.В. (Рига)	–	–	Склад пробок и капсулей	–
5	Гирбасов Ф.Г. (Елабуга)	–	–	Торг. табаком	–
6	Давыдов П.В. (Екатеринбург)	–	–	Механич. инст- рументов магазин	–
7	Жернаков Евграф Александрович	–	–	Крупчатка, све- чи, мыло собств. заводов	–
8	Королев Евграф Иванович (Ростов)	–	–	Виноторг.	–
9	Королев Всеволод Иванович (Ростов)	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
10	Немчинов Андрей Яковлевич (Тара)	–	–	»	–
11	Наследница В.Е. Фоминского (Кунгур)	–	–	Торг. обувью собств. завода	–
12	Перевалов Михаил Александрович (Кяхта)	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
13	Раатовский Вячеслав Степанович	–	–	Подряд на элек- тросвещ.	–
14	Стахеев Николай Дмитриевич (Елабуга)	–	–	Торг. мануфак- турой	–
15	Серебренников Яков Михайлович (Таганрог)	–	–	Торг. табаком	–
16	Шишмаков Матвей Васильевич (Кяхта)	–	–	Торг. чаем	–
17	Швецов Алексей Васильевич (Кяхта)	–	–	–	–
18	Ятес Иван Егорович (Красноуфимск)	–	–	Торг. бумагой собств. произ- водства	–
Томские торговые дома (ТД) и товарищества (Т-ва) в 1896 г.					
1	ТД «Иван Богомолов и сын»	–	–	Торговля мукой, 2 дома и мельница	–
2	ТД «В. Вытнов с сыном Петром»	–	–	Виноторговля, склады, погреба	–
3	ДТ «Кирилов и Никитин»	–	–	Торговля приис- ковым товаром	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
4	ТД «Семен Козьмин и сыновья»	–	–	Восковое производство, свечной завод	–
5	ТД «Некрасов Иван Максимович»	–	–	Торг. скобяным и железным товаром, паровой кирпичный завод	–
6	ТД «Александра Попова сыновья»	–	–	Торг. москательным товаром собств.	–
7	ТД «Евграф Кухтерин и сыновья»	–	–	Транспортировка грузов, торговля	–
8	ТД «Ф.Х. Пушкинков и К ^о »	–	–	»	–
9	ТД «Родкоков Алексей Дормидонтович»	–	–	Торговля присковым товаром, крупчаткой собств. производства	–
10	«Ростовское т-во» (Е.И. Королев, В.И. Королев, П.Н. Кайманович)	–	–	Торговля вином, чаем, сахаром, доставка грузов	–
11	ДТ «И.В. Смирнов и сын»	–	–	Торговля золотыми и сереб. изделиями	–
12	ТД «А. Толкачев и Д. Сквородов»	–	–	Торговля кожевен. изделиями, табаком, бумагой	–
13	Т-во на вере «А. Щепкин и Д. Сквородов»	–	–	Аптека	–
Томские купцы второй гильдии в 1896 г.					
1	Агапитов Николай Автономович	47	–	Торговля	Инокентий, Никита, Василий
2	Андреев Козьма Андреевич	65	–	Торг. завед. на ул. Обруб в собств. доме	Роман
3	Баранчуков Николай Павлович	76	–	Прядильное заведение	Александр, Василий
4	Батурин Николай Ильич	67	–	Торговля на базаре	Владимир, Николай
5	Баукин Гаврил Семенович	44	–	Торговля	5 сыновей, 2 дочери
6	Беер Семен Мартинович	38	–	Торговля вином	Максим, Галина
7	Безходорнов Петр Васильевич	52	–	Торговля	Николай, 2 дочери
8	Бейлин Рафаил Хацкелевич	58	–	Торговля на базаре	5 сыновей, 3 дочери

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
9	Богомоллов Александр Иванович	32	Купеч.	Торговля	Владимир, 3 дочери
10	Богомоллов Петр Иванович	50	Купеч.	Торговля железным товаром	Николай, Иван, Петр, Яков, 3 дочери
11	Бревно Владимир Капитонович	33	–	»	Борис, Леонид
12	Бронников Павел Алексеевич	60	–	Кожевенный завод	Иван, 4 дочери
13	Валгусов Михаил Федорович	60	Купеч.	Торговля	Владимир
14	Вытнов Василий Никифорович	78	»	Виноторговля, ренсковый погреб	Гавриил, Капитолина
15	Вытнов Петр Васильевич	51	»	»	Сергей, Петр, Василий, 3 дочери
16	Гиршевич Гирша Мордухович	51	–	Торговля	Даниил, 4 дочери
17	Голованов Георгий Михайлович	58	–	»	Вениамин, Сергей, Леонид, Александр
18	Дашевский Наум	39	–	»	Нет
19	Дистлер Калман Бенционович	52	–	Торг. завед. на ул. Татарской	6 сыновей, 2 дочери
20	Донд Абрам Мовшевич	46	–	Торговля	3 сына
21	Дубровина Софья Моисеевна	37	–	Торговля, меховой магазин	2 дочери
22	Ельдештейн Андрей Евгеньевич	50	–	Торговля	4 сына, дочь
23	Ельдештейн Василий Евгеньевич	49	–	Торговля, пароходство	Евгений, Андрей
24	Еренев Иван Алексеевич	72	Купеч.	Торговля, кожевен. завод	Иван, Алексей (на воен. службе), Николай, Яков, Стефан, 4 дочери
25	Житков Иван Иванович	46	–	Торговля	Антонина
26	Заиграев Абрам Айзикович	51	–	»	Миней, Моисей
27	Зайд Янкель Зайвелевич	60	–	Лавка на ул. Дворянской, 32	Лазарь, 2 дочери
28	Зверев Дмитрий Егорович	33	–	Промышл. заведение	Константин

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
29	Зеленевский Владимир Яковлевич	52	–	Пивоварен. завод	3 сына, 3 дочери
30	Иванов Николай Николаевич	33	Купеч.	Промышл. завед. на ул. Магистратской	Иннокентий, Ольга
31	Иванов Федор Николаевич	30	»	Торговля	Нет
32	Игнатов Василий Тимофеевич	43	–	Торговля на базаре	Иван, Павел
33	Ильина Пелагея Михайловна, вдова	45	Купеч.	Кожевен. завод	5 сыновей, 4 дочери
34	Ицкович Григорий Иванович	61	–	Торговля	Александр
35	Касаткина Александра Петровна	43	–	Торговля	3 сына, 4 дочери
36	Козлов Иван Савельевич	49	–	Промышл. завед.	4 сына
37	Козьмин Семен Кузьмич	66	–	Кожевен. завод	4 сына, дочь
38	Колосов Игнатий Иванович	49	–	Торг. в гостинном дворе железом	Нет
39	Колотиллов Константин Николаевич	52	–	Торговля на базаре	2 дочери
40	Кухтерин Александр Евграфович	29	Купеч.	Участие в ТД	Нет
41	Кухтерин Иннокентий Евграфович	28	»	»	»
42	Кухтерин Владимир Евграфович	23	»	»	»
43	Лапин Иван Федорович	68	–	Торговля чаем	Иннокентий
44	Левин Бер Израилевич	68	–	Торговля	2 сына, 3 дочери
45	Лейбович Мордух Абрамович	46	–	Лавка на базаре	2 дочери
46	Ливен Герман Иванович	47	–	Торг. галантерейным товаром	Александр, Владимир, Николай
47	Ляпунов Михаил Петрович	49	–	Кожевен. завод	5 сыновей, 3 дочери
48	Малых Гавриил Петрович	34	Купеч.	Обувная лавка	Степан, Иван, 2 дочери
49	Максимов Макар Иванович	47	–	Лавка на базаре	Николай, Федор, Андрей, 4 дочери
50	Метелев Иван Ксенофонтович	49	–	Торг. завед. по ул. Б. Подгорной, 40	Стефан
51	Минский Моисей Исаевич	28	Купеч.	Торговля, промышл.	Холост
52	Наумов Федор Панфилович	55	–	Торг. завед. на ул. Миллионной	Нет

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
53	Некрасов Александр Максимович	38	Купеч.	Краскотерочное завед., торг. на базаре	Иван, Модест, Николай, 2 дочери
54	Ненашев Семен Петрович	56	Купеч.	Торг. галантерейным товаром	2 дочери
55	Носков Василий Евстафьевич	67	–	Торговля	Ольга
56	Осипов Александр Иванович	32	–	»	Николай, Сергей, Алексей, Анна
57	Павлов Илья Павлович	37	–	–	Нет
58	Петрушев Викула Герасимович	53	–	Экипажная мастерская	Николай, Викул
59	Пастухова Фекла Степановна, вдова	65	Купеч.	Ренковский погреб, ул. Набер. Ушайки, 6	Нет
60	Пермитина Анна Васильевна	56	–	Торговля	Василий, дочь
61	Петров Афанасий Михайлович	67	–	Шорная лавка на базаре	Нет
62	Петров Семен Афанасьевич	44	–	Торговля	5 сыновей, 2 дочери
63	Пешковский Иосиф Яковлевич	47	–	Лавка на ул. Магистратской, 44	Яков, Константин
64	Пискунов Назар Гаврилович	60	–	Торг. мясом	Иван, Иннокентий, Николай
65	Рейхзелигман Михаил Иосифович	57	–	Пивоварен. завод	Михаил
66	Сапожников Михаил Федорович	38	Купеч.	Торговля	Сергей, 2 дочери
67	Селиванов Флегонт Николаевич	68	Крестьян.	Шорная лавка на базаре	Михаил
68	Скворцов Дмитрий Михайлович	35	Купеч.	Торг. заведение на ул. Почтамтской	Сергей
69	Смирнов Иван Васильевич	68	–	Торг. заведение на ул. Миллионной	Нет
70	Смирнов Иван Иванович	30	Купеч.	Промышл. завед.	Иван
71	Сыромятников Иван Петрович	47	–	Торговля	Сергей, Борис
72	Сычев Иван Денисович	43	–	Лавка на базаре	Нет
73	Тельных Николай Иванович	54	–	Торг. заведение	Николай, Иннокентий
74	Тецков Владимир Дмитриевич	30	Купеч.	Лавка на ул. Духовской, 10	Холост
75	Тихонов Иван Егорович	39	–	Торговля, промыслы, ул. Обруб, 8	Нет

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
76	Тряпицын Николай Васильевич	43	–	Завед. по скупке птицы	4 сына, 3 дочери
77	Ульянов Яков Евграфович	39	Купеч.	Кожевен, лавка на базаре	Иван, Михаил, Николай
78	Усачев Александр Петрович	45	–	Торг. завед. в гостином дворе	Нет
79	Фильденмайер Константин Эрнестович	28	–	Посредничество	Нет
80	Флеер Гутман Фишелевич	34	–	Промышл. завед.	4 сына
81	Фролова Наталья Ивановна, вдова	53	Купеч.	Торговля	Константин
82	Фуксман Григорий Ильич	34	Купеч.	Транспорт. грузов	Владимир
83	Фуксман Иосиф Леонтьевич	53	–	Аптека	Дочь
84	Фуксман Берко Вульфович	47	–	Торговля	6 дочерей
85	Фуксман Яков Иосифович	34	Купеч.	»	Холост
86	Хамитов Мухамет Карым	27	–	»	2 дочери
87	Харитоновна Акулина Григорьевна, вдова	58	Купеч.	»	–
88	Хейсин Миней Яковлевич	41	–	Торговля на базаре	Нет
89	Хмелев Иван Васильевич	54	–	Торг. завед. на базаре	Нет
90	Чайгин Иван Андреевич	55	–	Торговля солью и мукой	Дмитрий, 2 дочери
91	Шадрин Диомид Романович	49	Купеч.	Лавка на Иркутском тракте, 14	Степан
92	Шерцингер Изидор Иванович	62	–	Торговля	Нет
93	Шершевский Лазарь Маркович	44	Мещан.	Торговля	Марк, 2 дочери
94	Шумилов Илья Иванович	60	–	Торговля	Нет
95	Шумилов Павел Борисович	70	Купеч.	Промышл. завед.	Нет
96	Юдалевич Иосиф Абрамович	45	–	Магазин тканей	Эйнох, 4 дочери
97	Якимов Иван Константинович	44	–	Торг. железом в гост. дворе	3 сына, 3 дочери
98	Яппо Павел Ааронович	54	–	Торговля	Исай, Павел
99	Ячменев Иван Иванович	62	Купеч.	Табачная лавка	Нет
Иногородние второй гильдии купцы, торговавшие в 1896 г. в Томске					
1	Анцелевич А.В.	–	–	Часы, золото, бриллианты	–
2	Андроновский Ипполит Игнатьевич	–	Дворян.	Виноторг.	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
3	Аронов М.И.	–	–	Меховой магазин	–
4	Барсуков Евграф Филиппович	–	–	Жировой товар	–
5	Байрутдинов Салейхуддин	–	–	Торг. мануфакт.	–
6	Башмаков Павел Александрович	–	–	Торг. чаем и скобян. товаром	–
7	Борисов Иван Яковлевич	–	–	Торг. пшубами	–
8	Берестов Николай Павлович	–	–	Кожевенный товар	–
9	Беляев Николай Яковлевич	–	–	Типография	–
10	Бер С.М.	–	–	Винный склад	–
11	Березницкий Яков Иустинович	–	–	Торг. мануфакт.	–
12	Будзько Феофил Осипович	–	–	Виноторг.	–
13	Васильев Алексей Никитич	–	–	Торг. бакалей и вином	–
14	Винер Борис Иванович	–	Дворян.	Торг. порохом	–
15	Вань-ху-синь-чжен	–	–	Торг. китайск. товаром	–
16	Гольдберг Фейга Маркович	–	–	Часовой магазин	–
17	Грязнов Гавриил Васильевич	–	–	Крупч. собств. производства	–
18	Гладышев Андрей Григорьевич	–	–	Жировой товар	–
19	Голдобин Владимир Андрианович	–	–	Кожевен. и прииск. товар	–
20	Гершевич Давид Лазаревич	–	–	Торг. бакалей	–
21	Девиссон Карл Карлович	–	–	Комиссионер разл. фирм	–
22	Довят Никодим Варфоломеевич	–	–	Виноторг.	–
23	Дедохин Николай Иванович	–	–	Жировой товар	–
24	Елизаров Андриан Андрианович	–	–	Мелочной торг	–
25	Егоров Егор Егорович	–	–	Постоялый двор	–
26	Желябо Леонтий Дмитриевич	–	–	Кожев. товар, готовая обувь	–
27	Зверев Дмитрий Егорович	–	–	Дрожжевой завод	–
28	Иваницкий Иван Матвеевич	–	–	Золотопромышл. пар. лесопильня	–
29	Иванов Александр Николаевич	–	–	Торг. мебелью	–
30	Иценков Иван Абрамович	–	–	Виноторг.	–
31	Кадиш М. К.	–	–	Канц. товары	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
32	Крюгер Роберт Иванович	–	–	Пивовар. завод	–
33	Конюхов Севастьян Иванович	–	–	Галантер., скобян., парфюмерн. и др. товар	–
34	Китц Юлиан Фридрихович	–	–	Колбасное заведение	–
35	Кузнецов Леонтий Дмитриевич	–	–	Виноторг.	–
36	Казаков Иван Степанович	–	–	Торг. лесом	–
37	Куренков Михаил Леонтьевич	–	–	Доставка товаров	–
38	Киселев Христофор Михайлович	–	–	Торг. железом	–
39	Каракулов Николай Николаевич	–	–	Изготовл. экипажей	–
40	Кавко Александр Владимирович	–	–	Парикмахерская	–
41	Кочнев Алексей	–	–	Бакалейн. товары	–
42	Климентов Дмитрий Антонович	–	–	Торг. виноград. винами	–
43	Кудрин Григорий Семенович	–	–	Бакал., галантер. товары	–
44	Кухмакова Вера Николаевна	–	–	Модный магазин	–
45	Лагунов Иван Иванович	–	–	Жиров. товар	–
46	Ларин Федор Петрович	–	–	»	–
47	Лотов Павел Иванович	–	–	Торг. мясом	–
48	Луков Иван Петрович	–	–	Скобян. и же- лезн. товар	–
49	Ложников Петр Иванович	–	–	Виноторг.	–
50	Леонов Александр Миронович	–	–	Пряничное заведение	–
51	Лобанов Ксенофонт Максимович	–	–	Ресторан	–
52	Лесненко Алексей Иванович	–	–	Скупает мясо, перо, пух, яйца	–
53	Любецкий К.И.	–	–	Виноторг.	–
54	Лямин Григорий Семенович	–	–	»	–
55	Макушин Петр Иванович	–	–	Книжн., музык., канц. магазин, типография	–
56	Малых Гавриил Петрович	–	–	Торг. шубами	–
57	Мельникова Евдокия Ивановна	–	–	Пароходство	–
58	Масалитинова Анна Максимовна	–	–	Чай, сахар, рус- ские кружева	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
59	Михальская Клавдия Федоровна	–	–	Виноторг., бакал. товары	–
60	Михалский Иван Петрович	–	–	»	–
61	Медведев Ефим Егорович	–	–	Кожевен. производство	–
62	Нечаев Андриан Егорович	–	–	Оптич. и хирургич. магазин	–
63	Нечаев Николай Андреевич	–	–	Торг. кожами собств. произв.	–
64	Носкова Марфа Павловна	–	–	Виноторг.	–
65	Осипов Емельян Афанасьевич	–	–	Бакалея, посуда, вино	–
66	Перетц Николай Борисович	–	–	Белошвейн. мастерская	–
67	Перевалов Иван Данилович	–	–	Посуда собств. фабрики	–
68	Перман И.А.	–	–	Часовой магазин	–
69	Пермякова Мария Александровна	–	–	Торг. железом	–
70	Пичугин Федор Федосеевич	–	–	Кирпич. завод	–
71	Плотников Николай Николаевич	–	–	Хлеботорг.	–
72	Поляков Николай Петрович	–	–	Доставка товаров	–
73	Поздняков Иван Васильевич	–	–	Торг. разным товаром	–
74	Прохоров Семен Федорович	–	–	Кожевен. товар	–
75	Рукавишников Петр Никанорович	–	–	Торг. мебелью и обувью	–
76	Салтыков Порфирий Ильич	–	–	Модный магазин	–
77	Салищев Антип Яковлевич	–	–	Жиров. товар	–
78	Сафонов Василий Алексеевич	–	–	Виноторг.	–
79	Сребалис Ф.Ф.	–	–	Комиссионер разл. фирм	–
80	Семенов Григорий Федорович	–	–	Экипажи	–
81	Селиванов Лаврентий Ефимович	–	–	Торг. железом	–
82	Селезнев Антон Иванович	–	–	Торг. бакал. товаром	–
83	Сырцова Александра Александровна	–	–	»	–
84	Смирнова Анастасия Семеновна	–	–	Виноторг.	–
85	Степанов Иван Леонтьевич	–	–	Доставка товаров	–
86	Сиразитдинов С.	–	–	Торг. фруктами	–
87	Сидорова Лукерья Ивановна	–	–	Виноторг.	–
88	Слосман Евсей Мордухович	–	–	Торг. шляпами	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
89	Тимофеев Яков Иванович	–	–	Жиров. товар	–
90	Толкачев Петр Алексеевич	–	–	Ружейный магазин	–
91	Трусколевский Осип Матвеевич	–	–	Мелочной торг	–
92	Фахрутдинов Зелятдин	–	–	Азиатские товары	–
93	Федулов Иван Иннокентьевич	–	–	Крупчатка собств. производства	–
94	Фильберт Александр Александрович	–	–	Колбасн. и консервн. производство	–
95	Чо-ли-чан-ван-ху-синь	–	–	Китайские товары	–
96	Чевелев Василий Михеевич	–	–	Доставка товаров	–
97	Чердынцев Виктор Петрович	–	–	Виноторг.	–
98	Шелковников Николай Аполлонович	–	–	Погреб иностр. вин	–
99	Шмотин Григорий Степанович	–	–	Шорная торговля	–
100	Шмидт Владимир Федорович	–	–	Музыкальн. магазин	–
101	Шур Н.Г.	–	–	Кожан. и дорожн. вещи	–
102	Юкляевский Трофим Васильевич	–	–	Бакалейн. товар	–
103	Юкляевская Агафья Варфоломеевна	–	–	»	–
104	Яковлев Павел Викторович	–	–	Жиров. товар	–
Кушцы первой гильдии г. Барнаула, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Сухов Василий Дмитриевич	36	Купеч.	Торг. мануфакт., бакал., галант., железн. товаром	–
Кушцы второй гильдии г. Барнаула, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Астарев Иван Яковлевич	–	–	Канатно-прядильн. завед.	–
2	Астарев Владимир Яковлевич	–	–	»	–
3	Бергман Иван Федорович	–	–	Хлебн., жиров. товар, мельница	–
4	Большев Иван Семенович	–	–	Жиров. товар	–
5	Бодунов Вонифатий Григорьевич	52	Мещан.	Торг. мукой, мельница	–
6	ТД «Бр. Воросины и Олонина»	–	–	Виноторг., винокур. завод	–
7	Голев Василий Иванович	60	Крест.	Кожевен. завед.	Александр, Павел, Николай, Михаил, Виктор, Мария

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
8	Голев Павел Васильевич	28	Купеч.	»	Таисия
9	Иванов Яков Варламович	26	–	Торг. мануфактура	–
10	Кайманович Петр Никитич	–	–	Хлебн. дело	–
11	Колмаков Алексей Сергеевич	–	–	Виноторг.	–
12	Колокольников Александр Иванович	50	–	Жиров. товар	Семен, Николай, Михаил, Степан, Мария
13	Колокольников Иван Иванович	44	–	Торг. мясом	–
14	Кулев Федор Алексеевич	–	–	–	–
15	Кутузов Григорий Осипович	–	–	Торг. мануфакт.	Николай, 3 дочери
16	Маштаков Гавриил Данилович	28	–	»	–
17	Морозов Григорий Евдокимович	73	–	»	Андрей
18	Поляков Иван Герасимович	60	Купеч.	Шубное и пимокат. завед.	Иван, Александр
19	Поляков Иван Иванович	34	»	»	Анатолий, Виктор
20	Попов Александр Гаврилович	56	»	Кожев. и железн. товаром	Константин, Сергей, Александр, Петр
21	Поскотинов Василий Иванович	48	–	Винокур. завод	Анатолий
22	Сбитнев Петр Савельевич	34	Купеч.	Кирпичн. завод, торговля	Егор
23	Смирнов Иван Федорович	38	–	Универсальн. торговля	Андрей, Петр
24	Спорыхин Сергей Петрович	–	–	Скупка пушнины и шерсти	–
25	Спорыхин Иван Петрович	44	–	Торг. кожев., жиров., скобян. товаром	Михаил, 2
26	Страхов Михаил Иванович	34	–	Хлебн. торговля	–
27	ТД «Бр. Степановы»	–	–	»	–
28	ТД «Дм. Суханова сыновья»	–	Купеч.	Универсальн. торговля	–
29	Федулов Иван Иннокентьевич	63	Мещан.	Хлебное дело	Петр, Иннокентий, Иван, Валериан, Анна, Мария

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
30	Филатов Федор Дмитриевич	47	Купеч.	Маслобойн. завед.	–
31	Хмелев Василий Иванович	49	–	Торг. кожев., скобян. железн. товаром	–
Иногородние купцы первой гильдии, торговавшие в г. Барнауле в 1896 г.					
1	Платонов Иван Константинович	45	Дворян.	Винокурен. завод, мельница, торговля	–
Иногородние купцы второй гильдии, торговавшие в г. Барнауле в 1896 г.					
1	Андроновский Ипполит Игнатъевич	–	Дворян.	Виноторг.	–
2	Богомоллов Иван Герасимович	56	Крест.	Хлеботорг., мельница	Александр
3	Большаков Гавриил Тимофеевич	–	–	Торг. мануфакт.	–
4	Вершинин Михаил Васильевич	–	–	Торг. головн. уборами	–
5	Верюжский Иван Александрович	–	–	Бакалейн. товар	–
6	ТД «Бр. Волковы»	–	–	Мануфакт., галант. товар	–
7	Голдырев Василий Иванович	–	–	Канатно-веревочн. завод	–
8	Голев Александр Васильевич	34	Купеч.	Кожевен. товар	–
9	Дмитриев Иван Николаевич	–	–	Хлебное дело	–
10	Дедов Платон Гаврилович	–	–	Жиров. товар	–
11	Еремеев Михаил Николаевич	31	Купеч.	Виноторг.	Петр
12	ТД «Бр. Ерофеевы»	–	–	»	–
13	Жернаков Евграф Александрович	49	Мещан.	Хлеботорг., пароходство	Александр, Екатерина
14	Звездин Павел Евграфович	–	–	Гостиница	–
15	Зуев Степан Тарасович	–	–	Мануфакт. товар	–
16	Иванов Иван Варламович	44	Купеч.	»	–
17	Иммерман Александр Францевич	–	–	Модный магазин	–
18	ТД «Бр. Каменские»	–	–	Транспорт, контора	–
19	Карнаухов Александр Прокопьевич	–	–	Жиров. товар	–
20	Карамышев Степан Михайлович	–	–	Хлеботорг.	–
21	Корнилова Феликита Васильевна	–	–	»	–
22	Козлов Родион Григорьевич	–	–	Торг. мануфакт., обувь	–
23	Кульмаметьев Вениамин Назарович	–	–	Жиров. товар	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
24	Мальков Иван Иванович	–	–	Виноторг.	–
25	ТД «Бр. Макаровы»	–	–	Хлебное дело	–
26	Маскенский Михаил Петрович	–	–	Торг. кожевен. товаром	–
27	Морозов Василий Федорович	46	–	Торг. жиров. и бакал. товаром	Владимир, Леонид
28	Николаев Иван Рафаилович	–	–	Пивовар. завод	–
29	Николаев Петр Андреевич	–	–	Мелочн. торг	–
30	Попов Дмитрий Михайлович	–	–	Москательн., галант. товар	–
31	Пранг Юлия Августовна	–	Дворян.	Содовый завод	–
32	Пономарева Надежда Аполлоновна	–	Купеч.	Виноторг.	–
33	Пятков Михаил Федорович	–	Купеч.	Торг. хлебом, чаем, сахаром	–
34	Судовская Евдокия Ивановна	–	Дворян.	Виноторг.	–
35	Сковородов Александр Иванович	–	–	Аптека	–
36	Смердин Петр Елизарович	–	Мещан.	Пимокатн. завед.	–
37	Соловьев Павел Егорович	–	–	Шубное завед.	–
38	Сычев Алексей Михайлович	44	Купеч.	Торг. мануфакт. и галант. товаром	–
39	Телегин Александр Иванович	–	–	»	–
40	Флягин Николай Дмитриевич	–	Купеч.	Хлебное дело	–
41	Фуксман Илья Леонтьевич	60	Мещан.	»	Гирша, Вульф, Мария, Маргарита
42	Фонштейн Рувим Вениаминович	–	–	»	–
43	Хлыстов Денис Анфимович	–	–	Пимокатн. завед.	–
44	Чернов Константин Иванович	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
45	Шалавин Лев Николаевич	–	–	Торг. зол. и серебр. издел.	–
46	Шумихин Иван Степанович	–	–	Галант. товар	–
Купцы первой гильдии г. Бийска, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Морозова Елена Григорьевна	64	Крест.	Пароходство, универс. торговля	–
Купцы второй гильдии г. Бийска, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Бодунов Григорий Григорьевич	52	Мещан.	Торг. в Монголии	Андрей
2	Васенев Алексей Данилович	40	»	»	Константин
3	Гусев Николай Иванович	60	–	Виноторг.	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
4	Зильбербарт Алексей Алексеевич	27	Купеч.	Универс. торговля	–
5	Иванов Николай Васильевич	42	»	»	–
6	Кузнецов Иван Иванович	36	Мещан.	»	–
7	Кузнецов Разумник Иванович	36	»	Торг. в Монголии	–
8	Кузьмин Тимофей Иванович	40	»	Колониальный и галант. товар	–
9	Кукин Василий Сергеевич	–	–	»	–
10	Лагина Анна Федоровна	–	–	Торг. табаком	Приемный сын Иван
11	Мальцев Алексей Андриянович	72	Мещан.	Торг. в Монголии	Николай
12	Матвеев Андрей Милитонович	–	–	Мелочн. торг, колбасная	–
13	Осипов Василий Николаевич	45	Крест.	Универс. торговля	Александр, Ольга, Елена
14	Пискарев Владимир Гордеевич	53	Купеч.	»	Василий, Виктор
15	Поликарпов Федор Алексеевич	51	–	Торг. в Монголии	–
16	Потехин Степан Степанович	-	–	Мелочн. торг.	–
17	Притчин Михаил Александрович	40	Купеч.	Торг. мануфакт., бакалейн. и др.	Николай
18	Рыбаков Влас Максимович	55	Крест.	Виноторг.	Иван
19	Соломин Иван Прокопьевич	30	Мещан.	Скупка хлеба, жира, пушнины	Юлия
20	Страхов Георгий Иванович	30	Купеч.	Хлеботорг.	–
21	Суханов Аполлон Семенович	40	Мещан.	Мануфакт. товар	–
22	Сычев Михаил Савельевич	69	Крест.	Мануфакт., галант. и др. товар	Алексей, Александр, Михаил
23	Татаринцев Иван Иванович	40	–	»	–
24	Фирсов Петр Платонович	51	–	»	Андрей, Порфирий, Ольга, Любовь
25	Хакин Александр Иванович	31	Мещан.	»	Анатолий, Надежда, Софья
26	Шиханов Александр Дмитриевич	57	–	Торг. чаем и сахаром	–
27	Юразов Семен Иванович	48	Крест.	Мануфакт. торг.	–
Иногородние купцы в г. Бийске, торговавшие по свидетельству второй гильдии в 1896 г.					
1	Андроновский Ипполит Игнатъевич	–	Дворян.	Виноторг.	2
2	Архипов Викул Егорович	–	–	Комиссионер разных фирм	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
3	Алексеев Борис Алексеевич	–	–	Хлеботорг.	–
4	Асанов Николай Иванович	31	Мещан.	Торг. в Монголии	–
5	Бахтин Яков Исаакович	–	»	Кожев. товар, веревки и канаты	Василий, 4 дочери
6	Буньков Илья Егорович	–	–	Кожев. товар	–
7	Галанов Иван Абрамович	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
8	Доброхотов Федор Федотович	36	Крест.	Торг. кожев., мануфакт., галант. товаром	–
9	Ермолаев Павел Тимофеевич	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
10	Жданов Ефим Макарович	26	–	»	–
И	Компания Платонова и Судовской	–	Дворян.	Виноторг.	–
12	Кучковский Егор Никитич	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
13	Коломин Василий Яковлевич	–	–	Торг. мануфакт.	–
14	Пастухова Фекла Степановна	64	Крест.	Виноторг.	–
15	Пашков Егор Васильевич	–	–	Торг. мануфакт., галантер. и др. товарами	–
16	Плещеев Прокопий Федорович	–	–	Виноторг.	–
17	Соснов Александр Федорович	–	–	Мыло и свечи своего произв.	–
18	Федоров Семен Константинович	–	–	Гостиница	–
19	Федюпина Александра Яковлевна	31	Купеч.	Виноторг.	–
20	Яновская Софья Васильевна, вдова	–	Купеч.	»	–
Купцы второй гильдии г. Кузнецка, торговавшие в 1896 г.					
1	Ананьин Архип Иванович	–	–	Хлебн. и жиров. товар	–
2	Васильев Евгений Михайлович	–	Дворян.	Мануфакт., галант., бакалейн. скобян. товар	Екатерина
3	Васильева Екатерина Евгеньевна	–	»	»	–
4	Емельянов Леонид Никандрович	50	Мещан.	»	–
5	Красимович Иван Матвеевич	–	–	Виноторг., пивоварен. завод	Альберт, Антонина, София
6	Куртачешев Иван Максимович	–	–	Торг. мануфакт., скупка пушнины	–
7	Ловыгин Александр Егорович	–	–	Мануфакт. товар	–
9	Попов Степан Егорович	–	–	Золотопромышл.	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
10	ТД «Платонов и Судовская»	–	–	Виноторг.	–
11	Поторочинов Александр Михайлович	–	–	Золотопромышл.	–
12	Родионов Матвей Иванович	–	–	Мануфакт., галантер., бакалейн. товар	–
13	Родионов Иван Иванович	–	–	»	–
14	Сычев Анисим Савельевич	64	Крест.	»	Михаил, Павел, Григорий, Алексей, 4 дочери
15	Сычева Екатерина Евтихьевна	–	Купеч.	Виноторг.	–
16	Уманский Янкель Ицкович	–	Мещан.	Жиров. товар	–
17	Фамильцев Николай Викентьевич	43	Купеч.	Мануфакт., жиров. товар	–
18	Фонарев Алексей Егорович	–	–	»	–
19	Шаньгин Дмитрий Христофорович	44	Мещан.	»	–
20	Шукшин Степан Егорович	–	–	Мануфакт. товар	–
21	Шутов Дмитрий Иванович	–	–	Виноторг.	–
Купцы первой гильдии г. Каннска, объявившие капитал на 1896 г.					
1	ТД «Бр. Волковы»	–	Купеч.	Универсальн. торг. свечной и мыловарен. завод	–
2	ТД «Бр. Ерофеевы»	–	Купеч.	Универсальн. торг., винокур., пивоварен. завод	–
3	Шкроев Иван Васильевич	59	Мещан.	Мануфактур. товар, винокурен. завод	–
Купцы второй гильдии г. Каннска, торговавшие в 1896 г.					
1	Вандышев Иван Егорович	–	–	Мануфакт., галант., бакалейн. торг.	–
2	Досманов Александр Иванович	–	–	Виноторг.	–
3	ТД «И.С. Кокушкина наследники»	–	Купеч.	Мануфакт., бакалейн., товар	–
4	Курмин Петр Михайлович	–	–	»	–
5	Кудряшев Василий Иванович	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
6	Машинский Леонтий Федорович	–	Купеч.	Мануфакт. и бакалейн. товар	–
7	Митрохин Александр Пантелеймонович	–	–	»	–
8	Митрохин Иван Самойлович	–	Купеч.	»	–
9	Минский Александр Исаевич	–	–	»	–
10	Мовшевич Борис Мартынович	–	–	»	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
11	Мясников Александр Дмитриевич	–	–	Универсальн. торг.	–
12	Пятков Иван Дмитриевич	–	Купеч.	Кожевен., жиров. товар	–
13	Тинкер Семен Абрамович	–	–	Мануфакт. товар	–
14	Шубин Илья Михайлович	–	–	»	–
15	Шкроев Алексей Никифорович	–	Купеч.	»	–
Купцы второй гильдии г. Нарыма, торговавшие в 1896 г.					
1	Колесников Севериан Михайлович	–	Крест.	Виноторг.	–
2	Прянишников Квинтилиан Самсонович	–	Крест.	Универсальн. торг., рыбопромышл.	–
3	Родюков Николай Доримедонтович	–	Купеч.	»	–
4	Сабинин Владимир Степанович	–	–	Торг. разными товарами	–
5	Тырина Елена Григорьевна	–	–	»	–
6	Шепетильников Иван Андреевич	–	–	Торг. чаем, сахаром, табаком, бакалейн. товаром	–
Купцы второй гильдии г. Мариинска, торговавшие в 1896 г.					
1	Аксельруд Абрам Исаевич	–	–	Бакалейн., галант. товар, золотопромышл.	–
2	Абрамович Гирш Израелевич	–	–	»	–
3	Богомоллов Федор Антонович	–	–	Мануфакт., кожевен., товар	–
4	Буткевич Рувим Абрамович	49	Купеч.	Золотопромышл.	Вельямин, Александр, Симон, Ананий, Глафира
5	Гуревичи Евсей и Моисей Марковичи	–	–	Мануфакт. товар	–
6	Ельевичи Абрам и Исхак Иудовичи	–	–	»	–
7	Куртудудинов Мухамет	–	–	»	–
8	Золотарева Ульяна Лукьяновна	–	–	Железн. изделия	–
9	Ицксон Михель Герцевич	–	–	Золотопромышл.	–
10	Мордухович Исаак Янкелевич	–	–	Бакалейн. и др. товары	–
11	Ольховский Идель и Хацкель Рувимовичи	–	–	Мануфакт. и бакалейн. товары	–
12	Полуденцев Иван Яковлевич	51	–	Виноторг.	Владимир, Валентина
13	Парашницер Абрам Соломонович	33	–	Торг. мануфакт. товаром	Соломон, Юдася, Яся

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
14	Савельевы Иван, Федор, Павел, Петр Трифоновичи	–	Купеч.	Универсальн. торг., промышл. произв. в разных отраслях	–
15	Хейсин Пейсах Соломонович	–	–	Мануфакт. и кожевен. товар	–
16	Хейфиц Залман Аронович	–	–	»	–
17	Чердынцев Виктор Петрович	39	Купеч.	Винокурен. завод	Михаил, Геннадий, Августа, Тамара
18	Чудиновский Федор Сидорович	–	–	Железн. и жиров. товар	–
19	Щучко Михаил Осипович	37	–	Виноторг.	–
20	Юдалевичи Исая, Моисей, Янкель, Соломон Абрамовичи	–	Купеч.	Виноторг., золотопромышл., универсальн. торг.	–
Купцы первой гильдии г. Омска, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Волков Степан Семенович	55	–	Мануфакт. торг.	Александр, 4 дочери
2	Нейдлигер Г.	–	–	Торг швейн. машинками	–
3	Серебряков Яков Михайлович	–	Купеч.	Торг. табаком собств. фабрики	–
4	Чирикова Феоктиста Мартемьяновна	–	Дворян.	Торг. сахаром	–
Купцы второй гильдии г. Омска, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Александров Александр Степанович	–	–	Книжн. магазин	–
2	Анкудинов Степан Терентьевич	48	Купеч.	Скобян. и кожевен. товары	–
3	Анкудинов Родион Нестерович	73	Купеч.	»	–
4	Бинин Шимель Янкелевич	–	–	Торг. мелочн. товаром	–
5	Богаткин Федор Васильевич	–	–	Торг. мануфакт.	–
6	Богомолова Марья Яковлевна	–	–	Торг. галант. товаром	–
7	Бородин Прокопий Симонович	–	–	Торг. лесом	–
8	Вагина Сусанна Матвеевна	–	–	Торг. мануфакт.	–
9	Винокуров Василий Васильевич	–	–	Жиров. товар	–
10	Говорухин Леонтий	–	–	Галант. товар	–
11	Губарь Екатерина Григорьевна	–	Дворян.	Пивовар. завод	–
12	Демуров Антон Григорьевич	–	Купеч.	Мануфакт. товар	–
13	Дурнов Роман Григорьевич	–	–	Галант. товар	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
14	ТД «Бр. Ерофеевы»	–	Купеч.	Виноторг.	–
15	Елизарова Федосья Федоровна	–	»	Галант. и мануфакт. товар	–
16	Железчиков Гурий Александрович	–	–	»	–
17	Жирмонский Милослав Иванович	–	–	Виноторг.	–
18	Зайцев Егор Федорович	–	–	Жиров. товар	–
19	Захаров Александр Ильич	–	–	Бакалейн. товар	–
20	Иванов Михаил Парамонович	42	Купеч.	Мануфакт. и галант. товар	Иван, Петр
21	Иванов Степан Данилович	64	Купеч.	»	Александр, Алексей
22	Калинин Иван Яковлевич	38	»	Торг. мясом и жиром	–
23	Конев Александр Михайлович	44	»	Универс. торг.	Петр, Алексей, Дмитрий, Елена, Варвара
24	Колмаков Антон Васильевич	–	»	Торг. мукой	–
25	Колпаков Семен Моисеевич	72	Мещан.	Не торгует	Владимир, Арон, Лия, Мариам
26	Кох Иоган	–	–	Булочная и колбасная	–
27	Кошкарар Антон Андреевич	56	Крест.	Галант. товар	Константин
28	Красильников М. А.	–	–	Торг. мукой	–
29	Крючков Михаил Осипович	63	Крест.	Торг. лесом	Василий, Иван, Анастасия, Валентина
30	Лопухов Ефим Яковлевич	–	–	Торг. мебелью	–
31	Лузгин Михаил Назарович	–	–	Торг. кожевен. и скобян. товаром	–
32	Ляхович Антон Людвигович	–	–	Виноторг.	–
33	Мальцев Афанасий Яковлевич	46	Купеч.	Торг. кожевен. и скобян. товаром	Владимир, Михаил, Евдокия, Ольга
34	Манафов Сатар	–	–	Торг. фруктами	–
35	Ольшукон Николай Алексеевич	–	–	Бакалейн. товар	–
36	ТД «А. Ф. Поклевского-Козелл наследники»	–	Дворян.	Виноторг. винокурен. завод	–
37	Пуцин Абрам Соломонович	–	–	Торг. скобян. товаром	–
38	Ременников Георгий Ильич	44	Купеч.	Торг. хлебом, лесом, кирпичн. завод	–
39	Рымп Виктор Викторович	–	–	Виноторг.	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
40	Свидерский Владимир Петрович	–	–	Торг. галант. товаром	–
41	ТД «Собенников и бр. Молчановы»	–	Купеч.	Торг. чаем и сахаром	–
42	Соколов Иван Михайлович	50	Купеч.	Жиров. товар, салотопен. завод	Евгений, Петр, Таисия, Александра
43	Терехов Георгий Васильевич	–	–	Бакалейн. товар	–
44	Федоров Степан Калинович	–	–	Виноторг.	–
45	Фомин Илья Иванович	–	–	Торг. кожевен. и скобян. товаром	Варвара, Анфиса
46	ТД «Хаймовича Моисея наследники»	–	Купеч.	Виноторг.	–
47	Четвериков Иван Григорьевич	30	–	»	Холост
48	Чистяков Степан Федорович	–	Купеч.	»	Илья
49	Шанина Мария Александровна	–	Купеч.	Универс. торг.	Вера
50	Шарыпов Прокопий Александрович	34	»	Торг. бакалейн. товаром	Елена
51	Шкроева Парасковья Панфиловна	51	»	Маануфакт. и галант. товар	Степан
52	Щепановский Станислав Матвеевич	–	–	Гостиница	–
53	Щербинин Наум Гаврилович	46	Купеч.	Виноторг.	Петр, Василий, Зинаида, Анна
54	Юкляевский Георгий Михайлович	36	»	Бакалейн. товар	–
55	Яцкин Егор Афанасьевич	35	»	Мануфакт. товар	Константин, Мария, Валентина, Нина
Купцы первой гильдии г. Тобольска, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Корнилова Феликита Васильевна	–	Купеч.	Пароходство, торг. хлебом, рыбопромышл.	–
2	Плотников Михаил Данилович	70	Мещан.	»	Василий, Иван, Алексей, Арсений
Купцы второй гильдии г. Тобольска, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Айтмухаметов Тохтасын	–	–	Мануфакт. товар	–
2	Бронников Семен Иванович	–	–	Рыбопромышл., торг. хлебом, скупка пушнины	–
3	Белкин Карп Филиппович	–	–	Торг. мелочн. товаром	–
4	Беркович Лейзер Лейбович	–	–	Мануфакт. товар	–
5	Венгеровский Антон Васильевич	–	–	Торг. посудой	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
6	Водовозов Рувим Давидович	–	–	Торг. шубами	–
7	Глазков Михаил Егорович	–	–	Мануфакт. товар	–
8	Голев Дмитрий Иванович	–	Купеч.	Хлеботорг.	–
9	Григорьев Яков Иванович	–	–	Торг. мясом	–
10	Гудович Лазарь Хаймович	–	–	Галант. товар	–
11	Дементьев Федор Васильевич	–	–	Бакалейн. товар	–
12	Дорохин Дмитрий Дмитриевич	–	–	Мука, бакалейн. товар	–
13	Дурнев Василий Дмитриевич	–	–	Универсальн. торг.	–
14	Ершов Николай Александрович	–	–	Галант. и бакалейн. товар	–
15	Ершов Петр Александрович	–	–	»	–
16	Ершов Яков Александрович	–	–	Торг. железн. и бакалейн. товаром	–
17	Жарников Василий Дмитриевич	–	–	Хлеботорг.	–
18	Жарников Владимир Васильевич	–	–	Торг. чаем, сахаром и крупой	–
19	ТД «Бр. Злоказовы»	–	Купеч.	Виноторг.	–
20	Константинов Михаил Константинович	–	–	Галант. товар	–
21	Корнеева Антонина Федоровна	–	–	Мелочн. торг.	–
22	Корякин Александр Федорович	–	Купеч.	Рыбопромышл.	–
23	Котовщикова Ольга Константиновна	–	»	»	–
24	Колмаков Андрей Алексеевич	–	–	Бакалейн. товар	–
25	Колмаков Петр Алексеевич	–	–	»	–
26	Кропотин Павел Федотович	–	–	Кондитерская	–
27	Ланин Лазарь Лазаревич	–	–	Мелочн. товар	–
28	Лесовой Николай Мартынович	–	–	Виноторг.	–
29	Минин Василий Владимирович	–	–	»	–
30	Могильский Шмуль Беркович	–	–	Универс. торг.	–
31	Немецкий Мовша	–	–	Мануфакт. товар	–
32	Обрубов Алексей Федорович	–	–	Пароходство	–
33	Пахолкова Наталья Ильинична	–	–	Торг. мануфакт. и мехами	–
34	Панфилов Иван Ефимович	–	–	Торг. железн. товаром	–
35	Перевалов Григорий Васильевич	–	–	Торг. лесом и хлебом	–
36	Пленин Василий Васильевич	–	–	Москательн. и железн. товар	–
37	Поклевский-Козелл Иван Альфонсович	–	–	Виноторг.	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
38	Попов Николай Степанович	–	–	Кондитерская	–
39	Попов Михаил Никитич	–	–	Виноторг.	–
40	Пуртова Мария Федоровна	56	Купеч.	Торг. железом и шубами	–
41	Родин Шмерко Симонович	–	–	Торг. мануфакт. товаром	–
42	Рымарев Иван Алексеевич	–	–	Торг. мукой	–
43	Смородников Василий Яковлевич	–	–	Пароходство	–
44	Сыромятников Александр Андрианович	–	Купеч.	Винокур., пивовар. завод, торговля	–
45	Селиверстов Василий Андреевич	–	–	Торг. мукой и крупчаткой	–
46	Толстых Петр Михайлович	–	–	Рыбпромшл.	–
47	Трегубов Николай Николаевич	–	–	Виноторг.	–
48	Трусов Степан Макарович	–	Купеч.	Торг. мануфакт., консервн. завод	Приемные дети: Мария, Екатерина, Степан
49	Трухин Андрей Александрович	–	Купеч.	Торг. кожевен. и железн. товаром	–
50	Трухин Николай Александрович	–	»	»	–
51	Тушаков Мухамет Алимович	–	–	Торг. мануфакт. и пушниной	–
52	Уткин Андрей Николаевич	–	–	»	–
53	Усачев Павел Иванович	–	–	Виноторг.	–
54	Фишман Надежда Алексеевна	–	–	Бакалейн. товар	–
55	Фришман Иуда Мордухович	–	–	Мануфакт. товар	–
56	Хрен Александр Осипович	–	–	Торг. крупчаткой	–
57	Чукалин Михаил Николаевич	58	–	Мелочн. товар	–
58	Шапошников Александр Алексеевич	35	Купеч.	Торг. крупчаткой	Серафима, Клавдия
59	Шумилов Павел Васильевич	–	–	Железн. товар	–
60	Ярошевский Болеслав Адамович	–	–	Погреб рус. и иностр. вин	–
Купцы первой гильдии г. Тюмени, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Андреев Прохор Алексеевич	–	Купеч.	Сукон. фабрика, торг. кожевен., мануфакт., прииск. товаром	–
2	Колмаков Антон Васильевич	–	Купеч.	Пароходство, мукомольн., салотопен., крахмальн. завед.	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
3	ТД «И.П. Колокольникова наследники»	–	Купеч.	Мельницы, торг. мукой, чаем, сахаром	–
4	Матягин Петр Иванович	–	–	Торг. железн. товаром	–
5	Молодых Василий Гаврилович	–	Купеч.	Торг. чаем и сахаром	–
6	Поклевский-Козелл Викентий Альфонсович	–	Дворян.	Виноторг., вино-курен. завод	–
Купцы второй гильдии г. Тюмени, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Аверкнев Андрей Федотович	–	Мещан.	Виноторг., бакалейн. товар	–
2	Андреев Амвросий Никитич	–	–	Кожевен. произв.	–
3	Барашков Николай Александрович	–	Купеч.	Галант. товар	–
4	Бобышев Евграф Николаевич	–	–	Кожевен. произв.	–
5	Брандт Иосиф Хаймович	–	–	Золотые и серебр. вещи	–
6	Брюханова Августа Флегонтовна	–	–	Посуда, бакалейн. товар	–
7	Вяткин Матвей Антонович	–	–	Кожевен. и жиров. товар	–
8	ТД «П.И. Гилева сыновья»	–	Купеч.	Колокольн., свечн., мыловар., клеевар. произв.	–
9	Глазков Захар Григорьевич	–	–	Кожевен. произв.	–
10	Деев Алексей Михайлович	–	–	Стекло и бакалейн. товар	–
11	Елькин Василий Яковлевич	–	–	Пряничн. завод	–
12	Клейнмихель Иван Михайлович	–	–	Торг. готовым платьем	–
13	Кремлев Павел Иванович	–	–	»	–
14	Копылов Василий Андреевич	–	–	Мануфакт. товар	–
15	Кочнев Александр Павлович	–	–	Кожевен. произв.	–
16	Лагина Зинаида Степановна	–	Купеч.	Торг. готовым платьем	–
17	Майоров Козьма Михайлович	–	–	Бакалейн. товар	–
18	Михалев Александр Иванович	–	–	Торг. рыбой	–
19	Мясников Михаил Андреевич	–	–	Мануфакт. товар	–
20	Набоких Петр Михайлович	–	–	Железн. товар	–
21	Некрасов Прокопий Максимович	–	Купеч.	Кожевен. произв.	–
22	Немецкий Бенцион	–	–	Торг. готовым платьем	–
23	Решетников Иван Андреевич	–	Купеч.	Доставка товаров	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
24	ТД «И.Е. Решетникова наследники»	–	»	Кожевен. произв.	–
25	Решетников Дмитрий Григорьевич	–	»	»	–
26	Селиверстов Степан Григорьевич	–	–	Торг. табаком и иностр. винами	–
27	Степанов Андриан Петрович	–	–	Торг. мукой	–
28	Текутьев Андрей Иванович	57	Крест.	Крупчатка, мыло и свечи собств. произв.	–
29	Хохряков Василий Андрианович	–	–	Торг. мелочн. товаром	–
30	Щувалов Николай Матвеевич	45	Купеч.	Кожевен. произв.	Александр, Пелагея, Клавдия
31	ТД «Бр. Ядрышниковы»	–	Купеч.	Железн. товар	–
Иногородные купцы и фирмы, торговавшие в г. Тюмени в 1896 г.					
1	ТД «Бр. Агафуровы» (Екатеринбург)	–	Купеч.	Галант. товар	–
2	Афонина Татьяна Алексеевна	–	Купеч.	Бакалейн. товар	–
3	Вардрошпер Эдуард Робертович, великобрит. подданный	–	–	Пароходство, постр. барж и пароходов	–
4	Т-во «А. Губкин и А. Кузнецов»	–	Купеч.	Торг. чаем и сахаром	–
5	Англ. фирма «Гуллет и наследники Пирсона»	–	–	Механич. завод	–
6	ТД «Бр. Дмитриевы»	–	Купеч.	Торг винами и бакалейн. товаром	–
7	ТД «Бр. Злоказовы»	–	Купеч.	Виноторг.	–
8	Г-жа Зверева	–	–	Книжн. магазин «Польза»	–
9	Игнатов Иван Иванович	–	Купеч.	Пароходство, механич. завод	–
10	Т-во «В.В. Колмаков с братьями»	–	Купеч.	Торг. мукой собств. произв.	–
11	Т-во «Ф.С. Колмогорова наследники»	–	Купеч.	Кожевен. произв., пароходство	–
12	Моисеев Георгий Александрович	–	Купеч.	Торг. готовой обувью	–
13	Памфилов Алексей Яковлевич	–	Купеч.	Маслобойн. произв.	–
14	Памфилова Анна Яковлевна	–	–	»	–
15	Соколова Аграфена Ивановна	–	–	Аптека	–
16	Смолин Дмитрий Иванович (Курган)	61	Крест.	Виноторг., мельницы, торг. хлебом	–
17	Т-во «А. Щербаков и компания»	–	–	Писчебумажн. фабрика	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы первой гильдии г. Кургана, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Меньшиков Иван Иванович	56	Купеч.	Стекол. завод, торг. стеклом, чаем и сахаром	–
2	Смолин Дмитрий Иванович	61	Крест.	Винокурен., мельничн., пивоварен., паточн., салотопен. произв.	–
Купцы второй гильдии г. Кургана, объявившие капитал на 1896 г.					
1	Алферов Владимир Иванович	–	–	Бакалейн. товар	–
2	Бакинов Иван Иванович	–	–	Мануфакт. товар	–
3	Бакинов Петр Иванович	–	–	»	–
4	Балакшин Александр Николаевич	52	Купеч.	Крахмально-паточн. завод	Андрей, Александр
5	Богданов Алексей Николаевич	–	–	Виноторг.	–
6	Бронникова Надежда Федоровна	–	Купеч.	Торг. чаем, сахаром, вином	–
7	Брыков Григорий Савельевич	–	–	Бакалейн. товар	–
8	Ванюков Андрей Порфирьевич	–	–	Крахмально-паточн. завод	–
9	Васильев Александр Алексеевич	–	–	Мануфакт. товар	–
10	Гореванов Влас Ананьевич	–	–	Жиров. товар	–
11	Глуховцева Гликерия Евстигнеевна	–	–	Железн. товар	–
12	Дерягин Иван Иванович	–	–	Мануфакт. товар	–
13	Додонов Руф Иванович	–	–	»	–
14	Дунаев Марк Маркович	–	–	»	–
15	Зайцевы Иван, Петр, Семен и Тимофей Терентьевичи	–	–	Бакалейн. товар	–
16	Зайцевы Иван и Павел Ивановичи	–	Купеч.	Виноторг.	–
17	Иванов Иван Иванович	–	–	»	–
18	Илясова Мария Алексеевна	–	–	Галант. товар	–
19	Калинин Алексей Петрович	–	–	Бакалейн., мануфакт. товар	–
20	Калташев Фаддей Январович	–	Крест.	Паточн. завод	–
21	Катахин Иван Васильевич	–	–	Мануфакт. товар	–
22	Кетов Харлампий Ильич	–	–	Бакалейн. товар	–
23	Коковина Матрена Леонтьевна	–	–	Мануфакт. товар	–
24	Колпаков Протас Федорович	–	Купеч.	Торг. хлебом и жиров. товаром	–
25	Кропанин Егор Лаврентьевич	–	–	Кожевен. товар	–
26	Кропанин Дмитрий Петрович	–	–	Железн. товар	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
27	Крылов Николай Иванович	–	–	Торг. хлебом	–
28	Кулешова Павла Петровна	–	Купеч.	Москательн. товар	–
29	Лаврентьев Василий Андреевич	–	–	Бакалейн. товар	–
30	Лапшина Акулина Павловна	–	–	»	–
31	Лукианов Герман Емельянович	–	–	Кирпичн. завод	–
32	Мальков Федор Семенович	–	–	Бакалейн. товар	–
33	Малышев Иван Матвеевич	–	Купеч.	Галант. товар	–
34	Мякинин Наум Михайлович	–	»	Жиров. товар	–
35	Нечаев Алексей Селверстович	–	–	Железн. изделия	–
36	Ноев Павел Иванович	–	–	Галант. товар	–
37	Окладовиков Василий Иванович	–	–	Бакалейн. товар	–
38	Папулов Алексей Егорович	47	Купеч.	Мукомольн. мельница	Владимир
39	ТД «А.Ф. Поклевского-Козелл наследники»	–	Дворян.	Виноторг.	–
40	Рыловы Василий и Яков Евстигнеевичи	–	Купеч.	Жиров. товар, мыловарен. завод	–
41	Семенов Иван Михайлович	–	–	Мануфакт. товар	–
42	Серегин Петр Иванович	–	–	Бакалейн. товар	–
43	Слободской Алексей Степанович	–	–	Мануфакт. товар	–
44	Соловьев Даниил Яковлевич	–	–	Хлеботорг.	–
45	Соколов Михаил Васильевич	–	–	Золотосеребр. изделия	–
46	Соколов Павел Васильевич	–	–	Жиров. товар	–
47	Сухарев Петр Нефедович	–	–	Бакалейн. товар	–
48	Тарасов Алексей Иванович	–	–	Мануфакт. товар	–
49	Тенигин Иван Иванович	–	–	Мыловарен. завод	–
50	Толкачев Алексей Васильевич	–	–	Галант. товар	–
51	Ухов Игнатий Константинович	–	–	Бакалейн. товар	–
52	Ушаковы Михаил и Иван Ивановичи	–	–	Мануфакт. товар	–
53	Ушков Константин Амилеевич	–	–	Виноторг.	–
54	Фоминцев Алексей Егорович	–	–	Бакалейн. товар	–
55	Харламовы Василий и Павел Трофимовичи	–	Купеч.	Скобян. товар и порох	–
56	Хлызов Александр Васильевич	–	–	Торг. готовым платьем и обувью	–
57	Хребтов Матвей Лаврентьевич	–	–	Кожевен. товар	–
58	Шафигов Мухамет	–	–	Мануфакт. товар	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
59	Шветов Василий Федорович	58	Крест.	Торг. крупчаткой и патокой своих заводов	Федор
60	Шмурло Раиса Корнильевна	–	Дворян.	Виноторг.	–
61	Шилов Елисей Иванович	75	Крест.	Жиров. товар	Иван, Василий, Афанасий, Анна
62	Щербаков Михаил Андреевич	34	Крест.	Мануфакт. и галант. товар	Иван, Анна, Ольга
63	Юшков Дмитрий Прокопьевич	50	Купеч.	Бакалейн. товар	Дмитрий
Иногородние фирмы и купцы первой гильдии г. Кургана, торговавшие в 1896 г.					
1	Беккер Г. (Гамбург)	–	–	Закупка сливочного масла и яиц	–
2	Вальков Александр Васильевич	–	–	Произв. масла	–
3	Ижболдин Дмитрий Григорьевич	–	–	Мануфакт. товар	–
4	ТД «Бр. Лопатины»	–	Купеч.	»	–
5	Функ Петр Михайлович	–	Дворян.	Закупка хлеба	–
6	Хозе Эмаса Янкелевич	–	–	»	–
Иногородние купцы второй гильдии г. Кургана, торговавшие в 1896 г.					
1	Афанасьев Илья Кириллович	–	–	Закупка хлеба	–
2	Болдырев Михаил Александрович	–	–	»	–
3	Грошенко Яков Петрович	–	–	»	–
4	Жоголев Климентий Маркелович	–	–	»	–
5	Звягинцев Иосиф Савельевич	–	–	»	–
6	Киселев Лавр Маркович	–	–	»	–
7	Корольков Николай Алексеевич	–	–	»	–
8	Кузнецов Василий Егорович	–	–	»	–
9	Кучков Михаил Дмитриевич	–	–	»	–
10	Моисеев Гордей Александрович	–	–	Торг. обувью	–
11	Оверштейн Шлема	–	–	Торг. готовым платьем	–
12	Перетц Генрих Борисович	–	–	»	–
13	Саров Иван Абрамович	–	–	Торг. сепараторами	–
14	Тряпкин Григорий Алексеевич	–	–	Закупка хлеба	–
15	Фегисов Викул Сергеевич	–	–	»	–
16	Чернышев Поликарп Антонович	–	–	»	–
17	Шатоев Александр Петрович	–	–	»	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
18	Щербаков Григорий Гордеевич	–	–	Железн. и скобян. товар	–
19	Шмелев Петр Ксенофонович	–	–	Торг. посудой	–
20	Юкляевский Трофим Васильевич	–	–	Бакалейн. товар	–
Купцы первой гильдии г. Ялutorовска, торговавшие в 1896 г.					
1	Т-во «С.В. Колпаков с братьями»	–	Купеч.	Крупч. мельница, мыловар. и паточн. завод	–
Купцы второй гильдии г. Ялutorовска, торговавшие в 1896 г.					
1	Абросимов Абросим Давыдович	–	–	Бакалейн. товар	–
2	Айзенштадт Соломон Моисеевич	–	–	Аптека	–
3	Гусевы Родион и Иван Ивановичи	–	–	Бакалейн. товар	–
4	Давыдовская Надежда Михайловна	–	Дворян.	Виноторг.	–
5	Добрин Мейер Давидович	–	Мещан.	Бакалейн. товар	–
6	Ильиных Михаил Иванович	–	–	Железн., медн. и другой товар	–
7	Ильиных Александр Павлович	–	–	Железн. товар	–
8	Кожевников Василий Федорович	–	–	Бакалейн. товар	–
9	Копылов Василий Андреевич	–	–	Мануфакт. товар	–
10	Лагин Иван Иванович	–	–	»	–
11	Нахрин Петр Поликарпович	–	–	Бакалейн. товар	–
12	Первухин Яков Александрович	–	–	»	–
13	Потемкин Кондратий Дмитриевич	–	–	»	–
14	Родионов Иван Михайлович	–	–	Мануфакт. товар	–
15	Смирнов Георгий Григорьевич	–	–	»	–
16	Шмаков Павел Алексеевич	–	–	Торг. мелочн. товаром	–
Купцы первой гильдии г. Ишима, торговавшие в 1896 г.					
1	Кутьрин Александр Перфильевич	–	Купеч.	Торг. чаем, сахаром, табаком и жи-ров. товаром	Андрей
Купцы второй гильдии г. Ишима, торговавшие в 1896 г.					
1	ТД «В.П. Баева наследники»	–	Купеч.	Бакалейн., галант., москательн. товар	–
2	Бобков Петр Никитич	–	–	Бакалейн. товар, мыловарен. произв.	–

Продолжение приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
3	Бокарев Иван Прохорович	–	–	Торг. скотом и жиров. товаром	–
4	Бокарев Осип Прохорович	–	–	Мануфакт. товар	–
5	Варламов Андрей Федорович	–	–	Торг. хлебом	–
6	Волков Иван Андреевич	–	–	Железн. товар	–
7	Вострых Федор Павлович	–	–	»	–
8	Гонохин Василий Павлович	–	–	Мануфакт. товар	–
9	Грамотчиков Александр Федорович	–	–	Бакалейн. товар	–
10	Дудзинская Розалия Никодимовна	–	–	Бакалейн. товар, салотопен. завод	–
11	Жолтышев Павел Федорович	–	–	Бакалейн. и галант. товар	–
12	Замятина Мария Родионовна	–	–	»	–
13	Клыков Григорий Федорович	–	–	Железн. изделия	–
14	Межуч Иуда Гершевич	–	–	Бакалейн. товар	–
15	Олендзский Болеслав Мариенович	–	–	Мануфакт. товар	–
16	Плонский Иван Владиславлевич	–	–	Бакалейн. и жиров. товар	–
17	Селецкий Никифор Иванович	–	–	Кожевен. произв.	–
18	Симонов Петр Афанасьевич	–	–	Салотопен. завод, бакалейн. и жиров. товар	–
19	Тюхов Иван Филиппович	–	–	Мануфакт. товар	–
20	Тигунов Алексей Леонтьевич	–	–	Бакалейн. и кожевен. товар	–
21	Филишов Григорий Яковлевич	–	–	Мануфакт. товар	–
22	Шустиков Иван Васильевич	–	–	»	–
Купцы, торговавшие в Ишимском округе в 1896 г.					
1	Бетто Михаил Войтехович	–	–	Мануфакт. товар	–
2	Карнацкий Семен Петрович	–	–	Торг. чаем и сахаром	–
3	Купряхин Лев Степанович	–	–	Мануфакт. товар	–
Купцы первой гильдии, торговавшие в г. Тара в 1896 г.					
1	Пятков Михаил Федорович	–	Купеч.	Торг. чаем, сахаром, пароходство	Татьяна, Александра
2	Щербаков Алексей Иванович	–	Купеч.	Виноторг., кожевен., салотопен. производство	Виктор, Надежда, Татьяна, Ольга, Анна

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
Купцы второй гильдии г. Тара, торговавшие в 1896 г.					
1	Айтыкины Насреддин и Рахматулла Ниясовичи	–	Купеч.	Мануфакт., галант., чайная торг.	–
2	Айтыкин Абдул Маметьевич	–	Купеч.	Мануфакт. товар	–
3	Айтыкин Абдул Аббасович	–	»	Чай и жиров. товар	–
4	Алексеев Гавриил Алексеевич	–	–	Бакалейн. товар	–
5	ТД «Бр. Волковы»	–	–	Мануфакт., галант. и др. товар	–
6	Галлер Елизавета Карловна	–	–	Аптека	–
7	Глизман Лев Михайлович	–	–	Бакалейн., галангер. товар	–
8	Дзянковский Феликс Осипович	–	–	Мануфакт. товар	–
9	Егоров Степан Спиридонович	–	–	Бакалейн. товар	–
10	Завязочников Тимофей Максимович	–	–	Галант. товар	–
11	Машинский Николай Кириллович	–	–	Мануфакт. товар	–
12	Машинский Николай Николаевич	–	–	»	–
13	Медведчиков Борис Никитич	–	–	Бакалейн. товар	–
14	Михайлов Алесей Алексеевич	–	–	Типография	–
15	Родионов Ефим Тимофеевич	–	–	Мануфакт. товар	–
16	Романова Клавдия Семеновна	–	–	»	–
17	Смородинников Павел Яковлевич	–	–	Пароходство	–
18	Сидельников Петр Васильевич	–	–	Кожевен. товар	–
19	Трофимов Павел Иванович	–	–	Продовольств. товар	–
20	Чувашев Павел Иванович	–	–	Мануфакт., бакалейн. товар	–
21	Щербакова Надежда Прокопьевна	–	–	Виноторг.	–
Купцы второй гильдии г. Тюкалинска, торговавшие в 1896 г.					
1	Афонин Федот Сысоевич	–	–	Галант., москательн. табачн. товар	–
2	Блендовский Эдуард Антонович	–	–	Галант. и др. товары	–
3	Бокарев Осип Прохорович	–	–	Торг. готовым платьем	–
4	ТД «Бр. Волковы»	–	Купеч.	Универсальн. торг.	–
5	Давыдовская Надежда Михайловна	–	Дворян.	Виноторг.	–
6	Кулаков Николай Григорьевич	–	–	Галант., бакалейн. товар	–
7	Клайшевич Александр Иосифович	–	–	»	–
8	Павловский Павел Александрович	–	–	»	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
9	Поклевский-Козелл Виктор Альфонсович	–	Дворян.	Виноторг.	–
10	Ременникова Варвара Илларионовна	–	Купеч.	Кожевен. произв.	–
11	Смолин Дмитрий Иванович	–	Крест.	Виноторг., закупка масла	–
12	Силин Тимофей Афанасьевич	–	–	Скупка пушнины	–
13	Софронов Иван Михайлович	–	–	Виноторг.	–
14	Степанов Сергей Федосеевич	–	–	Бакалейн., галант. товар	–
15	Тарасов Андрей Иванович	–	–	Скобян. и жиров. товар	–
16	Фирстов Василий Игнатьевич	–	–	Виноторг.	–
17	Щипачев Михаил Алексеевич	–	–	Железн. и скобян. товар	–
18	Янковская Елена Иосифовна	–	–	Галант. и москательн. товар	–
Купцы второй гильдии г. Туринска, торговавшие в 1896 г.					
1	Андреева Дарья Ильинична	–	Купеч.	Суконная фабрика	–
2	Бакулевы Алексей и Петр Николаевичи	–	Купеч.	Универсальн. торг.	–
3	Бондаренко Данило Павлович	–	–	»	–
4	Ворошилов Игнатий Васильевич	–	–	»	–
5	Глинских Прасковья Ивановна	–	Купеч.	Мануфакт. товар	–
6	Дворников Федор Алексеевич	–	–	Кожевен. и хлебн. товар	–
7	ТД «Бр. Злоказовь»	–	Купеч.	Виноторг.	–
8	Каденецкий Адольф Антонович	–	–	Аптека	–
9	Котельниковы Александр и Николай Яковлевичи	–	–	Мануфакт., бакалейн. товар	–
10	Кудашев Яков Семенович	–	–	Кожевен. товар	–
11	Леонтьев Николай Васильевич	–	–	Мануфакт. товар	–
12	Мальцев Александр Яковлевич	–	–	Бакалейн. и галант. товар	–
13	Мальцев Яков Александрович	–	–	»	–
14	Поклевский-Козелл Иван Альфонсович	–	Дворян.	Винторг.	–
15	Рычкова Анна Ефимовна	–	Купеч.	Мануфакт. товар	–
16	Чебаков Степан Ефремович	–	–	Бакалейн. товар	–
17	Чирков Семен Кузьмич	–	–	Мануфакт. и бакалейн. товар	–

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
18	Шадрина Мария Андреевна	–	Купеч.	»	–
19	Шелутинский Петр Васильевич	–	–	»	–
Купцы второй гильдии г. Березова, торговавшие в 1896 г.					
1	Бронников Семен Иванович	–	Купеч.	Рыбопромышл., торг хлебом, пуш- ниной и др. товаром	–
2	Давыдовская Надежда Михайловна	–	Дворян.	Виноторг.	–
3	Карпов Семен Петрович	–	–	Рыбопромышл., торговля	–
4	Карпов Иван Ильич	–	–	»	–
5	Конева Прасковья Ефимовна	–	Купеч.	Виноторг.	–
6	Корнилова Феликитата Васильевна	–	»	Пароходство, рыбо- промышл., торговля	–
7	Новицкие Павел и Тимофей Васильевичи	–	–	Рыбопромышл., торговля	–
8	Нижегородцев Александр Николаевич	–	–	»	–
9	Окунев Степан Трифонович	–	–	»	–
10	Петров Иван Евгеньевич	–	–	Торг. разным то- варом	–
11	Плеханов Александр Степанович	–	–	Рыбопромышл., торговля	–
12	ТД «М. Плотников и сыновья»	–	Купеч.	»	–
13	Равский Феликс Осипович	–	–	Виноторг.	–
14	Сыромятников Александр Андреевич	–	Купеч.	Хлеботорговля	–
15	Туполева Екатерина Павловна	–	–	Торг. разным това- ром	–
16	Турков Петр Игнатьевич	–	–	»	–
17	Цесес Алексей Леонтьевич	–	–	»	–
Купцы второй гильдии г. Сургута, торговавшие в 1896 г.					
1	Земцев Евстафий Васильевич	–	–	Торг. разным това- ром и вином	–
2	Клепиков Галактион Степанович	–	–	Торг. мануфакт., галант. товаром, дровами и пушни- ной	–
3	Конева Мария Еремеевна	–	–	Виноторг.	–
4	Кайдалов Николай Егорович	–	–	Торг. разными товарами	–
5	Кайдалова Анна Филипповна	–	–	Торг. разными товарами и вином	–

Окончание приложения

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст	Происхождение	Сфера предпринимательства	Дети
6	Кайдалова Ирина Ивановна	–	–	»	–
7	Силин Константин Васильевич	–	–	»	–
8	Силина Наталья Николаевна	–	–	»	–
9	Тетюцкий Алексей Григорьевич	–	–	»	–
10	Тетюцкий Иван Иванович	–	–	»	–
11	Тетюцкий Николай Петрович	–	–	Торг. разным товаром и вином	–

* ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 503. Л. 568 - 712; Оп. 18. Д. 197. Л. 109-135; Ф. 50, Оп. 1. Д. 395. Л. 26–29; Д. 343. Л. 1–13; Д. 1125. Л. 319–342; Д. 1458. Л. 22–30; Д. 3183. Л. 30–33; Оп. 2. Д. 4615. Л. 16–19; Оп. 3, Д. 5508. Л. 171–175; Д. 5994. Л. 161–165; Ф. 127. Оп. 1. Д. 1755. Л. 22–25; Д. 1942. Л. 164–167; Д. 2178. Л. 248–293; Ф. 196. Оп. 28. Д. 97. Л. 23–49; Ф. 233. Оп. 5. Д. 177. Л. 11–32; Д. 403. Л. 5–23; Д. 827. Л. 1–116. ТФ ГАТюмО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 197. Л. 308–324; Ф. 154. Оп. 8. Д. 29. Л. 1–30; Д. 49. Л. 1–8; Д. 84. Л. 1–41; Д. 213. Л. 1–14; Д. 264. Л. Л. 1–35; Д. 413. Л. 1–7; Д. 440. Л. 11–28; Д. 486. Л. 3–56; Д. 530. Л. 1–12; Д. 554. Л. 6–103; Д. 548. Л. 1–62; Д. 606. Л. 1–30; Д. 633. Л. 1–7; Д. 650. Л. 19–107; Д. 688. Л. 3–11; Д. 749. Л. 4–228; Д. 753. Л. 127–135; *Торговые фирмы и купцы Сибири и краткое описание городов // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 г. Томск, 1898. С. 136–171; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции в Сибири: В 4 т. Новосибирск, 1994–1999; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул, 1996.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Численность, происхождение и состав западносибирского купечества в конце XVIII–XIX в.	15
1.1. Численность купечества Западной Сибири.....	17
1.2. Происхождение и состав западносибирского купечества.....	33
2. Торговля и кредитование купечества Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.	49
2.1. Торговля западносибирского купечества	51
2.2. Кредит как необходимое условие купеческого предпринимательства	73
3. Промышленность как сфера приложения капиталов западносибирского купечества	83
3.1. Место золотопромышленности в процессе формирования купечества Западной Сибири.....	85
3.2. Обрабатывающая промышленность и купечество Западной Сибири.....	99
4. Роль транспорта Западной Сибири в формировании местного купечества	115
4.1. Сухопутный транспорт и купечество Западной Сибири.....	117
4.2. Водный транспорт и западносибирское купечество	132
5. Социально-психологический облик купечества Западной Сибири в конце XVIII–XIX в.	147
5.1. Основные потребности и интересы западносибирского купечества.....	149
5.2. Социальная и ценностная ориентация купечества Западной Сибири.....	169
6. Менталитет западносибирского купечества в конце XVIII–XIX в.	183
6.1. Образовательный уровень и общественная деятельность как составные части менталитета западносибирского купечества	185
6.2. Роль религии в формировании менталитета купечества Западной Сибири	197
6.3. Основные черты благотворительности западносибирского купечества	210
Заключение	225
Приложение. Список купцов Западной Сибири в 1775–1896 гг.	229

Научное издание

Бойко Владимир Петрович

**Купечество Западной Сибири
в конце XVIII–XIX в.**

*Очерки социальной, отраслевой
и ментальной истории*

Редактор Т.С. Володина
Корректор Н.И. Рожановская
Технический редактор А.А. Маракулина

Подписано в печать 05.05.09.

Формат 60×84/16. Бумага офсет. Гарнитура «Times New Roman», «Traktir».
Усл. печ. л. 32,7. Уч.-изд. л. 27,6. Тираж 500 экз. Заказ № 175.

Изд-во ТГАСУ, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2.
Отпечатано с оригинал-макета в ООП ТГАСУ, Томск, ул. Партизанская, 15.